UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01768505 8

Н. С. ЛѢСКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНІЕ А. Ѳ. МАРКСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Leskov. Nikolai Semenovich
III

ОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Polnoe sobranie

СОЧИНЕНІЙ
Sochineny

Н. С. ЛѢСКОВА.

izd. 3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

t. 16-18

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

551835
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

СТАРЫЕ ГОДЫ ВЪ СЕЛѢ ПЛОДОМАСОВѢ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.
БОЯРИНЪ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Бранка.

Основаніе села Плодомасова покрыто мракомъ неизвѣстности, а названіе свое оно получило по имени бояръ Плодомасовыхъ, которые владѣли этимъ селомъ издревле и для которыхъ господствующая надо всею окрестностью плодомасовская барская усадьба была гнѣздомъ, колыбелью и питомникомъ.

Родъ дворянъ Плодомасовыхъ—родъ очень старый. Имена Плодомасовыхъ встрѣчаются въ росписяхъ служилыхъ людей Ивана III и Ивана Грознаго, при которомъ двое изъ Плодомасовыхъ покончили свою служебную карьеру: одинъ на колу, а другой на плахѣ.

Затѣмъ этотъ опальный, всѣми позабытый дворянскій родъ до царствованія Петра Перваго широко жилъ въ своемъ родномъ гнѣздѣ—въ селѣ Плодомасовѣ. Это большое, старое село лежало среди дремучихъ лѣсовъ, на берегу быстраго притока Волги,—многоводной рѣки Турицы, въ мѣстности свѣжей, здоровой, богатой и лѣсами, и лугами, и водами, и всѣмъ тѣмъ, что восхитило очи Творца, воззрѣвшаго на Свое твореніе, и исторгло у Него въ похвалу Себѣ: «это добро зѣло», — это прекрасно. Но, живучи во всемъ этомъ довольствѣ и прохладѣ, родъ Плодомасовыхъ не раз-

множился, и въ эпоху царствованія перваго императора представителемъ всего рода бояръ Плодомасовыхъ оказался только одинъ, холостой и безродный боярчукъ Никита Юрьичъ. Никита Юрьичъ, съ тѣхъ поръ, съ которыхъ онъ былъ въ состояніи себя помнить, помнилъ себя круглымъ сиротою и возрасталъ на рукахъ мамъ и пѣстуновъ во всемъ барскомъ своеволіи тогдашняго времени, — своеволіи, которому, однако, уже полагался конецъ строгою рукою царствовавшаго преобразователя. Никитѣ Плодомасову было суждено быть свидѣтелемъ начала забастовки этихъ боярскихъ самовольствъ и самому подпасть подъ одно изъ колесъ, на которыхъ царь двигалъ въ новую жизнь нерушимую застарь Россіи. Въ 1715 г. пріѣхали въ село Плодомасово, въ большой красной сафьянной кибиткѣ, какіе-то комиссары и, не принимая никакихъ посулъ и подарковъ, взяли съ собой въ эту кибитку восемнадцатилѣтняго плодомасовскаго боярчука и увезли его далеко, къ самому царю, въ Питеръ, а царь послалъ его съ другими молодыми людьми въ чужіе края, гдѣ Никита Плодомасовъ не столько учился, сколько мучился и, наконецъ, по возвращеніи въ отечество, въ 1720 году, пользуясь недосугами государя, откупился у его жадныхъ вельможъ на свободу и удралъ опять въ село Плодомасово.

Здѣсь Никита Плодомасовъ повелъ себя такъ, какъ теперь ведутъ себя молодые турки, возвращающіеся домой изъ парижской французской коллегіи: онъ старался вознаградить себя за всѣ стѣсненія, претерпѣнныя имъ въ теченіе пяти лѣтъ отъ цивилизаціи и подневольной жизни. Онъ сѣлъ феодаломъ въ своемъ старомъ, какъ коровай, расплывшемся домѣ: реставрировалъ опять старые отцовскіе и дѣдовскіе порядки; завелъ соколиныя и псовыя охоты съ крѣпостными псарями, сокольничими, стремянными и доѣзжачими, которые всѣ вмѣстѣ составляли одну разбойничью ватагу, не знавшую ни стыда, ни совѣсти, ни удержа, и не уважавшую никакого закона, кромѣ прихоти своего полудикаго владыки.

Съ этой сволочью вновь возвратившійся цивилизованный бояринъ совершалъ похожденія невѣроятныя до сказочности. Потравы и вытаптыванье сосѣднихъ полей; произвольный сборъ дани съ купцовъ, проѣзжавшихъ черезъ мосты, устроенные въ его владѣніяхъ; ограбленіе ярмарочныхъ

обозовъ; умыка̀нье и растлѣніе дѣвицъ,—все это были только невинныя шутки, которыми потѣшался бояринъ. Инстинкты его достигали размѣровъ гораздо страшнѣйшихъ: онъ ѣздилъ съ своими охотниками, какъ настоящій разбойничій атаманъ; бралъ ради потѣхи гумна и села; ходилъ въ атаку на маленькіе, беззащитные города, бралъ въ плѣнъ капитанъ-исправниковъ и брилъ поповъ и дьяковъ. Но былъ положенъ предѣлъ и дебоширствамъ Плодомасова, и притомъ положенъ былъ этотъ предѣлъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Кочуя съ своею опричниною по далекимъ селамъ и проселкамъ, Никита Плодомасовъ, осенью въ 1748 году, заѣхалъ случайно въ село Закромы. Это удаленное отъ Плодомасовки село Закромы было даже не село, а просто деревушка дворовъ въ двадцать. Она отстояла отъ имѣнія Плодомасова слишкомъ на двѣсти верстъ и, по причинѣ этой отдаленности, до сихъ поръ скрывалась и отъ плодомасовскаго вниманія, и отъ его нападеній; а принадлежали Закромы отставному петровскому потѣшному Андрею Байцурову.

Здѣсь, въ скромномъ домикѣ закромскаго помѣщика, Никита Плодомасовъ увидѣлъ пятнадцатилѣтнюю дочь Байцурова Марѳу Андревну и, имѣя въ то время уже пятьдесятъ одинъ годъ отъ роду, страстно влюбился въ этого ребенка и на второй же день своего посѣщенія сдѣлалъ ея родителямъ декларацію.

Объ отказѣ, или хотя бы о малѣйшей нерѣшительности въ отвѣтѣ со стороны этихъ бѣдныхъ дворянъ Плодомасовъ и не помышлялъ. Было бы несправедливо сказать, что, по его мнѣнію, онъ дѣлалъ мелкимъ сошкамъ Байцуровымъ слишкомъ большую честь своимъ предложеніемъ: онъ — гораздо проще, —вовсе и не думалъ о томъ, какъ могутъ быть приняты его желанія? Онъ зналъ только одно, что желанія его должны быть исполнены, и потому даже вовсе и не чинился въ заявленіи своихъ требованій.

— Мнѣ одинокая жизнь съ подлыми женщинами уже наконецъ того и прискучила,—сказалъ онъ старикамъ Байцуровымъ:—и я въ намѣреніи себя отъ нея воздержать съ вашею дочерью, которая мнѣ видомъ и нравомъ весьма понравилась. Благословите ее мнѣ, прошу?

Слова эти Плодомасовъ сказалъ Байцуровымъ въ первый

же день своего посѣщенія, за ужиномъ, за которымъ дочь ихъ, о которой шло дѣло, не присутствовала.

Сколь было безцеремонно это предложеніе, столь же безцеремоненъ былъ и послѣдовавшій на него отвѣтъ.

Мать Байцуровой наотрѣзъ отказала Плодомасову. Плодомасовъ былъ столь удивленъ этимъ отказомъ, что даже не нашелся, какъ и разсердиться, а только сказалъ:

— Это почему?

— А потому, честной бояринъ, что, во-первыхъ, ты для насъ, мелкихъ сошекъ, не пара; а, во-вторыхъ, ты моего мужа, а ея отца, на пару лѣтъ будешь старше; а, въ-третьихъ, скажу тебѣ, что на мѣсто твоихъ подлыхъ женщинъ, на тѣ же пуховики, я свою дочь класть не намѣрена, и чести дѣвству ея въ твоей любови нисколько не вижу.

— Я пухъ пущу по вѣтру и наволочки сожгу, — отвѣчалъ, понемногу входя во гнѣвъ, Плодомасовъ.

— Хоша и пухъ вѣтромъ пустишь, а гдѣ шелудивый конь валялся, тамъ не слѣдъ чистой ногой наступать: лишай сядетъ. Извини, дорогой гость, и не прими за остуду, а отъ нашей крови тебѣ жены не будетъ, — заключила ему съ поклономъ, вставши изъ-за стола, Байцурова.

Этого Никита Юрьичъ снести не могъ. «Будетъ! — вскричалъ онъ, — будетъ!» и черезъ десять минутъ послѣ высказаннаго ему отказа, боярышня Байцурова, спеленатая, какъ ребенокъ, плодомасовскими людьми въ охотничьи охабни и бурки, была увязана въ торока у самаго крыльца родительскаго дома, а черезъ другія десять минутъ она, въ центрѣ предводительствуемаго Плодомасовымъ отряда, неслась во всю скачь въ сторону незнакомую, невѣдомую и, во всякомъ случаѣ, страшную.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Погоня.

Дворянъ Байцуровыхъ и всю ихъ дворовую прислугу на другой день крестьяне нашли крѣпко связанныхъ чембурами и сворами и томившихся въ самомъ печальномъ положеніи.

О погонѣ нечего было и думать. Положеніе Руслана, стремившагося отнять похищенную у него Людмилу, было не затруднительнѣе положенія, въ которомъ нашли себя развязанные крестьянами Байцуровы.

Старики Байцуровы приняли на свои несчастныя груди эту семейную катастрофу не одинаково. И тяжкія обиды, и жгучія слезы, стоны и разрывающая сердце скорбь по нѣжно любимой единственной дочери, которая теперь, въ ея юномъ возрастѣ, какъ голубка, бьется въ развращенныхъ объятіяхъ алчнаго ворона, все это звало старика Байцурова къ мщенію; но у него, какъ у бѣднаго дворянина, не было ни вьюго-подобныхъ коней, ни всадниковъ, способныхъ стать грудь противъ груди съ плодомасовскою ордою, ни блестящихъ бердышей и самопаловъ, какіе мотались у тѣхъ за каждыми тороками, и наконецъ—у тѣхъ впереди было четырнадцать часовъ времени, четырнадцать часовъ, въ теченіе которыхъ добрые кони Плодомасова могли занести сокровище бѣдной четы, ихъ нѣжную, ихъ умную дочку, болѣе, чѣмъ за половину разстоянія, отдѣляющаго Закромы отъ Плодомасовки. Конечно, всѣ худые закромскіе людишки, сбѣжавшіеся въ хоромы по случаю боярскаго несчастія, были теперь въ сборѣ; конечно, не за горами были стоявшія по дворамъ и задворкамъ и байцуровскія понурыя лошадки: Байцуровъ могъ собрать и свою кавалерію и летѣть съ нею на выручку похищеннаго дитяти своего. Это даже и было первою мыслью старика, когда собравшіеся люди отпустили узлы связывавшихъ его веревокъ; но куда же годны его пахотныя лошаденки для погони за охотничьими аргамаками Плодомасова, на которыхъ теперь мчатъ его дочь? Куда годны его смирные людишки для того, чтобы сражаться съ буйною опричниной Плодомасова, которая будетъ стоять за барскую наложницу, — за нее, за его маленькую дочку, что станетъ наложницей Плодомасова прежде, чѣмъ отецъ ея успѣетъ проѣхать половину пути, отдѣляющаго его деревушку отъ развратнаго гнѣзда похитителя? Страданія Байцурова, какъ себѣ можно представить, были ужасны: его дитя представлялось ему отсюда беззащитнымъ въ самой леденящей кровь обстановкѣ: она трепеталась передъ нимъ въ торокахъ на крупѣ коня, простирая свои слабыя ручонки къ нему, къ отцу своему, къ которомъ ея дѣтская головка видѣла всегда идеалъ всякой справедливости и мощи: онъ слышалъ ея стоны, подхватываемые и раздираемые въ клочки буйнымъ осеннимъ вѣтромъ; онъ видѣлъ ее брошенную въ позорную постель, и возлѣ ея блѣднаго, заплаканнаго личика свер-

кали въ глаза старику сѣдыя, щетинистыя брови багроваго Плодомасова.

Подъ натискомъ этихъ ужасныхъ представленій, ожесточавшихся отъ угнетающаго сознанія своего безсилія защитить дочь или отмстить за нее, петровскій ветеранъ упалъ на полъ и, лежа лицомъ на землѣ, обливалъ затоптанныя крестьянскими лаптями доски своими обильными слезами. Несравненно болѣе геройства, силы и находчивости въ эти ужасныя минуты явила его жена, Пелагея Дмитріевна Байцурова. Схоронивъ на днѣ души всю безмѣрную материнскую скорбь свою, она, минуты не теряя, велѣла заложить кибитку, одѣла мужа въ его давно безъ употребленія хранившуюся въ кладовой полковую либерію, посадила его въ повозку и отправила въ городъ, гдѣ была высшая мѣстная власть. Байцурова отправила туда мужа для принесенія той власти жалобы и требованія у нея защиты. Но, посылая туда мужа, Байцурова, очевидно, немного разсчитывала на горячее участіе и защиту со стороны этой власти, и имѣла, конечно, для этого уважительныя основанія. Несмотря на всю строгость царствовавшаго государя, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ его недреманнаго ока, въ оны времена, какъ и въ дни гораздо позднѣйшіе, на Руси во всю ширь царилъ безграничный русскій произволъ, мирволье и безсудство. Байцурова это знала и, пославъ мужа въ городъ, приняла и другія мѣры. Не успѣла скрыться за околицей кибитка ея мужа, какъ у ветхаго крыльца домика стояла уже другая, запряженная парою кибитчонка, — въ эту усаживалась сама госпожа съ дородною мамою похищенной боярышни, плѣнною туркинею Вассой.

Кибитчонка, въ которой отправлялись въ путь эти женщины, выѣхавъ изъ околицы, взяла совсѣмъ въ противоположную сторону отъ направленія, принятаго кибиткою Байцурова, и, колыхаясь по колеямъ топкой осенней грязи, потянула къ селу Плодомасову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣвичій слѣдъ.

Въ осеннюю ростепель, при которой случилось похищеніе боярышни Байцуровой и при которой выѣхали въ разныя стороны отецъ и мать молодой плѣнницы, путь на тонущихъ по ступицу повозкахъ совершался крайне медленно. Ста-

рику Байкурову, по крайней мѣрѣ, нужно было трое сутокъ, чтобы доѣхать до города, а женѣ его съ сопровождавшею ее мамкой-туркиней столько же, чтобы добраться до Плодомасовки.

Между тѣмъ въ селѣ Плодомасовкѣ, передъ вечеромъ того самаго дня, въ который изъ Закромовъ выѣхала оборонительная миссія, съ вышекъ господскаго дома праздными холопами, ключникомъ и дворецкимъ, на взгорьѣ черныхъ полей былъ усмотрѣнъ конный отрядъ ихъ владыки.

Въ расположеніи этого отряда опытными и наблюдательными крѣпостными очами замѣчено было нѣчто странное. Буланый аргамакъ самого боярина, обыкновенно красовавшійся всегда впереди всѣхъ коней, нынче уступилъ свое мѣсто другимъ рядовымъ конямъ и шелъ сзади. Издали, съ плодомасовскихъ вышекъ чуть видна была только одна сухая голова аргамака съ блиставшимъ на ней серебрянымъ налобникомъ; его бѣлая звѣзда изъ змѣиныхъ головокъ, обыкновенно издалека сверкавшая на перекресткѣ наперсныхъ ремней сѣдла, была нынче закрыта выступавшею впереди боярина конною толпою. Не видно было и чеканенныхъ пряжекъ на опущенномъ чернымъ соболемъ малиновомъ бешметѣ боярина, потому что бояринъ лежалъ своей грудью на шеѣ коня и глядѣлъ на что-то такое, что бережно везли передъ нимъ его вѣрные слуги.

Впереди приближавшейся группы ѣхали четыре всадника: два впереди и два сзади. Они ѣхали въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что двое ѣдущіе рядомъ могли безъ затрудненія подать одинъ другому руки, а головы двухъ заднихъ лошадей совсѣмъ почти ложились на крупы переднихъ.

Всѣ эти четыре всадника бережно везли нѣчто такое, чего никакъ не могла издали разсмотрѣть и опредѣлить плодомасовская дворня, готовая во срѣтенье своего приближавшагося повелителя.

Но вотъ отрядъ подходитъ все ближе и ближе; наблюдающіе его приближеніе домашніе люди уже узнаютъ въ лицо каждаго изъ четырехъ всадниковъ, везущихъ впереди отряда странную ношу; видно, наконецъ, и грозно нахмуренное лицо самого боярина. Онъ понуро и мрачно глядитъ изъ-подъ надавленныхъ тяжелою аксамитною шапкою бро-

вей на эту бережно охраняемую ношу. Что бы это было такое? — раненый туръ, сохатый лось или гнѣздо робкихъ сернъ, которыхъ ретивымъ псарямъ боярина удалось взять живыми и которыхъ живыми вздумалось и довезти домой боярской прихоти? Но зачѣмъ же въ подходящемъ отрядѣ эта нерушимая тишина, столь несвойственная возвращенію Плодомасова съ отъѣзжихъ полей. Зачѣмъ не слышно ни бубновъ, ни пѣсенъ; зачѣмъ не прыгаютъ на сворахъ нетерпѣливые псы; зачѣмъ не обскакиваютъ отрядъ избранные гарцуны и не несется вихремъ доѣзжачій Шибай возвѣщать дворецкому: какія яства и питья должны ждать на столѣ приближающагося владыку и кто именно, какая пара крѣпостныхъ одалискъ должна быть прислана съ сѣней держать сегодня кисти у штофнаго одѣяла повелителя?

Такого безпорядка еще никогда не было, и дворецкій, и орда холопей, и весь сонмъ покорныхъ наложницъ, безразличныхъ въ своихъ чувствахъ къ господину и равнодушно ожидающихъ, чьи тайныя красы мелькнутъ въ его воображеніи и обозначатъ его сегодняшнюю прихоть. — все это недоумѣваетъ, наблюдая тихое возвращеніе Плодомасова. Недоумѣнію этому нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣловъ и, кажется, не будетъ конца, потому что, чѣмъ ближе подъѣзжаютъ бояринъ и его сподвижники, чѣмъ болѣе возможностей является разсмотрѣть ихъ, — тѣмъ пуще сбиваются и путаются зарождающіяся соображенія и выше, и выше растетъ колоссальное недоумѣніе!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ вечера дѣвушка.

Но вотъ кому-то удалось разсмотрѣть, что четыре всадника, ѣдущіе впереди отряда, держатъ подъ укрюками сѣдельныхъ арчаковъ углы большого пестраго персидскаго ковра. Это тотъ самый коверъ, назначеніемъ котораго было покрывать въ отъѣзжемъ полѣ большой боярскій шатеръ. Теперь на этомъ коврѣ, подвѣшенномъ, какъ люлька, между четырьмя сѣдлами, лежитъ что-то маленькое, обложенное бѣлыми пуховыми подушками и укутанное ярко-цвѣтнымъ шелковымъ архалукомъ боярина.

Яркіе покровы, въ которые закутана загадочная фигурка, были смочены падавшимъ цѣлый день дождемъ и позволяли ясно опредѣлять, что подъ ними сокрытъ не ра-

нный богатырь, а не болѣе какъ четырнадцати или пятнадцатилѣтній ребенокъ.

Когда охотничій караванъ подошелъ къ самому дому, всѣ увидѣли, что на остановившемъ общее вниманіе коврѣ была привезена дѣвушка.

Молодая, съ мокрыми черными кудрями головка плѣнницы была открыта и утопала въ смокшей подушкѣ; уста дѣвицы были полуоткрыты; зубы крѣпко стиснуты, а вѣки глазъ сомкнуты. Она казалась спящею; но въ самомъ дѣлѣ она была въ долгомъ, непробудномъ обморокѣ. Такою-то была привезена своими похитителями въ село Плодомасово закромская боярышня Марѳа Андреевна Байцурова.

Потерявъ сознаніе въ минуту своего неожиданнаго похищенія изъ родительскаго дома, она не выходила изъ обморока во все время, пока конный отрядъ Плодомасова несся, взрывая желѣзомъ копытъ черную грязь непроѣзжихъ полей; она не пришла въ себя во время короткой передышки, данной конямъ послѣ сорокаверстной перескачки, и въ этомъ видимомъ образѣ смерти достигла гнѣзда плодомасовскаго боярина. Въ этотъ домъ ее привели роковыя судьбы.—Это всѣ увидѣли сразу, когда незваной пришелицѣ улыбнулся самъ сумрачный, непривѣтливый день осенній. Чуть только стали у боярскаго крыльца дрожащія съ устали ноги принесшихъ ее коней, сквозь грязно-сѣрыя облака золотыми стрѣлами упалъ пукъ вечерняго солнца и, какъ бы благословивъ прибытіе боярышни, снова закрылся.

Это было сочтено предзнаменованіемъ, и въ этомъ найдено было много чуднаго и сверхъестественнаго. Сѣрый день улыбнулся надъ домомъ безпутства и оргій, и спящая плѣнница входила въ этотъ домъ сонной царевной, которыя, по народному повѣрью, всегда такъ безпятненно чисты и безъ сравненія прекрасны. На томъ же богатомъ коврѣ, на которомъ боярышня совершала свое путешествіе, ее въ торжественномъ безмолвіи внесли въ плодомасовскій домъ; положили на чистое ложе, поставленное среди просторнаго, свѣтлаго покоя, и окружили это ложе спящей красавицы цѣлымъ роемъ прислужницъ, получившихъ строгій наказъ беречь ея пробужденіе и предупреждать ея желанія.

Съ женщинами, окружавшими дѣвственное ложе сонной

боярышни, происходило нѣчто подобное тому, что, по апокрифическимъ сказаніямъ, происходило съ языческими идолами при восходѣ звѣзды, возвѣстившей рожденіе Христа. Всѣ эти крѣпостныя юницы почувствовали, что вѣкъ ихъ кончекъ, но въ сердцахъ ихъ не было ни зависти, ни злости къ этой пришелицѣ. Онѣ только чувствовали, что народился нѣкто болій ихъ, съ которымъ имъ уже нельзя и думать ни спорить, ни состязаться.

Онѣ стояли и безмолвно ожидали, когда настанетъ часъ имъ быть убраннымъ изъ этого смраднаго капища, ожидающаго каждѣнія очищающихъ куреній.

Самъ Плодомасовъ, уложивъ боярышню, не оставался въ ея комнатѣ ни минуты. Выйдя изъ этой комнаты, онъ также не прелавался и оргіямъ, обыкновенно сопровождавшимъ его возвращеніе домой. Онъ одиноко сидѣлъ въ своей опочивальнѣ и нетерпѣливо ждалъ пошептуху, за которою посланы были быстрые гонцы въ далекое село. Эта чародѣйка должна была силою своихъ чаръ прекратить долгій, смерти подобный сонъ привезенной боярышни.

Но дѣло обошлось безъ шептухи. Прежде, чѣмъ она успѣла явиться въ хоромы призывавшаго ее боярина, сѣнныя дѣвушки и вновь наряженныя мамы, обстоявшія ложе спящей боярышни, стали замѣчать, что долгій сонъ боярышни начинаетъ проходить.

О полуночи къ сумрачному боярину была послана первая вѣсточка, что по лицу у боярышни разстилается алый цвѣтъ, а по груди разсыпается бѣлый пухъ и изъ косточки въ косточку нѣжный мозжечекъ идетъ. Плодомасовъ всталъ, бросилъ вѣстницѣ на полъ горсть серебряныхъ денегъ и велѣлъ стеречь плѣнницу недреманнымъ окомъ, пуще любимаго глаза.

Перетъ ранней зарей пришла и вторая, и третья вѣсть, что боярышня открыла свои звѣздныя очи разсыпчатыя и, отъ тяжкаго сна пробудившись, спросила: гдѣ она, у какихъ людей, и желаетъ знать о своемъ отцѣ съ матерью? Плодомасовъ воспрянулъ: онъ ничего не велѣлъ отвѣчать боярышнѣ и не пошелъ и самъ въ опочивальню красавицы.

Невѣдомый ему доселѣ страхъ удерживалъ его отъ святотатственнаго приближенія къ дѣвѣ, взращенной и взлелѣянной не подъ крышами его крѣпостной дворни. Онъ боялся, что одно появленіе его передъ нею убьетъ ее, и отлагалъ

мигъ этого появленія. Онъ не пошелъ привѣтствовать свою пробудившуюся «бранку». Все время, пока сѣнныя дѣвушки и вновь наряженныя мамы любовались дѣвственною красотою боярышни Байцуровой и смотрѣли, какъ подъ ея тонкою кожею изъ косточки въ косточку мозжечекъ переливается, бояринъ ихъ весь день до вечера испытывалъ незнакомыя ему муки. Ему хотѣлось отъ своей плѣнницы чего-то совсѣмъ не того, что онъ прямо бралъ отъ своихъ крѣпостныхъ одалисокъ. Онъ видѣлъ въ ней нѣкоторое новое, незнакомое ему доселѣ счастіе, и боялся погубить это счастіе: онъ боялся ея сопротивленія, боялся своего гнѣва, который, возставъ, не пощадитъ и ее. Онъ не пощадитъ ее, онъ изольетъ на нее свой гнѣвъ и броситъ ее въ подачку послѣднему псарю своему... А тогда?.. Тогда... тогда онъ запоретъ псаря, но... ее не воротитъ.

Нѣтъ! онъ самъ хотѣлъ глядѣться въ ея звѣздчатомъ взорѣ, орошенномъ слезами! Дѣло должно было идти о томъ: какъ сдѣлать все это, чтобы взоръ ея обратился къ нему? Время? ласки? выжиданія? А если тѣмъ временемъ погоня? О, погоня! тогда, если только будетъ погоня... тогда Плодомасовъ рѣшилъ, что̀ ему дѣлать! Тогда... онъ не пощадитъ никого, ни ее, ни себя; но ея ужъ не возьмутъ изъ его дома такою, какою она внесена въ него.

Богъ знаетъ, сколько бы еще продолжались эти колебанія Плодомасова и какой бы онъ нашелъ изъ нихъ выходъ, если бы случайное обстоятельство не подвинуло его къ разрѣшенію всего этого, хотя и въ духѣ его обычныхъ правилъ, но совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ онъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бѣсноватому коню конопляное удило.

Въ сумерки этого же самаго дня, прежде чѣмъ старикъ Байцуровъ успѣлъ проѣхать половину своего пути къ городу и жена его, въ сопровожденіи мамы-туркини, такую же часть своей дороги къ селу Плодомасову, въ плодомасовскія области прибылъ земскій приставъ.

Приставъ этотъ былъ нѣкоторымъ образомъ свой человѣкъ въ плодомасовскомъ домѣ: за него когда-то была выдана замужъ одна изъ наиболѣе любимыхъ крѣпостныхъ фаворитокъ боярина, которую Плодомасовъ хотѣлъ осчастливить этимъ благороднымъ бракомъ и съ которою отъ вре-

мени до времени, наѣзжая въ городъ, онъ, не стѣсняясь ея замужнимъ положеніемъ, видался на прежнихъ правахъ. Пріѣзжая въ плодомасовскій домъ, мужъ отставной боярской барыни служилъ боярину шутомъ и посмѣшищемъ: стоя на головѣ, онъ выпивалъ стопы вина и меду; ходилъ на кругахъ колесомъ; разбивалъ затылкомъ орѣхи и плясалъ на столѣ казачка передъ всей барской дворней.

Въ силу такихъ обстоятельствъ, приставъ считался въ числѣ приближенныхъ людей Плодомасова. Бояринъ не забывалъ семьи подьячаго своими милостями; снабжалъ закромы его амбаришекъ зерномъ, наполы—огородиной, а задворокъ—живностью; крестилъ у его жены своихъ собственныхъ дѣтей и допускалъ его самого за подаяніемъ предъ свое лицезрѣніе.

Зная такія отношенія пріѣзжаго подьячаго къ боярину, холопство не замедлило доложить о немъ Плодомасову и истолковать вырвавшееся при этомъ у боярина легкое рычаніе за знакъ согласія къ тому, чтобы приставъ былъ допущенъ.

Приставъ былъ введенъ и поставленъ предъ боярскія очи.

— Чего тебѣ? — спросилъ, окинувъ гнѣвнымъ окомъ его фигуру, Плодомасовъ.

Выгиная, кланяясь и вытягиваясь, какъ придавленная палкой змѣя, подьячій подползъ къ боярину, не смѣя извести голоса и поднять на него своихъ заплывшихъ глазъ.

— Чего тебѣ нужно? — воскликнулъ бояринъ мягче и глядя на это безтолковое выгибанье подьячаго. — Подьячій продолжалъ ползти и снова не подавалъ ни гласа, ни послушанія.

Сколь ни привыкъ Плодомасовъ къ рабскому пресмыкательству передъ собою, но такое долгое и робкое ползанье уже и ему не нравилось: онъ чувствовалъ, что такъ долго отмалчивается человѣкъ тогда, когда ему страшно разомкнуть уста свои. Плодомасову вдругъ вступило на мысль, что пресмыкающійся передъ нимъ земскій является къ нему чьимъ-то посломъ съ недобрыми вѣстями, и густыя сѣро-бурыя брови насупились и задвигались, сходясь одна съ другою, какъ сходятся два сердитые и готовые броситься одинъ на другого медвѣдя.

— Говори, песь! — вскрикнулъ бояринъ.

Подьячій, вмѣсто отвѣта, совсѣмъ легъ на землю къ ногамъ Плодомасова и, лежа ницъ лицомъ, поднялъ къ нему въ рукѣ сложенный листъ бумаги.

Плодомасовъ — всегдашній врагъ бумаги, всего менѣе склоненъ былъ встрѣчаться съ нею сегодня. Въ этотъ день онъ и безъ того сумѣлъ уже на многое пересердиться, да и притомъ день этотъ по ощущеніямъ, принесеннымъ съ собою боярину Плодомасову, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не похожъ на всѣ прежніе дни его жизни. Теперь ли ему насильно отрывать себя отъ этихъ ощущеній къ бумагѣ! Но бумага эта тянется къ нему съ неотступною назойливостью. Несмотря на то, что онъ отталкивалъ ее и рукою, и желтымъ каблукомъ узорнаго сапога,—она опять и тянется, и трепещетъ. Плодомасовъ увидѣлъ, что ему отъ этой бумаги не отвязаться: онъ выдернулъ ее изъ рукъ раболѣпнаго пристава—нетерпѣливо развернулъ, прочиталъ и остолбенѣлъ.

Бумага эта, въ глазахъ Плодомасова, превосходила своею дерзостію все, что возможно на свѣтѣ. Въ ней говорилось, что дошло до вѣдома самой императрицы, что помѣщикъ Никита Юрьевъ Плодомасовъ, живучи въ своей отчинѣ, селѣ Плодомасовѣ, предается столь великимъ своеволіямъ и безчинствамъ, что по собственному ея, императрицы, приказанію поручается губернатору дѣло это строго дознать и, буде вѣсти, до слуха государыни дошедшія, окажутся справедливыми, то того Плодомасова, нимало не медля, заарестовать и изъ имѣнія его выслать, воспретивъ ему навсегда въ отчинахъ своихъ всякое проживаніе.

Исполненіе этого строгаго и грознаго императорскаго указа, не взирая на все самодержавство Елизаветы Петровны, было начато, какъ мы видимъ, покорнымъ преподнесеніемъ этого самаго указа самому виноватому Плодомасову, на его милостивое воззрѣніе и обсужденіе.

Баринъ Плодомасовъ прочиталъ указъ и воспрянулъ, какъ звѣрь. Вмѣсто испуга и благопокорности волѣ монаршей, чего почти несомнѣнно ожидалъ распростертый на полу подьячій, Плодомасовъ возсталъ во всей безднѣ дерзости своего безумія. Пославъ тысячи неистовѣйшихъ проклятій, онъ свистнулъ людей и велѣлъ быть всѣмъ предъ его лицо въ сборѣ и наготовѣ. Къ чему быть наготовѣ?— про то едва ли зналъ и самъ Плодомасовъ: но это было

для него безразлично, потому что онъ въ эти минуты былъ готовъ буквально на все грубое, дерзкое, на все гадкое для издѣвательства надъ явленнымъ ему указомъ, призывавшимъ его къ покорности и порядку. Онъ жаждалъ теперь только одного: оказать самое рѣзкое сопротивленіе этому призыву.

Безразлично было, къ чему именно готовиться и для буйной боярской опричнины, которая и сама любила барскій разгулъ, да и не пріучена была ни къ какимъ разсужденіямъ. Людямъ этимъ было все равно: куда ни идти, гдѣ ни разбойничать, надъ кѣмъ ни издѣваться. Они сызмальства отвыкли отъ всего добраго: они сами установили между собою обычай отрекаться отца и матери, и безтрепетно могли видѣть и поруганье отцовскихъ сѣдинъ, и издѣвательства надъ слезами матери, и безчестіе родныхъ сестеръ. Любили ли или не любили они своего буйнаго боярина, — это все равно, потому что они любили буйную жизнь, всѣ возможности къ которой открывались для нихъ въ раболѣпномъ служеніи буйной волѣ Плодомасова. Выросшіе въ его школѣ, въ селѣ, удаленномъ не только отъ столицъ, но и отъ всякаго средоточія власти, они имѣли понятіе о законной власти только чрезъ такихъ представителей этой власти, какъ ходившій передъ ними колесомъ на кругахъ приставъ, и потому, весьма естественно, не могли чувствовать ни малѣйшаго авторитета этой власти.

Дѣло, цѣль для разрѣшенія дикихъ стремленій боярина указалъ стоявшій передъ нимъ колѣнопреклоненный подьячій.

— Отецъ! отецъ!—заголосилъ онъ боярину по выслушаніи его гнѣвнаго приказа о сборѣ людей. — Не вели ты этого: не вели сѣдлать коней и взнуздывать: вели холопамъ твоимъ съ свайкой, да съ лыкомъ сѣсть по конникамъ да смирные лапти плесть, а то гордотой пущій гнѣвъ на себя оборотишь.

Плодомасовъ вскипѣлъ: схватилъ лежащій на столѣ указъ, быстро разорвалъ эту бумагу на мелкіе кусочки, бросилъ ихъ на полъ и, наступивъ на нихъ ногою, проговорилъ:

— Вотъ я куда ея указы кладу! Она не праваго ложа.

Подьячій упалъ на локоть на полъ и въ ужасѣ выпятился крюкомъ, точно въ несуразной судорогѣ.

— Умилострись! не слышу! ничего не слышу!—вопилъ

колѣнопреклоненный представитель власти, то закрывая руками уши, то молитвенно простирая эти руки къ поламъ пестраго архалука бушующаго боярина. — Выслушай, милостивецъ, — я еще не все сказалъ тебѣ. На тебя и еще невзгода идетъ — отъ дѣлъ твоихъ. Встрѣтилъ я Байцурова, ѣдетъ на тебя съ жалобой, что ты у него его дочку отъемомъ увезъ. Отпусти ее, бояринъ, — если она ужь и неправильная, отпусти — свои люди не доказчики, только скорѣе ее изъ дома вонъ, а то не сейчасъ, то на утріе, гляди, бѣды за нее вытерпишь.

Этого было довольно Плодомасову. Кто? мелкая сошка Байцуровъ, не принявшій чести, которая была ему сдѣлана предложеніемъ брака его дочери, приноситъ на него жалобу, и по этой жалобѣ могутъ съ него, Плодомасова, что-нибудь взыскивать? Нѣтъ, этого ужъ нельзя снесть Плодомасову!

«Онъ не хотѣлъ, чтобы она была моею женою, — промелькнуло въ умѣ Плодомасова, — такъ я же ее въ другой чинъ сдѣлаю. Чѣмъ, да и вправду, она лучше моихъ дѣвокъ, что я такъ смотрю на нее? Когда ужъ и этотъ подьячій не сомнѣвается, что она, побывши въ моемъ домѣ, теперь неправильная, а я отпущу ее такъ! а я дамъ посмѣяться надъ мною!»

Въ душѣ Плодомасова произошелъ совершенный поворотъ: тѣхъ нѣжныхъ и застѣнчивыхъ чувствъ, которыми она недавно была полна къ юной плѣнницѣ, теперь въ ней не оставалось и слабаго слѣда.

— Быть съ нею всему тому, что и допрежь ея было со всѣми непокорными, — рѣшилъ бояринъ. — Будетъ она моею, и не забуду я моею подачкою и вѣрныхъ слугъ моихъ: останется и Васькѣ, и Тараскѣ, и всей челяди. — Иди за мной и смотри, что я съ ней за эти слова твои сдѣлаю! — рявкнулъ бояринъ приставу и потащилъ его еле дышащаго вслѣдъ за собою въ верхній этажъ, гдѣ въ той же опочивальнѣ молодая боярышня, кругленькая и бѣлая, какъ свѣжая рѣпочка, сидѣла посреди широкой постели и плакала, трогая горемъ своимъ и старыхъ мамъ и нянь, и стоящихъ вокругъ нея молодыхъ сѣнныхъ дѣвушекъ.

Бояринъ текъ какъ тяжелая грозовая туча, подхваченная неукротимой бурей. Подойдя къ дверямъ опочивальни своей плѣнницы, онъ не коснулся рукою замочной мѣди и не крик-

нулъ, чтобы дверь была отперта ему изнутри, но прямо сшибъ ее съ петель однимъ ударомъ сапога и предсталъ изумленнымъ взорамъ боярышни и ея свиты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Къ полуночи молодушка.

Когда случилось внезапное появленіе Плодомасова у дверей молодой бранки Байцуровой, на дворѣ, по причинѣ короткаго осенняго дня, стояла уже густая, непроницаемая тьма: моросилъ мелкій, частый дождикъ, и тихій, но упругій вѣтеръ уныло выдъ и шумѣлъ за выходящими въ садъ окнами боярышниной опочивальни.

Боярышня, какъ сказано, сидѣла и плакала, плакали и всѣ ее окружающіе. У всѣхъ на лицѣ было одно ея горе, и появленія Плодомасова сюда въ эту минуту не ожидалъ никто, а сама боярышня всѣхъ менѣе. Въ тоскѣ объ отцѣ и о матери, которыхъ нѣжно любила, она вовсе не имѣла и времени размышлять ни о своей судьбѣ, ни о своемъ похитителѣ. Она вовсе не думала о немъ и рѣшительно окаменѣла при его появленіи. Увидѣвъ передъ собою Плодомасова, боярышня Мароонька даже не потянула одѣяла, чтобы закрыть свои плечи, сверкнувшія передъ распаленными гнѣвомъ глазами боярина.

— Ну, дорогая боярышня, какъ спала-почивала, и что во снѣ видала? — спросилъ ее Плодомасовъ, садясь насупротивъ постели на тяжелое кресло, за которымъ, раболѣпно притаясь, сталъ земскій приставъ.

— Спала, бояринъ, въ твоемъ терему сладко и за тотъ сонъ тебя благодарствую; а видѣла во снѣ моего отца съ матерью и надѣюсь, что ты меня не задержишь неволей и отпустишь къ нимъ, — смѣло отвѣчала боярышня.

— Ну, ужъ на это, соколка моя, лучше не надѣйся. Не на то увезена, чтобы тебѣ опять подъ отцовскій потолокъ идти.

Дѣвушка посмотрѣла въ глаза боярину своими дѣтскими глазами и спросила:

— На что же я, бояринъ, увезена?

— На что?

Плодомасова неожиданно смутилъ этотъ наивный вопросъ. Онъ хотѣлъ отвѣтить ей что-то немилосердное и безстыдное, но, глядя въ ея дѣтское личико, застыдился этого своего намѣренія.

А въ эту мунуту дѣвушка тихо скользнула съ постели и, перебѣжавъ босыми ногами разстояніе, отдѣлявшее кресло боярина отъ ея кровати, со слезами бросилась въ ноги Плодомасову и, рыдая, проговорила:

— Бояринъ! умилосердись надо мной! Немилостивыхъ адъ ждетъ! Отпусти меня къ батюшкѣ съ матушкой,—я въ монастырь пойду и стану за тебя Бога молить.

Плодомасовъ рѣшительно не зналъ, какъ ему приступить къ приведенію въ исполненіе своихъ угрозъ. Онъ мялся и пыхтѣлъ, глядя въ плачущія очи ребенка, и не отнималъ у дѣвушки своихъ большихъ, красныхъ рукъ, которыя та въ отчаяніи сжимала въ своихъ ручонкахъ.

— Я,—заговорилъ онъ наконецъ:—хотѣлъ-было тебя сдѣлать своей честною женою...

— Нѣтъ! нѣтъ!—отвѣчала, быстро вспрыгнувъ и отскочивъ отъ него къ своей кровати, боярышня. — Нѣтъ, я не хочу быть твоею женою: ты отпусти меня къ батюшкѣ!

— Стой!—гнѣвливо остановилъ ее Плодомасовъ.

— Люди добрые, заступитесь за меня!—отчаянно вскрикнула боярышня, кидаясь въ толпу сердобольныхъ нянь, мамъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, такъ недавно лившихъ о ней горячія слезы и оказывавшихъ ей столько искренняго участія.

Но теперь боярышня не узнала ни одного лица въ этой толпѣ: такъ измѣнило ихъ присутствіе боярина.

Няни, мамы и сѣнныя дѣвушки разступились, какъ только боярышня вскочила въ среду ихъ, и снова скучились сзади ея, оставляя плѣнницу впереди себя, лицомъ къ лицу съ Никитою Плодомасовымъ.

Боярышня, выданная такимъ маневромъ головою, оглянулась на робкую челядь и, въ одно мгновеніе, словно переродилась.

— Дай мнѣ, раба, мой шуганкъ!—произнесла она твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, замѣтивъ свое непозволительное дезабилье.

Десятки рукъ въ мгновеніе ока поспѣшили исполнить ея требованіе.

Плодомасовъ ничему этому не прекословилъ.

Боярышня теперь стояла передъ нимъ совсѣмъ одѣтая, во всемъ томъ нарядѣ, въ которомъ она плѣнила его въ своемъ родительскомъ домѣ. Слезы, недавно обильно лив-

шіяся по ея лицу, теперь высохли, и грустные, сухіе глаза ея смотрѣли съ выраженіемъ того безтрепетнаго спокойствія, видъ котораго такъ непереносенъ самоуправцамъ, потому что онъ въ одно и то же время и смущаетъ, и бѣситъ ихъ.

— Такъ знаешь ли ты, умная боярышня, что̀ я съ тобою сдѣлаю?—вскричалъ Плодомасовъ.

— А что̀ бы ты со мною ни сдѣлалъ, на всемъ томъ, пока я въ твоихъ рукахъ, твоя воля; но женою твоей я быть не хочу.

— Что?—вскрикнулъ, побагровѣвъ, Плодомасовъ.

— Гнѣва твоего не пугаюся,—отвѣчала боярышня.—Что ты больше гнѣвливъ и страшенъ, то мнѣ радостнѣй: убить велишь—всего лучше будетъ.

— Такъ не женой же и не боярышней, а вотъ такою жъ, какъ эти, ты будешь! — вскричалъ Плодомасовъ, указавъ рукою на своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, и неистово захлопалъ въ ладоши.

На этотъ призывъ, какъ сказочный листъ передъ травою, предсталъ передъ Плодомасовымъ старый дворецкій и, водя въ ужасѣ вокругъ глазами, произносилъ одно ни къ чему, повидимому, не идущее слово: драгуны!

— Что̀ за драгуны? гдѣ эти драгуны?

— Здѣсь, бояринъ, драгуны,—отвѣчалъ старикъ, указывая на дверь, которая въ это время отворилась, и въ комнату, бренча своей сбруей, вошелъ тяжелой поступью драгунъ въ невиданной здѣсь никѣмъ до сихъ поръ тяжелой, мѣдью кованной каскѣ съ чернымъ конскимъ хвостомъ на гребнѣ.

Онъ привезъ боярину строгій губернаторскій приказъ не сдѣлать никакого зла похищенной имъ боярышнѣ Байцуровой и беречь ее паче своего ока, а наипаче не смѣть дерзать и мыслію на ней жениться.

Это не только было написано въ бумагѣ, которую драгунъ вручилъ Плодомасову, но все это было во всеуслышаніе сказано ему драгуномъ и на словахъ, и слова эти слышали и его челядь, и земскій приставъ, въ глазахъ котораго Плодомасовъ обличалъ столько дерзкаго непослушанія указу, писанному именемъ царицы, и наконецъ въ глазахъ самой боярышни, за которую вдругъ является такая горячая защита.

Плодомасовъ взглянулъ на спокойное лицо дѣвушки изъ-за которой загорѣлся весь этотъ сыръ-боръ, и почувствовалъ, что все это дѣло совсѣмъ какой-то вздоръ, изъ-за котораго нимало не стоило ничего подобнаго поднимать и затѣвать борьбу, въ которой вдругъ ему стало слышаться что-то роковое.

Плодомасовъ еще разъ взглянулъ на Байцурову, и она ему въ эту минуту даже не понравилась. Такъ, дѣвочка-снѣгурочка, грибокъ сыроѣжка, вздоръ передъ этими бѣлогрудыми лебедками, которыхъ онъ всѣхъ непосредственный султанъ, минутный мужъ и повелитель. Стоило ли все это сотой доли его боярскаго безпокойства, когда все дѣло это взять въ комъ, смести, да за дворъ везти... и домъ боярскій будетъ такъ же полонъ, и постеля боярская такъ же согрѣта? Но этотъ торчащій здѣсь драгунъ; этотъ земскій ярыжка и вся эта сволочь, при которой производится его обуздываніе, тогда какъ никто не долженъ былъ знать, что и на него есть узда,—вотъ что не переносно; вотъ съ чѣмъ нельзя примириться Плодомасову! Холопья душа самоуправца чувствуетъ, что она не можетъ снести холопьей насмѣшки. Ему все равно, сложитъ ли эта насмѣшка чьи-нибудь уста въ улыбку, или сомкнетъ ихъ раболѣпнымъ молчаніемъ: онъ не только въ улыбкѣ, не только въ молчаніи, но даже въ стонахъ, которыми онъ можетъ заставить стонать и молчаніе, и улыбку, — во всемъ онъ будетъ слышать насмѣшку надъ его безсиліемъ передъ этимъ драгуномъ, передъ какими-то угрозами, передъ кѣмъ-то старшимъ, кто отнынѣ займетъ главенство въ подвластныхъ ему умахъ.

Плодомасовъ все это сообразилъ въ одно мгновеніе: въ другое рѣшилъ, что онъ во что бы то ни стало не долженъ допустить этого главенства, и для этого превзойдетъ дерзостью все, что до сихъ поръ когда-нибудь дѣлывалъ: а въ третье онъ всталъ, хлопнулъ въ ладоши и молча указалъ вбѣжавшимъ слугамъ на драгуна.

Тотъ, наблюдая боярина, понялъ его жестъ и, выхвативъ палашъ, бросился въ уголъ покоя: но жестъ боярина еще быстрѣе былъ понятъ его челядью, и драгунъ не успѣлъ размахнуть ни одного раза вооруженною рукою, какъ уже лежалъ на полу, сдавленный крѣпкими, желѣзными руками: чуть не по всѣмъ суставамъ. Грозный конскій хвостъ на

головѣ драгуна, за минуту передъ симъ столь угрожающій и останавливающій на себѣ всеобщее вниманіе, теперь ничего не значилъ.

— Веревку!—скомандовалъ бояринъ, обратясь къ одному личардѣ.

— Попа и дьяковъ! — повелѣлъ онъ другому.

— Затрави петлю и спусти черезъ крюкъ въ потолкѣ,— приказалъ онъ рабу, принесшему свѣжую пеньковую веревку.

Петля была затравлена изъ вытрепаннаго конца веревки и спущена черезъ крюкъ, на которомъ держался пологъ боярышниной постели.

Въ комнату, трепеща и спотыкаясь, предстали выпихнутые черезъ порогъ въ спину попъ и дьяки.

— Становись передъ образомъ, — скомандовалъ попу бояринъ.

— Батюшка, помилосердуй!—молился боярину трепещущій и плачущій священникъ.

Бояринъ свистнулъ.

Два гайдука схватила дрожащаго попа и всунули его въ принесенную ризу, а третій намыливалъ передъ его глазами кускомъ мыла веревочную петлю.

— Начинай! — сказалъ Плодомасовъ замирающему священнику, когда облачившіе его гайдуки поставили его передъ образомъ.

— Что прикажешь, отецъ?—едва проленеталъ почти потерявшій со страху всякое сознаніе священникъ.

— Вѣнчанье,—отвѣтилъ Плодомасовъ.

Всѣ такъ и остолбенѣли.

— Пой!—бѣшено крикнулъ бояринъ.

— Кому? — едва могъ обронить, глядя на намыленную петлю, священникъ.

— Мнѣ,—отвѣчалъ Плодомасовъ и, сорвавъ за руку съ мѣста боярышню Мароу Андревну, сталъ съ нею за поповскою ризою.

Плачущій попъ и плачущіе дьяки пѣли вѣнчанье плачущей боярышнѣ, которую со связанными сзади локоточками и завязаннымъ ртомъ держали на рукахъ плачущія дѣвушки; но самъ бояринъ, ко всеобщему удивленію, молился искренно, тихо и съ умиленіемъ.

— Теперь же, попъ, я тебя пожалѣю, — сказалъ Плодомасовъ по окончаніи обряда. — Я тебя отъ бѣды уберегъ и

тебѣ обыскныхъ припасъ. Давай книгу! Вотъ государынинъ драгунъ, да этотъ другой воеводскій посолъ (онъ указалъ на пристава) они чужіе люди и распишутся, что боярышня со мной радостью и охотою повѣнчалась.

— Царскій драгунъ, чай, неграмотенъ, а воеводскій посолъ хитеръ въ письменности, давайте ему, онъ за обоихъ распишется, — продолжалъ отдавать приказаніе Плодомасовъ.

— А чтобы его лучше охота брала подписываться, накиньте ему, пока послѣднее слово выведетъ, мыльный осилъ на шею, — заключилъ бояринъ, замѣтивъ нерѣшимость и дрожаніе пристава.

Чиновнику надѣли петлю на шею, а въ руки дали лебяжье перо, и онъ написалъ въ обыскной книгѣ все, что требовалъ Плодомасовъ.

— Ну, вотъ такъ хорошо, — сказалъ бояринъ и приказалъ подьячему написать въ концѣ бумаги, привезенной драгуномъ: «мужа съ женою никакая власть не разлучаетъ».

Чуть только эта подпись подсохла, бояринъ выхватилъ листъ изъ-подъ рукъ пристава и бросилъ въ глаза драгуну бумагу, въ которой Плодомасову повелѣвалось: «наиначе не смѣть дерзать и мыслію жениться на боярышнѣ Байцуровой».

Но, справясь съ указами власти и съ ея посланными, Плодомасову оставалось справиться съ живою силою молодой жены. Это оказалось всего труднѣй... Силкомъ связанную боярышню обвѣнчали; но чуть ей послѣ вѣнчанія распустили бѣлые локотки ея, она легкой векшею прыгнула на окно и крикнула:

— Шагъ ко мнѣ шагнешь, — за окномъ на землѣ буду! Не послушаешь, такъ вели за разъ твоему попу мнѣ отходную честь!

Бояринъ и слуги окаменѣли.

— Выйди вонъ! — сказала боярышня, не сходя съ окна. — Выйди вонъ, а не то я сейчасъ за окно брошусь!

Бояринъ махнулъ рукой людямъ и самъ вслѣдъ имъ сталъ выходить спиной къ двери.

Мароа Андревна стояла попрежнему на краю раскрытаго окна.

— А долго же ты такъ простоишь? — спросилъ ее Плодомасовъ на порогѣ.

— А пока горючъ камень треснетъ, либо пока сама захочу. Плодомасову легло по сердцу дать ей волю и послушаться. Онъ ушелъ, а она простояла такъ до разсвѣтной поры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ко бѣлу свѣту хозяюшка.

Поздній осенній разсвѣтъ засталъ село Плодомасово, или собственно плодомасовскую господскую усадьбу въ такомъ положеніи, въ какомъ мѣстъ этихъ еще не освѣщало ни одно утро. Помѣщичій домъ былъ буквально обложенъ войсками.

Репутація, которую пріобрѣлъ себѣ Никита Плодомасовъ, не позволяла шутить, когда дѣло шло о томъ, чтобы ограничить своеволіе этого дебошира и отнять у него его добычу. Губернаторъ самъ побезпокоился сдѣлать визитъ Плодомасову и собралъ себѣ свиту, которая дала ему возможность разсчитывать, что онъ не будетъ сконфуженъ и выйдетъ изъ плодомасовскаго дома не впередъ пятками и не внизъ головой.

Драгунъ было цѣлыхъ три отряда. Одинъ изъ этихъ отрядовъ обложилъ усадьбу со стороны лѣса и отнялъ у всѣхъ находящихся въ домѣ всякую возможность побѣга: другой, ставъ частію между домомъ и деревней, а частію вдоль берега Турицы, дѣлалъ невозможною всякую надежду на какое-нибудь подкрѣпленіе или защиту: а третій, имѣвшій въ головѣ своей губернатора, офицера, оскорбленнаго Байцурова и драгуна, нѣсколько часовъ назадъ бывшаго свидѣтелемъ насильственнаго вѣнчанія боярышни съ Плодомасовымъ, прямо подвигался на его разбойничій домъ.

Но можно ли назвать разбойничьимъ домомъ такой домъ, гдѣ теперь такъ мало отваги, какъ въ домѣ плодомасовскомъ? Да, именно потому-то и идетъ этому дому это названіе, что въ виду приближающейся силы въ размѣрахъ, не допускающихъ сопротивленія, домъ плодомасовскій ни въ одной душѣ не являлъ никакой искры отваги, ни малѣйшаго знака спокойныхъ усилій перенести съ достоинствомъ долю побѣжденнаго.

Напротивъ! все недавно здѣсь бушевавшее рабство присмирѣло и замолкло при видѣ силъ, о которыхъ рабы вовсе не имѣли никакихъ понятій, а бояринъ хоть и имѣлъ, да позабылъ давно.

У всѣхъ обитателей плодомасовскаго дома, у которыхъ еще кое-какъ работали головы, въ головахъ этихъ вертѣлась только одна разбойничья мысль: какъ спасти себя и выдать боярина?

Плодомасовъ не призывалъ никого къ оружію и оборонѣ. Онъ не сдѣлалъ этого, во-первыхъ, потому, что онъ читалъ предательство и измѣну себѣ на всѣхъ лицахъ, которыя передъ собою видѣлъ. На всѣхъ? Нѣтъ, было одно лицо, на которомъ онъ не видалъ ни зла, ни предательства: это было лицо его молодой жены, виновницы всей этой исторіи.

Пятнадцатилѣтняя боярыня Плодомасова не обличала ни страха, ни трепета, ни волненія, ни злорадства. Она стояла на окнѣ только съ однимъ чувствомъ: она съ чувствомъ безконечной любви глядѣла на отца, быстро несшагося къ ней впереди отряда. Окружающихъ боярышню женщинъ билъ лихорадочный трепетъ, онѣ протягивали свои робкія руки къ не оставлявшей своего мѣста боярышнѣ и робко шептали: «Спаси насъ! спаси — мы ни въ чемъ неповинны».

Плодомасовъ слышалъ эти моленія и самъ готовъ былъ молить ее защитить его, много повиннаго и мнилось ему... мнилось ему, что она его защититъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Необъяснимыя явленія увеличиваютъ страхъ.

Находясь подъ вліяніемъ такихъ чувствъ смятенья и страха, столпившіяся въ боярышниной комнатѣ жилицы плодомасовскаго дома были еще болѣе испуганы новымъ, непонятнымъ явленіемъ, потрясшимъ ихъ послѣднія силы. Онѣ вдругъ замѣтили посреди себя незнакомыя, никогда никѣмъ невиданныя и неизвѣстно откуда пришедшія лица. Это были двѣ какія-то удивительныя женщины. Какъ онѣ пришли и откуда взялись, это для всѣхъ было задачей.

Но вотъ въ чьей-то испуганной головѣ мелькнуло, что это вовсе и не женщины, а сверхъестественные мстители и предвѣстницы смерти, выступившія изъ стѣнъ обреченнаго на гибель дома. И въ самомъ дѣлѣ, видъ ихъ и страненъ, и страшенъ: одна въ шушунѣ, блѣдна какъ мертвецъ, а очи какъ угли. Это тигрица, у которой отняли ребенка. А другая... что за лицо и что за одежда! Лицо эѳіопа, два длинные зуба блестятъ въ темной пасти раскрытаго рта: сѣдыя космы падаютъ съ головы густыми прядями: сухая

темная грудь открыта отъ шеи до пояса и юбка запараварена въ широкіе пестрые порты, а въ рукахъ... въ рукахъ и у той, и у другой по ножу.

— Это они! это темные духи!

Высказанная кѣмъ-то въ ужасѣ во всеуслышаніе мысль эта была электрическимъ толчкомъ; суевѣрный страхъ обуялъ всѣхъ, и всѣ, ожидавшіе здѣсь развязки своей грозной судьбы, грохнулись на полъ. Самъ Плодомасовъ въ ужасѣ отвернулся къ стѣнѣ и закрылъ лицо руками.

Не сробѣла одна юная боярыня Плодомасова; она бросилась въ объятія этихъ женщинъ и, упавъ на грудь одной изъ нихъ, залила ее своими неудержимыми теперь слезами. Плодомасовъ робко взвелъ взоры и увидалъ странную группу: двѣ невѣдомыя гостьи обнимали жену его и пятились съ нею задомъ къ дверямъ, держа надъ ея грудью блестящіе ножи. Это было непостижимо.

Плодомасовъ снова закрылъ глаза и не видалъ, какъ ножи были спрятаны, и лица, составлявшія оригинальную группу, обнимали другъ друга и тихо шептались.

Читателю, конечно, нѣтъ нужды раздѣлять общій плодомасовскій ужасъ по поводу явленія этихъ таинственныхъ посѣтительницъ плодомасовскаго дома. Читателю не трудно будетъ отгадать, что эти двѣ женщины, такъ во-время и такъ эффектно взошедшія, были мать молодой боярыни и ея няня-туркиня, выѣхавшія на своихъ клячахъ въ погоню вслѣдъ за боярышней.

Онѣ прибыли въ Плодомасово съ твердымъ намѣреніемъ проникнуть къ плѣнницѣ въ окна или въ двери и избавить ее смертью отъ срама. Судя по рѣшительности, съ какою онѣ входили, это имъ не могло не удаться, потому что не жалѣющимъ себя за дѣло дѣло само себя подсказываетъ. Но вышло такъ, что онѣ и никакихъ затрудненій не встрѣтили: онѣ просто, пользуясь общей сумятицей въ домѣ, свободно вошли и свободно прошли длинный рядъ пустыхъ покоевъ и предстали здѣсь привидѣніями въ ту самую минуту, когда губернаторъ и Байцуровъ отворили дверь оставленнаго безъ всякой защиты крыльца плодомасовскаго дома.

Новые гости также прошли всѣ покои и вошли въ опочивальню боярышни. При видѣ открывшейся имъ картины, они были поражены полнымъ удивленіемъ: сановникъ, ожи-

давшій со стороны Плодомасова сопротивленія и упорства, недоумѣвалъ, видя, что дерзкій насильникъ дрожитъ и всѣ его личарды лежатъ распростертые ницъ на землѣ. Оскорбленный отецъ ожидалъ услыхать вопли и стенанія своей одинокой дочери и также недоумѣвалъ, видя ее покоющеюся своею головкою на теплой материнской груди.

Но позднее смиреніе Плодомасова не могло быть ему оправданіемъ. Противъ него было свидѣтельство драгуна о совершенномъ назадъ тому нѣсколько времени насильственномъ бракѣ съ боярышней Байцуровой; противъ него спѣшили стать и другіе люди — и тѣ, чьи свидѣтельства могли имѣть вѣсъ и значеніе, и тѣ, чьи показанія не могли имѣть ни значенія, ни вѣса.

— Участь, васъ ожидающая теперь, печальна, но неизбѣжна, — сказалъ губернаторъ растерявшемуся Плодомасову.

Въ коридорѣ за дверью звякнули неосторожно опущенныя кѣмъ-то изъ рукъ кандалы.

Плодомасовъ закрылъ лицо руками, зарыдалъ и, упавъ на колѣни, просилъ одной милости — проститься съ женою.

Онъ видѣлъ, что его никто не жалѣетъ, никто не любитъ, и сердце влекло его къ этому полуребенку, долю котораго онъ такъ жестоко разбилъ и исковеркалъ, посмѣявшись надъ ея чувствами и ея свободой.

Ему показалось, что она, и *одна она*, проститъ его, и онъ не ошибся. Ея одно имя пришло ему на память, когда позвякивающія за дверью цѣпи заставляли просить и молить о продленіи послѣдней минуты свободы, и къ дикому вепрю сходила благодать утѣшенія, что у него есть жена, есть чистое существо, во имя которой онъ можетъ просить себѣ снисхожденія.

— Жена? У васъ нѣтъ жены, — отвѣчалъ Плодомасову губернаторъ. — Вы, государь мой, по злообычаю забыли вѣроятно, что вы отъ этой дѣвицы не снисхожденія можете ожидать, а сугубаго гнѣва на васъ. Благородная дѣвица сія, конечно, присоединитъ свой голосъ къ тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя противъ васъ сдѣланы, и это будетъ ваше послѣднее съ нею свиданіе. Прошу васъ, государыня моя, сказать, точно ли вы съ симъ господиномъ обвѣнчаны, какъ всѣ о томъ свидѣтельствуютъ, насильно?

— Вѣнчана я съ нимъ точно, — отвѣчала Марѳа Андревна и остановилась.

Губернаторъ просилъ ее продолжать.

Мароа Андревна съ горькою жалостью взглянула на униженнаго Плодомасова и отвѣчала:

— Да, я точно съ нимъ вѣнчана, но я не вѣнчана насильно.

— Какъ не насильно? — вскрикнулъ удивленный губернаторъ.

— Какъ, сердечная дочка моя! Неужто съ твоего то все было согласія? — воскликнулъ, заломивъ руки, Байцуровъ.

Присутствующая толпа стояла, пораженная неразрѣшимымъ для нея недоумѣніемъ; одна мать Байцуровой прочитала разгадку всего этого въ сокровенныхъ тайникахъ дочерниннаго сердца. Она сжала дочернину руку и шепнула:

— Дѣло, дочь, дѣло!

— Пусть за меня никому зла не будетъ! — отвѣчала матери на ухо дочь, хороня на плечѣ ея свое личико.

— Скажите же, милостивая государыня, какъ все такое происходить могло въ столь непонятной исторіи. У насъ есть доказательства совершенно противныя... Вы говорите въ испугѣ... вы ободритесь.

Мароа Андревна приподняла головку съ матернина плеча и отвѣтила:

— До всего, что̀ вы о комъ знаете, въ томъ мое дѣло сторона: а что̀ ко мнѣ касается, то мужъ мой въ томъ правъ, и я на него не въ по̀слухахъ.

Удивленіе губернатора возросло до того, что онъ развелъ руки и при всѣхъ сознался, что ничего не понимаетъ.

Старуха Байцурова вступилась въ его спасеніе и, выступивъ впередъ, сказала:

— Дѣвичьей душѣ не надо дивиться, ваше превосходительство. Дѣвушка съ печи падаетъ, пока до земли долетитъ, сорокъ думъ передумаетъ, и въ томъ дива нѣтъ: была съ вечера дѣвушкой, ко полуночи молодушкой, ко бѣлу свѣту хозяюшкой, а хозяйкѣ не честь быть ни въ по̀слухахъ, ни въ доказчицахъ. — Старуха тихо выдвинула дочь за руку впередъ себя и добавила: — хозяйкино дѣло теперь весть дорогихъ гостей за столъ да потчивать.

Мароа Андревна поклонилась губернатору и сказала:

— Прошу милости къ нашему хлѣбу-соли.

Губернаторъ еще недоумѣвалъ и глазами хлопалъ.

— Ваше превосходительство, — опять выступила и ему

одному вслухъ заговорила Байцурова: — у насъ, что съ трубами свадьба, что и безъ трубъ свадьба: дѣло полномъ пѣтое, и жена мужу нерушимый кусъ. Не наша воля на то была, а ея да Божья, что видимъ теперь ее здѣсь властною госпожей, а не невольною бранкой. Здѣсь холопы не доказчики, а жены нашего рода на мужей не послухи. Она все дѣло рѣшила, и она, ваше превосходительство, ждетъ, что вы подъ руку ее къ столу сведете.

Губернаторъ шаркнулъ, подалъ Марѳѣ Андревнѣ локоть и повелъ ее внизъ въ парадные покои.

Комната, служившая мѣстомъ всѣхъ этихъ событій, все опустѣвала и, наконецъ, посреди ея остался одинъ Плодомасовъ. Онъ смутно понималъ, что недавняя великая бѣда для него минула; понималъ, что все это сдѣлала его ребенокъ-жена, но онъ также чувствовалъ и сознавалъ, что съ этой бѣдою навсегда минула здѣсь и власть его. Бранка побѣдила своего плѣнителя, и надъ всѣмъ, что только Плодомасовъ имѣлъ въ своихъ владѣніяхъ, онъ видѣлъ ея твердый благостный духъ.

Онъ чувствовалъ, что здѣсь отнынѣ будетъ выше всего *она*, а не онъ, и весь дикій мятежъ его дикихъ страстей покоренъ.

Да, власть его восхищена. Вотъ онъ, стоя здѣсь одинъ, всѣми позабытый и брошенный, слышитъ, какъ въ тѣхъ его дальнихъ парадныхъ покояхъ раздаются гостиные голоса; вонъ эти домочадцы, еще такъ недавно поднявшіе холопьи носы свои передъ нимъ, снова смирились и снуютъ и раболѣпно покорствуютъ вновь единодержавно-воцарившейся въ домѣ новой волѣ, и онъ самъ, Плодомасовъ, онъ самъ, большой моголъ, султанъ и властитель всего здѣсь сущаго, онъ разрѣшенъ отъ власти и... онъ радъ тому: онъ тихо крестится и шепчетъ: «Боже! устроевый тако, — слава Тебѣ!»

Плодомасовъ смятенъ, какъ застѣнчивое дитя, и не знаетъ только одного: какъ ему теперь сняться отсюдова съ мѣста, на которомъ стоитъ, куда идти и какъ показать свои очи въ своемъ новомъ положеніи?

Но новые воеводы его дома кругомъ смотрятъ и все видятъ.

Старуха Байцурова проводила въ почетное мѣсто губернатора и драгуна и заставила своего мужа занимать ихъ и чествовать, а сама вернулась къ Плодомасову и, взявши его руку, сказала:

— Ну, что жъ? — разумѣешь ли нынѣ, хитрый воръ, какую ты себѣ бѣду укралъ?

— Матушка-свекровь, сверхъ ума благодарствую,—отвѣчалъ Плодомасовъ, повалившись ей въ ноги.

— Не для тебя то, однако, все сдѣлано, а и для своей души. У насъ родъ такой, что мы до суда и до сваръ неповадливы, а и ты постыдись, что въ храбромъ-то уборѣ, да лежишь у бабьихъ ногъ безъ храбрости... Встань! встань! добавила она ласковѣй. - Умыкнутая жена, что и рукой выданная, — назадъ нечего взять; но помни, что не пара ты ей и что старый мужъ да нравливый молодой женѣ на руку колодой падаетъ.

— Сударыня-свекровь, оставь безпокоиться! пусть она во всемъ госпожей здѣсь будетъ.

- Да, но гляди, зять, чтобы холопьи сусальные глаза моей дочери слезъ не видали; а теперь сдѣлаемъ промежъ насъ родное согласіе и пойдемъ къ гостямъ, честь-честью.

Байцурова поцѣловалась съ Плодомасовымъ и, взявъ его подъ руку, пошла съ нимъ въ гостиную, гдѣ Плодомасова ожидала его молодая жена и его незваные гости. Никитѣ Юрьичу Плодомасову не оставалось ничего болѣе, какъ отпировать со всѣми этими гостями свою свадьбу, и онъ отпировалъ ее, а потомъ отпустилъ каждаго гостя домой съ дорогими подарками.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

БОЯРЫНЯ МАРѲА АНДРЕВНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хрустальная вдова.

Послѣ свадьбы Марѳы Андревны протекло полтора десятка лѣтъ. Въ эти годы отошелъ мирно и тихо къ отцамъ старикъ Байцуровъ; къ концу пятнадцатаго года плодомасовскаго брака у Марѳы Андревны родился сынъ Алексѣй, которымъ порадовался укрощенный бояринъ Никита и старушка Байцурова, и вслѣдъ затѣмъ сами они обои, и зять, и свекровь, въ одинъ и тотъ же годъ тоже переселились въ вѣчность.

Не стало у Марѳы Андревны ни отца, ни матери, ни

мужа, она осталась на свѣтѣ молодою тридцатилѣтнею вдовою, съ ослѣпительной красотою, богатымъ состояніемъ, заключавшимся въ трехъ тысячахъ душъ, и съ единственнымъ однолѣтнимъ сыномъ.

Какъ было жить этой молодой вдовѣ, насильно повѣнчанной пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ нелюбимымъ старымъ мужемъ, который, по выраженію ея матери, долженъ былъ ей колодою падать на руку.

Прошлое Мароы Андревны не давало никакихъ основательныхъ данныхъ для предсказаній, какъ она проведетъ свою остальную жизнь? Мароа Андревна принадлежала къ идеалу женщинъ мудреца Сократа: она жила такъ, что о ней не находили ничего разсказывать.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили бранку женою боярина Никиты, до того дня, когда мы встрѣчаемъ ее вдовою, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ, Мароа Андревна правила домомъ и властвовала надо всѣмъ имѣніемъ и надъ своимъ старымъ мужемъ, и никого этой властью не озлобила, никому ею не надокучила. Она не забирала власть, а власть сама ей давалась—власть шла къ ней, какъ къ «имущей власть».

Мужъ ея со дня женитьбы своей не выѣзжалъ изъ усадьбы.—онъ одѣлся въ грубую свиту, опоясался ремнемъ, много молился и сокрушенно плакалъ. Жена ему была утѣшеніемъ: при ней его меньше терзалъ страхъ смерти и страхъ того, что ждетъ насъ послѣ смерти. Мароа Андревна защищала его отъ грозъ воображенія, какъ защищала отъ грозъ природы, при которыхъ старый бояринъ падалъ сѣдою головою въ колѣни юной жены и стоналъ: «Защити, защити меня, праведница! При тебѣ меня Божій громъ не ударитъ».

Для всѣхъ постороннихъ и для своихъ челядинцевъ Плодомасовъ какъ бы исчезъ и не существовалъ. Пятнадцать лѣтъ онъ ни на минуту не забывалъ, что жена его была его спасительницей, и жилъ въ благоговѣйномъ почтеніи къ ея благородному характеру. Онъ во всемъ слушалъ ее и ея мать, сдѣлавшуюся послѣ жены его первымъ другомъ и совѣтникомъ.

На пятнадцатомъ году брака Мароа Андревна совершила счастіе мужа, по которомъ втайнѣ крайне томилась душа старика, но уста и въ молитвѣ счастія того просить не

дерзали; Мароа Андревна возстановила угасавшій съ ея мужемъ родъ Плодомасовыхъ, она—дала мужу сына.

Этимъ мѣра счастія Никиты Плодомасова была преисполнена и остепененный буянъ, тихо отходя христіаниномъ въ вѣчную жизнь, еще разъ благословилъ Мароу Андревну за послѣдній поцѣлуй, которымъ она приняла его послѣднее дыханіе.

Но что же будетъ теперь? Запоетъ ли молодая боярыня, пригорюнившись: «Скучно, матушка, весною жить одной?» Нахлынутъ ли къ ней, прослышавъ про ея вдовство, молодые бояре и князья, и положитъ ли она на чью-нибудь молодую грудь свое бѣлое лицо, или запрядетъ Пенелопину пряжу и станетъ исканьями жениховъ забавляться да тѣшиться?

Нѣтъ; не судьба намъ и на этотъ разъ увидать молодую боярыню въ обличеніяхъ сердечныхъ ея слабостей. Идутъ опять длинные годы; прошло снова опять цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, а про вдову Мароу Андревну и слуховъ нѣтъ, и на славу ея и тѣнь не легла; живетъ она съ сыномъ своимъ хрустальною вдовицею, вся насквозь хрусталемъ свѣтясь.

Упрекали ее, что она, дома сидя, раньше вѣка состарѣется; но она, слыша порой тѣ упреки, отвѣчала, что матери съ дѣтемъ домосѣдство не въ муку.

Собственная крѣпостная дворня Плодомасовой во всѣ эти годы видѣла свою боярыню въ «распарадѣ» только одинъ разъ за все ея вдовство; это было черезъ три года послѣ рожденія Алексѣя Никитича, когда, по старому обычаю, боярыня предъ всѣмъ собраніемъ домочадцевъ сажала малолѣтняго сына на бѣлаго коня и обѣщалась за него Богу, что сдѣлаетъ изъ него честнаго слугу вѣрѣ и Россіи.

Затѣмъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ боярыня Плодомасова опять жила тихохонько. Въ эти пятнадцать лѣтъ она возрастила себѣ сокола-сына. Выходила боярыня сына, выхолила его и молодцомъ-молодца съ Божьимъ благословеніемъ и материнскою молитвою пятнадцати лѣтъ выслала его въ Питеръ служить государынѣ, слава великихъ дарованій которой вдохновляла и радовала Плодомасову въ ея пустынномъ захолустьѣ.

Соблазняли боярыню слухи о нравахъ дворскихъ и воль-

постихъ, но она надѣялась, что вложила въ сердце сына добрыя сѣмена.

— Живи чисто! — завѣщала она сыну и твердо надѣялась, что онъ соблюдетъ свою чистоту, какъ она свою соблюдала.— «Это все, что чѣмъ манится,—почасту писывала она сыну въ столицу, — дано Богомъ въ умноженіе рода, да отецъ будешь, а не прелюбодѣй. Помни, что гдѣ двое у грѣха безпечны, тамъ отъ нихъ третій нарождается и будетъ отъ безумныхъ людей безгрѣшно стыдъ терпѣть, а потому блюдись, дабы этого не было».

Въ это время, когда боярыня осталась въ своемъ Плодомасовѣ совсѣмъ одинокою, ей уже минуло сорокъ пять лѣтъ; красота ея отцвѣтала въ ея тихомъ заточеніи, и чистая, непорочная жизнь укрѣпила за нею названіе «хрустальной вдовы».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прилетный соколъ и домашнее вабилс.

Еще пять лѣтъ прошло мимо, а съ ними боярынѣ стукнуло пять десятковъ, и она наложила на себя старушечій повойникъ.

Для плодомасовской жизни наступила новая пора.

Никто никогда не видалъ отъ природы чинную и серьезную боярыню, какою всѣ видятъ ее теперь. Она шутлива, весела, радостна: она смѣется съ слугами и подшѣваетъ слегка своимъ сѣнным дѣвушкамъ, обряжающимъ давно забытые большіе покои такъ-называемаго «мужского верха».

Да и какъ не быть боярынѣ шутливой и радостной, когда она, послѣ пятилѣтней разлуки съ единственнымъ сыномъ, ждетъ къ себѣ Алексѣя Никитича на долгую побывку и мечтаетъ, какимъ она его увидитъ бравымъ офицеромъ, въ щегольскомъ расшитомъ гвардейскомъ кафтанѣ, въ крагахъ и въ пудрѣ; какъ онъ, блестящій молодой гвардеецъ блестящей гвардіи, отъ свѣтлаго дворца императрицы перенесется къ старой матери и увидитъ, что и здѣсь не убого и не зазорно ни жить, ни людей принять.

— А тамъ...

Марѳѣ Андревнѣ мерещится вдали свѣтлоокая невѣстка, съ кроткими очами, съ плавною поступью, съ вѣрной душою. «И будемъ жить вмѣстѣ, и будетъ и радость, и счастье, и здоровые внуки, и румяныя внучки».

Приготовленія кончены; покои свѣтлы и пышны, какъ брачный чертогъ; спѣшитъ въ нихъ и принцъ сердца боярыни Плодомасовой.

Алексѣй Никитичъ былъ на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ молодцомъ, и притомъ покорнымъ сыномъ.

За полверсты, не доѣзжая до материнскаго дома, онъ сошелъ къ ручью, умылся, надѣлъ на себя все парадное платье и предсталъ Мароѣ Андревнѣ, какъ она ему о томъ писала въ полкъ, чтобы «пріѣхалъ онъ къ ней и въ добромъ здоровьѣ, и въ полномъ парадѣ». Онъ сошелъ у материнскаго крыльца, въ парикѣ, съ косою за плечами, въ щегольскомъ гвардейскомъ мундирѣ. Боярыня встрѣтила сына на верхней ступени съ образомъ, съ хлѣбомъ-солью. На глазахъ у нея были слезы: ей хотѣлось скорѣе броситься къ сыну и прижать его къ своей груди, но она этого себѣ не позволила и тѣмъ показала, какъ долженъ вести себя и Алексѣй Никитичъ.

Молодой Плодомасовъ поклонился матери въ ноги, приложился къ образу и постоялъ на колѣняхъ, пока мать три раза коснулась его темени хлѣбомъ.

Затѣмъ они зажили. У Плодомасова былъ долгій годовой отпускъ.

Мароа Андревна, какъ мы видѣли, имѣла намѣреніе женить сына: и тотчасъ, какъ дорогой гость ея немножко у нея обгостился, она начала его понемножку повыспрашивать, какіе онъ имѣетъ собственные насчетъ брака взгляды и планы? Оказалось, что скорый бракъ вовсе не манилъ Алексѣя Никитича.

— Но отчего же такъ, милый другъ мой, ты предпочитаешь долго ходить кавалеромъ?—спрашивала его боярыня.

— Такъ, матушка, влеченія къ брачной жизни еще о сей порѣ не чувствую,—отвѣчалъ сынъ.

— А ужъ не маленькій ты, пора бы и чувствовать.

— Да теперь, матушка, къ тому же такъ рано въ мои годы изрядные кавалеры и не женятся.

— Для чего же такъ: неужли въ старые годы жениться лучше, чѣмъ въ молодые? А по-моему, что лучше какъ въ молодой вѣкъ жениться, да взять жену по мыслямъ и по сердцу? Въ этомъ Божіи законъ, да и любовь сладка къ порѣ да во-время, а что же въ томъ радости, чтобы ста-

рымъ тѣломъ молодой вѣкъ задавить? Злѣй этого обыка для жизни быть не можетъ.

Сынъ промолчалъ, сконфуженный простыми и прямыми словами матери.

А Марѳа Андревна вдругъ ревниво заподозрила: нѣтъ ли у ея сына какой-нибудь тайной зазнобы въ Петербургѣ.

Ловко и тонко, то съ далекими подходами, то съ неожиданной, сбивающей сына съ такту прямизной разспрашивала она его: гдѣ онъ у кого бываетъ въ Петербургѣ, какихъ людей знаетъ, и наконецъ, прямо спросила: а съ кѣмъ же ты живешь?

Плодомасовъ понялъ, что вопросъ материнъ предложенъ не въ прямомъ его смыслѣ, и гвардейская этикетность его и собственная скромность возмутились этимъ безцеремоннымъ вопросомъ.

— Матушка, я въ этомъ еще неповиненъ, — отвѣчалъ, туня глаза, Плодомасовъ.

— Хвалю, — отвѣчала мать: — будь достоинъ чистой невѣсты.

Сконфуженный сынъ жарко поцѣловалъ материну руку.

Марѳу Андревну, которая знала все-таки столичные нравы екатерининскаго вѣка, очень занималъ вопросъ о нравственности сына.

Застѣнчивый и скромный отвѣтъ гвардейца нравился Марѳѣ Андревнѣ чрезвычайно; но она хотѣла убѣдиться еще точнѣе, что взлелѣянное ею дитя ея дѣйствительно непогрѣшимо въ своей чистотѣ, и потому священникъ, отецъ Алексѣй, получилъ порученіе узнать это ближе, а Алексѣю Никитичу велѣно было тутъ же вскорѣ послѣ пріѣзда говѣть и пріобщаться.

По окончаніи исповѣди, отецъ Алексѣй, худой, длинный старичокъ, вовсе не питуцій, но съ краснымъ носомъ, укрѣпилъ Марѳу Андревну въ этомъ мнѣніи: онъ вошелъ къ ней и благопокорно прошепталъ:

— Дѣвственникъ!

— Это въ нашъ вѣкъ рѣдкость, — произнесла Марѳа Андревна.

— Рѣдко, сударыня, рѣдко.

— Господи, сколь я счастлива! — воскликнула Марѳа Андревна, и въ самомъ дѣлѣ она была необыкновенно счастлива и довольна.

Сынъ дѣлалъ полную честь трудамъ воспитавшей его матери, и блаженная мать души въ немъ не чуяла и еще усугубила къ нему свою нѣжность.

— Тамошній омутъ чистъ переплылъ, а ужъ тутъ у меня и замутиться не въ чемъ.

И она не отпускала сына отъ себя ни на шагъ, нѣстовала его, нѣжила, холила и любовалась имъ и за него радовалась.

И пошла тихо и мирно жизнь въ селѣ Плодомасовѣ. Мать не нарадуется, что видитъ сына, и дни летятъ для нея, какъ краткія мгновенья. Ей и въ голову не приходитъ освѣдомиться: такъ ли весело въ деревенскомъ уединеніи сыну ея, какъ весело ей отъ единой мысли, что онъ съ нею подъ одной кровлей.

Все, казалось, шло стройно и прекрасно, но вдругъ среди такого семейнаго счастія красавица сѣнная дѣвушка Мароы Андревны, ходившая за самою боярыней, «спальная покоевка», заскучала, затосковала и потомъ, раздѣвая разъ боярыню, бросилась ей въ ноги и зарыдала.

Мароа Андревна знала, что значатъ такіе поклоны въ ея монастырѣ. Строгія брови Мароы Андревны сдвинулись, глаза сверкнули и губы выразили и гнѣвъ, и презрѣніе. Виновная не поднималась, гнѣвная боярыня стояла, не отнимая у нея своей ноги, которую та обливала горячей слезою.

— И ты это смѣла? ходя за мной за самой, ты не могла себя соблюсти?

— Матушка! голова моя не нынче уже передъ вами на плахѣ.

— Не нынче?

— Матушка... давно... пятый мѣсяцъ—и дѣвушка опять пала горячимъ лицомъ къ ножкѣ боярыни.

— Кайся же, *кто?* Кто дерзнулъ на тебя?

Дѣвушка молчала.

Три раза боярыня повторила свой вопросъ, и три раза дѣвушка отвѣчала на него только одними рыданіями.

— Говори: кто? Я прощаю тебя, — произнесла Мароа Андревна.

Дѣвушка поцѣловала барынины ноги, потомъ руки.

— Тебѣ, какъ ты за мною ходила, то какъ ты ни виновата, что всего этого не чувствовала, но тебѣ за мужикомъ не быть.

Дѣвушка опять упала въ ноги.

— Говори, кто тобой виноватъ: холостой или женатый?

Виноватая молчала.

— Говори! если холостой... Богъ васъ проститъ, но чтобъ завтра же у меня при всѣхъ тебя замужъ просилъ. Чего ты водишь глазами? Слышишь, перестань, тебѣ говорю: я не люблю, кто такъ страшно взглядываетъ. Иди, и чтобъ онъ завтра тебя себѣ замужъ просилъ, а не то велю ему лобъ забрить.

Дѣвушка отчаянно ударила себя въ грудь и воскликнула:

— Этому быть нельзя!

— Что ты такое врешь! знать я не хочу и велю, чтобъ было, какъ приказываю.

Дѣвушка отчаянно закачала головой и воскликнула:

— Господи, Господи! да научи же меня, какъ мнѣ слово сказать и покаяться!

— Холостой... По любви съ нимъ сошлась... и нельзя имъ жениться! — быстро сообразила Марѳа Андревна и, въ негодованіи оттолкнувъ отъ себя дѣвушку, крикнула: — Сейчасъ же скажи его имя: кто онъ такой?

— Охъ, да никто! — отвѣчала, терзаясь, дѣвушка.

— Никто?.. Какъ это никто? что жъ это въ банѣ, что ли къ тебѣ пристало?

Дѣвушка стояла на колѣняхъ и, поникнувъ головою, молчала.

Марѳа Андревна сѣла въ кресла и снова вспрыгнула, сама надѣла на свои ноги шитые золотомъ босовички и, подойдя къ дѣвушкѣ, высоко подняла ея лицо за подбородокъ и, взглянувъ ей прямо въ глаза, проговорила:

— Хотя бы то сынъ мой родной, я это сейчасъ знать желаю, и ты не смѣешь меня ослушаться!

И метаясь подъ проницающимъ взоромъ своей чистой боярыни, дѣвушка въ терзаніяхъ и мукахъ шопотомъ отвѣчала:

— *Онъ!*

Этого сюрприза Марѳа Андревна не ожидала... Омутъ переплылъ, а на чистой водѣ осѣтился.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По дѣламъ воздаяніе.

Марѳа Андревна была ужасно оскорблена этимъ поступкомъ сына, и притомъ въ ней боролось теперь множество чувствъ разомъ.

Передъ ней вдругъ возсталъ во весь ростъ свой покойный Никита Юрьичъ. — не тотъ Никита Юрьичъ, который доживалъ возлѣ нея свои послѣдніе годы, а тотъ бояринъ-разбойникъ, который загубилъ нѣкогда ея красу дѣвичью и который до встрѣчи съ нею не зналъ ничего святого на свѣтѣ. Вотъ онъ, и этотъ по отцовымъ стопамъ начинаетъ,— мнилось боярынѣ: — дѣвичья честь не завѣтъ ему и материнъ домъ не нетлѣнный кутъ: идетъ на все, что мескъ неузнузданный... Нѣтъ, не должно мнѣ это спустить ему,— иначе его злообычіе въ немъ коренать станетъ! Нѣтъ, у сего начала растетъ золъ конецъ».

Иди! — сказала она покоевкѣ и, указавъ ей рукою на двери, сама опустилась въ кресло у кровати и заплакала.

Оставшись одна, Мароа Андревна искала теперь въ своемъ умѣ рѣшенія, что она должна сдѣлать? какъ ей поступить? Рѣшеніе не приходило, и Мароа Андревна легла спать, но не спала. Рѣшеніе не приходило и на другой день, и на третій, и Мароа Андревна цѣлыхъ три дня не выходила изъ своей комнаты и не пускала къ себѣ сына.

Этого не бывало еще съ Мароою Андревной никогда, и никто въ цѣломъ домѣ не зналъ, чему приписать ея упорное затворничество.

Къ ней подъ дверь подсылали приближенныхъ слугъ, подходили и заводили съ ней разговоръ и молодой баринъ, и священникъ отецъ Алексѣй; но Мароа Андревна никому не отвѣчала ни одного слова и только рѣзкимъ, сердитымъ постукиваньемъ въ дверь давала чувствовать, что она требуетъ, чтобы ее оставили.

На четвертый день Мароа Андревна сама покинула свое заточеніе. Въ этотъ день люди увидѣли, что боярыня встала очень рано и прошла въ садъ въ одномъ темненькомъ капотѣ и шелковомъ повойничкѣ. Тамъ, въ саду, она пробыла одна-одинёшенька около часу и вышла оттуда, запершись за собою на замокъ ворота и опустивъ ключъ въ карманъ своего капота. Къ господскому обѣду въ этотъ день былъ приглашенъ отецъ Алексѣй.

Мароа Андревна вышла къ столу, но не кушала и съ сыномъ не говорила.

Послѣ обѣда, когда вся домашняя челядь, кто только гдѣ могъ найти у себя мѣстечко и свободную минуту, уснули по

темнымъ уголкамъ и закоулочкамъ обширнаго дома, Марѳа Андревна встала и сказала отцу Алексѣю:

— Пойдемъ-ка, отецъ, со мною въ садъ, походимъ.

— Пойдемъ и ты, — заключила она, оборотясь на ходу къ сыну.

Марѳа Андревна шла впередъ, священникъ и сынъ за нею.

Плодомасова прошла дворъ, отперла садовую калитку и вступивъ въ садъ, замкнула снова ее за собою.

Садомъ боярыня прошла тихо, по направленію къ пустой банѣ. Во всю дорогу Марѳа Андревна не говорила ни съ сыномъ, ни съ священникомъ и, дойдя до цѣли своего нѣсколько таинственнаго путешествія, сѣла на завалинку подъ однимъ изъ банныхъ оконъ. Около нея съ одной стороны присѣлъ отецъ Алексѣй, съ другой — опустился-было гвардейскій поручикъ.

— А ты, поросенокъ, передъ матерью можешь и постоять!—вдругъ оттолкнула сына Марѳа Андревна.

— Стань!—повторила она изумленному молодому человѣку и затѣмъ непосредственно обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Кто тебѣ далъ эти эполеты?

— Государыня императрица,—отвѣчалъ Плодомасовъ.

— Сними же и положи ихъ сюда на материны колѣни.

Недоумѣвающій поручикъ гвардіи безропотно исполнилъ материнское требованіе.

— Ну, теперь,—сказала ему Марѳа Андревна:—государынѣ императрицѣ до тебя болѣе дѣла нѣтъ... Что ею тебѣ жаловано, того я на тебѣ безчестить не смѣю, а безъ царскаго жалованья ты моя утроба.

Съ этимъ она взяла сына за руку и, передавая отцу Алексѣю, проговорила:

— Отдаю тебѣ, отецъ Алексѣй, непокорнаго сына, который оскорбилъ меня и самъ свою вину знаетъ. Поди съ нимъ туда.

Она указала черезъ плечо на баню.

— Туда, — повторила она черезъ минуту: — и тамъ... накажи его тамъ.

— Поснизойдите, Марѳа Андревна! — ходатайствовалъ священникъ.

— Не люблю я, не люблю, попъ, кто не въ свое дѣло мѣшается.

— Позволь же тебѣ, питательница, доложить, что, вѣдь, онъ слуга царскій,—убѣждалъ священникъ.

— Материнъ сынъ прежде, чѣмъ слуга: мать отъ Бога.

— И къ тому же онъ въ отпускъ... на отдохновеніе къ тебѣ прибылъ.

— Перестань пусторѣчить: я все не хуже тебя знаю, дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ: иди и дѣлай, что сказано.

Священникъ не зналъ опять, чѣмъ бы еще затруднить дѣло.

— Да вотъ я и лозы къ сему пригодной для наказанія не имѣю.

— Иди, куда велю; тамъ все есть.

— Ну, пожалуйте ея волю исполнить,—пригласилъ отецъ Алексѣй поручика.

Плодомасовъ молча поклонился матери въ ноги и молча пошелъ въ баню за отцомъ Алексѣемъ.

Тамъ, на верхней полкѣ, лежалъ большой пукъ березовыхъ прутьевъ, нарѣзанныхъ утромъ собственными руками Марѳы Андревны и крѣпко связанныхъ шелковымъ пояскомъ, которымъ она подвязывала въ сырую погоду юбки.

— Мы вотъ какъ поступимъ,—заговорилъ тихонько, вступивъ въ баню, отецъ Алексѣй:—вы, ваше благородіе, Алексѣй Никитичъ, такъ здѣсь за углышкомъ стойте, да какъ мога послышнѣе голосомъ своимъ блекочите, а я буду лозой по доскамъ ударять.

— Нѣтъ, не надо, я мать обманывать не хочу, — отвѣчалъ офицеръ.

— А вотъ это тебѣ, отецъ Алексѣй, и стыдно! Раздумайка, хорошо ли ты сына матери солгать училъ! —отозвалась вдругъ изъ-за окна разслышавшая весь этотъ разговоръ Марѳа Андревна.—Дурно это, попъ, дурно!

Сконфуженный отецъ Алексѣй поникъ головою и, глядя на лозу, заговорилъ:

— Да помилуй меня, легконосица: не могу... руки мои трепещутъ... меня большая жаль обдержитъ! Отмѣни ему сіе наказаніе хоша за его благопокорность!

— А ты жалѣй да дѣлай,—отвѣчала изъ-за окна непреклонная Марѳа Андревна.—Кто съ холопами въ одной повадкѣ живетъ, тотъ въ одной стати съ ними и наказуется.

— Совершимъ по реченному, — прошепталъ, вздохнувъ,

отецъ Алексѣй и, засучивъ широкій рукавъ рясы, началъ, ничто же сумняся, сѣчь поручика Плодомасова и сѣкъ до тѣхъ поръ, пока Марѳа Андревна постучала своей палочкой въ окно и крикнула: «довольно!»

— Наказалъ, — объявилъ, выйдя, священникъ.

Марѳа Андревна не отвѣтила ему ни слова. Она была взволнована, потрясена и почти убита. Ей жаль было сына и стало еще жалче послѣ его покорности, возбранявшей ему обмануть ее въ опредѣленномъ ею наказаніи. Она стыла, зябла, умирала отъ немощи и страданья, но хранила нѣмое молчаніе.

Передъ Марѳою Андревну предсталъ наказанный ею сынъ и поклонился ей въ ноги.

Марѳа Андревна вспыхнула. Видъ виновника ея и его собственныхъ страданій возмутилъ ее, и она ударила его въ это время по спинѣ своей палочкой и далеко отбросила эту палочку въ куртину.

Алексѣй Никитичъ поднялъ брошенную матерью палочку, подалъ ее Марѳѣ Андревнѣ и опять поклонился ей въ ноги.

Марѳа Андревна опять ударила его тѣмъ же порядкомъ и опять швырнула отъ себя палку.

Сынъ снова всталъ, нашелъ палку, снова подалъ ее своей матери и снова легъ ей въ ноги.

Марѳа Андревна тронула его въ голову и сказала: «встань!»

Алексѣй Никитичъ поднялся, поцѣловалъ материну руку, и всѣ трое пошли домой послѣ этой прогулки.

Разумѣется, все, что произошло здѣсь, навсегда осталось неизвѣстнымъ никому, кромѣ тѣхъ, кто принималъ въ этомъ непосредственное участіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зазвучали другія струны.

Марѳа Андревна, наказавъ такъ несообразно взрослаго сына, изнемогла и духомъ, и плотью. Цѣлую ночь, смѣнившую этотъ тягостный день, она не могла уснуть ни на минуту: она все ходила, плакала, молилась Богу и жаловалась Ему на свое сердце, на свой характеръ: потомъ падала ницъ и благодарила Его за дарованіе ей такого покорнаго такого добраго сына!

Часа въ три послѣ полуночи, въ пору общаго глубокаго сна, Марѳа Андревна спустилась тихонько съ своего женскаго верха внизъ, перешла длинные ряды пустыхъ темныхъ комнатъ, взошла тише вора на «мужской верхъ», подошла къ дверямъ сыновней спальни, стала, прислонясь лбомъ къ ихъ створу, и заплакала. Битый часъ она тихо, какъ изваянная изъ камня, стояла здѣсь, тихо всхлипывая и прерывая свои слезы, лишь только для того, чтобы, прислонясь ухомъ къ двери, послушать, какъ дышитъ обидно наказанный ею спящій сынъ ея. Наконецъ, кипѣвшія въ груди ея благодатныя слезы облегчили ее. Она перекрестила нѣсколько разъ сынову дверь, поклонилась ему у порога лицомъ до земли, прошептала сквозь слезы: «прости, мое дитя. Христа ради», и отошла. Во всю обратную дорогу къ своей опочивальнѣ она шла тихо, плачучи въ свой шейный платокъ.

Марѳѣ Андревнѣ пришлось невмоготу: у нея силъ не ставало быть одной: ей бы хотѣлось взойти къ сыну и поцѣловать его руки, ноги, которыя представлялись ей такими, какими она цѣловала ихъ въ его колыбели. Она Богъ знаетъ что дала бы за удовольствіе обнять его и сказать ему, что она не такая жестокая, какою должна была ему показаться; что ей его жаль; что она его прощаетъ; но повести себя такъ было несообразно съ ея нравомъ и правилами.

А между тѣмъ сердце не слушалось этихъ правилъ: оно все безпокойнѣе и неумолчнѣе молило дать ему излиться въ нѣжности и ласкѣ.

А кому иному, если не ему, можно было бы отдать эту потокомъ рвущуюся ласку? Но нѣтъ, — ему показать свою слабость она не можетъ.

Марѳа Андревна подумала и, не доходя до своей спальни, вдругъ повернула съ прямого пути и стала тихо взбираться по скрипучимъ ступенямъ деревянной лѣстницы въ верхнюю дѣвичью. Тихо, задыхаясь и дрожа, какъ осторожный любовникъ, отыскала она среди спящихъ здѣсь женщинъ сынову фаворитку, закрыла ладонью ей ротъ, тихо шепнула: «иди со мной!» и увела ее къ себѣ за рукавъ сорочки.

Марѳа Андревна впервые въ жизни ходила со страхомъ по своему собственному дому, — впервые боялась она, чтобы ее кто-нибудь случайно не увидалъ и не подслушалъ.

Приведя дѣвушку къ себѣ въ опочивальню, боярыня посадила ее на свою кровать и крѣпко сжала ее руками за плечи.

Дѣвушка порывалась встать.

— Сиди! сиди! — страстно и скоро шептала ей Мароа Андревна, и съ этимъ, повернувъ ее лицомъ къ лампадѣ, начала гладить ее по головѣ, по лицу и по молодымъ атласнымъ плечамъ, а съ устъ ея летѣли съ лаской слова: «Хорошенькая!.. ишь, какая хорошенькая! Ты прехорошенькая!.. мнѣ тебя жаль!» — вырвалось вдругъ громко изъ устъ Мароы Андревны, и она ближе и ближе потянула красавицу къ свѣту лампады, передвинула нѣсколько разъ передъ собою изъ стороны въ сторону лицо и обнаженный бюстъ дѣвушки, любуясь ею при разныхъ тонахъ освѣщенія, и, вдругъ схвативъ ее крѣпко въ свои объятія, шепнула ей съ материнской страстностью: «Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ съ тобою... сбережемъ что родится!»

Съ этимъ Мароа Андревна еще тѣснѣе сжала въ объятіяхъ дѣвушку; а та какъ павликой обвила алебастровыми руками сухую боярынину шею, и онѣ обѣ зарыдали и обѣ цѣловали другъ друга. Разницы общественнаго положенія теперь между ними не было: любовь все это сгладила и объединила.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бабушка ворожитъ своему внучку.

Виновница этихъ скорбей и этихъ радостныхъ слезъ Мароы Андревны была такъ умна, что никому не дала ни одного намека о перемѣнѣ, происшедшей въ ея положеніи. Мароа Андревна это замѣтила, и расположеніе ея къ крѣпостной фавориткѣ сына увеличилось еще болѣе.

— Ты неглупая дѣвка, — сказала она покоевкѣ, когда та одинъ разъ ее одѣвала, но, слѣдуя своей строгой системѣ сдержанности, съ тѣхъ поръ все-таки долгое время не обращалась къ ней ни съ какими нѣжностями. Это, по соображеніямъ Мароы Андревны, должно было идти такъ, пока она не дастъ всѣмъ дѣламъ новаго направленія. Новое направленіе было готово.

Мароа Андревна не стѣснялась тѣмъ, что срокъ годовому отпуску сына еще далеко не истекъ, и рѣшила отправить Алексѣя Никитича въ Петербургъ немедленно.

— Я вижу,—сказала она:—что тебѣ съ матерью скучно и ты не умѣешь держать себя въ деревнѣ... Въ деревнѣ надо трудиться, а то здѣсь много и безъ тебя дворянскихъ пастуховъ болтается. Ступай лучше маршируй и служи своей государынѣ.

Сынъ повиновался и этому распоряженію матери безпрекословно, какъ повиновался онъ всѣмъ вообще ея распоряженіямъ.

День отъѣзда Алексѣя Никитича былъ назначенъ и наступилъ.

Во время служенія въ залѣ напутственнаго молебна по случаю отъѣзда сына, Мароа Андревна стояла на колѣняхъ и моргала, стараясь отворачиваться, какъ будто отдавая приказанія стоявшей возлѣ нея ключницѣ. Она совладѣла съ собою и не заплакала. Но зазвенѣвшій во время завтрака у крыльца поддужный колокольчикъ и бубенцы ее срѣзали: она подскочила на мѣстѣ и взялась за бокъ.

— Что съ вами, матушка?—спросилъ ее сынъ.

— Колетъ меня что-то, — отвѣчала она и, сейчасъ же обратясь къ отцу Алексѣю, добавила:—я замѣчаю, что, какъ будто простудилась, когда мы съ тобой, отецъ Алексѣй, на току опытъ молотили.

— До бѣды, Мароа Андревна, развѣ долго? — отвѣчалъ отецъ Алексѣй, кушая жареную въ сметанѣ печенку.—Все вдругъ, государыня, можетъ быть. Я тоже намедни пошелъ ночью лошадокъ загарнуть, на задворкѣ, а большой вѣтеръ былъ, — и пригнулся, чтобъ дверь за собой притворить, а сивуха моя какъ меня шарахнетъ въ поясницу, такъ я насилу выползъ, и даже еще по сей часъ этотъ бокъ садпѣетъ.

Мароа Андревна остановила рѣчь попа взглядомъ и стала благословлять сына, а когда тотъ поклонился ей въ ноги, она сама нагнулась поднять его и, поднимая, шепнула:

— Служи тамъ какъ надобно, а я здѣсь свою кровь не забуду.

Алексѣй Никитичъ Плодомасовъ опять поѣхалъ въ блистательную екатерининскую гвардію, а Мароа Андревна опять осталась одна-одинёшенька въ своей Плодомасовкѣ.

Первымъ дѣломъ Мароы Андревны, проводя сына, было приласкать оставленную имъ сироту-фаворитку. При сынѣ

она не хотѣла быть потворщицей его слабостей: но чуть онъ уѣхалъ, она сейчасъ же взяла дѣвушку къ себѣ на антресоли и посадила ее за подушку плесть кружева, наказавъ строго-настрого ничѣмъ себя не утруждать и не насиловать.

Милости боярыни къ виновной дѣвушкѣ вводили всю домашнюю челядь въ недоумѣніе. У многихъ зашевелилась мысль подслужиться по поводу этой исторіи барынѣ и поустроить посредствомъ этой подслуги свое собственное счастье. Любимый поваръ Мароы Андревны первый сдѣлалъ на этотъ предметъ первую пробу. Въ одинъ вечеръ, получивши приказаніе насчетъ завтрашняго стола, онъ прямо осмѣлился просить у Плодомасовой позволенія жениться на этой дѣвушкѣ.

Онъ ждалъ за нею приданаго и милостей.

Мароа Андревна только завязала ему дурака и отпустила.

Попробовалъ этого же счастья просить у нея другой— смѣлый человѣкъ, садовникъ, а за нимъ третій — портной: но къ этимъ Мароа Андревна уже не была такъ снисходительна, какъ къ повару, а прямо сказала имъ:

— Я эти ваши холопскія хитрости вижу и понимаю, чѣмъ вамъ сладка эта дѣвка! А впередъ подобныхъ рѣчей чтобъ я ни отъ кого не слыхала.

Мароа Андревна безотступно берегла дѣвушку, и когда той доходилъ седьмой мѣсяцъ, Плодомасова сама собственными руками начала кроить свивальники, распашеночки и шапочки. Онѣ все это шили вдвоемъ у одного и того же окна, обыкновенно молча, и обѣ думая объ Алексѣѣ Никитичѣ. Разговоровъ у нихъ почти никакихъ не было: и Марѣѣ Андревнѣ это было не трудно, потому что она въ тридцать лѣтъ одинокой или почти что одинокой жизни привыкла къ думѣ и молчанью.

— Прибери! — говорила только Мароа Андревна своей собесѣдницѣ, подавая ей дошитую дѣтскую шапочку или свивальникъ.

Дѣвушка брала вещь, цѣловала съ теплѣйшей благодарностью барынину руку, и онѣ обѣ опять начинали молча работать.

Наконецъ дѣтскаго приданаго наготовлено было очень много: больше уже нечего было и готовить.

Мароа Андревна обратилась къ другимъ гораздо болѣе важнымъ заботамъ объ участи ожидаемаго ребенка.

Плодомасова позвала къ себѣ отца Алексѣя и велѣла ему писать подъ свою диктовку: «Во имя Отца и Сына и св. Духа».

— Это что будетъ, государыня Мароа Андревна?—спросилъ отецъ Алексѣй.

— А моя духовная, — отвѣчала боярыня и продолжала излагать свою волю, что всю свою законную часть изъ мужниняго имѣнія, равно какъ и имѣніе отъ ея родителей, ею унаслѣдованное, она, въ наказаніе сыну своему Алексѣю, не думавшему объ участи его незаконнаго младенца, завѣщаваетъ ребенку, который такого-то года, мѣсяца и числа долженъ родиться отъ ея крѣпостной сѣнной дѣвушки такой-то. А помимо сего награжденія, отъ нея тому младенцу по праву ея даримаго, она клятвою сына своего обязываетъ отдать тому младенцу третію часть и изъ его собственной доли, ибо симъ грѣхъ его безпечности о семъ младенцѣ хотя частію искупленъ быть можетъ. Мароа Андревна подписала свою волю; отецъ Алексѣй ее засвидѣтельствовалъ и унесъ въ алтарь своей церкви.

Одновременно съ этимъ Силуянъ, дворецкій Мароы Андревны, былъ посланъ добывать ожидаемому новорожденному неизвѣстнаго пола дворянское имя и вернулся съ доброю вѣстью.—Имя было припасено.

Боярыня Плодомасова была успокоена, и внуку ея оставалось только родиться на судьбу, уже наворожденную его бабушкой.

Но въ это время съ Мароой Андревной случилось неожиданное и ужасное происшествіе: ее постигло роковое испытаніе всѣмъ ея силамъ и крѣпостямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Домашній воръ.

Мароа Андревна, живучи одна въ своемъ огромномъ домѣ, постоянно держалась болѣе однѣхъ антресолей. Тамъ у нея были комнаты низенькія, уютныя, съ большими образниками, съ теплыми, широкими лежанками изъ пестрыхъ саксонскихъ кафель, съ гуслями изъ корельской березы и съ рядомъ большихъ длинныхъ сундуковъ, тяжело окованныхъ желѣзомъ и мѣдью. Здѣсь была постоянная спальня

Мароѣ Андревны и ея образная, а съ осени боярыня почти совсѣмъ закупоривалась на цѣлую зиму на антресоли, и вышка эта тѣлалась исключительнымъ ея мѣстопребываніемъ во всѣ дни и ночи. Старухѣ и на антресоляхъ было не тѣсно, — и вправду, здѣсь было столько помѣщенія, что свободно размѣщались всѣ подручные покоики: и спальный, и образной, и столовый, и пріемный залецъ съ форгункой, на которой боярыня игрывала съ отцомъ Алексѣемъ, и гардеробная, и пялечная, — словомъ, все, что нужно для помѣщенія одинокой старухи, и здѣсь Мароѣ Андревнѣ было пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ въ пустыхъ большихъ покояхъ.

— Волковня это у меня, а не домъ, — говаривала, бывало, Мароа Андревна, проходя иногда съ кѣмъ-нибудь по своимъ большимъ нижнимъ покоямъ: — ишь, куда ни глянешь, хоть волковъ пугай, пусто.

Большіе покои тяготили Мароу Андревну своей пустотой, и она сходила въ нихъ рѣдко, только при гостяхъ, которые тоже посѣщали ее очень рѣдко, или въ другихъ какихъ-нибудь экстренныхъ случаяхъ, встрѣчавшихся еще рѣже. Большіе покои нижняго этажа цѣлые зимніе дни спали, но зато оживлялись съ большою энергіею ночью. Это было оживленіе совершенно особенное, напоминавшее слегка то, что бываетъ будто на Лысой горѣ на шабашѣ.

Внизу зимой жили только сѣнныя дѣвушки, да орава лакеевъ. Дѣвушки сидѣли здѣсь на звонкихъ донцахъ за прялками по своимъ дѣвичьимъ, а лакеи — въ большой и въ малой переднихъ, одни за картами, а другіе, кто потрудолюбивѣе и подомовитѣе, за вязаньемъ чулокъ и перчатокъ. Гостиныя же, залы, столовыя и наугольные покои были, какъ сказано, постоянно пусты во весь день до вечера и навѣщались только набродными номадами по ночамъ. Когда на плодомасовскія небеса спускалась ночь и въ боярскомъ домѣ меркли послѣдніе огни, между лакейскими и дѣвичьими начиналось таинственное сообщеніе. Съ той и съ другой стороны ночные бродяги и бродяжки, какъ мураши-сластены, расползались по всѣмъ покоямъ барскаго дома: здѣсь они встрѣчались и справляли свой шабашъ на пушистыхъ коврахъ и диванахъ.

Шумъ, поднимаемый въ нижнихъ большихъ покояхъ плодомасовскаго дома, бывалъ иногда столь неостороженъ, что будилъ самоё, спящую на антресоляхъ Мароу Андревну:

но какъ подобный шумъ былъ для Мароы Андревны не новость, то она хотя и сердилась за него понемножку на своихъ челядинцевъ, но никогда этимъ шумомъ не тревожилась и не придавала ему никакого особаго значенія.

Развѣ когда уже очень всѣмъ этимъ Мароу Андревну допекали, и ей не спалось, то она рѣшалась принимать какія-нибудь мѣры противъ этого безчинства, но и то скорѣе для потѣхи, чѣмъ для строгости. Боярыня вставала, сходила тихонько внизъ и обходила съ палочкой домъ. Тогда, зачуявъ издали ея приближеніе, одни притаивались по угламъ, другіе, не помня себя, опрометью летѣли во всѣ стороны, какъ куропатки.

Въ большую часть подобныхъ своихъ ночныхъ обходовъ Мароа Андревна возвращалась къ себѣ безъ всякаго успѣха, только, бывало, распугаетъ развѣ свою праздную челядь. Но иногда случалось иное. Случалось, что Мароѣ Андревнѣ попадалась за рукавъ какая-нибудь дѣвушка, и Мароа Андревна вела эту ночную бродяжку къ себѣ за ухо, ставила ее передъ образникомъ на колѣни на мѣшочекъ, насыпанный гречею, и, усѣвшись сама на сундучокъ, заставляла грѣшницу класть земные поклоны, опредѣляя число ихъ сотнями, а иногда даже тысячей. Этимъ, впрочемъ, все наказаніе и кончалось. Мароа Андревна терпѣть не могла, если дѣвушка была съ прибылью или просилась замужъ, но такъ-называемое «гулянье» считала необходимымъ зломъ, которое и преслѣдовала только болѣе для порядка. Таковъ былъ духъ времени.

Съ сына она взыскала строго за оскорбленіе ея дома, за то, что онъ посягнулъ на дѣвушку, которая ходила за самою ею, Мароой Андревной, а болѣе же всего за то, что онъ ея сынъ, который, по ея понятіямъ, долженъ былъ быть не тѣмъ, чѣмъ могли быть рабы.

По отношенію къ рабамъ Мароа Андревна была далеко снисходительнѣе. Она и въ обходы-то свои пускалась, какъ сказано, только во время безсонницъ, и то словно для развлеченія, какъ на охоту. А то Мароа Андревна, сколь бы ей ни докучали, едва замѣчала ключницѣ: ты бы, мать моя, ночью-то хоть иной разъ посматривала за крысами.

— За какими, матушка, крысами?—освѣдомлялась ключница.

— Да вонъ за рукастыми, да ногастыми, что по перед-

нимъ спятъ. Скажи имъ, что ужъ я когда-нибудь къ нимъ сойду, такъ плохо имъ будетъ.

Ключница сказывала, и крысы какъ будто унимались, но ненадолго, и черезъ нѣкоторое время опять начиналось то же шныряньe.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Незваные гости.

Домъ боярыни Марѳы Андревны, хотя былъ населенъ очень людно, но въ нравахъ этого населенія подъ старость лѣтъ боярыни начинала господствовать большая распущенность. Домъ въ ночное время содержался неопасливо, и хотя время тогдашнее было не безпечное, но въ домѣ Плодомасовой почти никакой осторожности противъ внѣшнихъ напастей не наблюдалось. Здѣсь всѣ вмѣстѣ, какъ и каждый порознь, были увѣрены, что ихъ очень много и что они «шапками всѣхъ закидаютъ», а эта политика шапокъ, хотя и бойка, но, какъ извѣстно, не всегда хорошо себя оправдываетъ. Такъ это и случилось въ плодомасовскомъ домѣ, который слылъ богатымъ и который, по тогдашнимъ смутнымъ временамъ, можетъ-быть, слѣдовало оберегать гораздо потщательнѣй, чѣмъ онъ оберегался. Народъ бредилъ пугачевщиной: вездѣ шатались шайки мужиковъ и холоповъ, взманенныхъ популярными успѣхами Пугачева: они искали добычи, а плодомасовскій домъ обѣщалъ этой добычи цѣлыя горы.

Въ ноябрѣ, въ самую ненастную дождливую темень, въ самую глухую полночь Марѳѣ Андревнѣ показалось, что у нея внизу дома происходитъ цѣлая свалка. Шумъ, порою достигавшій оттуда до ея слуха, былъ такъ смѣлъ и дерзокъ, что боярыня уже хотѣла встать и сойти, или послать внизъ спавшую въ смежномъ съ нею покоѣ фаворитку Алексѣя Никитича; но самой Марѳѣ Андревнѣ нездоровилось, а будить непорожнюю женщину и гонять ее по лѣстницѣ боярыня пожалѣла. Въ этихъ соображеніяхъ Марѳа Андревна рѣшилась оставить разборъ дѣла до завтра: обернула голову теплымъ одѣяломъ и уснула.

Но вотъ слышится Марѳѣ Андревнѣ, будто кто-то трогаетъ дверь на лѣстницу внизу. Крѣпкая дверь хорошо заперта и не отворится, а Марѳѣ Андревнѣ опять спится и снова ей слышно, что по комнатамъ будто кто-то ходитъ.

Полежала Марѳа Андревна еще съ минуточку, и вдругъ ей кажется, что вокругъ нея будто вѣтеръ вѣетъ, а кромѣ вѣтра, по ея покоямъ ходятъ и живые люди. Марѳа Андревна совсѣмъ проснулась и покричала дѣвушку, но отвѣта не было. Тогда она, удивленная, встала сама, надѣла босовички и вышла. И что же Марѳа Андревна увидала? она увидала, что прямо противъ нея, въ другой комнатѣ, на сундукѣ лежитъ дѣвушка, та самая, которою грѣшенъ былъ Алексѣй Никитичъ, и лежитъ она очень странно и неестественно— лежитъ вся навзничь, руки подъ спиною, а на рту платокъ.

Какъ ни смѣла и подчасъ ни находчива была Марѳа Андревна, но здѣсь она ничего не могла вдругъ сообразить и придумать. А между тѣмъ для удивленія Марѳы Андревны, кромѣ горящей свѣчи и связанной дѣвушки, приготовлены были и нѣкоторыя другія новины: какъ разъ противъ вторыхъ дверей Плодомасова увидала молодецъ къ молодцу человѣкъ двадцать незнакомыхъ людей: рожа рожи страшнѣе, ножи за поясами, въ рукахъ у кого ломъ, у кого топоръ, у кого ружья, да свѣчи.

«Что это такое? видѣніе, что ли?» — подумала Марѳа Андревна; но врывавшійся въ окно вѣтеръ съ дождемъ и еще двѣ рожи, глядѣвшія въ выбитое окно изъ черныхъ вѣтвей растущей подъ самыми окнами липы, пронесли мигомъ послѣдніе просонки боярыни.

— Это, пожалуй, и Пугачъ! — рѣшила она и, торопливо накинувъ на плечи шушунъ, вышла и стала на порогѣ двери.

Домъ Плодомасовой посѣтилъ небольшой отдѣлъ разбойничьей шайки. Шайка эта, зная, что въ домѣ Плодомасовой множество прислуги, между которой есть не мало людей очень преданныхъ своей госпожѣ, не рисковала напасть на домъ открытою силой, а дѣйствовала воровски. Разбойники прошли низомъ дома, кого заперли, кого перевязали и, не имѣя возможности проникнуть наверхъ къ боярынѣ безъ большого шума черезъ лѣстницу, проникли къ ней въ окно, къ которому какъ нельзя болѣе было удобно подниматься по стоящей здѣсь старой черной липѣ.

Марѳа Андревна недолго стояла въ своемъ наблюдательномъ созерцаніи: разбойники ее замѣтили и сейчасъ же, однимъ ударомъ приклада, сшибли ее съ ногъ, бросили на полъ и тоже завязали ей ротъ. При ея глазахъ, взламы-

вали ея сундуки, забирали ея добро, вязали все это въ узлы и выкидывали за окно прямо на землю или передавали на веревкахъ темнымъ страшнымъ людямъ, которые, какъ вороны, сидѣли въ вѣтвяхъ черной липы и утаскивали все, что имъ подавали.

Вѣтеръ выдъ и заносилъ въ комнату брызги мелкаго осенняго дождя; свѣчи у разбойниковъ то вспыхивали широкимъ краснымъ пламенемъ, то гасли, и тогда снова поднимались хлопоты, чтобы зажечь ихъ. Марѳа Андревна лежала связанная на полу и молча смотрѣла на все это безчинство. Она понимала, что разбойники пробрались на ея антресоль очень хитро и что путь этотъ непремѣнно былъ указанъ имъ кѣмъ-нибудь изъ своихъ людей, знавшихъ всѣ обычаи дома, знавшихъ все его размѣщеніе, всѣ его ходы и выходы.

Лежа на полу, Плодомасова старалась сквозь мелькавшія у ея лица грязныя сапожищи разбойниковъ разглядывать разбойничьи лица и, наконецъ, въ одномъ изъ нихъ узнала своего слугу Ваньку Жорнова.

Марѳа Андревна ясно припомнила, что она очень недавно видѣла это лицо въ своихъ покояхъ, и удивилась, увидавъ его теперь чуть не атаманомъ этого отдѣла разбойничьей шайки.

Въ печальномъ положеніи Марѳы Андревны не представлялось никакой возможности уйти внизъ, гдѣ она еще могла ожидать хоть какую-нибудь помощь; да и то, думала она, Богъ знаетъ, помощь эта станетъ ли на ея сторону, или на сторону Ваньки Жорнова.

Въ тѣ времена ни на какое старое добро, ни на какую защиту отъ своей челяди помѣщики не надѣялись.

Марѳа Андревна, пожалуй, болѣе, чѣмъ многіе другіе, могла положиться на любовь своихъ челядинцевъ, съ которыми она всегда была справедлива и милостива, но тогда и правда и милость не цѣнились и не помнились. «Добрую барыню» въ самарскомъ уѣздѣ мужики и плачучи повѣсили на ракиту. Да Марѳѣ Андревнѣ это было почти все равно: на ея ли сторону стала бы ея челядь, или на сторону разбойниковъ и предводившаго ими Ваньки Жорнова,—все равно: ей внизъ съ своихъ антресолей теперь не добраться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пытка.

Мароа Андревна, не видя ни малѣйшей надежды къ спасенію, отвернулась отъ картины разбоя и стала приготовляться къ смерти. Сундуки и укладки ея были опорожнены и все, что въ нихъ вмѣщалось, повышвырено за окно. Въ покояхъ оставалось уже очень немного, надъ чѣмъ бы стоило еще поработать. Послѣднее вниманіе разбойниковъ пало на одинъ желѣзный сундукъ, привернутый черезъ мѣдныя шайбы винтами къ полу и запертый изнутри хитрою стальною пружиною. Ни одинъ ломъ, ни одинъ топоръ не бралъ этого заманчиваго сундука. По той тщательности, съ которою сундукъ этотъ былъ укрѣпленъ и запертъ, разбойники не сомнѣвались, что въ немъ-то и должны заключаться всѣ наицѣннѣйшія богатства домовитой боярыни. А сундукъ этотъ только-что былъ Мароой Андревной перебранъ прошедшимъ вечеромъ, и въ немъ не было ничего, кромѣ дѣтскаго бѣлья, припасеннаго ею ожидаемому новорожденному.

Со рта Мароы Андревны сорвали платокъ и потребовали, чтобы она указала гдѣ ключъ.

Мароа Андревна встрепенулась. Она обернулась и сказала:

— Какъ же ты смѣешь думать, холопъ, что я дамъ тебѣ ключъ?

— Не дашь?

— Ну, разумѣется, не дамъ,—отвѣчала заносчиво и рѣзко Мароа Андревна.

Разбойникъ, не разсуждая долго, ударилъ старуху сапогомъ въ лицо.

— Подай ключъ! — приставали къ ней со всѣхъ сторонъ.

— Не дамъ я ключа,—отвѣчала Мароа Андревна, отплевывая бѣгущую изъ рта кровь.

Что съ ней ни дѣлали, били ее, вывертывали ей пальцы и локти, таскали ее по полу за волосы! «не дамъ», отвѣчала желѣзная старуха.

— Я сказала, не дамъ, и не дамъ!

— Такъ на лучину ее, вѣдьму! сама заговоритъ, гдѣ ключъ спрятанъ, — скомандовалъ Ванька Жорновъ.

Съ Мароы Андревны стащили ея золотомъ шитые босовички, согнули ей колѣни и подъ икры подсунули пукъ пылающей лучины.

— Не дамъ я ключа вамъ, холопамъ, — проскрипѣла сквозь зубы Плодомасова.

— А ты, боярыня, не крѣпись изнапрасна, мы вѣдь все допытаемся, заговоришь, — приставалъ, коптя ея ноги, Жорновъ.

— Врешь, подлый холопъ: не заговорю.

— Заговоришь.

Но Мароа Андревна собрала силы, плюнула Жорнову въ самое лицо и опять назвала его «холопомъ».

— Холопъ! Нѣтъ, я твой господинъ теперь, а ты моя холопка.

— Подлый смердъ! — крикнула въ азартѣ, забывъ на минуту самую боль свою, истязуемая и снова плюнула прямо въ глаза своему палачу.

Ее били и истязали несказанно: она не ожидала помощи ни откуда: видѣла сочувствіе въ глазахъ одной своей задыхавшейся дѣвушки, но и не думала уступить холопамъ.

Разбойники становились втупикъ: ломать половицы, къ которымъ привиченъ сундукъ, — ихъ не выломишь изъ-подъ взакрой положеннаго вѣнца. Зажечь домъ — нѣтъ прибыли, да и освѣтишь слѣдъ ходящимъ по всей окружности войскамъ; сложить ее, старуху, всю на лучину, спалить ей прежде спину, потомъ грудь и животъ, — страшно, что помретъ, а не скажетъ.

Мароѣ Андревнѣ было радостно, что эти звѣри не знали, что съ ней сдѣлать?

— А что у тебя тутъ въ сундукѣ? — спросилъ ее Жорновъ.

— Тутъ мое золото, да серебро, да окатный жемчугъ.

У разбойниковъ даже и въ сердцѣ похолонуло, и въ ушахъ зазвенѣло.

Даже честью стали просить Мароу Андревну.

— Матушка, старушенька, не губи себя, мы твоей крови не жаждоваемъ: дай ключъ отъ уклалки съ бурмистскимъ зерномъ.

— Не дамъ, — отвѣчала Мароа Андревна.

— Такъ мы же у тебя выпытаемъ!

— Ничего не выпытаешь, холопъ.

Но у насъ, ни въ чемъ не знавшихъ ни мѣры, ни удержу, люди на злѣ, какъ и на добрѣ, не останавливаются.

У Емельяна Петровича были пытальщики дошлые,—знали, какъ какого человѣка какимъ зломъ донимать; а преданія Емельяновы были живы въ народѣ и не безвѣдомы и Ванькѣ Жорнову.

Марѳѣ Андревнѣ погрозили непереноснымъ срамомъ, что раздѣнутъ ее сейчасъ до-нага, осмолятъ ей голову дегтянымъ ведромъ и обсыпятъ пуховой подушкой, да, привязавъ на шелудиваго коня, о разсвѣтѣ въ село на базаръ выгонятъ.

Услыхавъ этотъ ужасный приказъ Ваньки Жорнова, Мароа Андревна вздрогнула, и холодный потъ выступилъ у нея даже по закоптѣлымъ опалинамъ.

— Неужто же надо покориться холопамъ, или посрамить передъ нечистымъ взоромъ непорочную наготу свою.

Мароа Андревна, однако, сообразила, что уже теперь ей не помогла бы и покорность, что разбойники, найдя въ сундукѣ однѣ дѣтскія тряпки, пришли бы еще въ большую ярость и все равно не простили бы ей ея упорства. Они отмстили бы ей именно тѣмъ мщеніемъ, къ которому она обнаружила страхъ и боясь котораго отдала бы имъ ключъ.

Безчестье ея казалось неотклонимымъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Помощь нежданная и для многихъ, можетъ-быть, невѣроятная.

— Николай угодникъ! защити меня, твою вдову грѣшную,— взвыла голосомъ страшнаго отчаянія Мароа Андревна, устремивъ глаза къ висѣвшему въ углу большому образу, передъ которымъ меркла задуваемая вѣтромъ лампада, и упованію Мароы Андревны на защиту отселѣ не было мѣры и предѣловъ. Вѣра ея въ защиту, дѣйствительно, могла двигать горами.

— Что у тебя въ сундукѣ? — впослѣднее приступили къ ней разбойники, мѣшая ей творить ея молитвы.

— Сокровища,— отвѣчала боярыня, прервавъ на минуту свой молитвенный шопотъ, и опять замолила.

— Подай ключъ!

— Не дамъ,— попрежнему смѣло и твердо сказала боя-

рыня, и снова зоветъ чудотворца, зоветъ его смѣло, громко и уповательно, словно требуетъ.

Спѣши... — кричитъ.—спѣши скорѣе, не постыди моихъ упованій!

Разбойникамъ даже становится страшно отъ этого крика: зычно кричитъ Мароа Андревна: страшно ей и ротъ закрыть, страшно, что и на небѣ ее услышатъ.

— Полно! — скомандовалъ Иванъ Жорновъ: — перестань, ребята, слушать: пори подушку и подавай ведро.

— Не посрами меня, скорый помощникъ! Явись сюда — я вѣрую и погибаю! — страшно громко вскрикнула несчастная старуха и... вышло какъ-то такъ и дивно, и страшно, что скорый помощникъ словно дыханіемъ бури явился къ ней на помощь.

Свистя, грохоча и воя, дунулъ въ распахнутое окно вѣтеръ, съ силой дотолѣ неслыханной, и вздрогнули старыя стѣны и съ угла сорвалась огромная въ тяжеломъ окладѣ икона святого Николая, которой молилась Плодомасова: загремѣли отъ ея паденія всѣ стекла въ окнахъ и кіотахъ: зажженныя свѣчи сразу погасли и выпали изъ разбойничьихъ рукъ, и затѣмъ какъ что кому видѣлось, то тому одному и было извѣстно.

Обезсиленная истязаніями Мароа Андревна видѣла только, что разбойники всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросились къ выбитому ими окну, и какъ демоны, архангельской силой низвергнутые, стремглавъ со стонами и визгомъ полетѣли внизъ изъ антресолей. Затѣмъ истерзанная и обожженная старуха, лежа, связанная, на полу въ комнатѣ, въ которой свисталъ и бушевалъ предразсвѣтный вѣтеръ, впала въ долгій и тяжелый обморокъ, въ которомъ всѣ событія катастрофы для нея сгладились и исчезли. Связанная дѣвушка, остававшаяся безмолвною свидѣтельницей всей этой исторіи, видѣла только, что когда въ комнату хлынулъ сильный вѣтеръ, икона сорвалась со стѣны, выпала изъ образника, разбила стекло и горящую лампаду и затѣмъ, качнувшись съ угла на уголъ, стала нижнимъ ребромъ на подугольномъ столикѣ.

Но разбойники видѣли совсѣмъ другое.

Пойманные на другой день войсками въ лѣсу, они возвратили все заграбленное ими у Плодомасовой добро и по-

казали, что въ плодомасовскомъ домѣ ихъ страшно покаралъ за ихъ вину Николай угодникъ.

Они увѣряли, что какъ только старая Плодомасиха крикнула святителю: «поспѣшай!» то изъ-за иконы мгновенно сверкнули молоньи, и икона эта вышла изъ своего мѣста и пошла на нихъ по воздуху, попаляя ихъ и ослѣпляя сіяніемъ, котораго имъ перенесть было невозможно.

Марѳѣ Андревнѣ возвратили ея добро; а природа возвратила ей ея здоровье; не возвратилось только здоровье къ подругѣ ея несчастія.

Но для того, чтобы не нарушать послѣдовательности нашего разсказа, возвратимся къ темной ночи разбойничьяго нападенія на домъ Плодомасовой и войдемъ въ обезображенные холодные покои антресолей, гдѣ Мароа Андревна и свидѣтельница ея страданій остаются связанными и безчувственными.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сынъ, стоившій своей матери жизни.

Несчастная дѣвушка, раздѣлявшая съ Мароой Андревной всѣ ужасы прошедшей ночи, поплатилась за это жизнью. Несмотря на то, что она только лежала связанною и не подвергалась отъ разбойниковъ никакимъ другимъ истязаніямъ, она не выдержала и къ утру начала терзаться многотрудными, несчастными, преждевременными родами, которые перенесть ей было тѣмъ тяжче, что она лежала скрученная по всѣмъ суставамъ, и едва высвободила изъ-подъ тугой повязки ротъ, чтобы облегчать свои страданія стономъ.

Эти вопли и стоны вывели Мароу Андревну изъ обморока, и это было къ счастію обѣихъ — иначе обѣ несчастныя женщины провалялись бы здѣсь Богъ вѣсть до какого времени. Въ пустынный садъ теперь забрести было некому, и нельзя было ожидать, чтобы кто-нибудь замѣтилъ выбитое на антресоляхъ окно; а покоевые слуги и сѣнныя дѣвушки, вѣроятно, тоже или побиты, или заперты, или связаны, или же, если ихъ эта бѣда и обминула, то тогда они не знаютъ ничего и никто изъ нихъ не посмѣетъ взойти наверхъ, пока ихъ боярыня не сошлетъ внизъ свою покоевку и кого-нибудь къ себѣ не потребуетъ.

Мароа Андревна все это сообразила и увидѣла совер-

шенную невозможность ожидать никакой сторонней помощи ни для себя, ни для другой мученицы, которая теперь еще болѣе ея нуждалась во всякомъ пособіи. Изувѣченная боярыня рѣшила сама себѣ помогать: она прежде всего приподняла съ полу свои руки и хотѣла на нихъ опереться, но вывернутыя въ суставахъ руки ей не повиновались. Старушка прислонилась къ полу ногами, но обожженныя подошвы ея ногъ тоже сказали ей, чтобы она на нихъ не надѣялась. Ноги Плодомасовой отъ самыхъ икръ до пальцевъ были, какъ сплошнымъ янтаремъ, унизаны безконечными ожогами, изъ которыхъ многіе уже начинали лопаться и открывали зіяющія раны.

Въ распоряженіи Мароы Андревны оставались одни колѣни, на нихъ еще можно было кое-какъ опереться. Мароа Андревна приподнялась съ неимовѣрнѣйшими страданіями и поползла къ роженицѣ на колѣняхъ. Ползучи, она несла передъ собою свои вывихнутыя и въ настоящее время ни къ чему непригодныя руки.

Доползши до роженицы, Плодомасова увидала только одну совершенную невозможность освободить мученицу отъ связывающихъ ее прочно узъ и, сказавъ ей: «терпи, другъ! терпи, другъ!»—сама такимъ же точно образомъ на колѣняхъ заколтыхала снова черезъ всѣ антресоли къ лѣстницѣ, сползла на груди внизъ по ступенямъ и, наконецъ, достигла запертыхъ нижнихъ дверей и застучала въ нихъ головою.

Долго Мароѣ Андревнѣ приходилось стучать; но, наконецъ, внизу дома послышалась тревога: очередные истопники, заставъ домъ запертымъ, смекнули, что что-то неладно, выломали двери, отперли однихъ, развязали другихъ, и поднялся говоръ и суета.

Мароа Андревна, стоя на колѣняхъ внизу лѣстницы все-таки продолжала стучать головою въ дверь и была, наконецъ, услышана.

Двери, разѣдявшія ее съ ея слугами, были выломаны, и Мароа Андревна поднята на руки своихъ вѣрныхъ рабовъ и рабынь.

Она послала наверхъ женщинъ и повитуху, а себѣ потребовала теплую баню и костоправку.

Истопили баню, набили въ большое липовое корыто мыльнистой пѣны, вложили въ него Мароу Андревну и начали

ее расправлять, да вытягивать. Кости становились на мѣста, а о мясѣ Мароа Андревна не заботилась. Вѣруя, что живая кость обрастетъ мясомъ, она хлопотала только поскорѣй выправиться и терпѣливо сносила безъ малѣйшаго стона несносную боль отъ вытягиваній и отъ ожоговъ, попавшихся въ мыльнистой щелочи.

Между тѣмъ какъ костоправка вытягивала и ломала въ банѣ Мароу Андревну, сѣнная дѣвушка, раздѣлявшая съ боярыней ужасы этой ночи, родила еле дававшаго признаки жизни семимѣсячнаго мальчика. Дитя было безъ ногтей, безъ вѣкъ и безъ всякаго голоса. Никакимъ образомъ нельзя было сомнѣваться, что дитя это жить не можетъ. Въ этомъ никто и не сомнѣвался, а о матери его нечего было и разговаривать: она только и дожила, пока взнесли на коврахъ на антресоли Мароу Андревну; поцѣловавъ похолодѣвшими устами боярынину руку, крѣпостная красавица скончалась, не сказавъ никому ни одного слова. Мароа Андревна тотчасъ же снова распорядилась: она велѣла подать себѣ изъ кладовой кругъ восковыхъ свѣчей, отсчитала по свѣчкѣ на каждую семью своихъ подданныхъ и послала разложить эти свѣчки на окна избъ и дворовыхъ клѣтей. Какъ только вечерній сумракъ спустился на село Плодомасово, всѣ его подслѣповатыя окна озарились краснымъ пламенемъ тысячи свѣчекъ, и тысяча душъ сразу послали небу молитву по усопшей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Плодомасова доканчиваетъ дѣло природы и начинаетъ иныя дѣйствованія.

Мароа Андревна велѣла показать себѣ недоношеннаго внука, взглянула на него, покачала сомнительно головой и потребовала себѣ изъ своей большой кладовой давно не употребляющуюся кармазинную бархатную шубку на заячьемъ мѣху. Ребенка смазали теплымъ лампаднымъ масломъ и всунули въ нагрѣтый рукавъ этой шубки, а самую шубу положили въ уголъ теплой лежанки, у которой стояла кровать Мароы Андревны. Здѣсь младенецъ долженъ былъ дозрѣть.

Мароа Андревна согрѣвала такимъ образомъ внука въ теченіе полутора мѣсяца, а въ теченіе этого срока внучекъ научился подавать слабый голосокъ, и сталъ ему тѣсенъ

рукавъ бабушкиной шубы, замѣнявшей ему покинутыя имъ до срока ложесна матери.

Въ теченіе этого же срока поправилась и Мароа Андревна и написала въ Петербургъ сыну слѣдующее посланіе: «Извѣщаю тебя, милый другъ мой, Алёшинька, что я нынче щедротами Всевышняго Бога чувствую себя здоровой, но, по отпускѣ тебѣ прошедшаго письма, была у самаго гроба и прошла половину мытарствъ: была у меня въ домѣ бунтовщичья сволочь и грозили мнѣ всякими бѣдами, но Богъ и святой угодникъ ни до чего худого меня отъ нихъ не допустили. Пограбленіе ихъ мнѣ все назадъ возвращено, а здоровье мое опять, слава Богу: врагамъ же симъ, слышно, оскудѣю оружіе въ конецъ и самая память о нихъ вскорѣ погибнетъ съ шумомъ.—А еще увѣдомляю тебя, что извѣстная тебѣ дѣвушка моя, къ крайнему моему огорченію, скончалась. Она въ ту ночь отъ перепуга обронила дитя незрѣлое, но я сіе дитя со всякимъ стараніемъ сберегла и сохраняла его слишкомъ сорокъ дней въ рукавѣ моей заячьей шубки, и оно тамъ вызрѣло и, полагать надо, по волѣ Всевышняго намѣрено жить. Окрещенъ же сей младенецъ извѣстнымъ тебѣ отцомъ Алексѣемъ осторожно, не погруженіемъ, а политъ съ чайнаго блюдца и названъ Парменомъ, такъ какъ такое имя значилось въ метрикѣ, которую дворецкій Силуянъ досталъ мнѣ у бѣдныхъ дворянъ Тугановыхъ на ихъ сына, что почти вровень съ симъ всего за мѣсяцъ у нихъ родился и наскоряхъ затѣмъ умеръ. Мертвымъ помѣстили нашего, а сего сдѣлали живымъ. Дѣло сіе я устроила къ общему удовольствію какъ своему, такъ и дворянъ Тугановыхъ, коимъ сіе все равно, а я имъ подарила за то деревушку Глаголиху, съ восемьюдесятью мужиками».

Осенью слѣдовавшаго за симъ года Алексѣй Никитичъ получилъ отъ матери другое письмо самаго неожиданнаго содержанія: «По отпускѣ къ тебѣ послѣдняго письма моего,— писала Мароа Андревна, — много все еще я заботилась и хлопотала, но живу, благодаря Создателя, весьма довольна и въ спокойствіи. Живая моя живуличка все такъ и просится на живое стуличко, и съ моихъ колѣнъ, когда не спитъ, мало и сходитъ. Божьимъ дитемъ симъ, не знаю тебѣ какъ и сказать, сколь я довольна и, чтобы веселѣй его тѣшить, купила у одной сосѣдней госпожи двухъ маленькихъ карловъ настоящей русской природы изъ крѣпостныхъ: оба

очень не велики и забавны: мужчинка называется Николай, а карлица—Марья. Карликъ умнѣе, а дѣвчужка изрядно съ придурью.—за пару триста рублей дала,—вырастетъ мальчикъ, будетъ съ кѣмъ играть. Я, другъ мой, полагаю такъ, что теперь намъ съ тобой опять бы время повидаться, но только лучше, думаю, мнѣ къ тебѣ съѣздить, чтобы отъ службы тебя не отрывать, да и отъ веселостей, о коихъ при дворѣ императрицы описываешь; а потому жди меня къ себѣ въ Питеръ по первопутку, ибо въ Москвѣ буду малое время, а хочу видѣть, что̀ тамъ у васъ будетъ происходить передъ Рождествомъ, пробуду святки,—кстати привезу тебѣ показать и новокупленныхъ карликовъ».

Какъ только выпалъ снѣгъ и установился зимній первопутокъ, Мароа Андревна, дѣйствительно, преножаловала въ Петербургъ и преножаловала съ немалою свитою.

Кромѣ лакеевъ, истопниковъ и сѣнныхъ дѣвушекъ и самоварницъ, за Мароою Андревною въ петербургскую квартиру молодого Плодомасова вбирались два крошечные человѣчка: оба въ кашемировыхъ бухарскихъ бешметахъ,—не разобрать, не то мужчины это, не то женщины. Это были карлики Николай Аѳанасьичъ и Марья Аѳанасьевна, пріобрѣтенные Мароой Андревной для забавы новорожденнаго внука, котораго сзади всего несла большая толстая мама.

— Это что же такое, матушка?—неосторожно освѣдомился Плодомасовъ, не замѣчая закрытаго маминой шубой ребенка.

— А это, другъ мой, здѣсь дворянинъ Парменъ Семенычъ Тугановъ.—Подай-ка его сюда, баба!

Мама вывернула изъ шубы цвѣтущаго розоваго младенца и подала его Мароѣ Андревнѣ, которая тотчасъ же посадила его верхомъ на колѣни и, держа его за толстыя ручонки, стала его качать, напѣвая:

Тараданъ, тараданъ,
Сѣла баба на баранъ,
Поѣхала по горамъ:
Встрѣлись гости,
Разсыпались кости.
Стой, баба, не бѣги,
Подай мои пироги.
Съ лучкомъ, съ мачкомъ,
Съ козинымъ бобочкомъ.
Хопъ! пошелъ!

Плодомасова поцѣловала расхохотавшагося мальчишку

и, бросивъ его на руки стоявшаго передъ нею сына, тихо шепнула ему:

— Видишь... у бабки на лежанкѣ въ заячьемъ рукавѣ доспѣлъ!.. Понеси его къ образу да благослови.

Оставивъ ребенка на рукахъ отца, Мароа Андреевна кивнула людямъ и пошла въ дальнія комнаты переодѣваться.

Среди опустѣлаго покоя остались гвардеецъ Алексѣй Плодомасовъ и на его рукахъ дворянинъ Парменъ Тугановъ. Глядя другъ на друга, оба они, казалось, были удивлены, и оба молчали.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

ПЛОДОМАСОВСКІЕ КАРЛИКИ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ умнѣе и Марья Аѳанасьевна съ придурью.

У старогородскаго городничаго Порохонцева былъ именинный пирогъ, и по этому случаю были гости: два купца изъ богатыхъ, чиновники и изъ духовенства: среброкудрый протоіерей Савелій Туберозовъ, маленькій, кроткій паче всѣхъ человѣкъ отецъ Бенефисовъ и непомѣрный дьяконъ Ахилла. Всѣ, и хозяева, и гости, сидѣли, ѣли, пили и потомъ, отнавъ отъ стола, зажужжали. Въ залѣ стоялъ шумный говоръ и ходили густыя облака табачнаго дыма. Въ это время хозяинъ случайно глянулъ въ окно и, оборотясь къ женѣ, воскликнулъ:

— Оля! смотри, мой дружокъ, тебѣ Богъ посылаетъ еще какихъ-то новыхъ гостей!

Такое восклицаніе вызвало всеобщее любопытство: всѣ, кто былъ въ комнатѣ, встали съ мѣстъ, подошли къ окнамъ и остановились, вперя взоры вдаль, на крутой спускъ, по которому осторожно сползаетъ, словно трехглавый змѣй,

---

*) Здѣсь долженъ чувствоваться большой перерывъ въ Плодомасовской хроникѣ. Наступающій очеркъ представляетъ эпоху гораздо позднѣйшую, когда Плодомасова уже умерла. Глубокое старчество Мароы Андреевны передается лишь устами ея фаворитнаго карлика Николая Аѳанасьевича. Очеркъ этотъ *частію* вошелъ въ хронику «*Соборяне*».

могучая рослая тройка большихъ мѣдно-красныхъ коней. Коренникъ мнется и тычетъ ногами какъ старый генералъ, подходящій чтобы кого-то распечь: онъ то скуситъ губу налѣво, то скуситъ направо, то встряхнетъ головой, и опять тычетъ и тычетъ: пристяжныя вьются и сжимаются какъ спутанныя; малиновый колокольчикъ шлепнетъ колечкомъ въ край и снова прилипъ и молчитъ: бубенчики глухо рокочутъ, но безъ всякаго звона. Но вотъ этотъ трехглавый змѣй сползъ, показались хребты коней, махнулъ въ воздухѣ хвостъ пристяжной изъ-подъ вѣтра; тройка выровнялась и понеслась по мосту, мѣрно и въ тактъ ударяя подковами о звонкія доски. Показались золоченая дуга съ травленою распиской и большія, бронзой кованыя, троечныя дрожки гитарой. На дрожкахъ рядкомъ, какъ сидятъ на козеткахъ, сидѣли два маленькія существа: одно мужское и одно женское; мужчина былъ въ темно-зеленой камлотовой шинели и въ большомъ картузѣ изъ шляпнаго волокнистаго плюша, а женщина—въ масаковомъ гроденаплевомъ салопѣ съ большимъ бархатнымъ воротникомъ лиловаго цвѣта и въ чепчикѣ съ коричневыми лентами.

— Боже, да это плодомасовскіе карлики!

— Не можетъ быть!

— Смотрите сами!

— Точно, точно они!

— Да какъ же: вонъ Николай-то Аѳанасьичъ, глядите, увидалъ насъ и кланяется; а вонъ и Марья Аѳанасьевна киваетъ.

Такіе возгласы раздались со всѣхъ сторонъ при видѣ карликовъ, и всѣ словно не вѣсть чему обрадовались ихъ пріѣзду. Хозяева захлопотали, возобновляя для новыхъ гостей завтракъ, а прежніе гости внимательно смотрѣли на двери, въ которыя должны были показаться маленькіе люди. И они, наконецъ, показались. Впереди шелъ старичокъ, ростомъ съ небольшого осьмилѣтняго мальчика, за нимъ старушка немного побольше. Старичокъ былъ весь чистота и благообразіе: на лицѣ его не было ни желтыхъ пятенъ, ни морщинъ, обыкновенно портящихъ лица карликовъ: у него была очень пропорціональная фигурка, круглая, какъ шаръ, головка, покрытая совершенно бѣлыми, коротко остриженными волосами, и небольшіе коричневые медвѣжьи глазки. Карлица была лишена пріятности брата: она была одутловата, у нея былъ глуповатый, чувственный ротъ и тупые глаза.

На карликѣ Николаѣ Аѳанасьевичѣ, несмотря на жаркое, лѣтнее время, были надѣты теплые плисовые сапожки, черные панталоны изъ лохматой байки, желтоватый фланелевый жилетъ и коричневый фракъ съ металлическими пуговицами. Бѣлье его было безукоризненной чистоты, и бѣлыя, безкровныя щечки его туго поддерживалъ высокій атласный галстукъ. Карлица была въ шелковомъ зеленомъ капотѣ и большомъ кружевномъ воротничкѣ городками.

Николай Аѳанасьевичъ, войдя въ комнату, вытянулъ свои ручки по швамъ, потомъ преподнесъ правую руку съ картузомъ къ сердцу, шаркнулъ ножкой объ ножку и, направясь въ развалецъ прямо къ именинницѣ, проговорилъ тихимъ и ровнымъ старческимъ голоскомъ:

— Господинъ нашъ Никита Алексѣевичъ Плодомасовъ и господинъ Парменъ Семенычъ Тугановъ отъ себя и отъ супруги своей изволили приказать намъ, ихъ слугамъ, принести вамъ, сударыня Ольга Арсентьевна, ихъ поздравленіе. Сестрица, повторите!—отнесся онъ къ стоявшей возлѣ него сестрѣ, и когда та кончила свое поздравленіе, Николай Аѳанасьевичъ шаркнулъ городничему и продолжалъ: — А васъ, сударь Воинъ Васильичъ, и всю честную компанію, съ дорогою именинницей. И затѣмъ, сударь, имѣю честь доложить, что, приславъ насъ съ сестрицей для принесенія вамъ ихъ поздравленія, и господинъ мой, и Парменъ Семеновичъ Тугановъ просятъ извиненія за наше холопье посольство, но сами теперь въ своихъ минутахъ не вольны и принесутъ вамъ въ томъ извиненіе сегодня вечеромъ.

— Парменъ Семенычъ будетъ здѣсь! — воскликнулъ городничій.

— Вмѣстѣ съ господиномъ моимъ Никитою Алексѣичемъ Плодомасовымъ, проѣздомъ въ Петербургъ; просятъ простить, что заѣдутъ къ вамъ въ дорожномъ положеніи.

Въ обществѣ началась суета, пользуясь которою карликъ подошелъ подъ благословеніе къ большому протопопу Туберозову и тихо проговорилъ:

— Парменъ Семенычъ просили васъ, отецъ протоіерей, побывать вечеромъ сюда.

— Скажи, голубчикъ, буду,—отвѣчалъ Туберозовъ.

Карликъ взялъ благословеніе у маленькаго, кроткаго паче всѣхъ человѣкъ отца Захаріи, потомъ протянулъ ручку Ахиллѣ и, улыбнувшись, проговорилъ:

— Только сдѣлайте милость, сударь, отецъ дьяконъ, силы не пробуйте.

— А что, Николай Аѳанасьичъ, развѣ онъ того... здоровъ?— пошутилъ съ карликомъ хозяинъ.

— Силку свою, сударь, все пробовать любятъ-съ,—отвѣчалъ старичокъ.—Есть надъ кѣмъ? надъ калѣчкой силиться!

— А что ваше здоровье, Николай Аѳанасьичъ, пытали карлика дамы, окружая его со всѣхъ сторонъ и пожимая его ручонки.

— Какое, милостивыя мои государыни, здоровье! Смѣхъ отвѣчать: точно поросенокъ сталъ: Петровки на дворѣ, а я все зябну.

— Зябнете!

— Да какъ же-съ: вотъ какъ кроликъ, весь въ мѣшокъ, весь въ заячій зашитъ. Да и чему дивиться, прекрасныя госпожи,—осьмой десятокъ лѣтъ уже совершилъ, ненужный человѣкъ.

Николая Аѳанасьевича наперебой засыпали вопросами о различныхъ предметахъ, усаживали, потчивали всѣмъ: онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы умно и находчиво, но отказывался отъ всѣхъ угощеній, говоря, что давно уже ѣстъ мало и то однажды въ сутки.

— Вотъ сестрица, онѣ покушаютъ,—проговорилъ онъ и тотчасъ же, обратясь къ сестрѣ, добавилъ: — садитесь, сестрица, кушайте! Когда просять хозяева, чего церемониться? Вы, можетъ-быть, безъ меня не хотите, такъ позвольте мнѣ, сударыня Ольга Арсентьевна, морковной начиночки изъ пирожка на блюдце... Вотъ такъ, довольно-съ, довольно! Теперь, сестрица, кушайте, а съ меня довольно. Меня нынче, государи мои, и кормить-то ужъ не за что,— нитяпаго чулка и того вязать не въ состояніи. Лучше гораздо сестрицы вязалъ когда-то, а нынче стану вязать, все петли спускаю.

— А бывало, Никола, ты славно вязалъ! — отозвался Туберозовъ, весь оживившійся и повеселѣвшій съ прибытіемъ карлика.

— Ахъ, отецъ Савелій, государь! Время, государь, время,— карликъ улыбнулся и договорилъ шутя: — строгости надо мной, государь, не стало; избаловался послѣ смерти моей благодѣтельницы. Что! хлѣбъ-соль готовые, кровъ теплый— поѣлъ казакъ да на бокъ, съ того казакъ и гладокъ.

Протопопъ Туберозовъ посмотрѣлъ въ глаза карлику съ счастливою улыбкой и сказалъ:

— Вижу я тебя, Никола, словно милую сказку старую передъ собою вижу, съ которою умереть бы хотѣлось.

— А она, батушка (онъ говорилъ *у* вмѣсто *ю*), она, сказка-то, добрая, прежде насъ померла.

— А забываешь, Николушка, про госпожу-то свою? Про боярыню-то свою, Мароу Андревну, забываешь? — проговорилъ, юля около карлика, дьяконъ Ахилла, котораго Николай Аѳанасьевичъ не то чтобы не любилъ, а какъ бы опасался и остерегался.

— Забывать, сударь, отецъ дьяконъ, старъ, самъ къ ней, къ утѣшительницѣ моей, служить на томъ свѣтѣ собираюсь, — отвѣчалъ карликъ очень тихо и неспѣшно, и съ легкимъ только полуоборотомъ въ сторону Ахиллы.

— Утѣшительная, говорятъ, была старуха, — отнесся безразлично ко всему собранію дьяконъ.

— Ты это въ какомъ же смыслѣ берешь ея утѣшительность?—спросилъ Туберозовъ.

— Забавная!

Протопопъ улыбнулся и махнулъ рукой, а Николай Аѳанасьевичъ поправилъ Ахиллу, твердо сказавъ ему:

— Утѣшительница, сударь, *утѣшительница*, а не забавница.

— Что ты ему безплодно внушаешь, Никола! ты лучше разскажи, какъ она тебя ожесточила-то, какъ откупъ-то сдѣлала,—посовѣтовалъ протопопъ.

— Что, отецъ протопопъ, старое это, сударь.

— Наитеплѣйше это у него выходитъ, когда онъ разсказываетъ, какъ онъ ожесточился,—обратился Туберозовъ къ присутствующимъ.

— А ужъ такъ, батушка, она, госпожа моя, умѣла человѣка и ожесточить, и утѣшить. И ожесточала, и утѣшала, какъ развѣ только одинъ ангелъ Господень можетъ утѣшить,— сейчасъ же отозвался карликъ. — Въ сокровенныя души, бывало, человѣка проникнетъ, и утѣшитъ, а мановеніемъ своимъ вся благая для него и совершитъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ разскажи, какъ это ты ожесточенъ былъ.

— Да разскажи, Николаша, разскажи!

— Что жъ, милостивые государи, смѣетесь ли вы, или

не смѣетесь, а вправду интересуетесь объ этомъ слышать, но если вся компанія желаетъ, я ослушаться не смѣю, разскажу.

— Пожалуйста, Николай Аѳанасьичъ, разсказывай.

— Разскажу, — отвѣчалъ, улыбнувшись, карликъ: — разскажу, потому что повѣсть эта даже и пріятная.

Съ этими словами карликъ началъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ въ ожесточеніи.

— Это всего было черезъ годъ, какъ онѣ меня у прежнихъ господъ купили. Я прожилъ этотъ годокъ въ грусти, потому былъ отторгнутъ, знаете, отъ фамиліи. Разумѣется, виду этого, что грущу, не подавалъ, чтобы какъ помѣщицѣ въ томъ не донесли, или бы сами онѣ не замѣтили, но только все это было втуне, потому что покойница, по большому уму своему, все это провидѣли. Стали приближаться мои именины, она и изволитъ говорить:

— Какой же, говоритъ, — я тебѣ, Николай, подарокъ подарю?

— Матушка, говорю,—какой же мнѣ еще, глупцу, подарокъ? Я и такъ всѣмъ свыше главы моей доволенъ.

— Нѣтъ, изволятъ говорить, — я думаю хоть рублемъ одарить.

Что жъ, я отказываться, разумѣется, не посмѣлъ, поцѣловалъ ея ручку, говорю:—много, говорю, вашей милостью, взысканъ, и сѣлъ опять чулокъ вязать. Я еще тогда хорошо глазами видѣлъ, и что̀ Мароа Андревна, что̀ я, заравно такіе самые нитяные чулки на господина моего Алексѣя Никитича въ гвардію вязалъ. Вяжу, сударь, такъ-то и въ этотъ часъ чулокъ, да и заплакалъ. Богъ знаетъ отчего заплакалъ, такъ, знаете, вспомнилось что-то про родныхъ, передъ днемъ ангела, и заплакалъ. А Мароа Андревна видятъ это, потому что я напротивъ ихъ кресла на скамеечкѣ всегда вязалъ, и спрашиваютъ:

— Что жъ ты это, изволятъ говорить, — нынче, Николаша, плачешь?

— Такъ, отвѣчаю,—матушка, что-то слезы такъ... да и, знаете, что̀ имъ доложить-то, отчего плачу, и не знаю.

Всталъ, ручку ихъ поцѣловалъ, да и опять сѣлъ на свою скамеечку.

— Не извольте, говорю, — сударыня, обращать взоровъ вашихъ на эту слабость,—это я такъ, сдуру, эти мои слезы пролилъ.

И опять сидимъ да работаемъ: и я чулокъ вяжу, и онѣ чулочекъ вязать изволятъ. Только вдругъ онѣ этакъ повязали и изволятъ спрашивать:

— А куда жъ ты, Николай, рубль тотъ дѣнешь, что я тебѣ завтра подарить хочу?

— Тятенькѣ, говорю, — сударыня, своему при вѣрной оказіи отправлю.

— А если, говорятъ,—я тебѣ два подарю?

— Другой, докладываю,—маменькѣ пошлю.

— А если три?

— Братцу, говорю,—Ивану Аѳанасьевичу.

Онѣ покачали головкой, да и изволятъ говорить:

— Много же какъ тебѣ, братецъ, денегъ-то надо, чтобы всѣхъ одѣлить! Это ты такой маленькій этого и вѣкъ не заслужишь.

— Господу, говорю,—было угодно такимъ создать меня, — а съ сими словами и опять заплакалъ: опять сердце, знаете, сжалось: и сержусь на свои слезы, и плачу.

Онѣ же, покойница, глядѣли-глядѣли на меня, и этакъ молчкомъ меня къ себѣ однимъ пальчикомъ и поманули: я упалъ имъ въ ноги, а онѣ положили мою голову въ колѣни, да и я плачу, и онѣ изволятъ плакать. Потомъ встали да и говорятъ:

— Ты не ропщешь, Николаша, на Бога?

— Никогда, говорю, — матушка, на Создателя своего не ропщу.

— Ну, Онъ, изволятъ говорить, — тебя за это и утѣшитъ.

Встали онѣ, знаете, съ этимъ словомъ, велѣли мнѣ приказать, чтобы къ нимъ послали бурмистра Дементія, въ ихъ нижній кабинетъ, и сами туда отправились.

— Не плачь, говорятъ, Николаша:—тебя Господь утѣшитъ.

И точно утѣшилъ.

При этомъ Николай Аѳанасьевичъ заморгалъ частенько своими тонкими вѣками и вдругъ проворно соскочилъ со стула, отбѣжалъ въ уголокъ, взмахнулъ надъ глазами своими ручками, какъ крылышками, отеръ бѣлымъ платочкомъ слезы и возвратился со стыдливою улыбкой на преж-

нее мѣсто. Усѣвшись снова, онъ началъ другимъ, нѣсколько торжественнымъ голосомъ:

— Обновился майскій день моего ангела, девятаго числа мая; встаю я, сударь мои, рано; вышелъ на цыпочкахъ, потихоньку умылся, потому что я у нихъ, у Мароы Андревны, въ ножкахъ за ширмою, на коврѣ спалъ; одѣлся да и пошелъ въ церковь. Я имѣлъ то намѣреніе, чтобъ отстоять заутреню и обѣдню, а послѣ у отца Алексѣя, какъ должно моему ангелу, молебенъ отслужить.

— Вошелъ я, сударь, въ церковь и прошелъ прямо въ алтарь, чтобъ у отца Алексѣя благословеніе принять, и вижу, что покойникъ отецъ Алексѣй какъ-то необыкновенно какъ радостны въ выраженіи и меня шепотливо поздравляютъ «съ великою радостію». Я, поистинѣ вамъ доложу, все это отнесъ, разумѣется, къ праздничному дню и къ именинамъ моимъ. Но что-жъ тутъ, государи мои, воспослѣдовало! Выхожу я съ просфорою на лѣвый клиросъ, такъ какъ я съ покойнымъ дьячкомъ Ефимычемъ на лѣвомъ клиросѣ пѣлъ, и вдругъ мнѣ въ народѣ представились и матушка, и отецъ, и братецъ Иванъ Аѳанасьевичъ. Батушку-то съ матушкой я въ народѣ еще и не очень вижу, но братецъ Иванъ Аѳанасьевичъ, какъ онъ былъ... этакой гвардіонъ,—я его сейчасъ увидалъ. Думаю: это видѣніе, потому что очень ужъ я желалъ ихъ этотъ день видѣть, — но нѣтъ, не видѣнье! Вижу, маменька, — крестьянка онѣ были, — такъ и ударяются плачутъ. Думаю, вѣрно, у своихъ господъ онѣ отпросились и издалека пришли съ своимъ дитей повидаться. Разумѣется, я, чтобы благочинія церковнаго не нарушать, ушелъ скорѣй совсѣмъ въ алтарь, такъ и обѣдня по чину, какъ должно, кончилась, и тогда... Вотъ только чтобъ эти слезы дурацкія опять разсказать не мѣшали! — проговорилъ, быстро обмахнувъ платочкомъ глаза, Николай Аѳанасьевичъ. — Выхожу я, сударь, послѣ обѣдни изъ алтаря, чтобы святителю молебенъ пѣть, а смотрю, предъ аналоемъ съ иконою стоитъ сама Мароа Андревна, къ обѣднѣ пожаловала, а за нею сестрица Марья Аѳанасьевна, родители мои и братецъ. Стали пѣть «святителю отче Николае», и вдругъ отецъ Алексѣй на молитвѣ всю родню мою поминаетъ. Очень я былъ, сударь, всѣмъ этимъ тронутъ. Отцу Алексѣю я, по состоянію своему, что имѣлъ запла-

тилъ, хотя они и братъ не хотѣли, но это нельзя же даромъ молиться,—да и подхожу къ Мароѣ Андревнѣ, чтобъ ее поздравить. А онѣ меня тихонько ручкой отъ себя отстранили и говорятъ:

— Иди прежде родителямъ поклонись.

Я повидался съ отцомъ, съ матушкой, съ братцемъ, и все со слезами. Сестрица Марья Аѳанасьевна (Николай Аѳанасьевичъ съ ласковою улыбкой указалъ на сестру), сестрица ничего — не плачутъ, потому что у нихъ характеръ лучше, а я слабъ и плачу. Тутъ, батушка, выходимъ мы на паперть; госпожа моя Мароа Андревна достаютъ изъ карманчика кошелечекъ кувшинчикомъ, и самъ я видѣлъ даже, какъ онѣ этотъ кошелечекъ вязали, да не зналъ, разумѣется, кому онъ.

— Одари, говорятъ мнѣ,—Николаша, свою родню.

Я начинаю одарять: тятенькѣ серебряный рубль, маменькѣ рубль, братцу Ивану Аѳанасьевичу рубль, и все новые рубли; а въ кошелечкѣ и еще четыре рубля.

— Это, говорю,—матушка, для чего прикажете?

А ко мнѣ, гляжу, бурмистръ Дементій и подводитъ и невѣстушку, и трехъ ребятишекъ, всѣ въ свиткахъ. Всѣхъ я, по ея великой милости, одаряю, какъ виночерпій и хлѣбодаръ, что въ Писаніи. Ну-съ, одарилъ, и пошли мы домой изъ церкви всѣ: покойница госпожа и отецъ Алексѣй, и я, сестрица Марья Аѳанасьевна, и родители, и всѣ дѣти братцевы. Сестрица Марья Аѳанасьевна опять и здѣсь идутъ ничего, разумно, ну, а я, глупецъ, все и тутъ, самъ не знаю чего, рѣкой разливаюсь, плачу. Но все же, однако, я, милостивые государи, до сихъ поръ хоть и плакалъ, но шелъ благоприлично за госпожей; но тутъ, батушка, у крыльца господскаго, вдругъ смотрю, вижу, стоятъ три подводы, лошади запряжены разгонныя господскія Мароы Андревны, а братцевы двѣ лошаденки сзади прицѣплены, и на телѣгахъ, вижу, весь багажъ моихъ родителей и братца. Я, батушка, этимъ смутился и не знаю, что думать, что это значитъ? Мароа Андревна до сего времени, идучи съ отцомъ Алексѣемъ, все о покосахъ изволили разговаривать и вниманія на меня будто не обращали, а тутъ вдругъ ступили ножками на крыльцо, оборачиваются ко мнѣ и изволятъ говорить такое слово: «Вотъ тебѣ, слуга мой вѣрный, отпускная, пусти своихъ стариковъ и брата съ дѣтьми на волю»,

и... и... бумагу-то эту... отпускную-то... за жилетъ мнѣ и положили... Ну, ужъ этого я не перенесъ... (Николай Аѳанасьевичъ приподнялъ руки вровень съ своимъ лицомъ и заговорилъ): — Ты, говорю ей, въ своемъ безуміи! Жестокая, говорю, ты жестокая! За что, говорю, ты хочешь меня раздавить своей благостью! — и тутъ грудь мнѣ перехватило, виски заныли, въ глазахъ по всему свѣту замелькали лампады, и я безъ чувствъ упалъ у отцовскихъ возовъ съ тою отпускной.

— Ахъ, старичокъ прелестный! — воскликнулъ растроганный дьяконъ Ахилла, хлопнувъ по плечу Николая Аѳанасьевича.

— Да-съ, — продолжалъ, вытеревъ себѣ ротикъ, карликъ. — А пришелъ-то я въ себя ужъ черезъ девять дней, потому что горячка у меня сдѣлалась. Осматриваюсь и вижу, госпожа сидятъ у моего изголовья и говорятъ: — охъ, прости ты меня Христа-ради, Николаша: чуть я тебя, сумасшедшая, не убила! — Такъ вотъ-съ она какой великанъ-то была, госпожа Плодомасова!

— Ахъ ты, старичокъ прелестный! — опять воскликнулъ дьяконъ Ахилла, схвативъ Николая Аѳанасьевича въ шутку за пуговичку фрака и какъ бы оторвавъ ее.

Карликъ молча попробовалъ эту пуговицу и, удостовѣрясь, что она цѣла и на своемъ мѣстѣ, сказалъ:

— Да-съ, да, ничтожный человѣкъ, а заботились обо мнѣ, довѣряли: даже скорби свои иногда открывали, когда въ разлукѣ по Алексѣѣ Никитичѣ скорбѣли. Получатъ, бывало, письмо, сейчасъ, сначала, скоро-скоро пошептомъ его пробѣжатъ, а потомъ и все вслухъ читаютъ. Онѣ сидятъ читаютъ, а я передъ ними стою, чулокъ вяжу, да слушаю. Прочитаемъ, и въ разговоръ сейчасъ вступимъ:

— Теперь его въ офицеры, бывало скажутъ, — должно быть скоро произведутъ.

— А я говорю: ужъ по ранжиру, матушка, непремѣнно произведутъ.

— Тогда, разсуждаютъ, — какъ ты думаешь: ему вѣдь больше надо будетъ денегъ посылать?

— А какъ же, отвѣчаю, — матушка? обойтись безъ того никакъ нельзя, непремѣнно тогда надо больше.

— То-то, скажутъ, — намъ вѣдь здѣсь деньги все равно и не нужны.

— Да намъ, молъ, онѣ на что же, матушка, нужны!

Тутъ Николай Аѳанасьевичъ щелкнулъ пальчиками и, привздохнувъ, съ озабоченнѣйшею миной проговорилъ:

А сестрица Марья Аѳанасьевна въ это время молчатъ, покойница на нихъ за это сейчасъ и разгнѣваются,—сейчасъ начинаютъ деревянностью попрекать: «Деревяжка ты, скажутъ, деревяжка! Недаромъ мнѣ тебя за братомъ-то твоимъ безъ денегъ въ придачу отдали».

Николай Аѳанасьевичъ вдругъ спохватился, покраснѣлъ и, повернувшись къ своей тупоумной сестрѣ, проговорилъ:

— Вы простите меня, сестрица, что я это разсказываю?

— Сказывайте, ничего, сказывайте,—отвѣчала, водя языкомъ за щекою, Марья Аѳанасьевна.

— Сестрица, бывало, расплачутся,—продолжалъ Николай Аѳанасьевичъ: — а я ее куда-нибудь въ уголокъ или на лѣстницу тихонечко съ глазъ Марьи Андревны выманю и уговорю: — сестрица, говорю, успокойтесь, пожалѣйте себя; эта немилость къ милости, — потому что я вѣдь ужъ, бывало, знаю, что у нея все къ милости. И точно, горячее да сплывчивое сердце ихъ сейчасъ скоро, бывало, и пройдетъ: «Марья! — бывало, зовутъ черезъ минутку. — Полно, мать, злиться-то. Чего ты кошкой-то ощетинилась? Иди, сядь здѣсь, работай».

— Вы вѣдь, сестрица, не сердитесь?

— Сказывайте, что жъ мнѣ? сказывайте! —отвѣчала Марья Аѳанасьевна.

— Да-съ; тѣмъ, бывало, и кончено. Сестрица возьмутъ скамеечку, поставятъ у ихъ ножекъ и опять начинаютъ вязать. Ну, тутъ я ужъ, какъ это спокойствіе водворится, сейчасъ подхожу къ Марѣ Андревнѣ, попрошу у нихъ ручку поцѣловать и скажу: — покорно васъ, матушка, благодаримъ! —Сейчасъ всѣ даже слезой взволнуются.

— Ты у меня, говорятъ, Николай, нѣжный. — Отчего это только, я понять не могу, отчего она у насъ такая деревянная? скажутъ опять на сестрицу. А я, — продолжалъ Николай Аѳанасьевичъ, улыбнувшись: — я эту рѣчь ихъ сейчасъ, какъ секретарь, подъ сукно, подъ сукно. «Сестрица! шепчу, сестрица, просите скорѣй ручку поцѣловать!»

Марѳа Андревна услышатъ, сейчасъ и конецъ.

— «Сиди ужъ, мать моя, скажутъ сестрицѣ,—не надо

мнѣ твоихъ поцѣлуевъ»,— и пойдемъ колтыхать синицами въ трое рукъ. Только и слышно, что синицы эти три-ти-ти-ти-три ти-ти, да мушка ж-ж-жу-ж-жу-ж-жу пролетитъ. Вотъ въ такой тишинѣ невозмутимой, милостивые государи, въ селѣ Плодомасовѣ жили, и такъ пятьдесятъ пять лѣтъ вмѣстѣ прожили

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Николай Аѳанасьевичъ сконфуженъ.

— Ну, а васъ же самихъ съ сестрицей на волю Мароа Андревна не отпустила? — спросилъ судья Дарьяновъ карлика, когда тотъ окончилъ свою повѣсть и хотѣлъ встать.

— На волю? Нѣтъ, сударь Валерьянъ Николаичъ, меня не отпускали. Сестрица Марья Аѳанасьевна были приписаны къ родительской отпускной, а меня не отпускали, да это вѣдь и къ моей пользѣ все. Онѣ, бывало, изволятъ говорить: «Послѣ смерти моей живи гдѣ хочешь (потому что онѣ на меня капиталъ положили), а пока жива, я тебя на волю не отпущу».

— Да и на что, говорю,—мнѣ, матушка, она, воля? Меня на ней воробьи заклюютъ.

— Ахъ ты маленькій этакой!—воскликнулъ въ умиленіи Ахилла.

— Да, конечно-съ, заклюютъ,—подтвердилъ Николай Аѳанасьевичъ.—Вонъ у насъ дворецкій Глѣбъ Степановичъ, на волю ихъ отпустили, они гостиницу открыли и занялись винцомъ, а теперь по гостиному двору ходятъ, да купцамъ съ конфетныхъ билетиковъ стихи читаютъ. Ничего прекраснаго въ этомъ нѣтъ.

— А онъ вѣдь, Николай-то Аѳанасьевичъ-то, онъ у нея во всемъ правая рука былъ. Крѣпостной, да не рабъ, а больше другъ и наперсникъ,—отозвался Тубероэовъ, желая возвысить этимъ отзывомъ значеніе Николая Аѳанасьевича и снова наладить разговоръ на желанную тему.

— Служилъ, батушка, отецъ протоіерей, по разумѣнію своему угождалъ и берегъ ихъ. Въ Москву и въ Питеръ покойница ѣзжали, никогда горничныхъ съ собою не брали. Терпѣть женской прислуги въ дорогѣ не могли. Изволятъ, бывало, говорить: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны квохчутъ, да въ гостиницахъ по коридорамъ расхаживаютъ, а Николаша, говорятъ, у меня, какъ заяцъ, въ углу сидитъ».

Онѣ вѣдь меня за мужчину вовсе не почитали, а все, бывало, заяцъ.

Николай Аѳанасьевичъ разсмѣялся и добавилъ:

— Да и взаправду, какой же я ужъ мужчина, когда на меня, извините, ни сапожковъ и никакого мужского платья готоваго нельзя купить, — не придется. Это и точно, ихъ слово справедливое было, что я заяцъ.

— Но не совсѣмъ же она тебя всегда считала зайцемъ, когда хотѣла женить? — отозвался городничій Порохонцевъ.

— Да, это такое ихъ господское желаніе, батушка, Воинъ Васильевичъ, было, — проговорилъ сконфузясь карликъ. — Было, сударь, — добавилъ онъ, все понижая голосъ: — было.

— Неужто, Николай Аѳанасьичъ, было? — откликнулось разомъ нѣсколько голосовъ.

Николай Аѳанасьевичъ потупилъ стыдливо взоръ себѣ въ колѣни и шопотомъ проронилъ:

— Не могу солгать, дѣйствительно, такое дѣло было.

Всѣ, кто здѣсь были, разомъ пристали къ карлику:

— Голубчикъ, Николай Аѳанасьевичъ, разскажите про это.

— Ахъ, господа, про что тутъ разсказывать, — отговаривался, краснѣя и отмахиваясь отъ просьбъ руками, Николай Аѳанасьевичъ.

Его просили неотступно, дамы его брали за руки, цѣловали его въ лобъ; онъ ловилъ на лету прикасавшіяся къ нему дамскія руки и цѣловалъ ихъ, но все-таки отказывался отъ разсказа, находя его и долгимъ, и незанимательнымъ. Но вотъ что-то вдругъ неожиданно стукнуло объ полъ; именинница, стоявшая въ эту минуту предъ кресломъ карлика, въ испугѣ посторонилась, и глазамъ Николая Аѳанасьевича представился колѣнопреклоненный, съ воздѣтыми кверху руками, дьяконъ Ахилла.

— Душечка, душка, душанчикъ, — мотая головой, выбивалъ Ахилла.

— Что вы? Что вы это, отецъ дьяконъ? — заговорилъ, быстро подскочивъ къ дьякону, Николай Аѳанасьевичъ.

Стоя на своихъ ножкахъ, карликъ былъ на вершокъ ниже колѣнопреклоненнаго Ахиллы, который, обнявъ его своими руками, крѣпко цѣловалъ и между поцѣлуями барабанилъ:

— Никола... Николаша... Николавра... если ты... не разскажешь, какъ тебя женить хотѣли... то ты просто не другъ Кесарю!

— Скажу, скажу, все разскажу, только поднимайтесь, отецъ дьяконъ.

Ахилла всталъ и, обмахнувъ съ рясы пыль, самодовольно возгласилъ:

— А то говорятъ: *не разскажетъ!* Съ чего такъ не разскажетъ? Я сказалъ: *выпрошу*, вотъ и выпросилъ. Теперь, господа, опять по мѣстамъ и чтобъ тихо, а вы, хозяйка, велите Николаврѣ стаканъ воды съ червоннымъ виномъ, какъ въ домахъ подаютъ.

Всѣ усѣлись. Николаю Аѳанасьевичу подали стаканъ воды, въ который онъ самъ опустилъ нѣсколько капель краснаго вина, и началъ:

— Это, господа, было вскорѣ послѣ французскаго замиренія, какъ я со въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ разговаривалъ.

— Вы съ государемъ разговаривали?—перебили разсказчика нѣсколько голосовъ.

— А какъ бы вы изволили полагать?—отвѣчалъ съ тихою улыбкой карликъ.—Съ самимъ императоромъ Александромъ Первымъ, имѣлъ честь отвѣчать ему.

— Ха-ха-ха! Вотъ Богъ меня убей, шельма какая у насъ этотъ Николавра! — взвылъ вдругъ отъ удовольствія дьяконъ Ахилла и, хлопнувъ себя ладонями по бедрамъ, добавилъ:—глядите на него, а онъ, клопитосъ, съ царемъ разговаривалъ!

— Сиди, дьяконъ, сиди!—спокойно и внушительно произнесъ Туберозовъ.

Ахилла показалъ руками, что онъ болѣе ничего не скажетъ, и сѣлъ.

Разсказъ начался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ во всей славѣ своей.

— Это какъ будто отъ разговора моего съ государемъ императоромъ даже и начало имѣло,—спокойно заговорилъ Николай Аѳанасьевичъ.— Госпожа моя, Марѳа Андреевна, имѣла желаніе быть въ Москвѣ, когда туда ждали императора послѣ побѣды надъ Наполеономъ. Разумѣется, и я, по ихъ волѣ, при нихъ находился. Онѣ, покойница, тогда уже были въ большихъ лѣтахъ и, по нездоровью своему,

стали нѣсколько строптивы, гнѣвливы и обидчивы. Молодымъ господамъ въ домѣ у насъ было скучно, и покойница это видѣли и много на это досадовали. Себѣ этого ничего, бывало, не приписываютъ, а больше всѣхъ на Алексѣя Никитича сердились, все полагали, что не такъ, вѣрно, у нихъ въ домѣ порядокъ устроенъ, чтобы всѣмъ весело было, и что чрезъ то ихъ всѣ забываютъ. Вотъ Алексѣй Никитичъ и достали маменькѣ приглашеніе на балъ, на который государя ожидали. Марѳа Андревна сейчасъ Алексѣю Никитичу ручку пожаловали и не скрыли отъ меня, что это имъ очень большое удовольствіе доставило. Сдѣлали онѣ себѣ нарядъ безцѣнный и мнѣ французу-портному заказали синій фракъ аглицкаго сукна съ золотыми пуговицами, панталоны—сударыни, простите!—жилетъ и галстукъ бѣлые, манишку съ кружевными гофреями и серебряныя пряжки на башмаки, сорокъ два рубля заплатили. Алексѣй Никитичъ для маменькинаго удовольствія такъ упросили, чтобъ и меня туда можно было на балъ взять. Приказано было метръ-д'отелю, чтобы ввести меня въ оранжерею при домѣ и напротивъ самаго зала, куда государь взойдетъ, въ углу поставить.

— Такъ это, милостивые государи, все и исполнилось, но не совсѣмъ. Поставилъ меня, знаете, метръ-д'отель въ уголокъ у большого такого дерева, китайская пальма называется, и сказалъ, чтобъ я смотрѣлъ, что отсюда увижу. А что оттуда увидать можно?—Ничего. Вотъ я, знаете, какъ Закхей мытарь, цапъ-царапъ да и взлѣзъ на этакую невысокую скалу, изъ такого, знаете, изъ поздреватаго камня, въ видѣ натуральной сдѣлана. Взлѣзъ я на нее на самый верхъ и стою подъ пальмой, за стволокъ-то держуся. Въ залѣ шумъ, блескъ, музыка и распарады, а я хоть и на скалѣ подъ пальмой стою, а все ничего не вижу, кромѣ какъ головы. Такъ ничего совсѣмъ ужъ и видѣть не надѣялся, но только вышло, что больше всѣхъ увидалъ. Вдругъ-съ всѣ эти головы въ залахъ засуетились, раздвинулись, и государь съ княземъ Голицынымъ прямо и входятъ отъ жары въ оранжерею. И еще-то, представьте, идетъ не только-что въ оранжерею, а даже въ самый тотъ дальній уголъ прохладный, куда меня спрятали. Я такъ, сударыни, и засохъ. На скалѣ-то засохъ и не слѣзу.

— Страшно?—спросилъ Туберозовъ.

— Какъ вамъ доложить, отецъ протопопъ: не страшно, но и не нестрашно.

— А я бы убёгъ, — сказалъ, не вытерпѣвъ, дьяконъ Ахиллла.

— Чего же, сударь, бѣжать?

— Чего бѣжать? Да потому, что никогда царской фамиліи не видалъ, вотъ испугался бъ и убёгъ, — отвѣчалъ гигантъ.

— Ну-съ, я не бѣгалъ,—продолжалъ карликъ.- Не могу сказать, чтобы совсѣмъ ни капли не испугался, но не бѣгалъ. А его величество тѣмъ часомъ все подходятъ, да подходятъ; я слышу, какъ сапожки на нихъ рипъ-рипъ-рипъ; вижу ужъ и ликъ у нихъ этакій тихій, взракъ ласковый, да ужъ, знаете, на отчаянность, и думаю и не думаю: какъ и зачѣмъ это я предъ ними на самомъ на виду являюсь? Такъ, думъ совершенно никакихъ, а одно млѣнье въ суставахъ. А государь вдругъ этакъ головку повернули и, вижу, изволили вскинуть на меня свои очи и на мнѣ ихъ и остановили. Я думаю: что же я статуя есть, или человѣкъ? Человѣкъ. Я взялъ да и поклонился своему императору. Они посмотрѣли на меня и изволятъ князю Голицыну говорить по-французски: «Ахъ, какой миніатюрный экземпляръ! Чей, любопытствуютъ, это такой?» Князь Голицынъ, вижу, въ затруднительности, какъ ихъ величеству отвѣтить; а я, какъ французскую рѣчь могу понимать, самъ и отвѣчаю:

— Госпожи Плодомасовой, говорю,—ваше императорское величество.

Государь обратился ко мнѣ и изволятъ меня спрашивать:

— Какой вы націи?

— Вѣрноподданный, говорю,—вашего императорскаго величества.

— Какой же вы уроженецъ?—изволятъ спрашивать.

А я опять отвѣчаю:

— Изъ крестьянъ, говорю,—вѣрноподданный вашего императорскаго величества!

Императоръ и разсмѣялись.

— Bravo!—изволили пошутить,—bravo, mon petit sujet fidèle, и ручкой, этакъ, меня за голову взяли.

Николай Аѳанасьевичъ понизилъ голосъ и сквозь тихую улыбку шопотомъ добавилъ:

— Ручкой-то своей, знаете, взяли, обняли, а здѣсь... непримѣтно для нихъ, пуговочкой своего обшлага, носъ-то мнѣ ужасно чувствительно больно придавили.

— А ты же, вѣдь, ничего... не закричалъ? — спросилъ дьяконъ.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Я-съ, — заключилъ Николай Аѳанасьевичъ: — только какъ они выпустили меня, я поцѣловалъ ихъ ручку... что счастливъ и удостоенъ чести, и только и всего моего разговора съ ихъ величествомъ было. А послѣ, разумѣется, какъ сняли меня изъ-подъ пальмы и повезли въ каретѣ домой, такъ вотъ тутъ ужъ все плакалъ.

— Отчего же ты въ каретѣ-то плакалъ? — спросилъ дьяконъ Ахилла.

— Да какъ же отчего? — отвѣчалъ, удивясь и смаргивая слезы, карликъ. — Отъ умиленія чувствъ плачешь.

— Да-а, вотъ отчего! — догадался Ахилла. — Ну, а когда жъ про женепье-то?

— Ну-съ, позвольте. Сейчасъ и про женепье.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ женихъ.

— Только-что это случайное вниманіе императора ко мнѣ по Москвѣ въ большихъ домахъ разгласилось, покойница Мароа Андревна начали меня всюду возить и показывать, а я, истину вамъ докладываю, не лгу, былъ тогда самый маленькій карликъ во всей Москвѣ. Но недолго это было-съ, всего одну зиму...

Въ это время дьяконъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ оглушительно фыркнулъ и, свѣсивъ голову за спинку стула, тихо захохоталъ.

Замѣтя, что его смѣхъ остановилъ разсказъ, Ахилла приподнялся и сказалъ:

— Нѣтъ, это ничего!.. Разсказывай, сдѣлай милость, Николавра: — это я по своему дѣлу смѣюсь. Какъ со мной графъ Кленыхинъ говорилъ.

Карликъ молчалъ.

— Да ничего; говорите! — упрашивалъ Ахилла. — Графъ Кленыхинъ новый семинарскій корпусъ у насъ смотрѣлъ, я ему, въ родѣ вотъ какъ ты, поклонился, а онъ говоритъ: «пошелъ прочь, дуракъ!» — вотъ и весь нашъ разговоръ. Вотъ чему я разсмѣялся.

Николай Аѳанасьевичъ улыбнулся и сталъ продолжать:

— На другую зиму,—заговорилъ онъ:—Вихіорова генеральша привезла изъ-за Петербурга чухоночку Метту Ивановну, карлицу, еще меньше меня на палецъ. Покойница госпожа Мароа Андревна слышать объ этомъ не могли. Сначала все изволили говорить, что эта карлица не натуральная, а свинцомъ будто опоенная; но какъ пріѣхали и изволили сами Метту Ивановну увидать, и разсердились, что она этакая бѣленькая и совершенная. И во снѣ стали видѣть, какъ бы намъ Метту Ивановну себѣ купить, а Вихіорша, та слышать не хочетъ, чтобы продать. Вотъ тутъ Мароа Андревна и объясняютъ, что «мой Николай, говорятъ, умный и государю отвѣчать умѣлъ, а твоя, говорятъ, дѣвчушка, что жъ, только на видъ хороша, а въ ней особеннаго ничего не нахожу». А генеральша говорятъ, что и во мнѣ ничего особеннаго не видятъ, — такъ межъ собой обѣ госпожи за насъ и поспорятъ. Мароа Андревна говорятъ той: «продай», а эта имъ говоритъ, чтобы меня продать. Мароа Андревна вскипятъ вдругъ: «я, вѣдь, изволятъ говорить, не для игрушки ее у тебя торгую: я ее въ невѣсты на выводъ покупаю, чтобы Николая на ней женить». А госпожа Вихіорова говорятъ: «что же, я его и у себя женю». Мароа Андревна говорятъ: «я тебѣ отъ нихъ дѣтей дамъ, если будутъ», и та тоже говоритъ, что и онѣ Мароѣ Андревнѣ пожалуютъ дѣтей, если родятся. Мароа Андревна разсердятся и велятъ мнѣ прощаться съ Меттой Ивановной. А потомъ, день-два пройдетъ, Мароа Андревна опять не выдержатъ, заѣдемъ, и какъ только онѣ войдутъ, сейчасъ и объявляютъ: «ну, слушай, матушка, я тебѣ, чтобы попусту не говорить, тысячу рублей за твою уродиху дамъ», а генеральша меня не порочатъ уродомъ, но двѣ за меня Мароѣ Андревнѣ предлагаютъ. Пойдутъ другъ другу набавлять и набавляютъ-набавляютъ, и потомъ разсердится Мароа Андревна, вскрикнетъ: «я, матушка, своими людьми не торгую», а госпожа Вихіорова тоже отвѣчаютъ, что и онѣ не торгуютъ, — такъ и опять велятъ намъ съ Меттой Ивановной прощаться.

— До десяти тысячъ рублей, милостивые государи, доторговались за насъ, а все дѣло не подвигалось, потому что моя госпожа за ту даетъ десять тысячъ, а та за меня одиннадцать. До самой весны, государи мои, такъ тяну-

лось, и доложу вамъ, госпожа Вихіорова ужасно переломили Мароы Андревны весь характеръ. Скучаютъ, страшно скучаютъ! И на меня все начинаютъ гнѣваться: «Это ты, изволятъ говорить, сякой-такой нентюхъ, что дѣвку въ воображеніе ввести не можешь, чтобы сама за тебя просилась».

— Матушка, говорю, Мароа Андревна, да чѣмъ же, говорю, питательница, я могу ее въ воображеніе вводить? Ручку, говорю, матушка, мнѣ, дураку, пожалуйте!

— Маленькій,—прошепталъ сочувственно дьяконъ.

— Ну-съ, такъ дальше больше, дошло до весны,—пора намъ стало и домой въ Плодомасово изъ Москвы собираться. Мароа Андревна опять приказали мнѣ одѣваться, и чтобъ одѣлся я въ гишпанское платье. Поѣхали къ Вихіоршѣ и опять не сторговались. Мароа Андревна говорятъ ей: «Ну, хоть позволь же ты своей каракатицѣ, пусть они хоть походятъ вмѣстѣ съ Николашей передъ домомъ». Генеральша на это согласилась, и мы съ Меттой Ивановной по тротуару, на Мясницкой, противъ генеральшиныхъ оконъ и гуляли. Мароа Андревна, покойница, и этому радовались, и всякихъ костюмовъ намъ обоимъ нашили. Пріѣдемъ, бывало, онѣ и приказываютъ: «надѣньте, Николаша съ Меттой, пейзанскіе костюмы». Мы оба въ деревянныхъ башмакахъ; я въ камзолѣ и въ шляпѣ, а она въ высокомъ чепчикѣ, выстроимся парой и ходимъ, и народа на насъ много соберется, стоитъ и смотритъ. Другой разъ велятъ намъ одѣться туркомъ съ турчанкой,—мы тоже опять ходимъ; или матросомъ съ матроской,—мы и этакъ ходимъ. А то были у насъ тоже медвѣжьи платьица, тѣ изъ коричневой фланели, въ родѣ чехловъ, сшиты. Всунутъ насъ, бывало, въ нихъ, будто руку въ перчатку, ничего, кромѣ глазъ, и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, треплются. Но въ этихъ платьицахъ насъ на улицу не посылали, потому тамъ собаки... разорвать могли, а велятъ, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофей кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна пресильныя были, даромъ что женщина, но я, бывало, если имъ хорошенько подножку дамъ, онѣ сейчасъ и слетятъ, но только я, впрочемъ, это рѣдко дѣлалъ; я всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что мнѣ ихъ жаль

было по ихъ женскому полу, да и генеральша сейчасъ, бывало, въ ихъ защиту, собачку болонку кличутъ, а та меня за голеняшки, а Мароа Андревна этого не снесутъ и сердятся... А тоже покойница заказали намъ уже самый лучшій костюмъ, онъ у меня и теперь цѣлъ—меня одѣли французскимъ гренадеромъ, а Метту Ивановну маркизой. У меня этакій киверъ, медвѣжій мѣховой, высокій, мундиръ длинный, ружье со штычкомъ и тесакъ, а Меттѣ Ивановнѣ робъ и опахало большое. Я, бывало, стану въ дверяхъ съ ружьемъ, а Метта Ивановна съ опахаломъ проходятъ, и я имъ честь отдаю, и потомъ Мароа Андревна съ генеральшею опять за насъ торгуются, чтобы насъ женить.

Но только надо вамъ доложить, что всѣ эти наряды и костюмы для насъ съ Меттой Ивановной все моя госпожа на свой счетъ дѣлали, потому что онѣ ужъ навѣрное надѣялись, что мы Метту Ивановну купимъ, и даже такъ, что чѣмъ больше онѣ на насъ двоихъ этихъ костюмовъ надѣлывали, тѣмъ больше увѣрялись, что мы ихніе; а дѣло-то совсѣмъ было не туда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ двуличный.

— Предъ самою весной Мароа Андревна говорятъ генеральшѣ: «Что же это мы съ тобою, матушка, дѣлаемъ, ни Мишу, ни Гришу? Надо же, говорятъ, это на чемъ-нибудь намъ кончить», да на томъ, было, и кончили, что чуть самихъ на Ваганьково кладбище не отнесли. Зачахли покойница, желчью покрылись, на всѣхъ стали сердиться, и вотъ минуты одной, какова есть минута, не хотятъ ждать: вынь да положь имъ Метту Ивановну, чтобы женить меня!

У кого въ домѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе, а у насъ тревога, а къ Красной Горкѣ ждемъ послѣдній отвѣтъ и не знаемъ, какъ ей и передать его.

— Тутъ-то Алексѣй Никитичъ,—дай имъ Богъ здоровья, ужъ и имъ это дѣло насолило,—видятъ, что бѣда ожидаетъ неминучая, вдругъ надумались и доложили маменькѣ, что Вихіоршина карлица пропала.

Мароѣ Андревнѣ все, знаете, отъ этого легче стало, что ужъ ни у кого ея нѣтъ.

— Какъ же, спрашиваютъ,—она пропала?

Алексѣй Никитичъ отвѣчаютъ, что жидъ укралъ.

— Какъ? Какой жидъ?—все разспрашиваютъ.

Сочиняемъ имъ, что попало: такъ, молъ, жидъ этакій каштановатый, съ бородою, всѣ видѣли, взялъ да понесъ.

— Что же,—изволятъ спрашивать:—зачѣмъ же его не остановили?

— Такъ, молъ, онъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, такъ и унесъ.

— Да и она-то, разсуждаютъ,—дура какая, что ее несутъ, а она не кричитъ. Мой Николай ни за что бы, говорятъ,—не дался.

— Да какъ же можно, говорю,—сударыня, жиду сдаться. Самъ это говорю, а самому мочи нѣтъ совѣстно, что ихъ обманываю; а онѣ ужъ какъ ребенокъ всему стали вѣрить.

Но тутъ Алексѣй Никитичъ маленькую ошибку дали: намѣреніе ихъ такое сыновнее было, разумѣется, чтобы скорѣе Мароу Андревну со мною въ деревню отправить, чтобы все это тутъ позабылось; они и сказали маменькѣ:

— Вы, изволятъ говорить,—маменька, не безпокойтесь, ее найдутъ, потому что ее ищутъ, и какъ найдутъ, я вамъ сейчасъ и отпишу въ деревню.

А покойница, какъ это услыхали, сейчасъ за это слово и ухватились:

— Нѣтъ, ужъ, говорятъ,—если ищутъ, такъ я лучше подожду, я этого жида хочу посмотрѣть, который унесъ ее.

Тутъ, сударь мои, мы ужъ квартальнаго съ собою лгать подрядили: тотъ всякій день приходитъ и вретъ, что ищутъ, да не находятъ. Мароа Андревна ему всякій день синенькую, а меня, всякій день, къ ранней обѣднѣ посылаютъ, въ церковь Іоанну Воинственнику молебенъ о сбѣжавшей рабѣ служить...

— Іоанну Воинственнику? Іоанну Воинственнику, говоришь ты, ходилъ молебенъ-то служить?—перебилъ карлика дьяконъ.

— Да-съ, Іоанну Воинственнику.

— Это совсѣмъ не тому святому служилъ.

— Дьяконъ, сядь! Сядь, тебѣ говорю, сядь!—рѣшилъ отецъ Савелій:—а ты, Николай, продолжай.

— Да что, батушка, продолжать, когда вся ужъ почти моя сказка и разсказана. Ѣдемъ мы одинъ разъ съ Мароой Андревной отъ Иверской Божіей Матери, а генеральша Вихіорова и хлопъ на самой Петровкѣ навстрѣчу въ коляскѣ

и Метта Ивановна съ ними. Тутъ Мароа Андреевна все поняли и... повѣрите, государи мои, или нѣтъ... тихо, но прегорько въ каретѣ заплакали.

Карликъ замолчалъ.

— Ну, Никола! —подогналъ его отецъ Савелій.

— Ну-съ, а тутъ ужъ что жъ, пріѣхали домой и говорятъ Алексѣю Никитичу: «а ты, сынъ мой, говорятъ,—выходишь дуракъ, что смѣлъ свою мать обманывать, да еще полицейскаго ярыжку, квартальнаго приводилъ»,—и съ этимъ велѣли укладываться и уѣхали.

— А вамъ же,—спросили Николая Аѳанасьевича:—вамъ ничего не досталось?

— Было-съ,—отвѣчалъ старичокъ: — было. Своими устами прямо мнѣ они ничего не изрекли, а все наметки давали. Въ обратный путь какъ ѣхали, то какъ скоро на знакомомъ постояломъ дворѣ остановимся, они изволятъ про что-нибудь хозяйственное съ дворникомъ разсуждать, да сейчасъ и вставятъ: «теперь, говорятъ, прощай: больше я ужъ въ столицы не ѣздокъ,—ни за что, говорятъ, не поѣду». — Что жъ такъ разгнѣвались, сударыня?—скажетъ дворникъ. А они: «я, изволятъ говорить,—гнѣваться не гнѣваюсь, да и никто тамъ моего гнѣва, спасибо, не боится, но не люблю людей двуличныхъ, а тѣмъ особенно́й столичныхъ», да на меня при этомъ и взглянутъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ, я ужъ это, разумѣется, понимаю, что это на мой счетъ съ Алексѣемъ Никитичемъ про двуличность, — подойду, униженно вину свою чувствуя, поцѣлую ручку и шепчу:—«достоинъ, государыня, достоинъ сего, достоинъ!»

— Аксіосъ,—замѣтилъ дьяконъ.

— Да-съ, аксіосъ. Этимъ укореніемъ вины своей, по всякую минуту, ихъ наконецъ и успокоилъ.

— Это наитеплѣйше!—воскликнулъ Туберозовъ.

Николай Аѳанасьевичъ обернулся на стулцѣ ко всѣмъ слушателямъ и заключилъ:

— Я вѣдь вамъ докладывалъ, что исторія самая простая и нисколько не занимательная. А мы, сестрица,—добавилъ онъ, вставая,—засимъ и поѣдемте!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ улетаетъ и съ нимъ улетаетъ старая сказка.

Марья Аѳанасьевна стала собираться.

Всѣ стали съ мѣста, чтобы проводить маленькихъ гостей и бесѣда уже казалась совершенно законченною, какъ вдругъ дьяконъ Ахилла опять выступилъ со сперомъ, что Николай Аѳанасьевичъ не тому святому молебенъ служилъ.

— Это, отецъ дьяконъ, не мое, сударь, дѣло знать, оправдывался, отыскивая свой пуховый картузъ, Николай Аѳанасьевичъ. — Я въ первый разъ пришелъ въ церковь, подалъ записку о *бѣжавшей рабѣ* и полтинникъ; священникъ и стали служить Іоанну Воинственнику, такъ оно послѣ и шло.

— Плохъ, значитъ, священникъ.

— Чѣмъ? чѣмъ? чѣмъ? Чѣмъ такъ по-твоему плохъ этотъ священникъ? — вмѣшался неожиданно кроткій отецъ Бенефисовъ.

— Тѣмъ, отецъ Захарія, плохъ онъ, что дѣла своего не знаетъ, — отвѣчалъ Бенефисову съ отмѣнною развязностью Ахилла. — *О бѣжавшемъ рабѣ* нешто Іоанну Воинственнику пѣть подобаетъ?

— Да, да! А кому же по-твоему? Кому же? Кому?

— Кому? Вѣдь слава тебѣ Господи, сколько, я думаю, лѣтъ эта таблица передъ вами у клитора на стѣнѣ наклеена: а я вѣдь по печатному читать разумѣю и знаю, кому за что молебенъ пѣть.

— Да!

— Ну, и только! Ѳедору Тирону, если вамъ угодно слышать, вотъ кому.

— Ложно осуждаешь: Іоанну Воинственнику они праведно служили.

— Не конфузьте себя, отецъ Захарія.

— Я тебѣ говорю: правильно.

— А я вамъ говорю: понапрасну себя не конфузьте.

— Да что ты тутъ со мной споришь! Ишь! ишь!.. спорщикъ какой!

— Нѣтъ, это что вы со мной спорите! Я васъ вѣдь, если захочу, сейчасъ могу оконфузить.

— Ну, оконфузь!

— Ей-Богу, оконфужу!

— Ну, оконфузь!

Ей-Богу, вѣдь оконфужу, не просите лучше, потому я эту ктиторскую таблицу наизусть знаю.

— Да ты не разговаривай, а оконфузь, оконфузь!—смѣясь и радуясь, частилъ Захарія Бенефисовъ, глядя то на дьякона, то на чинно хранящаго молчаніе отца Туберозова.

— Оконфузить? извольте,—рѣшилъ Ахилла, и сейчасъ же, закинувъ далеко на локоть широкій рукавъ, загнулъ правою рукой большой палецъ лѣвой руки, какъ будто собирался его отломить, и началъ:—вотъ первое: объ исцѣленіи отрясовичной болѣзни—преподобному Марою.

— Преподобному Марою, — повторилъ за нимъ, соглашаясь, отецъ Бенефисовъ.

— Отъ огрызной болѣзни—великомученику Артемію,— вычитывалъ Ахилла, заломивъ тѣмъ же способомъ второй палецъ.

— Артемію,—повторилъ Бенефисовъ.

— О разрѣшеніи неплодства—Роману Чудотворцу; если возненавидитъ мужъ жену свою—мученикамъ Гурію, Самону и Авивѣ; объ отогнаніи бѣсовъ—преподобному Пифонту; объ избавленіи отъ блудныя страсти—преподобному Мартемьяну...

— И преподобному Моисею Угрину, — тихо вставилъ, до сихъ поръ только въ тактъ покачивавшій своею головкой, Бенефисовъ.

Дьяконъ, уже загнувшій всѣ пять пальцевъ лѣвой руки, секунду подумалъ, глядя въ глаза отцу Захаріи, и затѣмъ, разжавъ лѣвую руку, чтобы загибать ею пальцы правой, произнесъ:

— Да, можно тоже и Моисею Угрину.

— Ну, теперь продолжай.

— Отъ винного запойства—мученику Вонифатію...

— И Моисею Мурину.

— Что-съ?

Вонифатію и *Моисею Мурину*, — повторилъ отецъ Захарія.

— Точно, — подтвердилъ дьяконъ.

— Продолжай.

— О сохраненіи отъ злого очарованія—священномученику Кипріяну...

— И Святой Устиніи.

— Да позвольте же, наконецъ, отецъ Захарія!

— Да нечего мнѣ тебѣ позволять, русскимъ словомъ ясно напечатано: «*и святой Устиніи*».

— Ну, хорошо! ну, *и святой Устиніи*, а объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и *бѣжавшихъ рабовъ* (дьяконъ началъ съ этого мѣста подчеркивать свои слова) *Ѳедору Тирону, его же память празднуемъ семнадцатаго февраля.*

Но только-что Ахилла вострубилъ свое послѣднее слово, какъ Захарія, тою же своею тихою и безстрастною рѣчью, продолжалъ чтеніе таблички словами:

— И Іоанну Воинственнику, его же память празднуемъ десятаго іюля.

Ахилла похлопалъ глазами и проговорилъ:

— Точно, теперь вспомнилъ: есть и Іоанну Воинственнику.

— Такъ о чемъ же это вы, сударь, отецъ дьяконъ, изволили спорить?—спросилъ, протягивая на прощанье свою ручку Ахиллѣ, Николай Аѳанасьевичъ.

— Ну, вотъ, поди же ты говори со мной! Дубликаты позабылъ, вотъ изъ чего спорилъ,—отвѣчалъ дьяконъ.

КОТИНЪ ДОИЛЕЦЪ И ПЛАТОНИДА.

Изломанная утварь
Разрушеннаго дома.
Шекспиръ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ Старомъ Городѣ не было человѣка, который пользовался бы такою извѣстностью и уваженіемъ, какими пользуется тамъ даже въ наше неуважительное время очень скромный человѣкъ, обработавшій безплодную почву нынѣ плодоноснаго городского острова. Человѣкъ этотъ происходилъ отъ раскольничьяго колѣна купца Дѣева; но не родъ и не порода, а жизнь и дѣла этого человѣка дали ему его извѣстность и почтеніе отъ ближнихъ.

Купецъ Семенъ Дмитріевичъ Дѣевъ былъ только виновникомъ золъ для того, о комъ здѣсь будетъ разсказано.

Это небольшая исторія.

Сдѣлавшись главою людей, не пошедшихъ къ соединенію съ церковью, старый Дѣевъ построилъ себѣ деревянный домъ, на «отлетѣ», въ самомъ концѣ города. Нынче никто не живетъ въ этомъ домѣ, и онъ стоитъ одинокій, сумрачный и непривѣтливый. Таковъ же, впрочемъ, былъ этотъ сѣрый, двухъ-этажный домъ, съ двумя ярусами маленькихъ окошекъ, и въ тѣ дни, когда въ немъ еще обитали живые люди, и въ окна его свѣтили мерцающіе огоньки неугасимыхъ лампадокъ. Домъ этотъ не хотѣлъ имѣть сообщенія ни съ кѣмъ и немилосердно каралъ тѣхъ изъ своихъ обитателей, у кого по какому-нибудь случаю замѣчалось хоть малѣйшее желаніе сблизиться съ новымъ міромъ.

Въ цѣломъ городѣ почти никто не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ живется въ раскольничьемъ домѣ Семена Дѣева. На улицѣ старогорожане встрѣчали только самого Дѣева, но встрѣчали его всегда капризнаго, угрюмаго, къ гнѣву склоннаго и мстительнаго. Если же встрѣчался гдѣ-нибудь кто бы то ни было изъ другихъ жильцовъ этого дома, то всѣ смотрѣли на него какъ на выходца съ того свѣта. О женщинахъ, здѣсь жившихъ, знали еще менѣе, чѣмъ о мужчинахъ. Онѣ тамъ рождались, или приходили туда для сожительства, тамъ же и умирали. Ворота дѣевскаго дома затворялись за ними только за мертвыми. Изъ этого были только два исключенія.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ одну самую бурную, темнѣйшую и человѣконенавистную ночь, грозный дѣевскій домъ вытолкнулъ въ безпріютность молодую дѣвушку.

Домъ словно выплюнулъ спросонья это дитя и снова захлопнулъ до другого случая свои сердитыя вѣки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вытолкнутая дѣвушка была сирота, племянница Семена Дѣева, Аксинья Матвѣевна. Ей было тогда всего восемнадцать лѣтъ; но, несмотря на свое строгое дѣвичье затворничество, она знала, куда ей нужно идти въ эту суровую ночь своего изгнанія. Она шла изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, прямо къ маленькому, сѣренькому домику на церковномъ погостѣ, и здѣсь робко постучалась въ покосившееся окошко. Черезъ нѣсколько минутъ, она постучалась нѣсколько смѣлѣе, и въ ту же минуту навстрѣчу ей выскочилъ молодой человѣкъ, въ одномъ бѣльѣ и въ сапожныхъ опоркахъ. Это былъ понамарь Іона Пизонскій.

— Ксюша! Косатка!—вскричалъ онъ съ изумленіемъ, увидя передъ собою дѣвушку.

Изгнанница только уныло шепнула:

— Выгнали.

— Выгнали?

— Выгнали; избили и выгнали.

Молодой человѣкъ, съ безпечнѣйшею радостью, широко распахнулъ калитку и, перехвативъ къ себѣ дѣвушку, заперъ задвижкой ворота и внесъ на рукахъ свою дрожащую гостью въ очень небольшую горенку.

Весь домикъ Іоны Пизонскаго, къ которому пришла

Ксюша, состоялъ изъ одной крошечной горенки и еще меньшей приспѣшной. Іона Пизонскій былъ человѣкъ одинокій и молодой. Онъ проводилъ беззаботнѣйшую жизнь и обыкновенно распѣвалъ съ голода самыя веселыя пѣсни. Пѣсни эти, его красота и беззаботная удаль полонили для него сердца старогородскихъ затворницъ и добыли ему пылкое сердечко изгнанницы дѣевскаго дома. Сцена, которую мы видѣли, была сцена, резюмировавшая ихъ тайную любовь въ тотъ моментъ, когда силою природы вещей любовь эта перестала быть тайною для дѣевскаго дома.

Выгнанная сирота, скромная какъ агнецъ, пошла на все за своимъ любимцемъ: она приняла его вѣру, его имя и званіе—сдѣлалась его женой и понамарицей, а черезъ пять мѣсяцевъ родила ему сына Константина.

— Оступилась и не доносила,—острилъ на свой счетъ по этому случаю понамарь Пизонскій; а черезъ годъ самъ оступился, рубя осенью хворостъ на крутомъ обрывѣ надъ Турицею, полетѣлъ внизъ головою и одинъ-одиноко отдалъ свою веселую душу единому Богу.

Понамарица осталась съ годовымъ ребенкомъ одна, яко перстъ.

Ворота дѣевскаго дома, въ которыя постучалась вдова въ эту годину несчастія, отворились только для того, чтобы послать ей одно проклятіе.

Не имѣя ни роду, ни племени, ни пристанища, куда приклонить голову, вдова Пизонская пріютилась въ женскомъ монастырѣ, въ келейныя. Туда же въ женскій монастырь внесла она съ собою и своего сына, назвавъ его обманно дѣвочкой Макриной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хитрость, вызванная отчаяннымъ положеніемъ вдовы, удалась ей какъ нельзя лучше. Благодаря безпрестанному бдѣнію матери, настоящій полъ ребенка не былъ никогда никѣмъ обнаруженъ; но зато и не знало его и само дитя, и само оно тоже считало себя дѣвочкой. Когда же Константинъ Пизонскій, подъ псевдонимомъ Макрины, достигъ въ монастырѣ двѣнадцатилѣтняго возраста, вдова Пизонская, заботясь о воспитаніи сына, вывела его вонъ изъ обители, переодѣла въ оврагѣ изъ юбки и черноколенкороваго платья въ желтый нанковый халатъ и отдала въ ду-

ховное приходское училище, подъ его настоящимъ именемъ Константина Пизонскаго. Но книжная премудрость не далась ребенку. Несчастное дитя прежде всего сдѣлалось всеобщимъ посмѣшищемъ. Скинувъ съ себя свой женскій псевдонимъ, оно, во-первыхъ, никакъ не могло пріучиться считать себя мальчикомъ и постоянно говорило: «я была, я пришла, я ѣла»; а это дало поводъ издѣваться надъ нимъ съ первой же минуты. Учиться ребенокъ былъ очень способенъ; но тогдашняя училищная строгость и ядовитыя докуки товарищей отняли у него всякую возможность успѣха. Запуганность его дошла до невѣроятныхъ предѣловъ и была причиною окончательнаго смѣщенія его въ неспособные. Однажды, еще вскорѣ послѣ своего поступленія въ училище, Пизонскій, надписывая свое имя на тетради, вмѣсто Константинъ, написалъ Кинстинтинъ. Учитель поймалъ его на этой ошибкѣ и, ударивъ по головѣ лозою, спросилъ:

— Какъ твое имя?

— Константинъ,—отвѣчалъ ребенокъ.

— Пиши на табулѣ.

Дитя взяло дрожащею рукою мѣлъ и почувствовало, что рука его бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ неудержимо и чертитъ одну за другою безконечныя буквы. Во всю доску тянется Константинтинтинтинтинтин... и все нѣтъ ему конца, нѣтъ заключенія, нѣтъ предѣла. Ребенокъ чувствуетъ, что это что-то не то, что это что-то неладно, онъ млѣетъ, дрожитъ и все ведетъ слогъ за слогомъ: «тинтинтинтинтин»...

— Что ты, стрикулистъ, такъ больно длиненъ?—замѣчаетъ ядовито учитель:—держись своей препорціи!

Пизонскій быстро стеръ съ доски безконечную цѣпь слоговъ и твердою, рѣшительною рукою написалъ короткое «Котинъ».

Приведенный въ недоумѣніе этимъ быстрымъ сокращеніемъ протяжно-сложеннаго слова, учитель счелъ это за оскорбительный фарсъ: онъ снова рѣзнулъ Пизонскаго лозою по уху и снова еще болѣе строгимъ голосомъ напомнулъ ему о соблюденіи «препорціи».

— Не могу,—рѣшительно отвѣчалъ ребенокъ.

— Чего жъ ты не можешь?

— Не могу написать по препорціи.

Учитель качнулъ назадъ головою, и дитя, зная, что̀ означаетъ сей знакъ, съ невозмутимою покорностью подошло къ

скамейкѣ, у которой всегда лежали, въ ведрѣ, пучки розогъ.

— Ну, Макрина, укладывайся!—приглашали его очередные сѣкуторы, и совершалася казнь.

И всякій разъ повторялись надъ нимъ эти шутки и потѣхи, и всякій день выводилъ онъ цѣлый часъ, при общемъ смѣхѣ, безконечное *Константинтинтин*, и потомъ, доходя до отчаянія, вдругъ писалъ короткое—*Котинъ*, и шелъ къ сѣкуторской скамейкѣ. Всякій день его стегали по незажившимъ рубцамъ, и онъ все-таки не входилъ въ свою пропорцію, а всегда или ползъ съ своимъ именемъ въ безконечность, или отчаянно ставилъ короткое: «Котинъ».

Окончательное воспитаніе Пизонскаго завершилось тѣмъ, что товарищи сломали ему носовой хрящъ и своротили на сторону носъ, а начальство исключило его «за великовозрастіемъ и малоуспѣшіемъ» изъ училища и предоставило ему избрать себѣ дозволенный закономъ родъ жизни. Для Пизонскаго всѣ дозволенные роды жизни были равнозначащи и равноцѣнны, а потому онъ вовсе не заблагоразсудилъ позаботиться объ избраніи какого-нибудь одного изъ нихъ себѣ въ исключительную собственность. Онъ прежде всего подумалъ о хлѣбѣ и поступилъ въ науку къ энциклопедисту-ремесленнику, мѣднику, механику, переплетчику, астроному и поэту. Вдвоемъ съ своимъ чудакомъ-хозяиномъ они были все и ничего: они переплетали книги, малярничали, лудили кастрюли—и все это дѣлали «ничтоже сумнящеся», и дешево, и скверно. Скуднаго дневного заработка имъ едва доставало на самое нищенское пропитаніе; но это ихъ нимало не смущало. Сидя зачастую и безъ работы, и безъ хлѣба, они забывали о голодѣ, азартно читали какую-нибудь старую астрономію и тыкали пальцами по засаленному небесному атласу. Спускающаяся на землю вечерняя темень только пригоняла ихъ къ окну, изъ котораго они глазѣли цѣлыя ночи на небо и опредѣляли созвѣздія или читали на память Манфреда и козловскаго «Чернеца», или же, наконецъ, усѣвшись на порожкѣ своей хаты, распѣвали дуэтомъ:

О, человѣкъ!
Вспомни свой вѣкъ.
Взгляни ты на гробы,
Они вѣчны домы.

Неизвѣстно, докуда бы продолжалось такое сладкое и

поэтическое житье нашей Макрины, если бы ее, какъ человѣка, не избравшаго себѣ въ срокъ никакого дозволеннаго закономъ рода жизни, не отдали «по разряду» въ бекруты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Три года Константинъ Пизонскій пробылъ дьячкомъ полковой церкви и, наконецъ, по ходатайству матери, возвращенъ для ея прокормленія. Но своей старухи Константинъ Пизонскій, возвратясь домой, уже не засталъ на свѣтѣ. Онъ пришелъ въ Старый Городъ и явился къ дядѣ-старовѣру Маркелу Дѣеву. Маркелъ Семеновичъ Дѣевъ допустилъ Пизонскаго къ себѣ на глаза, выслушалъ все, что тотъ говорилъ ему, а потомъ позвалъ всѣхъ, кто у него былъ въ семьѣ, и сказалъ племяннику:

— А ну-ка, повернись!

— Какъ, дядюшка? спросилъ Пизонскій.

Такъ, бокомъ повернись.

Тотъ повернулся.

— Ну, а теперь задомъ стань.

Пизонскій и это исполнилъ.

— Хоронъ?—спросилъ Маркелъ Семенычъ домашнихъ.

Общій хохотъ, гдѣ громкій, гдѣ сдержанный, раздался изъ всѣхъ угловъ въ отвѣтъ на это восклицаніе.

На Пизонскаго и дѣйствительно трудно было смотрѣть безъ смѣха: его лысая и, вдобавокъ, по-солдатски обточенная голова, его кривой носъ, его птичьи-круглые глаза, синія губы и длинный нанковый капотъ, купленный въ томъ городѣ, гдѣ кончилась его военная карьера,- все это вмѣстѣ взятое давало самый смѣшной и дурашный видъ его фигурѣ.

— Служилъ куцымъ бѣсомъ три года и выслужилъ три пуговицы и то ладно. Ну, и больше же, братъ, не хлопочи, не оборачивайся, а какъ сталъ теперь лбомъ къ порогу, такъ и иди вонъ, откуда пришелъ,—объявилъ ему дядя, твердо и рѣшительно изгоняя навсегда изъ своего правовѣрнаго дома сына еретика и еретицы.

Пизонскій вышелъ.

Съ непокрытою отъ разсѣянности головою прошелъ онъ по всему городу, удивляя своею лысиною прохожихъ, которые смѣялись надъ нимъ злѣе, чѣмъ дѣти смѣялись надъ лысымъ пророкомъ; но Пизонскій, однако, былъ терпѣливый

пророка: онъ никого не проклялъ, а только тихо поплакалъ, сѣвши подъ ракитой за городскою заставой. Онъ былъ совершенно безпріютенъ и сидѣлъ на дорогѣ, какъ ощипанный филинъ. Обыкновенно думаютъ, что въ такомъ положеніи человѣкъ находится на одинъ короткій шагъ отъ злого дѣла, но это не со всѣми такъ бываетъ. По крайней мѣрѣ Пизонскій не задумывалъ никакихъ злыхъ дѣлъ: ему было только очень тяжело и больно, и онъ сидѣлъ и плакалъ просто — чтобъ выплакаться. Однако, невозможно же было вѣчно сидѣть на большой дорогѣ: надо было куда-нибудь шагать, гдѣ-нибудь искать какого бы то ни было пріюта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пизонскій вспомнилъ, что у него гдѣ-то, не очень далеко отъ города, была замужемъ за однодворцемъ материна племянница, а его двоюродная сестра, по фамиліи Набокова, и пошелъ искать ее. Шелъ онъ — близко ли, далеко ли и пришелъ на другой вечеръ въ село, гдѣ надѣялся увидать свою родственницу и гдѣ узналъ, что ни ея самой, ни ея мужа въ живыхъ нѣтъ, а что остались послѣ нихъ двѣ дѣвочки: Глаша лѣтъ пяти, да Нилочка — по второму году; но и ихъ, этихъ сиротъ, нѣту въ наличности, и ихъ забрала къ себѣ на воспитаніе слѣпая нищая, Пустыриха. Вотъ тебѣ и весь родъ, и все племя!

«Пойду, посмотрю, по крайней мѣрѣ, хоть какія эти дѣвоньки», подумалъ все болѣе и болѣе сиротѣвшій Пизонскій, и онъ отыскалъ Пустыриху и нашелъ у нея дѣтей.

Встрѣча его съ дѣтьми была передъ вечеромъ. Обѣ дѣвочки, въ ветчайшихъ рубищахъ, сидѣли на пыльной завалинкѣ: старшая играла, подкидывая ручонками крошечные каменики, а младшая—томилась, лѣниво слѣдя глазенками за сестриными руками.

Пизонскій выскочилъ къ нимъ неожиданно, изъ-за угла хаты, и остановился передъ ними, какъ уродливый сказочный геній.

Посмотрѣвъ на дѣтей, онъ сѣлъ около нихъ на травку и обнялъ ихъ обѣими руками.

— Голубятки!—заговорилъ онъ:—плохо вамъ тутъ у бабушки?

Дѣти пугливо прижались одна къ другой, сначала долго

другъ на друга смотрѣли и потомъ обѣ разомъ тихо заплакали.

Пизонскій опустилъ въ карманъ руку и, доставъ оттуда немного смятую, печеную луковицу, обдулъ прилипшія къ ней крошки хлѣба, разломилъ ее ногтями пополамъ и подалъ сироткамъ.

Тайный ли голосъ крови, или заманчивый вкусъ сладкой, печеной луковицы, сразу расположилъ сиротокъ къ Пизонскому. Онѣ сползли съ завалины, усѣлись одна противъ другой на его колѣняхъ и сосали лукъ, теребя ручонками ясную, солдатскую пуговицу, пришитую къ воротнику дядинаго коленкороваго халата.

— Бьетъ васъ бабушка, дѣтки? — началъ прямо Пизонскій, поглаживая дѣвочекъ по головкамъ.

— Ботъ,—прошептали тихо дѣти.

— И больно?

— Боно, проронили онѣ еще тише и робче и, смаргивая слезы, напряженно смотрѣли съ раздирающей дѣтской тоскою на ту же глупо блестящую пуговицу.

Пизонскій развздыхался. Дробныя слезы ребячьи на щекахъ забитаго ребенка непереносимы. Необъятная любовь и нѣжность овладѣли сердцемъ Пизонскаго въ виду этихъ слезъ. Онъ готовъ былъ все сдѣлать, чтобы отереть эти слезы; но что могъ для кого-нибудь сдѣлать онъ, нищій, калѣка и уродъ, когда сотни людей, представляя себѣ его собственное положеніе, навѣрное почитаютъ его самого обреченнымъ на гибель?

И всякій бы простилъ ему безучастіе, потому что бѣдный уродъ ничего не могъ сдѣлать для двухъ сиротъ. У нихъ былъ хотя нищенскій пріютъ Пустырихи, Пизонскій же былъ совсѣмъ безпріютенъ. А взять чужое дитя это, говорятъ, такъ отвѣтственно, что страхомъ этой отвѣтственности всегда можно извинить себя и оставить все на волю безотвѣтственнаго случая.

Пизонскій, къ счастію, не философствовалъ, а хорошо чувствовалъ и потому поступилъ иначе.

Дождавшись возвращенія Пустырихи домой, онъ попросился у нея переночевать. Ночью онъ все вставалъ и навѣдывался къ дѣтямъ, а къ утру окрестъ его запорхали какія-то чудныя грезы, и утромъ онъ, забывая собственную

безпомощность и безпріютность, сталъ умолять старуху чтобы она отдала ему сиротокъ.

— Я ихъ, бабушка, воздою, я выучу ихъ, бабонька,— говорилъ Пизонскій.

Старуха и слушать объ этомъ не хотѣла. Она хотѣла посылать дѣтей побираться, и потому выгнала самого Пизонскаго и захлопнула у него передъ носомъ дверь свою.

«Тягаться съ нею судомъ,—подумалъ Пизонскій,—долго, и денегъ у меня нѣтъ на то, да и пока велятъ ей отдать мнѣ дѣтей, она ихъ непремѣнно ослѣпитъ».—По разстаться съ дѣтьми и снова идти Богъ знаетъ куда одному—Пизонскому теперь уже показалось невозможно, и онъ въ теченіе слѣдующей за симъ ночи придумалъ нѣчто другое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Увидѣвъ у одного крестьянскаго половня лозовую плетушку, въ которой носятъ мякину и ухоботье, Пизонскій утащилъ ее за сарай, высыпалъ изъ нея вонъ ржаной колосъ, настлалъ на дно свѣжаго сѣна и припряталъ у Пустырихи на огородѣ. (Онъ сдѣлалъ преступленіе — онъ укралъ плетушку). Чуть только на другой день выглянуло на небѣ солнышко и Пустыриха, по заведенному порядку, тронулась съ поводаркой въ поборъ, Пизонскій схватилъ оставшихся дома дѣвочекъ, посадилъ ихъ въ плетушку, подцѣпилъ ее своимъ кушакомъ за плечи и съ длиннымъ костылемъ въ рукѣ зашагалъ своими длинными ногами къ городу. Боязнь погони и страхъ за участь дѣтей, которыя, какъ не оперившіяся птички, спали свернувшись въ плетушкѣ за его плечами, такъ гнали Пизонскаго, что онъ, не отдыхая, отмахалъ въ лѣтній день шестьдесятъ верстъ и вечеромъ сталъ въ Старый Городъ. Здѣсь ему не было мѣста одному, и сюда онъ теперь являлся еще съ двумя взятыми на свое попеченіе дѣтьми.

Всякій имѣлъ полное основаніе назвать этого человѣка дуракомъ.

— Что-то онъ теперь будетъ дѣлать? Куда онъ съ ними подѣнется?

— Дуракъ!

. . . . . .

. . . . . .

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Качаясь за спиною Пизонскаго, обѣ путешествовавшія въ плетушкѣ сиротки спали цѣлый день; но вечерняя прохлада разбудила ихъ, и онѣ начали съ холоду ёжиться и попискивать. Но это ужъ было у пристаня. Пизонскій въ это время уже свернулъ въ сторону въ подгородніе коноплянники. Здѣсь онъ взялъ обѣихъ дѣвочекъ подъ мышки, вытрясъ на землю бывшее на днѣ плетушки сѣно, уложилъ на него дѣтей, сѣлъ надъ ними на корточки, какъ наседка, и, подобравъ ихъ подъ грудь, въ теченіе всей короткой ночи согрѣвалъ ихъ животною теплотою собственнаго тѣла и самъ плакалъ... сладко плакалъ отъ счастья.

«Чего мнѣ!—думалъ онъ,—и за что такая радость! Ты, Господь, хотѣлъ собрать дѣтей Іерусалима, какъ кокошъ собираетъ птенцы, а они не захотѣли... они Тебя огорчили,—они не пошли, а мои пришли ко мнѣ... я ихъ унесъ... укралъ... Я ихъ грѣю... Господи! прости мнѣ, что я ихъ укралъ!.. Дай мнѣ укрыть ихъ отъ зла... и прости мнѣ... прости, сдѣлай милость, что я также укралъ и плетушку!»

И онъ всхлипнулъ, окончивъ эту молитву, и тутъ же уснулъ, согрѣвая подъ грудью своею крѣпко спавшихъ сиротокъ.

Рослая конопля закрывала это гнѣздо такъ, что его можно было видѣть только съ неба.

Раннимъ утромъ, чуть только вспыхнуло погожее солнышко, Пизонскій всталъ съ своего мѣста, накрылъ спящихъ дѣтей плетушкой, и чтобы они, проснувшись, не могли ее съ себя сбросить, связалъ надъ нею крестъ-накрестъ четыре пучка конопли и вышелъ изъ своей засады. Оглядѣвшись на всѣ стороны, онъ вздохнулъ, перекрестился и прямо задами побрелъ къ городскимъ огородамъ. Городъ еще спалъ, нѣжась въ подымавшемся съ рѣки дымчатомъ туманѣ. Мѣста, которыми теперь шелъ Пизонскій, очевидно, были ему не очень знакомы, потому что онъ долго осматривалъ, припоминалъ малѣйшія примѣты и только послѣ долгихъ соображеній, открывъ глазами большой огородъ, обнесенный вокругъ высокимъ плетнемъ изъ лѣсной орѣшины, направился прямо къ этому огороду и перелѣзъ черезъ окружавшую его канаву, потомъ черезъ плетень. Очу-

тившись затѣмъ на самомъ огородѣ. Пизонскій изогнулся дугою, быстро пробѣжалъ по межамъ и спрятался въ грядахъ наперснаго гороха. Здѣсь онъ присѣлъ и сталъ кого-то высматривать. Цѣлый часъ онъ просидѣлъ въ горохѣ, то робко высовывая свою голову выше зелени, то снова быстро падая въ межу при малѣйшемъ шумѣ. Ради какихъ соображеній явился сюда Пизонскій, только нѣсколько дней тому назадъ изгнанный изъ этого дома съ неслыханной суровостью и позоромъ, и кого онъ теперь желалъ здѣсь встрѣтить? Этого отгадать было невозможно. Одно только можно было основательно предположить, что Пизонскій ждалъ здѣсь не Маркела Семеныча.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пизонскій, дѣйствительно, выжидалъ появленія совсѣмъ другого лица изъ семьи Дѣевыхъ, и невыразимо смутился, когда тихо скрипнули ворота задняго двора и на огородъ вышелъ высокій кучерявый парень въ свѣтлой розовой рубашкѣ. Это былъ не Маркелъ Семенычъ и не сынъ его, Марко Маркелычъ, но, очевидно, это все-таки былъ и не тотъ, кого желалъ встрѣтить Пизонскій.

Завидя вошедшаго молодца, Пизонскій не только не всталъ, но пригнулся какъ можно ниже.

Молодой человѣкъ, который вошелъ въ огородъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по узкой дорожкѣ, раздѣлявшей гряды на двѣ ровныя половины, подперся лѣвой рукой въ бокъ и, весело глянувъ по широкому пространству, занятому росистыми овощами, тихо зѣвнулъ, потянулся и сталъ, почесывая сапожкомъ одной ноги другую. Этотъ юноша была сама молодость, сама воплощенная свѣжесть. Пизонскій его разсматривалъ не безъ удовольствія, забывъ даже какъ будто о своемъ нетерпѣніи. Но вотъ ворота скрипнули еще разъ. Въ этотъ разъ на огородѣ показалась высокая, молодая женщина съ веселымъ румянцемъ и прямыми соболиными бровями. Она была одѣта въ темной шерстяной юбкѣ, старенькой гарнитуровой дунегрѣйкѣ и покрыта по головѣ бѣлымъ бумажнымъ платкомъ съ розовыми каемочками.

Завидя эту женщину, Константинъ Іонычъ покраснѣлъ отъ радости до ушей и заметался по межѣ. Явно было, что это и есть то самое лицо, которое онъ хотѣлъ здѣсь видѣть, и что теперь его занимала одна мысль: какъ при-

влечь на себя ея вниманіе, не обративъ на себя въ то же время вниманія стоящаго парня. Но такой маневръ былъ рѣшительно невозможенъ, и Пизонскій снова присѣлъ на колѣни и, удерживая дыханіе, сталъ торопливо раздвигать синеватые усы гороха.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Между тѣмъ бѣлолицая красавица, войдя на огородъ, приподняла одной рукою отъ росной травы юбку и прямо направилась къ грядѣ съ молодымъ свекольникомъ. Пизонскому показалось, что, завидя стоящаго на дорожкѣ парня, молодая женщина немножко смутилась, но тотчасъ же и улыбнулась. Дойдя спокойною поступью до гряды, она поставила на межу большую, расписанную сусальнымъ золотомъ деревянную чашу и стала проворно срывать и класть въ нее молодые свекольные листья. Этимъ временемъ парень приблизился тихой, щеголеватой походкой къ красавицѣ и съ веселой улыбкой проговорилъ:

— Здравствуйте, невѣстка!

Та, къ которой относилось это привѣтствіе, не обратила на него никакого вниманія.

Молодой человѣкъ снова усмѣхнулся; онъ обошелъ невѣстку съ другой стороны и уже гораздо смѣлѣе прежняго проговорилъ;

— Платонида Андревна, здравствуйте!

— Здравствуй и ты, Авениръ Маркелычъ, — отвѣчала, не подымая лица отъ гряды, Платонида Андревна.

Авениръ отдалъ невѣсткѣ низкій поклонъ и сталъ помогать ей рвать въ чашку свекольникъ.

— Ну, а помогать мнѣ я тебя не прошу, — проговорила Платонида Андревна.

— Что же это вамъ мѣшаетъ?

— Не мѣшаетъ, а не хочу.

— Позволите?

— Нѣтъ, не позволяю.

И съ этимъ словомъ выбросила назадъ изъ чаши нарванный Авениромъ пукъ свекольныхъ листьевъ.

— Отчего вы, невѣстка, такая сердитая?—запыталъ, распрямляясь во весь ростъ, молодой деверь.

— Такъ; не хочу, чтобы ты тутъ вертѣлся.

Авениръ улыбнулся, опять нарвалъ другую горсть зелени и опять положилъ ее въ расписную чашку.

— Послушай, Авениръ! иди ты, сдѣлай милость, отъ меня съ своею помощью прочь! — вскрикнула красавица и, не выдержавъ, разсмѣялась и бросила нарванную Авениромъ зелень прямо ему въ лицо.

Авениръ, кажется, только и дожидался этой перемѣны.

— Ну, вы же вотъ, невѣстка, разсмѣялись и опять стали красавица!

— Еще соври что-нибудь.

— Вотъ ей-Богу, разрази меня Богъ на семъ мѣстѣ — красавица, а нѣту на свѣтѣ ни одной царицы такой красивой, какъ вы!—заговорилъ онъ, глядя на нее со сложенными на груди руками.

— Тьфу! — отплюнулась безъ сердца Платонида Андревна и опять стала рвать бѣлой рукой росный свекольникъ.

Авениръ отошелъ, походилъ немножко и, снова приблизясь къ невѣсткѣ, заговорилъ тихо:

— А отчего это и объ чемъ вы, невѣстка, вчера съ вечера плакали?

— А ты почему это знаешь, что я плакала?

— Да я жъ будто не слышалъ?

— Гм! Гдѣ жъ это ты, дуракъ, могъ это слышать?

Платонида Андревна улыбнулась и сказала:

— Нѣтъ, я вижу, что вправду надо на тебя Марку Маргелычу жаловаться, чтобы тебя на ночь запирали.

— Для чего меня запирать?

— Чтобъ ты подъ окнами, гдѣ тебѣ не слѣдуетъ, не шатался.

— Ну, у меня про то на случай и потолокъ въ палаткѣ разбирается, — отвѣчалъ Авениръ.

— Дуракъ ты самъ-то разборчатый и больше ничего, — проговорила Платонида Андревна. — Мало тебя, дурака, и безъ того за меня колотятъ, такъ ты, видно, хочешь, чтобъ еще больше тебя братъ съ отцомъ колотили. Ну, и поколотятъ.

— А пусть ихъ пока еще поколотятъ. Только я чуть ли скоро и самъ не начну имъ сдачи давать.

— Ну, да, какъ же, сдачи! Нѣтъ, а ты вотъ что, Авениръ; онъ вѣдь, свекоръ-то, Маркелъ Семенычъ, намедни при всѣхъ при отцахъ изъ моленной сказалъ, что онъ та-

кую духовную напишетъ, что все одному Марку Маркелычу отдастъ, а тебѣ, глупому, за твое непочтенье къ родителю, — шишъ съ масломъ.

— Что жъ? вы же, невѣстка, тогда съ вашимъ мужемъ богаче будете. Я этимъ счастливъ буду.

— Ммм!.. Нѣтъ, скажи ты, пожалуйста, что ты это въ самомъ дѣлѣ, Авениръ, о себѣ думаешь?

— А ничего я, невѣстка, не думаю. Про что мнѣ много думать-то?

— Нѣтъ, тебѣ нравится, что ли, чтобъ тебя били за меня да колотили?

— А можетъ-быть и нравится.

— Дуракъ.

— Дуракъ, да вамъ преданный.

— Такъ я не хочу, чтобы тебя увѣчили за меня, да еще нищимъ сдѣлали? Что ты это забралъ себѣ въ голову?

Авениръ молчалъ и стоялъ сложа руки. Платонида Андревна, сдвинувъ брови, говорила внушительно:

— Ты бъ то, непутящій ты парень, взялъ себѣ въ разумъ, что я вѣдь твоего брата жена; невѣстка тебѣ называюсь.

— Да я развѣ этого не помню, что ли? — отозвался нетерпѣливо Авениръ. — Я все это прекрасно помню, и ничего нехорошаго не думаю.

— Нехорошаго! Хорошее или нехорошее ты себѣ думаешь, а только знай ты себѣ, что ты мнѣ надоѣлъ, и я не хочу, чтобъ ты за мной слонялся. Слышишь ты это, Авенирка, или нѣтъ? Слышишь! не смѣй и никакъ не смѣй ты здѣсь со мной больше встрѣчаться... И заступаться за меня тоже дома не смѣй и не приставай ко мнѣ, что я красивая... потому что не хочу я этого; не хочу и не желаю... Да и... коли ужъ на правду пошло, такъ знай, что и ты мнѣ постылъ, вотъ что!

— Ну, это что... на что пустое говорить, невѣстка, неправду?

— Какъ пустое? Какъ это пустое? Съ чего это ты взялъ, что это пустое?

Авениръ махнулъ рукою и, наложивъ на губы свекольный листочекъ, насосалъ его и равнодушно хлопнулъ.

Платонида Андревна разсмѣялась и, пожавъ плечами проговорила:

— Ну, глядите, пожалуйста, на этого дурака, добрые люди!

— Эхъ, ужъ, невѣстка, полно вамъ все меня дуракомъ-то звать, —отвѣчалъ Авениръ.

— Что?

— А зачѣмъ вы меня цѣловали-то?

— Когда это? Когда это я тебя, дурака, цѣловала? Врешь ты это все, врешь ты это, лгунъ, никогда я тебя не цѣловала.

— Никогда?

— Никогда.

Платонида Андревна покраснѣла и, нагнувшись, стала еще скорѣе дергать свекольные листья и бросать ихъ въ чашу совсѣмъ съ землею.

— А забыли вы, невѣстка, какъ нашихъ въ прошломъ году дома-то не было?..

— Ну?

— А мы съ вами тогда въ прятки играли да на сѣнѣ боролись... то, помните?

Платонида Андревна приподнялась и, строго смотря въ глаза Авениру, спросила:

— Такъ что-жъ такое, что боролись?

— Ну, вотъ тутъ-то вы меня щекотали...

— Ну?..

— Ну, да и поцѣловали, отпираться нечего, что поцѣловали.

— Пффф, пустяки какіе онъ помнитъ! — отвѣчала, закрывая рукавомъ лицо, Платонида Андревна.— Можетъ, что и вправду какъ-нибудь тогда поцѣловала, потому что ты еще мальчикъ — отчего жъ мнѣ тебя было не поцѣловать. Ты моему мужу младшій братъ. Я этакъ хоть и еще сто разъ тебя, изволь, поцѣлую.

— Ну, поцѣлуйте.

Авениръ сдѣлалъ къ невѣсткѣ шагъ и слегка тронулъ ее за бѣлый кисейный рукавъ.

— Поди прочь, дуракъ! — серьезно проговорила, отвырнувъ деверева руку, Платонида Андревна.

— Важность онъ какую придумалъ, — продолжала она: — что я поцѣловала! Въ этомъ острогѣ живучи, чорта съ рогами и того поцѣлуешь.

— А вотъ же и опять, невѣстка, неправду сказали; вотъ не очень-то вы брата цѣлуете.

— Авениръ! — крикнула, приподнявшись и стараясь говорить какъ можно строже, Платонида Андреевна. Что ты, негодный ты парень, очень хочешь, чтобъ я тебя изругала? Такъ я тебя, поганаго мальчишку, сейчасъ вотъ какъ нельзя хуже отдѣлаю.

— Да что вы это все меня мальчишка да мальчишка. Полно вамъ; пора и перестать мальчишкой-то звать меня.

— А потому я тебя такъ зову, что ты мальчишка.

— Что мнѣ двадцать-одинъ годъ, то и вамъ вѣдь столько же. Ничуть моего не больше на свѣтѣ прожили.

— Я женщина.

— А я мужчина.

— Дуракъ ты, а не мужчина. Важность какая, мужчина! Да и развѣ такіе-то бываютъ мужчины?

— Да, а то, невѣстка, какіе же?

— Какіе?.. А я вотъ не посмотрю, что ты мужчина, да оплеуху тебѣ хорошую дамъ.

— Ну и что жъ такое—дамъ!

— И ей-Богу дамъ!

— Да сдѣлайте одолженіе.

— И ударю тебя, и изругаю, и какъ не надо хуже высрамлю,—сказала, возвышая голосъ и на этотъ разъ непритворно сердясь, Платонида Андреевна.—Что это въ самомъ дѣлѣ за наказаніе! Ничего, балбеска этакой, не дѣлаетъ; на пильню его калачомъ не заманишь, торговлѣ не учится, съ пристани все норовитъ какъ бы ему домой скорѣй; да еще теперь что себѣ, мерзавецъ, вообразилъ? Голова бъ у другого треснула такое подумать. Иди ты, негодяй, прочь!— крикнула она, размахнувшись на Авенира чашкой.—Прочь; а то сейчасъ брата крикну!

— Платонинида! — раздался въ эту минуту со двора изъ-за сарая сухой, дребезжащій голосъ.

При первыхъ звукахъ этого голоса, Авениръ запрыгалъ козломъ черезъ гряды и, перескочивъ черезъ межу въ горохъ, очутился какъ разъ лицомъ къ лицу съ притаившимся здѣсь Пизонскимъ.

Оба они сидѣли на корточкахъ другъ противъ друга, какъ сидятъ рано утромъ на лѣсной опушкѣ молодые зайцы, и оба протирали себѣ руками удивленные глаза.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, Платонида Андревна, слѣдя съ улыбкой за прыгающимъ Авениромъ, спокойно отвѣчала мужу:

— Сейчасъ!

— Что, не знаешь ли ты, гдѣ это Авениръ? — продолжалъ тотъ же голосъ уже нѣсколько ближе.

— Нѣтъ, Марко Маркелычъ, не знаю,—опять отозвалась Платонида Андревна.

Въ калиткѣ показался похожій на ежа низенькій, черный съ просѣдью человѣкъ, лѣтъ сорока-пяти, съ злою физіономіею и сурово выглядывающими исподлобья подозрительными глазами.

— А здѣсь его нѣтъ?—спросилъ онъ, остановясь и распявшись руками на калиткѣ.

— Нѣтъ.

— И не бывалъ?

— И не бывалъ.

— Взаправду?

— Да что же ему здѣсь, Марко Маркелычъ, дѣлать?

— Гдѣ жъ это онъ, шальная собака, запропастился?

— Мнѣ будто показалось что-то, что онъ на пристань рано пошелъ,—отвѣчала Платонида Андревна.

— Опять же-таки все это онъ безъ времени дѣлаетъ.

— Торопился, видно, что работы много.

— Усерденъ очень! Ну-къ бы ему нынче за это его усердіе опять безъ чаю. Мы съ батюшкой идемъ на прядильню, а ты, если онъ вернется, чтобъ самовара ему другого не смѣла ставить! Слышишь ты про то или нѣтъ?

— Слышу.

— Не давать ему чаю, когда онъ своего времени не помнитъ.

— Не дамъ.

— Такой мой приказъ: не давать!

— Да не дамъ же, не дамъ, Марко Маркелычъ. Неужели-жъ-таки я васъ въ этомъ ослушаюсь? Можете послѣ и Дарью спросить, — отвѣчала мужу Платонида Андревна.

Калитка хлопнула на блокъ, и изъ-за гряды синихъ бобовъ въ ту же минуту съ испугомъ высунулась голова Авенира. Онъ проворно запрыгалъ опять козломъ черезъ гряды и, на бѣгу, тихо показывалъ Платонидѣ Андревнѣ рукою на гряду гороха.

— Скройся ты съ глазъ моихъ, нерачитель ненавистный! —проговорила, встрѣчая его и озираясь по сторонамъ, Платонида Андревна.—Что ты бзыринь-то козломъ по огороду? Пошелъ, тебѣ говорятъ, вонъ!

Но Авениръ, не слушая этого приказа, тихо взялъ невѣстку за рукавъ и тихо же съ серьезной миной указалъ ей рукою на гороховую гряду, за которой скрывался доселѣ Пизонскій.

Платонида Андревна только-что взглянула по этому направленію, какъ пронзительно вскрикнула и уронила изъ рукъ чашу со свекольникомъ. Въ горохѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поставленнаго для воробьевъ пугала, стояла длинная, смѣшная фигура Пизонскаго, на которой, тоже какъ и на пугалѣ, висѣли лохмотья мокраго коленкороваго халата, подпоясаннаго зеленою коноплею.

— Миленькая! Постой! Миленькая Платонида Андревна, постойте!—заговорилъ Пизонскій, вылѣзая изъ-за своей засады.—Я къ тебѣ, дѣвушка, не съ зломъ пришла.

Платонида Андревна съ нѣмымъ удивленіемъ разсматривала предстоящую ей странную фигуру; ей казалось, что это само гороховое пугало сошло съ мѣста, чтобы обличить ее въ грѣхѣ Продіады, т. е. въ ея хотя дѣтской, но все-таки сердечной слабости къ мужниному брату.

Константинъ Іонычъ, разрушая убѣжденія Платониды Андревны о его тождествѣ съ гороховымъ пугаломъ, поспѣшилъ счесться съ нею родствомъ, потомъ напомнилъ, какъ его три дня назадъ приняли Маркелъ Семенычъ и мужъ Платониды, Марко Маркелычъ, и наконецъ, поклонившись Платонидѣ Андревнѣ до земли, сталъ просить ее пособить ему пріютить спрятанныхъ имъ на коноплянникѣ дѣтей.

Извѣстное дѣло, что никогда и никому женщина неспособна оказать болѣе великодушнаго сочувствія и услуги, какъ человѣку, сдѣлавшемуся случайно повѣреннымъ ея сердечной слабости.

Платонида Андревна подтвердила непреложную истину этого мнѣнія: не разспрашивая ничего болѣе у Пизонскаго, она прямо обратилась съ вопросомъ къ Авениру:

— Ну, какъ же быть? Что же мы, Авениръ, сдѣлаемъ?

Авениръ только развелъ руками.

— Развѣ вотъ что,—продолжала Платонида Андревна:—развѣ, ступай ты, Авенирка, отъ меня къ бабушкѣ Ро-

ховнѣ; она хоть и не изъ церковныхъ, но не строгая; она, можетъ, сжалится—приметъ.

А Пизонскій продолжалъ:

— И доложу тебѣ, моя умница, что одежонки на нихъ, на бѣдныхъ птенчикахъ, теперь никакой нѣтъ ровнехолько; одна-таки еще въ рубашечкѣ, а другая, меньшинькая—совсѣмъ голенькая. Завернула я ее въ свои штанцы, да не очень ей въ нихъ пристойно, а ея лохмотики всѣ свалились, да, совсѣмъ свалились.

— Это ничего,—отвѣчала Платонида Андревна:—лохмотковъ я сейчасъ вынесу. Чтобъ только Дарья-воровка за мною какъ не подсмотрѣла! — добавила она, взглянувъ на Авенира и приложивъ къ губамъ палецъ. Она понче все за мной, какъ есть всякій мой шагъ замѣчаетъ.

— А вы, невѣстка, будто какъ на пугало что негодное несете: сверните въ комочекъ да и пронесите, — научалъ Авениръ невѣстку.

— Только я свое развѣ что — дѣтскаго у меня ничего нѣтъ, потому дѣтей у насъ нѣтъ въ домѣ—не рожаю я,— заговорила, бѣгучи къ калиткѣ, Платонида Андревна.

Минутъ черезъ пять она громко закричала на дворѣ «шугууу!» и выскочила на огородъ съ туго свернутымъ комкомъ, изъ котораго мотались и коленкоръ, и холстъ, и пола стеганой ватной шубеечки.

Ткнувъ этотъ сверточекъ Пизонскому, она дернула за локоть Авенира и сказала:

— На забѣги оттуда въ трактиръ, тамъ чаю напейся,— и съ этимъ она сунула ему въ руку пятиалтынный.

Авениръ ласково отвелъ невѣсткину руку и проговорилъ:

— Спрячьте, невѣстка, спрячьте; вамъ самимъ надо; а я и безъ чаю хорошъ буду.

Съ этими словами Авениръ не хуже ловкаго волтижера перелетѣлъ черезъ частоколъ и побѣжалъ вслѣдъ за Пизонскимъ, который, обхвативъ руками данныя ему ветошки, уже выбирался широкими шагами на поле.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Древлепечатная бабушка Февронья Роховна, мѣстная знахарка и акушерка, была старуха очень добрая и, по замѣчанію Платониды Андревны, «не строгая». Она пустила Пизонскаго съ принесенными имъ въ плетушкѣ

дѣтьми ножить въ маленькомъ деревянномъ чуланчикѣ, гдѣ у нея висѣли разные цѣлебные и мнимоцѣлебные коренья и травки. Пока до осени Пизонскій и пріютился здѣсь такъ, что, по крайней мѣрѣ, и дождь, и ночные холода ему съ дѣтьми были не страшны; а Авениръ каждую недѣлю раза два приносилъ сюда отъ Платониды Андревны и печенаго, и вареннаго, и молока, и свѣжей огородины. Пизонскій устраивался. Онъ постоянно сидѣлъ на полу въ чуланѣ возлѣ кровати, на которой помѣщались его дѣти, и то забавлялъ ихъ самодѣльными игрушками, то ковылялъ иглою, перешивая имъ изъ присылаемой Платонидой Андревной ветоши разныя рубашечки, шапочки, фуфаечки, да сапожки. Шилъ онъ прекрасно, какъ искусная женщина. Этому его научили въ монастырѣ, когда считали его дѣвочкой. О Пизонскомъ еще почти никто въ это время не зналъ въ Старомъ Городѣ; а кто зналъ, тотъ или ничего о немъ не думалъ, или думалъ, что это новый нищій, новый стоялецъ соборнаго притвора. Сама бабушка Роховна, глядя на его возню и хлопоты, не предрекала ему другой судьбины и мысленно упрекала его, затѣмъ онъ забралъ дѣтишекъ.

— Какъ ты съ ними будешь, Іонычъ?—говорила ему не разъ, указывая на дѣтей, бабушка Роховна.

— Бабушка,—отвѣчалъ старухѣ Пизонскій: — сидѣлъ пророкъ Илія одинъ въ степи безлюдной; предъ очами его было море синее, а за спиною острая скала каменная, и надо бы ему погибнуть голодомъ у этой скалы дикой.

— Такъ, батюшка,—подтвердила Роховна.

— Да послалъ къ нему Господь ворона, —говорилъ, оживляясь, Пизонскій:—и повелѣлъ птицѣ кормить слугу своего, и она его кормила. Замѣчай: птица, бабушка, кормила! *птица!*

— Такъ, батюшка, точно что кормила.

— Да, мать Февронья Роховна, кормила. И послалъ мнѣ Господь двухъ птицъ: летаетъ ко мнѣ воронъ Авениръ и печется обо мнѣ бѣлая лебедь Платонида Андревна, и прокормятъ они меня съ цыплятками моими, пока я обошью ребетёнокъ и сама стану на ноги.

«Гдѣ тебѣ стать на ноги?» — молча, думала про себя, отходя отъ него, бабушка Роховна; но скоро она перемѣнила это мнѣніе.

Константинъ Іонычъ, принимая пособіе Авенира и Платоніды, и самъ не сидѣлъ сидиемъ и не ждалъ воды подъ лежачій камень. Энциклопедизмъ его скоро ему пригодился и его выручилъ. Пизонскій показалъ бабушкѣ Роховнѣ, что ни самъ онъ, ни его цыплята не пропадутъ — ни съ холоду, ни съ голоду.

Обнивъ дѣвочекъ, Константинъ Іонычъ вступилъ съ бабушкой въ переговоры о дозволеніи обрядить ея чуланъ на свой счетъ въ жилую каморку, съ тѣмъ, что онъ, какъ Богъ его поправитъ, сдастъ ей все въ порядкѣ, а пока будетъ здѣсь жить, станетъ ей платить по полтиннику въ мѣсяцъ.

Бабушка Роховна, не видя для себя въ этомъ ничего, кромѣ прибытка, согласилась. Пизонскій, пользуясь тѣми часами, когда наигравшіяся дѣти засыпали, натаскалъ на бабушкинъ дворъ мѣшковъ глины, вымазалъ чуланъ самымъ тщательнымъ образомъ, напихалъ въ подполье земли, сложилъ крошечную печурку и, наконецъ, спокойно крякнулъ.

У-у! какъ богатъ и какъ счастливъ теперь былъ Пизонскій и какимъ назидательнымъ примѣромъ онъ могъ бы служить для великаго множества людей, разрѣшающихъ проблематическіе трактаты о счастьи!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Съ устройствомъ каморки, Пизонскій далеко отогналъ отъ себя всякое безпокойство. Теперь у него была только одна насущная забота, — забота пріучить старшую, пятилѣтнюю дѣвочку Глашу присматривать, въ его отсутствіе, за ея младшей сестрой Пилочкой, или, какъ Пизонскій звалъ ее, *Милочкой*.

Достигнувъ того, что малосмысленную Милочку можно было оставлять подъ надзоромъ Глаши, Константинъ Іонычъ началъ отлучаться на короткое время изъ дома, и послѣ каждой такой отлучки возвращался всегда домой съ покупками, на которыя истратилъ послѣдніе два рубля, принесенные имъ изъ солдатчины. Прежде всего Пизонскій принелъ домой съ старымъ муравленымъ горшкомъ; потомъ онъ въ нѣсколько пріемовъ натаскалъ къ себѣ разныхъ негодныхъ баночекъ, пузырьковъ и бутылочекъ и, наконецъ, принесъ чернильныхъ орѣшковъ, меду и голландской сажи. Съ

этими препаратами и съ этимъ матеріаломъ Пизонскій усѣлся передъ печкой за химическія занятія. Дня черезъ два онъ вышелъ изъ дому съ большой бутылкой чернилъ и съ деревяннымъ ящикомъ черной, лоснящейся ваксы. На чернилахъ Пизонскій сбанкрутовалъ, потому что сторожа присутственныхъ мѣстъ дѣлали чернила на казенныя деньги и, слѣдовательно, могли продавать этотъ продуктъ на сторону гораздо дешевле Пизонскаго: но его свѣжая вакса оказалась гораздо лучше сухой синей ваксы, получаемой въ плиткахъ изъ Москвы, и эта часть коммерціи его выручила. Константинъ Іонычъ совсѣмъ ожилъ и сталъ еще смѣлѣе и предпріимчивѣе. Скоро Старый Городъ увидалъ его безпрестанно снующаго изъ дома въ домъ съ набитымъ ваксою деревяннымъ ящикомъ и съ дешевыми, очень прочными самодѣльными щетками. Пизонскій леталъ съ своимъ ящикомъ во всѣ дома, въ лавки, въ присутственныя мѣста, на постоялые дворы; вездѣ онъ тихо и не спѣша снискивалъ себѣ общую расположенность, со всѣми знакомился и всякому на что-нибудь пригожался. Въ уѣздномъ судѣ часы били лѣтъ двадцать съ такимъ частымъ боемъ, что никто не могъ счесть, сколько они ударили—часъ или двѣнадцать: Пизонскій снялъ часы, попилилъ, постучалъ и они стали бить отчетисто: разъ, два, три—какъ слѣдуетъ. Отцу-протопопу Туберозову онъ устроилъ въ окнѣ жестяной вентиляторъ. Отецъ-протопопъ похвалилъ его и сказалъ: «да, ты не изященъ, но не безъ таланта». Городскому головѣ Котинъ сдѣлалъ деревянную ногу, чтобы чистить на ней его высокія голенища, и тотъ тоже не преминулъ похвалить его. Дьякону Ахиллѣ приправилъ, по его просьбѣ, шпоры къ сапогамъ, въ которыхъ дьяконъ намѣревался ѣздить верхомъ въ деревню къ знакомымъ. Правда, что шпоры эти жили недолго, потому что встрѣтившій Ахиллу со шпорами протоіерей Туберозовъ тутъ же велѣлъ эти шпоры отломить: но тѣмъ не менѣе и эти шпоры все-таки тоже были за Пизонскаго. Потомъ Пизонскій кому починилъ зонтикъ, кому полудилъ кастрюлю, кому спаялъ изломанныя мѣдныя вещи, склеилъ разбитую посуду, и Старый Городъ не успѣлъ оглянуться, какъ Пизонскій въ самое короткое время прослылъ въ немъ самымъ преполезнымъ человѣкомъ. Теперь, кажется, если бы Пизонскій самъ задумалъ почему-нибудь оставить Старый Городъ, такъ всѣ бы заговорили въ одинъ голосъ: «нѣтъ, какъ же

это мы останемся безъ Константина Іоныча?» Почтмейстерша, слывшая за большую хозяйку и великую ехидну, даже ужъ впередъ нѣсколько разъ публично выражала такое мнѣніе, что безъ Пизонскаго въ Старомъ Городѣ и жить было бы невозможно.

Съ голоса почтмейстерши, въ самомъ скоромъ времени, то же самое заговорили о Пизонскомъ и другіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—говорили эти другіе:—Боже спаси насъ остаться безъ Константина Іоныча! Теперь даже вспомнить это время, какъ его у насъ не было, когда за всякимъ пустякомъ, бывало, посылай въ губернію, такъ и не понимаешь даже, какъ это мы и жили.

Пизонскій, можетъ-быть, уже долженъ бы былъ заботиться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя зависти и злословія, но Пизонскій велъ себя тихо, ровно и, не возносясь своими успѣхами, не возбуждалъ и ничьей зависти.

Доброе имя его все росло и общее расположеніе къ нему все увеличивалось. Расположеніе это выражалось не одними словами, но и дѣлами. Въ городѣ вдругъ оказалось нѣсколько лицъ, которыхъ стала серьезно занимать мысль о томъ, какъ бы прочно устроить здѣсь быть многополезнаго Константина Іоныча.

Первая выразила такую заботливость почтмейстерша.

Эта полная, животрепещущая дама, которой, какъ греческаго огня, боялись всѣ почтальоны и которой больше всѣхъ боялся ея мужъ, запла въ своей расположенности къ многополезному Пизонскому до того, что вмѣнила мужу въ непремѣнную обязанность дать Пизонскому мѣсто при почтовой конторѣ.

— Матушка! — начиналъ, складывая на груди руки, умоляющій почтмейстеръ, желая этимъ покорнымъ жестомъ изъяснить супругѣ, какъ трудно создать для Пизонскаго мѣсто при почтовой конторѣ.

— Что-съ?—грозно окликала мужа животрепещущая почтмейстерша: — я этого требую; слышите: *требую?*

— Ангелъ мой!—еще ниже одною нотою запѣвалъ почтмейстеръ:—но если этого нельзя?

Почтмейстерша посмотрѣла на мужа холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Голубчикъ Дезидерій Иванычъ,—обратился на другой день почтмейстеръ къ своему сортировщику: — сдѣлай ми-

лость, научи, какъ бы намъ дать въ конторѣ Пизонскому мѣсто. Непремѣнно этого требуетъ Агаоья Алексѣвна.

— Ахъ, ты Боже мой! отвѣчалъ сортировщикъ, и оба они съ почтмейстеромъ задумались.

— Развѣ вотъ что,—началъ, потянувъ себя двумя перстами за нижнюю губу, Дезидерій Иванычъ: — развѣ посадить его расписываться въ получательской книгѣ.

— Вы, ей-Богу, министръ,—отвѣчалъ обрадованный почтмейстеръ и тотчасъ же послалъ сторожа за Константиномъ Пизонскимъ.

Призванный Пизонскій и радъ и не радъ былъ своему счастью: съ одной стороны его манила прелесть заработка за расписку вмѣсто неграмотныхъ, а съ другой, какъ вспоминалъ онъ степень собственной грамотности, и особенно бралъ въ расчетъ долговременное неупражненіе въ этомъ капризномъ искусствѣ, онъ не рѣшался взяться за это хитрое дѣло.

— Робка я, дѣвушка, на перѣ,—говорилъ онъ почтмейстеру.

— Дезидерій Иванычъ тебя, Константинъ Іонычъ, поучитъ; онъ тебя поучитъ, поучитъ.

Пизонскій подумалъ и, поджигаемый безгрѣшной корыстью, отвѣчалъ: «ну, развѣ поучитъ».

Дали Пизонскому мѣсто «расписчика», но только не въ прокъ пошло ему это мѣсто по протекціи. Первый же почтовый день, въ который ему пришлось расписываться за неграмотнаго получателя, былъ и послѣднимъ днемъ его почтовой службы.

— Пиши, Константинъ Іонычъ,—диктовалъ ему сортировщикъ

Пизонскій взялъ въ руки перо, сначала его послюнилъ, потомъ обмакнулъ, потомъ положилъ на бумагу руку, а на руку налегнулъ правой щекою, долго выводилъ перомъ разные разводы и, наконецъ, воскликнулъ: «*есть!*»

Сортировщикъ съ внятными разстановками началъ диктовать: «оные семь рублей и десять копеекъ серебромъ получилъ и расписался такой-то, а вмѣсто его, неграмотнаго, отставной рядовой Константинъ Пизонскій».

Пизонскій еще крѣпче прижалъ щеку къ бумагѣ и пошелъ выводить.

На этотъ разъ онъ рисовалъ до безконечности долго;

круглые глаза его выпирало отъ внимательнаго слѣдованія за водящею перомъ рукою; на лбу собирались капли холоднаго пота, и все лицо его выражало невыносимую тревогу.

Это продолжалось добрую четверть часа, по истеченіи которой Пизонскій вдругъ быстро откинулся на спинку стула, потомъ вскочилъ и затрясся, не сводя глазъ съ своей расписки. Видъ его въ это время былъ просто ужасенъ: онъ походилъ на медіума, вызвавшаго страшнаго духа и испуганнаго его явленіемъ. Сортировщикъ и почтмейстеръ заглянули на роковую страницу и тоже остолбенѣли. На этой страницѣ рукою Пизонскаго было изображено: «Оніе скилбуры и удастъ кокеу съ рублемъ почулъ и распился отстегни на видъ Контантинтантин...»

Это убійственное для воспроизведенія перомъ имя подняло въ душѣ Пизонскаго всѣ забытыя страданія его сиротскаго дѣтства; каждое одно изъ другого вытекавшее «тантинтантин» являлось передъ нимъ новымъ, злымъ, насмѣшливымъ кобольдомъ, или гномомъ, и онъ не выдержалъ, всталъ и въ страхѣ затрясся.

— Вотъ, ангелъ мой, какъ онъ расписался, — говорилъ черезъ минуту почтмейстеръ, предъявляя женѣ испорченною получательскую книгу.

Почтмейстерша не выдержала и улыбнулась, прочитавши Пизонскаго «скилбуры».

— И «отстегни на видъ»,—указывалъ ей, обрадованный ея улыбкою, почтмейстеръ.

— Ну, что жъ вы тутъ такое особенное показываете?

— Да помилуй же, душка: «отстегни на видъ». Какъ же это можно такъ сказать? Въ этомъ вѣдь просто нѣтъ смысла.

— Да, я это вижу, но я все-таки буду о немъ самаго хорошаго мнѣнія,—отвѣчала почтмейстерша такъ, какъ будто она была хорошаго мнѣнія о тѣхъ, которые къ почтовой службѣ неспособны.

Этотъ новый анекдотъ о Пизонскомъ разошелся по городу; но и онъ нимало не повредилъ его незыблемой репутаціи.

Напротивъ, Пизонскаго чуть ли не съ этихъ поръ и начали принимать въ чиновничьихъ домахъ не какъ ремесленника, а какъ свободнаго художника, которому мелочи приказнострочительства даже и неприличны. Его те-

перь не кормили на кухняхъ, а сажали на особый стулъ у двери залы; ему подносили рюмку водки не между пальцами, а на ломтѣ хлѣба, и говорили ему въ глаза не просто «ты», а «ты, Константинъ Іонычъ». Онъ до такой степени выдвигался изъ положенія рабочаго смерда, что даже самъ голова сталъ посылать ему чаю не въ сѣни, а въ молодцовскую, и позволялъ разсуждать съ собою стоя у притолоки. И не прошло года, какъ всѣ замѣтные люди Стараго Города самымъ незамѣтнымъ образомъ очутились друзьями и сторонниками убогаго пришельца Пизонскаго и ему настала пора сдѣлаться собственникомъ и гражданиномъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Принося всѣмъ и каждому посильныя услуги и втираясь, безъ всякихъ подобострастныхъ искательствъ, во всеобщее расположеніе, Константинъ Іонычъ никогда не жаловался на свою судьбу и даже никогда ни слова никому не говорилъ о своихъ сироткахъ. Развѣ когда кто самъ его о нихъ спрашивалъ: «Ну, какъ, Константинъ Іонычъ, твои дѣти?» то только въ такихъ случаяхъ Пизонскій отвѣчалъ: «А живутъ, моя дѣвушка, помаленечку».

— Ты бы, Константинъ Іонычъ, подумалъ, чтобъ дать имъ какое-нибудь воспитаніе,—говорили ему барыни.

Пизонскій отмалчивался или коротко отвѣчалъ:

— Какъ же, дѣвонька, я думаю.

— Хоть бы ты ко мнѣ ихъ присылалъ поучиться, — предлагала ему почтмейстерша.

Пизонскій и отъ этого отдѣлывался.

— Дики онѣ у меня, дружокъ: очень сиротливы; людей не видали; куда имъ въ господскомъ домѣ!

У Константина Іоныча насчетъ воспитанія сиротъ были свои планы, о которыхъ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, но которые зналъ до малѣйшихъ деталей.

Совѣсть, не допускавшая Пизонскаго никому ни на шагъ перебивать никакой дороги, изощрила его вниманіе къ тѣмъ бросовымъ средствамъ, которыя лежатъ праздными которыя какъ бы никому ни на что не нужны и не обращаютъ на себя ничьего вниманія. Неудача почтовой карьеры еще болѣе убѣдила Пизонскаго, что онъ не можетъ идти путями протекцій. Онъ чувствовалъ, что ему

пригодны одни прямые пути; что для него гораздо удобнѣе брать въ свои руки то, чѣмъ небрегли другіе, что̀ не дастъ ему ни недостойной борьбы, ни враговъ и завистниковъ.

Пизонскій видѣлъ, что на нашей просторной землѣ, на нашей широкой полосѣ, и нежатой, и неоранной, еще нетронутаго добра будетъ и предостаточно на всякую плоть, не щадящую пота своего, и онъ сдѣлалъ новый шагъ къ устройству сиротъ своихъ. Въ одно лѣто Пизонскій явился на сходку въ думу и сказалъ:

— Не будетъ ли, господа думцы, вашей милости пустить меня съ сиротами покормиться подъ мостъ на пустой островъ?

— И вправду,—заговорило общество: — пустимъ ихъ на нашъ пустой островъ. Все равно вѣдь отъ этого пустыря никакой пользы нѣтъ,—пусть же этою лядою хоть добрый человѣкъ пользуется.

И Пизонскій безданно и безпошлинно получилъ въ долгосрочную временную собственность пустой островъ — царство запустѣнія, бурьяна, ужей и крапивы.

Это пріобрѣтеніе было для Пизонскаго такимъ великимъ счастіемъ, что онъ не могъ и вообразить теперь кого-нибудь счастливѣе себя на цѣломъ свѣтѣ. Въ первый же годъ по полученіи въ свою власть этого острова, онъ поставилъ здѣсь хибарочку, выкопалъ землянку, окопалъ ровокъ и поставилъ воротцы. На другой годъ пустынный островъ былъ уже бакшою, давшею Пизонскому съ сиротами и хлѣбъ, и соль, и все, еже имъ на потребу. Зимою Пизонскій почувствовалъ себя даже бариномъ. Онъ добылъ, гдѣ могъ, различныхъ книжекъ и научилъ своихъ сиротокъ грамотѣ, и успѣхи обѣихъ, очень понятливыхъ дѣвочекъ, были Пизонскому неслыханнымъ утѣшеніемъ. Въ такомъ прелестномъ благополучіи, въ такомъ райскомъ житьѣ прошли для нашего Робинзона цѣлые четыре года: семейный міръ его не возмущался ничѣмъ ни на минуту; дѣти его подрастали и учились; у него завелись лошадка и телѣжка, которую онъ, по любви къ искусствамъ, каждую весну перекрашивалъ въ новую краску; годы шли урожайные, нечего было и желать больше. Пизонскій всѣми былъ почитаемъ за человѣка годнаго на все и повсюду, и, дѣйствительно, онъ только не годился въ чиновники.

Такъ Низонскій возникъ *безъ опеки* и безъ покровительствъ и уже самъ покровительствовалъ тому, что имѣетъ право на покровительство, — *дѣтству*. Но... всегда ждутъ насъ, гдѣ мы не думаемъ, разныя скверныя *но*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ тотъ приснопамятный годъ, когда во многихъ мѣстахъ Россіи передъ осенью во второй разъ зацвѣли въ садахъ вишни и яблони и народъ запророчествовалъ по этому явленію великій моръ на люди, отошелъ въ вѣчность Марко Дѣевъ, мужъ встрѣченной нами утромъ на огородѣ молодицы Платониды Андревны. Въ огромной дубовой колодѣ, съ нудовыми свѣчами, съ ладаннымъ куреніемъ и гнусливымъ раскольничьимъ пѣніемъ отнесли его на кладбище и сравняли, по обычаю, съ землею, которую онъ протопталъ лѣтъ полсотни своими сапожищами. Никто особенно не убивался на могилѣ отшедшаго Марка. Вдова его, Платонида Андревна, тихонько поплакала, да старикъ Маркелъ Семенычъ уронилъ нѣсколько слезинокъ. Только всего и было вещественнаго выраженія скорби по этомъ усопшемъ. Братъ покойника Авениръ оставался совершенно равнодушенъ къ смерти своего жестокаго брата, тѣмъ болѣе, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, которые мертвецъ простоялъ въ домѣ, старикъ Маркелъ Семенычъ, начавшій, страха ради холернаго, прилежать чарочкѣ, разъ пять принимался колотить Авенира чѣмъ попадя, упрекая его при этомъ въ безчувственности и говоря, что «вотъ тебѣ бы, нерачителю, слѣдовало растянуться, а не брату». Маркелъ Семенычъ, взволновавшись одинъ разъ горемъ утраты, страхомъ смерти и виномъ утѣшенія, никакъ не могъ войти въ свою форму и не уставалъ поддерживать себя стаканомъ. Засыпавъ сына землею, онъ и тамъ, на кладбищѣ, выпилъ за его душу одну серебряную чарочку, роздалъ тамъ же своею рукою мѣшокъ мѣдныхъ денегъ на поминъ сыновней души и сѣлъ верхомъ на свои старинныя дрожки, запряженныя толстою вороною лошадью, а въ колѣни, бокомъ къ нему, робко присѣла овдовѣвшая невѣстка Платонида Андревна. Ясные съ темной поволокой глаза молодой вдовы были очень мало заплаканы, и чуть только она съ свекромъ выѣхала съ кладбища на поле, отдѣляющее могилки отъ города, эти ясные глаза совсѣмъ высохли и взглянули изъ-подъ густыхъ рѣсницъ сво-

нхъ еще чище, чѣмъ смотрѣли доселѣ. Словно они только умылись слезой, или словно теперь только они и увидѣли впервые свѣтъ Божій. Да именно скорѣе можно было предполагать, что они теперь только впервые и увидѣли этотъ свѣтъ. Это говорили не одни глаза красавицы, но и ея бѣлая грудь, которая вздыхала теперь вольно и широко, колышась подъ кармазинной душегрѣйкой.

Кто бы теперь только дерзнулъ напомнить этой пышной розѣ: «*ты вдовица!*» чья бы рука налегнула срѣзать такимъ напоминаніемъ этотъ роскошнѣйшій цвѣтокъ, такъ сильно протестовавшій за свое право цвѣсти, зрѣніе радовать и разливаться ароматомъ? Нѣтъ, самый пламеннѣйшій идеалистъ не посовѣтовалъ бы ей проводить жизнь въ воздыханіяхъ о переселившихся въ вѣчность; ее не осудилъ бы на сожженіе съ мужемъ самый фанатическій индіецъ, и если суровый аскетъ не сказалъ бы ей: «Жено! впередъ отпущаются ти вси грѣхи», то поэтъ, глядя въ ея дѣтское личико, долженъ былъ воскликнуть:

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Даже суровый старикъ Дѣевъ не щунялъ ее за скудость источниковъ ея слезъ, и онъ, возвращаясь съ сыновнихъ похоронъ, прощалъ невѣсткѣ земную красоту ея и, поглядѣвъ на нее, проговорилъ только:

— Тебѣ неловко сидѣть, Платонида! Сядь, лебедь, сюда, ближе! — съ этимъ старикъ своею рукою подвинулъ невѣстку отъ кучеровой спины къ своимъ колѣнямъ и еще разъ добавилъ: сядь такъ.

— Нѣтъ, тятенька, ничего мнѣ; мнѣ очень даже прекрасно, — отвѣчала Платонида Андревна.

— А ты еще попридвинься: такъ еще будетъ лучше.

Платонида Андревна въ угоду свекру слегка подвинулась. Маркелъ Семенычъ долго смотрѣлъ ей на носъ, на лобъ, на рѣсницы и, наконецъ, проговорилъ:

— Ты, молодица, по мужѣ хошь и плачь въ свою мѣру, потому что онъ тебѣ былъ мужъ; ну, очень-то ужъ ты не убивайся: ты забыта и обижена въ моемъ домѣ не будешь.

Платонида Андревна легонько поклонилась свекру.

Эта покорная благодарность такъ понравилась Маркелу Семенычу, что онъ, слѣзая у воротъ съ дрожекъ, крѣпко сжалъ за локоть невѣсткину руку и еще разъ сказалъ ей:

— Не бойся, моя лебедь, никого не бойся.

За заупокойнымъ столомъ Маркелъ Семенычъ нѣсколько разъ публично заговаривалъ, что хоша сынъ его и умеръ бездѣтнымъ, но что онъ, почитаючи его вдову, а свою невѣстку, желаетъ ей сдѣлать опредѣленіе и намѣренъ дать ей равную съ Авенпромъ часть.

— А можетъ-быть даже,—добавлялъ онъ, искоса взглядывая на Авенира: можетъ-быть, что въ такомъ буду мнѣніи, что и все ей одной отпишу, какъ она того заслуживаетъ, потому что ничѣмъ я не могу ее укорить и всѣмъ я ею доволенъ, а добро есть мое собственное—кому его захочу отдать, тому и отдамъ.

Платонида Андревна краснѣла до самыхъ ушей, и не знала, что̀ ей говорить и что̀ думать, и въ смущеніи растерянно кланялась за столомъ въ поясъ свекру.

Во все время обѣда Маркелъ Семенычъ все себя подправлялъ, все попивалъ по чашечкѣ и, наконецъ, захмелѣлъ. Проводивъ, какъ могъ, гостей, онъ повалился на диванъ и только безсмысленно произнесъ:

— Невѣстка!

Платонида Андревна съ Авенпромъ взяли старика подъ руки и отвели его въ спальню.

— Невѣстка!—произнесъ онъ снова, еще болѣе заплетая языкомъ, когда его положили въ постель.

Что изволите?—спросила его Платонида Андревна; но Маркелъ Семенычъ уже спалъ и ничего ей не отвѣтилъ.

Авенпръ съ Платонидой оставили старика высыпаться и разошлись.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Авенпръ, побродивъ по огороду, пошелъ со двора, а молодая вдова сѣла, пригорюнясь, у окошечка. Суроваго, непривѣтливаго мужа ей не жаль было, потому что ничего она отъ него во всю свою жизнь не видѣла, кромѣ угрозъ да попрековъ, и никогда ничего лучшаго не ожидала отъ него и въ будущемъ. Но что̀ же и теперь у нея впереди? Что̀ ждетъ ее, одинокую, вдовую, безприданную, въ ея нынѣшнихъ молодыхъ годахъ? А жизнь такъ хороша, а жить такъ хочется, такъ манится, такъ что-то кружится-кружится передъ глазами...

— Охъ, чуръ меня совсѣмъ, что̀ это такое мнѣ ду-

мается, проговорила въ досадѣ Платонида Андревна и, сердито почесавъ одною рукою локоть другой руки, оперлась ею о подоконникъ и сѣла и стала глядѣть, какъ на карнизѣ фронтона амбаровъ сладко цѣлуются съ дружками сизые голуби.

Пусто и скучно вокругъ: скучно и пусто и на сердцѣ Платониды Андревны.

«Лучше бъ ужъ скорѣй состарѣться; лучше бъ я не шла никогда замужъ; лучше бъ меня въ монастырь отдали...» думала она, отирая кисейнымъ рукавомъ выступавшія на глазахъ почти дѣтскія слезы, и, вздыхая, перекладывала голову съ одной усталой руки на другую. Такъ прошелъ часъ-другой, и тяжелый день тихо сгорѣлъ передъ ея глазами.

Въ самыя густыя сумерки къ ней вошелъ Авениръ. Онъ оглянулся по комнатѣ, повѣсилъ на колокъ фуражку, сѣлъ противъ невѣстки на стулъ и подалъ ей на рукѣ кисть винограда.

— Гдѣ ты это взялъ, Авениръ? спросила его Платонида Андревна.

— Лялинымъ бакалей прислала, такъ и этого привезли; только, говорятъ, его теперь ѣсть при этой болѣзни не годится.

— Отчего не годится? Ну-ка, давай-ка сюда, я погляжу, какъ не годится.

Платонида взяла виноградную кисть, объѣла на ней всѣ ягоды, обтерла рукавомъ алыя губы и, выбросивъ на галлерейку за окно пустую кисть, потихоньку засмѣялась.

И Авениръ, и вдова были совершенно спокойны; но обоимъ имъ что-то не говорилось.

— Ты гдѣ былъ? спросила Платонида нехотя своего деверя.

— Такъ... въ проходку немножко ходилъ,—отвѣчалъ Авениръ.

— Скучища у насъ на дворѣ такая, что ужасть.

— Да, вѣдь, что заведешь дѣлать-то?

— Что ты говоришь?

— Говорю, что что̀ жъ, молъ, заведешь дѣлать, что скука?

— Мой бы згадъ: теперь хорошо спать ложиться,— проговорила Платонида Андревна.

— Да и что жъ такое.

— Только и всего, что тятенька встанутъ, надо имъ чай собрать.

— А вы тогда и встаньте, какъ онъ проснется; да онъ хмеленъ очень; наврядъ онъ еще и проснется-то.

— И то послушаюся тебя, часочекъ какой вздремну покуда такъ въ платьѣ. Иди-ка ты отъ меня съ Богомъ.

Молодой человѣкъ всталъ и снялъ съ гвоздя свою фуражку. Въ одно время съ нимъ поднялась съ своего мѣста и Платонида и, позѣвывая, проговорила:

— Охъ, Господи, что-й-то у меня передъ чѣмъ-то такъ локти чешутся?

— На другомъ мѣстѣ спать, невѣстка.

— Еще что врн! на какомъ это на другомъ мѣстѣ спать мнѣ? Это локти къ горю чешутся,—добавила она, выпроваживая деверя, и защелкнула за нимъ дверь на задвижку.

Оставшись одна въ запертой комнатѣ, Платонида поставила около покрытаго ковромъ сундука свѣчу и желѣзный ящичекъ съ трутомъ, сѣрниками и огнивомъ, перекрестилась, легла на этотъ сундукъ и, утомленная трехдневными хлопотами по похоронамъ, въ ту же минуту крѣпко заснула.

Ничего во снѣ не привидѣлось Платонидѣ Андревнѣ, только все ей сквозь крѣпкій сонъ хотѣлось проснуться, потому что знала она, что нужно еще напоить свекра чаемъ, и даже стало ей чудиться, будто свекоръ ее кличетъ и говоритъ ей: «что жъ это ты, Платонида, развалилась, словно бѣлуга разварная! встань же, напой меня, пожалуйста, чаемъ». И два, и три, и четыре раза все это слышалось Платонидѣ, и наконецъ, въ пятый разъ уже послышалось такъ явственно, что она вскочила и, сидя на постели, крикнула:

— Сейчасъ, тятенька, сейчасъ!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Протерши глаза, Платонида Андревна оглянулась по покою: кругомъ темнота густая: чернаго шкафа даже никакъ не отличишь отъ желтой стѣны; на лежанкѣ, впрочемъ, чуть обозначается блестящій самоваръ, да длинное полотенце бѣлѣется на шнуркѣ, словно мертвецъ, стоящій въ саванѣ.

Платонида Андревна вздула огня, потомъ запустила руку

подъ сундукъ и достала оттуда топоръ, а изъ угла взяла сухое березовое полѣно, чтобы нащипать лучинки. Но прежде, чѣмъ ударить хоть разъ топоромъ по плахѣ, она подумала: «да не послышалось ли все это мнѣ во снѣ? Можетъ, батюшка и спитъ еще».

Эта мысль заставила молодую женщину взять свѣчу и выйти въ залу.

На большихъ стѣнныхъ часахъ было половина перваго. Платонида Андревна потихоньку подошла къ двери свекровой спальни и прилегла ухомъ къ створу. Въ опочивальнѣ старика было тихохонько.

— Это мнѣ, значитъ, все во снѣ почудилось,—рѣшила вдова и, зѣвнувъ, пошла опять въ свою комнату.

Снова запершись на крючокъ въ своей вдовьей спальнѣ, Платонида Андревна поставила свѣчу на столъ противъ окна и стала раздѣваться.

«Ну, да будетъ же съ меня хоть и этого счастья! будетъ съ меня хоть и того, что я хоть въ спальнѣ-то у себя въ покоѣ поживу одна безъ него, безъ привередника», подумала она и, нетерпѣливо сбросивъ на полъ двѣ лишнія теперь подушки, развязала юбку и сѣла на постель съ такою смѣлостью, съ какою не подходила къ ней и не садилась на нее ни разу отъ роду.

Эта рослая, дородная красавица съ душою младенца, съ силою мужчины, съ грудью, которая должна бы вскормить богатыря, теперь напоминала невиннѣйшую пансіонерку, которая, вознаграждая себя за годъ стѣсненія, тѣшится однодневной свободой отпуска.

Новыя ощущенія независимости и свободы такъ переполнили собою младенческую душу и мысли Платониды Андревны, что ей даже не захотѣлось болѣе спать: да къ тому же она и выспалась. Теперь ей хотѣлось сидѣть, думать, Богъ вѣсть о чемъ думать, и только думать. Она такъ долго не смѣла ни ступить, ни молвить слова безъ упрека и безъ поученія, и вотъ теперь она одна, никто ее не видитъ на этой постели, никто ей не скажетъ: «чего ты тутъ вьёшься? чего егозишь, чего ёрзаешь?»

Она пересѣла еще разъ, и еще: потомъ прилегла впоперекъ кровати и снова привстала и, улыбнувшись на двѣ лежащія на полу подушки, вспрыгнула, постояла, завела назадъ за голову руки, закрыла глаза и черезъ минуту,

раскрывъ ихъ, кинулась въ страхѣ въ уголъ постели и задрожала. На верхней подушкѣ покойнаго Марка, которую шаловливая вдова его сбросила на полъ по самой срединѣ, пала небольшая ложбиночка, какъ будто бы здѣсь кто-то незримый лежалъ головою. Въ самомъ верху надъ этой запавшей ложбинкой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на мертвецкомъ вѣнцѣ нарисованъ Спаситель, сидѣлъ сѣрый, ночной мотылекъ. Онъ сидѣлъ, высоко приподнявшись на тоненькихъ ножкахъ, и то поднималъ, то опускалъ свои крылышки, словно схимникъ, осѣняющій воскрытіями своей мантіи незамкнутую могилу.

Платонида вздрогнула. Сѣрая пыльная тля въ мгновеніе ока истлила ея эгоистическую радость; а этой порой мотылекъ и еще разъ, и два, и три раза тихо коснулся подушки своими крылами и тихо же снялся, и тихо пропалъ за окномъ во тьмѣ теплой ночи.

Вдова быстро встала съ постели, сильной рукой затворила за улетѣвшею бабочкой открытую раму и молвила: «грѣхъ мнѣ! не честь мнѣ; не слѣдъ мнѣ валять по полу его подушки!»

Съ этими словами она подняла подушки съ полу и положила ихъ на пустую лежанку.

Въ эту минуту ей послышалось, что у нея за дверью кто-то вздохнулъ.

Платонида схватила еще торопливѣе тѣ же самыя подушки и, положивъ ихъ на диванъ подъ святые, быстро отошла отъ нихъ прочь и стала у своей кровати.

Теперь все было тихо по цѣлой комнатѣ, и на полу, и на холодной лежанкѣ, и за запертой дверью, и на постели.

— О, упокой, упокой его, Господи, лепетала себѣ вдова съ чувствомъ теплой признательности къ мужу за то, что онъ умеръ и оставилъ ее хоть спокойною этого угла да постели.—Не полно мнѣ полуночничать!

И Платонида стала раздѣваться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Но едва молодая вдова сняла съ себя платье, какъ въ мертвой тишинѣ ночи ей опять показалось, что какъ будто кто-то стукнулъ рюмкой у шкафика, въ которомъ покойный мужъ всегда держалъ подъ ключомъ вино и настойку. Платонида Андревна, стянувъ съ себя половину чулка, подо-

ждала и, не услыхавъ болѣе ни одного звука, подумала: вѣрно, это возятся мыши.

Успокоивъ себя такимъ предположеніемъ, молодая женщина сдернула съ себя чулки и подошла къ стоявшему передъ окномъ маленькому паркетному столику; поставила на него свѣчу и, лѣниво потянувшись, стала смѣнять дневную сорочку. Но чуть лишь она спустила съ плеча распущенный воротъ, какъ вдругъ ей показалось, что что-то такое темною тѣнью промелькнуло по галлереѣ мимо самаго ея оконка. Ей почудилось, что это словно тѣнь человѣческая. Платонида Андревна была впечатлительна, но она сообразила, что это ходитъ живой человѣкъ, а не пришлецъ изъ гроба, и въ ту же секунду быстро задула свѣчку и, скорѣй нахвативъ на себя ночную рубашку, подумала:

«Однако, что жъ это за мерзавецъ сталъ этотъ негодный Авенирка! Въ рожу ему только послѣ этого остается плюнуть».

И она твердо рѣшилась не простить шалуну этой новой его дерзости. Платонида накинула себѣ на голыя плечи старенькую гарнитуровую шубейку, въ которой мы ее видѣли утромъ разговаривавшую съ Авеніромъ на огородѣ, и притаилась тихо за оконницей. На галлереѣ теперь все было тихохонько, не слышно было ни шума, ни шороха; но Платонида не довѣряла этой тишинѣ. Она притаилась и стояла съ самымъ рѣшительнымъ намѣреніемъ, при первомъ новомъ появленіи подъ ея окномъ ночного посѣтителя, распахнуть раму и плюнуть ему въ лицо.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Соображенія Платониды Андревны не обманули ея: ночной гость не заставилъ себя долго дожидаться.

Не успѣла полураздѣтая красавица и двухъ минутъ простоять за оконнымъ косякомъ, какъ со стороны галлереи, по темному стеклу окна, тихо выползла сначала одна кисть человѣческой руки, потомъ показался локоть, потомъ плечо, и наконецъ, выдвинулась цѣлая мужская фигура...

Какъ ни темна была безлунная ночь, только изрѣдка мерцавшая нѣсколькими звѣздочками, но въ комнатѣ стало еще темнѣе, когда единственное окно совсѣмъ заслонила собою подошедшая фигура.

Платонида продолжала стоять тихо, прикрывая накрестъ

сложенными руками бѣлую грудь, въ которой крѣпко стучало и невольно замирало, и страхомъ, и негодованіемъ, нетерпѣливое сердце. Несмотря, однако, на все свое негодованіе, оскорбленная вдова удерживалась и, утаивая дыханіе, ждала, чѣмъ это все кончится.

Ночной соглядатай стоялъ и прислушивался очень долго, наконецъ, ободренный мертвою тишиною, осторожно тронулъ пальцами запертыя изнутри полы створчатой рамы. Онъ дѣлалъ это съ большой осторожностью, но дѣлалъ неловко. Пальцы его безпрестанно соскользали и черкали ногтями по окрашенной планкѣ рамы. Платонида слегка придвинула къ окну свое ухо, и ей стало слышно, что царапавшійся къ ней человѣкъ тяжело дышитъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. По мѣрѣ того, какъ Платонида Андревна, скрѣпя свое сердце, долѣе и долѣе удерживалась, противная сторона все становилась смѣлѣе и уже начинала потряхивать раму безъ всякаго опасенія и безъ всякой осторожности.

«Однако, этакъ онъ, мерзавецъ, чего добраго, еще можетъ разбудить и свекра»,—подумала Платонида Андревна, и съ неописаннымъ негодованіемъ бросилась къ окну и остолбенѣла.

Это былъ совсѣмъ не Авенпръ, а у окна стоялъ самъ ея сѣдой свекоръ Маркелъ Семенычъ.

Платонида удержала свой порывъ и въ недоумѣніи опустила руки.

Увидя передъ собою невѣстку, Маркелъ Семенычъ на мгновеніе смутился, но потомъ что-то глухо забормоталъ и тихо застучалъ въ стекло косточкою средняго пальца.

— Что вамъ, тятенька, угодно? — выговорила, стараясь оправиться въ свою очередь, и Платонида Андревна.

Старикъ снова что-то зашепталъ еще тише; но изъ этихъ рѣчей его въ комнатѣ не было слышно ни одного слова.

— Не слышу, — сказала Платонида Андревна, прикладывая къ створу окна свое ухо.

Маркелъ Семенычъ началъ страстно цѣловать стекло, къ которому прилегалъ локоть Платониды.

Невѣстка съ ужасомъ посмотрѣла на свекра и не узнала его. Совершенно сѣдая голова старика, напоминающая прекрасную голову Авенира, была художественно вспутана, какъ голова бѣловласаго Юпитера; глаза его горѣли, и бѣлая миткалевая рубаха ходила ходенемъ на трепещущей груди.

— Лебедь! лебедь! — шепталъ ошалѣвшій старикъ, царяпаясь въ окно невѣсткиной вдовьей спальни, какъ блудливый котъ въ закрытую скрынницу.

— Я, тятенька, сейчасъ вамъ поставлю самоваръ, — проговорила, отодвигаясь отъ окна, смущенная Платонида Андревна.

— Нѣтъ, ты самовара не ставь... Мнѣ не надо самовара... Ты мнѣ отопри... впусти меня... я тебѣ одно дорогое слово скажу... одно только слово...

— Ну, дай часъ, тятенька, я вразъ одѣнусь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ тебѣ одѣваться?.. тебѣ и одѣваться не надо: ты не одѣвайся; ты отопри скорѣй... отопри...

— Да я, тятенька, въ одной блошницѣ!

— Ну, такъ что жъ, что въ одной блошницѣ!.. Мы, вѣдь, съ тобой не чужіе... Отопри на минутку,—настаивалъ безпокойно, суетясь на одномъ мѣстѣ, старикъ.

Платонидѣ стало страшно, и она бросилась въ сторону, но только лишь бѣлое плечо ея сверкнуло въ темнотѣ ночи передъ глазами Маркела Семеныча, какъ мѣдный крючокъ, запиравшій раму, отъ сильнаго толчка полетѣлъ на подоконникъ и рама съ шумомъ распахнулась, а обѣ руки свекра схватились за тѣло невѣстки.

— Тятенька! тятенька! да что же это такое? — закричала, отчаянно вырываясь, Платонида Андревна; но свекоръ, вмѣсто отвѣта, рванулъ сильной рукою врозь ея руки и впился горячими губами въ ея обнаженную грудь...

— Блудня! прочь отъ меня! — вскрикнула съ омерзѣніемъ Платонида, почувствовавъ на своей груди трясущуюся сухую бороду свекра.

Уразумѣвъ теперь, наконецъ, настоящій смыслъ его посѣщенія, она съ азартомъ запустила обѣ свои руки въ бѣлые волосы старика и оттянула его голову отъ своей груди. Въ это же самое мгновеніе она почувствовала, что крѣпкія, жилистыя руки свекра растерзали ея холщевую рубашку, и Платонида, почти нагая, очутилась въ объятіяхъ распаленнаго старца.

— Авенирь! — вскрикнула она, но старикъ перехватилъ ей горло и сталъ цѣловать ее въ губы.

Онъ былъ очень силенъ и Платонида напрасно молила:

— Батюшка, смилуйся! я отъ тебя этого стерпѣть не могу!

Маркелъ Семенычъ только крѣпче обнялъ станъ невѣстки

и, прошептавъ: «со мной — не съ чужимъ» — и перенесъ въ комнату черезъ подоконникъ свою ногу.

Платонида воспользовалась этимъ движеніемъ, юркнула изъ-подъ рукъ свекра на полъ, и въ рукѣ ея вдругъ блеснулъ топоръ, которымъ она за часъ передъ этимъ собиралась щипать лучину. Въ одно мгновенье топоръ этотъ звякнулъ, вонзился въ столбъ галлереи, и въ это же самое мгновеніе Маркелъ Семенычъ тяжело рухнулся навзничь и застоналъ...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Бросивъ топоромъ въ свекра, Платонида Андревна была увѣрена, что она убила старика. Въ нѣмомъ ужасѣ она выскочила изъ своей комнаты, перебѣжала дворъ, остановилась у заднихъ воротъ и, тяжело дыша, схватилась за сердце. Въ тишинѣ ночи до ея слуха долетѣло прерывистое хрипѣніе. Платонида Андревна дрожала: въ ушахъ ея раздавались рѣзкіе, свистящіе звуки, какъ будто надъ самою ея головою быстро проносилась безчисленная стая куропатокъ; крыши и стѣны зданій шатались и откуда-то капала кровь: острогъ, страшное, безчеловѣчное наказаніе, вѣчная каторга... все разомъ, какъ молнія, пронеслось предъ мысленными очами вдовы, еще такъ недавно мечтавшей о жизни, и заставило ее встрепенуться съ отчаянной энергіей. Она запахнула около груди шубейку, тихо выползла въ поворотню на огородъ, съ огорода перебралась, черезъ тынъ, за городъ и, ударившись бѣжать задами, пропала въ темнотѣ ночи.

Между тѣмъ, Маркелъ Семенычъ тяжело хрипѣлъ, лежа на галлереѣ. Ударъ Платониды Андревны минулъ его сѣдой головы; но онъ минулъ ея лишь только потому, что за терцію до этого удара двѣ сильныя руки Авенира схватили отца сзади и бросили его на полъ, въ то самое мгновеніе, когда блеснувшій топоръ, слегка поранивъ плечо старика, глубоко завязъ въ деревѣ. Маркелъ Семенычъ не чувствовалъ ни своей вины, ни своего стыда и униженія. Теперь не было ни страсти въ его крови, ни негодованія въ его сердцѣ, ни силы въ мышцахъ. Старая плоть его, распалясь виномъ и взыгравъ сластью желаній, сразу упала до совершеннаго безсилія. Такъ оцѣпенѣвшій подъ снѣгомъ оврагъ порою взыграетъ при мартовскомъ солнцѣ, запу-

мить быстрымъ подснѣжнымъ потокомъ и, сбѣжавъ, обезсиленный, рухнетъ всей своею массою на холодное днище.

Не видя со стороны отца никакого сопротивленія, Авениръ подержалъ его на полу и потомъ освободилъ, а самъ молча скрылся. Старикъ, оставшись одинъ, опомнился не скоро и не вдругъ почувствовалъ униженное состояніе, въ которомъ теперь находился.

О побѣгѣ Платониды Андревны ни онъ, ни Авениръ не знали во всю ночь. Оба они думали, что невѣстка заперлась у себя въ кладовой на вышкѣ. Первый въ домѣ хватился ея на другой день Авениръ. Онъ долго искалъ ее и нигдѣ не нашелъ. Старикъ Маркелъ Семенычъ заперся у себя и не показывался.

Платонида Андревна сгинула. Нигдѣ не могли найти никакихъ ея слѣдовъ, и пропажа ея сдѣлалась причиною большихъ несчастій для того, кто менѣе всѣхъ былъ въ ней повиненъ.

Вынужденный объяснять чѣмъ-нибудь пропажу невѣстки и не увѣренный, что она сама станетъ разсказывать въ случаѣ ея отысканія, Маркелъ Семенычъ завершилъ ночь безумія своего клеветою, что Платонида съ Авениромъ хотѣли его убить и ограбить, и показалъ свою рану. Этимъ старикъ мстилъ и сыну, и невѣсткѣ, и разомъ отдѣлывался отъ нихъ обоихъ. Авенира взяли въ тюрьму, а полицейскимъ розыскомъ, поднявшимся по случаю пропажи Платониды Андревны, было обнаружено, что ночные водоливы, работавшіе въ ту ночь на одной чинившейся баркѣ, видѣли, какъ кто-то весь въ бѣломъ, не то женщина, не то, еще вѣрнѣе, вѣдьма шибко пробѣжала по берегу и вдругъ гдѣ-то исчезла. Двое изъ водоливовъ говорили, что вѣдьма скинулась рыбою и бросилась въ воду, а двое другихъ, напротивъ, утверждали, что они ясно видѣли, какъ она переплыла въ рубашкѣ рѣчку и вышла на бакшу къ Константину Пизонскому.

Пизонскаго заподозрили въ укрывательствѣ дѣвевской невѣстки; его обыскивали, допрашивали, посадили въ острогъ и, вѣроятно, присудили бы къ ссылкѣ. Хотя Константинъ Іонычъ на всѣ дѣлаемые ему вопросы только и отвѣчалъ слѣдователямъ, что «ничего я этого, милые, никогда не знала и не вѣдала», но было ясно, какъ солнце, что въ

цѣломъ мірѣ, можетъ-быть, лишь одинъ Пизонскій и зналъ, куда дѣлась пропавшая дѣвская невѣстка. И судьи, и обыватели города живо чувствовали, что для разъясненія всего неразгаданнаго дѣла только и нужно, чтобы разомкнулись молчаливыя уста Константина Пизонскаго. Судьи утверждали, что старогородскій Робинзонъ лжетъ, отпираясь отъ всякаго участія въ исчезновеніи Платониды Андреевны, и что онъ, можетъ-быть, и самъ прикосновненъ къ покушенію на жизнь старика Дѣева. Не отрицалъ и народъ, что Константинъ Іонычъ лжетъ, повторяя свое «не знаю, не вѣдаю»; но народъ былъ увѣренъ, что Пизонскій лжетъ, покрывая чужой грѣхъ. Хорошо это или не хорошо, народъ не строго разбираетъ и вѣритъ, что «есть ложь во спасеніе».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

По этому дѣлу Константинъ Іонычъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и освобожденъ съ оставленіемъ въ подозрѣніи, но ничего къ обнаруженію Авенира и Платониды отъ него не узнали. Впослѣдствіи же говорили и несомнѣнно вѣрили, что Платонида никуда далеко не уходила, а была скрыта у скитницъ, и что появившаяся затѣмъ въ этомъ скитѣ «провидущая» старица Іоиль была эта же самая Платонида. Она «выплакала очи» и была слѣпа, — ходила ощупью съ палочкой, а въ глазныхъ впадинахъ у нея были вставлены «образочки». Объ Авенирѣ говорили, что онъ, будучи сданъ въ солдаты, вышелъ «большой воинъ на Кавказѣ», — заслужилъ себѣ «чинъ и крестъ» и при отмѣнной своей красотѣ женился на генеральской дочери. Одинъ разъ онъ пріѣзжалъ будто въ Старый Городъ и ходилъ въ скитъ и видѣлъ старицу Іоиль, а она его видѣть не могла, но по голосу узнала и вздрогнула, а по головѣ руками пошарила и спросила:

— Покаянная ли теперь сія глава или еще не раскаянная?

Авениръ отвѣчалъ:

— Покаянная.

— Вотъ и хорошо, — сказала старица Іоиль: — окорми разумомъ путь свой къ пристанищу благостинному, — и затѣмъ добавила:

— А теперь прощай, съ Богомъ, навѣки.

ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

РАЗСКАЗЪ НА МОГИЛѢ.

(Святой памяти благословеннаго дня 19-го февраля 1861 г.).

«Души ихъ во благихъ водворятся.»
Погребальная пѣснь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ многіе думаютъ, что «художники» — это только живописцы, да скульпторы, и то такіе, которые удостоены этого званія академіею, а другихъ не хотятъ и почитать за художниковъ. Сазиковъ и Овчинниковъ для многихъ не больше какъ «серебренники». У другихъ людей не такъ: Гейне вспоминалъ про портного, который «былъ художникъ» и «имѣлъ идеи», а дамскія платья работы Вортъ и сейчасъ называютъ «художественными произведеніями». Объ одномъ изъ нихъ недавно писали, будто оно «сосредоточиваетъ бездну фантазіи въ шиншѣ».

Въ Америкѣ область художественная понимается еще шире: знаменитый американскій писатель Бретъ-Гартъ разсказываетъ, что у нихъ чрезвычайно прославился «художникъ», который «работалъ надъ мертвыми». Онъ придавалъ лицамъ почившихъ различныя *«утѣшительныя выраженія»*, свидѣтельствующія о болѣе или менѣе счастливомъ состояніи ихъ отлетѣвшихъ душъ.

Было нѣсколько степеней этого искусства, — я помню три: «1) спокойствіе, 2) возвышенное созерцаніе и 3) блаженство непосредственнаго собесѣдованія съ Богомъ». Слава художника отвѣчала высокому совершенству его работы,

т. е. была огромна, но, къ сожалѣнію, художникъ погибъ жертвою грубой толпы, не уважавшей свободы художественнаго творчества. Онъ былъ убитъ камнями за то, что усвоилъ «выраженіе блаженнаго собесѣдованія съ Богомъ» лицу одного умершаго фальшиваго банкира, который обобралъ весь городъ. Осчастливленные наслѣдники плута такимъ заказомъ хотѣли выразить свою признательность усопшему родственнику, а художественному исполнителю это стоило жизни...

Былъ въ такомъ же необычайномъ художественномъ родѣ мастеръ и у насъ на Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Моего младшаго брата нянчила высокая, сухая, но очень стройная старушка, которую звали Любовь Онисимовна. Она была изъ прежнихъ актрисъ бывшаго орловскаго театра графа Каменскаго, и все, что я далѣе разскажу, происходило тоже въ Орлѣ во дни моего отрочества.

Братъ моложе меня на семь лѣтъ, слѣдовательно, когда ему было два года и онъ находился на рукахъ у Любови Онисимовны, мнѣ минуло уже лѣтъ девять, и я свободно могъ понимать разсказываемыя мнѣ исторіи.

Любовь Онисимовна тогда была еще не очень стара, но бѣла, какъ лунь; черты лица ея были тонки и нѣжны, а высокій станъ совершенно прямъ и удивительно строенъ, какъ у молодой дѣвушки.

Матушка и тетка, глядя на нее, не разъ говорили, что она несомнѣнно была въ свое время красавица.

Она была безгранично честна, кротка и сентиментальна; любила въ жизни трагическое и... иногда запивала.

Она насъ водила гулять на кладбище къ Троицѣ, садилась здѣсь всегда на одну простую могилку съ старымъ крестомъ и нерѣдко что-нибудь мнѣ разсказывала.

Тутъ я отъ нея и услыхалъ исторію «тушеннаго художника».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Онъ былъ собратъ нашей нянѣ по театру; разница была въ томъ, что она «представляла на сценѣ и танцовала танцы», а онъ былъ «тушейный художникъ», т. е. парикмахеръ и гримировщикъ, который всѣхъ крѣпостныхъ арти-

стокъ графа «рисовалъ и причесывалъ». Но это не былъ простой, банальный мастеръ съ тупейной гребенкой за ухомъ и съ жестянкой растертыхъ на салѣ румянъ, а былъ это— человѣкъ съ *идеями*,— словомъ, *художникъ*.

Лучше его, по словамъ Любови Онисимовны, никто не могъ «сдѣлать въ лицѣ воображенія».

При которомъ именно изъ графовъ Каменскихъ процвѣтали обѣ эти художественныя натуры, я съ точностью указать не смѣю. Графовъ Каменскихъ извѣстно три, и всѣхъ ихъ орловскіе старожилы называли «неслыханными тиранами». Фельдмаршала Михайлу Ѳедотовича крѣпостные убили за жестокость въ 1809 году, а у него было два сына: Николай, умершій въ 1811 г., и Сергѣй, умершій въ 1835 г.

Ребенкомъ, еще въ сороковыхъ годахъ, я помню еще огромное сѣрое деревянное зданіе съ фальшивыми окнами, намалеванными сажей и охрой, и огороженное чрезвычайно длиннымъ полуразвалившимся заборомъ. Это и была проклятая усадьба графа Каменскаго; тутъ же былъ и театръ. Онъ приходился гдѣ-то такъ, что былъ очень хорошо виденъ съ кладбища Троицкой церкви, и потому Любовь Онисимовна, когда, бывало, что-нибудь захочетъ разсказать, то всегда почти начинала словами:

— Погляди-ка, милый, туда... Видишь, какое страшное?

— Страшное, няня.

— Ну, а что я тебѣ сейчасъ разскажу, такъ это еще страшнѣй.

Вотъ одинъ изъ такихъ ея разсказовъ о тупейщикѣ Аркадіи, чувствительномъ и смѣломъ молодомъ человѣкѣ, который былъ очень близокъ ея сердцу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аркадій «причесывалъ и рисовалъ» однѣхъ актрисъ. Для мужчинъ былъ другой парикмахеръ, а Аркадій если и ходилъ иногда «на мужскую половину», то только въ такомъ случаѣ, если самъ графъ приказывалъ «отрисовать кого-нибудь въ очень благородномъ видѣ». Главная особенность гримировальнаго туше этого художника состояла въ идейности, благодаря которой онъ могъ придавать лицамъ самыя тонкія и разнообразныя выраженія.

— Призовутъ его, бывало, — говорила Любовь Онси-

мовна: — и скажутъ: «надо, чтобы въ лицѣ было такое-то и такое воображеніе». Аркадій отойдетъ, велитъ актеру или актрисѣ передъ собою стоять или сидѣть, а самъ сложитъ руки на груди и думаетъ. И въ это время самъ всякаго красавца краше, потому что ростомъ онъ былъ умѣренный, но стройный, какъ сказать невозможно, носикъ тоненькій и гордый, а глаза ангельскіе, добрые, и густой хохолокъ прекрасиво съ головы на глаза свѣшивался, — такъ что глядитъ онъ, бывало, какъ изъ-за туманнаго облака.

Словомъ, тупейный художникъ былъ красавецъ и «*всѣмъ* нравился». «Самъ графъ» его тоже любилъ и «отъ всѣхъ отличалъ, одѣвалъ прелестно, но содержалъ въ самой большой строгости». Ни за что не хотѣлъ, чтобы Аркадій еще кого кромѣ его остригъ, обрилъ и причесалъ, и для того *всегда* держалъ его при своей уборной и кромѣ какъ въ театръ Аркадій никуда не имѣлъ выхода.

Даже въ церковь для исповѣди или причастія его не пускали, потому что графъ самъ въ Бога не вѣрилъ, а духовныхъ терпѣть не могъ, и одинъ разъ на Пасхѣ борисоглѣбскихъ священниковъ со крестомъ борзыми затравилъ *).

Графъ же, по словамъ Любови Онисимовны, былъ такъ страшно нехорошъ, черезъ свое всегдашнее злѣнье, что на всѣхъ звѣрей сразу походилъ. Но Аркадій и этому звѣрообразію умѣлъ дать, хотя на время, такое воображеніе, что когда графъ вечеромъ въ ложѣ сидѣлъ, то показывался даже многихъ важнѣе.

А въ натурѣ-то графа, къ большой его досадѣ, именно и недоставало всего болѣе важности и «военнаго воображенія».

И вотъ, чтобы никто не могъ воспользоваться услугами такого неподражаемаго артиста, какъ Аркадій, онъ сидѣлъ «весь свой вѣкъ безъ выпуска и денегъ не видалъ въ ру-

*) Разсказанный случай былъ извѣстенъ въ Орлѣ очень многимъ. Я слыхалъ объ этомъ отъ моей бабушки Алферьевой и отъ извѣстнаго своею непогрѣшительною правдивостью старика, купца Ивана Ив. Андросова, который *самъ видѣлъ*, «какъ псы духовенство рвали», а спасся отъ графа только тѣмъ, что «взялъ грѣха на душу». Когда графъ его велѣлъ привести и спросилъ: «тебѣ жаль ихъ?» Андросовъ отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, такъ имъ и надо: пусть не шляются». За это его Каменскій помиловалъ.

кахъ отъ роду». А было ему тогда уже лѣтъ за двадцать пять, а Любови Онисимовнѣ девятнадцатый годъ. Они, разумѣется, были знакомы, и у нихъ образовалось то, что̀ въ таковые годы случается, т. е. они другъ друга полюбили. Но говорить они о своей любви не могли иначе, какъ далекими намеками при всѣхъ, во время гримировки.

Свиданія съ-глаза-на-глазъ были совершенно невозможны и даже немыслимы...

— Насъ, актрисъ,—говорила Любовь Онисимовна:—берегли въ такомъ же родѣ, какъ у знатныхъ господъ берегутъ *кормилицъ:* при насъ были приставлены пожилыя женщины, у которыхъ есть дѣти, и если, помилуй Богъ, съ которою-нибудь изъ насъ что̀ бы случилось, то у тѣхъ женщинъ всѣ дѣти поступали на страшное тиранство.

Завѣтъ цѣломудрія могъ нарушать только «самъ»,—тотъ, кто его уставилъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Любовь Онисимовна въ то время была не только въ цвѣтѣ своей дѣвственной красы, но и въ самомъ интересномъ моментѣ развитія своего многосторонняго таланта: она «пѣла въ хорахъ подпури», танцовала «первые па въ *Китайской огородницѣ*» и, чувствуя призваніе къ трагизму, «знала всѣ роли *наизусть*».

Въ какихъ именно было годахъ—точно не знаю, но случилось, что черезъ Орелъ проѣзжалъ государь (не могу сказать, Александръ Павловичъ или Николай Павловичъ) и въ Орлѣ ночевалъ, а вечеромъ ожидали, что онъ будетъ въ театрѣ у графа Каменскаго.

Графъ тогда всю знать къ себѣ въ театръ пригласилъ (мѣстъ за деньги не продавали) и спектакль поставили самый лучшій. Любовь Онисимовна должна была и пѣть въ «подпури», и танцовать «Китайскую огородницу», а тутъ вдругъ еще во время самой послѣдней репетиціи упала кулиса и пришибла ногу актрисѣ, которой слѣдовало играть въ пьесѣ «герцогиню де-Бурблянъ».

Никогда и нигдѣ я не встрѣчалъ роли этого наименованія, но Любовь Онисимовна произносила ее именно такъ.

Плотниковъ, уронившихъ кулису, послали на конюшню наказывать, а больную отнесли въ ея каморку, но роли герцогини де-Бурблянъ играть было некому.

— Тутъ,—говорила Любовь Онисимовна: я и вызвалась, потому что мнѣ очень нравилось, какъ герцогиня де-Бурблянъ у отцовыхъ ногъ прощенья проситъ и съ распущенными волосами умираетъ. А у меня у самой волосы были удивительно какіе большіе и русые, и Аркадій ихъ убиралъ заглядѣніе.

Графъ былъ очень обрадованъ неожиданнымъ вызовомъ дѣвушки исполнить роль, и, получивъ отъ режиссера удостовѣреніе, что «Люба роли не испортитъ», отвѣтилъ:

— За порчу мнѣ твоя спина отвѣтитъ, а ей отнеси отъ меня камариновыя серьги.

«Камариновыя же серьги» у нихъ былъ подарокъ и лестный, и противный. Это былъ первый знакъ особенной чести быть возведенною на краткій мигъ въ одалиски владыки. За этимъ вскорѣ, а иногда и сейчасъ же, отдавалось приказаніе Аркадію убрать обреченную дѣвушку послѣ театра «въ невинномъ видѣ святою Цециліей», и во всемъ въ бѣломъ, въ вѣнкѣ и съ лиліей въ рукахъ символизованную innocence доставляли на графскую половину.

— Это,—говорила няня:—по твоему возрасту непонятно,—но было это самое ужасное, особенно для меня, потому что я объ Аркадіи мечтала. Я и начала плакать. Серьги бросила на столъ, а сама плачу и какъ вечеромъ представлять буду, того уже и подумать не могу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А въ эти самые роковые часы другое,—тоже роковое и искусительное дѣло подкралось и къ Аркадію.

Пріѣхалъ представиться государю изъ своей деревни братъ графа, который былъ еще собой хуже и давно въ деревнѣ жилъ и формы не надѣвалъ и не брился, потому что «все лицо у него въ буграхъ заросло». Тутъ же, при такомъ особенномъ случаѣ, надо было примундириться и всего себя самого привести въ порядокъ и «въ военное воображеніе», какое требовалось по формѣ.

А требовалось много.

— Теперь этого и не понимаютъ, какъ тогда было строго,—говорила няня.—Тогда во всемъ форменность наблюдалась и было положеніе для важныхъ господъ какъ въ лицахъ, такъ и въ причесаніи головы, а иному это ужасно не шло, и если его причесать по формѣ, съ хох-

ломъ стоймя и съ височками, то все лицо выйдетъ совершенно точно мужицкая балалайка безъ струнъ. Важные господа ужасно какъ этого боялись. Въ этомъ и много значило мастерство въ бритьѣ и въ прическѣ, — какъ на лицѣ между бакенбардъ и усовъ дорожки пробрить, и какъ завитки положить, и какъ вычесать,—отъ этого отъ самой отъ малости въ лицѣ выходила совсѣмъ другая фантазія. Штатскимъ господамъ, по словамъ няни, легче было, потому что на нихъ внимательнаго призрѣнія не обращали,— отъ нихъ только требовался видъ посмирнѣе, а отъ военныхъ больше требовалось,—чтобы передъ старшимъ воображалась смирность, а на всѣхъ прочихъ отвага безмѣрная хорохорилась.

Это-то вотъ и умѣлъ придавать некрасивому и ничтожному лицу графа своимъ удивительнымъ искусствомъ Аркадій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деревенскій же братъ графа былъ еще некрасивѣе городского и вдобавокъ въ деревнѣ совсѣмъ «заволохатѣлъ» и «напустилъ въ лицо такую грубость», что даже самъ это чувствовалъ, а убирать его было некому, потому что онъ ко всему очень скупъ былъ и своего парикмахера въ Москву по оброку отпустилъ, да и лицо у этого второго графа было все въ большихъ буграхъ, такъ что его брить нельзя, чтобы всего не изрѣзать.

Пріѣзжаетъ онъ въ Орелъ, позвалъ къ себѣ городскихъ цырюльниковъ и говоритъ:

— Кто изъ васъ можетъ сдѣлать меня наподобіе брата моего графа Каменскаго, тому я два золотыхъ даю, а на того, кто обрѣжетъ, вотъ два пистолета на столъ кладу. Хорошо сдѣлаешь—бери золото и уходи, а если обрѣжешь одинъ прыщикъ или на волосокъ бакенбарды не такъ проведешь—то сейчасъ убью.

А все это пугалъ, потому что пистолеты были съ пустымъ выстрѣломъ.

Въ Орлѣ тогда городскихъ цырюльниковъ мало было, да и тѣ больше по банямъ только съ тазиками ходили, — рожки да піявки ставить, а ни вкуса, ни фантазіи не имѣли. Они сами это понимали и всѣ отказались «преображать» Каменскаго. «Богъ съ тобою, думаютъ, и съ твоимъ золотомъ».

— Мы, говорятъ,—этого не можемъ, что вамъ угодно, потому что мы за такую особу и притронуться недостойны, да у насъ и бритвовъ такихъ нѣтъ, потому что у насъ бритвы простыя русскія, а на ваше лицо нужно бритвы англицкія. Это одинъ графскій Аркадій можетъ.

Графъ велѣлъ выгнать городскихъ цырюльниковъ по шеямъ, а они и рады, что на волю вырвались, а самъ пріѣзжаетъ къ старшему брату и говоритъ:

— Такъ и такъ, братъ, я къ тебѣ съ большой моей просьбой, отпусти мнѣ передъ вечеромъ твоего Аркашку, чтобы онъ меня какъ слѣдуетъ въ хорошее положеніе привелъ. Я давно не брился, а здѣшніе цырюльники не умѣютъ.

Графъ отвѣчаетъ брату:

— Здѣшніе цырюльники, разумѣется—гадость. Я даже не зналъ, что они здѣсь и есть, потому что у меня и собакъ свои стригутъ. А что до твоей просьбы, то ты просишь у меня невозможности, потому что я клятву далъ, что Аркашка, пока я живъ, никого кромѣ меня убирать не будетъ. Какъ ты думаешь, — развѣ я могу мое же слово передъ моимъ рабомъ перемѣнить?

Тотъ говоритъ:

— А почему нѣтъ: ты постановилъ, ты и отмѣнишь.

А графъ-хозяинъ отвѣчаетъ, что для него этакое сужденіе даже странно.

— Послѣ того, говоритъ, — если я самъ такъ поступать начну, то что же я отъ людей могу требовать? Аркашкѣ сказано, что я такъ положилъ, и всѣ это знаютъ, и за то ему содержанье всѣхъ лучше, а если онъ когда дерзнетъ и до кого-нибудь кромѣ меня съ своимъ искусствомъ тронется,— я его запорю и въ солдаты отдамъ.

Братъ и говоритъ:

— Что-нибудь одно— или запорешь, или въ солдаты отдашь, а водвою вмѣстѣ это не сдѣлаешь.

— Хорошо,—говоритъ графъ: — пусть по-твоему: не запорю до смерти, то до полусмерти, а потомъ сдамъ.

— И это, говоритъ, послѣднее твое слово, братъ?

— Да, послѣднее.

— И въ этомъ только все дѣло?

— Да, въ этомъ.

— Ну, въ такомъ разѣ и прекрасно, а то я думалъ, что

тобѣ свой братъ дешевле крѣпостного холопа. Такъ ты слова своего и не мѣняй, а пришли Аркашку ко мнѣ моего *пуделя остричь*. А тамъ уже мое дѣло, что онъ сдѣлаетъ.

Графу неловко было отъ этого отказаться.

— Хорошо, говоритъ,—пуделя остричь я его пришлю.

— Ну, мнѣ только и надо.

Пожалъ графъ руку и уѣхалъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А было это время передъ вечеромъ, въ сумерки, зимою, когда огни зажигаютъ.

Графъ призвалъ Аркадія и говоритъ:

— Ступай къ моему брату въ его домъ и остриги у него его пуделя.

Аркадій спрашиваетъ:

— Только ли будетъ всего приказанія?

— Ничего больше,—говоритъ графъ:— но поскорѣй возвращайся актрисъ убирать. Люба нынче въ трехъ положеніяхъ должна быть убрана, а послѣ театра представь мнѣ ее святой Цециліей.

Аркадій Ильичъ пошатнулся.

Графъ говоритъ:

— Что это съ тобой?

А Аркадій отвѣчаетъ:

— Виноватъ, на коврѣ оступился.

Графъ намекнулъ:

— Смотри, къ добру ли это?

А у Аркадія на душѣ такое сдѣлалось, что ему все равно, быть добру или худу.

Услыхалъ, что меня велѣно Цециліей убирать и, словно ничего не видя и не слыша, взялъ свой приборъ въ кожаной шкатулкѣ и пошелъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Приходитъ къ графову брату, а у того уже у зеркала свѣчи зажжены и опять два пистолета рядомъ, да тутъ же уже не два золотыхъ, а десять, и пистолеты набиты не пустымъ выстрѣломъ, а черкесскими пулями.

Графовъ братъ говоритъ:

— Пуделя у меня никакого нѣтъ, а вотъ мнѣ что нужно:

сдѣлай мнѣ туалетъ въ самой отважной минѣ, и получай десять золотыхъ, а если обрѣжешь—убью.

Аркадій посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и вдругъ,—Господь его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось,—сталъ графова брата и стричь, и брить. Въ одну минуту сдѣлалъ все въ лучшемъ видѣ, золото въ карманъ ссыпалъ и говоритъ:

— Прощайте.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Иди, но только я хотѣлъ бы знать: отчего такая отчаянная твоя голова, что ты на это рѣшился?

А Аркадій говоритъ:

— Отчего я рѣшился — это знаетъ только моя грудь да подоплека.

— Или, можетъ-быть, ты отъ пули заговоренъ, что и пистолетовъ не боишься.

— Пистолеты — это пустяки,—отвѣчаетъ Аркадій:—объ нихъ я и не думалъ.

— Какъ же такъ? неужели ты смѣлъ думать, что твоего графа слово тверже моего и я въ тебя за порѣзъ не выстрѣлю? Если на тебѣ заговора нѣтъ, ты бы жизнь кончилъ.

Аркадій, какъ ему графа напомянули, опять вздрогнулъ и точно въ полусняхъ проговорилъ:

— Заговора на мнѣ нѣтъ, а есть во мнѣ смыслъ отъ Бога: пока бы ты руку съ пистолетомъ сталъ поднимать, чтобы въ меня выстрѣлить, я бы прежде тебѣ бритвою все горло перерѣзалъ.

И съ тѣмъ бросился вонъ и пришелъ въ театръ какъ разъ въ свое время и сталъ меня убирать, а самъ весь трясется. И какъ завьетъ мнѣ одинъ локонъ и пригнется, чтобы губами отдувать, такъ все одно шепчетъ:

— Не бойся, увезу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Спектакль хорошо шелъ, потому что всѣ мы какъ каменныя были, пріучены и къ страху, и къ мучительству:—что на сердцѣ ни есть, а свое исполненіе дѣлали такъ, что ничего и незамѣтно.

Со сцены видѣли и графа, и его брата — оба одинъ на другого похожи. За кулисы пришли — даже отличить трудно. Только нашъ тихій-претихій, будто сдобрившись. Это у него всегда бывало передъ самою большою лютостію.

И всѣ мы млѣемъ и крестимся:

— Господи! помилуй и спаси. На кого его звѣрство обрушится?

А намъ про Аркашину безумную отчаянность, что̀ онъ сдѣлалъ, было еще неизвѣстно, но самъ Аркадій, разумѣется, понималъ, что ему не быть пощады, и былъ блѣдный, когда графовъ братъ взглянулъ на него и что-то тихо на ухо нашему графу буркнулъ. А я была очень слухмена и разслыхала; онъ сказалъ:

— Я тебѣ какъ братъ совѣтую: ты его бойся, когда онъ бритвой брѣетъ.

Нашъ только тихо улыбнулся.

Кажется, что-то и самъ Аркаша слышалъ, потому что когда сталъ меня къ послѣднему представленію герцогиней убирать, такъ—чего никогда съ нимъ не бывало—столько пудры переложилъ, что костюмеръ-французъ сталъ меня отряхивать и сказалъ:

— Тро боку, тро боку!—и щеточкой лишнее съ меня счистилъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

А какъ все представленіе окончилось, тогда сняли съ меня платье герцогини де-Бурблянъ и одѣли Цециліей—одно этакое бѣлое, просто безъ рукавовъ, а на плечахъ только узелками подхвачено,—терпѣть мы этого убора не могли. Ну, а потомъ идетъ Аркадій, чтобы мнѣ голову причесать въ невинный фасонъ, какъ на картинахъ обозначено у святой Цециліи, и тоненькій вѣнецъ обручикомъ закрѣпить, и видитъ Аркадій, что у дверей моей каморочки стоятъ шесть человѣкъ. Это значитъ, чтобы, какъ онъ только, убравши меня, назадъ въ дверь покажется, такъ сейчасъ его схватить и вести куда-нибудь на мучительства. А мучительства у насъ были такія, что лучше сто разъ тому, кому смерть суждена. И дыба, и струна, и голову крячкомъ скрячивали, и заворачивали: все это было. Казенное наказаніе послѣ этого уже за ничто ставили. Подъ всѣмъ домомъ были подведены потайные погреба, гдѣ люди живые на цѣпяхъ, какъ медвѣди, сидѣли. Бывало, если случится когда идти мимо, то порою слышно, какъ тамъ цѣпи гремятъ и люди въ оковахъ стонутъ. Вѣрно, хотѣли, чтобы объ нихъ вѣсть дошла или начальство услышало, но на-

чальство и думать не смѣло вступаться. И долго тутъ томили людей, а иныхъ на всю жизнь. Одинъ сидѣлъ-сидѣлъ, да стихъ выдумалъ:

«Приползутъ, говоритъ, змѣи и высосутъ очи,
И зальютъ тебѣ ядомъ лицо скорпіоны».

Стишокъ этотъ, бывало, самъ себѣ въ умѣ шепчешь и страшишься.

А другіе даже съ медвѣдями были прикованы, такъ что медвѣдь только на полвершка его лапой задрать не можетъ.

Только съ Аркадіемъ Ильичемъ ничего этого не сдѣлали, потому что онъ какъ вскочилъ въ мою каморочку, такъ въ то же мгновеніе сразу схватилъ столъ и вдругъ все окно вышибъ, и больше я уже ничего и не помню...

Стала я въ себя приходить, оттого что моимъ ногамъ очень холодно. Дернула ноги и чувствую, что я завернута вся въ шубѣ въ волчьей или въ медвѣжьей, а вкругъ — тьма промежная и коней тройка лихая мчится, и не знаю куда. А около меня два человѣка въ кучкѣ, въ широкихъ саняхъ сидятъ,—одинъ меня держитъ, это Аркадій Ильичъ, а другой во всю мочь лошадей погоняетъ... Снѣгъ такъ и брызжетъ изъ-подъ копытъ у коней, а сани, что секунда, то на одинъ, то на другой бокъ валятся. Если бы мы не въ самой серединѣ на полу сидѣли, да руками не держались, то никому невозможно бы уцѣлѣть.

И слышу у нихъ разговоръ тревожный, какъ всегда въ ожиданіи, — понимаю только: «гонятъ, гонятъ, гони, гони!» и больше ничего.

Аркадій Ильичъ, какъ замѣтилъ, что я въ себя прихожу, пригнулся ко мнѣ и говоритъ:

— Любушка голубушка! за нами гонятся... согласна ли умереть, если не уйдемъ?

Я отвѣчала, что даже съ радостью согласна.

Надѣялся онъ уйти въ турецкій Хрущукъ, куда тогда много нашихъ людей отъ Каменскаго бѣжали.

И вдругъ тутъ мы по льду какую-то рѣчку перелетѣли и впереди что-то въ родѣ жилья засѣрѣло и собаки залаяли, а ямщикъ еще тройку нахлесталъ и сразу на одинъ бокъ саней навалился, скособочилъ ихъ, и мы съ Аркадіемъ въ снѣгъ вывалились, а онъ, и сани, и лошади, все изъ глазъ пропало.

Аркадій говоритъ:

— Ничего не бойся, это такъ надобно, потому что ямщикъ, который насъ везъ, я его не знаю, а онъ насъ не знаетъ. Онъ съ тѣмъ за три золотыхъ нанялся, чтобы тебя увезть, а ему бы свою душу спасти. Теперь надъ нами будь воля Божья: вотъ село Сухая Орлица, — тутъ смѣлый священникъ живетъ, отчаянныя свадьбы вѣнчаетъ и много нашихъ людей проводилъ. Мы ему подарокъ подаримъ, онъ насъ до вечера спрячетъ и перевѣнчаетъ, а къ вечеру ямщикъ опять подъѣдетъ, и мы тогда скроемся.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Постучали мы въ домъ и взошли въ сѣни. Отворилъ самъ священникъ, старый, приземковатый, одного зуба въ переднемъ строю нѣтъ, и жена у него старушка старенькая—огонь вздула. Мы имъ оба въ ноги кинулись.

— Спасите, дайте обогрѣться и спрячьте до вечера.

Батюшка спрашиваетъ:

— А что вы, свѣты мои, со спосомъ или просто бѣглые?

Аркадій говоритъ:

— Ничего мы ни у кого не унесли, а бѣжимъ отъ лютости графа Каменскаго и хотимъ уйти въ турецкій Хрущукъ, гдѣ уже не мало нашихъ людей живетъ. И насъ не найдутъ, а съ нами есть свои деньги, и мы вамъ дадимъ за одну ночь переночевать золотой червонецъ и перевѣнчаться три червонца. Перевѣнчать, если можете, а если нѣтъ, то мы тамъ въ Хрущукѣ окрутимся.

Тотъ говоритъ:

— Нѣтъ, отчего же не могу? — я могу. Что̀ тамъ еще въ Хрущукъ везть. Давай за все вмѣстѣ пять золотыхъ— я васъ здѣсь окручу.

И Аркадій подалъ ему пять золотыхъ, а я вынула изъ ушей камариновыя серьги и отдала матушкѣ.

Священникъ взялъ и сказалъ:

— Охъ, свѣты мои, все бы это ничего,—не такихъ, мнѣ случалось, кручивалъ, но не хорошо, что вы графскіе. Хоть я и попъ, а мнѣ его лютости страшно. Ну, да ужъ пускай, что̀ Богъ дастъ, то и будетъ, — прибавьте еще лобанчикъ хоть обрѣзанный и прячьтесь.

Аркадій далъ ему шестой червонецъ полный, а онъ тогда своей попадьѣ говоритъ:

— Что же ты, старуха, стоишь? Дай бѣглянкѣ хоть свою

юбченку да шушунчикъ какой-нибудь, а то на нее смотрѣть стыдно — она вся какъ голая. А потомъ хотѣлъ насъ въ церковь свести и тамъ въ сундукъ съ ризами спрятать. Но только-что попадья стала меня за переборочкой одѣвать, какъ вдругъ слышимъ у двери кто-то звякъ въ кольцо

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

У насъ сердца у обоихъ и замерли. А батюшка шепнулъ Аркадію:

— Ну, свѣтъ, въ сундукъ съ ризами вамъ теперь, видно, не попасть, а полѣзай-ка скорѣй подъ перину.

А мнѣ говоритъ:

— А ты, свѣтъ, вотъ сюда.

Взялъ да въ часовой футляръ меня и поставилъ и заперъ, и ключъ къ себѣ въ карманъ положилъ, и пошелъ пріѣзжимъ двери открывать. А ихъ, слышно, народу много, и кои у дверей стоятъ, а два человѣка уже снаружи въ окна смотрятъ.

Вошло семь человѣкъ погони все изъ графскихъ охотниковъ, съ кистенями и съ арапниками, а за поясами своры веревочныя, и съ ними восьмой, графскій дворецкій, въ длинной волчьей шубѣ съ высокимъ козыремъ.

Футляръ, въ которомъ я была спрятана, во всю переднюю половинку былъ пропилейный рѣшетчатый, старой тонкой кисейкой затянутъ, и мнѣ сквозь ту кисею глядѣть можно.

А старичокъ-священникъ сробѣлъ, что ли, что дѣло плохо — весь трясется передъ дворецкимъ и крестится и кричитъ скоренько:

— Охъ, свѣты мои, ой, свѣты ясные! знаю, знаю, чего ищете, но только я тутъ передъ свѣтлѣйшимъ графомъ ни въ чемъ не виноватъ, ей, право, не виноватъ, ей, не виноватъ!

А самъ какъ перекрестится, такъ пальцами черезъ лѣвое плечо на часовой футляръ кажетъ, гдѣ я заперта.

«Пропала я», думаю, видя, какъ онъ это чудо дѣлаетъ.

Дворецкій тоже это увидалъ и говоритъ:

— Намъ все извѣстно. Подавай ключъ вотъ отъ этихъ часовъ.

А попъ опять замахалъ рукой:

— Ой, свѣты мои, ой, ясненькіе! простите, не взыски-

вайте: я позабылъ, гдѣ ключъ положилъ, ей, позабылъ, ей, позабылъ.

А съ этимъ все себя другою рукой по карману гладитъ.

Дворецкій и это чудо опять замѣтилъ, и ключъ у него изъ кармана досталъ и меня отперъ.

— Вылѣзай, говоритъ, — соколка, а соколъ твой теперь намъ самъ скажется.

А Аркаша уже и оказался: сбросилъ съ себя поповскую постель на полъ и стоитъ.

— Да, говоритъ, — видно нечего дѣлать, ваша взяла, — везите меня на терзаніе, но она ни въ чемъ неповинна: я ее силой умчалъ.

А къ попу обернулся да только и сдѣлалъ всего, что въ лицо ему плюнулъ.

Тотъ говоритъ:

— Свѣты мои, видите еще какое надъ саномъ моимъ и вѣрностію поруганіе? Доложите про это пресвѣтлому графу.

Дворецкій ему отвѣчаетъ:

— Ничего, не безпокойся, все это ему причтется, — и велѣлъ насъ съ Аркадіемъ выводить.

Разсадились мы всѣ на трое саней, на переднія связаннаго Аркадія съ охотниками, а меня подъ такою же охраною повезли на заднихъ, а на середнихъ залишніе люди поѣхали.

Народъ, гдѣ насъ встрѣтитъ, все разступается,—думаютъ, можетъ-быть, свадьба.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Очень скоро доскакали и какъ впали на графскій дворъ, такъ я и не видала тѣхъ саней, на которыхъ Аркашу везли, а меня взяли въ свое прежнее мѣсто и все съ допроса на допросъ брали: сколь долго времени я съ Аркадіемъ наединѣ находилась.

Я всѣмъ говорю:

— Ахъ, даже нисколечко!

Тутъ что мнѣ, вѣрно, на роду было назначено не съ милымъ, а съ постылымъ, — той судьбы я и не минула, а придучи къ себѣ въ каморку только было ткнулась головой въ подушку, чтобы оплакать свое несчастіе, какъ вдругъ слышу изъ-подъ пола ужасные стоны.

У насъ это такъ было, что въ деревянной постройкѣ

мы, дѣвицы, на второмъ жильѣ жили, а внизу была большая, высокая комната, гдѣ мы пѣть и танцовать учились, и оттуда къ намъ вверхъ все слышно было. И адскій царь Сатана надоумилъ ихъ, жестокихъ, чтобы имъ терзать Аркашу подъ моимъ покойцемъ...

Какъ почуяла я, что это его терзаютъ... и бросилась... въ дверь ударилась, чтобъ къ нему бѣжать... а дверь заперта... Сама не знаю, что сдѣлать хотѣла... и упала, а на полу еще слышнѣй... И ни ножа, ни гвоздя—ничего нѣтъ, на чемъ бы можно какъ-нибудь кончиться... Я взяла да своей же косой и замоталась... Обвила горло, да все крутила, крутила и слышать стала только звонъ въ ушахъ, а въ глазахъ круги и замерло... А стала я ужъ опять себя чувствовать въ незнакомомъ мѣстѣ, въ большой свѣтлой избѣ... И телятки тутъ были... много теляточекъ, штукъ больше десяти,—такіе ласковые, придетъ и холодными губами руку лижетъ, думаетъ мать сосетъ... Я оттого и проснулась, что щекотно стало... Вожу вокругъ глазами и думаю, гдѣ я? Смотрю, входитъ женщина, пожилая, высокая, вся въ синей пестряди и пестрядиннымъ чистымъ платкомъ повязана, а лицо ласковое.

Замѣтила эта женщина, что я въ признакъ пришла, и обласкала меня, и разсказала, что нахожусь при своемъ же графскомъ домѣ въ телячьей избѣ... «Это вонъ тамъ было», поясняла Любовь Онисимовна, указывая рукою по направленію къ самому отдаленному углу полуразрушенныхъ сѣрыхъ загражденій.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

На скотномъ дворѣ она очутилась потому, что была подъ сомнѣніемъ, не сдѣлалась ли она въ родѣ сумасшедшей? Такихъ скотамъ уподоблявшихся на скотномъ и испытывали, потому что скотники были народъ пожилой и степенный, и считалось, что они могли «наблюдать» психозы.

Пестрядинная старуха, у которой оказалась Любовь Онисимовна, была очень добрая, а звали ее Дросида.

— Она, какъ убралася передъ вечеромъ,—продолжала няня:—сама мнѣ постельку изъ свѣжей овсяной соломки сдѣлала. Такъ распушила мягко, какъ пуховичокъ, и говоритъ: «я тебѣ, дѣвушка, все открою. Будь что будетъ, если ты меня выскажешь, а я тоже такая, какъ и ты, и не весь свой вѣкъ

эту пестрядь носила, а тоже другую жизнь видѣла, но только не дай Богъ о томъ вспомнить, а тебѣ скажу: не сокрушайся, что въ ссылъ на скотный дворъ попала,—на ссылу лучше, но только вотъ этого ужаснаго плакона берегись...»

И вынимаетъ изъ-за шейнаго платка бѣленькій стеклянный пузырекъ и показываетъ.

Я спрашиваю:

— Что это?

А она отвѣчаетъ:

— Это и есть ужасный плаконъ, а въ немъ ядъ для забвенія.

Я говорю:

— Дай мнѣ забвеннаго яду: я все забыть хочу.

Она говоритъ:

— Не пей—это водка. Я съ собой не совладала разъ, выпила... добрые люди мнѣ дали... Теперь и не могу—надо мнѣ это, а ты не пей пока можно, а меня не суди, что я пососу - очень больно мнѣ. А тебѣ еще есть въ свѣтѣ утѣшеніе: *его* Господь ужъ отъ тиранства избавилъ!..

Я такъ и вскрикнула: «умеръ!» да за волосы себя схватила, а вижу не мои волосы,—бѣлые... Что это!

А она мнѣ говоритъ:

— Не пужайся, не пужайся, твоя голова еще тамъ побѣлѣла, какъ тебя изъ косы выпутали, а онъ живъ и ото всего тиранства спасенъ: графъ ему такую милость сдѣлалъ, какой никому и не было,—я тебѣ, какъ ночь придетъ, все разскажу, а теперь еще пососу... Отсосаться надо... жжетъ сердце.

И все сосала, все сосала, и заснула.

Ночью, какъ всѣ заснули, тетушка Дросида опять тихонечко встала, безъ огня подошла къ окошечку и, вижу, опять стоя пососала изъ плакончика и опять его спрятала, а меня тихо спрашиваетъ:

— Спитъ горе или не спитъ?

Я отвѣчаю:

— Горе не спитъ.

Она подошла ко мнѣ къ постели и разсказала, что графъ Аркадія послѣ наказанія къ себѣ призывалъ и сказалъ:

— Ты долженъ былъ все пройти, что тебѣ отъ меня сказано, но какъ ты былъ мой фаворитъ, то теперь будетъ тебѣ отъ меня милость: я тебя пошлю завтра безъ зачета въ солдаты сдать, но за то, что ты брата моего, графа и дво-

рянина, съ пистолетами его не побоялся, я тебѣ путь чести открою, — я не хочу, чтобы ты былъ ниже того, какъ самъ себя съ благороднымъ духомъ поставилъ. Я письмо пошлю, чтобы тебя сейчасъ прямо на войну послали, и ты не будешь служить въ простыхъ во солдатахъ, а будешь въ полковыхъ сержантахъ и покажи свою храбрость. Тогда надъ тобой не моя воля, а царская.

— Ему,—говорила нестрядинная старушка:—теперь легче и бояться больше нечего: надъ нимъ одна уже власть—что пасть въ сраженіи, а не господское тиранство.

Я такъ и вѣрила, и три года все каждую ночь во снѣ одно видѣла, какъ Аркадій Ильичъ сражается.

Такъ три года прошло, и во все это время мнѣ была Божія милость, что къ театру меня не возвращали, а все я тутъ же въ телячьей избѣ оставалась жить, при тетушкѣ Дросидѣ въ младшихъ. И мнѣ тутъ очень хорошо было, потому что я эту женщину жалѣла, и когда она, бывало, ночью не очень выпьетъ, такъ любила ее слушать. А она еще помнила, какъ стараго графа наши люди зарѣзали, и самъ главный камердинеръ,—потому что никакъ уже больше не могли его адской лютости вытерпѣть. Но я все еще ничего не пила, и за тетушку Дросиду много дѣлала и съ удовольствіемъ: скотинки эти у меня какъ дѣтки были. Къ телятамъ, бывало, такъ привыкнешь, что когда котораго отпоишь и его поведутъ колоть для стола, такъ сама его перекрестишь и сама о немъ послѣ три дня плачешь. Для театра я уже не годилась, потому что ноги у меня не хорошо ходить стали, колыхались. Прежде у меня походка была самая легкая, а тутъ, послѣ того, какъ Аркадій Ильичъ меня увозилъ по холоду безъ чувствъ, я вѣрно ноги простудила и въ носкѣ для танцевъ уже у меня никакой крѣпости не стало. Сдѣлалась я такою же нестрядинкою, какъ и Дросида, и Богъ знаетъ, докуда бы прожила въ такой унылости, какъ вдругъ, одинъ разъ, была я у себя въ избѣ передъ вечеромъ: солнышко садится, а я у окна тальки разматываю, и вдругъ мнѣ въ окно упадаетъ небольшой камень, а самъ весь въ бумажку завернутъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я оглянулась туда-сюда и за окно выглянула, — никого нѣтъ.

— Навѣрно, думаю, это кто-нибудь съ воли черезъ заборъ кинулъ, да не попалъ куда надо, а къ намъ съ старушкой вбросилъ. И думаю себѣ: развернуть или нѣтъ эту бумажку? Кажется, лучше развернуть, потому что на ней непремѣнно что-нибудь написано? А можетъ-быть это кому-нибудь что-нибудь нужное, и я могу догадаться и тайну про себя утаю, а записочку съ камушкомъ опять точно такимъ же родомъ кому слѣдуетъ переброшу.

Развернула и стала читать, и глазамъ своимъ не вѣрю...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Писано:

«Вѣрная моя Люба! Сражался я и служилъ государю и проливалъ свою кровь не однажды, и вышелъ мнѣ за то офицерскій чинъ и благородное званіе. Теперь я пріѣхалъ на свободѣ въ отпускъ для излѣченія ранъ и остановился въ Пушкарской слободѣ, на постояломъ дворѣ у дворника, а завтра ордена и кресты надѣну и къ графу явлюсь и принесу всѣ свои деньги, которыя мнѣ на лѣченье даны, пятьсотъ рублей, и буду просить мнѣ тебя выкупить, и въ надеждѣ, что обвѣнчаемся передъ престоломъ Всевышняго Создателя».

— А дальше,—продолжала Любовь Онисимовна, всегда съ подавляемымъ чувствомъ:—писалъ такъ, что, «какое, говоритъ, вы надъ собою бѣдствіе видѣли и чему подвергались, то я то за страданіе ваше, а не во грѣхъ и не за слабость поставляю и предоставляю то Богу, а къ вамъ одно мое уваженіе чувствую». И подписано: «Аркадій Ильинъ».

Любовь Онисимовна письмо сейчасъ же сожгла на загнеткѣ и никому про него не сказала, ни даже пестрядинной старухѣ, а только всю ночь Богу молилась, нимало о себѣ словъ не произнося, а все за него, потому что, говоритъ, хотя онъ и писалъ, что онъ теперь офицеръ и со крестами и ранами, однако, я никакъ вообразить не могла, чтобы графъ съ нимъ обходился иначе, нежели прежде.

Просто сказать, боялась, что еще его бить будутъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

На утро, рано, Любовь Онисимовна вывела телятокъ на солнышко и начала ихъ съ корочки изъ лоханокъ молочкомъ поить, какъ вдругъ до ея слуха стало достигать, что «на

волѣ», за заборомъ, люди, куда-то поспѣшая, бѣгутъ и шибко между собою разговариваютъ.

— Что такое они говорили, того я,—сказывала она: ни одного слова не разслышала, но точно ножъ слова ихъ мнѣ рѣзали сердце. И какъ въѣхалъ въ это время въ ворота навозникъ Филиппъ, я и говорю ему:

— Филюшка, батюшка, не слыхалъ ли, про что это люди идутъ, да такъ любопытно разговариваютъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ, они идутъ смотрѣть, какъ въ Пушкарской слободѣ постоялый дворникъ ночью сонного офицера зарѣзалъ. Совсѣмъ, говоритъ, горло перехватилъ и пятьсотъ рублей денегъ съ него снялъ. Поймали его, весь въ крови, говорятъ, и деньги при немъ.

И какъ онъ мнѣ это выговорилъ, я тутъ же брякъ съ ногъ долой...

Такъ и вышло: этотъ дворникъ Аркадія Ильича зарѣзалъ... и похоронили его вотъ тутъ, въ этой самой могилкѣ, на которой сидимъ... Да, тутъ онъ и сейчасъ подъ нами, подъ этой земелькой лежитъ... А то ты думалъ, отчего же я все сюда гулять-то съ вами хожу... Мнѣ не туда глядѣть хочется (указала она на мрачныя и сѣдыя развалины), а вотъ здѣсь возлѣ него посидѣть, и... и капельку за его душу помяну...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Тутъ Любовь Онисимовна остановилась и, считая свой сказъ досказаннымъ, вынула изъ кармана пузырекъ, и «помянула», или «пососала», но я ее спросилъ:

— А кто же здѣсь схоронилъ знаменитаго тутейшаго художника?

— Губернаторъ, голубчикъ, самъ губернаторъ на похоронахъ былъ. Какъ же! Офицеръ, — его и за обѣдней и дьяконъ, и батюшка «бояриномъ» Аркадіемъ называли и какъ опустили гробъ, солдаты пустыми зарядами вверхъ изъ ружей выстрѣлили. А постояльаго дворника послѣ, черезъ годъ, палачъ на Ильинкѣ на площади кнутомъ наказывалъ. Сорокъ и три кнута ему за Аркадія Ильича дали, и отъ выдержалъ—живъ остался и въ каторжную работу клейменый пошелъ. Наши мужчины, которымъ возможно было, смотрѣть бѣгали, а старики, которые помнили, какъ

за жестокаго графа наказывали, говорили, что это сорокъ и три кнута мало, потому что Аркаша былъ изъ простыхъ, а тѣмъ за графа такъ сто и одинъ кнутъ дали. Четнаго удара, вѣдь, это по закону нельзя остановить, а всегда надо бить въ не-четъ. Нарочно тогда палачъ, говорятъ, тульскій былъ привезенъ, и ему передъ дѣломъ три стакана рому дали выпить. Онъ потомъ такъ билъ, что сто кнутовъ ударилъ все только для одного мученія и тотъ все живъ былъ, а потомъ какъ сто первымъ щелканулъ, такъ всю позвонцовую кость и растрощилъ. Стали поднимать съ доски, а онъ ужъ и кончается... Покрыли рогожечкой, да въ острогъ и повезли, — дорогой умеръ. А тульскій, сказываютъ, все еще покрикивалъ: «давай еще кого бить—всѣхъ орловскихъ убью».

— Ну, а вы же, говорю, на похоронахъ были или нѣтъ?

— Ходила. Со всѣми вмѣстѣ ходила: графъ велѣлъ, чтобы всѣхъ театральныхъ свести посмотрѣть, какъ изъ нашихъ людей человѣкъ заслужиться могъ.

— И прощались съ нимъ?

— Да, какъ же! всѣ подходили, прощались, и я... перемѣнился онъ, такой, что я бы его и не узнала. Худой и очень блѣдный,—говорили, весь кровью истекъ, потому что онъ его въ самую полночь еще зарѣзалъ... Сколько это онъ своей крови пролилъ...

Она умолкла и задумалась.

— А вы, говорю,—сами послѣ это каково перенесли?

Она какъ бы очнулась и провела по лбу рукою.

— По началу не помню, говоритъ,—какъ домой пришла... Со всѣми вмѣстѣ, вѣдь, — такъ вѣрно кто-нибудь меня велъ... А ввечеру Дросида Петровна говоритъ:

— Ну, такъ нельзя, — ты не спишь, а между тѣмъ лежишь какъ каменная. Это не хорошо — ты плачь, чтобы изъ сердца истокъ былъ.

Я говорю:

— Не могу, теточка, — сердце у меня какъ уголь горитъ и истоку нѣтъ.

А она говоритъ:

— Ну, значитъ, теперь плакона не миновать.

Налила мнѣ изъ своей бутылочки и говоритъ:

— Прежде я сама тебя до этого не допускала и отговаривала, а теперь дѣлать нечего: облей уголь—пососи.

Я говорю: «не хочется».

— Дурочка, говоритъ: — да кому же сначала хотѣлось. Вѣдь оно горе-горькое, а ядъ горевой еще горче, а облить уголь этимъ ядомъ — на минуту гаснетъ. Соси скорѣе, соси!

Я сразу весь плаконъ выпила. Противно было, но спать безъ того не могла, и на другую ночь тоже... выпила... и теперь безъ этого уснуть не могу, и сама себѣ плакончикъ завела и винца покупаю... А ты, хорошій мальчикъ, мамашѣ этого никогда не говори, никогда не выдавай простыхъ людей: потому что простыхъ людей вѣдь надо беречь, простые люди все вѣдь страдатели. А вотъ мы когда домой пойдемъ, то я опять за уголкомъ у кабачка въ окошечко постучу... Сами туда не взойдемъ, а я свой пустой плакончикъ отдамъ, а мнѣ новый высунутъ.

Я былъ растроганъ и обѣщался, что никогда и ни за что не скажу о ея «плакончикѣ».

— Спасибо, голубчикъ,—не говори: мнѣ это нужно.

И какъ сейчасъ я ее вижу и слышу: бывало, каждую ночь, когда всѣ въ домѣ уснутъ, она тихо приподнимается съ постельки, чтобы я косточка не хрустнула; прислушивается, встаетъ, крадется на своихъ длинныхъ, простуженныхъ ногахъ къ окошечку... Стоитъ минутку, озирается, слушаетъ: не идетъ ли изъ спальни мама: потомъ тихонько стукнетъ шейкой «плакончика» о зубы, приладится и «пососетъ...» Глотокъ, два, три... Уголекъ залила и Аркашу помянула, и опять назадъ въ постельку,—юркъ подъ одѣяльце и вскорѣ начинаетъ тихо-претихо посвистывать— фю-фю, фю-фю, фю-фю. Заснула!

Болѣе ужасныхъ и раздирающихъ душу поминокъ я во всю мою жизнь не видывалъ.

ТОМЛЕНЬЕ ДУХА.

(Изъ отроческихъ воспоминаній).

«Все это томленье духа».
Экклезіастъ.

Въ числѣ людей, которые принимали участіе въ моемъ воспитаніи, былъ длинный и тощій нѣмецъ Иванъ Яковлевичъ, по прозванью Коза. Настоящей его фамиліи я не знаю,— онъ своею наружностью напоминалъ козу, и всѣ мы звали его заочно Козою.

Это было въ деревнѣ, въ орловской губерніи, у моихъ богатыхъ родственниковъ. Я у нихъ росъ и воспитывался, пока меня отдали въ школу, въ городъ. Для насъ въ деревнѣ было нѣсколько учителей: русскій —Иванъ Степановичъ Птицынъ съ женою, жилъ во флигелѣ, и французъ, мосье Люи, тоже съ женою и сыномъ Альвиномъ, который учился вмѣстѣ съ нами. Эти тоже жили въ особомъ флигелѣ, и еще былъ нѣмецъ Кольбергъ, одинокій, часто пьяный и драчливый. Онъ такъ часто ссорился съ прислугою, что надоѣлъ дядѣ и былъ внезапно разсчитанъ: тогда на его мѣсто былъ взятъ Коза, который ранѣе этого жилъ уже въ нѣсколькихъ помѣщичьихъ домахъ въ околоткѣ, но нигдѣ долго не уживался. Говорили, что онъ человѣкъ очень смирный и хорошій, но «съ фантазіями». Его къ намъ и приняли съ такимъ уговоромъ, чтобы жилъ съ нами и училъ насъ по-нѣмецки, но никакихъ своихъ фантазій не смѣлъ бы показывать.

Онъ взялся это исполнять, и мѣсяца три исполнялъ очень хорошо, но потомъ вдругъ не выдержалъ и пока-

залъ такую фантазію, какъ будто и не давалъ никакого зарока.

Лѣтомъ разъ заѣхала къ дядѣ по дорогѣ въ свое имѣніе, губернаторша съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ одиннадцати, очень избалованнымъ и непослушнымъ. Мы пошли въ фруктовый садъ, и тамъ этотъ гость оборвалъ какую-то рѣдкостную сливу, плоды которой были у дяди на счету. Мы испугались его поступка и дали себѣ клятву во всемъ запираться и ничего не сказывать. Дядя вечеромъ пошелъ въ садъ и увидалъ, что слива оборвана. Онъ разсердился, позвалъ садовникова сына, мальчика Костю, и сталъ его спрашивать: кто оборвалъ сливу? Костя не зналъ, и на него упало подозрѣніе, что эту сливу оборвалъ онъ и теперь запирается. Его за это велѣли высѣчь крыжовникомъ, а онъ испугался и сказалъ, что будто въ самомъ дѣлѣ онъ съѣлъ сливы. Тогда его все-таки высѣкли. А мы знали кто оборвалъ, но ничего не говорили, чтобы не нарушать клятву и не пристыдить своего гостя, но къ вечеру нѣкоторыхъ изъ насъ это стало невыносимо мучить, и когда мы начали укладываться спать, то я не стерпѣлъ и сказалъ Ивану Яковлевичу, что Костю наказали напрасно,— что онъ не воръ, а воръ вотъ кто, а мы всѣ дали клятву его скрыть.

Иванъ Яковлевичъ вдругъ поблѣднѣлъ и вскрикнулъ:

— Какъ клятву! Какъ вы смѣли клясться? Развѣ вы не христіане! Кто вамъ позволилъ чѣмъ-нибудь клясться? Видите, сколько отъ этого зла вышло, и теперь я уйду отъ васъ.

Мы еще больше встревожились и стали его упрашивать, но онъ твердилъ:

— Нѣтъ, я уйду, я непремѣнно уйду, и не самъ уйду, а меня выгонятъ, и это будетъ хорошо... Это будетъ къ лучшему.

Такъ все говорилъ, а самъ плакалъ и потомъ вдругъ приложилъ лобъ къ оконному стеклу, вздохнулъ и побѣжалъ изъ комнаты.

Куда и зачѣмъ побѣжалъ—мы не могли догадаться и долго ждали его возвращенія, но потомъ такъ и уснули, не дождавшись, чтобъ онъ назадъ пришелъ; а утромъ, когда старая дѣвушка Василиса Матвѣевна принесла намъ свѣжее

бѣлье, мы узнали, что Иванъ Яковлевичъ къ намъ и совсѣмъ не воротится, потому что онъ сошелъ съ ума.

— Боже мой!.. Мы такъ и обомлѣли... Бѣдный, добрый Иванъ Яковлевичъ сошелъ съ ума!.. Это все мы виноваты. Но что же онъ такое сдѣлалъ?

— А онъ явился въ безчеловѣчномъ видѣ къ господамъ и сдѣлалъ фантазію, и ему за это отказано.

Фантазія состояла въ томъ, что, взволнованный нашимъ двойнымъ злочинствомъ, Коза сошелъ внизъ, въ гостиную, и, «имѣя въ лицѣ видъ безчеловѣчный», подошелъ къ губернаторшѣ и сказалъ ей совершенно спокойнымъ «безчеловѣчнымъ голосомъ»:

— У вашего сына дурное сердце: онъ сдѣлалъ поступокъ, за который бѣднаго мальчика высѣкли и заставили налгать на себя... Вашъ несчастный сынъ имѣлъ силу это стерпѣть, да еще научилъ другихъ клясться, чего Іисусъ Христосъ никому не позволилъ и просилъ никогда не дѣлать. Мнѣ жаль вашего темнаго, непросвѣщеннаго сына. Помогите ему открыть глаза, увидать свѣтъ и исправиться, а то изъ него выйдетъ дурной человѣкъ, который умертвитъ свой духъ и можетъ много другихъ испортить.

Съ губернаторшею сдѣлалось дурно, и она зашлась въ истерикѣ.

Страшно разсерженный происшедшею сценою, дядя вытолкнулъ Козу за двери и сейчасъ же велѣлъ запереть его въ конторѣ, а сегодня его велѣно уже отправить на мужицкой подводѣ въ Орелъ.

Мы за него обидѣлись и сказали:

— Для чего же это «на мужичьей подводѣ»?

— А то на чемъ же?—отвѣчала Василиса.

— Можно было въ телѣжкѣ, въ которой на почту ѣздятъ.

— Ну, какъ же! еще ему чего? Въ этой телѣжкѣ попа святую воду пѣть возятъ... Для чего же его, глупаго нѣмца, держать въ одной чести съ батюшкой. Батюшка за наши грѣхи въ алтарѣ молится, а его довольно бы еще и не на подводѣ, а на навозницѣ вывезти.

— И за что вы его такъ не любите?

— За то, что онъ дуракъ и вральменъ.

— Онъ никогда не вретъ, а всегда правду говоритъ.

— А вотъ это-то совсѣмъ и не нужно! Что̀ такое его

правда? Правда тоже хорошо, да не по всякую минуту и не ко всякому съ нею лѣзть. Онъ самъ для себя свою правду и твори, а другимъ свой законъ на чужой кадыкъ не накидывай. У насъ свой-то законъ еще гораздо много пополнѣй ихняго: мы если и солжемъ, такъ у насъ сколько угодно и отмолиться можно: у насъ и угодники есть, и страстотерпцы, и мученики, и Прасковеи. Ему за насъ встрѣвать нечего. Зато ему и показали гдѣ Богъ и гдѣ порогъ.

— Какъ же это показываютъ?

— Гдѣ Богъ-то?

— Да.

— А поставятъ человѣка къ двери лицомъ да сзади дадутъ хорошенько по затылку шлыкъ, а онъ тогда долженъ въ подворотню шмыгъ.

— И это по-вашему значитъ показать человѣку «гдѣ Богъ»?

— Да. Вонъ пошелъ, вотъ и все!

— Такъ, значитъ, и ему показали «гдѣ Богъ»?

— Ну, ужъ какъ никакъ, а показали «гдѣ Богъ» и все тутъ.

— Что же: онъ *Его* увидитъ, и... пожалуй, будетъ радъ, что его прогнали.

— Ну, ужъ это пусть его радуется, какъ ему нравится: намъ его жалѣть нечего.

Мнѣ было очень жалко Ивана Яковлевича, а сынъ француза Люи, маленькій Альвинъ, еще болѣе о немъ разжалобился. Онъ пришелъ къ намъ въ комнату весь въ слезахъ и сталъ звать меня, чтобы вмѣстѣ убѣжать черезъ крестьянскіе коноплянники за околицу и тамъ спрятаться въ коноплях, пока повезутъ Ивана Яковлевича на подводѣ, и мы подводу остановимъ и съ нимъ простимся. Мы такъ и сдѣлали.—побѣжали и спрятались, но подвода очень долго не ѣхала. Оказалось, что Иванъ Яковлевичъ пожалѣлъ мужика, который былъ наряженъ его везти, и уволилъ его отъ этой повинности, а самъ пошелъ пѣшкомъ. На немъ былъ его зеленый фракъ и сѣрая мантилія изъ казинета, а въ рукахъ у него мотался очень маленькій свертокъ съ бѣльемъ и синій тиковый зонтикъ. Коза шелъ не только спокойно, но какъ бы торжественно, а лицо его было даже весело и выражало удовольствіе. Увидавъ насъ, онъ остановился и воскликнулъ:

— Прекрасно, дѣти! Прекрасно! О, сколько для меня есть радости въ одну эту минуту!—и онъ раскрылъ для объятій руки, а на глазахъ его заблистали слезы.

Мы бросились къ нему и тоже заплакали, повторяя: «Простите насъ, простите!» А въ чемъ мы просили прощенія—мы и сами того не могли опредѣлить, но онъ помогъ намъ понять и сказалъ:

— Вы дурно сдѣлали, что не берегли свою свободу и позволили себѣ клясться: поклявшись, вы уже перестали быть свободны, вы стали невольниками вашей клятвы... Да; вы уже не имѣли свободы говорить правду и вотъ черезъ это бѣднаго мальчика сочли воромъ и высѣкли. Могло быть, что его на всю жизнь могли считать воромъ и... можетъ-быть, онъ тогда бы и сдѣлался воромъ. Надо было это разорить... И я разорилъ... Надо было бунтовать, и я бунтовалъ... (Иванъ Яковлевичъ сталъ горячиться). Я иначе не могъ... во мнѣ духъ взбунтовался... проснулся къ жизни духъ... свободный духъ отъ всякой клятвы... и я пошелъ... я говорилъ... я стеръ... я опровергъ клятву... не должно клясться... Безъ клятвы будь правдивъ... Вотъ что нужно... нигдѣ и ни передъ кѣмъ не лги... не лги ни словомъ, ни лицомъ... Не бойся никого!.. Что писано въ прописи, чтобы кого-то бояться,—это все вздоръ есть! Іисусъ Христосъ больше значитъ, чѣмъ пропись... О, я думаю, что Онъ больше значитъ! Какъ вы думаете, кто больше?

— Христосъ больше.

— Ну, конечно, Христосъ больше, а Онъ сказалъ: «никого не бойтесь». Онъ побѣдилъ страхъ... Страхъ пустяки... Нѣтъ страха!.. Даже я!.. я побѣдилъ страхъ! Я его прогналъ вонъ... И вы гоните его вонъ!.. И онъ уйдетъ... Гдѣ онъ здѣсь? Его здѣсь нѣтъ. Здѣсь трое насъ и кто между насъ?.. А!.. Кто? Страхъ? Нѣтъ, не страхъ, а нашъ Христосъ! Онъ съ нами. Что?.. Вы это видите ли?.. вы это чувствуете ли?.. вы это понимаете ли?

Мы не знали, что ему отвѣчать, но мы «понимали», что мы «чувствуемъ» что-то самое прекрасное, и такъ и сказали.

Коза возрадовался и заговорилъ:

— Вотъ это и есть то, что надо, и дай Богъ, чтобы вы никогда объ этомъ не позабыли. Для этого одного стоитъ всегда быть правдивымъ во всѣхъ случаяхъ жизни.

Чистая совѣсть гдѣ хотите покажетъ Бога, а ложь гдѣ хотите удалитъ отъ Бога. Никого не бойтесь и ни для чего не лгите.

— О, да, да!—отвѣчали мы:—мы впередъ не будемъ ни лгать, ни клясться, но какъ намъ загладить то зло, которое мы сдѣлали?

— Загладить... загладить можетъ только одинъ Богъ. Заглаждать—это не наше дѣло. Любите Костю и напоминайте другимъ, что онъ не виноватъ, что онъ оклеветалъ себя отъ страха.

— Мы все такъ сдѣлаемъ, но вы, Иванъ Яковлевичъ, куда вы идете? У васъ есть гдѣ-нибудь свой домъ?

Онъ покачалъ отрицательно головою и сказалъ:

— Зачѣмъ мнѣ свой домъ?

— Ну, у васъ есть... семейные... кто васъ любитъ?

— Семенные?.. Нѣтъ... И зачѣмъ мнѣ семейные?

— Кто же у васъ свои?

— Ну, кто свои... кто свои!.. Ну, вотъ вы мнѣ теперь свои... «свои»—это тѣ, съ кѣмъ одно и то же любишь...

— А особенно близкихъ развѣ нѣтъ?

— Для чего же особенные? Что это вамъ такое!.. Надо дѣлать все вмѣстное, а совсѣмъ не особенное.

— Но куда же вы теперь отправляетесь?..

Онъ повелъ плечами и весело отвѣтилъ:

— Куда я?.. Къ блаженной вѣчности; а по какому тракту,—это совсѣмъ все равно—только надо вездѣ дѣлать Божіе дѣло.

Мы не поняли, что такое значитъ «дѣлать Божіе дѣло», и плачевно приставали къ Козѣ.

— Намъ жаль, что вамъ отказали совершенно напрасно.

Онъ тихо покачалъ головою и отвѣчалъ:

— Нѣтъ; мнѣ отказали совсѣмъ не напрасно.

— Какъ не напрасно: вѣдь вы поступили всѣхъ насъ честнѣе и ничего дурного не сдѣлали.

— Ну, вотъ! Для чего же дѣлать дурное! Это не надо... но я сдѣлалъ безпокойство: я сдѣлалъ бунтъ противъ тьмы вѣка сего... и меня нужно гнать... Это ужъ такъ... и это очень хорошо!

— Вы это такъ говорите, какъ будто вы сами этому даже рады.

— Даже радъ! Да, я радъ! Я очень радъ! Вѣдь у насъ

«борьба наша не съ плотію и кровію, а съ тьмою вѣка,— съ духами злобы, живущими на землѣ». Мы ведемъ войну противъ тьмы вѣковъ и противъ духовъ злобы, а они гонятъ насъ и убиваютъ, какъ ранѣе гнали и убивали тѣхъ, которые были во всемъ насъ лучше.

— Но за что? за что это гонятъ тѣхъ, кто не сдѣлалъ никому зла? Это ужасно!

— Ничего, отвѣчалъ, еще больше сіяя, Коза, — напротивъ, это хорошо... это-то и хорошо, что ихъ гонятъ напрасно: это ихъ воспитываетъ; это ихъ укрѣпляетъ... И неужто вы хотѣли бы, чтобы меня не такъ выгнали, какъ теперь выгоняютъ за бунтъ противъ тьмы вѣка и духовъ злобы, а чтобы я самъ сдѣлалъ кому-нибудь зло!

— О, нѣтъ!

— Ну, такъ что же!.. Значитъ все какъ слѣдуетъ быть... все прекрасно... Со временемъ... если вамъ откроется, въ чемъ состоитъ жизнь, и вы захотите жить самымъ лучшимъ образомъ, то-есть жить такъ, чтобы духи злобы васъ гнали, — то вы тогда будете это понимать... Когда они гонятъ—это прекрасно, это радость... это счастье! но...

Онъ взялъ насъ за плечи и продолжалъ пониженнымъ голосомъ:

— Но когда они васъ ласкаютъ и хвалятъ... Вотъ тогда...

— Вы говорите что-то страшно...

— Да: это страшно. Тогда бойтесь, тогда осматривайтесь, тогда... ищите, чтобы спасъ васъ Отецъ вашъ небесный.

— Отецъ небесный! Но мы вѣдь не знаемъ... какъ это искать, что̀ надо сдѣлать...

— Что̀ сдѣлать?

— Чтобы Онъ насъ спасъ.

— Ага! И я это тоже не знаю... и я это... даже не сто̀ю, а Онъ...

У Ивана Яковлевича въ груди закипѣли слезы, и онъ сталъ говорить точно въ экстазѣ:

— Я бѣдный грѣшникъ, который вышелъ изъ ничтожества: я червякъ, который выползъ изъ грязи, а Отецъ держитъ меня на своихъ колѣняхъ; Онъ носитъ меня въ своихъ объятіяхъ, какъ сына, который не умѣетъ ходить, и не бросаетъ меня, не сердится, что я такой неумѣха, и хотя я глупъ, но Онъ мнѣ внушаетъ все, что̀ человѣку

нужно, и я вѣрю, что я у Него могу понять какъ разъ столько, сколько мнѣ нужно, и... вы тоже поймете... вамъ духъ скажетъ... Тогда придетъ спасеніе и вы не будете спрашивать: какъ оно пришло?.. И это все надо... тихо... Тссъ! Богъ идетъ въ тишинѣ... Still!

Коза вдругъ поникъ головою, сжалъ на груди руки и сталъ читать по-нѣмецки «Отче нашъ». Мы безъ его приглашенія схватили съ головъ свои шапочки и съ нимъ вмѣстѣ молились. Онъ кончилъ молитву, положилъ намъ на головы свои руки и съ полными слезъ глазами закончилъ свою молитву по-русски.

— Нашъ Отецъ!—сказалъ онъ:—благодарю Тебя, что Ты вновь далъ мнѣ радость быть изгнаннымъ за исполненіе святой воли Твоей. Укрѣпи сердца терпящихъ за послушаніе Твоей волѣ и просвѣти разумомъ и милосердіемъ очи людей, насъ гонящихъ. Не оставь также этихъ дѣтей Твоихъ надолго въ пустынѣ: дай имъ войти въ разумѣніе и вкусить то блаженство, какое я теперь по Твоей благости ощущаю въ моемъ духѣ. Дай имъ понять, въ чемъ есть Твоя воля! — И онъ еще разъ обнялъ насъ, поцѣловалъ и пошелъ въ городъ совершенно безпріютный и совершенно счастливый, а мы, у которыхъ все было изобильно и готово, стояли на колѣняхъ, на пыльной дорожкѣ, и, глядя вслѣдъ Козѣ, плакали.

Онъ будто метнулъ въ насъ что-то острое и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное до восторга. Коза на насъ что-то призвалъ, насъ что-то обвѣяло, мы хотѣли что-то понять, чтобы кончить мольбой о смягченьи сердецъ, и вдругъ оба вскочили, погнались за нимъ и закричали:

— Иванъ Яковличъ!.. Иванъ Яковличъ!..

Онъ остановился и обернулся, и показалось намъ, будто онъ вдругъ сдѣлался какой-то другой: выросъ какъ-то и разсвѣтился. Вѣроятно, это происходило оттого, что онъ теперь стоялъ на холмѣ и его освѣщало солнце. Но однако и голосъ у него тоже измѣнился. Онъ какъ-то будто лилъ слова по воздуху:

— Что вамъ еще? что вамъ?

А мы не знали, что именно хотѣли ему сказать, и спросили:

— Увидимъ ли мы васъ когда-нибудь?

Онъ ясно отвѣчалъ:

— Увидите.

— Когда же это будетъ?

Онъ глуше проговорилъ:

— Это случится... можетъ-быть... совсѣмъ неожиданно, а потомъ это опять не случится, и потомъ это опять иногда случится...

Мы, казалось, бѣжали за нимъ, а между тѣмъ онъ одинъ шелъ впереди, а мы все отставали и кричали:

— Гдѣ мы увидимся?

Но онъ отвѣчалъ уже издалека:

— Все равно, — и началъ разводить руками во всѣ стороны, точно хотѣлъ пояснить, что для свиданія съ нимъ «иногда» всѣ стороны ровны. Пространство для него не существуетъ. «Все равно... иногда увидимся.., и опять... не увидимся... иногда», и еще что-то такое, а самъ все дальше и дальше отъ глазъ, и вдругъ какъ-то будто даже смѣшно затрепеталъ ручками и побѣжалъ-побѣжалъ, и скрылся, и съ тѣхъ поръ ушло очень много лѣтъ, и Козы долго, очень долго не было передо мною, но потомъ вдругъ онъ совершенно неожиданно явился разъ, и два, и еще втретье, и сталъ такъ близко, какъ будто онъ и не отходилъ, а между тѣмъ... все бѣжитъ и бѣжитъ впередъ... И въ эти минуты мнѣ показалось, будто и я не совсѣмъ все стоялъ... И я будто иногда плелся и тоже помаленечку подвигался, но зато я чувствовалъ и то, какъ я слабъ, какъ я усталъ и дальше плестись не въ силахъ... Кончено! я отстану и его опять уже никогда болѣе не увижу!.. Но тутъ всегда приходитъ нежданная помощь: откуда-то кто-то возьмется и покажетъ «гдѣ Богъ»... и тогда сейчасъ же опять обозришься, всѣхъ *своихъ* тогда чувствуешь въ собственномъ сердцѣ, и ни съ однимъ изъ нихъ уже не боишься разстаться, потому что «у всѣхъ напоенныхъ однимъ духомъ должно быть одно разумѣніе жизни».

ПЛАМЕННАЯ ПАТРІОТКА.

Изъ чужеземныхъ правительственныхъ знаменитостей я видѣлъ покойнаго Наполеона III — на открытіи бульвара въ Парижѣ, князя Бисмарка — на водахъ, Макъ-Магона — на разводѣ и нынѣшняго австрійскаго императора, Франца-Іосифа — за кружкою пива.

Самое памятное впечатлѣніе произвелъ на меня Францъ-Іосифъ, хотя онъ при этомъ капитально поссорилъ между собою двухъ моихъ соотечественниковъ.

Это стоитъ того, чтобы разсказать.

Я былъ за границею три раза, изъ которыхъ два раза проѣзжалъ «столбовою» русскою дорогою, прямо изъ Петербурга въ Парижъ, а въ третій, по обстоятельствамъ, сдѣлалъ крюкъ и заѣхалъ въ Вѣну. Кстати я хотѣлъ навѣстить одну достойную почтенія русскую даму.

Это было въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, привезъ меня въ Вѣну около четырехъ часовъ пополудни. Квартиры мнѣ для себя не пришлось отыскивать: въ Кіевѣ снабдили меня рекомендаціею, избавлявшею отъ всякихъ хлопотъ. Я, какъ пріѣхалъ, такъ сейчасъ же и устроился, а черезъ часъ уже привелъ себя въ порядокъ и пошелъ къ моей соотечественницѣ.

Въ этотъ часъ Вѣна тоже сдѣлала свой туалетъ: надъ нею прошелъ сильный лѣтній дождикъ и потомъ вдругъ на совершенно голубомъ небѣ засверкало лучистое солнце. Красивый городъ, умывшись, смотрѣлъ еще красивѣе.

Улицы, которыми велъ меня проводникъ, всѣ казались очень изящными, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Леопольдштадту, изящество ихъ становилось еще замѣтнѣе. Зданія были больше, сильнѣе и величественнѣе. У

одного изъ такихъ проводникъ остановился и сказалъ, что это отель, который мнѣ нужно.

Мы вошли чрезъ величественную арку въ обширный залъ, расписанный въ помпейскомъ вкусѣ. Направо и налѣво у этого зала были тяжелыя двери изъ темнаго дуба; противоположная стѣна роскошно драпирована красноватымъ сукномъ. Посрединѣ залы стояла коляска, запряженная парою живыхъ лошадей, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ.

Этотъ великолѣпный залъ попросту есть не что̀ иное, какъ «ворота». Мы были подъ такими воротами, какихъ я еще не видалъ ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ.

Вправо находилось помѣщеніе швейцара. Оно тоже замѣчательно; замѣчателенъ и самъ великолѣпный швейцаръ съ камергерской фигурой: онъ сидѣлъ тутъ, какъ золотистый жукъ, въ витринѣ изъ громадной величины зеркальныхъ стеколъ. Ему все вокругъ было видно; а возлѣ него, для важности или для какого другого удобства, стояли три ассистента и всѣ съ аксельбантами. Если бы представилась надобность кого-нибудь не пропустить или вывести, такой швейцаръ самъ, конечно, рукъ бы объ это не пачкалъ.

На мой вопросъ: «здѣсь ли моя знакомая?»—одинъ изъ ассистентовъ отвѣчалъ: «здѣсь», а когда я спросилъ: «могу ли я ее видѣть?»—ассистентъ доложилъ швейцару, а тотъ повелъ дипломатически бровью и *самъ* объяснилъ мнѣ:

— Собственно говоря, я не думаю, чтобы княгинѣ теперь было удобно принять васъ,—ей поданы лошади, и ея сіятельство сейчасъ уѣзжаетъ кататься. Но если вамъ очень нужно...

— Да,—перебилъ я:- мнѣ очень нужно.

— Въ такомъ случаѣ я прошу у васъ минуту терпѣнія.

Было ясно, что я имѣю дѣло съ настоящимъ дипломатомъ и о минутѣ терпѣнія споръ былъ неумѣстенъ.

Вы взаимно другъ другу поклонились.

Швейцаръ пожалъ электрическую пуговку въ столѣ, передъ которымъ помѣщалось его папское кресло съ высокою готическою спинкою, и, приложивъ ухо къ трубкѣ, черезъ секунду объяснилъ мнѣ:

— Княгиня уже сходитъ съ лѣстницы.

Я остался ее ждать.

Черезъ минуту моя знакомая показалась на бѣлыхъ мраморныхъ ступеняхъ, въ сопровожденіи давно мнѣ извѣстной ея пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль въ этомъ маленькомъ разсказѣ.

Княгиня встрѣтила меня съ отличающею ее всегдашнею милою привѣтливостью и, сказавъ, что она сейчасъ ѣдетъ сдѣлать свою послѣобѣденную прогулку, пригласила меня прокатиться вмѣстѣ.

Она хотѣла показать мнѣ Пратеръ. Я ничего не имѣлъ противъ этого, и мы поѣхали: я рядомъ съ княгинею на заднемъ сидѣньи, а напротивъ насъ Анна Фетисовна.

Въ противорѣчіе тѣмъ, кто утверждаетъ, что за границею всѣ ѣздятъ гораздо тише, чѣмъ въ Россіи, мы понеслись по вѣнскимъ улицамъ очень шибко. Кони были рѣзвые и горячіе, кучеръ — мастеръ своего дѣла. Вѣнцы въ парной, дышловой упряжи правятъ такъ же красиво и ловко, какъ поляки. Наши кучера такъ ѣздить не умѣютъ. Они очень грузны и сучатъ вожжами, — нѣтъ у нихъ свободнаго движенія въ лентѣ и всей той «элеваціи», которой такъ много въ кракусѣ и въ вѣнцѣ.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ мы были уже въ Пратерѣ.

Я не буду дѣлать ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы описывать этотъ паркъ, но скажу только то, что необходимо для надлежащаго освѣщенія предстоящей сцены.

Напоминаю, что это было около пяти часовъ вечера и тотчасъ послѣ сильнаго дождя. Свѣжая влажность еще лежала повсюду: тяжелый гравій на дорожкахъ казался коричневымъ: на листьяхъ деревьевъ сверкали чистыя капли.

Было порядочно сыро, и я не знаю: эта ли сырость или нѣсколько ранній часъ были причиною, что всѣ лучшія аллеи парка, по которымъ мы прокатили, были совершенно пусты. Едва-едва мы встрѣтили какого-то садовника въ курткѣ съ граблями и лопаткой за плечами, и болѣе никого; но моя добрая хозяйка вспомнила, что, кромѣ этой, такъ-сказать, бѣловой части парка, есть еще *черновая*, называемая Kalbs-Prater или «телячій паркъ» — мѣсто гулянья вѣнской черни.

— Это, говорятъ, будто бы интересно, — сказала княгиня, и тотчасъ же велѣла кучеру ѣхать въ Kalbs-Prater.

Тотъ взялъ влѣво, крикнулъ свой гортанный «ой», щелкнулъ бичомъ, и подъ нами точно стала осѣдать почва, мы куда-то какъ будто спускались, мы падали, какъ будто роняли себя въ низшую сферу.

Ситуація прекрасно гармонировала съ общественностью.

Картина быстро мѣнялась: аллеи становились ужe и были менѣе чисто содержаны; на пескѣ и по окраинамъ куртинъ, кое-гдѣ, мелькали обрывки бумажекъ. Зато начали встрѣчаться люди, все пѣшеходы, сначала продавцы извѣстныхъ вѣнскихъ колбасниковъ, потомъ—публика. Нѣкоторые плелись съ дѣтьми. Здѣшняя публика, очевидно, сырости не боялась, а боялась только потерять минуту дорогого времени.

Бѣдный, когда женится, ему ночь коротка, еще кратче часъ отдыха у такихъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей, какъ южные нѣмцы, у которыхъ, однако, потребность въ удовольствіи велика почти такъ же, какъ у французовъ.

Навстрѣчу намъ не было никакого движенія,—мы всѣхъ обгоняли. Очевидно, цѣль стремленія у всѣхъ была впереди, она была тамъ, куда и мы поспѣшили и откуда теперь минута отъ минуты слышнѣе стали долетать какіе-то звуки. Странные звуки, точно жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣской. Но вотъ сквозь вершины деревьевъ мелькнулъ высокій фронтонъ большого деревяннаго зданія; коляска опять взяла влѣво и вдругъ остановилась. Мы были на перекресткѣ двухъ дорожекъ. Передъ нами открылась довольно большая лужайка, на которой, по ту сторону, стоялъ большой деревянный домъ въ швейцарскомъ вкусѣ, а передъ нимъ, на травѣ, тянулись длинные столы и за ними сидѣло множество всякаго народа. Передъ каждымъ гостемъ стояла его кружка пива, а на открытой галлереѣ играли четыре музыканта и вѣялись въ пляскѣ венгерецъ съ венгеркой. Вотъ откуда неслись тѣ музыкальные звуки, которые издали напоминали жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣскою. Жужжаніе это слышно и теперь, съ тою разницею, что теперь въ звукахъ уже можно слышать что-то хватающее за какой-то нервъ и разливающееся вокругъ со стономъ, со звономъ, съ подъ-ударомъ.

— Это танцуютъ *чардашъ*: я вамъ совѣтую обратить на нихъ вниманіе, — проговорила княгиня. — Вы это не часто

встрѣтите: чардашъ никто не сумѣетъ такъ исполнить, какъ венгерцы. Кучеръ, подъѣзжайте ближе.

Кучеръ тронулъ впередъ, но едва лошади переступили два шага, онъ остановилъ ихъ снова.

Мы, конечно, подвинулись, но все-таки стояли еще слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность разсмотрѣть танцоровъ, а потому княгиня еще разъ сказала кучеру подъѣхать ближе. Онъ, однако, казалось, не слыхалъ этого повторенія, но зато, когда княгиня сказала ему то же самое втретьи, кучеръ не только тронулъ вожжи, но звонко хлопнулъ бичомъ и сразу выдвинулъ экипажъ на самую середину лужайки.

Теперь мы все могли видѣть въ подробностяхъ и сами были на виду у всѣхъ. Нѣсколько человѣкъ изъ сидѣвшихъ за столами при щелкѣ бича оглянулись, но сейчасъ же опять обратились къ танцорамъ, и только со ступеней нижней террасы на насъ смотрѣлъ одинъ толстый кельнеръ, но какъ будто ожидалъ какого-то надлежащаго момента, когда между имъ и нами долженъ произойти обмѣнъ соотвѣтствующихъ взаимныхъ сношеній.

Я старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнить совѣтъ моей дамы и хотѣлъ глядѣть на чардашъ, не сводя глазъ, но случайное обстоятельство привлекло *мое вниманіе* къ другому.

Едва мы остановились, какъ кучеръ слегка полуоборотился къ экипажу и сказалъ:

— Kaiser!

— Wo ist der Kaiser?

Кучеръ вмѣсто отвѣта повелъ оттопыреннымъ мизинцемъ перчатки въ лѣвую сторону, къ противоположному концу поляны, гдѣ при такомъ же перекресткѣ, какъ тотъ, съ котораго мы выѣхали, теперь виднѣлись двѣ конскія головы свѣтло-буланой, золотистой масти.

Видны были только двѣ эти прекрасныя головы въ наборныхъ уздечкахъ съ бирюзовыми пукальками, а самый экипажъ оставался на такомъ разстояніи, на какомъ сначала хотѣлъ удержать насъ нашъ кучеръ.

Это, подумалъ я себѣ, — въ самомъ дѣлѣ очень деликатно, но зато онъ оттуда ничего хорошаго не увидитъ, да и на себя не даетъ намъ полюбоваться. А это досадно.

Только не нужно было досадовать: въ эту самую минуту,

глядя по направленію, гдѣ стояли лошади, я безъ всякаго затрудненія увидалъ высокаго, немножко сутуловатаго, но браваго мужчину, въ синей австрійской курткѣ и въ простомъ военномъ кепи.

Это и былъ его апостолическое величество, старшій членъ дома Габсбурговъ, царствующій императоръ Францъ-Іосифъ. Онъ былъ совершенно одинъ и шелъ прямо къ расположеннымъ на лужайкѣ столамъ, за которыми сидѣли вѣнскіе сапожники. Императоръ подошелъ и у перваго стола сѣлъ на скамейку съ краю, рядомъ съ высокимъ работникомъ въ свѣтло-сѣрой блузѣ, а толстый кельнеръ въ ту же самую секунду положилъ передъ нимъ на столъ черный войлочный кружочекъ и поставилъ на него мастерски вспѣненную кружку пива.

Францъ-Іосифъ взялъ кружку въ руки, но не пилъ; пока длился танецъ, онъ все держалъ ее въ рукѣ, а когда чардашъ былъ оконченъ, императоръ молча протянулъ свою кружку къ сосѣду. Тотъ сразу понялъ, что ему надо сдѣлать: онъ чокнулся съ государемъ и сейчасъ же, оборотясь къ другому сосѣду, передачею чокнулся съ нимъ. Съ этимъ вразъ, сколько здѣсь было людей, всѣ встали, всѣ чокнулись другъ съ другомъ и на всю поляну дохнуло общее, дружное «Hoch!» Это «hoch» здѣсь кричатъ не громко и безъ раскатовъ, а такъ, какъ будто хорошо вздохнутъ отъ сердца.

Императоръ осушилъ кружку за единый вздохъ, поклонился и ушелъ.

Буланые кони умчали его назадъ тою же дорогою, по которой, вслѣдъ за нимъ, уѣхали и мы. Но съ нами теперь ѣхала значительная сила произведеннаго этимъ случаемъ впечатлѣнія, и вся она мѣстилась главнымъ образомъ въ Аннѣ Фетисовнѣ. Дѣвушка, къ немалому нашему удивленію, *плакала!*.. Она сидѣла передъ нами, закрывъ глаза бѣлымъ носовымъ платкомъ, и прижимала его руками.

— Анна Фетисовна! что съ вами?— отнеслась къ ней съ доброй и ласковой шуткой княгиня.

Та продолжала плакать.

— О чемъ вы плачете?

Анна Фетисовна открыла глаза и проговорила:

— Такъ,—ни о чемъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Дѣвушка глубоко вздохнула и отвѣчала:

— Ихняя простота мнѣ трогательна.

Княгиня подмигнула мнѣ и, шутя, сказала:

— Toujours servile! C'est ainsi que l'on arrive aux cieux.

Но шутка какъ-то не бралась за сердце. Волненіе Анны Фетисовны давало иной смыслъ этому пустому случаю.

Мы возвратились въ отель и застали здѣсь еще одного гостя. Это былъ австрійскій баронъ, который собирался въ Россію и учился по-русски. Мы пили чай, а Анна Фетисовна намъ прислуживала. Говорили о многомъ: о Россіи, о петербургскихъ знакомыхъ, о курсѣ нашихъ денегъ, о томъ, кто у насъ всѣхъ лучше проворовался, и, наконецъ, о нашей сегодняшней встрѣчѣ съ Францомъ-Іосифомъ.

Весь разговоръ шелъ по-русски, такъ что Анна Фетисовна должна была все отъ слова до слова слышать.

Княгиня разсказывала мнѣ не совсѣмъ «легальныя» вещи изъ придворныхъ буколикъ и политическихъ рапсодій. Баронъ улыбался.

Всего этого я не имѣю нужды вспоминать, но одно считаю умѣстнымъ замѣтить, что многія черты характера австрійскаго императора собесѣдница моя старалась мнѣ истолковать въ смыслѣ исканія *популярности*.

Этотъ трактатъ о популярности или, вѣрнѣе сказать, о популярничаньи, былъ развитъ съ особою подробностію и съ примѣрами, въ числѣ коихъ опять выпрыгнула сегодняшняя кружка пива. И, —моя вина, если я ошибаюсь,— мнѣ казалось, что это дѣлалось гораздо менѣе для насъ, чѣмъ для Анны Фетисовны, которая во все время то входила, то выходила, подавая что-нибудь нужное своей госпожѣ.

Это былъ какой-то женскій капризъ, который увлекъ мою соотечественницу до того, что она перешла отъ императора къ народу или къ народамъ, къ австрійцамъ и къ намъ. Ей даже нравилось, какъ «вѣнскіе сапожники» держали себя «*съ достоинствомъ*», и затѣмъ она быстро переносилась на родину, къ нашимъ русскимъ людямъ, къ ихъ пирамъ и забавамъ, къ зелену-вину, и опять къ слезамъ и къ разстройству впечатлительной Анны Фетисовны.

Это уже говорилось по-французски, но баронъ все-таки только продолжалъ улыбаться.

— Мы еще спросимъ у моей почтенной Жанны ея мнѣ-

нія,—сказала княгиня и, когда дѣвушка пришла за чашкою, хозяйка сказала:

— Анна Фетисовна, вамъ вѣдь сегодня очень понравился здѣшній король?

— Да-съ, очень понравился,—скоро отвѣчала Анна Фетисовна.

Княгиня шепнула мнѣ: «она злится», и продолжала вслухъ:

— А какъ вы думаете, если бы онъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву, подъ качели?

Дѣвушка молчала.

— Вы не хотите съ нами говорить?

— Для чего же ему къ намъ, въ Москву, пріѣзжать?

— Ну, а если бы взялъ да и пріѣхалъ? Какъ вы думаете: присѣлъ ли бы онъ къ нашимъ мужичкамъ?

— Зачѣмъ же ему къ нашимъ присѣдать, когда у него свои есть,—отвѣчала Анна Фетисовна и поспѣшно ушла съ пустою чашкою въ свою комнату.

— Она положительно злится, — сказала по-французски княгиня, и добавила, что Анна Фетисовна пламенная патріотка и страдаетъ страстію къ обобщеніямъ.

Баронъ все улыбался и скоро ушелъ. Я ушелъ часомъ позже.

Когда я простился, Анна Фетисовна, со свѣчою въ рукѣ, пошла проводить меня по незнакомымъ переходамъ отеля до лѣстницы и неожиданно сказала:

— И вы, сударь, согласны съ тѣмъ, что нашей природы всѣ люди безъ достоинства?

— Нѣтъ, говорю,—не согласенъ.

— А зачѣмъ же вы ничего не сказали?

— Не хотѣлъ напрасно спорить.

— Ахъ, нѣтъ, сударь, это бы не напрасно... И еще при чужомъ баронѣ... Для чего всегда о своихъ такъ обидно! Будто намъ что дурное, а не хорошее нравится.

Мнѣ стало ее жалко, да передъ нею и совѣстно.

Заграничное мое странствованіе продолжалось недолго. Осенью я уже былъ въ Петербургѣ и однажды въ одномъ изъ переходовъ гостинаго двора неожиданно встрѣчаю Анну Фетисовну съ корзинкою гаруснаго вязанья.

Поздоровались и я ее спрашиваю о княгинѣ, а Анна Фетисовна отвѣчаетъ:

— Я о княгинѣ, сударь, ничего не знаю — мы съ нею разстались.

— Неужели тамъ, за границею?

— Да, я одна вернулась.

Зная ихъ долголѣтнюю привычку, почти, можно сказать, дружбу, я выразилъ непритворное удивленіе и спросилъ:

— Изъ-за чего же вы разстались?

— Вы эту причину знаете: при васъ было...

— Неужели изъ-за австрійскаго императора?

Анна Фетисовна минуту промолчала, а потомъ вдругъ отрѣзала:

— Что же мнѣ вамъ сказывать: сами видѣли... Онъ очень вѣжливый и въ томъ ему честь, а мнѣ за княгиню больно стало—за ихъ необразованіе.

— Да что же тутъ касалось образованія княгини?

— А то, что *онъ*, король, да умѣлъ какъ сдѣлать, встали да сѣлъ со всѣми заровно, а мы, какъ статуи, въ коляскѣ напоказъ выпятились и сидѣли. Всѣ насъ и осмѣяли.

— Я, говорю,—не видалъ, чтобы тамъ надъ нами смѣялись.

— Нѣтъ-съ, не тамъ, а въ гостиницѣ — и швейцаръ, и всѣ люди.

— Что же они вамъ говорили?

— Ничего не говорили, потому что я по-ихнему не понимаю, а я въ глазахъ ихъ видѣла, какъ они не уважаютъ нашу необразованность.

— Ну-съ, и этого вамъ было довольно, чтобы разстаться съ княгиней!

— Да... что же... чего удивительно, когда Господь точно смѣсилъ намъ языки, и мы не стали ни въ чемъ понимать другъ друга... Нельзя оставаться, когда во всѣхъ нашихъ мысляхъ стало несогласно, я и отпросилась сюда. Не хочу больше служить: живу по своей сѣрой природѣ.

Въ этой «природѣ» чувствовалось настоящее *достоинство*, съ которымъ ей тяжка необразованность.

Княгиня недаромъ называла ее «пламенною патріоткою».

БЕЗСТЫДНИКЪ.

Мы выдержали въ морѣ штормъ на самомъ утломъ суденышкѣ, недостатковъ котораго я, впрочемъ, не понималъ. Ставъ на якорь, въ какіе-нибудь полчаса матросы все привели въ порядокъ, и мы тоже всѣ сами себя упорядочили, пообѣдали, чѣмъ Богъ послалъ, и находились въ нѣсколько праздничномъ настроеніи.

Насъ было немного: командиръ судна, два флотскихъ офицера, штурманъ, да я и старый морякъ Порфирій Никитичъ, съ которымъ мы были взяты на это судно просто ради компаніи, «по знакомству», —провѣтриться.

На радостяхъ, что бѣда сошла съ рукъ, всѣ мы были словоохотливы и разболтались, а темой для разговора служила, конечно, только-что прошедшая непогода. По поводу ея припоминали разные болѣе серьезные случаи изъ морской жизни, и незамѣтно заговорили о томъ, какое значеніе имѣетъ море на образованіе характера человѣка, вращающагося въ его стихіи. Разумѣется, среди моряковъ море нашло себѣ довольно горячихъ апологетовъ, выходило, что будто море едва ли не панацея отъ всѣхъ золъ, современнаго обмелѣнія чувствъ, мысли и характера.

— Гмъ! —замѣтилъ старикъ Порфирій Никитичъ: — что же? это хорошо: значитъ, все очень легко поправить: стоитъ только всѣхъ, кто на землѣ очень обмелѣлъ духомъ, посадить на корабли, да вывесть на море.

— Ну, вотъ какой вы сдѣлали выводъ!

— А что же такое?

— Да мы такъ не говорили: здѣсь шла рѣчь о томъ, что море воспитываетъ постояннымъ обращеніемъ въ морской жизни, а не то, что взялъ человѣка, всунулъ его въ морской мундиръ, такъ онъ сейчасъ и перемѣнится. Разумѣется, это, что вы выдумали,—невозможно.

— Позвольте, позвольте,—перебилъ Порфирій Никитичъ:—во-первыхъ, это совсѣмъ не я выдумалъ, а это сказалъ одинъ историческій мудрецъ.

— Ну, къ чорту этихъ классиковъ!

— Во-первыхъ, мой историческій мудрецъ былъ вовсе не классическій, а русскій и состоялъ на государственной службѣ по провіантской части; а во-вторыхъ, все то, что имъ было на этотъ счетъ сказано, въ свое время было публично признано за достовѣрную и несомнѣнную истину въ очень большой и почтенной компаніи. И я, какъ добрый патріотъ, хочу за это стоять, потому что все это относится къ многосторонности и талантливости русскаго человѣка.

— Нельзя ли разсказать, что это за историческое свидѣтельство?

— Извольте.

Прибывъ вскорѣ послѣ Крымской войны въ Петербургъ, я разъ очутился у Степана Александровича Хрулева, гдѣ встрѣтилъ очень большое и пестрое собраніе: были военные разнаго оружія и между ними нѣсколько нашихъ черноморцевъ, которые познакомились со Степаномъ Александровичемъ въ севастопольскихъ траншеяхъ. Встрѣча съ товарищами была для меня, разумѣется, очень пріятна и мы, моряки, засѣли за особый столикъ: бесѣдуемъ себѣ и мочимъ губы въ хересѣ. А занятія на хрулевскихъ вечерахъ были такія, что тамъ всѣ по преимуществу въ карты играли и притомъ «по здоровой», «и приписывали и отписывали они мѣломъ и такъ занимались дѣломъ». Храбрый покойничекъ, не тѣмъ онъ будь помянутъ, любилъ сильныя ощущенія, да это ему о ту пору было и необходимо. Ну а мы, моряки, безъ картъ обходились, а завели дискурсы и, какъ сейчасъ помню, о чемъ у насъ была рѣчь: о книгѣ, которая тогда вышла, подъ заглавіемъ «Изнанка Крымской войны». Она въ свое время большого шума надѣлала.

и всѣ мы ея тогда только-что поначитались и были ею сильно взволнованы. Оно и понятно: книга трактовала о злоупотребленіяхъ, бывшихъ причиною большинства нашихъ недавнихъ страданій, которыя у всѣхъ участвовавшихъ въ севастопольской оборонѣ тогда были въ самой свѣжей памяти: все шевелило самыя живыя раны. Главнымъ образомъ книга обличала воровство и казнокрадство тѣхъ комиссаріатщиковъ и провіантщиковъ, благодаря которымъ намъ не разъ доводилось и голодать, и холодать, и сохнуть, и мокнуть.

Естественное дѣло, что печатное обличеніе этихъ гадостей у каждаго изъ насъ возбудило свои собственныя воспоминанія и подняло давно накипѣвшую желчь: ну, мы, разумѣется, и пошли ругаться. Занятіе самое компанское: сидимъ себѣ, да оныхъ своихъ благодѣтелей изъ подлеца въ подлеца переваливаемъ. А тутъ мой сосѣдъ, тоже нашъ черноморскій, капитанъ Евграфъ Ивановичъ (необыкновенно этакій деликатный былъ человѣкъ, самаго еще добраго морского закала), львенокъ нахимовскій, а доброты преестественной и немножко заика, ловитъ меня подъ столомъ рукою за колѣно и весь ежится...

— Что такое, думаю:—чего ему хочется?

— Извините, говорю,- мой добрѣйшій. Если вамъ что-нибудь нужно по секрету—кликните слугу: я здѣсь тоже гость и всѣхъ выходовъ не знаю. А онъ заикнулся и опять за свое. А я вѣдь по глупости своей пылокъ, гдѣ не надо, да и разгоряченъ былъ всѣми этими воспоминаніями-то, и притомъ же я еще чертовски щекотливъ, а Евграфъ Ивановичъ меня этакъ какъ-то не смѣло, щекотно, пальцами за колѣно забираетъ, совершенно будто теленокъ мягкими губами жеваться хочетъ.

— Да перестаньте же, говорю, Евграфъ Ивановичъ, что вы это еще выдумали? Я вѣдь не дама, чтобы меня подъ столомъ за колѣно хватать, —можете мнѣ ваши чувства при всѣхъ открыть. А Евграфъ Ивановичъ, милота безцѣнная, еще больше сконфузился и шепчетъ:

— Бе-е-е-зстыд-ы-никъ, говоритъ.—вы, Порфирій Никитичъ.

— Не знаю, говорю, — мнѣ кажется, что вы больше безстыдникъ. Съ вами, того и гляди, попадешь еще въ

подозрѣніе въ принадлежности къ какой-нибудь вредной сектѣ.

Ка-а-а-къ вамъ... ра-а-звѣ можно, можно та-а-къ про интендантовъ съ комиссіонерами гово-орить?

А вамъ, спрашиваю, что за дѣло за нихъ заступаться?

Я а-а за нихъ не за-а-а-ступа-а-юсь,— еще тише шепчетъ Евграфъ Ивановичъ,—а развѣ вы не видите, кто тутъ за два шага за вашей спиной сидитъ?

— Кто тамъ такой у меня за спиной сидитъ?—я не виноватъ: у меня за спиной глазъ нѣтъ.

А самъ за этимъ оборачиваюсь и вижу: сзади меня за столикомъ сидитъ въ провіантскомъ мундирѣ этакая огромная туша—совершенно какъ Гоголь сказалъ,—свинья въ ермолкѣ. Сидитъ и рѣжется, подлецъ, по огромному кушу и съ самымъ этакимъ возмутительнымъ для нашего брата-голяка спокойствіемъ: «дескать намъ что проиграть, что выиграть—все равно: мы вѣдь это только для своего удовольствія, потому у насъ житница уготована: пей, ѣшь и веселись!» Ну, словомъ сказать, все нутро въ бѣдномъ человѣкѣ поднимаетъ!

— Ишь ты, говорю, — птица какая! Какъ же это я раньше его не замѣтилъ! И, знаете, завидѣвъ врага воочію-то, чортъ знаетъ, какимъ духомъ занялся, и вмѣсто того, чтобы замолчать, еще громче заговорилъ въ прежнемъ же родѣ, да началъ нарочно, какъ умѣлъ, посолонѣе пересаливать.

— Разбойники, говорю, — кровопійцы эти ненасытныя, интендантскія утробы! Въ то самое время, какъ мы, бѣдные офицеры и солдаты, кровь свою, можно сказать, какъ бурачный квасъ изъ втулки въ крымскую грязь цѣдили, а они насъ же обкрадывали, свои плутовскіе карманы набивали, домы себѣ строили, да имѣнья покупали!

Евграфъ Ивановичъ такъ и захлебывается шопотомъ:

— Пе-е-рестаньте!

А я говорю:

— Чего перестать? Развѣ это неправда, что мы съ голоду мерли: тухлую солонину да капусту по ихъ милости жрали: да соломой вмѣсто горпіи раны перевязывали, а они хересъ да дрей-мадеры распивали?

И все, знаете, въ этомъ родѣ на ихъ счетъ разъѣзжаю. Собесѣдники мои, видя, что я въ такомъ азартѣ, уже меня не трогаютъ, а только, кои повеселѣе, посмѣиваются да ноготками объ рюмки съ хересомъ пощелкиваютъ, а милота моя, застѣнчивый человѣкъ, Евграфъ Ивановичъ, весь стыдомъ за меня проникся,—набралъ со стола полную горсть карточныхъ двоекъ, растопырилъ ихъ въ обѣихъ рукахъ вѣеромъ, весь ими закрылся и шепчетъ:

— Ахъ, Порфирій Никитичъ, ахъ, без-з-зстыд-д-дникъ какой, что-о-о онъ разсказываетъ! Въ ва-съ со-о-страданія нѣтъ...

Меня эта краснодѣвственность его еще больше взорвала.

— Вотъ такъ, думаю,—у насъ всегда, у русскихъ: правый, съ чистой совѣстью, сидитъ да краснѣетъ, а нахалъ прожженый, какъ вороватый кухонный котъ-васька, знай уписываетъ, что стянулъ, и ухомъ не ведетъ.

И съ этимъ оглянулся назадъ, гдѣ за столомъ сидѣлъ раздражавшій меня провіантщикъ, и вижу, что онъ и точно ухомъ не ведетъ. Чтобы онъ не слыхалъ этого моего широковѣщанія насчетъ всей его почтенной корпораціи,—этого и быть не могло; но сидитъ себѣ, какъ сидѣлъ, куритъ большую благовонную регалію да козыряетъ. И, какъ все у человѣка очень много зависитъ отъ настроенія, то ужъ мнѣ кажется, что и козыряетъ-то, или, просто сказать, картами ходитъ онъ какъ-то особенно противно: такъ это, знаете, какъ-то ихъ словно отъ себя, и пальцемъ не шевеля, повыриваетъ: «дескать, на, вамъ, сволочи,—мнѣ все это наплевать». Еще онъ мнѣ этимъ сталъ отвратительнѣе черезъ то, что какъ будто онъ же надо мною своимъ спокойствіемъ нѣкотораго верха бралъ: я надрываюсь, задираю, гавкаю на него, какъ шавка на слона, а онъ и ухомъ не хлопнетъ. Я и полѣзъ еще дальше.

— Ну, такъ врешь же, думаю,—волкъ тебя ѣшь! Ты у меня повернешься; я, братъ, человѣкъ русскій, и церемониться не стану; пріятенъ или непріятенъ буду хозяину, а ужъ я тебя жигану. И жиганулъ: все, что зналъ о немъ лично, все въ нехитромъ иносказаніи и пустилъ.

— Мы, говорю,—честные русскіе люди, которыхъ никто не смѣетъ воровствомъ укорить, мы израненные, искалѣченные послѣ войны еще и мѣста себѣ нигдѣ добиться не можемъ, намъ и женъ прокормить не на что, а этимъ прото-

канальямъ, какъ они по части хантусъ гевезенъ отличаются, все такъ и садитъ: и въ мирное время имъ есть мѣсто на службѣ и даже есть мѣсто въ обществѣ, и жены у нихъ въ шелку да въ бархатѣ, а фаворитки еще того авантажнѣе...

Шумѣлъ я, шумѣлъ, болталъ, болталъ и уморился... Уже у меня и словъ, и голосу стало недоставать, а онъ всетаки ничего. Просто весь преферансъ на его сторонѣ: даже Евграфъ Ивановичъ это замѣтилъ и начинаетъ надо мной подтрунивать.

— А что-о-о? шепчетъ,— что-о-о вы, ба-ба-ба-тенька, своимъ безстыдствомъ взяли?

— Что, отвѣчаю,— вы еще тутъ со своимъ «ба-ба-батенька»,—уже сидите лучше смирно.

А самъ, знаете, откровенно сказать, дѣйствительно чувствую себя сконфуженнымъ. Но все это были-съ еще цвѣточки, а ягодки ждали меня впереди.

Игра передъ ужиномъ кончилась и за столомъ стали разсчитываться: провіантщикъ былъ въ огромнѣйшемъ выигрышѣ и вытащилъ изъ кармана престоранный толстый бумажникъ, полненькъ сотенными, и еще къ нимъ приложилъ десятка два выигрышныхъ, и все это опять съ тѣмъ же невозмутимымъ, но возмутительнымъ спокойствіемъ въ карманъ спряталъ.

Ну, тутъ и всѣ встали и начали похаживать. Въ это время подходитъ къ нашему столу хозяинъ и говоритъ:

— А вы что, господа, все, кажется, бездѣльничали да злословили?

— А вамъ, говорю,—развѣ слышно было?

— Ну, еще бы, говоритъ, не слышно: ваша милость точно на кораблѣ орали.

— Ну, вы, прошу, Степанъ Александровичъ, пожалуйста, меня простите.

— Что же вамъ прощать; Богъ васъ проститъ.

— Не выдержалъ, говорю,—не стерпѣлъ.

— Да вѣдь развѣ утерпишь?

Увидалъ, говорю,—все внутри и задвигалось, и хотя чувствовалъ, что противъ васъ недолжно поступаю...

— А противъ меня-то что же вы такое сдѣлали?

— Да вѣдь онъ вашъ гость...

— Ахъ, это-то... Ну, батюшка, что мнѣ до этого; мало ли кто ко мнѣ ходитъ: учрежденъ ковчегъ, и лѣзетъ всякой твари по парѣ, а нечистыхъ паръ и по семи. Да и притомъ этотъ Анемподистъ Петровичъ человѣкъ очень умный, онъ на такіе пустяки не обидится.

— Не обидится?—спрашиваю съ удивленіемъ.

— Конечно, не обидится.

— Значитъ, онъ мѣдный лобъ?

— Ну, вотъ ужъ и мѣдный лобъ! Напротивъ, онъ человѣкъ довольно чувствительный; но уменъ и имѣетъ очень широкій взглядъ на вещи; а, къ тому же, ему это, небось, вѣдь и не первоучина: онъ, можетъ-быть, и битъ бывалъ; а что ругать, такъ ихъ брата теперь вездѣ ругаютъ.

— А они всюду ходятъ?

— Да отчего же не ходить, если пускаютъ и еще зовутъ?

Меня зло взяло уже на самого хозяина.

— Вотъ то-то у насъ, говорю, ваше превосходительство, и худо, что у насъ дрянныхъ людей вездѣ ругаютъ и всюду принимаютъ. Это еще Грибоѣдовъ замѣтилъ, да и до сихъ поръ это все такъ продолжается.

— Да и впередъ продолжаться будетъ, потому что иначе и не можетъ быть.

— Полноте, говорю я съ неподдѣльной грустью,—отчего же это, напримѣръ, въ Англіи... (которою всѣ мы тогда бредили подъ вліяніемъ катковскаго «Русскаго Вѣстника»).

Но чуть я только упомянулъ объ Англіи, Степанъ Александровичъ окинулъ меня своимъ тяжелымъ взглядомъ и перебилъ:

— Что это вы катковскаго туману намъ напустить хотите? Англія намъ не примѣръ.

— Отчего, развѣ тамъ ангелы живутъ, а не люди?

— Люди-то тоже люди, да у нихъ другіе порядки.

— Я, говорю,—политики не касаюсь.

— И я ея не касаюсь: мы вѣдь, слава Богу, русскіе мужики, а не англійскіе лорды, чтобы намъ обременять свои благородныя головы политикою! А что въ Англіи можетъ быть честныхъ или по крайней мѣрѣ порядочныхъ людей побольше, чѣмъ у насъ, такъ это ваша правда. Тутъ и

удивляться нечего. Тамъ честнымъ человѣкомъ быть выгодно, а подлецомъ невыгодно.—ну, вотъ они тамъ при такихъ порядкахъ и развелись. Тамъ вѣдь еще малое дитя воспитываютъ, говорятъ ему: «будь джентльменъ» и толкуютъ ему, что это такое значитъ; а у насъ твердятъ: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Ну, дитя смышлено: оно и смекаетъ, что ему дѣлать. Вотъ оно такъ и идетъ. Надо все это представлять себѣ благоразумно, съ точки зрѣнія выгоды, а не по-вашему, какъ у васъ тамъ на морѣ,—все идеальничаютъ. Зато вы никуда и негодны.

— Это, говорю,—почему мы никуда негодны?

— Да, такъ, негодны: не къ масти, да и баста: подпка я сунься куда-нибудь, напримѣръ, васъ на службу теперь рекомендовать съ такой рѣчью: «что вотъ, молъ, черноморскій офицеръ и честнѣйшій человѣкъ: ни самъ не своруетъ, ни другому не дастъ своровать, а за правду шумъ и крикъ подниметъ».— я и васъ не опредѣлю, да и себя скомпрометирую: меня за васъ дуракомъ назовутъ. Скажутъ: «хорошъ вашъ молодецъ, да намъ такого ненадобѣ, намъ похуже надобѣ»,—и я за васъ никуда просить и не пойду, а вотъ за него-то, за этого барина (хозяинъ кивнулъ на стоящаго у закуски провіантщика), за него я куда вамъ угодно полѣзу, потому что при нашихъ порядкахъ это люди ходкіе и всякій за нихъ можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ.

— Что же это развѣ, говорю,— такъ и должно быть?

— А разумѣется, такъ должно быть, потому что онъ человѣкъ очень ловкій и на все податливый, а это всякому интересно и всякій смекаетъ, на что онъ ему можетъ пригодиться: а вы на что кому нужны? Вы съ правдою-то съ своею со всѣми перессоритесь, а потому вашего брата только и остается, что съ берега опять за хвостъ, да назадъ на корабль перекинуть, чтобы вы тутъ на сушѣ не пылились.

— Замѣтьте это себѣ, господа,—подчеркнулъ Порфирій Никитичъ, вѣдь это я вамъ не вру, не сочиненіе для забавы вашей сочиняю, а передаю вамъ слова человѣка историческаго, которыя непремѣнно должны имѣть свое историческое значеніе, хотя если не въ учебной исторіи,

то, по крайней мѣрѣ, въ устныхъ преданіяхъ нашей морской семьи. Такъ, господа, смотрѣли тогда на насъ, какъ на людей вокругъ себя чистыхъ и... этакъ, знаете, всесовершенно чистыхъ... Ну, да все это въ скобкахъ; а я обращаюсь опять къ своей исторіи на закускѣ у Хрулева.

— Такъ-то, благодѣтель мой,—похлопавъ меня по плечу, дружески заключилъ Степанъ Александровичъ,—вѣкъ идеаловъ прошелъ. Нынче даже кто и совсѣмъ по-латыни не знаетъ и тотъ говоритъ suum cuique,—пойдемте-ка лучше закусывать, а то вотъ на этотъ счетъ Анемподистъ Петровичъ ужъ настоящая свинья: онъ, пожалуй, одинъ всю семгу слопаетъ, а семушка хорошая: я самъ у Смурова на Морской съ пробы взялъ. Кстати я васъ съ нимъ тутъ у закуски и познакомлю.

— Съ кѣмъ это?

— Съ Анемподистомъ Петровичемъ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю-съ.

— Что же? Неужели не желаете?

— Отнюдь не желаю.

— Жаль: большого ума человѣкъ, почти, можно сказать, государственнаго и, въ то же время, знаете, чисто русскій человѣкъ: далеко вглубь видитъ и далеко пойдетъ.

— Ну, Богъ съ нимъ.

— Да, разумѣется, а только человѣкъ пріятный и поучительный.

— Еще чего, думаю, въ немъ отыскалъ: даже и поучительности! Тьфу!

Мы подошли къ закусочному столу и вмѣшались въ толпу, въ которой ораторствовалъ учительный Анемподистъ Петровичъ. Онъ занималъ центръ. Я сталъ прислушиваться, что такое вѣщаетъ этотъ «учитель».

Онъ, однако, сначала все говорилъ просто насчетъ семги: но, дѣйствительно, говорилъ очень основательно и съ большимъ знаніемъ предмета. Мнѣ все это казалось свойствомъ, которое каждому порядочному человѣку можетъ внушить омерзѣніе.

Онъ и сосалъ, и чмокалъ, и языкомъ по нёбу сластилъ, и губами причавкивалъ, и все это, чтобы тоньше развѣдать и вѣрнѣе оцѣнить эту семгу. Смакуетъ ее, а самъ сквозь зубы, какъ гоголевскій Пѣтухъ, разсказываетъ:

— М... и... и... да... недурна... очень недурна, можно даже сказать хороша...

Кто-то замѣчаетъ:

— Даже очень хороша.

— М... и... да... пожалуй... м... и... ничего... мягкотѣла...

— Просто что твое масло.

— М... да... масляниста...

— Ишь вы какъ скупо хвалите-то,—замѣчаетъ опять какой-то полковникъ со шрамомъ черезъ весь лобъ и переносье,—а намъ послѣ крымской гнили-то все хорошо кажется,—тамъ вѣдь ничего этого нельзя было достать.

— М... и... ну... отчего же... нѣтъ, мы и тамъ м... и... тоже получали...

— Зато, я думаю, какою цѣною!

— М... и... да, разумѣется... обходилось... но въ довольномъ количествѣ... доставали для себя... Черезъ Кіевъ... отъ купца Покровскаго выписывали... хорошая была семга, такъ и называли «провіантская»... Свѣтлѣйшему къ столу... м... и... тоже онъ доставлялъ... Покровскій... Только та, разумѣется, была похуже, потому что ему эту цѣну не смѣли ставить, ну, а наши... ничего—платили.

———

Полковникъ со шрамомъ даже вздохнулъ.

— У васъ денегъ много было, говоритъ,—и вы не знали, куда ихъ дѣвать.

— Да, иные, точно, терялись отъ непривычки... м... и... одинъ, я помню, у насъ... мн... слыхалъ про «штофные карманы» и велѣлъ портному, чтобы тотъ ему штофные карманы поставилъ, и вышла глупость... портной ему изъ штофной матеріи и сдѣлалъ... Очень смѣялись.

— А это въ чемъ же дѣло было?

— Чтобы объемомъ штофъ вмѣщался... м... и... потому у насъ... м... и... бумажники были... м... такіе большіе...

— Ахъ ты, думаю, рожа этакая богопротивная! И еще этакъ безсовѣстно обо всемъ разсказываетъ.

А онъ продолжаетъ про какого-то инаго же провіантника, или комиссариника, который въ эту ужасную пору, среди всеобщихъ страданій и военной нужды, еще хуже потерялся.—«вдругъ, говоритъ, совсѣмъ со вкуса сбился, чортъ знаетъ, что лопать началъ».

— Ахъ, думаю, отлично. Всѣмъ бы вамъ этакъ сбиться и «чортъ знаетъ, что лопатъ»; но это «чортъ знаетъ, что» вышло совсѣмъ неожиданное.

— Всегда квасъ, говоритъ, — любилъ и одинъ квасъ и употреблялъ. Изъ послѣдовательныхъ людей былъ — семинарскаго воспитанія... Его отецъ былъ протопопъ и извѣстный проповѣдникъ, и такой завѣтъ ему завѣщалъ, что если есть средства на вино, то пить пиво, есть на пиво — пить квасъ, а есть на квасъ—пить воду. Онъ все и пилъ квасъ, и другого не хотѣлъ, но только во время военныхъ дѣйствій сталъ шампанское въ свой квасъ лить...

— Какъ же это?

— Такъ... м... н... Пополамъ тростилъ: полстакана квасу нальетъ и полстакана шампанскаго... вмѣстѣ смѣшаетъ и пьетъ.

— Экая свинья! — прошепталъ я, но такъ неосторожно, что Анемподистъ Петровичъ это услышалъ и, взглянувъ въ мою сторону, отозвался:

— Да, ничего себѣ, хамламе порядочный; но, однако, я вамъ долженъ сказать, что шампанское съ квасомъ это совсѣмъ не такъ дурно, какъ вы думаете... У насъ это, у провіантскихъ, въ военное время даже въ моду... вошло... М... н... очень многіе изъ нашихъ даже до сихъ поръ продолжаютъ... привыкли... Иностранцы не могутъ... пробовали ихъ для шутки пить, такъ они... того... выплевывали... не могутъ.

— —

Я хоть не иностранецъ, но плюнулъ и хотѣлъ отойти, но въ эту самую минуту этотъ превосходный Анемподистъ Петровичъ вдругъ самымъ непосредственнымъ образомъ оборотился ко мнѣ и говоритъ:

А вотъ, извините меня, сдѣлайте милость, я вамъ тоже, если позволите, хотѣлъ сдѣлать маленькое возраженіе насчетъ русской природы.

Не знаю ужъ, право, съ чего, но я, вмѣсто того, чтобы ему оторвать какую-нибудь грубость, отвѣтилъ:

— Сдѣлайте милость, скажите.

— Я, говоритъ, вкратцѣ—всего только два слова скажу: вы о русскихъ очень неправо и обидно судите.

Я такъ и подскочилъ на мѣстѣ.

— Какъ! Я обидно сужу?

— Да. Я, вотъ, въ карты игралъ, а урывками долго слушалъ, о чемъ вы изволили разсуждать съ товарищами, и мнѣ за всѣхъ своихъ соотечественниковъ очень стало обидно. Повѣрьте, напрасно вы этакъ русскихъ унижаете.

— Кто? Я, говорю,—унижаю?

— А, разумѣется, унижаете: какъ же вы... я долго слушалъ... изволите дѣлить русскихъ людей на двѣ половины: одни, будто, все честные люди и герои, а другіе все воры и мошенники.

— А—а... такъ вотъ что, говорю,—вамъ обидно!

— Нѣтъ-съ, мнѣ за самого себя ровно ничего не обидно, потому что у меня есть свое отцовское, дворянское наставленіе, чтобы ничего непріятнаго никогда на свой счетъ не принимать; а мнѣ за другихъ, за всѣхъ русскихъ людей эта несправедливость обидна. Наши русскіе люди, мнѣ кажется, всѣ *безъ исключенія* ко всякимъ добродѣтелямъ способны. Вы изволите говорить, что когда вы, т. е. вообще строевые воины, свою кровь въ крымскую грязь проливали, такъ мы, провіантщики, въ это время крали да грабили,—это справедливо.

— Да,—отвѣчаю съ задоромъ,—я утверждаю, что это справедливо; и теперь, когда вы объ этомъ подломъ квасѣ съ шампанскимъ разсказали, такъ я еще болѣе убѣждаюсь, какъ я правъ былъ въ томъ, что̀ сказалъ.

— Ну, мы про квасъ съ шампанскимъ оставимъ. — это дѣло вкуса, какъ кому нравится. Король Фридрихъ ассафетиду въ кушаньѣ употреблялъ, но я въ томъ еще большой подлости не вижу. А вотъ насчетъ вашего раздѣла нашихъ русскихъ людей на двѣ такія несходности я не согласенъ. По-моему, знаете, такъ цѣлую половину націи обижать не слѣдуетъ: всѣ мы отъ одного ребра и однимъ муромъ мазаны.

— Ну, это, говорю,—вы извините: мы хоть и всѣ однимъ муромъ мазаны, да не всѣ воры.

Онъ будто немножко не разслышалъ и переспрашиваетъ:

— Что такое?

А я ему твердо въ упоръ повторяю:

— Мы не воры.

— Я это знаю-съ. Гдѣ же вамъ воровать? Вамъ и на-

учиться красть-то до сихъ поръ было невозможно. У васъ еще покойный Лазаревъ честность завелъ, ну она покуда и держится; а что впереди—про то Богъ вѣсть...

— Нѣтъ, это всегда такъ будетъ!

— Почему?

— Потому, что у насъ служатъ честные люди.

— Честные люди! Но я это и не оспариваю. Очень честные, только нельзя же такъ утверждать, что будто одни ваши честны, а другіе безчестны. Пустяки! Я за нихъ заступаюсь!.. *Я за всѣхъ русскихъ стою!..* Да-съ! Повѣрьте, что не вы одни можете только голодать, сражаться и геройски умирать; а мы будто какъ отъ купели крещенія только воровать и способны. Пустяки-съ! Несправедливо-съ! Всѣ люди русскіе и всѣ на долю свою имѣемъ отъ своей богатой натуры на все сообразную способность. Мы русскіе какъ кошки: куда насъ ни брось — вездѣ мордой въ грязь не ударимся, а прямо на лапки станемъ; гдѣ что умѣстно, такъ себя тамъ и покажемъ: умирать — такъ умирать, а красть - такъ красть. Васъ поставили къ тому, чтобы сражаться, и вы это исполнили въ лучшемъ видѣ—вы сражались и умирали героями, и на всю Европу отличились; а мы были при такомъ дѣлѣ, гдѣ можно было красть, и мы тоже отличились и такъ крали, что тоже далеко извѣстны. А если бы вышло, напримѣръ, такое повелѣніе, чтобы всѣхъ насъ переставить одного на мѣсто другого, насъ, напримѣръ, въ траншеи, а васъ къ поставкамъ, то мы бы, воры, сражались и умирали, а вы бы... крали...

Такъ и выпалилъ!

Я было совсѣмъ приготовился ему отрѣзать:

— Какой вы скотина!

Но всѣ пришли въ ужасный восторгъ отъ его откровенности и закричали:

— Браво, браво, Анемподистъ Петровичъ! Безстыдно, но хорошо сказано, — и пошли веселымъ смѣхомъ заливаться, точно не вѣсть какую радость онъ имъ на ихъ счетъ открылъ; даже Евграфъ Ивановичъ и тотъ пустилъ:

— Пра-пра-пра-вда!

А тотъ, мѣдный лобъ, набилъ наново ротъ семгой, и еще началъ мнѣ читать нравоученіе.

— Разумѣется, говоритъ, — если вы раньше всѣ несо-

образности высказали только по своей неопытности, такъ Богъ вамъ это проститъ, но впередъ этакъ съ людьми своей націи не поступайте: зачѣмъ однихъ хвалить, а другихъ порочить: мы положительно всѣ на все способны, и Господь благословитъ, вы еще не умрете прежде, чѣмъ сами въ этомъ убѣдитесь.

Такъ я же виноватъ и остался, и я же еще получилъ отъ этого практическаго мудреца внушеніе, да и при всеобщемъ со всѣхъ сторонъ одобреніи. Ну, понятно, я послѣ такого урока осѣлся со своей прытью и... откровенно вамъ скажу, нынче часто объ этихъ безстыжихъ рѣчахъ вспоминаю и нахожу, что безстыдникъ-то — чего добраго, — пожалуй, былъ и правъ.

Оглавленіе

XVI ТОМА.

стр.

Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:

Очеркъ первый. Бояринъ Никита Юрьевичъ 3

Очеркъ второй. Боярыня Марѳа Андревна 30

Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики 61

Котинъ доилецъ и Платонида 86

Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ. 126

Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній. 148

Пламенная патріотка 157

Безстыдникъ 166

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ЗАХУДАЛЫЙ РОДЪ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

КНЯЗЕЙ ПРОТОЗАНОВЫХЪ.

(Изъ записокъ княжны В. Д. П.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

„Родъ проходитъ и родъ приходитъ,
земля же во вѣкъ пребываетъ".
Екклез. I, 4.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ И ЕЯ ДВОРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родъ нашъ одинъ изъ самыхъ древнихъ родовъ на Руси: всѣ Протозановы по прямой линіи происходятъ отъ первыхъ владѣтельныхъ князей и подъ родовымъ гербомъ нашимъ значится, что онъ намъ не милостью дарованъ, а принадлежитъ «не по грамотѣ». Въ историческихъ разсказахъ о старой Руси встрѣчается не мало именъ нашихъ предковъ и нѣкоторые изъ нихъ воспоминаются съ большимъ одобреніемъ. До Ивана Даниловича Калиты они имѣли свой удѣлъ, а потомъ, потерявъ его, при Иванѣ Третьемъ являются въ числѣ почетныхъ людей Московскаго княжества и остаются на видномъ положеніи до половины царствованія Грознаго. Затѣмъ надъ однимъ изъ нихъ разразилась политическая невзгода и, по обычаямъ того времени, за одного явились въ отвѣтъ всѣ: одни изъ Протозановыхъ казнены, другіе — биты и разосланы въ разныя мѣста. Съ этой поры родъ князей Протозановыхъ надолго исчезаетъ со сцены, и только разъ или два, и то вскользь, при Алексѣѣ Михайловичѣ упоминается въ числѣ «захудалыхъ», но въ правленіе царевны Софіи одинъ изъ этого рода «захудалыхъ князей», князь Леонтій Протозановъ, опять пробился на видъ, и, получивъ въ управленіе одинъ изъ украйныхъ городовъ, сдѣлался «княземъ кормленымъ». Покормился онъ, впрочемъ, такъ неосторожно, что Петръ Великій, довѣдавшись о способѣ его кормленія, отрубилъ ему голову, а животы велѣлъ «поверстать на государя». При этомъ, однако, гнѣвъ государя не былъ не-

репессенъ съ отца на дѣтей, а напротивъ, старшій сынъ казненнаго, Яковъ Леонтьевичъ, былъ взятъ для обученія его всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Яковъ Львовичъ (съ этихъ поръ имя Леонтій въ родѣ Протозановыхъ уступаетъ мѣсто имени Левъ) учился въ Россіи, потомъ за границею и, по возвращеніи оттуда, былъ проэкзаменованъ самимъ царемъ, который остался имъ очень доволенъ и оставилъ его при своей особѣ. Яковъ Львовичъ оказался столь удобнымъ для исполненія различныхъ предначертаній Петровыхъ, что государь отмѣтилъ его своимъ особеннымъ вниманіемъ и повелѣ его отъ чести къ почести, не забывая при этомъ поправлять и его родовую «захудалость». Петръ, однако, не сдѣлалъ нашего прадѣда богачомъ, а именно только вывелъ его изъ «захудалости». Самъ же князь Яковъ Львовичъ не умѣлъ вознаграждать себя: онъ, какъ говорили въ то время, «заразился глупостью Лефорта», то-есть пренебрегалъ способами къ самовознагражденію, а потому и не разбогатѣлъ. Такова была его жизнь до самаго воцаренія Анны Ивановны, когда Яковъ Львовичъ попался на глаза Бирону, не понравился ему и вслѣдъ затѣмъ быстро очутился въ ссылкѣ за Оренбургомъ.

Въ ссылкѣ князь Яковъ Львовичъ, по отеческому завѣту, обратился *къ смиренію*: онъ даже никогда не жаловался на «Нѣмца», а весь погрузился въ чтеніе религіозныхъ книгъ, съ которыми не успѣлъ познакомиться въ юности: велъ жизнь созерцательную и строгую и прослылъ мудрецомъ и праведникомъ.

Князь Яковъ Львовичъ въ моихъ глазахъ прелестное лицо, открывающее собою рядъ чистыхъ и глубоко для меня симпатичныхъ людей въ нашемъ родѣ. Вся жизнь его свѣтла какъ кристаллъ и поучительна какъ сказаніе, а смерть его исполнена какой-то прелестной, умиряющей таинственности. Онъ умеръ безъ всякихъ мученій на свѣтлый день Христова Воскресенья, послѣ обѣдни, за которою самъ читалъ Апостолъ. Возвратясь домой, онъ разговѣлся со всѣми ссыльными и не ссыльными, которые пришли его поздравить, и потомъ сѣлъ читать положенное въ этотъ день всепрощающее поученіе Іоанна Богослова и, при окончаніи чтенія, на послѣднемъ словѣ нагнулся къ книгѣ и *уснулъ*. Кончину его никакъ нельзя назвать смертью: это

именно было успеніе, за которымъ пошелъ вѣчный сонъ праведника.

Въ тотъ же день къ вечеру на имя ссыльнаго былъ доставленъ пакетъ, возвѣщавшій ему прощеніе и возвращеніе, дарованныя волей воцарившейся императрицы Елисаветы: но все это уже опоздало. Князь Яковъ былъ разрѣшенъ небесною властью ото всѣхъ узъ, которыми вязала его власть земная.

Прабабушка наша, Пелагея Николаевна, схоронивъ мужа, вернулась въ Россію съ однимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, а моимъ прадѣдомъ, княземъ Левушкой.

Князь Левушка родился въ ссылкѣ и тамъ же получилъ весь грунтъ своего начальнаго воспитанія непосредственно отъ своего отца, отъ котораго въ замѣчательной степени наслѣдовалъ его превосходныя качества. Вступивъ на службу въ царствованіе Екатерины Второй, онъ не сдѣлалъ себѣ блестящей карьеры, какую ему по началу пророчили. Бабушка моя, княгиня Варвара Никаноровна, говорила о немъ, что «онъ, по тогдашнему времени, былъ не къ масти козырь, презиралъ искательства и слишкомъ любилъ добродѣтель». Лѣтъ въ тридцать съ небольшимъ князь Яковъ Львовичъ вышелъ въ отставку, женился и навсегда засѣлъ въ деревнѣ надъ Окой и жилъ тихою помѣщичьею жизнью, занимаясь въ сторонѣ отъ свѣта чтеніемъ, опытами надъ электричествомъ и записками, которыя писалъ неустанно.

Стараніе этого «чудака» совсѣмъ устранить себя отъ двора и уйти какъ можно далѣе отъ свѣта, съ которымъ онъ не сошелся, увѣнчались для него полнымъ успѣхомъ: о немъ всѣ позабыли, но въ семьѣ нашей онъ высоко чтимъ и преданія о немъ живы о сю пору.

Я съ ранняго моего дѣтства имѣла о князѣ Львѣ Яковлевичѣ какое-то величественное, хотя чрезвычайно краткое представленіе. Бабушка моя, княгиня Варвара Никаноровна, отъ которой я впервые услыхала его имя, вспоминала своего свекра не иначе какъ съ улыбкою совершеннѣйшаго счастья, но никогда не говорила о немъ много, это точно считалось святыней, которой нельзя раскрывать до обнаженія.

Въ домѣ было такъ принято, что если какъ-нибудь въ разговорѣ кто-нибудь случайно упоминалъ имя князя Льва

Яковлевича, то всѣ сію же минуту принимали самый серьезный видъ и считали необходимымъ умолкнуть. Точно старались дать время пронестись звуку священнаго семейнаго имени, не сливая его ни съ какимъ звукомъ иного житейскаго слова.

И вотъ тогда-то, въ эти паузы, бабушка Варвара Никаноровна обыкновенно, бывало, всѣхъ обводила глазами, какъ бы благодаря взглядомъ за уваженіе къ свекру, и говорила:

— Да, чистый былъ человѣкъ, совершенно чистый! Онъ въ случаѣ не былъ и фавору не имѣлъ—его даже недолюбливали, но... его уважали.

И это всегда произносилось старою княгиней одинаково, съ повтореніемъ, при которомъ она употребляла для усиленія выразительности одинъ и тотъ же жестъ.

— Онъ фавору не имѣлъ, — повторяла она, помахивая предъ собою вытянутымъ указательнымъ пальцемъ правой руки.—Нѣтъ, не имѣлъ, но...—Тутъ она круто оборачивала свой палецъ внизъ и со строгимъ выраженіемъ въ лицѣ оканчивала,—но его уважали, и за то не терпѣли.

За этимъ опять шла минута молчанія, послѣ которой бабушка, понюхавъ щепотку табаку изъ жалованной Маріею Ѳеодоровной золотой табакерки, или заговаривала о чемъ-нибудь вседневномъ, или нѣсколько пониженнымъ тономъ добавляла о свекрѣ своемъ слѣдующее:

— Онъ, покойникъ, ни съ кѣмъ не ссорился... Нѣтъ, пріятныхъ императрицѣ людей онъ не критиковалъ и грубости никому не оказывалъ, но ни съ графомъ Валеріаномъ, ни съ княземъ Платономъ домами знакомъ не былъ... Когда нужно было, когда такъ выходило, что они на куртагахъ встрѣчались, онъ имъ кланялся... Понимаете... Какъ должно по этикету... для courtoisie поклонится и отойдетъ; но руки не подавалъ и въ домъ не ѣздилъ. Къ разнымъ бѣднымъ людямъ ѣздилъ и ихъ у себя принималъ, а къ тѣмъ не ѣздилъ; это для нихъ, можетъ-быть, ничего и не значило, а только онъ не ѣздилъ и такъ и въ отставку вышелъ и въ деревню удалился: такъ и умеръ, а всегда говорилъ: «для того, чтобы другіе тебя уважали, прежде самъ въ себѣ человѣка уважай», и онъ въ себѣ человѣка уважалъ, какъ немногіе уважаютъ.

Это говорилось уже давно: послѣдній разъ, что я слы-

шала отъ бабушки эту тираду, было въ сорокъ восьмомъ году, съ небольшимъ за годъ до ея смерти, и я должна сказать, что, слушая тогда ея укоризненное замѣчаніе о томъ, что «такъ немногіе въ себѣ человѣка уважаютъ», я, при всемъ моемъ тогдашнемъ младенчествѣ, понимала, что вижу предъ собою одну изъ тѣхъ, которая умѣла себя уважать.

О ней теперь я и постараюсь записать, что сохранила моя память.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бабушка Варвара Никаноровна происходила изъ самаго незнатнаго рода: она была «мелкая дворянка», по фамиліи Честунова. Бабушка отнюдь не скрывала своего скромнаго происхожденія, напротивъ, даже любила говорить, что она у своего отца съ матерью въ дѣтствѣ нянюшекъ стерегла, но при этомъ всегда объясняла, что «скромный родъ ея былъ хоть тихенькій, но честный и фамилія Честуновы имъ недаромъ росталась, а приросла отъ народнаго прозванія».

Отецъ княгини Варвары Никаноровны былъ очень бѣдный помѣщикъ, убогія поля котораго примыкали къ межамъ князя Льва Яковлевича. Мать бабушкина было очень добрая женщина и большая хозяйка, прославившаяся необыкновеннымъ умѣньемъ дѣлать яблочныя зефирки, до которыхъ жена князя Льва Яковлевича была страстная охотница. На этомъ княгиня и бѣдная дворянка заинтересовались другъ другомъ и, встрѣтясь въ церкви, познакомились, а потомъ, благодаря деревенской скукѣ, скоро сошлись и, наконецъ, нѣжно подружились.

Князь Левъ Яковлевичъ былъ этому чрезвычайно радъ, но онъ находилъ невозможнымъ, чтобы бѣдная дворянка бывала у его жены какъ будто какая-нибудь приживалка, не на равной ногѣ. «Черезъ это люди не будутъ знать какъ ее понимать», разсудилъ онъ, и тотчасъ же надѣлъ свой отставной полковничій мундиръ и регаліи и отправился изъ своего Протозанова къ деревню Дранку съ визитомъ къ бабушкиному отцу.

Въ бѣдныхъ хибарахъ мелкаго сошки всѣ перепугались наѣзда такого важнаго гостя, самъ старикъ Честуновъ едва рѣшился выдѣлать къ князю изъ боковушки въ ни-

зенькую комнату, исправлявшую должность зальцы, но черезъ какіе-нибудь полчаса это все измѣнилось: неравенство исчезло, князь обласкалъ Честунова, обдарилъ прислугу и вернулся домой, привезя рядомъ съ собой въ коляскѣ самого дворянина, а на колѣняхъ его пятилѣтнюю дочку, изъ которой потомъ вышла моя бабушка, княгиня Варвара Никаноровна Протозанова, нѣкогда замѣчательная придворная красавица, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ и расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Честуновы сдѣлались въ домѣ прадѣда своими людьми, а бабушка выросла и воспиталась въ Протозановскомъ домѣ. Ее тамъ чему-то учили, хотя я никогда не могла составить себѣ понятія о ея учености. Она безъ науки знала все, что̀ ей нужно было знать, умѣла всякое дѣло поставить предъ собой такъ, чтобъ обнять его со всѣхъ сторонъ и уразумѣть яснымъ пониманіемъ его смыслъ и значеніе. Изученіемъ же она знала, кажется, только Священное Писаніе, да французскій языкъ. Но зато что̀ она знала, то знала въ совершенствѣ и изъ Священнаго Писанія любила приводить тексты, а по-французски говорила безукоризненно, но только въ случаѣ крайней въ томъ необходимости.

У князя Льва Яковлевича было два сына: Дмитрій и Левъ. Изъ нихъ Дмитрій на девятнадцатомъ году утонулъ, купавшись въ жару въ холодномъ озерѣ, отчего съ нимъ въ водѣ сдѣлались судороги, а князь Левъ Львовичъ на восемнадцатомъ году влюбился въ Варвару Никаноровну, которая, по ея собственнымъ словамъ, въ четырнадцать лѣтъ «была довольно авантажна». Другіе же, напримѣръ, старые люди изъ прислуги княгини, дворецкій ея, Патрикѣй Семенычъ, и горничная, Ольга Ѳедотовна, выражались на этотъ счетъ гораздо рѣшительнѣе; они говорили, что «неописанной красотѣ бабушки и мѣры не было». Это же какъ нельзя болѣе подтверждаетъ и висящій теперь предо мной ея большой портретъ, работы извѣстнаго Лампи. Портретъ писанъ во весь ростъ, масляными красками, и представляетъ княгиню въ то время, когда ей было всего двадцать лѣтъ. Княгиня представлена высокою, стройною брюнеткой, съ большими, ясными голубыми глазами, чистыми, добрыми и необыкновенно умными. Общее выраженіе лица ласковое, но твердое и самостоятельное.

Опущенная книзу рука съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и выступающая однимъ носочкомъ ботинки ножка даютъ фигурѣ мягкое и царственное движеніе. Глядя на этотъ портретъ, я не могу себѣ представить, какъ пылкій и восторженный юноша, какимъ описываютъ моего покойнаго дѣда, могъ не влюбиться въ эту очаровательницу? Притомъ же онъ почти выросъ съ нею подъ однимъ кровомъ, онъ зналъ ея умъ, доброту, благородство ея мыслей и ту утонченную деликатность, которая приковывала къ ней всѣхъ, кто имѣлъ истинное счастіе знать ее. Къ тому же, эта прелестная дѣвушка въ самые ранніе годы своей юности вдругъ совсѣмъ осиротѣла и, оставаясь одна на всемъ свѣтѣ, по самому своему положенію внушала къ себѣ сочувствіе и какъ бы по повелѣнію самой судьбы дѣлалась естественнымъ членомъ семьи призрѣвшихъ ее князей Протозановыхъ. Старики Протозановы такъ на это и смотрѣли, и когда сынъ ихъ Левъ Львовичъ, получивъ чинъ въ гвардіи, пріѣхалъ изъ Петербурга на побывку домой съ тѣмъ же пламенемъ любви къ сироткѣ, съ какимъ четыре года тому назадъ уѣхалъ, то они только обрадовались, что это чувство, выдержавъ испытаніе, остается прочнымъ. А когда молодой князь рѣшился просить ихъ о позволеніи жениться на Честуновой, то они сказали ему, что лучшей себѣ невѣстки, а ему жены, и не предвидѣли. Тутъ же у нихъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и затѣмъ ихъ перевѣнчали и вскорѣ же, не успѣвъ нарадоваться ихъ молодымъ счастіемъ, отпустили ихъ въ Петербургъ.

Года не прошло послѣ этой свадьбы, какъ старики, одинъ вслѣдъ за другимъ, сошли въ могилу, оставивъ бабушку, Варвару Никаноровну, съ ея мужемъ полными наслѣдниками всего состоянія, хотя не особенно богатаго, но, однако, довольно ихъ обезпечивающаго.

Заботливостью полюбившей и взявшей Варвару Никаноровну подъ свое крыло императрицы средства Протозановыхъ были вскорѣ сильно увеличены: дѣдъ получилъ въ подарокъ майоратъ и населенныя земли изъ старыхъ отнятыхъ имѣній и сталъ богатымъ человѣкомъ. Имъ очень везло. Большое уже въ это время состояніе ихъ вскорѣ еще увеличилось самымъ неожиданнымъ образомъ: во-первыхъ, къ нимъ перешли, по наслѣдству, обширныя имѣнія одного

дальняго ихъ родственника, нѣкогда ограбившаго ихъ предковъ и не имѣвшаго теперь, помимо дѣда, никакихъ другихъ ближайшихъ наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, въ старомъ Протозановскомъ лѣсу за Озерною нашли драгоцѣнный кладъ: маленькую пушку, набитую жемчугомъ и монетой, и, вѣроятно, спрятанную кѣмъ-то въ землю отъ разбойниковъ.

Дѣда, любившаго жить пышно, это очень обрадовало, но бабушка, къ удивленію многихъ, приняла новое богатство, какъ Поликратъ свой возвращенный моремъ перстень. Она какъ бы испугалась этого *счастья* и прямо сказала, что это однимъ людямъ сверхъ мѣры. Она имѣла предчувствіе, что за слѣпымъ счастіемъ пойдутъ бѣды.

Однако шли года, никакое несчастіе не приходило: дѣдушка служилъ очень удачно, дѣтей у нихъ было немного: одинъ сынъ и дочь, княжна Настасья Львовна. Эту единственную свою дочь бабушка, въ угожденіе императрицѣ, но противъ своего желанія, должна была записать въ институтъ, и это было для нея первымъ толчкомъ горя въ ея двери. Сынъ, нынѣшній дядя мой, князь Яковъ Львовичъ, былъ гораздо моложе сестры и былъ прекрасный мальчикъ. Словомъ, все было хорошо, но во всемъ этомъ счастіи и удачахъ бабушка Варвара Никаноровна все-таки не находила покоя: ее мучили предчувствія, что вслѣдъ за всѣмъ этимъ невдалекѣ идетъ бѣда, въ которой должна быть испытана ея сила и терпѣніе. Предчувствіе это, перешедшее у нея въ какую-то глубокую увѣренность, ее не обмануло: одновременно съ тѣмъ, какъ благополучнымъ теченіемъ катилось ея для многихъ завидное житье, тѣмъ же теченіемъ наплывалъ на нее и Поликратовъ перстень. Противъ дѣда и жены его, взысканныхъ всѣми милостями рока, подпиналась мелкая зависть, которая зорко слѣдила за пониженіемъ уровня ихъ значенія и, наконецъ, дождалась времени, вполнѣ благопріятнаго для того, чтобы съ ними перевѣдаться. Это созрѣло какъ разъ предъ открытіемъ французской кампаніи, въ которую дѣдушка вступилъ съ своимъ полкомъ и былъ замѣчательно несчастливъ: въ какомъ дѣлѣ онъ ни участвовалъ, непріятель разбивалъ его самымъ роковымъ образомъ.

Бабушка, еще вращавшаяся тогда въ высшихъ кружкахъ, чувствовала, что ея мужу измѣняетъ фортуна, что

онъ входитъ въ немилость, и не стала лавировать и поправлять интригами падающее положеніе, а, разставшись равнодушно со свѣтомъ, уѣхала къ себѣ въ Протозаново съ твердою рѣшимостью не выѣзжать оттуда.

Обстоятельства такъ сложились, что это рѣшеніе ея стало крѣпко.

Ольга Осдотовна, живая хроника, изъ которой я черпаю многія сказанія, касающіяся моего семейства, передавала мнѣ объ этомъ тягостнѣйшемъ періодѣ бабушкиной жизни слѣдующее. Я запишу это словами ея же собственной рѣчи, которую точно теперь слышу.

— Мы пріѣхали-то,—говорила добрая старушка,—такъ тогда домъ былъ совсѣмъ запущенъ. Лѣтъ десять вѣдь никто въ него не заглядывалъ, онъ хоть и крѣпкій былъ, а все сталъ на видъ упадать. Княгиня Варвара Никаноровна и говорятъ: «надо поправить». Мастера и свои, и чужіе были,—ради спѣшки вольныхъ изъ Орла привезли. Княгиня все торопились, потому что словно она ждала какого послѣдняго несчастія надъ дѣдинькой, и хотя сама въ то время въ тягостяхъ была (ожидаемый ребенокъ былъ мой отецъ), но все ходила и настаивала, чтобы скорѣе домъ былъ отдѣланъ. Сами мы всѣ жили въ трехъ комнаткахъ, а для князя она все хотѣла, чтобы весь домъ въ парадѣ былъ, и дума ея сіятельства была такая, что если его еще будетъ преслѣдовать несчастіе, то чтобъ онъ нашелъ какой-нибудь способъ объясниться съ главнокомандующимъ или государю бы все отъ чистаго сердца объяснилъ и вышелъ въ отставку. Я это все знала, потому что княгиня вѣдь со мною, если у нихъ было что на сердцѣ тягостное, все говорили, и тогда, хотя я еще и молоденькая, даже противъ нихъ, дѣвочка была, а они отъ меня не скрывали.

— Я, говоритъ,—Ольга, такъ рѣшила, что лишь бы онъ здоровъ сюда пріѣхалъ, а то ужъ мы отсюда никуда не поѣдемъ. Такъ здѣсь и будемъ жить, какъ свекоръ съ свекровью жили, а то они, эти не понимающіе справедливости и воли Божіей люди, его замучатъ.

Я, разумѣется, успокаивала ихъ и отвѣчала:

— Да, что вы, говорю,—матушка, ваше сіятельство, объ этомъ еще рано такъ много думаете; вѣдь это еще все, Богъ дастъ, можетъ-быть, совсѣмъ иначе пойдетъ и князь,

Господь дастъ, такую побѣду одержатъ, что цѣлое королевство возьмутъ.

А она меня перебиваетъ:

— Молчи, говорятъ, — Ольга, не говори вздора: я не напрасно безпокоюсь, а я это такъ чувствую. Господь мнѣ такъ много счастія далъ, какого я не стоила... ну, что же; а теперь, — изволятъ говорить, — если Ему меня испытать угодно, такъ сердце мое готово.

Я тутъ изъ усердія имъ глупое слово и скажи:

— За что̀ же, говорю, — Онъ станетъ васъ испытывать: развѣ вы кому зло какое-нибудь сдѣлали?

А онѣ и разсердились:

— Ну, въ такомъ разѣ, говорятъ, — отойди лучше отъ меня прочь...

— За что̀ же, говорю, — ваше сіятельство: вы меня простите!

— Да Богъ тебя проститъ, отвѣчаютъ,—но только я не люблю друга-потаковщика, а лучше люблю друга-стрѣчника, и ты мнѣ соблазнъ. Развѣ, благая отъ Бога принимая, злого я не должна безъ ропота стерпѣть? Нѣтъ; ты уйди скорѣе отъ меня: я лучше одна съ моею покорностью хочу остаться!

И прогнали меня съ глазъ, а сами, вижу, вошли въ спальню и на *пріѣдьо* стали. А я въ обидѣ на себя, что княгиню такъ огорчила, прошла поскорѣе чрезъ дѣвичью, чтобы прочія дѣвушки меня не видали, потому что была разстроена, и выскочила, да и стала на вѣтерку, на крылечкѣ. Этакое волненіе на меня нашло, что плачу, точно вблизъ самой себя что̀ ужасное чувствую, а оно такъ и было. Всплакнула я разъ-два и вдругъ всего черезъ одну короткую минуту времени отнимаю отъ глазъ платочекъ и предо мною, смотрю, за кладовыми, за угломъ, стоитъ Патрикѣй Семенычъ и меня потихоньку рукою къ себѣ манитъ. Я какъ его увидала, такъ и затрепетала всѣмъ тѣломъ своимъ и ноги у меня подкосились, потому что знала, что этого быть не можетъ, такъ какъ Патрикѣй Семенычъ съ княземъ находился. Откудова же это онъ могъ сюда прямо съ войны взяться? Вѣрно, думаю, его тамъ въ сраженіи убили, онъ мнѣ здѣсь какъ стѣнь и является, и опять на него взглянула и вижу, что и онъ на меня смотритъ: я вскрикнула и какъ стояла, такъ назадъ и пова-

лилась, потому что все думаю, что это мертвецъ. Но онъ намѣсто того сейчасъ же ко мнѣ подбѣжалъ, подхватилъ меня рукою и шепчетъ:

— Ахъ, что же такое, говоритъ,— Ольга Ѳедотовна, что же дѣлать... полноте!

А я... какъ это услыхала, такъ сердце у меня какъ у зайца и забилось.

— Какъ, говорю,—«что же дѣлать», а гдѣ князь?

А онъ этакъ головою на грудь наклонилъ и отвѣчаетъ:

— Не пугайтесь, говоритъ, — князь приказалъ всѣмъ долго жить; а я одинъ, говоритъ, съ письмомъ его пріѣхалъ, да вотъ уже часа четыре все за кладовыми хожу, васъ изъ-за угла высматриваю: не выйдете ли, чтобы посовѣтываться, какъ легче объ этомъ княгинѣ доложить.

Не знаю ужъ я, матушка, что̀ бъ я ему на это сказала, потому что у меня отъ этихъ его словъ рѣшительно даже никакого послѣдняго ума не стало, но только какъ мы это разговариваемъ, а наверху, слышу, надъ самыми нашими головами окошко шибко распахнулось, и княгиня этакимъ прихрипымъ голосомъ изволитъ говорить:

— Патрикѣй! чего ты тамъ стоишь: иди ко мнѣ сейчасъ!

Я, это-то услыхавши, ну, думаю: ну, теперь все пропало, потому что знаю, какая она въ сердцѣ огненная и какъ она князя любила, и опять этакая еще она молодая и неопытная, да и въ тягости. Ну, думаю, кончено: все сразу собралось и аминь: послалъ ей Господь это такое испытаніе, что она его и не выпесетъ. И послѣ этого я ни за что за Патрикѣемъ вслѣдъ не хотѣла идти. Думаю: онъ все-таки сильный человѣкъ, мужчина, свѣта много видѣлъ и перенесть можетъ, пусть какъ знаетъ, такъ ей докладываетъ, а я не пойду, пока она вскрикнетъ и упадетъ, а тогда я и вбѣжу и водой ее сбрызну, и платье отпущу. Ну, какъ Патрикѣй Семенычъ на крыльцѣ перекрестился и пошелъ, и я всю эту трусость съ себя сбросила и не утерпѣла, постояла одну минуточку и тоже за нимъ побѣжала, думаю: ежели что̀ съ нею, съ моей голубушкой, станется, такъ ужъ пусть при мнѣ: вмѣстѣ умремъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прибѣжала я въ ея комнату съ Патрикѣемъ Семеновичемъ почти за-ратъ: онъ только что вошелъ и у дверей у

порога сталъ, а она идетъ отъ окна вся какъ платъ блѣдная, я уже ясно вижу, что она, сердечная, все поняла. Подошла она молча къ голубому помпадуру, что̀ посрединѣ комнаты стоялъ, толкнула его немножко ножкою въ сторону и сѣла какъ разъ супротивъ Патрикѣева лица.

Мнѣ и Патрикѣя-то Семеныча смерть жаль, и ея-то жаль, и не знаю куда дѣться, просто, кажется, сквозь земь бы провалилась и мычусь какъ угорѣлая, сама не знаю за что̀ взяться. А княгиня посмотрѣла на меня и говоритъ:

— Перестань вертѣться! что ты?

Я говорю:

— Я, ваше сіятельство, вашъ ридикюль ищу.

А она мнѣ ни слова больше, а только махнула головкою: дескать, стань на мѣсто. Я скорѣе за помпадуръ и юркнула, и чтобы мнѣ не видать Патрикѣева лица, гляжу ей въ темя, а она вдругъ изволитъ къ Патрикѣю Семенычу обращаться:

— Ну, приказываетъ, говори, какъ все дѣло было?

Тутъ самая жуткость настала. Патрикѣй Семенычъ, какъ и со мною у нихъ было, головою понурилъ и губа у него одна по другой хлябаетъ, а никакой молви нѣтъ. А княгиня, сколь ей, вижу, ни тяжело, подняла на него все лицо и говоритъ:

— Ну, что же это, Патрикѣй! сговорились вы, что ли, всѣ меня нынче съ ума свести? Говори все, я тебѣ приказываю!

Патрикѣй вскрикнулъ:

— Матушка! я не могу, да въ ноги ей и грохнулся, и отъ полу лица не поднимаетъ.

Въ комнатѣ-то этакій свѣтъ вечерній, солнце садится, въ бокъ все краснымъ обливаетъ, а у меня даже въ глазахъ стало темно и вижу, что княгиня, какъ не своею силой съ помпадура встала и къ самой головѣ Патрикѣя Семеныча подошла и говоритъ:

Патрикѣй! я этого не люблю: ты съ чѣмъ пришелъ, то долженъ сдѣлать. Живъ князь?

А Патрикѣй Семенычъ, не поднимая лица отъ пола, ей отвѣчаетъ:

Нѣтъ, ваше сіятельство, князя нашего нѣтъ въ живыхъ.

Она брови наморщила и за сердце рукой взялась. Я ей

сейчасъ воды, — хлебнула и назадъ подала, а сама спрашиваетъ:

Своею смертью окончилъ или бѣдой какой?

Патрикѣй отвѣчаетъ:

Въ сраженіи убитъ.

Княгиня оглянулась на образъ, перекрестилась и опять сѣла въ помпадуръ, потому что ноги ей, видно, плохо служили, и велѣла Патрикѣю все въ соблюденіи мелко разсказывать.

Ну, тогда Патрикѣй, видя, что она въ себѣ уже такую силу выдержала, всталъ и началъ смѣлѣе и такой его разсказъ былъ:

— Несчастіе, говоритъ, — ихъ сіятельство преслѣдовало ужасное: куда они ни вступятъ—все пораженіе, да пораженіе, и письма они стали получать изъ Петербурга ужасныя. Прочитаютъ, бывало, волосы на себѣ рвутъ, такъ что даже смотрѣть на нихъ страшно; а потомъ даже вовсе этихъ писемъ распечатывать не стали. Какъ почта получится, они ваши письма отберутъ, прочитаютъ и къ себѣ на грудь къ сердцу положатъ, а тѣ мнѣ приказываютъ всѣ въ огонь бросать. Такъ мѣсяца два шло, а въ счастіи никакой перемѣны нѣтъ, и вдругъ одинъ разъ приходитъ къ нимъ въ палатку адъютантъ, разстроенный, весь блѣдный, и говоритъ имъ что-то по-французски, робко и несмѣло, а должно-быть самое непріятное.

А князь весь даже побагровѣлъ да вдругъ какъ крикнетъ на него по-русски:

Какъ вы смѣли мнѣ это передать!

Тотъ ему отвѣчаетъ:

Простите, говоритъ,—ваше сіятельство, я это, ей-Богу, изъ преданности... потому, говоритъ, — это всѣ говорятъ, и я, говоритъ, опасаюсь, чтобы въ неосторожную минуту свои офицеры противъ васъ...

Но князь не далъ ему это кончить и опять какъ крикнетъ:

— Къ чорту, говоритъ,—убирайтесь отъ меня съ этакою вашею преданностью и товарищамъ вашимъ то же самое отъ меня скажите; а если кто думаетъ, что я измѣнникъ, тотъ пусть завтра отъ меня не отстаетъ, а кто отстанетъ — тотъ клеветникъ и подлецъ.

И такъ онъ разсердился, что ни на что не похожъ былъ, и не раздѣлся, и въ кровать не легъ, а все въ шинели по

палаткѣ всю ночь проходилъ и черный кофе пилъ. Въ три часа ночи приказъ далъ солдатамъ коней сѣдлать и чтобы тихо такъ, чтобы ничего не слышно было, потому что непріятель у насъ совсѣмъ въ виду за балкой стоялъ. Пока люди сѣдлаютъ, а я ему умываться подаю, а онъ все велитъ себѣ воду съ ледкомъ на голову лить, а самъ все ее ловитъ горстьми; глотаетъ, и самъ молитву «Живый въ помощи» читаетъ, — молится, а видъ у него совершенно потерянный. Начали они въ боевое платье одѣваться, а я имъ помогаю: берусь имъ саблю подвязывать, да вдругъ хлопъ... на земь ее и уронилъ.

Знаю, въ другое время они бы за это грозно разсердились и ужасно бы что̀ могли сдѣлать, а тутъ только вздрогнули и говорятъ:

— Ахъ, Патрикѣй, что̀ ты сдѣлалъ.

Я, говоритъ, шепчу:

— Виноватъ, ваше сіятельство.

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это не ты виноватъ, а это злая рука у тебя изъ рукъ выпибла. Прощай же, говоритъ,—чувствую, что я нынче своей головы изъ битвы не вынесу.

Патрикѣй Семенычъ заплакалъ и говоритъ:

— Что̀ вы, ваше сіятельство, Богъ милостивъ.

А онъ отвѣчаетъ:

— То-то и есть, что Онъ милостивъ: Онъ брани не любитъ и взявшаго мечъ мечомъ наказуетъ, но я упрямый человѣкъ,—мнѣ легче умереть, чѣмъ безчестье переносить, а ты, если меня убьютъ, возьми это письмо и ступай къ княгинѣ: тутъ все писано, а что̀ послѣ писаннаго станется, про то ты самъ скажешь.

Патрикѣй имъ и осмѣлился доложить, что я, говоритъ, ваше сіятельство, лучше со свѣта сбѣгу, а не буду этого княгинѣ докладывать, потому какъ они этого не вынесутъ.

А князь имъ тутъ же на послѣдяхъ «дурака» сказали и говорятъ:

— Тебѣ или мнѣ больше дано мою княгиню знать? Не смѣй разсуждать, что̀ она вынесетъ, а исполняй, что̀ тебѣ приказываю, и съ этимъ изъ палатки выходить сталъ.

А Патрикѣй, видя, что онъ это все какъ предсмертное приказаніе ему передаетъ, догналъ и спрашиваетъ:

— А что же, ваше сіятельство, если такъ, то дѣтямъ какое накажете благословеніе?

Князь остановился, но потомъ только рукой махнулъ:

— Богъ ихъ, говоритъ, — благословитъ, а все, что имъ нужно, мать преподастъ.

Патрикѣй же вдругъ вдосталь сталъ все разспрашивать:

— Батюшка, ваше сіятельство, простите мое слово: княгинюшка молода, мысли ихъ будутъ въ Божьей власти: онѣ могутъ раннимъ вдовствомъ отяготиться и пожелать замужъ выйти.

Такъ отъ этого слова князь, говоритъ, даже весь въ лицѣ потемнѣлъ, но тихо отвѣтилъ:

— Все равно, она дѣтей не забудетъ, я въ ней увѣренъ. — И съ этимъ, говоритъ, ногу въ стремя поставилъ, поцѣловалъ, нагнувшись съ коня, Патрикѣя и сказалъ ему: — Поцѣлуй руку у княгини, и съ тѣмъ повелъ полкъ въ атаку и, по предсказанію своему, живой съ поля не возвратился.

Зарубились они въ рать непріятельскую въ самую средину и все кричали: «всѣ за мной, всѣ за мной!» но только мало было въ этомъ случаѣ смѣлыхъ охотниковъ за нимъ слѣдовать, кромѣ одного трубача! Тотъ одинъ изо всѣхъ и видѣлъ, какъ дѣдъ бился, пока его самого на части изрубили. Жестоко израненный трубачъ выскочилъ и привезъ съ собой князеву голову, которую Патрикѣй обмылъ, уложилъ въ дорожный берестяный туезъ и схоронилъ въ глубокой ямкѣ подъ замѣтнымъ крупнинымъ кустомъ.

Какъ Патрикѣй кончилъ это печальное сказаніе, такъ бабушка, по словамъ Ольги Ѳедотовны, встала и позвала его къ своей рукѣ, какъ то ему завѣщалъ покойный князь, и затѣмъ сама его въ голову поцѣловала и сквозь глубокихъ и обильныхъ слезъ выговорила:

— Благодарю и цѣню, и по гробъ не забуду, и съ этимъ вышла въ образную.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не было съ княгиней Варварой Никаноровной ни обморока, ни истерики, а на другой день она велѣла служить въ своей церкви по мужѣ заупокойную обѣдню, къ которой приказала быть всѣмъ крестьянамъ ближнихъ селъ, ихъ старостамъ, бурмистрамъ и управителю. Ольга Ѳедотовна

разсказывала, что бабушка, стоя за обѣднею у клироса, даже мало плакала. Она, вѣроятно, успѣла вдоволь выплакаться, оставаясь всю ночь въ своей образной, и теперь не хотѣла, чтобъ ее видѣлъ кто-нибудь слабою и слезливою. Она даже не разъ обращала вниманіе ктитора на подтаявавшія мелкія свѣчи желтаго воска, которыя ставили къ кануну за упокой князя крестьяне, а потомъ сама послѣ панихиды скушала первую ложку кутьи и положила одно зерно съ нея въ ротикъ сына, котораго держала на рукахъ нянька, одѣтая въ черное траурное платье.

Послѣ обѣдни, по обычаю, былъ столъ духовенству, за которымъ обѣдалъ и управитель, а крестьянамъ были накрыты особые большіе столы на дворѣ, и всѣ помянули князя по предковскому обычаю и подивились тоже предковской силѣ духа молодой княгини.

Однако, молчаливая, но терзающая скорбь, вѣроятно, такъ тяготила и пугала княгиню, что она страшилась мысли оставаться съ нею самъ-на-самъ: бабушка берегла свою *отвагу*, свою душевную бодрость.

Средствомъ для этого она избрала едва ли не самое лучшее изъ всѣхъ средствъ, именно усиленную дѣятельность. Тотчасъ же послѣ поминовенія усопшаго, бабушка принялась самымъ энергическимъ образомъ за распорядки, въ которыхъ, нимало другъ другу не мѣшая, шли и хозяйственныя мѣропріятія и планы, и заботы о памяти мужа, и объ очисткѣ всѣхъ его нравственныхъ долговъ.

Во-первыхъ, тотчасъ же послѣ заупокойнаго обѣда, въ ея комнату прямо изъ-за стола былъ позванъ Патрикѣй. Бабушка встрѣтила его опять повтореніемъ выраженныхъ ему вчера благодарностей за службу дѣду, а потомъ подала ему составленную ею отпускную и подарила изъ своего отцовскаго наслѣдія пустынку въ тридцать десятинъ за рѣчкою Дранкою.

Преданный Патрикѣй возроптал противъ этого и сталъ энергически отказываться, но бабушка принудила его молчать, сказавъ, что все это нужно для нея, такъ какъ: «неблагодарность тягчитъ сердце человѣка».

Вслѣдъ за симъ она приказала тому же Патрикѣю, отдохнувъ, немедленно ѣхать засвидѣтельствовать эту вольную и потомъ, во что бы то ни стало, гдѣ онъ хочетъ, разыскать и привезти ей трубача, раздѣлявшаго съ дѣдомъ опасность

въ его послѣднемъ бою. А сама взялась за хозяйство: она потребовала изъ конторы всѣ счеты и отчеты, и безпрестанно призывала старостъ и бурмистровъ, — во все входила, обо всемъ освѣдомилась и всѣмъ показала, что у нея и въ тяжкой горести недреманное око.

— Мать,—говорили крестьяне: — горе горюетъ, а дѣтское добро бережетъ.

Межъ тѣмъ отъѣхавшему Патрикѣю предстояла нелегкая задача отыскать израненнаго солдата, путь котораго, за выходомъ его въ отставку, былъ бабушкиному послу неизвѣстенъ. Къ тому же, Патрикѣй, который недаромъ пользовался довѣріемъ князя и княгини, потому что онъ былъ уменъ, находчивъ и сообразителенъ, здѣсь на первыхъ же шагахъ обличилъ совсѣмъ несвойственное ему крайнее легкомысліе и вѣтреность. На другой же день послѣ его отъѣзда, лакейчонки, начавъ убирать переднюю, нашли въ ящикѣ, въ столѣ, тщательно обернутую бумагу, не разсмотрѣніи которой конторщикомъ она оказалась Патрикѣевой вольною. Онъ долженъ былъ захватить ее съ собою и завезти въ палату, а между тѣмъ... бросилъ, какъ «даръ напрасный, даръ случайный».

Когда эту вольную представили княгинѣ, она только улыбнулась и сказала:

— Этотъ человѣкъ истинный другъ мнѣ, и тотчасъ же велѣла конторщику ѣхать засвидѣтельствовать отпускную и потомъ положить ее опять въ то же самое мѣсто, гдѣ ее оставилъ Патрикѣй, и никогда ему объ этомъ не сказывать. Все это такъ и было исполнено.

Эта историческая для насъ вольноотпускная Патрикѣя Семеныча Сударичева, хранящаяся нынче въ семейномъ архивѣ дяди, князя Якова Львовича, такъ и пролежала близъ сорока лѣтъ въ ящикѣ, куда положилъ ее Патрикѣй и откуда никогда не хотѣлъ ее вынуть.

Межъ тѣмъ прошло около трехъ мѣсяцевъ, о самомъ княгининомъ послѣ не было ни слуху, ни духу, и вдругъ онъ возвратился, и не одинъ, а съ кѣмъ ему было сказано.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ольга Ѳедотовна, доходя въ своихъ разсказахъ до этого событія, всегда впадала въ какой-то смѣшанный траги-комическій тонъ повѣствованія. Трагическое тутъ всегда при-

надлежало бабушкѣ, а комическое—трубачу, котораго мѣсяца черезъ три послѣ своего отъѣзда привезъ Патрикѣй Семенычъ. Я запишу этотъ разсказъ такъ, какъ его слышала изъ устъ самой пѣстуньи бабушкиной старости и моего дѣтства.

— Бабинька-то тутъ все еще продолжала задавать себѣ трудъ за трудомъ,—начинала, бывало, Ольга Ѳедотовна.— Трудъ за трудомъ, голубушка моя, такъ на себя и хватала, такъ и захапывала на свои молодыя ручки, чтобъ онѣ у нея поскорѣе уставали, такъ время и прошло. Со смерти князя-то шелъ уже седьмой мѣсяцъ, а ея тягости девятый исполнялся. Въ эту-то пору, въ самую весеннюю ростепель, Патрикѣй Семенычъ съ трубачомъ и воротился. По правдѣ сказать: было кого столько времени по всему свѣту искать... И привезъ-то его Патрикѣй Семенычъ изъ-подъ Грайворона, и самъ-то онъ назывался Грайворона, и все, что онъ, бывало, ни сдѣлаетъ, изо всего у него выходила одна грайворона. Былъ онъ изъ хохловъ,—солдатище этакой, какъ верблюдъ огромнѣйшій и нескладный, какъ большое корыто, въ какихъ прачки за большою стиркою бѣлье снимутъ, и вдобавокъ былъ весь синеватый, изрубленный; по всему лицу у него крестъ-на-крестъ страшенные шрамы перекрещивались, а одна бакенбарда совсѣмъ на особомъ на отрубленномъ кускѣ росла и не знать, какъ она у него при рожѣ и держалась. Словомъ, такой красавецъ, что безъ привычки смотрѣть на него было страшно, или, лучше того сказать, можно было его по ярмаркамъ возить да за деньги по грошу показывать.

Княгиня его сейчасъ къ себѣ потребовала и долго, молча, на эти его рубцы и шрамы, что по всему лицу шли, смотрѣла, точно сосчитать ихъ хотѣла: сколько онъ, талагай, ихъ въ смертномъ бою за дѣдиньку получилъ, а потомъ тихо его спрашиваютъ:

— Какъ тебя звать?

— Петро Грайворона, говоритъ, — ваше сиятелство! — И все это такимъ густымъ басомъ, что какъ изъ бочки сходитъ.

Княгиня и продолжаютъ:

— Ты изъ хохловъ, что ли?

— Точно такъ, говоритъ, — ваше сиятелство: я изъ хохловъ.

— Что же ты... за что ты особенно моего мужа любилъ?

— Никакъ нѣтъ, говоритъ, — ваше сыятелство, въ особину не любилъ.

— Этакій дуракъ,—хохлище безмозглый былъ!—обыкновенно, смѣясь, восклицала, бывало, прерывая разсказъ, Ольга Ѳедотовна:—въ службѣ былъ, а рѣшительно никакой политики не могъ сохранить, что кстати, что некстати, все, бывало, какъ думаетъ, такъ и ляпнетъ!

Княгиня изволятъ продолжать:

— Какъ же такъ: если ты, говорятъ, — особенно его не любилъ, то почему же ты его въ очевидной смерти не бросилъ, когда отъ него всѣ отстали?

— Командиръ, говоритъ, — ваше сыятелство: командира нельзя бросить, на то крестъ цѣловалъ.

Ну, и вотъ грубость да откровенность его эта княгинѣ понравилась: она ему тутъ головкой кивнула и ласково говоритъ:

— А-а, такъ вотъ ты какой! Это хорошо, честно.

А онъ вкратцѣ ей по-своему отвѣчаетъ:

— Точно такъ, ваше сыятелство!— и что разъ отвѣтитъ, выкрикнетъ, то еще больше въ струну по-полковому вытягивается, такъ что даже нога объ ногу кожаной подшивкой на панталонахъ скрипитъ.

Княгиня изволятъ его благодарить.

— Ну, во всякомъ разѣ, говорятъ,—ты добрый человѣкъ, что ко мнѣ пріѣхалъ.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ,—я ослушаться не смѣлъ.

— Почему же ты меня не смѣлъ ослушаться?

— Вы командирша, говоритъ,—ваше сыятелство.

— А-а,—отвѣчаетъ княгиня:—это хорошо! и сами улыбаются,—ты, значитъ, теперь послѣ мужа ко мнѣ подъ команду поступаешь?

— Точно такъ, ваше сыятелство.

— Ну, такъ отвѣчай же своей командиршѣ: много ли у тебя какого роду-племени?

— Никого, говоритъ, — у меня не осталось ни роду, ни племени: я за сиротство и въ солдаты отданъ.

— Ну, назови мнѣ добрыхъ людей, которымъ бы ты за ихъ добродѣтель чѣмъ-нибудь пособить хотѣлъ.

— Никогда, говоритъ,—я добрыхъ людей, ваше сыятелство, не бывалъ.

Княгиня удивились и говорятъ:

— Какъ: неужто ты во всю жизнь ни одного добраго человѣка не видалъ?

— Точно такъ, говоритъ, — еще никогда ни одного не видалъ.

— Неужели же, говорятъ,—у тебя и въ полку любимаго товарища не было?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ, — ни одного не было: меня въ полку всѣ «хохломъ» дразнили.

— Ну, такъ хохлы-то твои, вѣрно, тебя въ деревнѣ любили?

— Никакъ нѣтъ, ваше сьятелство, — они меня, какъ я вернулся, стали «москалемъ» звать и выгнали.

— Куда же они тебя и за что выгнали?

— Такъ, сказали: — ступай вонъ, чтобъ у насъ здѣсь твоего московьскаго духу не было.

— Ну, а кто же тебя принялъ?

— Слѣпой Игнатъ принялъ.

— Ну, такъ, стало-быть, этотъ слѣпой Игнатъ былъ добрый человѣкъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сьятелство, — онъ самый подлюга и есть: онъ меня пьянымъ напоилъ да хотѣлъ мнѣ кипяткомъ глаза выварить, чтобы вдвоемъ слѣпые нѣтъ станемъ, такъ больше подавать будутъ. Одинъ Господь спасъ, что я на ту пору проснулся, такъ и побилъ его.

Княгиня даже задумалась и потомъ говорятъ:

— Экой ты какой... ничего съ тобой не сообразишь! и, обратясь къ Патрикѣю Семенычу, изволили приказать, чтобъ отдать ихъ именемъ управителю приказаніе послать за этого Грайворону въ его село на бѣдныхъ пятьсотъ рублей, а въ церковь, гдѣ онъ крещенъ, заказать серебряное паникадило въ два пуда вѣсу, съ большимъ яблокомъ, и чтобы по этому яблоку видная надпись шла, что оно отъ солдата Петра Грайворона, который до смертнаго часа не покинулъ въ сѣчи командира своего князя Льва Протозанова. «Это я, говорятъ, такъ хочу, чтобы въ селѣ помнили, что подъ сею паникадилою былъ крещенъ честный человѣкъ, а что русскіе князья доблесть чествуютъ».

А солдатище-то, это услыхавши, весь просіялъ: стоитъ и зубы скалитъ. Такъ ему весело, что онъ и всю субординацію свою, дуракъ, позабылъ: корчится отъ смѣха и присѣдаетъ, да ручищами въ колѣни хватается.

И княгиня, глядя на него, что онъ такъ киснетъ со смѣху, и сами разсмѣялися, и говорятъ:

— Чего же ты смѣешься? Вѣрно, тебѣ это не нравится?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ, — ваше сьятелство, очень что прекрасно, потому что имъ отъ этого никогда въ носъ неучкнетъ, что этотъ паникадилъ для меня горѣть будетъ, а не для праздника.

Ну, такъ ужъ и я разсмѣялась и даже Патрикѣй Семенычъ, на что былъ человѣкъ серьезный, такъ и онъ тоже на грудь лицо опустилъ и улыбнулся. А княгиня, разумѣется, изо всего этого ясно усмотрѣла, что̀ она такое есть эта Грайворона, и сейчасъ вышли на минуту съ Патрикѣемъ въ другую комнату и спрашиваютъ:

— Что̀ онъ, кажется, пьющій?

Патрикѣй отвѣчаетъ:

— Очень, говоритъ, ваше сіятельство, пьющій.

Княгиня пожалѣли.

— Экая, изволила сказать,—жалость! Намъ—я вижу, никакъ нельзя его навѣкъ устроить, его надо у насъ дома сберечь.

Патрикѣй отвѣчаетъ:

— Это какъ вашему сіятельству будетъ угодно.

А княгиня вышли опять въ залъ и говорятъ Грайворонѣ:

Ну, слушай команду.

— Радъ, говоритъ,—стараться.

— Я тебѣ приказываю оставаться у меня.

— Радъ стараться!

— Будешь жить на всемъ на готовомъ.

— Радъ стараться!

— И платье, говорятъ,—и обувь, и пищу дамъ, и хозяйство устрою, и по три рубля денегъ въ мѣсяцъ на табакъ будешь получать,—только осторожнѣй кури и трубку куда попало съ огнемъ не суй, а то деревню сожжешь.

Она это ему причитаетъ, а онъ, точно индюкъ на посвистъ, оретъ: радъ стараться!

— А водки, — княгиня спрашиваетъ,—сколько ты любишь употреблять?

— Не могу знать, говоритъ, — ваше сьятелство. Я ее еще до̀-сыта никогда не пилъ.

— Ну, такъ тебѣ отъ меня положеніе будетъ три стакана въ день пить; довольно это?

— Не могу знать, ваше сыятелство, а только я три стакана всегда могу пить.

— Ну, и на здоровье.

— Всегда здоровъ буду, ваше сыятелство.

Княгиня опять на него посмотрѣла и сказала: — «Экой какой», и отпустили его и сейчасъ же взялись всѣ свои на его счетъ обѣщанія исполнять.

Въ церковь его паникадилъ былъ заказанъ, въ село бѣднымъ деньги посланы, да и еще слѣпому тому злому въ особину на его долю десять рублей накинуто, чтобы добрѣй былъ, а Грайворону тутъ дома мало чуть не однодворцемъ посадили: дали ему и избу со свѣтелкой, и корову, и овецъ съ бараномъ, и свинью, и мѣсячину, а водка ему всякій день изъ конторы въ бутылкѣ отпускалась, потому что на весь мѣсяцъ нельзя было давать: всю сразу выпивалъ. Но всѣ эти заботы о немъ онъ ни во что обращалъ: бутылки этой, отъ княгини положенной, ему мало было, и онъ все, что могъ, отъ себя въ казенное село въ кабакъ тащилъ, но во хмелю былъ очень смирный. Придетъ, бывало, домой, у своей пустой избы на порожкѣ сядетъ и сидитъ, только какъ сычъ глаза выпялитъ и водитъ ими, а ничего не видитъ. Скажутъ ему:

— Гляди ты, чудакъ, до чего ты допился: вѣдь у тебя уже въ глазахъ и свѣту нѣтъ.

А онъ чуть внятно проворочаетъ:

— А на что мнѣ, говоритъ, — въ глазахъ свѣтъ, когда за меня паникадило свѣтитъ,— и съ тѣмъ копырнется и тутъ же и спитъ на порогѣ.

Какъ о немъ ни заботились, чтобъ отучить его отъ этой слабости, и Патрикѣй Семенычъ, и сама княгиня, ничего ему не помогало. Княгиня вдобавокъ къ прежней о немъ заботѣ стала говорить:

— Онъ, можетъ-быть, скучаетъ; не женить ли его на какой доброй женщинѣ, чтобъ его берегла?

Такъ онъ отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше сыятелство: я къ семейству неспособенъ. Я въ себѣ кавалерскій характеръ имѣю и всякой женщинѣ очень скоро наскучить могу.

Ну, однимъ словомъ, никуда, болванъ, не годился!

Но княгиня вѣдь ужъ была такая, что если она за котораго человѣка возьмется, чтобъ его спасать, то уже тутъ

что про него кто ей ни говори, и что онъ самъ ей худого ни сдѣлай, она его ни за что не броситъ. Такъ было и съ этой, прости меня Господи, съ Грайвороной: что онъ, нелѣпый, ей ни досаждалъ, она все терпѣла и виду не показывала, что надокучилъ. На пьяныхъ людей была первая ненавистница и во всѣхъ имѣніяхъ у насъ это знали и никто мало-мальски выпивши носу на улицу не смѣлъ показать, а Грайворона, бывало, идетъ, шатается, солдатская шапка блиномъ на затылкѣ, руки безобразно въ карманы засунетъ и весь разхрыстанный. Тьфу, даже смотрѣть мерзко, а она, взглянувъ на него, только жалостно поморщится и скажетъ Патрикѣю:

— Уберите его несчастнаго!

За то же и онъ ее, голубушку, чуть шутя со свѣта и убралъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Обстоятельство это было такое смѣшное, да не мало и страшное,—продолжала Ольга Ѳедотовна,—а заключалось оно въ томъ, что, храни Богъ, если бы тогда бабиньку Господь не помиловалъ, такъ и тебя бы на свѣтѣ не было, потому что это все произошло при рожденіи твоего отца, князя Дмитрія, всего на второй день. Бабинька лежала тогда въ своей спальнѣ, въ нижнемъ этажѣ, окна въ садъ темно-зеленой тафтой завѣшены. Мы сидимъ,—я да вторая надо мною была горничная Оеклуша,—такую тишину блюдемъ, что даже дыханіе утаиваемъ, а Грайворона напился пьянъ и, набивши порохомъ старый мушкетъ, подкрался подъ княгинины окна и выпалилъ. Сдѣлалъ онъ это въ тѣхъ цѣляхъ, «чтобы, говоритъ, командирова новорожденнаго сына какъ должно по военному артикулу поздравить». Но такъ съ пьяныхъ-то глазъ съ излишкомъ пороху переложилъ, что весь мушкетъ у него въ рукахъ разлетѣлся и ему самому всю рожу опалило и большой палецъ на рукѣ оторвало. Этакъ онъ самого себя поздравилъ, а съ княгиней отъ страннаго перепуга долгій обморокъ сдѣлался, потомъ же, какъ въ себя изволили придти, сейчасъ спрашиваютъ:

— Что это такое было? чего я испугалась?

Я говорю:

— Ничего, матушка, все, слава Богу, цѣло и хорошо.

— Да что̀ же такое именно?

— Что же, говорю,—кромѣ какъ Грайвороны глупости,— и разсказываю ей, что этотъ талагай сдѣлалъ и съ какимъ намѣреніемъ.

А княгиня мнѣ отвѣчаетъ:

— А вотъ видишь, говорятъ, — вы все меня увѣряете, что онъ глупъ. Вы всѣ на него нападаете, а онъ вѣрный человѣкъ. Прикажи, говорятъ,—ему сейчасъ отъ меня стаканъ вина поднести и поблагодарить.

Все бы это тѣмъ и кончилось, но тутъ я-то вышла приказанье исполнить, а эта, вторая-то горничная, начала княгинѣ на ея вопросы отвѣчать, да и брякнула, что Грайворонѣ мушкетъ палецъ оторвалъ и лицо опалилъ.

Княгиня растревожилась:

— Ахъ, онъ бѣдный, говоритъ,—отвезти его сейчасъ къ лѣкарю, чтобы помогъ.

Однако, къ лѣкарю Грайворону не посылали, потому что онъ, проспавшись, ни за что о томъ слышать не хотѣлъ.

— Если я ея сыятелству моимъ усердіемъ, говоритъ, — потрафилъ, такъ прочее все пустяки, — и, не долго думая, взялъ овечьи ножницы да самъ себѣ палецъ оторванный совсѣмъ прочь и отстригнулъ.

— А насчетъ рожи, что опалили, говоритъ,—это совсѣмъ не замѣчательно: она, почитай, такая и была; опухъ, говоритъ,—самъ пройдетъ, а тогда она опять вся на своемъ мѣстѣ станетъ.

И она у него, эта его рожа страшная, точно сама зажила, только припаливши́сь еще немножечко будто почернѣе стала, но пить онъ не пересталъ, а только все освѣдомлялся, когда княгиня встанетъ, и какъ узналъ, что бабинька велѣла на балконъ въ голубой гостиной двери отворить, то онъ подъ этотъ день немножко вытрезвился и въ печи мылся. А какъ княгиня сѣли на балконѣ въ кресло, чтобы воздухомъ подышать, онъ проползъ въ большой сиреневый кустъ и оттуда, изъ самой середины, началъ ихъ какъ перепелъ кликать:

— Ваше сыятелство! а ваше сыятелство!

Княгиня его голосъ сейчасъ узнала и говоритъ:

— Это ты, бѣдный Грайворона?

— Точно такъ, говоритъ,—ваше сыятелство, я-съ!

— Гдѣ же ты спрятанъ?

— Я, ваше сьятелство, здѣсь, въ серединѣ, въ кустѣ сижу.

— Явись же сюда ко мнѣ наружу!

— Никакъ нельзя, ваше сьятелство; я не въ порядкѣ.

— Чѣмъ же ты не въ порядкѣ?

— Рожа у меня, ваше сьятелство, очень поганая.

— Рожа поганая? Ну, что дѣлать: выходи, я не пуглива.

Онъ и вылѣзъ... Прелести сказать какъ былъ хорошъ! Сирень-то о ту пору густо цвѣла и молодые эти лиловые букетики ему всю голову облѣпили и за ушами и въ волосахъ вездѣ торчатъ... Точно волшебный Фавна, что на картинахъ пишутъ.

Княгиня поглядѣла на него и говорятъ:

— Что ты, бѣдный: вѣрно все пьешь?

— Точно такъ, говоритъ,—ваше сьятелство,—пью.

— Зачѣмъ же ты не остановишься?

— Да помилуйте, отвѣчаетъ, — когда мнѣ уже мочи нѣтъ—жить очень хорошо. Велите мнѣ какую-нибудь работу работать.

Княгиня его за это одобрили; но ничего ему это не помогло. Никуда неспособный былъ человѣкъ, не тѣмъ онъ будь, покойничекъ, помянутъ. Къ разнымъ его княгиня должностямъ опредѣляли, ни одной онъ не могъ за пьянствомъ исполнить. Въ десятники его ставили, онъ было всѣхъ бабъ перебилъ; въ конюшни опредѣлили, такъ какъ это въ кавалеріи соотвѣтственнѣе, онъ подъ лошадь попалъ, только, слава Богу, подъ смирную: она такъ надъ нимъ всю ночь не двинулась и простояла; тогда его отъ этой опасности въ огуменные старосты назначили, но тутъ онъ сдѣлалъ княгинѣ страшные убытки: весь скирдникъ, на многія тысячи хлѣба трубкой сжегъ. И послѣ этого какъ проспался, да все это понялъ, что надѣлалъ, такъ пошелъ, съ горя, въ казенное село, на ярмарку, да тамъ совсѣмъ и замутился: отлѣпилъ отъ иконы свѣчку въ церкви и началъ при всѣхъ за обѣднею трубку закуривать. Его мужики начали выводить да и помяли. Привезъ его къ намъ на телѣгѣ одинъ тоже чудакъ дворянинъ, Донкихотъ Рогожинъ звался, только, покойникъ, уже плохъ былъ и вздохнуть не могъ. Княгиня ему послали бутылку нашатырнаго спирту, чтобъ онъ хорошенько вытерся, а вдругъ ей до-

кладываютъ, что ему отъ этого еще хуже стало. Княгиня сами къ нему пошли, а уже у него и голосу нѣтъ: всѣ губы почернѣли, а изо рта нашатырь дышитъ.

Княгиня вдругъ ударила себя пальчикомъ въ лобъ и говорятъ мнѣ:

— Ахъ, Ольга, какіе мы съ тобою дуры: вѣдь это онъ вѣрно нашатырь внутрь выпилъ. Спрашиваютъ его:

— Скажи мнѣ, Грайворона, какъ ты моимъ лѣкарствомъ вытерся?

А онъ ей просипѣлъ, что какъ надо, говоритъ, сдѣлалъ,—все изъ бутылочки выпилъ, а бутылочкой себя по всѣмъ мѣстамъ вытеръ.

Значитъ и снутри, и снаружи себя обошелъ... Ну, что же тутъ было дѣлать? Послали скорѣе за докторомъ, а только онъ его ждать не захотѣлъ и къ другому утру кончился, и кончился-съ такъ, какъ бы и всякій ему позавидовалъ: на собственныхъ на княгининыхъ ручкахъ Богу душу отдалъ. И даже какъ это немножко не въ ожиданности, вдругъ пристигло, такъ сама же княгиня ему отходную прочитала и своими руками глаза завела. Вотъ какой отъ хорошей жены и пустому человѣку за мужа почетъ былъ!—добавляла Ольга Ѳедотовна, въ разсказѣ которой о Грайворонѣ всегда звучала нота небольшой раздражительности, которую, однако, напрасно кто-нибудь принялъ бы за неудовольствіе на этого бѣднаго человѣка, или за открытую нелюбовь къ нему. Боже сохрани! Добрѣйшая старушка моя ни къ кому не питала такихъ чувствъ и въ душѣ она очень сожалѣла Грайворону и даже любила его; но... Тутъ нужно было довольно тонкое проникновеніе, чтобы понять: зачѣмъ этотъ какъ бы недовольный тонъ и къ кому именно онъ относится? Ольга Ѳедотовна никогда не могла примириться съ тѣмъ, что бабушка цѣнила поступокъ Грайвороны какъ нѣчто достойное особой похвалы и благодарности, тогда какъ Ольга Ѳедотовна знала, что и она сама, и Патрикѣй, и многіе другіе люди, не разъ, а сто разъ кряду умерли бы за князя и княгиню, и не помыслили бы поставить это себѣ въ заслугу, а только считали бы это за святой долгъ и за блаженство.

Разсказомъ о смерти Грайвороны и о рожденіи моего отца Ольга Ѳедотовна всегда какъ будто заканчивала введеніе въ нашу семейную хронику. За этимъ слѣдовало повѣствованіе объ одинокомъ житьѣ-бытьѣ княгини Варвары Никаноровны

до тѣхъ поръ, пока ей настало время выдать замужъ воспитавшуюся въ Петербургѣ княжну Анастасію Львовну и заняться воспитаніемъ моего отца, но я должна поступить иначе: я должна еще удержаться въ этомъ тихомъ періодѣ ранняго бабушкинаго вдовства для того, чтобы показать облики ея ближайшихъ друзей и очертить характеръ ея дѣятельности за предѣлами дома — въ обществѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ понятно мнѣ то, что Данте разсказываетъ объ одномъ миніатюристѣ XIII вѣка, который, начавъ рисовать изображенія въ священной рукописи, чувствовалъ, что его опытная рука постоянно дрожитъ отъ страха, какъ бы не испортить миніатюрныя фигуры. Въ эти минуты я чувствую то же самое: пока я писала о бабушкѣ и другихъ предкахъ Протозановскаго дома, я не ощущала ничего подобнаго, но когда теперь мнѣ приходится нарисовать на память ближайшихъ бабушкиныхъ друзей, которыхъ княгиня избирала не по роду и общественному положенію, а по ихъ внутреннимъ, ей одной вполнѣ извѣстнымъ преимуществамъ, я чувствую въ себѣ невольный трепетъ. Могу ли я хоть сколько-нибудь отчетливо изобразить симпатичныя, умиляющею теплотой и безмѣрнымъ благородствомъ дышавшія черты этихъ маленькихъ людей?

Первыми друзьями молодого вдовства княгини были два самыя скромныя лица, имена которыхъ я уже упоминала: это Патрикѣй Семенычъ Сударичевъ и Ольга Ѳедотовна, которую я девятнадцать лѣтъ кряду видѣла изо дня въ день, но фамилія которой осталась для меня неизвѣстною. Я даже думаю, что она и сама ее едва ли знала. Оба эти друга княгини были существа очень добрыя, честныя и безгранично ей преданныя, а притомъ каждый изъ нихъ совершенно по-своему, что зависѣло отъ различія ихъ характеровъ. Патрикѣй Семенычъ имѣлъ умъ довольно глубокій и сосредоточенный, характеръ солидный и даже немножко важный; онъ по натурѣ былъ фанатикъ рабской преданности и твердый консерваторъ старыхъ порядковъ. Ольга же Ѳедотовна имѣла натуру болѣе впечатлительную и нервную: она была быстрѣе Патрикѣя въ своихъ соображеніяхъ и хотя поступала иногда немножко легкомысленно, но зато искупала этотъ недостатокъ тонкимъ женскимъ

чутьемъ, съ которымъ она открывала малѣйшія причины бабушкиныхъ скорбей и умѣла утѣшать ее прежде, чѣмъ основательный Патрикѣй, подперши рукою свое жабо, могъ до чего-нибудь додуматься. Преданность бабушкѣ у Ольги Ѳедотовны была такая же глубокая и страстная, какъ и у Патрикѣя, но въ ней замѣшивалась нѣкоторая нервная раздражительность и нетерпѣливость, благодаря которой она иногда впадала въ критицизмъ, и, возмнивъ себя чѣмъ-нибудь обиженною, начинала плакать и дуться на княгиню. Бабушка это хорошо знала и въ такихъ случахъ обыкновенно говорила:

— Ольга Ѳедотовна! Что̀ это ты, мать моя, кажется, опять на меня за что-то разсердилась? Ну, прости Христа ради.

Ольга Ѳедотовна сейчасъ же по такому поводу проливала слезы и становилась счастливою. Бабушка втайнѣ отъ нея говаривала, что это у нея «такая *пассія*: захочется ей поплакать, она и начнетъ что-нибудь выдумывать, чтобы на меня разсердиться. Я сношу, привыкла и знаю, что она уваженія сто̀итъ».

Патрикѣй былъ ортодоксальнѣе Ольги въ своей вѣрѣ къ бабушку и потому никогда не согрѣшалъ противъ нея и не зналъ сладости слезъ Петрова покаянія.

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя различія характеровъ Патрикѣя и Ольги. Бабушка обоихъ ихъ любила очень сильно, но тоже не совсѣмъ одинаковымъ образомъ: къ Патрикѣю она обнаруживала больше уваженія, а къ Ольгѣ Ѳедотовнѣ больше нѣжности. Княгиня считала ее легкомысленною и тарантою, что было отчасти и справедливо, но непремѣнно любила съ нею ночью поболтать и посовѣтоваться. При простудныхъ же болѣзняхъ, которымъ очень часто подвергалась неосторожная Ольга Ѳедотовна, бабушка сама обтирала ее согрѣтымъ виномъ съ уксусомъ и поила теплою малиной, хотя не забывала при этомъ ворчать:

— Это тебѣ, впрочемъ, и по дѣломъ, потому что ты таранта и любишь летать куда тебѣ не нужно.

А Ольга Ѳедотовна при этомъ цѣловала ручки бабушки и отвѣчала:

— Истинная правда: не столько я вамъ служу, сколько вы за мной ходите.

Патрикѣй былъ лѣтъ на двадцать старше бабушки, а Ольга Ѳедотовна лѣтъ на восемь ея моложе. Она родилась на дворнѣ въ Протозановѣ и дѣвчонкою была отвезена въ Москву, гдѣ училась въ модномъ магазинѣ. Когда бабушка проѣзжала съ мужемъ послѣ свадьбы изъ деревни въ Петербургъ, ей сдѣлали въ этомъ магазинѣ платья. Ольга Ѳедотовна бѣгала къ бабушкѣ «съ примѣркой» и, понравившись княгинѣ за свою миловидность, была взята ею въ Петербургъ.

— Обѣ мы были молоденькія, — разсказывала объ этой порѣ Ольга Ѳедотовна. — Княгиня въ самые большіе дома и во дворецъ выѣзжала, и обо всемъ томъ, кажется, могли наговориться, а бывало, чуть только вернутся, сейчасъ ко мнѣ: раздѣнутся и велятъ себѣ задорную корочку аржаного хлѣба покруче крупной солью насолить и у меня на сундучкѣ сядутъ и начнемъ съ нею про деревню говорить. А если когда князя долго нѣтъ и княгиня скучаютъ, то положутъ предъ собою отъ нетерпѣнія часики съ такою скорою стрѣлкой, — мы ее «тиранъ жизни» прозвали, и обѣ вмѣстѣ, чтобы не заснуть, на эту стрѣлку на «тиранъ жизни» и смотримъ.

Съ этихъ-то поръ Ольга Ѳедотовна начала «садиться при княгинѣ», сначала только для того, чтобы прогонять вмѣстѣ съ нею сонъ, слѣдя за неустаннымъ движеніемъ «тирана жизни», а потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, когда княгиня предпочитала имѣть предъ собою Ольгу Ѳедотовну болѣе въ качествѣ друга сердца, чѣмъ въ качествѣ слуги.

Со вдовствомъ бабушки отношенія ихъ съ Ольгой Ѳедотовной сдѣлались еще короче, такъ какъ съ этихъ поръ бабушка все свое время проводила безвыѣздно дома. Ольга Ѳедотовна имѣла свѣтлую и уютную комнату между спальнею княгини Варвары Никаноровны и дѣтскою, двери между которыми всегда, и днемъ, и ночью, были открыты, такъ что бабушка, сидя за рабочимъ столикомъ въ своей спальнѣ, могла видѣть и слышать все, что дѣлается въ дѣтской, и свободно переговариваться съ Ольгой Ѳедотовной.

Офиціальное положеніе Ольги Ѳедотовны всегда оставалось одно и то же: то есть она была просто бабушкина горничная, но честь ей шла отъ всѣхъ не въ мѣру этого положенія. Ольгу Ѳедотовну всѣ любили за ея хорошій

нравъ и доброе сердце, и особенно за то, что она никогда ни про кого не сказала княгинѣ ни одного худого слова. Несмотря на свое скромное общественное положеніе, которое казалось еще болѣе незамѣтнымъ отъ личной скромности этой превосходной женщины, она имѣла очень большой кругъ знакомства между лицами высшей общественной среды. Ольгу Ѳедотовну не только знали и величали по имени и отчеству всѣ небогатые дворяне, къ которымъ княгиня отъ времени до времени посылала ее навѣстить больного или отвезти секретное пособіе, но они принимали ее за панибрата и старались у нея заискивать. Это чрезвычайно смущало врожденную скромность Ольги Ѳедотовны, и она прибѣгала къ пособію своего тонкаго такта, чтобъ отстранять эти панибратства. Она садилась у помѣщиковъ только по повторенному приглашенію и то не иначе, какъ въ дѣтской или въ какой-нибудь другой «непарадной» комнатѣ, чаю позволяла себѣ выпивать изъ рукъ хозяйки не болѣе какъ двѣ чашечки, а если ее гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ застигала ночь, то она или непремѣнно просилась ночевать съ нянюшками, по крайней мѣрѣ ложилась «на стульяхъ». У Ольги Ѳедотовны было убѣжденіе, что спать на стульяхъ гораздо деликатнѣе, чѣмъ лечь на кровати, или хоть на диванѣ: она это и соблюдала.

Короткія пріятельскія связи у Ольги Ѳедотовны были въ другомъ кружкѣ, именно въ духовенствѣ. Къ своимъ приходскимъ священникамъ и къ дьякону она ѣзжала вечеромъ въ воскресенье, въ гости на чашку чая, и въ этомъ же кружкѣ былъ у нея ея единственный сердечный другъ и ея единственная въ жизни любовь, — любовь такая цѣломудренная и ароматная, что я не встрѣчала ничего ей подобнаго ни въ жизни, ни въ описаніяхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сказавъ, что *единственный* другъ Ольги Ѳедотовны былъ на Поповкѣ, я должна оговориться, что тутъ нѣтъ съ моей стороны никакой обмолвки насчетъ ея отношеній къ моей бабушкѣ, или къ Патрикѣю. Бабушка считала Ольгу Ѳедотовну своимъ другомъ и Патрикѣй Семенычъ, я думаю, тоже, по крайней мѣрѣ это было видно во всей аттенціи, съ какою относился къ ней этотъ сдержанный, солидный и самообладающій консерваторъ и княжедворецъ, но для

Ольги Ѳедотовны оба они были слишкомъ умны и подавляли ее своимъ величіемъ. Ихъ она благоговѣйно чтила, а для дружбы, требующей равенства, искала существа попроще и нашла его въ лицѣ нѣсколько старшей ея по лѣтамъ дочери слѣпого заштатнаго дьякона Николая. Дьяконъ этотъ, человѣкъ превосходной жизни, давно овдовѣлъ и былъ очень бѣденъ, а къ довершенію своихъ несчастій, онъ, везя лѣтомъ съ поля снопы, ослѣпъ отъ молніи. Съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ служить и получалъ отъ бабушки мѣсячину на дворовомъ положеніи. У него было два сына и двѣ дочери: сыновья его обучались въ семинаріи, а дочери росли дома и трунились. Обѣ онѣ были дѣвушки очень хорошія и хорошенькія. О старшей изъ нихъ, именно Марьѣ Николаевнѣ, я должна немножко распространиться, такъ какъ въ ея лицѣ буду рекомендовать третьяго бабушкинаго друга. Я уже сказала, что Марья Николаевна была хороша собою, но хороша тою особенною красотой, которая исключительно свойственна благообразнымъ женщинамъ изъ нашего духовенства. Эта красота тихая, скромная, далекая отъ всякихъ притязаній на какую бы то ни было торжественность, величіе и силу своего обаянія: она задумчива, трогательна, является какъ бы только вмѣстилищемъ заключенной въ ней красоты духовной. О такой красотѣ прекрасно говорилъ восторженный Савонаролла, впрочемъ и наши искусные древніе иконописцы, изображая лики святыхъ мученицъ, умѣли передавать въ ихъ изображеніяхъ эту мерцающую красоту. Марьѣ Николаевнѣ уже давно истекъ тотъ возрастъ, въ которомъ дѣвицы духовнаго званія дѣлаютъ партіи, а младшая еще была въ порѣ, удобной для замужества. Но и у этой бѣдняжки, несмотря на ея пышную красоту въ отличномъ отъ сестры родѣ, жениховъ, однако, не предвидѣлось: она была безприданница, а бѣдное мѣсто сельскаго дьякона на дьячковской части сколько-нибудь стоящаго человѣка не привлекало. Чтобъ удержать отцовское мѣсто, приходилось или одному изъ сыновей оставить семинарію и заступить отца, или младшей сестрѣ выйти за неуча, который отъ некуда дѣться будетъ радъ взять это бѣдное мѣсто въ приданое за хорошенькою женой.

Такъ бы непремѣнно и случилось, если бъ у нея не было старшей сестры, Марьи Николаевны, въ которой обитала

какая-то необыкновенная душа. Съ той поры, какъ она впервые себя сознала, до тѣхъ поръ, какъ сказала предъ смертью: «Пріими духъ мой», она *никогда не думала о себѣ* и жила для другихъ, а преимущественно, разумѣется, для своей семьи. Рано потерявъ мать, она буквально выняньчила обоихъ братьевъ и сестру, которые всѣ были моложе ея. Когда братьевъ отвезли въ училище, она тринадцатилѣтнею дѣвочкой отпросилась у отца на бывшую верстъ за сто отъ нихъ ковровую фабрику. Богъ вѣсть, какъ она тамъ прожила два года въ сообществѣ фабричныхъ женщинъ, нравы которыхъ не пользуются особеннымъ уваженіемъ. Марью Николаевну это ничто не попортило; она училась, работала и раза два въ годъ набѣгала домой, чтобы провести праздники съ отцомъ и съ братьями, которые приходили объ эту пору пѣшкомъ изъ училища, а особенно съ младшей сестрой, въ которой не слыхала души. Отпраздновавъ нѣсколько дней дома и наладивъ все, что безъ нея въ домашнемъ хозяйствѣ приходило въ разстройство, Марья Николаевна опять отправлялась пѣшкомъ за сто верстъ на свою фабрику, пока, наконецъ, въ концѣ второго года явилась оттуда веселая и счастливая съ кулькомъ основы, узоровъ и шерстей, и, поставивъ въ свѣтломъ углу бѣдной горницы ткацкій станъ, начала дома ткать ковры уже какъ опытная мастерица. Этимъ рукомесломъ она внесла въ домъ довольство и счастіе, какихъ семья еще никогда не знала. Будучи прекрасною мастерицей, Марья Николаевна получала съ фабрики матеріалъ и заказы и, исполняя однѣ работы, отвозила ихъ и забирала новыя. Дѣло шло прекрасно, и скоро въ домѣ застучалъ другой станокъ, за которымъ въ качествѣ ученицы сѣла младшая сестра. И эта была такою же мастерицей, только Марья Николаевна, охраняя ее отъ всякихъ столкновеній съ торговыми людьми, продолжала ѣздить на фабрику одна и сама переносила всю тяжесть дѣловыхъ отношеній. Но благоденствіе сестеръ обратило на себя вниманіе другихъ дѣвицъ, приходившихъ къ Марьѣ Николаевнѣ съ просьбой «поучить» ихъ: явилось соперничество и цѣны заработковъ сбились до того, что Марья Николаевна, работая добросовѣстно, не находила возможнымъ болѣе конкурировать на фабрикѣ: она стала работать съ сестрою «на городъ», но излишняя конкуренція вторглась и на этотъ рынокъ. Средства бѣдной дѣвушки

стали скудны и недостаточны для того, чтобы поддерживать братьевъ, которые, переходя въ высшіе классы, требовали относительно большихъ расходовъ. Марья же Николаевна, будучи сама крайне чистоплотна, непремѣнно хотѣла, чтобъ и братья ея не ходили босикомъ и въ халатахъ, а имѣли бы обувь, манишечки и хотя нанковые или казинетовые сюртучки и жилеты. Въ устройствѣ этого гардероба мужской портной, разумѣется, не участвовалъ, всѣ мужскіе наряды братьямъ Марья Николаевна кроила и шила сама съ сестрою по выкройкамъ, взятымъ съ сюртука Патрикѣя Семеныча, но все-таки это стоило денегъ, но скуднымъ добыткамъ дѣвушки довольно большихъ. Ко всему этому, какъ я уже сказала, старый дьяконъ въ это время, ѣдучи съ поля, былъ оглушенъ и ослѣпленъ молніею, а сыновьямъ его еще оставалось быть года по два въ семинаріи и потомъ Марья Николаевна хотѣла, чтобы хоть одинъ изъ нихъ шелъ въ академію. Марья Николаевна умѣла смотрѣть и вдаль, и во что бы то ни стало стремилась хотя одному своему брату открыть широкую дорогу. Она знала, что для этого прежде всего нужно, чтобы братьевъ ничто не отрывало отъ ихъ научныхъ занятій, а этому первымъ препятствіемъ становилась бѣдность. Чтобы сколько-нибудь облегчить участь семьи, конечно, можно было пожертвовать младшею сестрой и выдать ее замужъ за дьячка, который бы принялъ отцовское мѣсто, но Марья Николаевна съ такою мыслію никакъ не могла помириться: она никѣмъ не хотѣла жертвовать, кромѣ себя самой, и кашлась какъ это сдѣлать. Энергическая дѣвушка, пользуясь любовью и уваженіемъ купеческаго дома, въ который сбывала свои ковры, необыкновенно ловко и быстро просватала свою младшую красивую сестру за приказчика этого дома, молодого человѣка, который, по соображеніямъ Марьи Николаевны, и давалъ добрыя надежды и не обманулъ ихъ: сестра ея была за нимъ счастлива. Тогда Марья Николаевна чрезъ нѣсколько же дней послѣ сестриной свадьбы явилась къ архіерейскому секретарю, поднесла ему въ подарокъ коверъ своего рукодѣлья и просила дать себѣ самой жениха, какъ единственной теперь незамужней дочери слѣпого дьякона. Секретарь посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и, взявъ коверъ, довелъ ея просьбу до архіерея. Марья Николаевна представилась и владыкѣ, который въ свою очередь тоже на нее посмотрѣлъ и проговорилъ:

— Стара!

— Чего изволите?—переспросила, будто не разслышавъ, Марья Николаевна.

— Я говорю, что ты стара..

— Тридцать два года, владыко,—отвѣчала, не смущаясь Марья Николаевна.

— Вона какъ! Это стара...

— Всего тридцать два года!

— Совсѣмъ стара!

— Ну, только воля ваша, владыко, а мнѣ женихъ, какъ вамъ угодно, нуженъ.

— Все врешь: ни на что онъ тебѣ не нуженъ...

— Ей-Богу, владыко, нуженъ.

И Марья Николаевна такъ основательно разсказала, зачѣмъ ей нуженъ женихъ, что архіерей сталъ убѣждаться ся доводами и заговорилъ въ другомъ родѣ:

— По этому судя, оно, точно, онъ тебѣ по хозяйству нуженъ.

— По хозяйству же, владыко, по хозяйству и нуженъ. Явите свою милость и не откажите мнѣ его даровать.

Архіерей былъ человѣкъ очень участливый и добрый.

— Гм!... даровать, заговорилъ онъ:—именно только ужъ надо даровать, да вотъ еще у меня на твое горе женихи-то все очень молоды.

— Ничего, преосвященнѣйшій владыко, что жъ, я всякимъ буду довольна.

— Ну-у! вотъ ты какая увѣтливая: и молодого берешь!

— Беру-съ.

Берешь? Ну, такъ я же тебя награжу за покорность: возьму да самаго молоденькаго тебѣ и дамъ: вы, старъ да младъ, скорѣе поладите.

— Слушаю, владыко, и полажу.

— Умна: хорошо... очень умна. Я тебѣ дамъ женишка, и очень хорошаго жениха дамъ: онъ давно у меня подъ замѣчаніемъ, да; я его давно въ усмиреніе наказать хотѣлъ, да; вотъ онъ своего часа и дождался. Онъ весьма козляковатъ, свѣтскаго нрава любитель, поскакунъ и краткіе сюртуки себѣ нарочито для плясанія завелъ, и камзельку съ стекловидными пуговками себѣ пріобрѣлъ. Отецъ протопопъ видѣлъ, говоритъ: «аки бы звѣзды во мракѣ сіяютъ, когда онъ вращается», а ученіе бросилъ,— вотъ я его теперь за

все сразу и проучу—и за краткій сюртукъ, и за плисаніе, и за камзельку съ стеклевидными пуговками, да... вотъ я его, скакуна, усмирю... да; я возьму его да на себѣ и женю. Ему это вмѣсто эпитиміи будетъ!

Марья Николаевна за всѣ эти милости владыкѣ въ ноги, а тотъ сейчасъ же вызвалъ изъ коридора, гдѣ ждали просители, молодого, бѣлокураго семинариста и говоритъ:

— Ты хочешь мѣста?

— Желаю.

— Такъ вотъ можешь получать со взятіемъ сей себѣ въ жены,—инако не получишь.

Семинаристъ встряхнулъ кудрявою головой и отвѣчалъ согласіемъ, а Марья Николаевна скорѣе одинъ поклонъ архіерею, другой—жениху, дескать «спасибо, что выручилъ», и выкатила съ женихомъ, который черезъ нѣсколько дней сталъ ея мужемъ.

Неравенство ихъ лѣтъ было очень замѣтное: Марья Николаевна, какъ женщина, была уже на склонѣ, и ея иконописная красота совсѣмъ увяла, а мужъ ея только расцвѣталъ. Но, замѣчательное дѣло, они жили счастливо. Что Марья Николаевна никогда не жаловалась на свою долю, это было въ порядкѣ вещей: она шла замужъ совсѣмъ не для того, чтобы быть счастливой, а для того, чтобы сохранить кусокъ хлѣба отцу и дать братьямъ средства окончить курсъ, но было нѣсколько удивительно, что и мужъ ея не роптал на судьбу свою... Молодой «поскакунъ» оцѣнилъ рѣдкія достоинства этой чудной женщины и... полюбилъ ее! Такова иногда бываетъ власть и сила прямого добра надъ живою душой человѣка.

Вся эта эпопея разыгрывалась еще въ то время, когда бабушка жила въ Петербургѣ, но завершилась она бракомъ Маріи Николаевны какъ разъ къ возвращенію княгини въ Протозаново. Ольга Ѳедотовна, узнавъ какъ-то случайно Марью Николаевну, отрекомендовала ее, въ одной изъ своихъ вечернихъ бесѣдъ, княгинѣ, а та, имѣя общую коллекторамъ страсть къ пріобрѣтенію новыхъ экземпляровъ, сейчасъ же пожелала познакомиться съ «героиней». (Такъ она съ перваго слова назвала Марью Николаевну, выслушавъ о ней докладъ Ольги Ѳедотовны).

Чуждая излишняго самолюбія и потому совершенно свободная отъ застѣнчивости, дьяконица тотчасъ же предстала

княгинѣ и, сразу пріобрѣтя ея благорасположеніе, получила приглашеніе ходить къ ней запросто, а когда пріѣдутъ братья, то и ихъ ей представить.

Марья Николаевна этимъ не проманкировала, и какъ только молодые люди пріѣхали, она ихъ тотчасъ же привела къ княгинѣ.

Изъ нихъ старшій тогда только что окончилъ курсъ, а второй былъ въ философскомъ классѣ.

Марья Николаевна, введя богослова съ философомъ, сама стала у порога, а тѣ сейчасъ же вышли на середину комнаты и начали предъ бабушкой декламировать, сначала философъ по-гречески, а потомъ богословъ по-латыни.

Бабушка, разумѣется, во всемъ этомъ ни слова не понимала, но прилежно слушала, сама разсматривала молодцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ другого краше. Особенно былъ хорошъ старшій, богословъ: высокаго роста, съ густыми косицами русыхъ волосъ на вискахъ и съ нѣжнымъ бархатнымъ пухомъ вокругъ свѣжихъ розовыхъ щекъ. Большіе, небеснаго цвѣта глаза его такъ отрадно глядѣли изъ-подъ длинныхъ темныхъ рѣсницъ, что сама бабушка залюбовалась на молодого человѣка и мысленно перебирала: какой прекрасный рядъ разнообразныхъ ощущеній долженъ былъ теперь проходить въ душѣ Марьи Николаевны, которой эти молодые люди всѣмъ были обязаны. Но княгиня не замѣчала, что въ то же самое время рядъ иныхъ и притомъ самыхъ роковыхъ впечатлѣній наплывалъ и тѣснился въ другую восторженную душу, именно въ душу Ольги Ѳедотовны.

Она воспылала самою нѣжною любовью къ богослову, но, увы! не на радость ни ему, ни себѣ, такъ какъ въ планы Маріи Николаевны отнюдь не входила раповременная женитьба брата, которому ея заботливость прочила другую карьеру.

Ольга Ѳедотовна ничего этого тогда не знала, да и къ чему ей было знать что-нибудь въ эти блаженныя минуты. Неодолимыя противорѣчія, въ примиреніи которыхъ лежала развязка этого романическаго случая, и безъ того не замедлили подвергнуть сердце бѣдной дѣвушки всѣмъ испытаніямъ несчастной любви.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Всего «мечтанія» Ольги Ѳедотовны, такъ она обыкновенно называла свою любовь, было два мѣсяца, отъ начала

каникулъ до открытія академическихъ курсовъ. Въ такое короткое время любовь эта зародилась, дошла до зенита и, совершивъ все свое граціозное теченіе, спала звѣздою на землю, гдѣ поросла травой забвенія.

Ольгѣ Ѳедотовнѣ, разумѣется, не легко было скрывать, что она любитъ богослова; чѣмъ она тщательнѣе хоронила въ себѣ эту тайну своего сердца, тѣмъ чистое чувство ея сильнѣе росло и крѣпло въ этихъ похоронкахъ и бунтливо рвалось наружу. Ольга Ѳедотовна, несмотря на свое магазинное воспитаніе, была совершенно неопытна въ любовныхъ дѣлахъ: она думала, что счастіе, которое она впервые ощутила при сознаніи, что она любитъ, можетъ оставаться полнымъ и найдетъ для себя занятіе въ самомъ себѣ, но, увы! сердце бѣдной дѣвушки начало жаждать отвѣта.

Ольгѣ Ѳедотовнѣ томительно захотѣлось знать: замѣтитъ ли онъ ее, думаетъ ли онъ о ней, и что̀ именно это за дума? Но какъ узнать объ этомъ? Она имѣла обыкновеніе бѣгать къ Марьѣ Николаевнѣ на минутку каждыя сумерки и теперь продолжала дѣлать это еще охотнѣе, потому что могла тамъ видѣть свой кумиръ, но она съ кумиромъ никогда не оставалась наединѣ и они не говорили ни о чемъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Сердце страстно влюбленной только больше и больше мучилось. Всемѣрно заботясь о храненіи своей тайны, Ольга Ѳедотовна, по страстному противорѣчію, въ то же время приходила въ негодованіе, что ее не замѣчаютъ. Отъ этой истомы и волненій она занемогла и въ безпрерывныхъ думахъ объ одномъ и томъ же выработала въ себѣ такую чувствительную раздражительность, что глаза у нея постоянно были полны слезъ и она безпрестанно готова была расплакаться. Бабушка не могла придумать, что̀ такое съ ея фавориткою, и сколько ни добивалась, ничего отъ нея не узнала; но вскорѣ же вышелъ случай, при которомъ Ольга Ѳедотовна головою себя выдала сначала Марьѣ Николаевнѣ, а потомъ и самой княгинѣ.

Дѣло это вышло изъ того, что Марьѣ Николаевнѣ, которая не уставала втирать своихъ братьевъ во всеобщее расположеніе и щеголять ихъ образованностью и талантами, пришло на мысль просить Ольгу Ѳедотовну, чтобы та въ свою очередь какъ-нибудь обинякомъ подбила ба-

бушку еще разъ позвать къ себѣ богослова и поговорить съ нимъ по-французски.

Дьяконица передала объ этомъ Ольгѣ Ѳедотовнѣ подъ большимъ секретомъ и съ полною увѣренностью, что та по дружбѣ своей непремѣнно охотно за это возьмется; но, къ удивленію ея, Ольга Ѳедотовна, при первомъ же упоминаніи имени Василія Николаевича (такъ звали богослова), вдругъ вся до ушей покрылась густымъ румянцемъ и съ негодованіемъ воскликнула:

Что это вы, Марья Николаевна... какъ вы это могли подумать?

— А что такое?

— Да это вы хотите, чтобъ я стала говорить о Василіи Николаичѣ... Ни за что на свѣтѣ!

Но отчего же?

— Нѣтъ, лучше и не говорите: я вамъ все, что угодно, готова сдѣлать, но имени его предъ княгиней я произнесть... не могу.

Марья Николаевна, никогда не знавшая никакой другой любви, кромѣ родственной и христіанской, и тутъ не поняла въ чемъ дѣло и спросила:

Ахъ, милая Ольга Ѳедотовна, да неужели же вамъ имя его такъ противно?

Этого наивнаго вопроса Ольга Ѳедотовна уже не выдержала:

Какъ!—вскрикнула она.— Вы это такъ, Марья Николаевна, поняли, что мнѣ... можетъ быть противно?

И съ этимъ у нея на обѣихъ рѣсницахъ задрожали слезы, и она, не простившись съ Марьей Николаевной, ударилась бѣжать домой.

Марья Николаевна болѣе не возобновляла этого ходатайства чрезъ Ольгу Ѳедотовну, а самолично устроила богослову французскія конференціи съ бабушкой. Результатъ этихъ конференцій былъ, однако не совсѣмъ удовлетворительный, потому что княгиня, предложивъ семинаристу два-три вопроса на французскомъ языкѣ, тотчасъ же заговорила съ нимъ опять по-русски, а при прощаніи дала ему такой совѣтъ:

— Знаете, я вамъ скажу, мой другъ, вы это прекрасно сдѣлали, что выучились по-французски: это въ разсужденіи чтенія вамъ будетъ очень полезно, но только говорить вамъ на этомъ языкѣ безъ нужды я не совѣтую.

Марья Николаевна, можетъ-быть, не совсѣмъ поняла, что это значитъ, но, вѣроятно, склонна была бы этимъ немножко огорчиться, если бы бабушка тутъ же не отвлекла ея вниманія однимъ самымъ неожиданнымъ и страннымъ замѣчаніемъ: княгиня сказала дьяконицѣ, что братъ ея влюбленъ.

Марья Николаевна страшно переконфузилась и отвѣчала:

— Что вы, ваше сіятельство... развѣ это можно?

— Да ты напрасно этого такъ стыдишься.

— Нѣтъ, да какъ же... помилуйте: зачѣмъ же это могло... помилуйте!

— Ну, а велика ли въ томъ польза будетъ, что я тебя помилую; а онъ все-таки влюбленъ!

— Да въ кого же, ваше сіятельство, влюбленъ? Это совсѣмъ напрасно.

— А вотъ же и не напрасно: онъ въ мою Ольгу влюбленъ!

— Какъ!.. въ Ольгу Ѳедотовну?! въ вашемъ домѣ!.. Нѣтъ, ваше сіятельство... Не думайте, я его сама воспитывала... онъ не рѣшится...

Бабушкѣ не малаго труда стоило успокоить дьяконицу, что она ничего о ея братѣ худого не думаетъ и нимало на него не сердится; что «любовь это хвороба, которая не по лѣсу, а по людямъ ходитъ, и кто кого полюбитъ, въ томъ онъ самъ не воленъ».

— А въ такомъ разѣ...

Марья Николаевна не договорила и тихо заплакала и на внимательные разспросы княгини о причинѣ слезъ объяснила, что, во-первыхъ, ей несносно жаль своего брата, потому что она слыхала, какъ любовь для сердца мучительна, а во-вторыхъ, ей обидно, что онъ ей объ этомъ ничего не сказалъ и прежде княгинѣ повинился.

— Перестань, мать: не винился онъ мнѣ, — отвѣчала княгиня, — а я сама все замѣтила.

— Изъ какихъ поступковъ?

— Изъ того, что они другъ другу въ глаза смотрѣть не могутъ... краснѣютъ.

— И только-съ?

— Да; глаза влюбленные.

— Это, можетъ-быть, ваше сіятельство, такъ просто глаза отъ конфуза... Однако, я Васю объ этомъ спрошу.

— Не скажетъ онъ тебѣ.

— Скажетъ-съ; я съ нимъ къ младшей сестрѣ съѣзжу: она хитренькая, притворится и все у него выспроситъ.

На другой день Марья Николаевна, дѣйствительно, съѣздила обыденкой съ братомъ къ сестрѣ и, вернувшись къ вечеру домой, прибѣжала къ бабушкѣ.

— Ну, что?—спросила княгиня.

— Влюбленъ-съ, отвѣчала дьяконица.

— А, вотъ видишь! Ужъ я эти влюбленные глаза знаю.

— Нѣтъ-съ, ужъ что тутъ, ваше сіятельство, глаза! Онъ долго и сестрѣ ничего не хотѣлъ открыть; только когда мы съ нею обѣ предъ нимъ на колѣнки стали, такъ тогда онъ открылъ: «влюбленъ, говоритъ, и безъ нея даже жить не могу».

Если бы княгиня и дьяконица были въ эти минуты поменьше заняты тѣмъ, о чемъ онѣ говорили, то имъ бы надлежало слышать, что при послѣднихъ словахъ двери сосѣдней гардеробной комнаты тихо скрипнули и оттуда кто-то выкатилъ. Это была счастливѣйшая изъ счастливыхъ Ольга Ѳедотовна. Она теперь знала, что *ее любятъ*.

Затѣмъ прошла недѣля ея недолговѣчнаго счастія, въ продолженіе которой она ни разу не ходила къ Марьѣ Николаевнѣ и богослова не видала, а бабушка въ это время все планировала, какъ она устроитъ влюбленныхъ. Она рѣшила, что богословъ выйдетъ изъ духовнаго званія, женится на Ольгѣ Ѳедотовнѣ и поступитъ на службу. Тогда семинаристы, благодаря Сперанскому, были въ модѣ и получали ходъ; а бабушка уже все придумывала: какъ обезпечить молодыхъ такъ, чтобы они не знали нужды и мужъ ея любимицы не погрязъ бы въ темной долѣ и не маралъ бы рукъ взятками.

Все это было стройно улажено въ ея головѣ, и она уже готовилась обрадовать этимъ Ольгу, но только прежде хотѣла знать на этотъ счетъ мнѣніе Марьи Николаевны, которой и открыла весь планъ свой.

Дьяконица, къ немалому удивленію бабушки, выслушала это съ крайнимъ смущеніемъ: какъ она ни любила Ольгу Ѳедотовну, но женитьба на ней брата не входила въ ея соображенія.

— Ему рано, отвѣчала она: — ваше сіятельство; и я хочу, чтобъ онъ въ академію шелъ и профессоромъ былъ.

Профессорство это было во мнѣніи Марьи Николаевны такое величіе, что она его не желала смѣнять для брата ни на какую другую карьеру. Притомъ же она такъ давно объ этомъ мечтала, такъ долго и такъ неуклонно къ этому стремилась, что бабушка сразу поняла, что дѣло Ольги Ѳедотовны было проиграно.

Бѣдная дѣвушка получила жестокій ударъ не отъ врага, а отъ сердечнѣйшаго друга, и не одна *она*, но и *онъ*.

Для быстролетной любви этой началась краткая, но мучительная пауза: ни бабушка, ни дьяконица ничего не говорили Ольгѣ Ѳедотовнѣ, но она все знала, потому что, разъ подслушавъ случайно разговоръ ихъ, она повторила этотъ маневръ умышленно и, услыхавъ, что она служитъ помѣхою карьерѣ, которую сестра богослова считаетъ для брата наилучшею, рѣшилась поставить дѣло въ такое положеніе, чтобъ этой помѣхи не существовало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Марья Николаевна, возвращаясь отъ бабушки вечеромъ послѣ описаннаго разговора, была страшно перепугана: ей все казалось, что, какъ только она сошла съ крыльца, за ней кто-то слѣдилъ; какая-то небольшая темная фигурка то исчезала, то показывалась и все неслась стороною, а за нею мелькала какая-то бѣлая нить. Марья Николаевна понять не могла, что̀ это такое, и все ускоряла свой шагъ; но чуть только она опустилась въ лощинку, за которою тотчасъ на горѣ стояла Поповка, это темное привидѣніе вдругъ понеслось прямо на нее и за самыми ея плечами проговорило:

— Вы, Марья Николаевна, не безпокойтесь!

Марья Николаевна страшно испугалась, но, услыхавъ въ этомъ голосѣ что-то знакомое, тотчасъ же ободрилась и крикнула:

— Ольга Ѳедотовна, это вы.

Но, однако, отвѣта не было, а темная фигурка, легко скользя стороною дороги, опять исчезла въ темнотѣ ночи, и только по сѣрому шару, который катился за нею, Марья Николаевна основательно убѣдилась, что это была *она*, то-есть Ольга Ѳедотовна, такъ какъ этотъ прыгающій сѣрый шаръ былъ большой, бѣлый пудель Монтрозъ, принадле-

жавшій Патрикѣю Семенычу и не ходившій никуда, ни за кѣмъ, кромѣ своего хозяина и Ольги Ѳедотовны.

Марья Николаевна, по женскому такту, никому объ этой встрѣчѣ не сказала, она думала: пусть Ольга Ѳедотовна сдѣлаетъ какъ думаетъ. Бабушкѣ ровно ничего не было извѣстно: она только замѣчала, что Ольга Ѳедотовна очень оживлена и дѣятельна и даже три раза на недѣлѣ просилась со двора, но княгиня не приписывала это ничему особенному и ни въ чемъ не стѣсняла бѣдную дѣвушку, которую невдалекѣ ожидало такое страшное горе. Княгиня только безпокоилась: какъ ей открыть, что богословъ никогда ея мужемъ не будетъ.

Межъ тѣмъ прошла въ этомъ недѣля: въ одинъ день Ольга Ѳедотовна ѣздила въ сосѣднее село къ мужику крестить ребенка, а бабушкѣ нездоровилось, и она легла въ постель, не дождавшись своей горничной, и заснула. Только въ самый первый сонъ княгинѣ показалось, что у нея за ширмою скребется мышь... Бабушка терпѣла-терпѣла и наконецъ, чтобъ испугать звѣрька, стукнула нѣсколько разъ рукою въ стѣну, за которою спала Ольга Ѳедотовна.

Та явилась какъ листъ предъ травой.

— Я тебя не звала, мнѣ показалось — мыши...

Ольга Ѳедотовна отошла и стала лицомъ къ образнику.

Бабушка подождала и потомъ окликнула:

— Ольга, что ты тамъ дѣлаешь?

— Лампадъ поправляю-съ, — отвѣчала Ольга Ѳедотовна, и въ это же самое мгновеніе поплавокъ лампады юркнулъ въ масло и свѣтъ потухъ.

— Скора, матушка: прекрасно поправила... И главное, кто тебя объ этомъ просилъ? лампада прекрасно горѣла, такъ нѣтъ...

Но въ это время Ольга Ѳедотовна подошла впотьмахъ къ бабушкиной постели и прошептала:

— Ваше сіятельство! я пришла повиниться.

Бабушка Богъ знаетъ что подумала и тревожно отвѣчала:

— Что такое? что такое? это ни на что не похоже... поди отъ меня съ своей виной; я ничего не хочу знать.

— Ваше сіятельство... я самое безвредное!

Княгиня пожала плечами и молвила:

— Вотъ пристала!

— Теперь я Василью Николаичу не помѣха: онъ меня любить не можетъ.

Бабушка повернулись въ постели и спросила:

— Отчего?

— Мы съ нимъ сегодня у мужика младенца крестили.

Бабушка сѣла въ кровати и произнесла:

— Ольга, ты глупа.

— Ваше сіятельство, это такъ надо было-съ.

— Нѣтъ, ты извини меня: я всегда думала о тебѣ, что ты гораздо умнѣе, а ты положительнѣйшимъ образомъ глупа: Вася могъ окончить курсъ въ академіи и остаться тебѣ вѣренъ и тогда бы на тебѣ женился, а теперь вы кумовья,— куму на кумѣ никогда жениться нельзя.

— Я это знала-съ, я все знала и нарочно сдѣлала.

— Зачѣмъ, говори мнѣ, зачѣмъ?

— Чтобъ имъ обо мнѣ не думалось; чтобъ я... имъ не мѣшала; чтобъ изъ памяти меня выкинули, — отвѣчала бѣдная дѣвушка и зарыдала.

Бабушка встала съ кровати, сама зажгла лампаду и, сѣвши потомъ въ кресло, сказала:

— Удивила ты меня, но онъ мнѣ еще болѣе тебя удивителенъ: какъ же онъ на это согласился? Неужели я въ немъ ошиблась и онъ тебя мало страстно любитъ?!

Это словечко кольнуло самолюбіе Ольги Ѳедотовны: въ ней поднялась гордость женщины, всегда готовой упиваться сознаніемъ, что ее много любятъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчала она: — они меня истинно какъ должно любятъ, а это что они крестили—все черезъ мое коварство случилось.

— А гдѣ же его голова-то была?

— Не могли-съ они предъ моимъ обольщеніемъ своею головою управлять, а послѣ, давъ мнѣ слово, безчестнымъ быть не хотѣли,—отвѣчала не безъ гордости и не безъ уваженія къ себѣ Ольга Ѳедотовна.

Не зная какъ должно понимать всѣ недомолвки этой обольстительницы злополучнаго богослова, бабушка, отложивъ всякія церемоніи, сказала:

— Ты если хочешь говорить, то здѣсь только Богъ да мы двое, — такъ ты говори откровенно, что ты набѣдокурила?

— Одного этого теперь только и желаю: открыться.

— Ну, и откройся.

Ольга Ѳедотовна и начала.

Разсказавъ бабушкѣ со всей откровенностію, какъ ей стали извѣстны затрудненія Марьи Николаевны, дѣвушка въ трагической простотѣ изобразила состояніе своей души, которая тотчасъ же вся какъ огнемъ прониклась однимъ желаніемъ сдѣлать такъ, чтобы богословъ не могъ и думать на ней жениться. За этимъ рѣшеніемъ послѣдовало обдумываніе плана, какъ это выполнить. Что̀ могла измыслить простая неопытная дѣвушка? Она слыхала, что нельзя жениться на кумѣ, и ей сейчасъ же пришло въ голову: зачѣмъ она не кума своему возлюбленному?

— Тогда бы онъ не могъ ко мнѣ свататься и вышелъ бы въ архіереи.

Такъ заключила Ольга Ѳедотовна, постоянно замѣняя по какой-то случайности слово «профессоръ» словомъ «архіерей». И разъ попавъ на эту мысль, она вдругъ стала искать средствъ: нельзя ли это поправить? Въ концѣ концовъ, это ей показалось хотя и довольно труднымъ, но сбыточнымъ, если пустить въ ходъ всѣ ей извѣстныя средства. И вотъ Ольга Ѳедотовна, забравъ это въ голову, слетала въ казенное село къ знакомому мужичку, у котораго родился ребенокъ; дала тамъ денегъ на крестины и назвалась въ кумы, съ тѣмъ, чтобы кума не звали, такъ какъ она привезетъ своего кума. Во всемъ этомъ она, разумѣется, никакого препятствія не встрѣтила, но труднѣйшая часть дѣла оставалась впереди: надо было уговорить влюбленнаго жениха, чтобъ онъ согласился продать свое счастье за чечевичную варево и ради удовольствія постоять съ любимою дѣвушкою у купели чужого ребенка, лишить себя права стать съ нею у брачнаго аналоя и молиться о собственныхъ дѣтяхъ. Это, конечно, хоть какому уму была задача не легкая. Но Ольга Ѳедотовна разрѣшила ее блистательно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Угадывая инстинктомъ природу молодой страсти своего возлюбленнаго, Ольга Ѳедотовна не рѣшилась ни на какія прямыя съ нимъ откровенности. Она правильно сообразила, что этимъ она его не возьметъ, и обратилась къ хитрости, къ силѣ своихъ чаръ и своего кокетства.

Навѣстивъ въ сумерки одного дня Марью Николаевну, Ольга Ѳедотовна нарочно у нея припоздала, а потомъ высказала опасеніе идти одной черезъ бугоръ, гдѣ ночевала овечья отара, около которой бѣгали злыя сторожевыя собаки. Влюбленный студентъ не смѣлъ вызваться быть ея провожатымъ, но она сама его объ этомъ попросила: богословъ, разумѣется, согласился; онъ выдернулъ изъ плетня большой колъ, чтобы защищаться отъ собакъ, и пошелъ вслѣдъ за своею возлюбленною. Дорога была нехороша: днемъ выпалъ дождикъ и суглинистая земля смокла и осклизла. Ольга Ѳедотовна плохо ступала: она была, какъ на зло, въ новыхъ башмачкахъ, и ея маленькія ножки безпрестанно ползли назадъ или спотыкались.

Если она къ этому прибавляла что-нибудь съ намѣреніемъ дать понять своему спутнику, что ей очень трудно идти одной безъ его поддержки, то, вѣроятно, дѣлала это съ большимъ мастерствомъ; но, тѣмъ не менѣе, румяный богословъ все-таки или не дерзалъ предложить ей свою руку, или же считалъ это не идущимъ къ его достоинству.

Ольга Ѳедотовна рѣшилась прервать это затрудненіе.

— Василій Николаичъ, — сказала она, — что вы это сзади меня идете?

— А что же такое?

— Да такъ, нехорошо... вы точно служитель.

— Ничего-съ.

— Нѣтъ, вы бы лучше рядомъ шли, да мнѣ бы руку дали, а то очень склизко.

— Съ большимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ богословъ.

— Или вамъ, можетъ-быть, со мной подъ руку стыдно и непріятно идти?

— Нѣтъ, отчего же... напротивъ, даже очень пріятно.

— Вы, впрочемъ, откровенно скажите: если стыдно, такъ вы не безпокойтесь.

Богословъ еще разъ повторилъ, что ему пріятно, и они взялись подъ руки, но разговоръ у нихъ прекратился, а дорога убывала. Ольга Ѳедотовна видѣла, что спутникъ ея робокъ и самъ ни до чего не дойдетъ, и снова сама заговорила:

— Вы, Василій Николаичъ, много учились?

— Много-съ.

— И вѣдь трудно небось?

— Ничего-съ.

— Какъ же... есть науки трудныя.

— Есть-съ.

— Ну, такъ какъ же съ ними?

— Преодолѣваешь.

— И сѣкутъ?

— Сѣкутъ-съ.

— И васъ тамъ сѣкли?

— Непремѣнно-съ, какъ и всякаго.

— И слукавить нельзя?

— Нельзя-съ.

— Отчего же?

— Потому что это всегда передъ начальствомъ дѣлается.

— Неужто начальникъ смотритъ?

— Постоянно-съ.

— Ахъ, Боже мой! а онъ свѣтскій или монахъ?

— Монахъ-съ.

— Монахъ!

— Навѣрно такъ-съ.

— Такъ это вѣдь какъ же, должно-быть, конфузно?

— Отчего же?

— Да при монахѣ-то?

— Нѣтъ-съ; въ молодыхъ годахъ ничего и потомъ больно, такъ ужъ не разбираешь.

— Видите ли! а вы сколько лѣтъ тамъ находились?

— Тринадцать-съ.

— Ахъ, Боже мой! И какое число несчастливое.

— Это предразсудокъ-съ.

— А вѣдь скажите: въ наукахъ о сердцѣ ничего не говорится?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Чтобы какъ любить должно и какъ мужчинѣ съ женщиной обращаться?

— Ничего-съ.

И разговоръ снова смолкъ, а нити, между тѣмъ, осталось еще менѣе. Ольга Ѳедотовна вспомнила, о чемъ бывало слыхала въ магазинѣ, и спросила:

— Вы, Василій Николаичъ, умѣете танцовать?

— Нѣтъ-съ, не умѣю.

— Очень жаль: въ танцахъ кавалеры съ дѣвицами откровенно объясняются.

— Да это, если ложій кавалеръ, такъ и не въ танцахъ можно-съ.

— Напримѣръ, какъ же?

— Стихами, или задачею: что лучше — желать и не получить, или имѣть и потерять; а то не цвѣтамъ: что какой цвѣтъ означаетъ — вѣрность или измѣну.

— А вы къ измѣнѣ или къ вѣрности склонны?

— Я измѣны ненавижу.

— Вы неправду говорите.

— Почему же неправду?

Ольга Осдотовна рѣшительно не знала, куда она идетъ съ этимъ разговоромъ, но на ея счастье въ это время они поровнялись съ отарой: большое стадо овецъ кучно жалось на темной травѣ, а сторожевые псы, заслышавъ прохожихъ, залаяли. Она вздрогнула и смѣло прижалась къ рукѣ провожатаго.

— Вы боитесь? — спросилъ, взмахивая коломъ, богословъ.

— Нѣтъ, не боюсь... А вотъ уже и домъ близко.

— Да; близко-съ,—отвѣчалъ, вздохнувъ, богословъ.

Ольга Осдотовна пожала къ себѣ его руку и, отворотясь отъ него въ сторону, проговорила:

— Василій Николаичъ!

— Что вамъ угодно, Ольга Осдотовна?

— О чемъ вы вздыхаете?

— Я не вздыхалъ-съ.

— Нѣтъ, вы вздохнули.

— Можетъ-быть-съ.

— Такъ о чемъ же это?

— Этого сказать нельзя-съ.

— Почему же нельзя?

— Потому, что вы можете обидѣться.

— Ну, это, стало-быть, вы меня не любите.

— Кто это?.. я васъ не люблю! — вскричалъ богословъ.

— Ахъ, что вы это, Василій Николаичъ, такъ громко. Это надо тише.

— Я васъ такъ люблю-съ, такъ люблю,—началъ богословъ, но Ольга Осдотовна его остановила и, задыхаясь отъ страха, сказала:

— Позвольте, позвольте... Не говорите здѣсь про это.

— А гдѣ же-съ?

— Вотъ сейчасъ... вотъ мы въ сѣни взойдемъ.

Она была въ положеніи того неопытнаго чародѣя, который, вызвавъ духовъ, не зналъ какъ заставить ихъ опять спрятаться. На выручку ея водоспѣлъ Монтрозка, который, завидѣвъ ее съ крыльца, подбѣжалъ къ ней съ радостнымъ воемъ. Ольга Ѳедотовна начала ласкать Патрикѣева пуделя и, быстро вскочивъ на крыльцо, скрылась въ темныхъ сѣняхъ.

Богословъ не сробѣлъ и очутился тутъ же за нею.

— Ишь вы какой, Василій Николаичъ, хитрый,—шептала дѣвушка, и вслѣдъ затѣмъ громко кашлянула.

— Зачѣмъ это вы такъ громко?

— Чтобъ узнать, нѣтъ ли тутъ дѣвушекъ.

— Что же, ихъ нѣтъ-съ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Ольга, дрожа всѣмъ тѣломъ и держа рукою за ошейникъ Монтрозку.

— Такъ вы извольте теперь услыхать про мои чувства.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Василій Николаичъ... Я вамъ вѣрю... Я и сама къ вамъ хорошія чувства, Василій Николаичъ, имѣю.

И у нея дрогнулъ голосъ.

— А въ такомъ случаѣ...—сказалъ богословъ: — я отъ васъ долженъ что-нибудь получить.

Ольга Ѳедотовна чувствовала, что ей измѣняютъ силы, но вела игру далѣе и прошептала:

— Что же такое получить?

Рискъ и соблазнительная темнота сѣней, еще прибавили нашему герою смѣлости и онъ отвѣчалъ:

— Поцѣлуй-съ!

Ольга Ѳедотовна вздрогнула и отвѣчала:

— А-а, ишь вы какой, Василій Николаичъ, ужъ и поцѣлуй.

— Всегда такъ-съ... объясненіе, а потомъ и поцѣлуй.

— Неужели это такъ?

— Непремѣнно-съ!

— Ну, хорошо, Василій Николаичъ, если это такъ нужно, то что же дѣлать, я васъ поцѣлую, но только уговоръ!

— Все, что вамъ угодно.

— Чтобы первую просьбу, которую васъ попрошу, чтобы вы исполнили!

— Исполню-съ.

Честное слово?

— Все, что вамъ угодно.

— Извольте же! Я вамъ удовольствіе сдѣлаю, только вы вотъ идите сюда... Вотъ сюда, сюда за мою рукой: здѣсь темнѣе.

И, заведя богослова въ самый темный уголъ, она обвила одною рукой его шею и робко поцѣловала его въ губы, а другою выпустила ошейникъ Монтроза и энергически его иріуськнула. Собака залаяла и вооруженный коломъ богословъ, только-что сорвавшій первый и единственный поцѣлуй съ губокъ своей коварной красавицы, бросился бѣжать, а на другой день онъ, не успѣвши опомниться отъ своего вчерашняго счастія, сдерживалъ уже свое честное слово—не возражать противъ первой просьбы Ольги Ѳедотовны, и крестилъ съ нею мужичьяго ребенка, разлучившаго у своей купели два благородныя и нѣжно другъ друга любившія сердца.

Остальное пошло такъ, какъ Ольга Ѳедотовна хотѣла для счастья другихъ: съ теченіемъ многихъ лѣтъ ея Василій Николаичъ, котораго она притравила какъ Діана Актеона, окончилъ курсъ академіи, пошелъ въ монахи и былъ, къ удовольствію сестры, архіереемъ, а Ольга Ѳедотовна такъ и осталась Діаною, весталкою и бабушкиною горничной.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Чтобы не оставлять отъ этой любви ничего недосказаннаго, я должна прибавить, что Ольга Ѳедотовна, схрабровавъ въ этотъ разъ болѣе чѣмъ можно было отъ нея ожидать, послѣ, однако, очень долго мучилась.

— Все у нея, бѣдной, корчи въ сердцѣ дѣлались,—говорила бабушка.—Марья Николаевна въ ту пору ее, бѣдную, даже видѣть боялась, а мы съ Патрикѣемъ, какъ могли, ее развлекали. Ничего ей прямо не говорили, а такъ все за нею ухаживали, то на перелетъ, то на рыбную ловлю ее брали, и тутъ она у меня одинъ разъ съ лодки въ озеро упала... Богъ ее знаетъ, какъ это съ нею случилось, — не спрашивала, а только насилу ее въ чувство привели. А потомъ какъ къ первымъ послѣ того каникуламъ пришло извѣстіе, что Вася не будетъ домой, потому что онъ въ Кіевѣ

въ монахи постригся, она опять забѣленила: все, бывало, уходитъ на чердакъ, въ чуланъ, гдѣ у меня цѣлебныя травы сушились, и сверху въ слуховое окно вдаль смотритъ да поетъ жалкимъ голосомъ:

Ты проходишь, дорогой другъ, мимо кельи,
Гдѣ несчастная черница ждетъ въ мученьи.

Черницей все сама себя воображала!.. Да и я, признаться, этимъ совсѣмъ недовольна была, заключала бабушка, — молодъ больно былъ!.. Это неопытно, могъ бы и не идти въ монастырь, а другую судьбу себѣ въ жизни найти, да удержать, видно, некому было.

Но, наконецъ, и эта «корчь сердца» стихла, и Ольга Осдотовна успокоилась, она жила и старѣлась, никогда никому ни словомъ, ни намекомъ не выдавая: умерло или еще живо и вѣчно осталось живымъ ея чувство.

Я уже помню себя, хотя, впрочемъ, очень маленькою дѣвочкою, когда бабушка одинъ разъ прислала къ намъ звать maman со всѣми дѣтьми, чтобы мы пріѣхали къ обѣднѣ, которую проѣздомъ съ епископской каѳедры на архіепископскую будетъ служить архіерей, этотъ самый братъ дьяконицы, Марьи Николаевны. Maman, конечно, поѣхала и повезла всѣхъ насъ къ бабушкѣ. Помню это первое архіерейское служеніе, которое мнѣ довелось видѣть: оно поражало своимъ великолѣпіемъ мои дѣтскія чувства, и мнѣ казалось, что мы находимся въ самомъ небѣ. Но самъ архіерей мнѣ не понравился: онъ былъ очень большой, тучный, съ большою бородой, тяжелымъ, медлительнымъ взглядомъ и нависшими на глаза густыми бровями. Ходилъ шибко, рѣзко взмахивалъ рукавами, на которыхъ гулко рокотали маленькіе серебряные бубенчики, и дѣлалъ нетерпѣливыя нервныя движенія головою, какъ бы безпрестанно старался поправлять на себѣ митру.

Бабушка и для архіерейскаго служенія не перемѣнила своего мѣста въ церкви: она стояла слѣва за клиросомъ, съ ней же рядомъ оставалась и maman, а сзади, у ея плеча, помѣщался пріѣхавшій на это торжество дядя, князь Яковъ Львовичъ, бывшій тогда уже губернскимъ предводителемъ. Насъ же, маленькихъ дѣтей, то-есть меня съ сестрою Nathalie и братьевъ Аркадія и Валерія, бабушка велѣла вывесть впередъ, чтобы мы видѣли «церемонію».

Для надзора за нами, сзади насъ стояла Ольга Осдо-

товна, тогда уже довольно старенькая, хотя, по обыкновенію, свѣженькая и опрятная, какою она была во всю свою жизнь.

Никто изъ насъ, дѣтей, разумѣется, и воображенія не имѣлъ, что такое наша Ольга Ѳедотовна могла быть этому суровому старику въ тяжелой золотой шапкѣ, которою онъ все какъ будто помахивалъ. Мы только все дергали Ольгу Ѳедотовну потихоньку за платье и безпрестанно докучали ей разспросами, что значитъ то, и что значитъ это? На всѣ эти вопросы она отвѣчала намъ одно:

— Стойте смирно!

Но когда совсѣмъ облаченный архіерей, взойдя на амвонъ, повернулся лицомъ къ народу и съ словами «призри, виждь и посѣти», осѣнилъ людей пылающими свѣчами, скромный бѣлый чепецъ Ольги Ѳедотовны вдругъ очутился вровень съ нашими дѣтскими головами. Она стояла на колѣняхъ и, скрестивъ на груди свои маленькія ручки, глазами ангела глядѣла въ небо и шептала:

— Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ все!

Въ этомъ какъ бы заключался весь отвѣтъ ея себѣ, намъ и всякому, кто захотѣлъ бы спросить о томъ, что нѣкогда было и о томъ, что она нынче видитъ и что чувствуетъ.

Бабушка въ этотъ день была, повидимому, не въ такомъ покорномъ настроеніи духа: она какъ будто вспомнила что-то непріятное, и за обѣдомъ, угощая у себя почетнаго гостя, преимущественно предоставляла занимать его дядѣ, князю Якову Львовичу, а сама была молчалива. Но когда архіерей, сопровождаемый громкимъ звономъ во всѣ колокола, выѣхалъ изъ родного села въ каретѣ, запряженной шестерикомъ лучшихъ бабушкиныхъ коней, княгиня даже выразила на него дядѣ и maman свою «критику».

— Напрасно, я нахожу, онъ здѣсь этакую проповѣдь изволилъ сказать,—заговорила она:—и не понимаю, что это ему вздумалось тутъ говорить, что «нѣтъ больше любви, если кто душу свою положитъ»... Это божественныя слова, но только и ихъ надо у мѣста ставить. А тутъ, — она повела рукою на чайную комнату, гдѣ Марья Николаевна и Ольга Ѳедотовна въ это время бережно перемывали бывшій въ тотъ день въ употребленіи завѣтный саксонскій сервизъ, и добавила:—тутъ по любви-то у насъ есть своя академія и свои профессора... Вонъ они у меня чайнымъ

полотенцемъ чашки перетираютъ... Ему бы достаточно и того счастья, что онъ могъ ихъ знать, а не то, чтобы еще ихъ любви учить! Это неделикатно!

И, не принимая никакихъ услугъ безъ вознагражденія, княгиня тотчасъ же послала архіерею съ Патрикѣемъ въ городъ отрѣзъ бархата на рясу и гро-гро на подрясникъ. Архіерей переслалъ съ тѣмъ же Патрикѣемъ бархатъ сестрѣ, а шелковую матерію Ольгѣ Ѳедотовнѣ.

— Онъ, значитъ, тебя еще не забылъ,—сказала Ольгѣ бабушка.

— Да-съ, — отвѣчала она, и тотчасъ же отнесла свой подарокъ на завѣсу въ церковь.

Таковъ конецъ этого поздняго эпизода, введеннаго мною здѣсь, можетъ-быть, не совсѣмъ кстати, но я считала его тутъ необходимымъ для того, чтобы закончить фигуру Ольги Ѳедотовны, послѣ которой перехожу къ изображенію другого важнаго лица придворнаго штата княгини — Патрикѣя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Патрикѣй Семенычъ Сударичевъ былъ человѣкъ очень высокаго роста и имѣлъ очень умное «дипломатическое» лицо, продолговатое, блѣдное, съ привѣтливымъ, мягкимъ, но въ то же время внушающимъ почтеніе выраженіемъ. Одѣвался онъ всегда очень строго и опрятно въ одинъ и тотъ же костюмъ: довольно длинный суконный сюртукъ цвѣта bleu de Prusse, бѣлый жилетъ, по которому шелъ бисерный часовой шнурокъ съ брелокомъ изъ оправленнаго въ червонное золото дымчатаго топаза съ вензелемъ моего дѣда. Это былъ для него священный предметъ, который онъ получилъ отъ княгини въ память о князѣ. Патрикѣй носилъ высокіе, туго накрахмаленные воротнички, изъ тѣхъ, что называли тогда «полисонами», и огромное гофрированное жабо. Въ торжественные дни сюртукъ замѣнялся фракомъ того же *бле-де-прюссоваго* сукна съ гладкими золочеными пуговицами, но жилетъ, жабо и все прочее, не исключая даже высокихъ сапожковъ съ кисточками у голенищъ и съ умѣреннымъ скрипомъ подъ рантомъ, все оставалось то же. Онъ и подъ старость ветхихъ лѣтъ своихъ, долготою которыхъ упорно соперничалъ съ бабушкою, всегда держался прямо и молодцовато, а къ

молодости, по словамъ Ольги Ѳедотовны, былъ «просто всѣмъ на заглядѣнье». Сама старенькая Ольга Ѳедотовна, бывало, молодѣла и расцвѣтала, начиная перечислять намъ всѣ достоинства, которыми сіялъ Патрикѣй.

— Красоту онъ, говорила старушка, имѣлъ такую, что хотя нашъ женскій полъ, бывало, и всякій день его видѣлъ, но, однако, когда у княгини бывали въ залахъ для гостей большіе столы, то всѣ съ дѣвичьей половины черезъ коридорныя двери глядѣть ходили, какъ онъ, стоя у особаго стола за колоннами, будетъ разливать горячее. И все это не изъ-за чего-нибудь, потому что Патрикѣй Семенычъ былъ семейный человѣкъ, а единственно ради прелести посмотрѣть. Да и откровенно скажу, было на что полюбоваться: какъ доложитъ бабинькѣ, что все готово, и выйдетъ въ залъ, станетъ самъ на возвышеніи между колоннъ передъ чашею и стоитъ точно капитанъ на кораблѣ, отъ котораго все зависитъ. А какъ только гости вслѣдъ за княгинею парами въ залъ вступятъ и сядутъ, онъ молча глазъ человѣку сдѣлаетъ, тотъ сейчасъ крышку съ чаши долой, а онъ и начнетъ большою ложкой разливать... Ахъ, какъ онъ разливалъ! то-есть этакъ, я думаю, ничего на свѣтѣ нельзя такъ красиво дѣлать! Рука эта у него точно шея у лебедя гнется: нальетъ и передастъ лакею тарелку и опять возьметъ: все красота.

Окончивъ разливанье, которымъ такъ любовались художественныя натуры села Протозанова, Патрикѣй Семенычъ сходилъ съ возвышенія и становился за стуломъ у бабушки, и отсюда опять продолжалъ давать молча тонъ мужской прислугѣ и служить предметомъ восторговъ для наблюдавшихъ за нимъ изъ своего секрета женщинъ.

Стоя за Варварой Никаноровной, Патрикѣй не смѣлъ служить ей какъ обыкновенный лакей. Онъ всегда къ этому имѣлъ тяготѣніе, но это ему давно строго-настрого было запрещено. Онъ дерзалъ только прислуживать княгинѣ, и когда лакей подносилъ бабушкѣ блюдо, Патрикѣй слегка поддерживалъ его подъ краекъ, какъ дѣлаютъ камергеры. Бабушка, говорятъ, много разъ настаивала, чтобы Патрикѣй и такого участія не принималъ въ столовой услугѣ, но это запрещеніе служить ей такъ сильно его огорчало, что княгиня нашлась вынужденною ему уступить. Затѣмъ во всѣхъ обязанностяхъ Патрикѣя при княгинѣ не было ничего сбли-

жавшаго его со званіемъ комнатнаго слуги, хотя, впрочемъ, онъ никакого другого офиціальнаго званія при домѣ не имѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ излагалъ послѣднія минуты князя и, позабывъ въ свѣчномъ ящикѣ свою вольную, отыскивалъ трубача Грайворону, онъ такъ и остался attaché, безъ всякаго особаго названія, но съ полнѣйшимъ во всемъ полномочіемъ. Онъ велъ всѣ переговоры съ людьми, которыхъ бабушка иногда почему-нибудь не могла принять; устраивалъ ея безчисленныхъ крестниковъ и велъ всѣ *безотчетные* расходы по выдачѣ наградъ состоявшимъ *на пайкѣ* губернскимъ и уѣзднымъ чиновникамъ.

Къ орудованію всякими подобнаго щекотливаго свойства дѣлами у него была особенная способность, которую Ольга Ѳедотовна, можетъ-быть, не совсѣмъ неосновательно, считала врожденною.

— Что же, — говорила она, — отчего отъ него, бывало, какой предсѣдатель или вице-губернаторъ даровъ не возьметъ? Всякій возьметъ. Маленькимъ, тѣмъ, бывало, что нужно, малые дары управитель дастъ, а къ старшимъ съ большими дарами или съ средними Патрикѣй ѣдетъ, и отъ другихъ будто не брали, а отъ него всегда брали, потому что повадку такую имѣлъ, что внушалъ довѣріе: глядѣлъ въ глаза вѣрно и ласково, улыбался улыбкой исподтихонька, одними устами поведетъ и опять сведетъ; слушать станетъ все это степенно, а въ отвѣтъ молвитъ, такъ его слову никто не усомнится повѣрить. Всѣ тайны и зналъ зато.

Жилъ Патрикѣй со своимъ семействомъ во флигелѣ, состоявшемъ подъ одною кровлей со ткацкими; а въ семьѣ у него были только жена да сынъ. Жена у него была такая смирная, что ее даже никто не зналъ: она какъ будто была поражена величіемъ мужа и «пила въ тѣняхъ». Всю жизнь свою она употребила на ежедневную стирку и глаженіе его бѣлыхъ галстуковъ и жилетовъ. У нихъ былъ сынъ Николай, котораго бабушка застала уже по пятнадцатому году писаремъ въ конторѣ. Она его немедленно взяла оттуда и велѣла Патрикѣю отдать въ училище, откуда онъ потомъ поступилъ въ архитектурные классы и былъ хорошимъ архитекторомъ и очень богатымъ человѣкомъ, съ которымъ *никто* изъ рода нашего впослѣдствіи вступилъ въ соотношенія, съ моей точки зрѣнія, не совсѣмъ

желанныя. Но это все придетъ въ свое время, а теперь я упоминаю объ этомъ Николаѣ Патрикѣичѣ для того, чтобы разсказать оригинальный и смѣшной случай, сопровождавшій выходъ его въ *благородные*, причемъ Патрикѣй «оказалъ дикость», характеризующую его лучше всякаго пространнаго описанія.

Когда родоначальникъ извѣстнаго нынѣ богатаго дома, Николай Патрикѣевичъ Сударичевъ, получивъ званіе архитектора, пріѣхалъ повидаться къ отцу, бабушка, разумѣется, пожелала, чтобы «Николашу» ей представили, и обласкавъ его, она подарила ему часы, сто рублей «на пару платья», и—о, ужасъ! — велѣла ему придти къ столу съ нею обѣдать... Патрикѣй Семенычъ нашелъ это ни съ чѣмъ несообразнымъ, возмутительнымъ и просто невозможнымъ. Какъ, онъ, его сынъ, «Николашка», будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ княгиней!.. За тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ самъ онъ, Патрикѣй Семенычъ, такъ упорно присвоилъ себѣ право стоять и обходить гостей съ бутылкою мадеры... И, стало-быть, теперь онъ и къ сыну, къ «Николашкѣ», долженъ будетъ подойти съ обернутою салфеткою бутылкой вина и спросить: «прикажете мадеры?» Нѣтъ, это... это было что-то такое, что помутило всѣ понятія Патрикѣя и лишило его всѣхъ средствъ, какъ сообразить въ этомъ случаѣ свое положеніе. Чѣмъ онъ больше это обдумывалъ, тѣмъ больше несообразности видѣлъ въ этомъ странномъ поступкѣ княгини и, не смѣя сердиться на нее, онъ далъ волю своему гнѣву противъ сына: какъ онъ смѣлъ, молокососъ, «не отпроситься». Удалясь самъ въ залъ, Патрикѣй сдѣлалъ подсылъ за сыномъ въ ту комнату, гдѣ тотъ сидѣлъ у княгини, и приготовился просто увесть его куда-нибудь изъ покоевъ и скрыть на время обѣда, а потомъ ввечеру повиниться во всемъ этомъ княгинѣ. Но, къ неожиданной досадѣ Патрикѣя, бабушка поняла его маневръ и, выйдя сама къ нему, сказала:

— Послушай, Патрикѣй Семенычъ, какъ тебѣ не стыдно.

И Патрикѣй Семенычъ понялъ это и смирился до того, что готовъ былъ видѣть «Николашку» за столомъ, но бабушка приняла противъ этого свои мѣры и тутъ же дала ему какое-то порученіе, за которымъ онъ не могъ присутствовать при обѣдѣ. Но Патрикѣй исполнилъ это порученіе скорѣе, чѣмъ княгиня ожидала, и въ половинѣ обѣда

явился за бабушкинымъ стуломъ: онъ хотѣлъ показать, что онъ изъ преданности даже и это снести можетъ. И вотъ въ потребное время онъ взялъ въ руку бутылку мадеры и пошелъ вокругъ, нагинаясь къ каждому гостю, съ вопросомъ: «прикажете?» но, дойдя до сына и приклонясь къ нему, онъ не выдержалъ и, вмѣсто «прикажете вина», простоналъ:

— Пошелъ вонъ!—и съ этимъ, выпустивъ бутылку изъ рукъ, самъ покачнулся и упалъ на руки подхватившаго его сына.

Всѣмъ, я думаю, этотъ обѣдъ былъ невкусенъ, а особенно бѣдному Николаю, который теперь страшно бы разсердился, если бъ ему это напомнили.

Была сконфужена этимъ и сама бабушка, и даже до того сконфужена, что, узнавъ, что съ Патрикѣемъ былъ обморокъ и ему цырюльникъ Иванъ открылъ кровь, она сама пошла къ нему во флигель и извинялась предъ нимъ.

Неизвѣстно, какъ именно она выражала ему свои извиненія, но слова ея подѣйствовали, и Патрикѣй послѣ этого разговора просіялъ и утѣшился. Но, однако, онъ былъ за свою слабость наказанъ: сына его съ этихъ поръ за столъ не сажали, но зато самъ Патрикѣй, подавая бабушкѣ ея утренній кофе, всегда получалъ изъ ея рукъ налитую чашку и выпивалъ ее *сидя* на стулѣ передъ самою княгинею. Въ этомъ случаѣ онъ могъ доставлять себѣ только одно облегченіе, что *садился у самой двери*.

Страсти у Патрикѣя были только двѣ, и обѣ благородныя: онъ любилъ охоту съ ружьемъ и музыку. Для охоты онъ всегда держалъ пуделей, которыхъ самъ дрессировалъ, а ради любви къ музыкѣ имѣлъ скрипку, на которой въ теченіе довольно многихъ лѣтъ, придя вечеромъ домой, обыкновенно около часа игралъ что-то такое у себя подъ окномъ, но что̀ за вещи такія онъ разыгрывалъ—этого никто разобрать не могъ. Но охота ему не измѣняла, а музыку онъ вдругъ оставилъ по одному странному случаю: у бабушки часто ганцивалъ, а въ послѣднее время и совсѣмъ проживалъ, одинъ преоригинальный бѣдный, рыжій и тощій дворянинъ Дормидонтъ Рогожинъ, имя котораго было передѣлано бабушкою въ Донкихотъ Рогожинъ. Человѣкъ этотъ, которому принадлежитъ своя весьма симпатичная роль въ

нашей семейной исторіи, по словамъ бабушки, былъ: «толъ какъ турецкій святой, а въ душѣ рыцарь». По Патрикѣя онъ оторвалъ отъ музыки не своимъ рыцарствомъ, а тѣмъ, что, однажды подслушавъ его ночную игру на скрипкѣ, сказалъ:

— Чего пиликаешь? Развѣ можно такъ скрипѣть, когда теперь гудутъ, несясь въ пространствѣ міровомъ, планеты?

Патрикѣй въ этомъ сначала ничего не понялъ, но за то когда Донкихотъ Рогожинъ нарисовалъ ему значки планетъ и, указавъ орбиты ихъ движенія, сказалъ:

Вѣдь, понимаешь, каждая должна давать свой тонъ: вотъ это меньшая, она тоненько свиститъ, а эта вотъ здоровая жужжитъ какъ бомба, а наша тутъ землишка и себѣ альтомъ играетъ...

Патрикѣй не сталъ далѣе дослушивать, а обернулъ свою скрипку и смычокъ кускомъ старой кисеи и съ той поры ихъ уже не разворачивалъ; время, которое онъ прежде употреблялъ на игру на скрипкѣ теперь онъ простаивалъ у того же окна, но только лишь смотрѣлъ на небо и старался вообразить себѣ ту гармонію, на которую намекнулъ ему рыжій дворянинъ Донкихотъ Рогожинъ.

Охотникъ мечтать о дарованіяхъ и талантахъ, погибшихъ въ разныхъ русскихъ людяхъ отъ крѣпостного права, имѣлъ бы хорошую задачу расчислить: какихъ степеней и положеній могъ достичь Патрикѣй на поприщѣ дипломатіи или науки, но я не знаю, предпочелъ ли бы Патрикѣй Семенычъ всякій блестящій путь тому, что считалъ своимъ призваніемъ: быть вѣрнымъ слугой своей великодушной княгинѣ.

— Ея рабъ, говорилъ онъ,— и ея рабомъ я умру.

И онъ такъ и сдѣлалъ.

Въ этомъ былъ его point d'honneur и даже болѣе: онъ чувствовалъ потребность быть ей преданъ безъ мѣры.

Я знаю, что это многимъ можетъ показаться глупымъ, или, по меньшей мѣрѣ, страннымъ и непонятнымъ, но что дѣлать? Chaque baron a sa fantaisie, а фантазія Патрикѣя была та, что онъ и въ дряхлой старости своей, схоронивъ княгиню Варвару Никаноровну, не поѣхалъ въ Петербургъ къ своему разбогатѣвшему сыну, а оставался вольнымъ крѣпостнымъ послѣ освобожденія и жилъ при особѣ дяди князя Якова. Будучи уже очень старъ, онъ былъ не въ силахъ трудиться, но ходилъ по дому и постоянно крепостался на

новыхъ слугъ, да содержалъ въ порядкѣ старые чубуки и трубки, изъ которыхъ никто не курилъ и которые для того еще и остались въ домѣ, чтобъ у стараго Патрикѣя было что-нибудь на рукахъ.

Это былъ чтитель высоко имъ цѣнимой доблести рода, постепенное, но широкое исчезновеніе которой ему суждено было видѣть во всеобщей захудалости потомковъ его вліятельной и пышной княгини.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Назвавъ княгиню *вліятельною и пышною*, я считаю необходимымъ показать, въ чемъ проявлялась ея пышность и каково было ея вліяніе на общество людей дворянскаго круга, а также намѣтить, чѣмъ она пріобрѣла это вліяніе въ то время, въ которомъ вліятельность неофиціальному лицу доставалась отнюдь не легче, чѣмъ нынче, когда ее при всѣхъ льготныхъ положеніяхъ никто болѣе не имѣетъ.

Надѣюсь, это будетъ имѣть здѣсь свое мѣсто и даже нѣкоторый интересъ.

Говоря нынѣшнимъ книжнымъ языкомъ, я, можетъ-быть, всего удачнѣе выразилась бы, сказавъ, что бабушка ни одной изъ своихъ цѣлей не преслѣдовала по особому вдаль разсчитанному плану, а достиженіе ихъ пришло ей въ руки *органически*, самымъ простымъ и самымъ правильнымъ, но совершенно незамѣтнымъ образомъ, какъ бы само собою.

Неожиданно овдовѣвъ, бабушка, какъ можно было видѣть изъ первыхъ страницъ моихъ записокъ, не поѣхала искать развлеченія, какъ бы сдѣлала это современная *дама*, а она тотчасъ же занялась приведеніемъ въ порядокъ своего хозяйства, что было и весьма естественно, и совершенно необходимо, потому что пока княгиня съ княземъ жили въ Петербургѣ, въ деревнѣ многое шло не такъ, какъ нужно. Теперь она, оставшись одинокою, озаботилась всестороннимъ поднятіемъ уровня своихъ экономическихъ дѣлъ и начала это съ самой *живой силы* крѣпостного права, то-есть съ крестьянъ.

Нынче очень многіе думаютъ, что при крѣпостномъ правѣ почти совсѣмъ не нужно было имѣть умѣнья хорошо вести свои дѣла, какъ будто и тогда у многихъ и очень многихъ дѣла не были въ такомъ отчаянно-дурномъ положеніи, что умные люди уже тогда предвидѣли въ недалекомъ будущемъ

неизбѣжное «захуданіе» родового помѣстнаго дворянства. Это зависѣло, конечно, отъ разныхъ причинъ, между которыми, однако, самое главное мѣсто занимало неумѣніе понимать своей пользы иначе какъ въ связи съ пользою всеобщею и прежде всего съ матеріальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ крестьянъ.

Глядя на вещи практически и просто, бабушка не отдѣляла нравственность отъ религіи. Будучи сама религіозна, она человѣка безъ религіи считала ни во что.

— Таковой, по ея словамъ, сколь бы умнъ ни былъ, а положиться на него нельзя, потому что у него смыслъ жизни потерянъ.

Этого для княгини было довольно, потому что у самой у ней *смыслъ жизни* былъ развитъ съ удивительною послѣдовательностію. Сама она строго содержала уставы православной церкви, но, при требованіи отъ человѣка религіи, отнюдь не ставила необходимымъ условіемъ исключительнаго предпочтенія ея вѣры предъ всѣми другими. Совсѣмъ нѣтъ... она не скрывала, что «уважаетъ всякую *добрую* религію».

Княгиня не только не боялась свободомыслія въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, но даже любила откровенную духовную бесѣду съ умными людьми и разсуждала смѣло. Владѣя чуткостью религіознаго смысла, она имѣла истинное дерзновеніе вѣры и смотрѣла на противорѣчія ей безъ всякаго страха. Она какъ будто даже считала ихъ полезными.

— Если древо не будетъ колеблемо, — говорила она: — то оно крѣпкихъ корней не пуститъ, въ затишьи деревья слабокоренны.

Но я не хотѣла бы тоже, чтобы кто-нибудь подумалъ, что бабушка была только деистскою и индифферентною въ дѣлахъ вѣры. Опять нѣтъ: повторяю, княгиня была искреннѣйшая почитательница родного православія; не числилась только въ немъ, а крѣпко его содержала. Она соблюдала посты, ходила въ церковь; твердо знала обиходъ и любила въ службѣ стройность и благолѣпіе; взыскивала, чтобы попы въ алтарѣ громко не сморкались и не обтирали бородъ запалойными полотенцами; дьяконы чтобы не ревѣли, а дьячки не частили въ чтеніи каѳизмъ и особенно шестопсалмія, которое бабушка знала наизусть.

Съ этой духовной стороны она и начала свое вдовье го-

сподарство. Первымъ ея дѣломъ было потребовать изъ церквей исповѣдныя росписи и сличить, кто изъ крестьянъ ходитъ и кто не ходитъ въ церковь? Отъ неходящихъ, которые принадлежали къ расколу, она потребовала только, чтобъ они ей откровенно сознались, и заказала, чтобы ихъ причетъ не смущалъ и не неволилъ къ требамъ. Она о нихъ говорила:

— Пусть, гдѣ хотятъ, молятся: Богъ одинъ, и длиннѣе земли мѣра Его.

Церковныхъ же своихъ крестьянъ княгиня сама раздѣлила по седмицамъ, чтобы каждый могъ свободно говѣть не останавливая работъ; слѣдила, чтобъ изъ числа ихъ не было совращеній,—въ чемъ, впрочемъ, всегда менѣе винила самихъ совращающихся, чѣмъ духовенство. О духовенствѣ она, по собственнымъ ея словамъ, *много скорбѣла*, говоря, что «они лѣнивы, алчны и къ дѣлу своему небрежны, а въ писаніи неискусны».

Состязаться съ княгинею, въ чемъ бы то ни было касающемся церковныхъ уставовъ или обихода, священники ея селъ не дерзали; она была для нихъ все: и ктиторъ, и консисторія, и владыка, и уже у нея священникъ прижать мужичка при бракѣ какою-нибудь натяжкою въ степени родства не помышлялъ.

«Владыка», при малѣйшемъ сомнѣніи, сама бралась за Кормчую и, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшала его такъ, что оставалось только исполнять, потому что рѣшеніе всегда было правильно.

Въ томъ же самомъ духѣ ведены ею были и всѣ другія отрасли ея обширнаго хозяйства. Бабушка въ попечительныхъ заботахъ о благѣ крестьянъ хотѣла знать все, что до нихъ касается, и достигла этого тѣмъ, что жила совершенно доступною для каждаго. Всѣ люди безъ исключенія могли приходить къ бабушкѣ со всякими мелочами. Десятникъ не пускалъ мужика на ярмарку продать овцу и купить лыкъ, соли или дегтю, и мужикъ, если онъ считалъ себя напрасно задержаннымъ, сейчасъ шелъ съ жалобою къ княгинѣ. Она къ нему непремѣнно выходила, терпѣливо его выслушивала и рѣшала—правъ онъ или неправъ. Въ первомъ случаѣ мужикъ получалъ удовлетвореніе, а въ противномъ—брался на замѣчаніе и въ случаѣ повторенія кляузничества лишался въ теченіе опредѣленнаго времени права являться

на глаза княгинѣ. Такіе опальные, видя себя на все время опалы лишенными самой правдивѣйшей и мощной защиты, тяжело чувствовали силу справедливаго гнѣва Варвары Никаноровны и страшились впередъ навлекать его на себя.

Наказанія были рѣдки и неожесточительны, но все-таки были, и притомъ иногда не безъ вѣдома самой княгини, которая, правду сказать, этимъ не смущалась. Она говорила, что:

— Когда милосердіе не дѣйствуетъ, то строгость тоже есть милосердіе.

Крестьяне къ похваламъ богобоязненности бабушки скоро пріумножили хвалу на хвалу ея разуму и справедливости. Села ея богатѣли и процвѣтали: крѣпостные ея люди покупали на сторонѣ земли на ея имя и вѣрили ей болѣе, чѣмъ самимъ себѣ.

Это довѣріе впослѣдствіи повлекло за собою для нея тяжелое огорченіе, павшее на нее безъ всякой ея вины, но, по винѣ лица, которое намъ съ нею было очень близко и о которомъ мнѣ тяжело будетъ вспоминать. Но это все послѣ.

Такими простыми мѣрами, какія мною описаны, княгиня безъ фразъ достигла того, что, дѣйствительно, вошла въ народъ, или, какъ нынче говорятъ: «слилась съ нимъ» въ одномъ руслѣ и стояла посреди своихъ людей именно какъ владыка, какъ настоящая народная княгиня и госпожа...

Такова была княгиня для своихъ рабовъ; теперь перехожу къ тому, чѣмъ она успѣла въ это время сдѣлаться для своихъ свободныхъ согражданъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

При большомъ вниманіи къ хозяйству крестьянъ, княгиня Варвара Никаноровна очень скоро привела свои собственныя дѣла въ такое блестящее состояніе, что почиталась самою богатою женщиной въ губерніи. Она не была должна никому, а ей рѣдко кто не былъ долженъ. При недостаткѣ въ тогдашнее время организованнаго мѣстнаго кредита, центральный банкъ для всей окружности былъ у бабушки. Къ ней могъ пріѣхать всякій дворянинъ и даже купецъ и попросить у нея въ ссуду денегъ на нужду. Степень благонадежности кредита опредѣлялъ непосредственный

взглядъ княгини на просящаго и на основательность его расчетовъ поправиться.

Отказы были рѣдки; но тѣмъ, кто, сдѣлавъ у бабушки заемъ, не привозилъ ей въ срокъ своего долга и не пріѣзжалъ «отпроситься», княгиня сама посылала объявить, что:

— Пусть-де не безпокоится: я на немъ крестъ положила.

И тотъ, чей счетъ бабушка въ своей кабинетной книгѣ зачеркивала крестомъ, уже никогда не имѣлъ у нея болѣе кредита. Онъ могъ получить «помощь», но не кредитъ.

Открывъ свой столъ и свой карманъ для помощи неимущему, княгиня, однако, основательно смотрѣла, чтобъ этимъ не злоупотребляли, и выдумала много самыхъ курьезныхъ, но практикою оправданныхъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, если искалъ помощи кредитомъ человѣкъ, котораго благонадежность казалась ей почему-нибудь сомнительною, то такому просителю она обыкновенно сразу не сулила и не отказывала, а оставляла его у себя «погостить во флигеляхъ, покуда она подумаетъ». Срокъ этого думанья былъ различный, иногда онъ доходилъ даже до цѣлаго мѣсяца, что, впрочемъ, всегда было въ извѣстномъ соотношеніи съ разстояніемъ мѣста жительства просителя отъ села Протозанова. Кто жилъ поближе къ Протозанову, тотъ удостоивался получать рѣшительный отвѣтъ поскорѣе; а кто былъ изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, тому приходилось ожидать подольше. Во все время этого ожиданія, нуждающійся гость ходилъ къ княгинѣ обѣдать, и, если онъ былъ ей по душѣ, то его приглашали къ ней къ вечернему чаю; а впрочемъ, онъ могъ безъ стѣсненія располагать собою, какъ ему угодно. Въ его волѣ было и совсѣмъ не ходить къ княгинѣ, и она за это нимало не обижалась. Для занятій же пріѣзжихъ было достаточное число верховыхъ и упряжныхъ лошадей, ружей, и легавыхъ, и борзыхъ собакъ, а также бильярдъ во флигелѣ и шкафъ съ книгами.

А между тѣмъ, пока проситель гостилъ у бабушки и развлекался чѣмъ могъ по своему вкусу и выбору, на мѣсто его жительства, соблюдая строгое инкогнито тщательнѣе всякаго путешествующаго принца, отправлялся на конторской лошади одинъ изъ «выборныхъ», всегда расторопный, умный и честный мужикъ, который и собиралъ о просителѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія и, не тратя времени, возвращался съ докладомъ къ княгинѣ. Если была хотя ма-

лѣйшая возможность вѣрить человѣку съ надеждою, что онъ, поправясь, современемъ разочтется, то деньги давались. Если дѣло было даже наполовину и рискованно, то и тогда еще отказу не было. Людямъ честнымъ, но сильно разоренным, пособіе давалось даже при полнѣйшемъ рискѣ. Отъ такихъ требовалось только одно: чтобы человѣкъ не былъ неблагодаренъ и хоть разъ въ годъ пріѣзжалъ извѣщать Варвару Никаноровну: какъ идутъ его дѣла. Если дѣла должника поправлялись, княгиня радовалась; а если они все еще были худы, то бабушка разспрашивала, что, какъ и почему? и опять помогала и деньгами, и совѣтомъ.

Въ обхожденіи бабушки съ людьми было много милоты и прелести: въ немъ господствовала какая-то, ей одной свойственная, величавая и добродушная простота: княгиня держала себя совершенно одинаково со всѣми. У нея были завѣтные друзья, но избранныхъ гостей у нея никогда не было; въ ея домѣ всѣ были равны, и она ко всѣмъ была одинаково привѣтлива. Лжи княгиня терпѣть не могла: она ни сама къ ней никогда не прибѣгала и другимъ ее не спускала. У нея вообще была даже нѣкоторая слабость сказать человѣку правду въ глаза: но она дѣлала это, во-первыхъ, всегда дружески, а во-вторыхъ, съ самою доброю цѣлью: объясниться и не питать скрытаго зла. Прощала она людей легко и охотно, и притомъ съ поразительною снисходительностію *для слабыхъ*. Въ этомъ случаѣ правиломъ ея было «измѣрять ношу и поприще и не возлагать бремена тяжкія и неудобоносимыя». Въ своихъ разсужденіяхъ о людяхъ княгиня была осторожна: у нея была поговорка, что «разсужденіе сродни осужденію», и потому она пространно ни о комъ не любила разсуждать, особенно же о тѣхъ, кто показывалъ ей какое-нибудь недружелюбіе (хотя такихъ было очень мало).

Убѣдясь въ томъ, что кто-нибудь ее очень злословитъ, она говорила:

— Не безъ причины же онъ на меня сердится: можетъ быть, ему что-нибудь на меня наговорили, или что-нибудь не такъ показалось, а можетъ быть, я и впрямь чѣмъ виновата: что-нибудь грубо сказала, а онъ не стерпѣлъ. Что дѣлать, мы всѣ нетерпѣливы.

Но совершенно равнодушная къ своимъ обидамъ, княгиня держалась совсѣмъ иного правила по отношенію къ

оскорбленіямъ ея друзей. Тутъ у нея было чрезвычайно строго.

— Кто отдаетъ друзей въ обиду, у того у самого свѣтъ въ глазахъ таетъ, — говорила она и, оберегая свои глаза, прямо и въ упоръ устремляла ихъ на обидчика и «поправляла» дѣло.

Ничто, касающееся ея друзей, не казалось ей мелкимъ, и я сама уже помню престранные случаи, которые подавала для горячихъ заступничествъ бабушки, достаточно извѣстная изъ моихъ записокъ, дьяконица Марья Николаевна.

Во время моего дѣтства, домъ княгини попрежнему посѣщался очень многими людьми, между которыми довольно часто попадалась свѣтская петербургская молодежь, пріѣзжавшая къ родителямъ на побывки, а иногда и немолодые заѣзжіе люди, гостившіе у кого-нибудь изъ сосѣдей по вновь составлявшимся семейнымъ и общественнымъ связямъ. Всѣ эти люди считали обязанностью хоть разъ побывать у бабушки, и она имъ, разумѣется, была рада, такъ какъ у нея «гость былъ Божій посолъ», но, тѣмъ не менѣе, тутъ съ этими «послами» иногда происходили прекурьезныя расправы, которыми злополучная Марья Николаевна терзалась и мучилась безпримѣрно.

Въ домѣ такой былъ обычай, что Марья Николаевна, въ качествѣ друга княгини, всегда должна была присутствовать въ числѣ гостей и, къ тому же, непремѣнно занимать одно изъ ближайшихъ къ хозяйкѣ мѣстъ. Этотъ почетъ не мало стѣснялъ бѣдную женщину, вѣчно жавшуюся на креслѣ, или на диванѣ въ своемъ малиновомъ гро-гро платьѣ и желтой французской шали съ голубою бахромою на спинѣ и каймою городовъ по окраинѣ. Какъ ни долгъ былъ срокъ, въ теченіе котораго бабушка ее пріучала къ занятію этой позиціи, скромная Марья Николаевна никакъ къ ней не могла привыкнуть и обыкновенно терялась при входѣ каждаго новаго гостя и для смѣлости улыбалась и окручивала свои руки въ жгутикъ свитымъ носовымъ платочкомъ. Если же входящій гость былъ не знакомый мѣстный дворянинъ, которому всѣ уставы и учрежденія бабушкинаго дома были извѣстны, а лицо заѣзжее, то Марьей Николаевной овладѣвало самое критическое безпокойство. Завидѣвъ такое лицо, она вся покрывалась краской, на

носу у нея крупными каплями проступалъ потъ. и она начинала привскакивать и присѣдать, чтобъ ее непремѣнно замѣтили. Видно было, что чѣмъ это для нея мучительнѣе, тѣмъ усерднѣе она объ этомъ старалась, и успокоивалась только, когда гость, наконецъ, замѣчалъ ея заботы и отдавалъ ей поклонъ наравнѣ со всѣми другими: случалось, что заѣзжіе люди, представляясь бабушкѣ, не удостоивали вниманія Марью Николаевну, которая имѣла видъ смущенной и смѣшной приживалки. Неосторожный и не предупрежденный гость раскланивался съ бабушкой и помѣщицами, а Марью Николаевну не замѣчалъ... Тогда эта скромная женщина старалась всякими смѣшными ужимками заставить себя замѣтить и раскланяться съ нею, но старалась совсѣмъ не для себя. Конечно, ей это не было нужно, —но для бабушки и особенно для самого гостя, потому что она знала, какая бѣда не минуетъ его, если онъ «пуститъ ее въ тѣняхъ». Бабушка зорко наблюдала за тѣмъ, какъ онъ «обойдется» съ ея другомъ, и чуть замѣчала, что гость Марью Николаевну «проманкировалъ» и идетъ далѣе, она громко называла его по имени и говорила:

— Извините, сдѣлайте милость: остановитесь на минуточку, вы, кажется, съ Марьей Николаевной не поздоровались!

Гость конфузился и, бормоча что-нибудь въ родѣ того, что «не замѣтилъ», спѣшилъ поправить свою ошибку. Но бабушка удерживала предъ собою гостя, начиная предъ нимъ пространно извиняться:

— Вы будьте милостивы. Я... въ этомъ случаѣ покорнѣйше васъ прошу меня извинить... вы вѣдь ее... Марью-то Николаевну, разумѣется, не знаете, а Марья Николаевна мой первый другъ... давнишній, знаете, старинный другъ... Почтенная женщина... у нея братъ архіерей, да; и это она его довела и вообще она всякаго уваженія заслуживаетъ: такъ я сама ее почитаю и въ ваше благорасположеніе такъ рекомендую.

И, ухъ, какъ не любили и боялись мы этихъ извиненій: она ихъ точно тонкую нить выпрядала, и всѣ знавшіе ее знали и то, что она дѣлаетъ это не безъ умысла.

— Извинилась, говорили, — ну, теперь держись!

Также ревнива была княгиня къ малѣйшему покушенію гостя показать свою важность или воспитанность предъ

другими. Марья Николаевна, бывшая своего рода bête noire во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, говорила мнѣ:

— Чуть, бывало, кто французскимъ языкомъ при ней обмахнется, я уже такъ и замру отъ ожиданія, что она сейчасъ извинится и *осажу* сдѣлаетъ, и, главное, все это на мой счетъ повернетъ. Такъ бы вотъ его вскочила да и дернула: «перестаньте». А она слушаетъ-слушаетъ и все морщится, да вдругъ и извинится: «Позвольте, скажетъ, мнѣ васъ перервать: что вы это все по-французски безпокоитесь? Мы вѣдь здѣсь русскіе, и вотъ другъ мой Марья Николаевна... она по-французски и не понимаетъ и можетъ подумать что-нибудь на ея счетъ и обидѣться можетъ»...— И все, говоритъ, бывало, этакъ чаще всего за меня, такъ что даже, право, мученье это мнѣ было при гостяхъ сидѣть; но огорчать я ее не могла, и друзей черезъ это пріобрѣтала: кого она этакъ хорошо съ своими извиненіями отчитаетъ, самъ же послѣ этого надъ собою смѣется. Я, бывало, обыкновенно сейчасъ послѣ обѣда хожу между гостей и все отыскиваю, который пострадалъ, и прошу: «Батюшка мой! Христа ради меня простите, что за меня вытерпѣли!.. я тому ни сномъ, ни духомъ не виновата». Всякій, бывало, мнѣ сейчасъ и руку подаетъ, а иной, добрый, такъ даже съ нимъ и поцѣлуемся и оба расхохочемся, и даже не разъ изъ Петербурга отъ такихъ друзей поклоны получала...

Воистину дивно, что на бабушку никто за это не сердился.

Я сама уже помню, какъ бабушка выслала разъ изъ гостиной одного молодого петербургскаго придворнаго, который, пріѣхавъ къ ней съ своимъ отцомъ, рѣзко судилъ о старшихъ. Бабушка предъ нимъ тотчасъ же *извинилась*.

— Простите меня великодушно,—сказала она ему съ доброю улыбкой:—я думаю вамъ съ нами, старыками, здѣсь скучно, вы бы сдѣлали мнѣ одолженіе въ залъ... къ дѣвицамъ... Княжны, барышни! позвала она насъ:—займите молодого гостя!

И гость намъ не отказалъ: онъ, смѣясь, подалъ руки мнѣ и сестрѣ Nathalie, и мы съ нимъ, выйдя въ залу, начали бѣгать около большого круглаго стола, и, признаться сказать, превесело провели часъ предъ обѣдомъ.

Такъ еще въ то время было просто и такъ живо тогда чувствовалось взаимное снисхожденіе, которое послѣ замѣ-

нено сначала французскимъ нетиметрствомъ, а потомъ англійскимъ равнодушіемъ. Но бабушкѣ уже и тогда казалось худо: она считала, что съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Парижа въ обществѣ нашемъ обнаружился повсемѣстный недостатокъ взаимоуваженія.

— Шамотонягъ какъ-то,—говорила она,—а настоящихъ чувствъ деликатства нѣтъ.

Въ заключеніе характеристики, приведу, что говорилъ о бабушкѣ простой человѣкъ, мужъ той, столь часто до сихъ поръ упоминавшейся дьяконицы Марьи Николаевны. Этотъ былой «поскакунъ» и танцоръ, дожившій ко днямъ моего отрочества до глубокаго престарѣнія, сказалъ мнѣ однажды о княгинѣ такъ:

— Она это... была всѣмъ дворянамъ-то... и всей прочей околичности... все равно, что столпъ огненный въ пустынѣ путеводящій и мѣдный змій отъ напастей спасающій.

Я какъ сейчасъ помню случай, когда дряхлый дьяконъ изрекъ мнѣ это своеобразное опредѣленіе: это былъ одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ и ужасныхъ случаевъ, съ которыми въ позднѣйшую эпоху не только ознакомилось, но почти не разставалось наше семейство. По болѣзни, я одна оставалась дома: была зима и вечеръ: я скучала, и хлопотавшая около меня Ольга Ѳедотовна позвала для моего разсѣянія Марью Николаевну и ея мужа. Сама Ольга Ѳедотовна была очень разстроена событіемъ, которое совершилось въ нашемъ семействѣ и грозило лечь чернымъ пятномъ на наше доброе имя, поэтому она хоть и жалѣла меня, но не хотѣла со мною много разговаривать, вѣроятно потому, что и меня, какъ молоденькую дѣвочку, считали отвѣтственною за всѣ грѣхи молодого поколѣнія. Марья Николаевна тоже молчала, но старый дьяконъ Досиѳей Андреичъ былъ милостивѣе и снисходительнѣе.

Онъ сидѣлъ предо мною за самоваромъ въ своей обширной какъ облако рясѣ изъ темножелтой нанки и размахивая изъ-подъ широкихъ полъ огромнѣйшимъ смазнымъ сапогомъ, все говорилъ мнѣ о семинаріи, гдѣ учился, объ архіереяхъ и о страшныхъ раскольникахъ, и потомъ, смахнувъ на воспоминанія о бабушкѣ, вдругъ неожиданно сдѣлалъ ей приведенное опредѣленіе, которое до того удивило меня своею оригинальностью, что я не удержалась и воскликнула:

— Какъ, Досиѳей Андреичъ, отчего же бабушка огненный столпъ! Какъ это можно?

Тутъ Ольга Ѳедотовна и вскипѣла, и зачастила:

— А такъ, матушка, такъ... такъ это и было возможно, потому что куда она какъ столпъ свѣтила, туда и всѣ шли, и что хотѣла, то и дѣлала. Не въ городѣ, не на губернаторскомъ подворьѣ тогда искали ума-то, а у насъ въ Протозановѣ: не посовѣтовавшись съ бабинькою, ничего не дѣлали: выборы приходили, всѣ къ ней прежде съѣзжались да совѣтовались, и кого она рѣшитъ выбрать, того и выбирали, а другого, хоть онъ какой будь, не токмо что спереду, а съ боковъ, и сзаду расшитъ и выстроченъ,—не надо. Гдѣ тебя строчили, тамъ ты и гуляй, а намъ не надо. И такъ все черезъ своихъ людей въ ея волѣ и состояло.

— Всѣ «пріидите поклонимся» пѣли,—поддержалъ дьяконъ, а горячая старушка опять подхватила:

— А все почему? Все потому, что она была кость отъ костей и плоть отъ плоти своей, и черныя, и бѣлыя сотни всѣ за собой волокла, а не особилась, какъ вы, шишь-мышь, пыжики, иностранцы.

И Ольга Ѳедотовна, войдя съ сими словами въ азартъ, вдругъ позабыла даже, что я больна, а, подлетѣвъ ко мнѣ, начала меня теребить за руку да приговаривать:

— Дутики вы, дутики, больше ничего какъ самые пустые дутики! Ни вѣсть вы за кѣмъ ухаживаете, ни вѣсть за что на своихъ людей губы дуете, а вотъ вамъ за то городничій поѣдетъ да губы-то вамъ и отдавитъ, и таки непремѣнно отдавитъ. И будете вы, охъ, скоро вы, голубчики, будете сами за заднимъ столомъ съ музыкантами сидѣть, да кому совсѣмъ не стоитъ кланяться, дескать: «здравствуй, бояринъ, навѣки!». Срамъ!

Разъясненія всѣхъ этихъ негодованій и пророчествъ впереди: ихъ мѣсто далеко въ хроникѣ событій, которыя я должна записать на память измельчавшимъ, и едва ли самихъ себя не позабывшимъ, потомкамъ древняго и добраго рода нашего. Сдѣлавъ нѣсколько несвоевременный скачокъ впередъ, я снова возвращаюсь «во время оно», къ событію, которымъ завершился періодъ тихаго вдовьяго житья княгини съ маленькими дѣтьми въ селѣ Протозановѣ и одновременно съ тѣмъ открылась новая фаза теченія моего свѣтила среди окружавшихъ его тучъ и тумановъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бабушкѣ минуло тридцать пять лѣтъ; въ это время князья Яковъ и Дмитрій (впослѣдствіи мой отецъ) подросли, такъ что настала пора думать объ ихъ образованіи; а старшей сестрѣ ихъ, княжнѣ Анастасіи Львовнѣ, исполнилось совершеннолѣтіе, и она оканчивала свой институтскій курсъ. Въ персоналѣ и въ порядкахъ дома должны были произойти неизбѣжныя обновленія и реформы, къ которымъ княгиня и приготовлялась; но приготовлялась не спѣша и, повидимому, съ очень малою радостью. Этому всѣ удивлялись, но у княгини были на то свои причины.

Я считаю нужнымъ напомнить, что княжна Анастасія поступила въ институтъ не потому, чтобы бабушка этого хотѣла, а въ угоду основательницѣ заведенія, желавшей, чтобы дѣвицы лучшихъ фамилій получали здѣсь свое воспитаніе. Бабушка считала эту волю для себя священною и повиновалась ей, но сердце ея не лежало къ институту. Не знаю, были ли у нея какія-нибудь опредѣленныя причины для предубѣжденія противъ институтскаго воспитанія, но только она считала, что оно не годится, и черезъ то первый выходъ княжны изъ материнскаго дома подъ институтскій кровъ былъ несчастіемъ и для бабушки, и для ребенка. Глубокая и страстная натура княгини страдала неимовѣрно: Ольга Ѳедотовна разсказывала, что предъ тѣмъ, какъ княжну везть въ институтъ, бабушка чуть ума не рѣшилась.

— Ни одной ночи, говоритъ,— бѣдная, не спала: все, бывало, ходила въ бѣлый залъ гулять, куда, кромѣ какъ для баловъ, никто и не хаживалъ. Выйдетъ, бывало, туда таково страшно, безъ свѣчи, и все ходитъ, или сядетъ у окна, въ которое съ улицы фонарь свѣтитъ, да на портретъ Маріи Ѳеодоровны смотритъ, а у самой изъ глазъ слезы текутъ. Надо полагать, что она до самыхъ послѣднихъ минутъ колебалась, но потомъ преданность ея взяла верхъ надъ сердцемъ и она переломила себя и съ той поры словно отъ княжны оторвалась.

Послѣднее слово ея въ этомъ разсказѣ мнѣ всегда казалось почему-то очень страшнымъ: я никогда не переставала видѣть большой несправедливости въ томъ, что бабушка *оторвалась* отъ дочери ради антипатій къ воспитанію, ко-

торому, такъ или иначе, но, во всякомъ случаѣ, она сама ее ввѣрила. Отвезя дочь изъ дому противъ своей воли, княгиня какъ будто сочла ее уже отрѣзаннымъ ломтемъ, и не ошиблась. И она охладѣла къ дочери, и дочь къ ней. Пока княгиня жила еще въ Петербургѣ, она часто ѣздила къ дочери и исполняла все, что̀ нужно, но прежней, живой связи съ нею уже не чувствовала.

Отъѣздъ бабушки въ Протозаново еще болѣе разъединилъ мать съ дочерью: пока княгиня тамъ, на далекихъ мирныхъ пажитяхъ, укрѣпляла себя во всѣхъ добрыхъ свойствахъ обывательницы, княжна вырастала въ стѣнахъ петербургскаго института, въ сферѣ слабой науки и пылкихъ фантазій, грезившихъ иною жизнью, шумъ и блескъ которой достигали келій института и раздавались подъ ихъ сводами какъ рокотъ далекой эоловой арфы. Деревенское здѣсь знали только какъ буколическое, и то изъ французскихъ басенъ. Не было даже возможности обманываться, что съ окончаніемъ курса княжнѣ будетъ пріятно войти въ кругъ «друзей» и знакомыхъ своей матери и жить простыми ихъ задачами...

Во все время институтскаго курса княгиня сама лично только разъ ѣздила въ Петербургъ со спеціальною цѣлію навѣстить дочь. Такая поѣздка въ то время была вещь не легкая, и княгиня уже не рѣшалась ее повторять, тѣмъ болѣе, что все, что̀ она ни увидала въ Петербургѣ, послѣ двухлѣтняго изъ него отсутствія, ей казалось глубоко противно. Русскій языкъ былъ въ такомъ загонѣ, что ей почти не съ кѣмъ было на немъ обращаться, кромѣ прислуги, а въ институтѣ даже горничная, которой княгиня сдѣлала подарки за услуги княжнѣ, прося у бабушки руку для поцѣлуя, сказала:

— Позвольте, ваше сіятельство, васъ въ ручку померсикать.

Бабушка не дала ей руки и осердилась.

Съ тѣхъ поръ, два года кряду, въ Петербургъ вмѣсто княгини ѣздилъ Патрикѣй. Онъ долженъ былъ доставлять княжкѣ подарки и какъ можно болѣе на нее насматриваться и обстоятельно, какъ можно подробнѣе, разсказывать о ней княгинѣ. Первый годъ это ему удалось довольно удовлетворительно, но во второй Патрикѣй явился, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, очень сконфуженнымъ и сначала все

что-то мямлилъ и говорилъ какой-то пустой взоръ, а потомъ повинился и сказалъ, что хотя онъ всякій пріемный день ходилъ въ институтъ, но княжна вышла къ нему только однажды, на минуточку, въ самый первый разъ, а съ тѣхъ поръ гостинцы черезъ швейцара принимала, а сама отъ свиданія отказывалась, и даже прощаться съ нимъ не вышла. Впрочемъ, Патрикѣй ручался, что княжна весела и здорова, потому что онъ, подкупивъ швейцара, постоянно прокрадывался въ его будку и наблюдалъ оттуда княжну Анастасію, когда она съ другими дѣвицами выходила гулять.

Бабушка всѣмъ этимъ была не мало удивлена:

— Какъ? такая дѣвочка, еще подросточекъ, и уже изъ своего дома человѣка видѣть не хочетъ! И какого человѣка! Развѣ она не знаетъ, что онъ мнѣ больше другъ, чѣмъ слуга, или она уже все позабыла!

Прошли годы институтскаго ученія. Княгиня была не особенно радостна съ тѣхъ поръ, какъ стала говорить о поѣздкѣ въ Петербургъ за дочерью. Она терялась. Она не знала, перевозить ли ей дочь въ деревню и здѣсь ее переламывать по-своему, или уже лучше ей самой переѣхать въ свой петербургскій домъ и выдать тамъ княжну замужъ за человѣка, воспитанія къ ней болѣе подходящаго.

Между тѣмъ дни шли за днями и пришло неотложное время ѣхать. Начались сборы и невдалекѣ назначенъ день выѣзда: бабушка ѣхала до губернскаго города на своихъ подставахъ, а оттуда, далѣе, на сдаточныхъ, которыя тогда для неофиціальныхъ лицъ были благонадежнѣе почтовыхъ.

Но пока человѣкъ предполагалъ, Богъ располагалъ по-своему, и бабушкѣ открывался выходъ неожиданный и невѣроятный.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ то время, какъ сборы княгини совсѣмъ уже приходили къ концу, губернскій городъ посѣтилъ новый вельможа тогдашняго времени—графъ Функендорфъ, незадолго передъ тѣмъ получившій въ нашей губерніи земли и пріѣхавшій съ тѣмъ, чтобъ обозрѣть ихъ и населять свободными крестьянами. Кромѣ того, у него, по его высокому званію, были какія-то большія полномочія, такъ что онъ, въ одно и то же время, и хозяйничалъ, и міромъ правилъ.

Бабушка, къ дому которой никакія вѣсти не запазды-

вали, слушала объ этомъ новомъ лицѣ съ какимъ-то недовѣріемъ и неудовольствіемъ. Я забыла сказать, что въ числѣ ея разныхъ странностей было то, что она не жаловала графовъ. По ея правиламъ, въ Россіи должны быть царскій родъ, князья, дворяне, приказные, торговые люди и пахотные, но графы... Она говорила, что у насъ искони никакихъ графовъ не было, и она будто бы вовсе не знаетъ, откуда они берутся.

— Говорятъ, графы стали, ну, и Богъ съ ними: они мнѣ ни пьютъ, ни порютъ, и я имъ не помѣха, а только отчего имъ это такъ сдѣлалось—я не знаю.

Но что касается до графовъ съ иностранными фамиліями, то этого она рѣшительно и за титулъ не принимала.

— Пустяки,—утверждала она,—совершенные пустяки, это они и сами-то у себя это въ насмѣшку дѣлаютъ, графами называются. Вонъ Каліостро, простой итальянецъ былъ, макаронникъ, и по всей Европѣ ѣздилъ фокусы показывать, да ужины съ мертвецами давалъ, а тоже графомъ назывался.

При такомъ воззрѣніи понятно, что бабушка не высокаго была сужденія и объ этомъ графѣ Функендорфѣ, о которомъ ей разсказывали, какъ онъ грозенъ и строгъ и какъ отъ страха предъ нимъ въ губернскомъ городѣ всѣ власти сгибаются и трепещутъ.

— Что̀ такое!..—говорила она:—ну, положимъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ знатный человѣкъ, я его рода не знаю, но чего же бояться-то? Не Иванъ Грозный, да и того сверхъ Бога отцы наши не пугивались, а это петербургскій божокъ схватилъ батожокъ, а у самого,—глядишь,—вѣкъ кратенькій... Мало ли ихъ ѣдетъ съ перницемъ, гремитъ колесомъ, а тамъ, смотришь, самого этого боженьку за ноженьку, да и поминай какъ звали. Страшенъ одинъ долготерпѣливый, да скромный, за того тяжко Богу отвѣтишь, а это само пройдетъ.

Но грозный для всѣхъ графъ былъ отнюдь не таковъ по отношенію къ княгинѣ; до нея одинъ за другимъ доходили слухи, что онъ о ней очень любопытствуетъ, и самъ съ величайшимъ почтеніемъ говорилъ о ней и съ губернаторомъ, и въ дворянскомъ собраніи.

— Что̀ ему еще до меня?—удивлялась княгиня, и еще болѣе удивилась, когда въ одинъ вечеръ Патрикѣй доложилъ ей о земскомъ разсыльномъ, который пріѣхалъ въ Протозаново съ письмомъ отъ губернатора.

Бабушка распечатала пакетъ и прочитала, что графъ желаетъ ей представиться и проситъ позволенія къ ней пріѣхать въ какой она назначитъ день.

Княгиня отвѣчала, что она *всякому* гостю всегда рада и дня не назначаетъ, но только извѣщаетъ, что она вскорѣ ѣдетъ въ Петербургъ за дочерью и проситъ графа, если ему угодно у нея быть, то не замедлить.

Между тѣмъ ее, какъ бы по предчувствію, какъ-то безпокоило это посѣщеніе. Она зачастую видала у себя разныхъ подобныхъ «божковъ» изъ Петербурга и принимала ихъ какъ и всякаго другого, а этотъ ей былъ почему-то особенно непріятенъ.

Чуждая всякой спеси и всякой подозрительности, княгиня никогда не задавала себѣ вопроса: зачѣмъ къ ней пріѣдетъ тотъ или другой человѣкъ?—ѣдетъ да и только; но тутъ у нея этотъ вопросъ не шелъ изъ головы.

«Что ему до меня?» ломала она свою голову, суня свои красивыя брови, и по цѣлымъ часамъ думала объ этомъ, глядя на играющихъ у ея ногъ на коврѣ маленькихъ князей.

«Если такъ думать, что онъ хочетъ у меня купить крестьянъ на сводъ, то, во-первыхъ, я не имѣю никакого права продавать ихъ, потому что они дѣтскіе, да и неужто я похожа на тѣхъ, что людей на сводъ продаютъ?.. Если же ему, можетъ-быть, денегъ надо... такъ этого быть не можетъ, чтобъ онъ у меня занимать сталъ!» И она опять взглядывала на дѣтей и думала: «не насчетъ ли моихъ дѣтей онъ намѣренъ коснуться? Только кто же посмѣетъ въ это вмѣшаться? Положимъ, у меня это случилось съ дѣвочкой, но то вѣдь была дѣвочка, тамъ я могла еще уступить: дѣвочка въ свой родъ не идетъ, она вырастетъ, замужъ выйдетъ и своему дому только сосѣдкой станетъ, а мальчики, сыновья... Это совсѣмъ другое дѣло: на нихъ все грядущее рода почіетъ; они должны всѣ въ своемъ полѣ созрѣть, одинъ за однимъ Протозановы, и у всѣхъ предъ глазами, на виду, честно свой вѣкъ пройти, а потомъ, какъ снопы пшеницы осѣвшей во время свое, рядами лечь въ скирдницу... Тутъ никому нельзя уступать, тутъ всякая ошибка въ воспитаніи всему роду смерть».

У княгини тогда уже были зрѣло обдуманныя мысли, какъ она займется воспитаніемъ сыновей и къ чему ихъ будетъ весть.

«Не дочь ли моя его, наконецъ, интересуетъ?» добиралась княгиня и пошла разсуждать, что вѣдь они-де, эти графы-то, любятъ цапнуть: они все высматриваютъ, гдѣ за русскою женщиной поживиться хорошимъ приданымъ можно... Что же? Это дѣло статочное: ему, говорятъ, всего пятьдесятъ лѣтъ... По ихъ сужденіямъ, это нынче еще молодъ, а онъ, говорятъ, еще и впрямь молодецъ. И вдовъ, и здоровъ, и знатенъ... что же? Нынче такіе браки съ шестнадцатилѣтними невѣстами въ Петербургѣ заурядъ пошли. Гадко это, а, чего добраго, это могло ему придти въ голову.

И вдругъ ей самой пришло въ голову еще совершенно иное соображеніе; соображеніе, ни одного раза не приходившее ей съ самаго перваго дня ея вдовства: она вздумала, что ей самой еще всего тридцать пять лѣтъ, и что она въ этой своей порѣ даже и краше, и притомъ втрое богаче своей дочери... Тридцать пять и пятьдесятъ, это гораздо ближе одно къ другому, чѣмъ пятьдесятъ и шестнадцать; а какъ притомъ эта комбинація для графа и гораздо выгоднѣе, то не думаетъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, осчастливить ее своей декларацiей?

Мысль эта показалась бабушкѣ столь ясною и логичною, что она стала вѣрить какъ въ неотразимый фактъ и ждала гостя въ неспокойствіи, за которое сама на себя сердилась.

Чего въ самомъ дѣлѣ! Неужто она не знаетъ, какъ она встрѣтитъ всякій подходъ съ этой стороны и чѣмъ на него отвѣтитъ.

Между тѣмъ «божокъ съ перищемъ ѣхалъ, и уже недалеко гремѣлъ колесомъ».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Графъ, благодаря бабушку за приглашеніе, прислалъ извѣстить ее, что онъ пожалуетъ къ ней въ первое слѣдующее воскресенье вмѣстѣ съ губернаторомъ, который его ей отрекомендуетъ. Бабушкѣ не нравилась эта помпа.

— Къ чему это? зачѣмъ это? что такое мнѣ губернаторъ?

По независимымъ и оригинальнымъ понятіямъ бабушки, губернаторъ былъ «*старшій приказный въ губерніи*», и приказнымъ до него было и дѣло, а ей никакого: вѣжливъ онъ къ ней и хорошъ для другихъ, она его приметъ въ домъ, а нѣтъ — такъ она его и знать не хочетъ. Таковы

были ея правила. Но гостей надо было принять и день ихъ пріѣзда насталъ: день этотъ былъ погожій и свѣтлый: домъ княгини сіялъ, по обыкновенію, полной чашей, и въ немъ ни на волосъ не было замѣтно движенія сверхъ обыкновеннаго; только къ столу было что нужно прибавлено, да Патрикѣй, сходивъ утромъ въ каменную палатку, досталъ оттуда двѣ большія серебряныя передачи, круглое золоченое блюдо съ черцью подъ желе, подносъ съ кариденами (queridons), да пятнадцать мѣстъ конфектнаго сервиза. Это всегда отбиралось съ усмотрѣнія Патрикѣя по числу гостей и потомъ опять послѣ стола относилось на мѣсто, въ безопасную отъ огня и отъ воровъ каменную палатку.

Изъ того, что конфектнаго сервиза было вынуто пятнадцать мѣстъ, ясно было, что, кромѣ графа, губернатора и самой хозяйки, за столъ сядутъ еще двѣнадцать человѣкъ; но это тоже не были гости отборные, нарочно къ этому случаю призванные; а такъ, обыкновенные люди, изъ сосѣдей, которые къ этому дню подъѣхали и остались обѣдать. Въ счету ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, была и дьяконица Марья Николаевна, и Донкихотъ Рогожинъ, о которомъ я уже нѣсколько разъ упоминала и теперь здѣсь непремѣнно должна сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ сведу его съ графомъ.

Доримедонтъ Васильевичъ Рогожинъ, получившій прозваніе Донкихота, былъ чудакъ, какихъ и въ тогдашнее время было мало на свѣтѣ, а въ нашъ стереотипный вѣкъ ни одного не отыщется.

Онъ былъ длинный, сухой и рыжій дворянинъ, съ грустными изумрудными глазами, изъ которыхъ одинъ впослѣдствіи потерялъ. Рогожинъ своею наружностью въ общемъ чрезвычайно напоминалъ всѣмъ столь извѣстную фигуру Донкихота и такъ же, какъ тотъ, былъ немножко сумасшедшій. По случайной фантазіи, оригинальный костюмъ Рогожина еще болѣе довершалъ его сходство: Доримедонтъ Васильевичъ любилъ верхнее короткое платье, въ родѣ камзола или куртки, похожей на бѣдный колетъ рыцаря Ламанча, и туго стягивался ржавымъ металлическимъ поясомъ, состоявшимъ изъ продолговатыхъ бляхъ, соединенныхъ между собою тоненькими крѣпкими цѣпочками, изъ которыхъ, впрочемъ, многія были оборваны. Весь этотъ костюмъ всегда былъ въ безпорядкѣ, но Рогожинъ и не обращалъ на та-

кую мелочь никакого вниманія. Онъ, впрочемъ, вѣроятно, и не счелъ бы приличнымъ имѣть платье съ иголочки, какъ у какого-нибудь горожанина. Онъ, какъ истый горецъ, въ лохмотьяхъ своихъ любилъ ихъ красоту, и былъ правъ: они ему, дѣйствительно, шли и сидѣли на немъ такъ, какъ не могла сидѣть никакая обнова. Чудакъ этотъ служилъ въ Отечественную войну въ войскахъ и былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ во Францію, откуда вернулся, набравшись тогдашнихъ либеральныхъ идей, которыя, впрочемъ, переработалъ по-своему. Онъ былъ врагъ всякаго угнетенія и другъ демократіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другъ изгнаннаго дворянства, реставраціи котораго тоже сильно сочувствовалъ, потому что любилъ «благородство идей» и ненавидѣлъ зазнающихся выскочекъ. Возвратясь домой, онъ потерялся: чему сочувствовать и за кого заступаться? Здѣсь онъ не скоро могъ сообразить: кто кого угнетеннѣе и имѣетъ болѣе правъ на его защиту? Онъ то порывался разбить тюрьмы, или побить неправедныхъ судей; то лютовалъ, слыша стоны возлѣ господскихъ конторъ, и, наконецъ, растерявшись, первымъ дѣломъ положилъ отпустить на волю собственныхъ крестьянъ. Сказано и сдѣлано. У него было ничтожное имѣньишко, доставшееся ему отъ матери, бѣдной дворянки, обреченной въ монастырь и неожиданно вышедшей замужъ за его отца. Это имѣньице, да унаслѣдованное отъ матери умѣнье писать уставами и рисовать золотомъ и киноварью заставки составляли все наслѣдіе Донкихота. Крестьянамъ своимъ онъ объявилъ, что они свободны и могутъ идти куда хотятъ; но крестьяне отъ него не пошли. Это Рогожина крайне удивило, но когда девять мужиковъ, составлявшихъ всю его крѣпостную силу, собравшись къ его соломеннымъ хоромамъ на курьихъ ножкахъ, растолковали ему, что они на свободѣ боятся исправника и всякаго другого начальства, то Доримедонтъ Васильевичъ, долго шевеля въ молчаніи губами и длиннымъ рыжимъ усомъ, наконецъ, махнулъ рукой и сказалъ:

— Ну, такъ живите какъ знаете; только на меня не работать!

Мужики на это согласились: условія для нихъ были довольно удобныя и легкія. Впослѣдствіи эти хуторяне, сколько по великодушію, столько же отъ сосѣдскихъ насмѣшекъ, что они «живьемъ у себя барина заморили», накинули на

себя мірское тягло въ пользу Рогожина: они взялись ему убирать огородъ и лугъ для его коровы и пары клячъ и перекрыли ему соломой горенку. Кромѣ того, какъ въ это время Доримедонтъ Васильичъ часто долженъ былъ ѣздить въ городъ, гдѣ хлопоталъ о пенсіи за свою службу и раны, ему нуженъ былъ кучеръ, то мужики выбрали для услугъ изъ своей среды мужика Зинку. Мужикъ Зинка, сдѣлавшійся Санчо-Пансой нашего Донкихота, кажется, былъ пріуготовленъ къ этой должности самою природой. Въ дѣтствѣ, отрясая съ высокаго ясеня зеленыхъ майскихъ жуковъ, которыхъ оптовщики скупаютъ по деревнямъ для продажи въ аптеки, Зинка сорвался съ самаго верха дерева и повредилъ себѣ крестецъ. Послѣ этого излома онъ такъ странно сросся, что вся нижняя его половина всегда точно шла на одинъ шагъ сзади верхней. Съ лѣтами Зинка оборотѣлъ, но почти совсѣмъ не выросъ и, по слабосилію своему, былъ негоденъ ровно ни къ какой тяжелой сельской работѣ. Поэтому онъ лѣтомъ обыкновенно сидѣлъ у околицы и плелъ изъ лыкъ кошели, а зимой ходилъ съ иглой и ножницами шить зипуны и полушубки. Благодаря долговременному сидѣнію въ одиночествѣ у околицъ, Зинка развилъ въ себѣ большую сосредоточенность и склонность къ размышленіямъ, а хожденіемъ со швецовскимъ промысломъ, при которомъ столь важную роль играетъ мастерство утягивать лоскутья, онъ пріобрѣлъ много ловкости и лукавства, къ которымъ вообще, вѣроятно, былъ способенъ и отъ природы.

Вотъ этимъ-то человѣкомъ рогожинскіе мужики и наградили своего добраго барина. Рогожинъ, осмотрѣвъ Зинку, почелъ его не неудобнымъ для своихъ службъ, а поговоривъ съ нимъ — пришелъ даже въ восторгъ отъ него. Зинка, далеко таскаясь со своимъ швецовствомъ, бывалъ почти во всѣхъ деревняхъ всего округа, зналъ многихъ людей и не боялся неизвѣстныхъ дорогъ, потому что умѣлъ ихъ распытывать: къ тому же, онъ могъ чинить платье неприхотливаго Донкихота и былъ не охотникъ сидѣть долго подъ одною кровлею, столько же какъ и его баринъ. Кромѣ того, Зинка умѣлъ разсказывать разныя страшныя сказки и достовѣрныя исторіи про домовыхъ, водяныхъ, а также колдуновъ и вообще злыхъ людей и, что всего дороже, умѣлъ такъ же хорошо слушать и себѣ на умѣ соглашаться со всѣмъ, что ему говорилъ его баринъ. Въ душѣ онъ счи-

талъ Рогожина дурачкомъ, или, по крайней мѣрѣ, «Божьимъ человѣкомъ». Ну, словомъ, Пансо былъ по всѣмъ статьямъ какъ на заказъ для нашего Донкихота выпеченъ, и они запутешествовали.

Въ своихъ помѣщичьихъ скарбахъ Доримедонтъ Васильичъ отыскалъ старую ободранную рогожную кибитку, поставленную на двѣ утлыя дрожины на неокованныхъ колесахъ. Въ этомъ экипажѣ его бѣдные родители отвозили его когда-то въ училище, и экипажъ этотъ назывался тарантасикомъ. Уцѣлѣла сѣрая кобылица обыкновенной крестьянской породы и при ней ея нисходящее потомство: рыжій трехлѣтній конекъ, да сосунокъ-жеребеночекъ. Выѣхать, значитъ, было на чемъ. Недоставало сбруи, но одинъ хомутишко гдѣ-то нашелся, къ нему приправили гужи, а на пристяжную свертѣли дома изрядную шлейку, да наплели и навязали, гдѣ нужно, веревочекъ и лыко да мочала. Донкихота помчали.

О пенсіи своей Рогожинъ хлопоталъ долго и съ перемѣннымъ счастіемъ: то дѣло его шло, то вдругъ останавливалось. При малѣйшихъ замедленіяхъ Рогожинъ не разбиралъ, кто въ этомъ виноватъ, а грубилъ всѣмъ, кому ни попало, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ писаремъ. Благодаря этой энергіи, онъ скоро прослылъ на всю губернію чудакомъ, и когда онъ показывался въ городѣ, за нимъ издали ходили разные люди, чтобы посмотрѣть на этого безстрашнаго. Мужикъ Зинка этимъ пользовался и очень долго показывалъ его желающимъ на постоялыхъ дворахъ за пироги и за мелкія деньги, но Доримедонтъ Васильичъ случайно открылъ эти продѣлки своего Пансо и, перегнувъ его при всей публикѣ черезъ свое длинное, сухое колѣно, отхлопалъ по отломанной части. Докуки Донкихота имѣли, однако, для него и свою хорошую сторону; начальство, выйдя съ нимъ изъ терпѣнія, выхлопотало ему пенсію, что-то въ родѣ пятисотъ рублей на ассигнаціи, чѣмъ Рогожинъ былъ, впрочемъ, очень доволенъ. Но его чрезвычайно удивило, что, прежде чѣмъ получилась эта пенсія, на него стали въ изобиліи поступать уголовные иски за учиненныя имъ то одному, то другому начальствующему лицу грубости и оскорбленія! Какъ, онъ самъ себя считалъ обиженнымъ, что его такъ долго томили, а тутъ еще на него же жалуются! Другое дѣло сатисфакція...

Онъ это готовъ дать кому угодно, но возиться съ приказными, и все это писать на бумагѣ... Это никуда не годится!

Доримедонтъ Васильичъ опять натянулъ на своихъ Росинантовъ лыко и мочало, и опять съ тѣмъ же Зинкой и въ сопровожденіи того же жеребенка поскакалъ въ городъ предлагать всѣмъ жалобщикамъ свою сатисфакцію, но никто его сатисфакціи не хотѣлъ принимать, и всѣ указывали ему на уголовную палату.

Рогожинъ разсердился, плюнулъ и, наговоривъ заочно всѣмъ, кому могъ, большихъ дерзостей, укатилъ изъ города неизвѣстно по какой дорогѣ. Дома его напрасно разыскивали и вызывали бумагами къ отвѣту: Доримедонтъ Васильичъ исчезъ и неизвѣстно гдѣ пропадалъ цѣлые три года кряду. Во все это время, укрываясь отъ суда, онъ путешествовалъ по разнымъ далекимъ и близкимъ монастырямъ, гдѣ ему, по большой части, добрые иноки были рады. Сынъ монастырки, Рогожинъ зналъ монастырскіе порядки и умѣлъ быть не въ тягость обителямъ, напротивъ, дѣлался вездѣ полезнымъ человѣкомъ: онъ умѣлъ переплетать и *подписывать* принесшія въ ветхость книги; *размѣчалъ* буквы киноварью и твореным золотомъ и вообще мастерски дѣлалъ подобныя мелкія работки, на которыя не только по захолустьямъ, но и въ многолюдныхъ городахъ не скоро достанешь искуснаго художника. Рогожинъ, какъ сказано, во всемъ этомъ унаслѣдовалъ отъ матери большую тонкость, и искусство это ему пригодилось. Можно положительно сказать, что если бъ и въ монастыряхъ тоже не оказывалось какихъ-нибудь угнетенныхъ людей, за которыхъ Доримедонтъ Васильичъ считалъ своею непремѣнною обязанностію вступаться и черезъ это со всѣми ссорился, то его ни одна обитель не согласилась бъ уступить другой, но такъ какъ заступничества и неизбѣжно сопряженныя съ ними ссоры были его неразлучными сопутниками, то онъ частенько перемѣнялъ мѣста, и, наконецъ, заѣхавъ Богъ вѣсть какъ далеко, попалъ въ обитель, имѣвшую большой архивъ древнихъ рукописей, которыя ему и поручили разобрать и привесть въ порядокъ.

Нашъ чудакъ такъ обрадовался этой благодати, что, закопавшись въ пыльномъ архивномъ хламѣ, не могъ даже и видѣть, что вокругъ него происходитъ: кто кого угнетаетъ и кто отъ кого страждетъ.

Рогожинъ былъ вообще очень любознателенъ и довольно начитанъ, преимущественно въ исторіи, но онъ терпѣть не могъ *сочиненій*, въ которыхъ ему всегда мѣшалъ личный взглядъ автора. Онъ любилъ читать по источникамъ, гдѣ фактъ излагается въ жизненной простотѣ, какъ происходило событіе, и что не обязываетъ читателя смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія, на которую его наводитъ авторъ книги сочиненной. Тутъ Доримедонту Васильичу выпала сладкая доля до-сыта удовлетворить своему влеченію къ такому чтенію. Жизнь была благодатнѣйшая: онъ читалъ; лошадки его пахали монастырскіе огороды и возили сѣно съ приписныхъ луговъ, а сломанный Зинка, котораго въ монастырѣ звали всѣмъ его крестнымъ именемъ — Зиновій, подметалъ трапезную и растолстѣлъ какъ тучный теленокъ на вкусныхъ квасахъ и на мягкомъ хлѣбѣ. Лучше этой жизни ни Донкихотъ, ни его Пансо выдумать себѣ не могли: лѣнивый къ богомоленію Зинка столь былъ имъ восхищенъ, что сталъ даже усердно славить Бога и молиться, чтобъ это какъ можно долѣе не кончилось. Если бы Вольтеръ зналъ этого нашего земляка, то онъ долженъ былъ бы сознаться, что не ему одному казалось удобнѣе молиться послѣ обѣда, чѣмъ предъ обѣдомъ, но наши натуральные философы, вѣроятно, никогда не получатъ извѣстности, постоянно предвосхищаемой у нихъ чужеземцами.

Однако, послѣобѣденная молитва Зинки, должно-быть, точно такъ же мало доходила до Властителя судебъ человѣческихъ, какъ и сытая молитва, которою хвалился Вольтеръ: ни тому, ни другому изъ этихъ молитвенниковъ не сталось по ихъ моленіямъ.

До монастыря дошла вѣсть, что уже съ полгода тому назадъ, по случаю какого-то торжества, послѣдовалъ манифестъ, покрывшій прощеніемъ многіе проступки, къ категоріи которыхъ относились и тѣ, за кои скрывался въ изгнаніи Рогожинъ.

Доримедонтъ Васильичъ сейчасъ же раскланялся съ настоятелемъ за пріютъ и за подаренныя ему старыя рукописи изъ числа тѣхъ, которыя въ монастырѣ показались ненужными, и, выйдя на крыльцо кельи, закричалъ:

— Эй, Зинобей!

Зинка зналъ этотъ крикъ: это былъ призывный, боевой кличъ его барина, кличъ не то передѣланный изъ имени

Зиновій, не то скомпанованный изъ сокращенія двухъ словъ: «Зинка бей!» Такъ кричалъ Рогожинъ при своихъ рыцарскихъ нападеніяхъ на обидчиковъ.

Зинка выскочилъ изъ-подъ крыльца пекарни какъ заяцъ, схватилъ на-лету за пазуху добрую дольку мягкаго хлѣба и черезъ десять минутъ подалъ къ воротамъ ободранную кибитку съ парой извѣстныхъ намъ лошадокъ во всемъ ихъ пепечномъ и мочальномъ уборѣ.

Донкихотъ Рогожинъ появился за воротами въ подаренной ему настоятелемъ за работу черной мантіи, изъ которой онъ намѣревался себѣ сдѣлать плащъ, но потомъ нашелъ, что она можетъ ему служить свою службу и безъ переделки. Онъ швырнулъ въ кибитку цѣлый ворохъ переплетенныхъ и просто въ кули связанныхъ рукописей, и закричалъ:

— Ну, бей, Зинобей; бей! Зинка, бей!

И они покатили.

Дома они застали все какъ было, въ томъ же запустѣніи, только соломенная крыша на горницѣ какъ будто немножко болѣе посунулась. Домашніе тоже не усмотрѣли въ нихъ за три года никакой большой перемѣны: только тарантасъ, стоявшій въ монастырѣ подъ куриною повѣтью, немножко поприбѣлѣлъ сверху, да съ сѣрою кобылицей прибѣжалъ новый сосунокъ. Послѣднее, впрочемъ, было не новость, потому что у этой загадочной лошади всякій годъ были новые жеребятки и съ тѣхъ поръ, какъ съ возвращеніемъ барина, она попала ему въ ѣзду, ни одинъ изъ этихъ жеребятъ не переживалъ перваго года. Они обыкновенно не могли долго бѣжать за своею матерью и ходившимъ съ нею на пристяжкѣ старшимъ братцемъ и или гдѣ-нибудь отставали и терялись, или умирали на дорогѣ отъ перегона; а черезъ годъ Донкихотъ опять скакалъ на своихъ удивительныхъ лошадяхъ и за нимъ со звонкимъ ржаніемъ опять гнался новый жеребенокъ, пока гдѣ-нибудь не исчезалъ и этотъ.

Я назвала одровъ Рогожина *удивительными*, но чувствую, что это слово слишкомъ слабо для выраженія того почтенія, которое они оставили по себѣ въ самомъ позднемъ потомствѣ. Это были не кони, а какіе-то сказочные грифы: сѣдлистые и длинные какъ гусеницы, съ голыми шеями и какими-то остатками перьевъ вмѣсто шерсти на

прочихъ мѣстахъ, они наводили страхъ своими мясистыми головами, похожими скорѣе на головы огромныхъ птицъ, чѣмъ лошадей. Вѣчно они были некованные, а весьма часто и голодные, и на видъ не представляли никакой благонадежности даже для самаго близкаго переѣзда. Когда они стояли въ своей мочальной сбруѣ, казалось, что каждую изъ нихъ достаточно только толкнуть и она сейчасъ же повалится и будетъ лежать, поднявъ ноги какъ деревянная скамейка, но это только такъ казалось. Что же дѣлали эти одры, когда они слышали за собою изъ тарантаса сумасшедшіе возгласы Донкихота и визгливый фистульный крикъ его Пансы—это было уму непостижимо! Они, говорятъ, летали до ста верстъ въ одну упряжку, и именно не бѣгали, а *летали* какъ птицы. Безъ шутокъ говорю: было живое преданіе, что они поднимались со всѣмъ экипажемъ и пассажирами подъ облака и летѣли въ вихрѣ, пока наступало время пасть на землю, чтобы дать Донкихоту случай защитить обиженнаго или самому спрятаться отъ суда и слѣдствія. Къ чести Зинки, онъ отнюдь не поддерживалъ этого заблужденія и откровенно признавался, что одры его барина просто двужильные и страшнаго въ нихъ заключается только то, что послѣ каждаго этого одра непремѣнно должны издохнуть двѣнадцать хорошихъ лошадей, но ему, разумѣется, не вѣрили. Ни одинъ обстоятельный человѣкъ никогда не соглашался положиться легкомысленно на такой разсказъ, сочиненный, очевидно, для того, чтобы только людямъ глаза отвести. Всѣ умные люди понимали, что лошади Донкихота не могли быть обыкновенными лошадями и, зная, что Зинка мужикъ лукавый, охотнѣе вѣрили другому сказанію, что они, то-есть Донкихотъ и Зинка, гдѣ-то далеко, въ какомъ-то дремучемъ лѣсу, чуть не подъ Кіевомъ, сварили своихъ старыхъ лошадей въ котлѣ съ наговорами и причитаніями по большой книгѣ и, повинуясь этимъ заклинаніямъ, изъ котла, въ образѣ прежнихъ ихъ лошадей, предстали два духа, нестарѣющіе и незнающіе устали. Да это было и вѣроятнѣе, и я отнюдь не хочу этого оспаривать въ моей хроникѣ, гдѣ должна дать мѣсто этимъ таинственнымъ звѣрямъ, которыхъ видъ, годы, сила, умъ и ухватка,—все превосходило средства обыкновеннаго человѣческаго пониманія.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Прискакавъ послѣ долговременнаго отсутствія домой, Донкихотъ впалъ въ полосу долговременнаго штиля, какого потомъ не бывало уже во всю его остальную жизнь, и тутъ онъ совершилъ одинъ страшный и безповоротный шагъ, о которомъ, вѣроятно, имѣлъ какое-нибудь мнѣніе, но никогда его никому не высказывалъ. Покой Рогожина зависѣлъ отъ того, что онъ привезъ съ собою изъ монастыря цѣлые вороха старыхъ книгъ и рукописей. Отъ этого клада онъ не могъ оторваться прежде, чѣмъ всѣ ветхія бумаги были имъ перечитаны, сравнены и изучены, а на это требовалось цѣлые полгода. Рогожинъ просидѣлъ всю осень и зиму за чтеніемъ; зимнія позднія предразсвѣтныя зори часто заставали его предъ нагорѣвшимъ высокимъ глинянымъ ночникомъ, въ оскудѣвшую плошку котораго онъ глядѣлъ помутившимися отъ устали глазами и думалъ какія-то широкія думы. Онъ доходилъ до мысли: какъ освободить много, много угнетенныхъ людей за одинъ пріемъ, сразу, и въ пылающей головѣ его неслись планъ за планомъ, одинъ другого смѣлѣе и одинъ другого несбыточнѣе. Въ результатѣ всего этого получилось одно, что совсѣмъ выбившійся изъ сна Донкихотъ въ началѣ Великаго поста не выдержалъ и заболѣлъ: онъ сначала-было закуролесилъ и хотѣлъ прорубить у себя въ потолкѣ окно для полученія большей порціи воздуха, который былъ нуженъ его горячей головѣ, а потомъ слегъ и впалъ въ безпамятство, въ которомъ все продолжалъ бредить о широкомъ окнѣ и какомъ-то законѣ троичности, который находилъ во всемъ, о чемъ только могъ думать.

Крестьяне, послушавъ все это, наконецъ, струсили, что ихъ блажной баринъ можетъ совсѣмъ сойти съ ума или умереть и тогда они могутъ достаться въ управленіе какому-нибудь другому лицу, у котораго не будетъ его доброты, и имъ придется сказать «прощай» своему льготному житью. Они привезли къ Рогожину изъ села священника. Донкихотъ былъ на этотъ случай въ памяти и какъ будто даже обрадовался гостю, съ которымъ могъ говорить о предметахъ, недоступныхъ пониманію Зинки и другихъ мужиковъ. Онъ посадилъ гостя на топорномъ стулѣ возлѣ лавки, на которой лежалъ, и заговорилъ съ нимъ о троичности, тро-

ничности во всемъ, въ ипостасяхъ Божества, въ идеяхъ и въ видимыхъ элементахъ строенія общества.

— И въ церкви,—говорилъ онъ, — высшія власти три: митрополитъ, архіерей и архимандритъ; ниже опять три: попъ, дьяконъ и причетникъ, все три! Оттого, если всѣ три совершаютъ дѣло въ строеніи, и нисходитъ благодать.

— Нисходитъ-съ,—отвѣчалъ священникъ.

— Какъ же не быть сему въ государствѣ?

— Надо быть-съ.

— Я это и говорю!—воскликнулъ Донкихотъ.—И я говорю, что этому надо быть! надо быть!

— Надо быть-съ,—поддакнулъ священникъ.

— И оно... нагнитесь сюда ко мнѣ поближе.

Священникъ оперся рукой о лавку и пригнулся къ больному.

Донкихотъ обнялъ его исхудалою рукой за шею и прошепталъ:

— И оно есть-съ!

— Есть-съ; непремѣнно есть.

— Какъ! и вы понимаете, что оно есть?

— Понимаю-съ.

— Вы понимаете, что есть три и они одно: они одно тѣлаютъ, одной странѣ служатъ, ея величіе поютъ, только одинъ въ верхнемъ регистрѣ, другой—въ среднемъ, а третій—въ низшемъ.

— Совершенно понимаю-съ.

— Хорошо,—произнесъ Донкихотъ и вдохновенно добавилъ:—дай руку, мы свои и будемъ говорить откровенно.

Они пожали другъ другу руку.

— Прежде всего повѣрка: свѣримъ силы какъ добрые союзники: откройся, какъ ты это понимаешь?

— Что это-съ?

— Трое... Кто они эти трое въ Россіи, безъ кого нельзя?

— Государь...

— Разъ! это вѣрно, продолжай.

— Второй губернаторъ..

Донкихотъ уже хотѣлъ загнуть второй палецъ съ восклицаніемъ «два», но вдругъ запнулся и, взглянувъ съ удивленіемъ на священника, протянулъ:

— Что-о-о-о?

— Второй, губернаторъ-съ.

— Какъ, чортъ возьми, губернаторъ!.. Почему онъ второй?

— Потому что государь правитъ всѣмъ государствомъ, а этотъ подъ нимъ губернію въ страхѣ держитъ...

— Ну-у!

— Ну-съ, а третій подъ нимъ городничій — онъ одинъ городъ блюдетъ.

— Пошелъ вонъ! — нимало не медля отвѣчалъ Донкихотъ.

Священникъ удивился и, недоумѣвая, переспросилъ:

— Какъ это?

— Такъ: очень просто: твое счастіе, что я боленъ и не могу дать тебѣ затрещины, а бери свой треухъ и уходи поскорѣй отъ меня вонъ, потому что ты хуже всѣхъ.

И онъ ему съ значительнымъ самообладаніемъ разъяснилъ, почему онъ хуже всѣхъ.

— Всѣ, — сказалъ онъ: — меня не понимаютъ, и прямо такъ и говорятъ, что не понимаютъ, а ты вызвался понять и сказалъ мнѣ всѣхъ хуже. Прощай!

Священникъ поднялся и пошелъ къ двери.

— Однако же постой! — вернулъ его Донкихотъ. — Сними мнѣ съ колка мою куртку.

Тотъ безгнѣвно возвратился и исполнилъ требуемое.

Рогожинъ порылся въ карманахъ, досталъ изъ одного изъ нихъ обширный кожаный кошелекъ съ деньгами и, позвякавъ бывшими тамъ двумя серебряными цѣлковыми, подалъ одинъ изъ нихъ гостю.

— Возьми это и не обижайся — глупость не вина.

Тотъ принялъ и деньги, и извиненіе.

— И вотъ еще что... Истина, добро и красота... Но тебѣ и это не понять... Пожалуйста не говори, что поймешь, а то я разсержусь. Проще объясню: разумъ, воля и влеченіе, только нѣтъ... ты опять и этакъ не поймешь. Еще проще: голова, сердце и желудокъ, вотъ тройка!

И онъ поѣхалъ на этой тройкѣ, пространно объясняя, какъ тутъ каждый нуженъ другъ другу и всякому есть свое дѣло, для того, чтобы весь человѣкъ былъ здравъ умомъ, духомъ и тѣломъ.

— Опять тройка! понялъ? Или лучше молчи и слушай: ты сказалъ государь... это такъ, — голова, она должна умѣть думать. Кормитъ все — желудокъ. Этотъ желудокъ — народъ, онъ кормитъ; а сердце кто? Сердце это просвѣщенный классъ, — это дворянинъ, вотъ кто сердце. Понимаешь ли

ты, что безъ просвѣщенія быть нельзя! Теперь иди домой и все это разбери, что̀ тебѣ открылъ настоящій дворянинъ, котораго пополамъ перервать можно, а вывернуть нельзя. Брысь!.. Не позволю! Въ моемъ умѣ и въ душѣ одинъ Богъ воленъ.

И прочитавъ эту лекцію, дворянинъ, котораго можно перервать, но нельзя вывернуть, впалъ въ такое горячечное безпамятство, что мужики должны были смѣнить выбившагося при немъ изъ силъ Зинку и учредили при Рогожинѣ бабій присмотръ, такъ какъ уходъ за больнымъ сердцу женщины ближе и естественнѣе.

Донкихотъ долго пролежалъ безъ сознанія и когда пришелъ въ себя, то очень удивился.

Все окружающее его глядѣло чрезвычайно пріятно, свѣтелка его была убрана, на самомъ на немъ была чистая мужичья рубашка, у изголовья стояла на столѣ золоченая лукомъ деревянная чаша съ прозрачною, какъ хрусталь, чистою водой, а за образникомъ была заткнута вѣтвь свѣжей вербы.

Но это еще было не все, то былъ сюрпризъ для глазъ, а былъ еще сюрпризъ и для слуха. Рогожину стало сдаваться, что невдалекѣ за его теменемъ что-то рокочетъ, какъ будто кто по одному мѣсту ѣздитъ и подталкиваетъ.

«Что это?»—подумалъ Донкихотъ и хотѣлъ оглянуться, но у него не оказалось къ тому никакихъ силъ.

Экое горе! Вотъ бы позвать, да никого нѣтъ въ избѣ. Котъ одинъ ходитъ прямо предъ нимъ по припечку и лапой съ горшка какую-то холщевую покрышку тянетъ. Хорошо лапкой работаетъ!

И Донкихотъ, давно ничего не видавшій глазами, засмотрѣлся на кота и не замѣтилъ, какъ тотъ мало-по-малу подвигалъ горшокъ къ краю и вдругъ хлопъ... Горшокъ полетѣлъ объ полъ, а сѣрый бѣдокуръ проворными скачками ускакалъ за трубу... Но Рогожину некогда было слѣдить за проказникомъ, потому что при первомъ громѣ, произведенномъ паденіемъ разбившейся посуды, чистый, звонкій, молодой голосъ крикнулъ: «брысь!» и занимавшій нѣсколько минутъ назадъ больного рокотъ за его головою тотчасъ же прекратился, а къ печкѣ подбѣжала молодая сильная дѣвушка въ красной юбкѣ и въ бѣлой, какъ кипень, рубахѣ съ шитымъ оплечьемъ.

Она всплеснула надъ разбитымъ горшкомъ руками и, быстро присѣвъ на корточки, стала бережно подбирать въ передникъ черепья.

Во все это время она держалась къ Донкихоту спиной, и онъ только могъ любоваться на ея сильный и стройный станъ и черную, какъ смоль, косу, которая упала на полъ тяжелою плетью и какъ змѣя вилась съ каждымъ движеніемъ дѣвушки.

Рогожину показалось, что онъ никогда не видалъ такого свѣжаго и здороваго молодого женскаго тѣла, и онъ ждалъ, пока дѣвушка кончитъ уборку и обернется къ нему лицемъ. А она вотъ забрала съ полу послѣдніе черепки и оборотилась... Фу, ты, Господи, да что же это за роскошь!

Вѣдь, вправду, мало сказать, что есть женщины, которыя хороши и прекрасны, а надо сознаться такъ, что есть и такія, которыя какъ на грѣхъ созданы. Вотъ эта и была изъ такихъ.

Какъ она обернулась и мимоходомъ повела глазами на Донкихота, такъ онъ и намагнетизировался. Та смотритъ на него, потому что видитъ его смотрящимъ въ первый разъ послѣ долгаго безпамятства, а онъ отъ нея глазъ оторвать не можетъ. Глаза большіе, изсѣра-темные подъ черною бровью дужкою, лицо горитъ жизнью, зубы словно перлъ, зерно къ зерну низаны, сочныя алыя губы полуоткрыты, шея башенкой, на плечахъ—эполетъ клади, а могучая грудь какъ корабль волной перекачиваетъ.

Больной дворянинъ былъ сраженъ этой красотой, и по немощи сразу влюбился. Онъ только хотѣлъ удостовѣриться, что это не грёза, не сонъ, что это живая дѣвушка, а что она крестьянка, а онъ дворянинъ—это ничего... законы осуждаютъ, а сердце любитъ.

Рогожинъ попробовалъ улыбнуться и слабо выговорилъ:

— Умница!

— Что тебѣ, баринъ? иль полегчило?—сказала дѣвушка, и сама, улыбнувшись отъ доброжелательства, все вокругъ себя какъ солнцемъ освѣтила.

Больной молчалъ.

— Что тебя, поправить, что ли?

И, не дожидаясь отвѣта, она подвела ему подъ плечи круглую упругую руку и, поправляя другою рукою его изголовье, держала во все это время его голову у своей груди.

Запахъ молодого, здороваго тѣла, смѣшанный съ запахомъ чистаго, но въ дымной избѣ выкатаннаго бѣлья, проникъ черезъ обоняніе Рогожина во всю его кровь и животворною теплотою разбѣжался по нервамъ.

— Кто ты?—произнесъ Донкихотъ.

— Дѣвка.

— А какъ тебя звать?

— Аксюткой звать.

— Аксиньею... Ксенія!

Онъ произнесъ это имя и къ нему прислушался. Ему показалось, что оно очень хорошо звучитъ.

— Что ты тутъ дѣлала?

— Я-то? Тебя стерегла...

— Чего?

— Когда ты помрешь.

— Помру?.. вона!

— А что жъ?

— Я теперь жить хочу, Ксенія.

— Жить?.. да что же, для чего тебѣ не жить? Хлѣбъ есть. Живи!

И она посмотрѣла въ его вперенные въ нее глаза и проговорила:

— Или тебя еще поправить?

— Поправь.

И опять это прикосновеніе руки и опять опибаетъ свѣжій ароматъ легкой смолистой задыми и молодого тѣла.

— Будетъ,—прошепталъ Донкихотъ:—будетъ: хорошо мнѣ. Только вотъ что...

— Что еще?

— Сядь ко мнѣ такъ, чтобъ я тебя видѣлъ.

— Гдѣ сѣсть? тутотка?.. хорошо, сяду.

И она зашла ему за-головы и опять появилась съ донцемъ, гребнемъ и размалеванною прялкою: сѣла, утвердила гребень въ гнѣздѣ донца, поставила ногу въ черевичкѣ на привертокъ и, посунувъ колесо, пустила прялку.

Опять мѣрная музыка заиграла тѣмъ же рокотомъ, а сама чародѣйка сидитъ, работаетъ и ни слова.

— Скажи мнѣ что-нибудь,—попросилъ Донкихотъ.

— Про что тебѣ разсказать? Я ничего не знаю.

— Про что ты думаешь?

— Вонъ котъ горшокъ разбилъ!

— А что тамъ было въ горшкѣ?

— Тѣсто было... калину парили.

— На что она?

— Дѣвкамъ лизать.

Донкихотъ нахмурился и спросилъ:

— Про какихъ ты дѣвокъ говоришь?

— Про нашихъ, про рогожинскихъ,—мы вѣдь на смѣну при тебѣ сидѣть ходимъ. Вотъ Танька уже бѣжитъ, она сичасъ на меня заругается, что не углядѣла. Прощай, баринъ, оздоравливай.

И прежде чѣмъ Рогожинъ успѣлъ ей отвѣтить, она собрала всю свою рабочую снасть и, столкнувшись на порогѣ съ пришедшею ей на смѣну другою дѣвушкою, выбѣжала.

Пришедшая не выдерживала ни малѣйшаго сравненія съ удалявшеюся. Рогожинъ не хотѣлъ и смотрѣлъ на эту. Онъ опять спалъ и поправлялся, но Богъ его знаетъ на какихъ тройкахъ ѣздилъ онъ виросонкахъ: кажется, что онъ теперь на время позабылъ о добрѣ и истинѣ, и несъ уже дань одной красотѣ.

Но на его несчастіе дѣла его шли такъ худо, что ее-то, эту чудную Ксенію, онъ никакъ болѣе и не видалъ. Какъ онъ ни проснется, все сидитъ возлѣ него женщина да не та, а спросить ему казалось неловко и совѣстно. Развѣ ее похвалить за красу? Но какъ же это могъ себѣ позволить благородный и начитанный дворянинъ?

Вѣдь онъ зналъ, что по рыцарскимъ обычаямъ и хвалить дѣвушку безъ ея согласія воспрещалось, а Ксенія не давала ему согласія ее хвалить. И еще что объ этихъ похвалахъ подумаютъ?

А хороша Ксенія, очень хороша!

Онъ рѣшился молчать.

Но вотъ приходитъ разъ мужикъ Архаръ, онъ былъ въ хуторѣ въ родѣ старосты, и говоритъ:

— Баринъ, а баринъ!

— Что тебѣ?—отвѣчалъ Донкихотъ.

— А дѣвка-то Аксютка баяла, что ты съ нею баловалъ...

— Ну, еще что скажи!

— А по что же ты съ другими, кои ходятъ, ничего не балакаешь?

— А тебѣ что за дѣло?

— Такое дѣло, что она изъ моего двора, такъ если она тебѣ противъ другихъ больше по обычаю, такъ чего на нее смотрѣть-то! мы одну къ тебѣ посылать станемъ сидѣть: пускай она, дурища, тебѣ угождаетъ.

— Это ты про свою родную дочь такъ-то?

— Какая она мнѣ дочь!

— Ну такъ падчерица: все равно, зачѣмъ ее дурой называть?

— Она мнѣ и не падчерица.

— Ну племянница, что ли... Это все равно.

— И того совсѣмъ не было.

— Кто же она?.. такъ... чужая... пріемышъ, что ли? А?.. что?.. пріемышъ?

Сердце дворянина то замирало, то учащенно билось отъ необыкновеннаго предчувствія, а староста Архаръ отвѣчалъ:

— Аксютка-та?.. да она и не пріемышъ, а такъ... позабытая... богданка.

— Богданка?

— Да; она не нашенская, сирота будетъ... безродная.

— Гдѣ же ты ее взялъ?

— Чего взялъ, сами родители къ намъ на село привезли. О французовой порѣ можайскіе дворянчики все черезъ наши края бѣгивали, и тутъ тоже пара ихъ бѣгла, да споткнулись оба у насъ и померли, а сиротинку бросили.

— Дворянка! Такъ какъ же ты говоришь, что она безродная! Продолжай! не останавливайся... продолжай!

— Она была тогды махонькая, и глазки у нея болѣли: разсказать ничего не умѣла!..

— Ну!

— Мы ее хотѣли къ засѣдателю, а засѣдатель отъ страсти самъ бѣжалъ. Мужики и говорятъ: «намъ, Архаръ Иванычъ, ее куда же? такую лядащенькую; а ты, братъ, промежъ насъ набольшій, ты староста—ты и бери».

— Ты и взялъ?

— Да вѣдь что съ лихомъ подѣлаешь: не въ колодецъ ее было сунуть: взялъ.

— И это она и есть?

— Она самая.

— Можайская дворянка?

— Да такъ у нея въ бумагахъ написано.

— Кто читалъ?

— Попъ читалъ, когда ее родителевъ хоронилъ.

— Покажи мнѣ сейчасъ эти бумаги!

Архаръ отправился къ попу, а Рогожинъ, сверхъ всякаго ожиданія, въ одну минуту одѣлся и, войдя шатающимися отъ слабости ногами въ избу Архара, прямо держась рукою стѣны, прошелъ въ уголъ, гдѣ сидѣла за своею прялкой его Дульцинея, и, поддержанный ея рукою, сѣлъ возлѣ нея и проговорилъ:

— Мы будемъ вмѣстѣ ждать рѣшенія нашей судьбы!

Та ничего не поняла, но Архаръ принесъ бумаги, и Рогожинъ, взглянувъ въ нихъ, зардѣлся радостію и воскликнулъ:

— Ксенія Матвѣевна, вы дворянка! Вы дворянка, и предъ лицомъ земли и неба клянусь, что я васъ люблю и прошу васъ быть моею женой.

Дѣвушка смутилась и, заслонясь рукавомъ, ничего не отвѣчала. Донкихотъ принялъ это за скромность и обратился къ крестьянамъ:

— Съ этихъ поръ,—сказалъ онъ:—я подъ всякимъ страхомъ запрещаю звать ее Аксюткой. Черезъ день она будетъ моя жена, а ваша госпожа Аксинія Матвѣвна.

Мужики почесались и отвѣчали:

— Ну, Аксинья, такъ и Аксинья.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Рогожинъ свертѣлъ скоропостижную свадьбу и справлялъ необыкновенный медовый мѣсяцъ. Женясь по живости своей и благородству восторженной фантазіи безо всякаго обстоятельнаго освѣдомленія о характерѣ и другихъ свойствахъ своей жены, онъ даже не замѣтилъ, что не имѣлъ отъ нея опредѣленнаго отвѣта: любитъ ли она его, или, по крайней мѣрѣ, не любитъ ли кого-нибудь другого? Онъ прямо женился — исторгъ закинутую въ грубую крестьянскую семью родовую дворянку, реставрировалъ ее въ своемъ званіи и тѣмъ исполнилъ долгъ совѣсти и потребности пылавшаго въ немъ чувства къ красавицѣ. Остальное его не касалось, да и что̀ тамъ еще могло быть остальное? Какіе-нибудь совершенные пустяки. Онъ все это исчерпалъ менѣе, чѣмъ въ одинъ свой медовый мѣсяцъ.

Весна любви Донкихота шла объ руку съ весною жизни природы, и потому въ соломенномъ дворцѣ было тепло, и свѣтло, и для двухъ просторно. Когда молодая жена Рогожина утромъ убирала жилье, онъ выходилъ на крыльцо и, сѣвъ на порогъ, читалъ одинъ изъ своихъ фоліантовъ; затѣмъ онъ самъ ставилъ ей самоваръ; самъ наливалъ для нея чай и непремѣнно требовалъ, чтобы она сидѣла, а онъ подносилъ ей налитую чашку на широкой книгѣ, замѣнявшей ему въ этой церемоніи подносъ. Потомъ счастливые супруги вмѣстѣ варили обѣдъ и, наконецъ, выходили вдвоемъ испить блаженство мечты въ садикѣ, гдѣ Рогожинъ, среди двухъ березъ и рябины, своими руками устроилъ, на низкой лужайкѣ, скамью изъ дощечекъ. Здѣсь онъ садился самъ и, усадивъ рядомъ съ собою жену, обнималъ рукой ея станъ и начиналъ ей съ восторгомъ и декламаціей говорить о Богѣ, о просвѣщеніи и о святой независимости доброй совѣсти и доброй воли.

Онъ совершенно забывалъ, что жена его не знаетъ грамотѣ, что она выросла въ крестьянской избѣ и ей доступенъ изъ трехъ извѣстныхъ ему регистровъ только самый низшій, вседневный.

— Какъ я увидѣлъ тебя и какъ полюбилъ, — говорилъ онъ, держа одною рукой ея руку, а другою обвивая ея сильный, роскошнѣйшій станъ,—ты слушай, какъ я тебя увидѣлъ, въ моемъ сердцѣ сейчасъ же послышался голосъ, что я съ тобою буду счастливъ.

Та, заслышавъ эти всякій день повторявшіяся признанія, тихо зѣвала и жалась вискомъ къ плечу мужа, а онъ въ своемъ бредѣ влюбленномъ шепталъ:

— Ты послушай, послушай, что я тебѣ разскажу: ты знаешь, давно былъ герой Ярль Торгниръ?.. Нѣтъ, ты не знаешь... Ну, ничего: онъ жилъ отъ насъ за моремъ, въ странахъ скандинавскихъ... Да, и у него была жена... Прекрасная жена... Онъ ее очень любилъ, и жить безъ нея не могъ... вотъ все равно, какъ я безъ тебя. Ну, похоронивъ ее, онъ и сталъ о ней тосковать. Всякій день приходилъ онъ рыдать къ ней на могилу... Вотъ онъ разъ такъ сидитъ на могилѣ, а надъ нимъ летитъ ласточка,— вотъ точно такая, какъ теперь передъ нами... Погляди, моя милая, какъ она вьется!.. Ярль Торгниръ взглянулъ на нее и со слезами послалъ птичкѣ слово: «утѣшь меня,

добрая птичка!» И ласточка крылья сложила и, надъ его головой пролетѣвъ, уронила ему русый волосъ... золотой, какъ горючій янтарь, волосокъ, а длиной въ цѣлый ростъ человѣка... Ярль Торгиръ взялъ волосъ и по тонинѣ его понялъ, что высокаго рода была та дѣвица, съ головы которой упалъ этотъ волосъ... И влюбился Ярль Торгиръ по тому волоску въ княжну Ингигерду, поѣхалъ и отыскалъ ее на Руси, какъ и я отыскалъ тебя... тоже случайно... и, въ объятіяхъ сжавъ ее, такъ же какъ я здѣсь тебя обнимаю, былъ счастливъ.

Произнося этотъ монологъ съ глазами, вперенными въ небо, Рогожинъ былъ, дѣйствительно, счастливъ и все крѣпче и крѣпче обнималъ свою подругу и, наконецъ, переводя на нее въ концѣ свой взглядъ, видѣлъ, что она сладко спитъ у него на плечѣ. Онъ сейчасъ же отворачивалъ тихо свою голову въ сторону и, скрутивъ трубочкою губы, страстно шепталъ:

— Душка! Она спитъ... Какъ она крѣпко спитъ!.. Какая совершеннѣйшая душка!

Донкихотъ не могъ взять на руки своей жены и перенести ее домой: онъ былъ еще слабъ отъ болѣзни, а она не слишкомъ портативна, но онъ зато неподвижно сидѣлъ все время, пока «душка» спала, и потомъ, при обнаруженіи ею первыхъ признаковъ пробужденія, переводилъ ее на постель, въ которой та досыпала свой первый сонъ, навѣянный бредомъ влюбленнаго мужа, а онъ все смотрѣлъ на нее, все любовался ея красотою, вѣроятно, воображая немножко самого себя Торгиромъ, а ее Ингигердой.

Однако, все это весьма естественно кончилось тѣмъ, что супруги къ исходу своего медоваго мѣсяца стали изрядно скучать, и Донкихотъ Рогожинъ велѣлъ Зинкѣ запрячь своихъ одровъ въ тарантасъ и поѣхалъ съ женою въ церковь къ обѣднѣ. Тутъ онъ налетѣлъ на извѣстный случай съ Грайворонцей, когда бѣдный трубачъ, потерявъ разсудокъ, подошелъ къ иконостасу и, отлѣпивъ отъ мѣстныхъ иконы свѣчу, началъ при всѣхъ закуривать предъ царскими вратами свою трубку.

Доримедонтъ Васильичъ видѣлъ, какъ Грайворону схватили и повлекли, и какъ сотни рукъ всѣ стремились дать ему хоть одного пинка или затрещину. Въ общемъ, это выходило, по соображеніямъ Донкихота, для отнюдь

много, и онъ вступился. Онъ расправилъ свои руки и отбилъ Грайворону, а потомъ, крикнувъ: «Зинобей!», примчалъ отбитаго трубача въ Протозаново и снова скрылся на своихъ вихряхъ.

Жену свою онъ покинулъ въ церкви, и она возвратилась оттуда домой пѣшкомъ, вмѣстѣ съ бабами и мужиками, какъ хаживала будучи крестьянкою, и, вѣроятно, находила это отнюдь не непріятнымъ. Донкихотъ же, тоже прогулявшись, хватилъ старины, отъ которой чуть не отвыкъ, обабившись: и онъ, и Зинка замѣтили, что когда они ѣхали въ церковь съ «барыней Аксюткой» (такъ ее звали крестьяне), то даже лошади шли понуро и самъ тарантасъ все бочилъ на лѣвую сторону, гдѣ сидѣла крѣпкотѣлая Ингигерда; но когда Донкихотъ, сразившись и отбивъ Грайворону, крикнулъ: «Зинобей!» — все сразу измѣнилось: одры запряли ушми и полетѣли, тарантасъ запрыгалъ какъ скорлупочка по вѣтру, и сами Зинка и его баринъ вздохнули родною жизнью.

Зинка до того всѣмъ этимъ увлекся, что, оньянѣвъ отъ удовольствія на обратномъ пути, сказалъ Донкихоту:

— Эхъ, отецъ, бросимъ бабъ!

Рогожинъ отвѣчалъ ему на это пинкомъ въ спину, но не сердился. Зинка понялъ, что баринъ въ душѣ съ нимъ согласенъ и что доброе, старое кочевое время возвращается.

Бабушку въ этотъ свой первый пріѣздъ въ Протозаново нашъ чудакъ не видалъ: они, конечно, знали нѣчто другъ о другѣ по слухамъ, но свидѣться имъ не приходилось. Въ этотъ разъ бабушкѣ тоже было не до свиданія съ гостемъ, потому что княгиня занялась больнымъ и даже не имѣла времени обстоятельно вникнуть, кѣмъ онъ спасенъ и доставленъ. Но зато, похоронивъ Грайворону, она сію же минуту откомандировала Патрикѣя къ Рогожину отблагодарить его и просить къ княгинѣ погостить и хлѣба-соли откушать.

Донкихотъ отвѣчалъ согласіемъ. Ему это вниманіе, какъ видно, понравилось, и онъ на другой же день крикнулъ: «Зинобей!» и явился въ Протозановѣ.

Сойдясь лицомъ къ лицу съ бабушкой, они оба, кажется, были другъ другомъ немножко поражены и долго молчали. Бабушка, однако, первая перервала эту паузу и сказала:

— Вотъ ты какой!

— Да, — отвѣчалъ Рогожинъ: — вотъ этакой, я весь тутъ.

— Не грузенъ, а все воюешь.

— Да, на соколѣ мяса немного, на тетерѣ его больше бываетъ.

— Это ты что же... меня, что ли, тетерей зовешь?

— Нѣтъ, я это просто такъ къ слову.

— Просто къ слову, такъ садись до обѣда и скажи мнѣ, пожалуй, что такая за притча, что я тебя ни разу не видала. Столько времени здѣсь живу и, кажется, всѣхъ у себя перевидѣла, а тебя не видала. Слышу отъ всѣхъ, что живетъ воинъ галицкій, то тутъ, то тамъ является защитникомъ, а за меня, за вдову, ни разу и заступиться не пріѣхалъ... Иль чѣмъ прогнѣвала? Такъ въ чемъ засталъ, въ томъ и суди.

— Что мнѣ судить? — коротко отвѣтилъ Рогожинъ: — дѣла не было, такъ оттого и не ѣхалъ.

— А такъ безъ дѣла развѣ нельзя, или грѣхъ по-сосѣдски повидаться?

— Да что же... по-сосѣдски... Какіе мы сосѣди? Я бѣдный дворянинъ, а вы богатая княгиня, совсѣмъ не пара, и я не зналъ, какъ вы это примете, — а я гордъ.

— Господи мой! да довольно того — сосѣдъ и дворянинъ, а ты еще съ достоинствомъ носишь свое званіе, чего же еще нужно?

— Да, я дворянинъ какъ надо, меня перервать можно, а вывернуть нельзя.

— Молодецъ!

Они подружились, и когда гость уѣзжалъ, княгиня у него освѣдомилась:

— Ты вѣдь женатъ?

— Женатъ.

— Такъ не обидься, пожалуйста, я тебѣ въ бричку сослала шелковый отрѣзъ на платье... Не тебѣ, понимаешь, а женѣ твоей... на память и въ благодарность, что пѣшкомъ шла, когда ты мнѣ трубача привезъ, — добавила княгиня, видя, что гость началъ какъ-то необыкновенно отдуваться и хлопать себя пальцемъ по лѣвой ноздрѣ.

— Гм! женѣ... Ну, пускай такъ будетъ этотъ разъ на память! — позволилъ Донкихотъ: — но только... впередъ этого больше не надо.

И онъ потомъ, сдѣлавшись короткимъ и близкимъ прія-

телемъ въ домѣ княгини, никогда не принялъ себѣ отъ нея ничего, ни въ видѣ займа, ни въ видѣ подарка. Какъ съ нимъ ни хитрили, чтобъ обновить его костюмъ, или помочь упряжной сбруишкой, — не рѣшались ни къ чему приступить, потому что чувствовали, что его взаправду скорѣе перервешь, чѣмъ вывернешь. Отъ бабушки принимали пособіе всѣ, но Донкихотъ никогда и ничего рѣшительно, и княгиня высоко цѣнила въ немъ эту черту.

— Тутъ уже не по грамотѣ, а на дѣлѣ дворянинъ,—говорила она своимъ близкимъ: — богатъ какъ церковная мышь, ѣсть нечего, а въ мучной амбаръ саломъ не сманишь: «перервешь, а не выворотишь».

Эти слова Рогожина въ присловье пошли, а самъ онъ тутъ свою кличку получилъ. Бабушка сказала ему:

— Какой ты Доримедонтъ Рогожинъ, ты Донкихотъ Рогожинъ!

А онъ отвѣчалъ:

— Я бы счастливъ былъ, но только не въ томъ мѣстѣ родился.

Прозваніе ему, однако, нравилось.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этой же своей поѣздки къ бабушкѣ, Донкихотъ сразу махнулъ рукой на свою семейную жизнь.

— Его точно песья муха у меня укусила,—разсказывала бабушка: — такъ отъ меня и побѣжалъ на своихъ одрахъ странствовать, и подарокъ мой женѣ насилу къ Рождеству привезъ. И гдѣ онъ въ это время былъ?—ничего не извѣстно. Слышали только, что тамъ чиновникъ по дорогѣ встрѣчный обозъ въ грязь гналъ, на него кто-то налетѣлъ, накричалъ, кнутомъ нахлесталъ и уѣхалъ... По разсказамъ соображаемъ — это нашъ Донкихотъ; тамъ офицера на ярмаркѣ проучилъ; тамъ жаднаго попа прибилъ; тутъ злую помѣщицу въ мѣшкѣ въ поле вывезъ,—все Донкихотъ, все онъ, нашъ соколъ безъ мяса. Къ концу года, гляжу, ко мнѣ и возвращается: «Дома, говоритъ, — день пробылъ и женѣ гостинецъ отдалъ, а жить мнѣ у себя нельзя: полиція ищетъ, подъ судъ берутъ».

О домѣ своемъ онъ и не имѣлъ никакихъ заботъ: всѣмъ хозяйствомъ правила «барыня Аксютка»; она продавала заѣзжимъ прасоламъ овецъ и яловицъ, пеньку, холстъ и поскони и запивала съ ними продажныя сдѣлки чайкомъ

«съ нелливочкой», и въ той пріятной жизни полнѣла и была счастлива.

Впрочемъ, о «барынѣ Аксюткѣ» знали очень мало и никогда о ней въ бабушкиномъ обществѣ не говорили и Донкихота о ней не спрашивали, за что онъ, вѣроятно, и былъ очень благодаренъ.

Бабушка находила въ Рогожинѣ очень много прекраснаго и, разумѣется, пріобщила его къ своей коллекціи, но въ обстоятельства его семейной жизни не входила. Она знала только одно, что онъ «*женатъ глупо*», и больше ничего знать не хотѣла.

Время свое Доримедонтъ Васильичъ препровождалъ самымъ страннымъ и невозможнымъ образомъ: когда ему не угрожалъ судъ, онъ исчезалъ на своихъ одрахъ и гдѣ-то странствовалъ, и потомъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, являлся въ Протозаново.

Бабушка знала, что это значитъ, и обыкновенно всегда встрѣчала его однимъ вопросомъ:

— Что, батюшка мой, вѣрно, опять побѣдилъ какого-нибудь врага?

— Ну, такъ что жъ! — отвѣчалъ односложно Донкихотъ.

— Ничего: тебѣ, добру-молодцу, исполать и ползай теперь скорѣй на полать да получше прячься.

— А меня здѣсь не замѣтятъ?

— Ну, гдѣ тебя замѣтить, ты все равно что носъ на жидовской рожѣ незамѣтенъ.

Рогожинъ успокаивался и жилъ во флигеляхъ у княгини, ночуя нерѣдко въ одной комнатѣ съ исправникомъ и сидя съ нимъ рядомъ за обѣденнымъ столомъ.

Времена и нравы теперь такъ перемѣнились, что это многимъ, вѣроятно, покажется совершенно невѣроятнымъ, но это было именно такъ, какъ я разсказываю. Въ домъ княгини Варвары Никаноровны *нельзя* было пріѣхать съ выемкой. Выборному исправнику, да и никому другому ничто подобное никогда и въ голову не могло прійти. Благодаря такому сочетанію обстоятельствъ, Донкихотъ преспокойно жилъ въ Протозановѣ и въ долгіе зимніе вечера служилъ бабушкиному обществу интересною книгой. Онъ развлекалъ всѣхъ своими разсказами, имѣвшими всегда своимъ предметомъ рыцарское благородство и носившими на себѣ особый отпечатокъ его взглядовъ и сужденій. Ро-

гожинъ не любилъ ничего говорить о себѣ и, вѣроятно, считалъ себя мелочью, но онъ, напримѣръ, живообразно повѣствовалъ о честности князя Ѳедора Юрьича Ромодановскаго, какъ тотъ страшныя богатства царя Алексѣя Михайловича, о которыхъ никто не зналъ, спряталъ и потомъ, во время турецкой войны, Петру отдалъ; какъ князю Ивану Андреевичу Хованскому-Тарурую съ сыномъ головы рубили въ Воздвиженскомъ; какъ у князя Василія Голицына роскошь шла до того, что дворецъ былъ мѣдью крытъ, а червонцы и серебро въ погребахъ были ссыпаны, а потомъ родной внукъ его, Михайло Алексѣичъ, при Аннѣ Ивановнѣ шутомъ состоялъ, за ея собакой ходилъ и за то при Бѣлгородскомъ мирѣ тремя тысячами жалованъ, и въ посмѣяніе «Квасникомъ» звался, и свадьба его съ Авдотьей-калмычкой въ Ледяномъ домѣ справлялась... Какъ Салтыковы ополячились; какъ Василій Нарышкинъ съ артиллеріею и пѣхотою богача Сибирякова домъ осадилъ и силою у него пять тысячъ рублей вымогнулъ, а потомъ въ томъ же дому у него безъ совѣсти бражничалъ. А князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій даже со столовъ при карточной игрѣ у Разумовскаго деньги воровалъ.

Всѣ гости слушали эти разсказы и словно переживали все, что излагалъ предъ ними Рогожинъ, и «страхомъ огораживались» отъ ужасавшаго ихъ захуданія рода, которое, вѣроятно, и тогда уже предвидѣлось.

По крайней мѣрѣ бабушка, по своей безбоязненности смотрѣть впередъ, и тогда уже объ этомъ говорила.

Все это были бесѣды безконечныя, но не безплодныя, и въ нихъ коротались дни, а когда Донкихотъ вдругъ исчезалъ, эти живыя бесѣды обрывались, и тогда всѣ чувствовали живой недостатокъ въ Рогожинѣ. Возвращался онъ, и съ нимъ въ Протозаново возвращалось веселье. Пріѣзжалъ ли онъ избитый и израненный, что съ нимъ случалось нерѣдко, онъ все равно нимало не измѣнялся и точно такъ же читалъ на память повѣсть чьего-нибудь славнаго дворянскаго рода и пугалъ другихъ захуданіемъ, или декламировалъ что-нибудь изъ рыцарскихъ балладъ, которыхъ много зналъ на память.

Въ то время, когда бабушка ожидала къ себѣ петербургскаго графа Функендорфа, Рогожинъ находился на лицо въ Протозановѣ: онъ только-что возвратился откуда-то послѣ жестокой битвы, въ которой потерялъ глазъ.

— Батюшка мой, какъ тебя обработали! —произнесла, увидавъ его, бабушка.—Ты, вѣдь, теперь кривой останешься?

— Да ничего... одинъ глазъ цѣлый остался, — отвѣчалъ Рогожинъ, и больше ничего не разсказывалъ; но люди черезъ Зинку разузнали, что было побоище страшное, что Донкихотъ гдѣ-то далеко «съ цѣлымъ народомъ дрался».

Вся исторія, сколько помню, состояла въ томъ, что гдѣ-то на дорогѣ у какой-то дамы въ каретѣ сломалось дышло, мужики за это деревцо запросили двадцать рублей и безъ того не выпускали барыню вонъ изъ деревни. Донкихотъ попалъ на эту исторію и сначала держалъ къ мужикамъ внушительную рѣчь, а потомъ, видя безсиліе словъ, вскочилъ въ свой тарантасъ и закричалъ:

— Зинобей! Зинка, бей! бей! бей! Зинобей!

Зинка подобралъ вожжи и въ свою очередь завизжалъ:

— Эхъ вы, караси! ну-ка-си! помахивай-ка-си!

И одры разлетѣлись, сдѣлали съ горы кругъ; за ними закурилъ и замелъ облако пыли, и въ этомъ облакѣ, стоя на ногахъ посреди тарантаса, явился Рогожинъ въ своей курткѣ съ развѣвающимся по вѣтру широкимъ монашескимъ плащомъ. Все это какъ воздушный корабль врѣзалось и тутъ и гикъ, и свистъ, и крикъ «бей», и хлопанье кнута и, однимъ словомъ, истребленіе народовъ!

Люди сидѣвшей въ каретѣ дамы, воспользовавшись этою сумятицею, скорѣе по лошадямъ и ускакали, а мужики вдругъ сообразили, что Донкихотъ одинъ, а ихъ много, и приняли его въ передѣлку. Обоихъ путниковъ страшно избили, и они, по показанію Зинки, три дня валялись возлѣ рѣчки на лугу за горою. Пансо былъ избитъ совершенно понапрасну: слушая призывъ «бей! Зинка, бей!» онъ все-таки никогда никого не билъ и въ этомъ дѣлѣ тоже оставался ни предъ кѣмъ неповиннымъ. Мужики этого ничего не разбирали и отъ нихъ досталось даже и конямъ Донкихота, которыхъ изувѣчили, и тарантасу, въ которомъ изломали колесо и украли изъ него желѣзный шкворень.

Несчастные Богъ вѣсть какъ собрались съ силами, вымыли у рѣки опустѣвшую орбиту выбитаго глаза Донкихота, подвязали изорванныя мочалы упряжи и на трехъ колесахъ, при содѣйствіи деревяннаго шкворня, дотащились до Протозанова, гдѣ въ незамѣтности остались ожидать, не станутъ ли ихъ разыскивать.

Мужики, съ которыми происходилъ этотъ послѣдній бой, были, однако, не изъ сутяжливыхъ: они, покончивъ дѣло своею расправой, ничего болѣе не искали, и Донкихотъ, успокоясь на этотъ счетъ и поправясь въ силахъ и здоровьи, теперь опять уже расправлялъ свои крылья и, нося руки фертомъ, водилъ во всѣ стороны носомъ по воздуху, чтобы почуять: не несетъ ли откуда-нибудь обидою, за которую ему съ кѣмъ-нибудь надо перевѣдаться.

Въ это-то самое время у бабушкинаго крыльца и застучали колеса кареты петербургскаго графа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Княгиня обѣдала по-деревенски, довольно рано, въ два часа. Не измѣняя для архіерея своего мѣста въ церкви, она, разумѣется, не нарушала и порядковъ своего дома ни для какого гостя. Званый гость ожидался сверхъ положенія четверть часа, и если онъ въ теченіе этой четверти часа не пріѣзжалъ, то столъ начинался. Гость, опоздавшій и пріѣхавшій во время обѣда, имѣлъ неудовольствіе получать всѣ блюда сначала и видѣть какъ всѣ ради его одного сидятъ и ожидаютъ, пока онъ вступитъ въ очередь. Это было ему наказаніе за неаккуратность.

Губернатору и графу Функендорфу угрожало то же самое: въ залѣ пробило уже два часа, а они еще не жаловали. Обладавшіе аппетитомъ гости напрасно похаживали около оконъ и посматривали на открытую дорогу, на которой долженъ былъ показаться экипажъ, —однако, его не было. Проходила уже и отсроченная четверть часа, и княгиня готовилась привстать и подать руку Рогожину, который имѣлъ привилегію водить бабушку къ столу, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: «ѣдутъ!»

Всѣ сунулись къ окнамъ, разумѣется всѣ, кромѣ княгини: бабушка, конечно, не тронулась: она сидѣла въ углу нивана за круглымъ столомъ и удержала при себѣ Марью Николаевну. Любопытство княгини ограничивалось только тѣмъ, что она со своего мѣста спросила глядѣвшихъ въ окно:

— Какъ они?

Ей отвѣчали:

— Въ четверомѣстной каретѣ, ваше сіятельство.

— Гм!.. въ четверомѣстной?

— Да-съ, четверомѣстной, ваше сіятельство.

— Гм!.. Патрикѣй, слышишь! сообрази сервизъ.

Патрикѣй поклонился и вышелъ прибавить сервиза; а въ это время съ наблюдательнаго поста, откуда видно было, какъ пріѣзжіе высаживались, поданъ голосъ, что пріѣзжихъ только трое, а не четверо, и всѣ мужчины.

— Кто же третій?.. молодой кто-нибудь?.. Вѣрно, секретарекъ при немъ?

— Нѣтъ-съ, не секретарекъ, а это... это Иванъ Петровичъ Павлыганьевъ.

Бабушка наморщила лобъ и переспросила:

— Кто-о?

— Павлыганьевъ!.. предводитель Павлыганьевъ!..

— Быть этого не можетъ!

— Онъ-съ.

— Кто же у нихъ на передней лавкѣ сидѣлъ?

— Да онъ и сидѣлъ,—отвѣчалъ Донкихотъ.

— Что ты, батюшка, вздоръ говоришь.

— Нѣтъ-съ, не вздоръ, я самъ видѣлъ, какъ карету открыли!

И Рогожинъ круто повернулся на каблукѣ и, сдѣлавъ пятнинѣ гримасу и укоризненный жестъ рукою, прошипѣлъ съ пѣной у рта:

— А это все вы-съ!

— Ну, оставь это покамѣстъ,—отвѣчала бабушка, но Донкихотъ былъ не въ расположеніи оставлять и настойчиво продолжалъ:

— Вы его совѣтовали выбрать!

— Доримедонтъ Васильичъ, умилосердись же ради Бога! оставь! Я, такъ и я: вѣдь не прежде холмовъ я создана и могу ошибаться, но не время теперь объ этомъ говорить, когда люди входятъ.

Они, дѣйствительно, входили. Въ залѣ уже слышались шаги и сухой, немножко недовольный кашель, очевидно исходившій отъ лица, которому желалось бы, чтобъ его встрѣтили.

Дьяконица Марья Николаевна уже начала присѣдать и подпрыгивать, а бабушка съ Донкихотомъ перекинулись послѣдними летучими фразами.

Она шептала:

— Бога ради, оставь!

А онъ отвѣчалъ:

— Ну, ужъ это извините-съ: не покорюсь!

— Прошу тебя, Доримедонтъ Васильичъ!—и бабушка, не докончивъ послѣдней фразы, перевела глаза съ Донкихота на двери, въ которыя входили гусемъ: губернаторъ, за нимъ высокій, плотно выбритый бѣло-розовый графъ, съ орденскою звѣздой на фракѣ, и за нимъ опять послѣднимъ Павлыганьевъ.

При появленіи этой добродушной толстой фигуры Донкихотъ громко щелкнулъ каблуками и повернулся къ нему спиной... Бабушка теперь уже не могла усмирять расходившагося дворянина: она выслушивала, какъ губернаторъ репрезентовалъ ей заѣзжаго гостя, и потомъ какъ самъ гость, на особомъ французскомъ нарѣчіи, на которомъ говорятъ нѣмцы, сказалъ княгинѣ очень хитро обдуманное привѣтствіе съ комплиментами ея уму, сердцу и значенію.

Все это было не въ ея вкусѣ, но она смолчала и пригласила гостей присѣсть на минуту, а потомъ сейчасъ же почти встала и, подавъ руку графу, отправилась къ столу.

Въ этой спѣшности проминули всѣ опасности со стороны Марьи Николаевны, которая по этому случаю была очень счастлива и, подхвативъ подъ руку Донкихота, просила его:

— Батюшка, Доримедонтъ Васильичъ, усади ты меня, голубчикъ, такъ, чтобы меня не видно было, если онъ по-французски заговоритъ... А то я, ей-Богу, со страху «вуй» отвѣчу.

— Не бойтесь!—отвѣчалъ Рогожинъ, становясь съ Марьей Николаевной въ самую послѣднюю пару, и, усадивъ ее за столомъ ниже большой соли и заслонивъ своимъ локтемъ, добавилъ ей:

— Но если непремѣнно захотите по-французски отвѣчать, то не забудьте, что надо сказать не просто «вуй», а «вуй, мусье».

— Это я выговорю,—отвѣтила, успокоясь, Марья Николаевна: но только оказалось, что все ея безпокойство было совсѣмъ напрасно: графъ былъ сильно занятъ разговоромъ съ княгинею, которая его слушала съ очевиднымъ вниманіемъ и, повидимому, не обращала ни на что болѣе вниманія. Но это только такъ казалось, потому что когда Рогожинъ спросилъ предводителя: не было ли ему безпокойно

ѣхать въ каретѣ на переднем лавочкѣ, а тотъ ему отвѣтилъ, что это случилось по необходимости, потому что его экипажъ дорогою сломался, то княгиня послала Донкихоту взглядъ, который тотъ долженъ былъ понять какъ укоризну за свое скорое сужденіе.

Обѣдъ кончился благополучно: гость былъ разговорчивъ: бабушка внимательно его слушала. Въ словахъ его для княгини было много любопытнаго, она опознавала по нимъ знаменія времени и духа общества въ столицѣ, въ которую снаряжалась. Вопросами дня тогда былъ чугуевскій бунтъ: казаки не хотѣли быть уланами и на всѣ дѣлаемыя имъ убѣжденія отвѣчали, что они «волѣ правительства подчиняются, но своего желанія не имѣютъ». Изъ этого былъ сдѣланъ бунтъ. Газетъ тогда по деревнямъ мало получали, но о чугуевскомъ дѣлѣ въ Протозановѣ знали по слухамъ, и когда были новые слухи, ими особенно интересовались. Графъ же былъ близокъ къ источникамъ всѣхъ новостей и разсказалъ объ ужасахъ усмиренія, но не такъ подробно, какъ зналъ объ этомъ Рогожинъ и какъ онъ разсказалъ уже ранѣе. Бабушка это замѣтила и, почесавъ своимъ бѣлымъ пальцемъ лѣвую бровь, молвила:

— Мы какъ-то немножко иначе про это слышали.

— А какъ же вы слышали?

Княгиня посмотрѣла изъ-подъ руки на Донкихота и мягко проговорила:

— Говорятъ, Аракчеевъ съ Клейнмихелемъ изъ Харькова совсѣмъ безъ сердецъ прикатили...

— Знаете, ваше сіятельство... здѣсь нельзя было спрашивать сердце!

— Спрашивать сердце всегда и вездѣ должно.

— Это какъ судить...

— Какъ судить?... помилуйте: сорокъ гробовъ передъ экзекуціею на площади было поставлено... Развѣ это въ христіанской землѣ такъ можно?

Графъ молчалъ.

— А скажите: правда-ли, будто одна казачка, у которой двухъ сыновей на смерть засѣкли...

— Подвела внучатъ?

— Да, будто она еще подвела внучатъ?

— Правда: ужасное упорство!

— И такъ имъ и сказала: «учитесь, хлопци, умирать какъ ваши батьки»?

— Этими самыми словами.

— И ее взяли?

— Вѣроятно.

— А что съ нею сдѣлали?

— Этого, право, не знаю.

Бубушка задумалась и потомъ вздохнула и, во всю грудь положивъ на себя широкій крестъ, произнесла:

— Упокой Господи бѣдныхъ рабовъ твоихъ, а намъ прости какъ мы это сносимъ.

Графъ, повидимому, удивлялся: молитвенное воззваніе княгини его смущало: онъ, очевидно, недоумѣвалъ, коего духа эта странная вдовица, а она продолжала:

— Грустно это, графъ... Безбожное дѣло сдѣлалось! люди были вѣрные, семь лѣтъ назадъ всѣ на видную смерть шли. Не избыть срама тѣмъ, кѣмъ не по истинѣ это дѣло государю представлено.

— Самъ графъ представлялъ.

— Аракчеева не сужу, но опасаюсь, что чрезъ это неблагодарностью родину клепать станутъ, а чрезъ то вѣрныхъ родъ ослабѣетъ, а лицемѣрныя искательства возвысятся. Хотѣлось бы хвалить тѣхъ, кто у престола стоя правду говорить не разучился.

Графу это показалось положительно грубымъ и неумѣстнымъ, и онъ, отведя княгиню изъ-за стола на ея обычное мѣсто въ гостиной, хотѣлъ дать этому разговору другое направленіе. Онъ указалъ, что истинной вѣрности, какъ хочетъ княгиня, можно ждать только отъ родовой аристократіи.

Бабушку это кольнуло: она терпѣть не могла этого новомоднаго тогда у насъ слова, подъ которымъ, по ея своеобразнымъ понятіемъ, пробирался въ русское общество самый пустой и вредный вздоръ, въ цѣляхъ достиженія котораго затѣвали маіораты.

— Что это за *аристократія?* Гдѣ эта аристократія? Никакой этой пустой затѣи у насъ въ Россіи не было и нѣтъ, да и быть не должно.

— Почему же вы такъ говорите?— спросилъ нѣсколько сконфуженный графъ.

— Говорю такъ потому, что такъ думаю, а думаю такъ,

потому что на свою русскую природу надѣюсь, кою добро ее почитаю и знаю, что русскій человѣкъ никогда того не захочетъ, чтобы всѣхъ дѣтей для одного задѣлать. Петръ Первый этого желалъ и не достигъ—будто какъ самъ Богъ этому противился: кто завелетъ маіоратъ, глядишь и родъ вымираетъ; ясно Господь глаголетъ: сіе Ему неугодное и намъ не нужно. У насъ есть *знать*, именитые роды отъ знатныхъ дѣлъ и услугъ предковъ государству прославившіеся; вотъ это помнить надо, а у насъ родовое-то все съ Петра раскрадено да въ поместьхъ дано. Дворянство черезъ то страдаетъ, что прибыльщики да компанейщики не за заслуги въ дворяне попадать стали, а за прислужничество; старая же знать, мало честь соблюдая, съ ними мѣшалась. Толстой да Меншиковъ, да Шафировъ, всѣмъ путь показали къ барышничеству. Меншикову да Шафирову это не диво—оба выскочки, а Толстому стыдъ. Да и самъ Таврическій черезъ подставныхъ людей въ откупахъ участвовалъ, а Соловой уже прямо и открыто въ это дѣло сунулся, да за собой повелъ и Юрія Долгорукаго и Гагарина съ Куракинымъ. Не погнушались заодно идти съ Походяшевыми, Хлюстиными, Вороженкиными да Кондратьевыми. И довели дѣло до такой наглости, что черезъ нихъ купецъ Курчаниновъ дерзнулъ правительству предложеніе сдѣлать пятьдесятъ милліоновъ прирастить, чтобъ ему бороды на откупъ дали. Позье брильянтщикъ всѣмъ, кто къ нему цугомъ пріѣзжалъ, отказывалъ, потому что брали да и не платили; а Иванъ Васильичъ князь Одоевскій, тайный совѣтникъ былъ и вотчинной коллегіи президентъ, а до того замотался, что всѣхъ крестьянъ продалъ: крѣпостныхъ музыкантовъ играть по дворамъ посылалъ и тѣмъ жилъ, а потомъ и этихъ своихъ кормильцевъ продалъ да сталъ съ карточныхъ столовъ деньги красть... Не разъ битъ... Рюриковъ-то потомокъ: помилуйте, какую отсель теперь аристократію выводить! Нѣтъ, намъ эта багатель не къ прибыли: намъ надо помнить, что горе тому, у кого имя важнѣе дѣлъ его...

— Во всякомъ случаѣ,—замѣтилъ графъ:—какъ ни плохи иныя отдѣльныя лица, а помѣстное дворянство все-таки вѣчная сила...

— Нѣтъ, не вѣчная,—отвѣчала княгиня.—Что тутъ вѣчнаго: зрячій да слабый на слѣпого да сильнаго сѣлъ да и ѣдетъ. Наше крѣпостное владѣніе — это слѣпой безногаго

возитъ. Это не вѣчно такъ будетъ: слѣпой прозритъ, а зрячій совсѣмъ разслабнетъ, если раньше на своихъ ногахъ идти не научится... Говорятъ, будто правнукъ Головина хочетъ свое имѣніе Воротынецъ въ лотерею разыгрывать?

— Это вѣрно.

— Господи, Боже мой!.. Этакого срама на Руси еще не было... Пять тысячъ живыхъ людей въ лотерею пустить!

Графъ уже глядѣлъ на пессимистку скучнымъ и утомленнымъ взглядомъ и, не зная куда съ ней далѣе повернуть, молвилъ:

— Вы мнительны, княгиня: въ Россіи есть прекрасные дворяне!

— Есть,—отвѣчала бабушка: — и я сама имѣю счастіе многихъ знать съ духомъ и съ благороднымъ сердцемъ, но только всѣ они врозсыпь приходятъ... Склейки нѣтъ, безъ призванія къ дѣлу наша дворянская сила въ пустоцвѣтъ идетъ, а заботливые люди чудаками кажутся. Вонъ у меня человѣка видите... вонъ тотъ, что у окна съ предводителемъ стоитъ разговариваетъ... Рогожинъ, бѣдный дворянинъ, весьма замѣчательный.

— Это вонъ тотъ... рыжій, кривой, въ курткѣ?

— Да; это у него костюмъ такой... Онъ весь оригинальный: самъ золотой, а глаза были изумрудные. — теперь одинъ остался, но онъ очень благороденъ и въ чудака обратился.

— Какъ онъ худъ, точно meurt de faim.

— Да, все съ нимъ бываетъ, —отвѣчала бабушка:—онъ и голодаетъ подчасъ, и въ горахъ, вертепахъ и въ пропастяхъ скрывается, а все въ себѣ настоящій благородный духъ бережетъ. Это что я вамъ о захудавшей нашей знати сказала, я себѣ не приписываю: это я все отъ него знаю. Это онъ все намъ всѣ эти сказанія проповѣдуетъ... Стыдитъ насъ.

— Съ какою же цѣлію онъ все это разсказываетъ?

— Все заботится, чтобы «духъ благородства поддержать отъ захуданія». Надѣется видно! Я вѣдь вамъ самую малую часть его словъ привела, а онъ ужасно много знаетъ. Я его такъ и называю *свитокъ*. Онъ скрученъ весь, а если его раскатать, то я и не знаю, какъ онъ обширенъ будетъ! Мнѣ кажется, одинъ своимъ благородствомъ удивить свѣтъ можетъ. Все въ немъ писано: и великія дѣла для возбужде-

нія духа, и позорное слово для угроженія, и мои беззаконія тоже въ немъ заключаются.

— Ваши беззаконія?—произнесъ съ улыбкой графъ.— Это интересно: я думаю, это бѣлая строка въ свиткѣ.

— Не скажите. Вѣдь я его постоянно прячу и отъ власти скрываю... это беззаконіе.

Графъ полюбопытствовалъ, какъ и отчего княгиня укрываетъ Донкихота, а бабушка ему все это разсказала и тѣмъ до того оживила бесѣду, что графъ началъ смѣяться и шутить, и повторять Рогожинское присловье: «перервать можно, а вывернуть нельзя».

— Да вамъ не угодно ли съ нимъ немножко сблизиться и поговорить? Онъ очень интересенъ,—проговорила княгиня, и, получивъ отъ графа звукъ въ родѣ и да, и нѣтъ, возвысила голосъ и позвала:

— Доримедонтъ Васильичъ! смѣю тебя побезпокоить на минутку?

Рогожинъ бросилъ предводителя и, подойдя къ княгинѣ, щелкнулъ, по своему обычаю, каблукомъ и уставилъ на нее свой изумрудный глазъ.

— Вотъ, другъ мой, графъ желаетъ съ вами познакомиться,—и, обратясь затѣмъ къ графу, она добавила:— имѣю честь представить вашему сіятельству, Доримедонтъ Васильичъ Рогожинъ, и добрый, и честный дворянинъ, какихъ...

Но, не договоривъ этого слова, княгиня вдругъ поблѣднѣла и сдвинула брови, замѣтивъ, что графъ подалъ Рогожину два пальца?

Она была обижена за Рогожина и боялась, что тотъ вспылитъ; но Рогожинъ ее успокоилъ:

— Не обижайтесь, княгиня,—сказалъ онъ:—я бѣдный человѣкъ, мнѣ его ни одного пальца не нужно. Пусть Павлыганьеву цѣлую руку дастъ, тотъ его въ собраніе на обѣдъ позоветъ. Поѣзжайте, графъ, меня тамъ не будетъ.

Этой непредвидѣнной сцены никто не умѣлъ передать во всѣхъ подробностяхъ, и я передаю ее вкратцѣ. Знаю только, что все это случилось такъ, какъ никто не хотѣлъ и не думалъ. Графъ, дѣйствительно, ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы прослѣдить тропу къ бабушкиному сердцу и состоянію: чутье княгини не ошибалось: онъ хотѣлъ искать ея руки: конечно, желалъ быть вѣжливъ, но межъ тѣмъ неожиданно

обидѣлъ Рогожина и самъ обидѣлся. Княгиня, считая графа случайнымъ посѣтителемъ, всемѣрно рѣшилась при немъ себя сдерживать, чтобы не нажить врага для своей мѣстности, и между тѣмъ не сдержалась; Рогожинъ тоже сдѣлалъ то, чего совсѣмъ не ожидалъ: онъ хотѣлъ терзать предводителя и, отозванный бабушкой отъ этой работы, сорвалъ все зло на графѣ.

Словомъ, тутъ надо всѣми было какое-то одержаніе: точно какой-то духъ буренъ слетѣлъ и все возмутилъ и все перепуталъ, такъ что никто въ своемъ поведеніи не узнавалъ своихъ плановъ и намѣреній. Все до того перебуровилось, что предводитель, для котораго былъ поданъ особый дормезъ, бросилъ туда одну шинель, а самъ опять сѣлъ на передней лавочкѣ, и когда графъ говорилъ: «Это нельзя: это невозможная женщина!» то предводитель съ губернаторомъ наперерывъ отвѣчали:

— Мы очень рады, что вы сами ее изволили видѣть.

Графъ тѣмъ развлекъ тяжесть мыслей, что сталъ выспрашивать губернатора насчетъ этого «бродяги съ зеленымъ глазомъ», который такъ дерзко съ нимъ обошелся. Что касается княгини, то за нее графъ еще не зналъ, какъ взяться. Онъ имѣлъ на нее планы, при которыхъ вредить ей не было для него выгодно: довольно было дать ей почувствовать, что сила не на ея сторонѣ, но это гораздо благонадежнѣе было сдѣлать не здѣсь, гдѣ она вокругъ обросла на родныхъ нажитяхъ, а тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ за нея стать будетъ некому.

И онъ не ошибался въ расчетѣ и еще разъ сумѣлъ подхвалить себя за сдержанность, когда, въ день обѣда, назначеннаго въ его честь въ дворянскомъ собраніи, туда явились только одни чиновники и самая незначительная часть дворянъ.

Графъ слышалъ, какъ смущенный губернаторъ подлетѣлъ къ предводителю съ вопросомъ:

— Гдѣ же остальные?

А предводитель ему отвѣчалъ:

— У Варвары Никаноровны на прощальномъ обѣдѣ.

Послѣ этого губернаторъ напрасно тщился попасть въ тонъ къ графу. Но графъ счелъ себя положительно обиженнымъ и уѣхалъ, не видавшись ни съ кѣмъ изъ ухаживавшихъ за нимъ сановниковъ. Онъ ихъ считалъ достойными

большаго наказанія, чѣмъ самой княгинѣ, которая слу стала даже серьезно нравиться, какъ Гаральду презиравшая его русская дѣва.

Онъ разсчитывалъ стрѣлять по княгинѣ изъ-за большой башни; а если ему и оттолѣ не удастся ее одолѣть, то всегаки не отступить отъ намѣренія—соединить Протозановскія межи со своими по другому способу.

Между тѣмъ всѣ эти послѣднія исторіи продолжали быть обдержаніями или напастями невольными: такъ, прощальный обѣтъ, которымъ княгиня отвлекла почти всѣхъ дворянъ отъ обѣда, даннаго въ пустой залѣ собранія графу, вовсе не былъ ею разсчитанъ на какую-нибудь обиду, а совпалъ съ этимъ обстоятельствомъ совершенно случайно, или уже послѣ того, дѣйствительно, нѣтъ на свѣтѣ никакихъ случаевъ, а есть на все только одна неисповѣдимая воля, безъ которой не падаетъ ни волосъ съ головы, ни воробей съ кровли.

Бабушка, по крайней мѣрѣ, вѣрила такъ, и во всѣхъ случайностяхъ видѣла не то напоминанія, не то предуготовленія къ чему-то бо́льшему. Совершая путь свой въ Петербургъ, она часто повторяла въ мысляхъ:

— «Готово сердце мое, Боже, готово!»

Княгиня ѣхала въ Петербургъ съ маленькими дѣтьми, съ Ольгою Ѳедотовною и съ Патрикѣемъ. Дѣти и Ольга помѣщались вмѣстѣ съ бабушкою въ каретѣ, а Патрикѣй въ устроенной сзади откидной коляскѣ, гдѣ ему было очень покойно и откуда онъ съ высоты могъ далеко впередъ видѣть дорогу и наблюдать за форейторомъ и за кучеромъ. Они пріѣхали такъ скоро, какъ только тогда было можно. Въ Протозаново отъ нихъ никакихъ вѣстей еще не приходило.

Рогожинъ, по отъѣздѣ бабушки, заѣхалъ домой и сидѣлъ однажды у себя въ сѣнномъ чуланѣ и въ одно и то же время читалъ какую-то книгу, ѣлъ квасъ со свеклою и билъ ложкою по лбамъ налѣзавшихъ на него со всѣхъ сторонъ ребятъ. Въ это самое время предъ открытыми дверями его сѣней остановилась вскачь прибѣжавшая лошадь и съ нея спрыгнулъ посолъ изъ Протозанова.

Рогожинъ узналъ извѣстнаго ему верховаго мальчика и вскричалъ:

— Пхэ! Что у васъ, мальчуганъ?

— У насъ ничего-съ, а у васъ худо,—отвѣчалъ бойкій мальчикъ.

— Ну!

Мальчишка, комкая шапку, подошелъ къ самому плечу Донкихота и, оглянувшись, вдругъ прошепталъ:

— Господа пріѣхали...

— Какіе господа?

— Лихо ихъ знаетъ.., чиновники...

— Ну, ты, дуракъ, впередъ знай, что чиновники не господа, а что дальше—сказывай.

— Васъ ищутъ... Управитель шибко скакать велѣлъ.

Донкихотъ стоялъ и соображалъ: этого еще никогда не было, чтобъ его смѣли искать въ княгининомъ домѣ... Онъ видѣлъ въ этомъ новость, въ которой обсуждалъ не свое положеніе, а то, какое значеніе имѣетъ это по отношенію къ Варварѣ Никаноровнѣ. Пользуются ли тѣмъ, что ея дома нѣтъ, или уже отнынѣ и ея не боятся и не уважаютъ попрежнему? Откуда это?.. Конечно, не отъ здѣшнихъ: у нихъ на это еще не хватило бы смѣлости... Нѣтъ; это оттуда, гдѣ она сама теперь... одна...

Рогожинъ, въ половинѣ этого размышленія, завелъ палецъ въ ротъ и, все туже и туже натягивая имъ свою щеку, при послѣдней мысли вдругъ хлопнулъ на воздухъ и въ ту же минуту заоралъ:

— Эй! Зинобей!

Двужильные одры въ лыкѣ и мочалѣ, и Зинка въ конопляномъ шлыкѣ выросли, какъ по мановенію.

Донкихотъ вскочилъ въ экипажъ и скомандовалъ:

— Въ Петербургъ!

Зинка, хотя не зналъ этой дороги, но задергалъ и завизжалъ:

— Ну, караси! подергивай-ка-си!

Черезъ три недѣли одры стояли у Московской заставы въ Петербургѣ, а Донкихотъ, высунувшись изъ кибитки, одною рукой заслонялъ какую-то пыльную кутафью, а другою, опираясь на Зинку, громко оралъ:

— Солдатъ, а солдатъ! гдѣ здѣсь Мойка?

Проходившій солдатъ разсказалъ ему, гдѣ Мойка, и Зинка опять запрялъ вожжами.

Они неслись тѣмъ же аллюромъ, точно не они сдѣлали въ эти дни цѣлыя полторы тысячи верстъ.

Черезъ часъ они проскакали мимо каменныхъ львовъ въ ворота Протозановскаго дома и остановились у широкаго, выпуклаго полукруглаго подъѣзда.

Донкихотъ выскочилъ и потащилъ за собою пыльную кутафью, въ которой теперь не трудно было узнать дьяконицу Марью Николаевну.

Въ минуты пріѣзда неожиданныхъ гостей, княгиня только что вернулась изъ института, гдѣ на другой день назначенъ былъ выпускъ, и находилась въ непріятномъ волненіи. Она встрѣтила друзей съ изумленіемъ и ея первымъ къ нимъ словомъ былъ вопросъ:

— Что съ вами? Или вы погорѣли?

— Нѣтъ,—отвѣчала Марья Николаевна:—ничего...—И она, показавъ на Рогожина, докончила:—онъ прискакалъ... ночью... на огородъ вызвалъ... говоритъ: «Княгинѣ не безпечно: поѣдемъ». Я и поѣхала.

Донкихотъ даже и этого не говорилъ. Онъ ничего не объяснялъ: весь сѣрый подъ густымъ слоемъ насѣвшей на него пыли, онъ въ подозрительномъ молчаніи обходилъ залу и засматривалъ по всѣмъ угламъ и заглядывалъ за двери, точно искалъ вездѣ скрытыхъ злодѣевъ.

Бабушка посмотрѣла на него и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, довольно тебѣ: перестань основу сновать: тутъ и такъ все вокругъ ходитъ. Патрикѣй! ступай съ нимъ сейчасъ въ баню, да вели, пожалуйста, чтобъ ему усы расчесали и уши хорошенько мыломъ вымыли. Да поди-ка сюда на минутку ко мнѣ.

Вызвавъ Патрикѣя въ другую комнату, княгиня добавила свое приказаніе:

— Сейчасъ купи ему платье, чтобы хорошее, но въ его вкусѣ, а это вели у него въ банѣ украсть.

Патрикѣй все это аккуратно сдѣлалъ, и черезъ часъ Донкихотъ возвратился чисто вымытый и переодѣтый въ бархатный колетъ съ прочими соотвѣтственными деталями и въ щегольскихъ сапогахъ съ раструбами.

— Вотъ какъ тебя здѣсь сразу выворотили!—похвалила его княгиня.

— Престранный случай!—отвѣчалъ Донкихотъ:—меня обокрали!

— Чуть это вдругъ! впрочемъ, и это платье въ твоемъ вкусѣ.

— Да; оно ничего,—отвѣчалъ Донкихотъ.

И, ставъ передъ цѣльнымъ зеркаломъ посреди комнаты, онъ началъ поворачиваться въ своемъ новомъ костюмѣ, любуясь собою самъ и заставляя любоваться, исподтишка улыбавшихся надъ нимъ, княгиню, дьяконицу, Ольгу Ѳедотовну и Патрикѣя...

Это была живая картина къ той сказкѣ и присказкѣ: полусумасшедшій, кривой дворянинъ, важно позирующій въ пышномъ уборѣ изъ костюмерной лавки, а вокругъ его умная, но своенравная княгиня, да два смертно ей преданные вѣрные слуги и другъ съ сельской поповки. Это собралась на чужинѣ она, отходящая, самодумная Русь; а тамъ, за стѣнами дома, катилась и гремѣла другая жизнь, новая, оторванная отъ домашнихъ преданій: люди иные, на которыхъ страна смотрѣла еще, какъ удивленная курица смотритъ на выведенныхъ ею утятъ.

СТАРОЕ СТАРИТСЯ—МОЛОДОЕ РАСТЕТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ моей хроникѣ, къ сожалѣнію, неизбѣжны нѣкоторыя пробѣлы, особенно въ томъ ея періодѣ, къ которому я приступаю. Въ объясненіе причины многихъ происшествій этой поры я не имѣю точныхъ указаній и могу судить о нихъ только по соображеніямъ и догадкамъ. Впрочемъ, я такъ близко знаю тѣхъ, о комъ говорю, что не могу сдѣлать грубыхъ промаховъ въ моемъ разсказѣ, который буду продолжать съ того, какъ повела себя княгиня Варвара Никаноровна въ Петербургѣ, гдѣ мы ее оставили, въ концѣ первой части моей хроники, любующеюся преобразованнымъ, по ея мысли, Донкихотомъ Рогожинымъ.

Напомню опять, что это было наканунѣ дня, когда бабушка должна была принять изъ рукъ институтскихъ воспитателей свою дочь, княжну Анастасію, съ которою, какъ я уже прежде разсказала, взаимныя отношенія ихъ были нѣсколько расхолоджены сначала взаимнымъ отчужденіемъ и отвычкою, а потомъ пренебрежительнымъ обхожденіемъ княжны съ людьми, которыхъ посылала къ ней мать.

Княгиня переживала въ это время самыя тяжелыя ощущенія: горячая душа ея не могла не мучиться отъ сознанія, что она мало любитъ дочь, или, по крайней мѣрѣ, не любитъ ее сколько бы хотѣла. Но любовь, какъ извѣстно, дается и пріемлется туне, и если ея нѣтъ, то ее взять негдѣ. Впрочемъ, я увѣрена, что скорѣе эта была напрасна: бабушка себѣ сочиняла, что она мало любитъ свою дочь,

а на самомъ дѣлѣ было иначе. Но какъ бы это ни было, ожидая дочь, княгиня постоянно находилась въ мукахъ недовольства собою и во все это время была мрачна и, противъ своего обыкновенія, даже настолько непривѣтлива, что не обратила на дьяконицу и Донкихота того вниманія, какимъ эти люди у нея всегда пользовались и на которое они, какъ надо бы думать, получили еще болѣе права послѣ новаго оригинальнаго доказательства своей безграничной ей преданности. Варвара Никаноровна умѣла цѣнить эти вещи, но на сей разъ не оцѣнила: недовольная самою собою княгиня ограничивалась тѣмъ, что, полюбовавшись преобразованнымъ Донкихотомъ, отослала гостей отдыхать въ назначенныя имъ комнаты, а сама опять предалась заботамъ о приготовленіи дома ко встрѣчѣ княжны. Эти хлопоты начались давно, но имъ не было конца и къ самому послѣднему дню; княгинѣ безпрестанно мерещилось, что она *мало любитъ дочь*, и, мучимая этимъ призракомъ своего воображенія, она всячески старалась замѣнить укоряющій ее недостатокъ любви заботливостью о благѣ и внѣшнемъ счастіи дочери. Она хотѣла окружить княжну самою нѣжною заботливостью и внѣшними ласками. Ольга Ѳедотовна говорила, что бабушка цѣлые дни была на ногахъ, а если садилась на минутку, то сейчасъ же задумывалась и потомъ тревожно спрашивала:

— Ольга!.. хорошо ли?.. ты смотри, чтобъ ей не показалось, что мы ее мало любимъ...

И княгиня опять стояла у всякаго обойнаго шнура, у каждаго гвоздика, и все примѣняла на свой глазъ, все пробовала своею рукой. Въ старинномъ домѣ, полномъ богатой утвари Екатерининскаго времени, нѣсколько комнатъ было отдѣлано заново: покои, назначенные для княжны, были убраны скромно, какъ княгиня находила приличнымъ для молодой дѣвушки, но все это было сдѣлано изящно и въ тогдашнемъ новомъ вкусѣ: свѣтлый дѣвственный, собранный въ буфы, ситецъ замѣнилъ здѣсь прежній тяжелый штофъ, который сняли и снесли въ кладовыя; масляныя картины извѣстныхъ старинныхъ мастеровъ, но нѣсколько пластическихъ сюжетовъ, тоже были убраны и замѣнены дорогими гравюрами и акватинтами въ легкихъ рамахъ чернаго дерева съ французскою бронзой; старинные тяжелые золоченые кронштейны уступили свое мѣсто другимъ,

легкимъ и веселымъ, изъ севрскаго фарфора; вмѣсто золоченаго обруча съ купидонами, который спускался съ потолка и въ который вставлялись свѣчи, повѣсили дорогую саксонскую люстру съ прекрасно выполненными изъ фарфора гирляндами пестрыхъ цвѣтовъ. Словомъ, все обновили, даже массивный кіотъ съ дорогими отеческими иконами былъ перенесенъ въ собственные бабушкины покои и замѣненъ простымъ, хотя очень дорогимъ Распятіемъ изъ чернаго дерева и слоновой кости. Оно было повѣшено въ слегка драпированной нишѣ и, освѣщенное блѣднозеленою лампадой, напоминало о себѣ слегка и не сразу. Словомъ, все было приготовлено такъ, какъ наиболѣе могло нравиться дѣвушкѣ, получившей совсѣмъ новое воспитаніе и усвоившей вкусъ и привычки совсѣмъ не тѣ, какія имѣла ея мать. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы княгиню не томила мысль, что она мало любитъ дочь, то она встрѣтила бы княжну гораздо проще и не заботилась бы такъ много о всѣхъ мелочахъ, которыя не имѣютъ особой цѣны при большомъ благѣ, даруемомъ любовью. Но и этого мало: не зная, чѣмъ себя успокоить, княгиня готова была для дочери и на жертвы, она старалась подавить въ себѣ многія свои привычки и, даже преодолѣвъ все свое отвращеніе отъ столичной жизни, рѣшилась не уѣзжать въ Протозаново, а жить въ Петербургѣ. Кто помнитъ, какъ сильна была въ ней привычка къ деревнѣ, тотъ долженъ сознаться, что эта женщина умѣла себя переламывать. Но это даже была не ломка, а что-то гораздо большее: на участливый вопросъ дьяконицы, гдѣ думаетъ княгиня жить и когда возвратится въ Протозаново, бабушка отвѣчала:

— Богъ вѣсть, я ничего не знаю... Это все будетъ, какъ Настенька захочетъ.

Изъ этого отвѣта можно было заключить, что княгиня какъ бы находила удовольствіе подчинять обстоятельства желаніямъ дочери. Вечеромъ, наканунѣ пріѣзда дочери, княгиня даже обратилась за столомъ къ Патрикѣю, чтобъ онъ простилъ княжнѣ Анастасіи, что она была къ нему когда-то невѣжлива.

Старый слуга сконфузился и сквозь слезы отвѣтилъ:

— Матушка, ваше сіятельство, помилуйте!..

— То-то: она тогда была молода...

И затѣмъ было въ этомъ же родѣ слово къ Рогожину:

— Благодарю тебя, Доримедонтъ Васильичъ, что ты не утерпѣлъ и прилетѣлъ сюда навѣстить меня вдалекѣ отъ гнѣзда, но здѣсь, сдѣлай милость... Завтра моя дочь пріѣдетъ: она, можетъ-быть, и не такъ проста, какъ мы съ тобой, ты не ставь ея всякое лычко въ строчку...

— Понимаю,—отвѣчалъ Рогожинъ.

— Если тебѣ что въ моей дочери не понравится, сдѣлай милость, снеси, или прежде мнѣ скажи.

— Да и говорить не стану, я и такъ снесу, — отвѣчалъ Рогожинъ.

— Благодарю тебя, ей надо снисходить,—вѣдь она мало людей видѣла.

— Ну, да, разумѣется: вы не безпокойтесь, я не обижусь.

Только Ольгѣ да Марьѣ Николаевнѣ не было никакихъ предупрежденій, — на нихъ, вѣрно, и безъ того полагались.

И вотъ послѣ всѣхъ этихъ предуготовленій и предувѣдомленій совершился входъ княжны Анастасіи въ родительскій домъ, гдѣ ее ожидала такая заботливая нѣжность и стараніе забыть прошлое и любить ее какъ можно болѣе. Ольга Ѳедотовна никогда не хотѣла распространяться о томъ, какъ это было.

— Привезли, - говорила она: — какъ должно княжну въ каретѣ, на крыльцѣ ее свои люди встрѣтили, а въ залѣ ихъ обѣихъ священникъ благословилъ, и только тѣмъ княжна немножко въ этотъ день себя сконфузила, что спросила Доримедонта Васильича, какія онъ штуки умѣетъ представлять? Однако, и это обошлось хорошо: онъ свое слово княгинѣ сдержалъ и не обидѣлся, а взялъ да ей на картахъ два фокуса показалъ, а потомъ кольцо съ завязаннаго шнурка спустилъ, а послѣ ей княгиня разсказала, что это, говоритъ, мой другъ, дворянинъ и очень благородный, а совсѣмъ не фокусникъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рѣшаясь не увозить только-что взятую изъ института дочь въ деревню, княгиня должна была сдѣлать съ княжною нѣсколько визитовъ двоюроднымъ сестрамъ своего покойнаго мужа и нѣкоторымъ его старымъ свѣтскимъ пріятелямъ, — тѣ, въ свою очередь, разумѣется, отдали бабушкѣ

эти визиты, и реставрированныя, такимъ образомъ, знакомства въ самое короткое время поставили ея домъ на полуоткрытую ногу. Вначалѣ кругъ этотъ былъ довольно ограниченъ, но одно обстоятельство его скоро раздвинуло далеко за тѣ предѣлы, которыхъ предпочитала держаться княгиня Варвара Никаноровна.

На институтокъ тогда существовалъ взглядъ далеко не похожій на нынѣшній: ихъ считали дѣвицами, блестяще образованными, и носились съ ними какъ ни вѣсть съ какими знаменитостями. Вслѣдствіе этого явилась затѣя списать съ нѣкоторыхъ дѣвицъ того выпуска, къ которому принадлежала княжна, большіе портреты масляными красками. Это предположено было исполнить очень пышно и затѣйливо: портреты должны были служить вмѣсто картинъ, которыми предполагалось украсить одну изъ залъ покровительницы заведенія. Портреты было поручено сдѣлать извѣстному автору *Маріулы*, изящному Кипренскому. Этотъ превосходный художникъ тогда былъ въ большой модѣ и горячѣе чѣмъ когда-нибудь преслѣдовалъ свою мысль для полнаго выраженія жизни въ портретахъ писать ихъ съ такою законченностью, чтобы въ тщательной отдѣлкѣ совсѣмъ скрывать движенія кисти и сливать колера красокъ въ неуловимые переходы. Молодыя лица дѣвицъ какъ нельзя болѣе отвѣчали этой задачѣ, и художникъ взялся за эту работу со всею отличавшею его страстностью. Прежде чѣмъ начались сеансы, Кипренскому предстояло обдумать планъ, какъ выгоднѣе размѣстить изображенія дѣвицъ на нѣсколькихъ полотнахъ. Это надо было расположить сообразно ихъ наружности и условіямъ искусства. Нѣкоторыхъ дѣвицъ предполагалось изобразить по одной, каждую порознь, а другихъ, для приданія картинамъ большаго разнообразія, нарисовать въ группахъ. Для того, чтобы художникъ могъ удобнѣе сообразить, какъ ему распорядиться, дѣвицъ свозили вмѣстѣ въ одинъ изъ большихъ домовъ, гдѣ имъ были, такъ сказать, художественныя смотрины, обратившіяся въ своего рода довольно изящное торжество. Дѣвицы съѣзжались въ сопровожденіи своихъ матерей, изъ которыхъ многія и сами тогда еще были довольно молоды и всѣ принадлежали къ тогдашнему большому свѣту. Два поколѣнія женщинъ, изъ которыхъ однѣ еще не отжили, а другія только начинали жить; роскош-

ные туалеты первыхъ и легкіе дѣвственные уборы вторыхъ; богатый залъ и таинственные боковые покои, гдѣ нарочно на этотъ случай привезенныя гардеробныя служанки производили, по требованіямъ художника, необходимыя перемѣны въ нарядахъ молодыхъ красавицъ, — все это придавало собранію самый живой и интересный характеръ. Подрумяненный, въ пышной куафюрѣ, Кипренскій распоряжался всѣмъ не безъ аффектаціи, и многія сановныя и важныя лица въ лентахъ и звѣздахъ искали у него чести попасть на эти смотрины. Кипренскій былъ скупъ на раздачу этихъ дозволеній, но графъ Функендорфъ, знавшій еще отца портретиста, крѣпостного человѣка Адама Швальбе, находился здѣсь въ числѣ избранныхъ.

Бабушка, разумѣется, тоже была на этихъ собраніяхъ съ дочерью и съ Ольгою Ѳедотовной, которая находилась въ гардеробныхъ комнатахъ. Результатомъ перваго же изъ этихъ съѣздовъ было то, что княгиня совсѣмъ противъ желанія попала въ очень большой кругъ знакомствъ, имѣвшихъ то необыкновенное начало, что здѣсь не родители знакомили дѣтей, а дѣти сводили и сближали своихъ родителей.

Благодаря всему этому, княгиня Варвара Никаноровна не успѣла оглянуться, какъ опять очутилась *въ свѣтѣ*. Свѣтъ, однако, какъ и можно было ожидать, бабушкѣ не показался: съ тѣхъ поръ какъ она его оставила, свѣтъ успѣлъ нѣсколько измѣниться и, вѣроятно, не совсѣмъ къ лучшему. По крайней мѣрѣ такъ казалось Варварѣ Никаноровнѣ. Княгинѣ, разумѣется, прежде всего не нравилось, что люди изъ общества ревниво особились отъ всего остального міра и старались какъ можно менѣе походить на русскихъ.

— Это дѣло самое глупое,—говорила княгиня: — черезъ этакое легкомысліе Нащокинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ самъ своего сына съ толку сбилъ и Салтыковыхъ дѣти ополячились. Надо свой обычай уважать и подражать не всему, а только хорошему.

Не нравилась княгинѣ и тогдашняя воинственная заносчивость, рядомъ съ которой и даже неразлучно съ нею шло раболѣпство предъ Аракчеевымъ, не нравились ей и узкіе патріоты, и тогдашніе космополиты.

Не могли не занимать княгиню и явленія религіознаго

свойства, которыхъ тогда было не мало. Тогдашнее высшее русское общество не равнодушествовало къ религіознымъ вопросамъ и они подвергались разбору по большей части или подъ вліяніемъ французскаго вольтеріанизма, или подъ вѣяніемъ мистическихъ теорій и масонства. Обсужденіемъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, требовавшихъ глубины христіанскаго настроенія и преданности дѣлу, занимались люди самаго легкаго свѣтскаго воспитанія, и оттого неудивительно, что въ результатѣ изъ школы поклонниковъ Фернейскаго пустынника распространялся матеріализмъ, щеголявшій однѣми фразами, а наши франкъ-масоны во всемъ своемъ ученіи не видали ничего, кромѣ обрядовъ, изъ которыхъ устраивали свою «высшую религію», на что, какъ извѣстно, настоящее масонство вовсе не претендовало. Иныхъ отношеній къ религіи не понимали.

О вольтеріанцахъ бабушка не полагала никакого своего мнѣнія, потому что невѣрующіе, по ея понятіямъ, были люди, «у которыхъ смыслъ жизни потерянъ», но и масоновъ она не жаловала, съ той точки зрѣнія, чего-де они все секретничаютъ? Если они любовь къ ближнему имѣютъ, такъ это дѣло не запретное: вынь изъ кармана, подай да иди съ Богомъ своею дорогой, — вотъ было ея нехитрое правило.

Но всего болѣе не нравилось княгинѣ любопытство, съ которымъ мистики старались засматривать за завѣсы великихъ тайнъ: бабушка и не вѣрила, что они тамъ что-нибудь видятъ, и сердилась.

— Можно ли-де объ этомъ говорить? Что̀ тамъ отъ нашихъ глазъ спрятано, того не увидишь, да и не нужно: пока я въ этомъ мірѣ человѣкомъ живу, мнѣ дана заповѣдь какъ жить, а что̀ послѣ будетъ, то никому неизвѣстно. Одно полагаю, кто, человѣкомъ бывши, своего достоинства не сбережетъ, того хоть и ангеломъ сдѣлай, онъ и ангельское потеряетъ.

Былъ въ то время въ Петербургѣ еще одинъ кружокъ съ религіознымъ же настроеніемъ въ самомъ узкомъ смыслѣ: люди этого кружка не имѣли радѣній и не обнаруживали прозелитизма, а имѣли у себя «благодѣтельницу», къ которой ревновали всѣхъ. Благодѣтельница эта была старая дѣвица, графиня Антонида Петровна Хотѣтова, она доводилась Протозановымъ сродни, и бабушка ее знала и не

любила. Хотѣтова, набожность которой развилась подъ вліяніемъ одного тяжелаго семейнаго воспоминанія, любила казаться отчужденною отъ всѣхъ дѣлъ міра, въ которыхъ она, какъ говорили, ничего не понимаетъ. Она только ѣздила по монастырямъ, на которые и тратила свое, почти можно сказать, несмѣтное богатство. Ею было возстановлено множество обѣднѣвшихъ обителей; много мощей ея средствами были переложены изъ скромныхъ деревянныхъ гробницъ въ дорогія серебряныя раки и въ этомъ, кажется, и заключалась вся ея христіанская добродѣтель. Живому, дѣятельному христіанскому духу бабушки этотъ способъ благотворенія не казался наилучшимъ, тѣмъ болѣе, что, будучи сосѣдкою по имѣніямъ съ Хотѣтовою, княгиня знала, что хотѣтовскіе крестьяне находятся въ большомъ разореніи.

Бабушка находила, что «это ни съ чѣмъ не сообразно», и избѣгала встрѣчи съ этою своею родственницей.

— Богъ съ ней, — разсуждала она: — она, говорятъ, святая, а я сама знаю, что я грѣшная и нетерпѣливая, встрѣчусь, чего добраго, не вытерплю и про крестьянъ заговорю, потому что гробы серебрить, а живыхъ морить, — это безбожно.

Но графиня Антонида, долго ждавъ бабушкинаго визита, вдругъ возымѣла побужденіе смирить себя предъ невѣжливою родственницей до уничиженія. Она прислала къ бабушкѣ одну изъ своихъ адъютантшъ въ каретѣ съ просьбою отпустить къ ней для свиданія княжну Анастасію, или, если ей въ этомъ будетъ отказано, то назначить ей время, когда она сама можетъ пріѣхать повидаться съ племянницею.

Бабушка поняла соль этой выходки, въ которой, подъ видомъ смиренія, ей преподавался урокъ вѣжливости, она отослала карету назадъ и приказала сказать графинѣ, что сама привезетъ къ ней дочь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день это было исполнено: княжна съ матерью была у Хотѣтовой и визитъ обошелся благополучно, если не считать, что на ежечасныя повторенія Хотѣтовой княжнѣ совѣта «помнить Бога и молиться Ему», бабушка добавляла свои совѣты любить ближняго, быть готовымъ на помощь всякому требующему помощи, не гордиться, не чваниться,

не превозноситься въ благополучныхъ обстоятельствахъ и не падать духомъ въ противныхъ.

— Безъ добрыхъ дѣлъ и молитва не пользуетъ.

— Мы здѣсь на землѣ путешественники,—внушала графиня:—и живемъ не для наслажденій, надо себя умѣть сдерживать, поститься.

— Да,—поддерживала бабушка:—умѣренность большое дѣло: всего и счастливъ только одинъ умѣренный, но надо не отъ мяса одного удерживаться. Это постъ для глазъ человѣческихъ, а души онъ не пользуетъ: лошади никогда мяса не ѣдятъ, а все какъ они скоты, то скотами и остаются; а надо во всемъ быть умѣренною и свою нетерпѣливость и другія страсти на сердцѣ своемъ приносить во всесожженіе Богу; а притомъ самое главное о другихъ помнить.

— О храмѣ Божіемъ... чтобы благолѣпіе духъ возбуждало; а то мужикъ, въ своей курной избѣ, онъ весь въ грязи тонетъ. Надо его хоть на одинъ часъ въ недѣлю отъ этого оторвать. Это наша обязанность.

— О людяхъ нуждающихся... да; это даже наша первая обязанность; Христосъ обѣщалъ не забыть чашу студеной воды, которую подадимъ, кому надо уста промочить. А Дмитрій Ростовскій на Женъ Мироносицъ всѣмъ вельможамъ прямо въ глаза сказалъ, что у насъ въ знатныхъ людяхъ не найти Христа, а бѣдному, за нуждою тяжкою, про Него совсѣмъ и вспомнить некогда. Надо бѣднымъ тяготы посбавить, а не гробы золотить, и не башни строить, тогда скорѣе начнется Христово царствіе.

— А нынче что же?—тихо и сухо замѣтила Хотѣтова.

— Нынче... что меня искушаешь?—проговорила бабушка, и, вдругъ махнувъ рукою, окончила:

— Намъ пора домой, Настя!

Графиня посмотрѣла на бабушку и замолчала.

Черезъ день Хотѣтова сама пріѣхала отдать Варварѣ Никаноровнѣ визитъ и попросила ее отпустить съ нею княжну къ какому-то схимнику.

Бабушка этому воспротивилась: она уважала людей съ высшимъ призваніемъ и сама ѣздила въ Оптину пустынь къ Макарію, котораго считала прозорливымъ, но для молодой дѣвушки она, вѣроятно, считала это рановременнымъ.

— Всему и всякой вещи есть свое время подъ солн-

цемъ,—сказала она:—благочестиво должно жить во всякой порѣ, но въ молодомъ вѣкѣ человѣку не все понятно, что̀ искушенная жизнью опытность знаетъ, а потому съ этими вещами надо осторожно, да не горшее что̀ прилучится отъ неразумія.

По этому поводу произошелъ разговоръ, послѣ котораго Хотѣтова стала повсюду порицать бабушку за невѣріе. Предоставляю всякому судить, сколько справедливаго заключало въ себѣ это порицаніе, но оно было отнюдь не несправедливѣе другихъ порицаній, которымъ бабушка подверглась со стороны своихъ религіозныхъ воззрѣній: ея знакомые вольтерьянцы называли ее «попадьей» и «московскою просвирней», а ханжи съ ужасомъ шептали, что даже сомнительно: «вѣритъ ли она въ Бога».

И среди такихъ-то толковъ о самой княгинѣ возникалъ вопросъ: каково съ нею жить ея бѣдной дочери, молодой дѣвушкѣ, еще почти ребенку, воспитанному совсѣмъ въ иныхъ понятіяхъ?

Болѣе всѣхъ этимъ занималась Хотѣтова: ея это ближе всѣхъ касалось какъ родственницы и какъ истинной христіанки; она безпрестанно твердила:

— Я ничего не могу представить ужаснѣе положенія ребенка, котораго прямо изъ пріюта, полнаго страха Божія, отдаютъ ужаснымъ матерямъ въ родѣ княгини Варвары Никаноровны, у которой ни Бога, ни религіи и никакихъ правилъ... Я не знаю, какъ правительство на все это смотритъ, а по-моему, я бы не отпустила дочь жить съ княгинею Протозановою.

Противъ этого никто не возражалъ.

На княжну Анастасію начали смотрѣть съ сожалѣніемъ и выражать ей нѣжнѣйшую участливость, которая должна бы казаться ей обидною, если бъ она понимала ея смыслъ и значеніе.

Княжнѣ старались внушить, что она несчастна, и княжна наконецъ это поняла; но она никому не жаловалась на мать: она только нѣжилась, когда о ней соболѣзновали.

Бабушка, при всей своей проницательности, этого не замѣчала: она была такъ честна, что не могла подумать, чтобы кому-нибудь могла придти въ голову сатанинская мысль вооружать дитя противъ матери. И изъ-за чего, и для чего все это дѣлалось? Кажется, единственно изъ-за того, что

въ нашемъ обществѣ всѣмъ тяжело переносить присутствіе лица съ умомъ яснымъ и съ характеромъ твердымъ и открытымъ.

Между тѣмъ громадная разница въ воспитаніи и взглядахъ матери и дочери сказывалась на каждомъ шагу: княжна, по самой молодости своихъ лѣтъ, оставалась совершенно безучастною ко всему, что занимало ея мать, и вовсе ее не понимала. Даже болѣе: поскольку княжна сознавала разницу между своею матерью и матерями другихъ своихъ сверстницъ и подругъ, то всѣ эти сравненія выходили не въ пользу княгини. До строгости чинный домъ бабушки, ея всегда умная и обстоятельная рѣчь, ея всегдашняя требовательность отъ человѣка отвѣтственности за всѣ слова и поступки и готовность къ отвѣту за всякое свое дѣйствіе, дѣлали общество матери для княжны тяжелымъ и скучнымъ.

Начавъ замѣчать, что точно такъ же всѣмъ этимъ тяготятся и другіе, молоденькая княжна мало-по-малу утверждалась въ мысли, что она права, потому что ея мнѣніе о матери находится въ согласіи со всеобщимъ мнѣніемъ о княгинѣ.

Въ свѣтѣ, однако, знакомствомъ бабушки дорожили: извѣстно, что свѣтъ въ этомъ отношеніи похожъ на суетную женщину, которую чѣмъ меньше любятъ, тѣмъ легче ей нравятся. Въ свѣтѣ знали, что княгиня ни у кого ничего не искала и потому тамъ ее искали и собирались ѣсть за ея столами и потомъ сплетничать о ней, какъ о чудакѣ, о женщинѣ рѣзкой, безпокойной, и, пожалуй, даже немножко *опасной*. Несправедливо было бы сказать, что всѣ эти толки не имѣли никакого основанія: княгиня въ Петербургѣ была все та же,—она продолжала и здѣсь имѣть свои мнѣнія, далеко не согласныя съ мнѣніями большинства, не по однимъ вопросамъ религіознаго свойства. Бабушка, какъ я сказала еще въ самомъ началѣ моей хроники, очень уважала свободу сужденій, ибо находила, что «въ затиши деревья слабокоренны».

— Нельзя-де, чтобы всѣмъ одинъ порядокъ нравился: черезъ многіе умы свѣтъ идетъ,—говорила она.

Но, любя во всемъ основательность, княгиня не уважала мечтательныхъ утопій и не могла оставлять безъ возраженій легкомысленности, съ какою многіе тогда судили объ

устройствѣ общества подъ вліяніемъ взглядовъ, вычитанныхъ изъ нѣсколькихъ иностранныхъ книжекъ. Она, когда доводилось, слушала ихъ, но неохотно, и обыкновенно спѣшила ставить вопросъ на практическую почву.

— Что-де вы подъ симъ заглавіемъ прописать желаете? сладкаго медку на остромъ ножѣ, либо еще что особое?

И когда ей разъясняли идеи политическихъ комбинацій, она качала головою и отвѣчала, что, по ея мысли, все это «на кота широко, а на собаку узко».

— Мой згадъ,—говорила она,—намъ прежде всего надо себя поочистить, умы просвѣтить знаніемъ, а сердца смягчать милосердіемъ: надо народъ освободить отъ ранъ и поношенія; иначе онъ будетъ не съ вами, а вы безъ него всѣ, что трости вѣтромъ колеблемыя, къ землѣ падете.

И широкіе планы народниковъ она тоже не ласкала.

— Все не то, все не то,—говорила она:—не маните добрый народъ медомъ на остромъ ножѣ, — ему комплименты лишнее. Проще все надо: дайте ему наѣсться, въ банѣ попариться да не голому на морозъ выйти. О костяхъ, да о кожѣ его позаботитесь, а тогда онъ самъ за умъ возьмется.

Такія рѣчи княгини, разумѣется, не нравились тогдашнимъ любителямъ; но не болѣе имѣла она согласія и съ тогдашними консерваторами: въ этихъ кружкахъ тогда было большое киченіе дворянскими заслугами отечеству во время Наполеонова нашествія. Бабушка же находила, что дворянамъ этимъ никакъ не пристало кичиться.

— Свое-де дѣло сдѣлали и больше ничего: тогда, вѣдь, *всѣ* жертвовали—одни купцы наживались, а мужики больше всѣхъ пострадали.

Многихъ тогда щекотало чрезмѣрное увеличеніе дворянства, которое легко пріобрѣталося самыми небольшими чинами.

— Разночинецъ въ гору лѣзетъ,—говорили старые дворяне, указывая на нѣкоторыхъ людей новаго дворянства, пріобрѣвшихъ въ это время силу и значеніе.

— Что же дѣлать, —отвѣчала княгиня: — въ этомъ вы сами виноваты: плохо учите своихъ дѣтей. Хорошенько учите, чтобъ они не родомъ славились, а сами родъ прославляли, такъ разночинецъ васъ не одолѣетъ, а не то одолѣетъ.

И при этомъ, зная, что у всѣхъ, такимъ образомъ раз-

суждавшихъ на умѣ былъ павшій Сперанскій, смѣло добавляла:

— А вѣдь, и разночинцы не всѣ плохи: я напримѣръ Михайлѣ Михайловичу Сперанскому, хоть онъ изъ семинаристовъ и теперь не въ милости, кланяюсь, потому что онъ того достоинъ.

У Сперанскаго тогда было много враговъ и упоминаніе его имени съ такимъ почтеніемъ не только не могло быть пріятно, но было и не безвредно для того, кто его такъ понималъ; но для бабушки это было все равно: она привыкла къ независимости своего положенія и своихъ сужденій. Уважая родъ какъ преемство извѣстныхъ добрыхъ преданій, которыя, по ея мнѣнію, должны были служить для потомковъ побужденіемъ беречь и по мѣрѣ силъ увеличивать добрую славу предковъ, княгиня отнюдь не была почитательницею породы и даже довольно вульгарно выражалась, что «плохого князя и телята лижутъ; горе тому, у кого имя важнѣе дѣлъ его».

Въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ спесивыхъ кружкахъ были возмущены неровнымъ бракомъ графа Николая Петровича Шереметева и весьма часто позволяли себѣ злословить графиню Прасковью Ивановну, которую бабушка знала съ отличной стороны и любила со всею горячностію своей благородной натуры.

Дѣло заключалось въ томъ, что графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, въ 1801 году, женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Кузнецовой, прозвище которой передѣлали въ «Ковалевскую», и говорили, будто она происходила изъ польской шляхты и была записана въ крѣпость Шереметевыхъ незаконно. Къ этому обстоятельству отъ нечего дѣлать не переставали возвращаться при каждомъ удобномъ случаѣ и достойную уваженія графиню въ глаза чествовали, а за глаза звали «Парашкою».

Бабушка этого рѣшительно не могла переносить.

— Да,—говорила она:—что графиня Прасковья Ивановна польская шляхтянка и незаконно будто была въ крѣпость Шереметевыхъ записана, это неправда. Это вотъ съ женою Доримедонта Рогожина такъ было, а Прасковья Ивановна была настоящая крестьянка и про нее и пѣсенка сложена: «вечеръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала», а что графиня Прасковья, помимо своей неоцѣненной кра-

соты, умна, добра и благородна душою, а черезъ то всякаго уваженія достойна — это правда. По ея мысли графомъ странноприимный домъ въ Москвѣ выстроился и добра людямъ много дѣлается. Это, воля ваша, лучше, чѣмъ породой кичиться, да joli — мордиться и все время съ визитами ѣздить... Нѣтъ, дай Богъ намъ побольше женщинъ съ такимъ сердцемъ, какъ Прасковья Ивановна, «изъ лѣсочка».

Княгиня умѣла держаться скромно и благородно даже по отношенію къ падшимъ врагамъ своего рода: въ то же самое время, когда въ Петербургѣ злословили графиню Прасковью Ивановну Шереметеву, бывшій французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, графъ Пельи, описалъ за границею князя Платона Зубова, къ которому свекоръ княгини, князь Яковъ Протозановъ, «въ домъ не ѣздилъ, а кланялся только для courtoisie». Графъ Пельи поносилъ Зубова и прямо писалъ о немъ, что «онъ богатъ какъ Крезъ, а надмененъ какъ индѣйскій пѣтухъ, но не стыдился жить во дворцѣ на всемъ на готовомъ и такъ пресыщался, что столъ его, да Салтыкова съ Браницкимъ, обходился казнѣ въ день четыреста рублей», что, по тогдашней цѣнѣ денегъ, разумѣется, была сумма огромная.

Бабушка, не вынесшая изъ всѣхъ преданій своей семьи никакого особаго уваженія къ князю Платону, гнушалась, однако, вторить этому памфлету, а когда къ ней съ нимъ приставали, то она лѣниво, какъ бы нехотя, отвѣчала:

— Ну да; я знаю... Какъ же... Князь Платонъ... въ большой силѣ былъ... Знаю: онъ былъ женатъ на Ѳеклѣ Игнатьевнѣ, только у нихъ дѣтей не было: одна дѣвчоночка было родилась, да поганенькая какая-то была и умерла во младенчествѣ; а больше такъ и не было... А Пельи... я про него тоже слышала: ужасный былъ подлиза и предъ Платономъ пресмыкался. Я его книги читать не хочу: все вретъ, чай... изъ зависти, что тотъ вкусно ѣлъ.

Такъ противны были ея благородному характеру всякія заглазныя злорѣчія о людяхъ, которыхъ когда-то боялись и пресмыкались предъ ними тѣ самые, что теперь надъ ними издѣвались, подплясывая подъ дудку развязнаго иностранца.

Понятно, что во всѣхъ такихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ княгини было много непріятнаго для общества, которое считало всякое несогласное съ нимъ мнѣніе за дерзость.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Говоря объ отношеніяхъ моей бабушки къ обществу, я должна упомянуть еще объ одномъ свѣтскомъ кружкѣ, едва ли не самомъ обширномъ и самомъ для нея непріятномъ: это были проживавшіе въ столицѣ праздные люди, не имѣвшіе никакихъ другихъ задачъ, кромѣ того, чтобы принадлежать къ свѣту. Эти люди принадлежали къ новому, а иногда и къ старому дворянству, но не къ *знати*: знать имъ въ прежнее время покровительствовала, зато на равную съ собою ногу не ставила. Теперь это начало мѣшаться: въ обществѣ помимо знати первой руки образовалось новое наслоеніе, появленію и чрезвычайно быстрому размноженію котораго способствовали двѣ причины: открытіе кредитныхъ учрежденій, гдѣ дворяне получили возможность закладывать свои имѣнія, и сокращеніе сроковъ на асессорскій чинъ, дававшій право на дворянство. Призанявъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ денегъ подъ залогъ своихъ деревнишекъ и пріѣхавъ на зиму въ городъ, эти «аристократы» второй руки сами, впрочемъ, чувствовали, что они что-то не настоящее, и увивались предъ остатками *старой знати*. Старая же знать ихъ, разумѣется, не уважала и потихоньку отталкивала, но именно такъ потихоньку, чтобы тѣ все-таки лѣзли: это было нужно для чванства. Съ тѣмъ, какъ, по замѣчанію писавшаго объ упадкѣ нравовъ въ Россіи князя Щербатова, «у вельможъ отъялась смѣлость изъяснять свои мысли, они учинялись не совѣтниками государевыми, а *дакальщиками* любимцевъ». Эти люди, «имена которыхъ были славнѣе ихъ дѣлъ», любили уже и сами *дакальщиковъ* и охотно окружали себя *людьми искательными*.

Это теперь совсѣмъ почти позабытое слово тогда было въ большомъ ходу: «искательность», доходившая до самаго униженнаго пресмыкательства, ставилась въ заслугу человѣку и нерѣдко открывала ему дорогу къ почестямъ. Новая аристократія въ этомъ преуспѣвала, старая знать принимала эти знаки раболѣпства. Тѣмъ и другимъ иного нечего было желать: ратнаго поля не было, а дома уже не сидѣлось. Въ деревняхъ оставались отслужившіе израненные воины двѣнадцатаго года или такъ-называвшіеся тогда «грузинскіе асессоры», то-есть новые дворяне, получавшіе

въ Грузіи асессорскіе чины по сокращенному сроку и пріобрѣтавшіе затѣмъ мелкопомѣстныя имѣньица. Новыхъ большихъ дворянскихъ маетностей не возникало. Жалованье населенными имѣніями прекратилось еще въ 1801 году. Екатериною было уже почти все роздано и ея внуку нечего было раздавать со щедростью своей бабки. Помѣщики средней руки охотно должали и жили не по средствамъ. Непривычные къ расплатамъ, эти новые *аристократы*, которыхъ тогда за глаза называли «должниками», брали взаймы, мало думая, или, лучше сказать, совсѣмъ не думая объ отдачѣ. На первый взглядъ это казалось очень льготно, и число дворянъ, получившихъ такимъ образомъ средства жить болѣе или менѣе открыто, быстро увеличилось, но это была состоятельность самая обманчивая. Вслѣдъ за симъ, непремѣнно можно было предвидѣть близкія разоренія: такъ оно и пошло, обѣднявшіе дворяне шли въ приказные; состоятельные приказные опять поднимались въ дворяне: богатые сыновья прасоловъ и откупщиковъ ѣздили куролесить въ Грузію, гдѣ дебоширили во всю ширину русской натуры и вывозили себѣ оттуда асессорство, дававшее право на дворянство. Россійское дворянство въ одно и то же время и росло, и цвѣло, собиралось колоситься и... уже вяло. Столы и вечера утрачивали свой прежній нѣсколько окаменѣлый, тяжелый характеръ; собранія становились оживленнѣе, но едва ли достойнѣе: завелось «подшучиваніе», котораго любимыми жертвами были нѣкоторые изъ попавшихъ въ аристократію прибыльщиковъ. Поистинѣ трудно вѣрить тому, что эти люди иногда переносили единственно за то, чтобъ ихъ пускали въ дома *знати*.

Тогда въ свѣтѣ жили не по-нынѣшнему: появившіеся впослѣдствіи времени *козеры* тогда или вовсе не были извѣстны, или ихъ попросту называли «болтунами» и держали въ презрѣніи въ родѣ извѣстнаго героя Грибоѣдовской комедіи Загорѣцкаго. Тогда, собравшись въ домъ или танцовали до упаду, или занимались такъ-называемыми «играми», изъ которыхъ многія требовали отъ участниковъ и ума, и нѣкоторой образованности.

Прибыльщики обыкновенно были злополучными жертвами этихъ игръ: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, никакъ не могъ сказать «три правды и три неправды»; другой, обязанный указать три вещи царства растительнаго и три царства

животнаго, относилъ къ царству *растительному* свои волосы, потому что они растутъ и т. п.

Надъ ними хохотали, но они обнаруживали большую терпѣливость и переносили все, лишь бы только имѣть право хвастать, что принадлежатъ къ свѣту. Я слышала отъ бабушки бездну анекдотовъ этого рода, въ которыхъ съ обстоятельностію упоминались имена «прибыльщиковъ», вылѣзшихъ въ дворяне, благодаря «компанейству» князей Куракина, Юрія Долгорукаго, Сергѣя Гагарина.

Такъ, бабушка сказывала мнѣ, что нѣкто изъ семьи, кажется, Походяшевыхъ, стыдясь своего происхожденія, упросилъ одного шалуна (которому давалъ взаймы деньги) сочинить ему исторію о его будто бы коренномъ дворянскомъ происхожденіи. Тотъ взялся за это дѣло и научилъ прибыльщика приписывать своей роднѣ извѣстное «жалованье» Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкого отъ царя Михаила «за многія службы и за радѣнія, и за промыслъ, и за правду, и за кровь». Прибыльщику это понравилось, но показалось мало, и онъ самъ присочинилъ себѣ еще, что будто царевна Софія отрубила его предку голову за вѣрность Петру Великому, и что казненный взялъ будто свою отрубленную голову, поцѣловалъ ее и сказалъ: «отнесите ее моему законному государю».

Одинъ изъ такихъ, по фамиліи Кандолинцевъ, не пропускалъ ни одного случая втираться въ свѣтскіе дома и рѣшился для этого, какъ говорили, «на героическія подлости». Благодаря своимъ компанейщикамъ, онъ однажды цѣною немалыхъ жертвъ добился того, что его пригласили участвовать въ любительскомъ спектаклѣ съ настоящими свѣтскими людьми; но въ самомъ этомъ великодушіи крылась новая обида: Кандолинцеву дали самую ничтожную, выходную роль, лакея безъ словъ.

Это, конечно, было не очень деликатно, однако, искательный свѣтскій неофитъ отъ своей роли не уклонился и показывалъ, что онъ этимъ не обижается. Онъ только со всѣми зашучивалъ, говоря, что онъ не знаетъ, какъ ему держать себя, чтобы болѣе походить на лакея?

— Ахъ, вы всего менѣе затрудняйтесь этимъ,—отвѣчалъ ему кто-то, кому онъ надоѣлъ съ своею игривостью: — держитесь какъ вы есть и вы будете совершенно то, что должны представить.

Прибыльщикъ обидѣлся и отказался отъ пьесы. Тогда кто-то предложилъ ему роль въ пьесѣ, которая шла въ тотъ же спектакль на французскомъ языкѣ.

— Нѣтъ;—отвѣчалъ обиженный:—я не хочу: я по-французски очень хорошо знаю, но только эти *ле, ля, ли* предъ словами не люблю.

Съ тѣхъ поръ онъ такъ и прозывался «Кандолинцевъ ле, ля, ли».

Но забавнѣе всѣхъ я помню разсказы про какого-то Хлопова: это былъ человѣкъ надменный, сухой, очень недалекій, но нахватавшійся вершковъ. Гордый своими удачами, прибыльщикъ этотъ ничего не относилъ къ счастію, а все приписывалъ своимъ знаніямъ и сообразительности, которыми щеголялъ до того, что почти ни на одинъ вопросъ, какъ бы онъ простъ ни былъ, не отвѣчалъ сразу, а говорилъ: «Тутъ надо взяться за карандашъ», и сейчасъ же, вытащивъ бумажникъ и карандашъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ садился что-то соображать и высчитывать. Шалуны подмѣтили эту слабость Хлопова и принялись надъ нимъ подшучивать. Для него за играми нарочно сочинили такіе вопросы: «если судно, имѣя такую-то длину и вмѣщая столько-то тоннъ, сидитъ на такой-то глубинѣ, то сколько лѣтъ долженъ имѣть его капитанъ?» Хлоповъ восклицалъ: «тутъ надо взяться за карандашъ» и бѣжалъ въ уголъ дѣлать свои вычисленія. Въ другой разъ, подсунувъ ему фантъ, спрашивали его: «если лошадь подкована на столько-то подковъ, по столько-то гвоздей въ каждой, то сколько этой лошади лѣтъ?» и опять повторялась та же исторія. Доходило до того, что когда его разъ спросили: если комедіантъ проглотитъ горящую свѣчу—съ огнемъ, или безъ огня, она дойдетъ до его желудка? то Хлоповъ и въ этомъ случаѣ обратился къ своему карандашу.

Человѣкъ этотъ былъ типъ тогдашняго честолюбиваго прибыльщика, пробивавшаго себѣ ходъ въ *люди*; онъ былъ смѣлъ до дерзости и не насовалъ ни предъ чѣмъ, но зато и получалъ щелчки ужасные.

Въ то время, когда къ нему уже кое-кто ѣздилъ (больше затѣмъ, чтобы занимать деньги) и его кое-гдѣ принимали, одинъ шалунъ, участвуя въ игрѣ, условіями которой требовалось давать утвердительный отвѣтъ на всякій вопросъ, былъ спрошенъ: знаетъ ли онъ, *гдѣ конецъ свѣта*?

— Знаю,— отвѣчалъ тотъ:— это у хлоповскаго порога.

Надъ Хлоповымъ шутила даже сама судьба, сыгравшая съ нимъ одну очень злую шутку въ передней извѣстнаго «послѣдняго могиканина» старой дворянской Москвы, князя Г—цына.

Князь Г—цынъ, при отличавшей его прелестной добротѣ, не легко открывалъ двери своего дома для кого попало и, ни въ комъ не нуждаясь, сторонился не только отъ «прибыльщиковъ», но даже и отъ ихъ «компанейщиковъ». Проводивъ иного изъ иныхъ Рюриковичей, онъ съ неизмѣнявшею ему серьезною важностію иногда хлопалъ три раза своими маленькими бѣлыми ладошками и приказывалъ явившемуся на этотъ зовъ слугѣ «покурить въ комнатахъ».

— Чортъ знаетъ,—обращался онъ съ гримасою къ кому-нибудь по-французски:—у меня прегадкій носъ. — все ему кажется, будто взятками пахнетъ.

Однимъ словомъ, попасть къ этому человѣку было не легко; но чѣмъ труднѣе Хлопову было проникнуть въ домъ князя, тѣмъ онъ упорнѣе этого добивался, и, наконецъ, схватился за одинъ случай, который ему показался благопріятнымъ. Князь былъ очень озабоченъ какимъ-то общественнымъ дѣломъ, представлявшимъ почему-то неодолимыя трудности. Хлоповъ нашелъ средство принести этому дѣлу пользу и, встрѣтивъ гдѣ-то князя Г., сообщилъ ему свой планъ и просилъ позволенія пріѣхать къ нему въ домъ, съ тѣмъ, чтобы развить ему свою мысль подробнѣе.

Въ планѣ этомъ, вѣроятно, заключалось что-нибудь дѣльное (такъ какъ Хлоповъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ былъ дальновиднѣе, чѣмъ въ свѣтскихъ), и князь, поблагодаривъ его, назначилъ ему время, когда готовъ былъ его принять, но, возвратясь домой, по своей анекдотической разсѣянности, позабылъ сказать объ этомъ своему камердинеру, а тотъ въ свою очередь не отдалъ нужныхъ распоряженій нижней прислугѣ.

И вотъ, когда Хлоповъ въ урочный часъ пріѣхалъ къ князю съ полною увѣренностью, что его сейчасъ примутъ, швейцаръ объявилъ ему, что князь хотя и дома, но никого не велѣлъ принимать.

Хлоповъ счелъ это за хорошій знакъ: ему показалось, что князь именно потому и велѣлъ не принимать другихъ, что хочетъ на свободѣ поговорить *съ нимъ*.

— Такъ, братецъ, такъ,—заговорилъ онъ:—прекрасно: я

такъ и зналъ, что князь меня ждетъ. Доложи же, любезный, скорѣе его сіятельству, что пріѣхалъ Хлоповъ... Понимаешь: Хло-по-о-въ... Дмитрій Ивановичъ Хлопо-овъ!

Но швейцаръ отказался, сказавъ, что ему теперь рѣшительно ни о комъ не велѣно докладывать.

— Ага! прекрасно, братецъ, прекрасно, я вижу ты очень аккуратный человѣкъ: ты думаешь, что я кто-нибудь другой, а я тотъ самъ и есть, кого князь ждетъ: я Хлоповъ! Ты вспомни фамилію... она совсѣмъ не мудреная: Хлоповъ. Понимаешь: *Хлоповъ*!

— Понимаю-съ.

— Да; фамилія довольно простая... Но только ты ее впередъ пожалуйста не позабывай,—договорилъ онъ, доставая швейцару десятирублевую, и тотъ, поблагодаривъ его за подарокъ, осчастливилъ его слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Помилуйте, какъ мнѣ эту фамилію забыть: я самъ Хлоповъ-съ, но только о васъ доложить не смѣю.

Случайно встрѣтившіеся однофамильцы разстались оба другъ другомъ недовольные, и Хлоповъ аристократъ жаловался, что ему нарочно подставили швейцара Хлопова, чтобы надъ нимъ посмѣяться. Жалоба эта дошла до князя Г., который, посмѣявшись надъ странною случайностью, поѣхалъ самъ извиняться предъ Хлоповымъ за свою разсѣянность. Такимъ образомъ тотъ достигъ болѣе чѣмъ желалъ и былъ счастливъ безъ мѣры.

Понятно, что княгиня Варвара Никаноровна, наблюдая этого новаго сорта русскихъ аристократовъ, не проникалась къ нимъ уваженіемъ и не скрывала своего презрѣнія къ ихъ пустотѣ, низкопоклонствамъ и пресмыкательствамъ.

Изо всего тогдашняго столичнаго общества княгиня находила для себя пріятнѣе другихъ только трехъ человѣкъ, изъ которыхъ двое жили нелюдимыми, а въ третьемъ она очень обманывалась. Первыхъ двухъ я пока еще не буду называть, а третьяго отрекомендую, какъ лицо намъ уже знакомое: это былъ графъ Василій Александровичъ Функендорфъ, съ которымъ Донкихотъ Рогожинъ имѣлъ оригинальное столкновеніе, описанное въ первой части моей хроники.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Графъ, по возвращеніи въ Петербургъ, не стѣснялся разсказанною мною исторіей съ Рогожинымъ; онъ, повидимому,

считалъ ее слишкомъ ничтожною и дѣлалъ видъ, будто вовсе позабылъ о ней. Какъ только онъ узналъ о пріѣздѣ княгини въ Петербургъ, онъ одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ ей продолжительный визитъ, причемъ былъ необыкновенно внимателенъ къ княгинѣ и даже освѣдомился не только о дѣтяхъ, но и о Донкихотѣ.

Бабушкѣ это понравилось.

— Что же?—разсуждала она,—вѣрно я въ графѣ немножко ошибалась: онъ, кажется, человѣкъ съ хорошимъ о себѣ понятіемъ: ни самъ не шутствуетъ и другихъ въ шуты не наряжаетъ. Это мнѣ нравится.

Графъ началъ повторять свои визиты чаще, а потомъ мало-по-малу обратилъ ихъ въ дружескія посѣщенія запросто: княгинѣ это еще болѣе нравилось. Любя въ сношеніяхъ съ людьми простоту, она находила удовольствіе бесѣдовать съ графомъ, который былъ толковитъ, опредѣлителенъ, не страдалъ ни мистицизмомъ, ни матеріализмомъ, и держалъ себя съ достоинствомъ.

Княгиня и графъ во многомъ могли другъ другу сочувствовать. И она, и онъ предпочитали словамъ дѣло, и она, и онъ видѣли, что русское общество дурно усвоиваетъ просвѣщеніе. Разница была въ томъ, что княгиню это глубоко огорчало, а графъ смотрѣлъ на все это какъ чужой человѣкъ, какъ наблюдатель, спокойно, а можетъ-быть даже и со злорадствомъ, которое, разумѣется, скрывалъ отъ княгини.

Какой истый остзеецъ, и потому настоящій, такъ сказать *прирожденный* аристократъ, графъ и въ самомъ дѣлѣ могъ гордиться тѣмъ, что его дворянство не идетъ разгильдяйскою походкой дворянства русскаго, походкою, которая обличала уже все его безсиліе въ ту пору, когда оно, только что исполнивъ славное дѣло обороны отечества, имѣло, можетъ-быть, самое удобное время, чтобъ обдумать свое будущее и идти къ цѣлямъ своего призванія. Вмѣсто этого оно занималось вольтеріанизмомъ, мистицизмомъ, госпожею Крюднеръ, или еще того хуже, — лѣзло изъ кожи, чтобы слыть *сытымъ*. Графъ сочувственно слушалъ, когда бабушка, вытягивая впередъ руки, какъ бы отстраняла отъ себя какое-то безобразное явленіе и говорила:

— Какая густая толпа людей и съ громкими именами, и всѣ безъ громкихъ дѣлъ, и еще слава Богу, что ихъ не-

одаль отъ дѣлъ держать. Окромя какъ по гостинымъ эполетами трясти да шпорами звякать, ни къ чему неспособны... За неволю чужихъ возьмешь, когда свои къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣютъ!

Больше этого графу уже никто не могъ сказать пріятнаго: онъ таялъ отъ словъ княгини, и въ то время, когда она сидѣла предъ нимъ и молча думала: какъ ей быть съ своими дѣтьми, чтобъ они, выросши, умѣли не только эполетами трясти и визиты дѣлать, а могли бы и къ ставцу лицомъ сѣсть, графъ былъ увѣренъ, что графиня проводитъ мысленную параллель между имъ и тѣми, которые юродствовали да разсказывали другъ про друга шутовскія вѣсти.

Графу казалось, что теперь онъ имѣлъ право считать княгиню сильно склонною къ самымъ живымъ въ его пользу чувствамъ. Какъ человѣкъ солидный, имѣвшій дѣло не съ дѣвочкою, а съ женщиною, которой было подъ сорокъ, онъ не торопилъ ее болѣе ясными признаніями: онъ былъ увѣренъ, что все это непремѣнно придетъ въ свое время, когда княгиня *поустроится съ дочерью.*

Графъ, дѣйствительно, не ошибался въ томъ, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ раздумья княгини была ея дочь.

Бабушкѣ очень рано стали приходить въ голову мысли, что самое лучшее и для нея, и для княжны, и для молодыхъ князьковъ, было бы то, если бы княжна Анастасія не оставалась долго въ дѣвушкахъ. Ее иначе нельзя было выдать замужъ, какъ за человѣка подходящаго ей воспитанія, а такіе люди въ большомъ выборѣ были только въ Петербургѣ. Понимая дочь, княгиня даже и не претендовала на то, чтобъ имѣть зятя по своимъ мыслямъ, и мирилась съ тѣмъ, «лишь бы онъ хоть жену сдѣлалъ счастливою». Княгиня уже давно составляла планы какъ бы она щедро выдѣлила дочь при замужествѣ и, устроивъ ее, тотчасъ же возвратилась бы съ сыновьями къ себѣ въ Протозаново. Тогда оставалось бы только выбрать мальчикамъ хорошаго наставника и посвятить всю жизнь тому, чтобы воспитывать ихъ какъ можно лучше и серьезнѣе. Въ деревнѣ княгиня надѣялась уберечь сыновей отъ свѣтской суеты и сохранить умъ ихъ цѣлымъ и здравымъ, способнымъ постигать дѣйствительно высокое въ жизни и бѣгать всего низкаго, разслабляющаго душу. Каждый разъ, какъ княгиня доду-

нывалась до этой мысли, она погружалась въ такую сосредоточенность, что графъ не разъ вставалъ и, не прерывая этихъ мечтаній, молча подходилъ къ рукѣ княгини и уѣзжалъ. Княгиня его не останавливала; отвѣчая на его поцѣлуй въ руку поцѣлуемъ въ его щеку, она только всегда тепло и искренно пожимала его руку, дескать: «не извиняюсь—мы свои».

Всѣ эти короткости, исходившія единственно изъ бабушкинаго прямодушія и простоты, окончательно убѣждали графа, что онъ княгинѣ нравится. Онъ былъ увѣренъ, что единственная помѣха ему жениться на ней была взрослая княжна, но вскорѣ графъ убѣдился, что княгиня едва ли намѣрена много стѣсняться дочерью. Онъ, какъ другіе, впалъ въ общее многимъ заблужденіе, что Варвара Никаноровна свою дочь недолюбливаетъ.

Поводомъ къ этому открытію послужило слѣдующее незначительное обстоятельство: Кипренскій, проложивъ основные планы портретовъ молодыхъ дѣвицъ, продолжалъ свою художественную работу въ большомъ секретѣ: онъ не хотѣлъ никого допускать въ мастерскую, пока картины не будутъ окончены. Онъ поступалъ такъ потому, что не всякій можетъ понимать незаконченную вещь, а между тѣмъ всякій можетъ распускать о ней свои мнѣнія и сужденія, которыя, расходясь въ публикѣ, имѣютъ свое невыгодное значеніе. Но графъ былъ знакомъ съ «Русскимъ Вандикомъ», и въ качествѣ свѣтскаго пріятеля и дилетанта въ искусствѣ могъ проникать въ мастерскую. Будучи однажды допущенъ художникомъ посмотрѣть неоконченныя картины, графъ расхвалилъ бабушкѣ портретъ княжны Анастасіи. Бабушка знала, что дочь ея изображается вдвоемъ, рядомъ съ очень милою и скромною дѣвушкой, которая потомъ вышла замужъ за одного изъ князей Щербатовыхъ и оставила до сихъ поръ по себѣ превосходную память. Графъ разсказалъ княгинѣ, что Кипренскій изображаетъ дѣвицъ въ какой-то буколической сценѣ, что бабушку очень удивило. Сначала она не могла понять, почему нашъ «Вандикъ» изъ Копорья выбралъ именно этотъ странный жанръ, который, по ея мнѣнію, всего менѣе шелъ *манерной* княжнѣ Анастасіи, а потомъ это ее встревожило. Бабушка вспомнила, что дѣвушка, которая изображалась рядомъ съ ея дочерью на одномъ полотнѣ, далеко уступала княжнѣ

по красотѣ лица и по формамъ тѣла. Не было никакого сомнѣнія, что при близкомъ сопоставленіи съ княжною, она должна была еще болѣе проигрывать. Тетушка Анастасія была очень хороша: она par trait напоминала самоё княгиню, хотя совсѣмъ была на нее не похожа par expression: въ ея выраженіи не было той милоты, которая располагала и влекла въ княгинѣ всякаго человѣка, цѣнящаго въ другомъ благородныя свойства души, но, тѣмъ не менѣе, княжна была очень красива. Бабушкѣ показалось, что Кипренскій, увлекшись выгодною наружностью княжны Анастасіи, ставитъ возлѣ нея дѣвушку болѣе скромнаго вида нарочно, чтобы первая еще болѣе выиграла.

— Отъ художника-де это станется; имъ законъ не писанъ, а это во всѣхъ отношеніяхъ непріятно.

Подозрѣніе, что Кипренскій хочетъ льстить суетности княжны, тревожило бабушку невыносимо: она хотѣла во что бы то ни стало видѣть портретъ прежде, чѣмъ онъ будетъ готовъ. Графъ долженъ былъ уладить это дѣло. Кипренскій сдался на усиленныя просьбы, и княгиня была допущена въ его мастерскую.

Большой портретъ былъ уже почти совсѣмъ готовъ и стоялъ на мольбертѣ: обѣ дѣвушки были изображены рядомъ, въ костюмахъ полу-французскихъ, полу-швейцарскихъ поселянокъ; обѣ онѣ представлены идущими; въ рукахъ у нихъ были корзины: у тетушки съ фруктами, а у ея подруги съ цвѣтами. Обѣ подруги были написаны мастерски и замысловато: въ картинѣ была символика и поэзія. Тетушка выдвигалась немножко впередъ и была ярко освѣщена, межъ тѣмъ какъ ея подруга, отставъ на одинъ шагъ, шла скромно, опустивъ головку, отчего ея тихое, задумчивое личико оттѣнилось въ его верхней части широкими полями соломенной шляпы и приняло глубокое, таинственное выраженіе. Яркая красота выдающейся впередъ княжны тотчасъ съ перваго взгляда останавливала на себѣ глаза зрителя, и тихая прелесть другого лица тогда оставалась какъ бы незамѣтною; но чуть вы хотѣли окинуть бѣглымъ взглядомъ аксессуаръ, это таинственное лицо словно встрѣчалось съ вами, оно какъ изъ ручья на васъ глядѣло, и вы въ него всматривались и не могли отъ него оторваться. Бабушка поняла мысль художника и осталась чрезвычайно довольна картиною.

— Превосходно,—сказала она Кипренскому:—вы всякой отдали свое: la pomme à la plus belle, la rose à la plus sage. Превосходно.

Изъ этихъ словъ княгини и изъ довольнаго тона, какимъ они были произнесены, графъ вывелъ заключеніе, что Варвара Никаноровна не высокаго мнѣнія о своей дочери и, очевидно, не будетъ стѣсняться ею много. Къ тому же это полутаинственное посѣщеніе бабушкою мастерской Кипренскаго вмѣстѣ съ графомъ, съ которымъ она пріѣзжала въ одной каретѣ, дало поводъ къ толкамъ объ ихъ большомъ дружествѣ, изъ котораго дѣлались произвольные выводы, всѣ сходившіеся къ тому, что княгиня, вѣроятно, наскучила вдовствомъ и того и гляди выйдетъ за графа замужъ. Графа съ этимъ даже поздравляли...

Ольга Ѳедотовна одинъ разъ, вся краснѣя и застѣнчиво улыбаясь, открыла мнѣ, что и она, видя какъ княгиня многимъ предпочитаетъ графа Функендорфа, заподозрила, не вздумала бы она, матушка, за него замужъ выйти.

— Что же,—прибавляла въ свое извиненіе Ольга Ѳедотовна:—онъ еще былъ молодецъ, и какъ блондинъ, то и сѣдыхъ волосъ почти не видно, а княгинѣ хоть и подъ сорокъ лѣтъ было, но она еще красавица... Совсѣмъ нестаточнаго ничего тутъ и не было.

Одна княгиня, которой еще въ деревнѣ прежде всѣхъ пришло на мысль — не намѣренъ ли графъ за нее посвататься, теперь объ этомъ вовсе не думала: зато каково же было ея удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день онъ неожиданно сдѣлалъ ей предложеніе.

Это случилось вскорѣ послѣ ихъ поѣздки къ Кипренскому, именно въ одну изъ тѣхъ паузъ, о которыхъ я разсказывала. Неудачнѣе подобнаго момента, казалось, нельзя было и выбрать: когда княгиня, совсѣмъ забывая себя, вся была въ дѣтяхъ и напряженно сосредоточивалась, прозирая въ ихъ будущее, графъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ представилъ ей свою декларацію...

Княгиня его даже не сразу поняла, а когда онъ ей повторилъ свои слова и протянулъ ей руку, она со вспыхнувшимъ отъ конфуза лицомъ быстро откинулась къ спинкѣ дивана и проговорила:

— Что вы, графъ!.. помилуйте... Вотъ никогда этого отъ васъ не ожидала.

Графъ проговорилъ что-то объ уваженіи и дружбѣ.

— Да; это правда... мы дружны,—отвѣчала княгиня: я считаю васъ за очень хорошаго человѣка и увѣрена, что въ этомъ не ошибаюсь (княгиня ошиблась), но... замужъ... какъ вамъ это могло на мысль придти.

— Но почему же... вы меня извините...

— Нѣтъ, вы меня, графъ, извините, нетерпѣливо перебила княгиня, и, какъ по писанному, прочитала ему свой взглядъ на бракъ и на замужество.

— Я, графъ, того мнѣнія, что со стороны вдовы, имѣющей дѣтей, во второй бракъ вступать непростительно: матерінъ второй бракъ дѣтямъ первыя похороны... По-моему, это одна пустая слабость, которой я никогда въ другихъ не осуждаю, но не уважаю, а въ себѣ и подавно допустить не могу. Это хорошо въ крестьянствѣ, когда работникъ въ дворъ нуженъ, но въ нашемъ положеніи, по моему сужденію, это лишнее. Оставимте это, графъ, какъ бы этого и разговора не было, и никогда не будемъ къ этому возвращаться, а будемъ, прошу васъ, по-старому, друзьями.

Въ подкрѣпленіе этой просьбы, княгиня пожала Функендорфу руку, и они разстались; а чуть только карета графа отъѣхала отъ подъѣзда, бабушка сейчасъ же позвала къ себѣ Ольгу Ѳедотовну и послала ее къ модисткѣ, чтобы та принесла ей «коробокъ самыхъ солидныхъ чепцовъ». Выбравъ себѣ изъ нихъ самый большой, съ крахмальнымъ бантомъ на темени, княгиня сейчасъ же надѣла на себя этотъ старушечій чепецъ и, осмотрѣвшись предъ зеркаломъ, велѣла, чтобъ ей такихъ еще двѣ дюжины нашили.

— Въ этомъ чепцѣ мнѣ кажется теперь гораздо пристойнѣе,—сказала она Ольгѣ:—да и тебѣ совѣтую тоже подлиннѣе мармотки нашить, мы съ тобою, вѣдь, уже не молоденькія.

Ольга Ѳедотовна не отстала отъ своей княгини, и на другое же утро явилась ей въ чепчикѣ съ такими длинными оборками, что выглядывала изъ нихъ какъ часовая кукушка изъ рамки. Однако и въ старушечьемъ чепцѣ, и въ темныхъ капотахъ княгиня еще долго не старѣлась, а, по словамъ Ольги Ѳедотовны, «больше походила какъ бы въ костюмѣ на балъ собиралась». Такъ она была моложава, такъ прочна была ея красота.

Бабушка никогда и никому не говорила о сдѣланномъ

ей графомъ предложеніи, а графу, кажется, не могло прийти желанія объ этомъ разсказывать, но тѣмъ не менѣе Ольга Ѳедотовна все это знала, и когда я ее спрашивала: откуда ей были извѣстны такія тайности? она обыкновенно только сердилась и разъ даже пригрозила мнѣ, что если я еще буду ей этимъ докучать, то она мнѣ больше ничего не скажетъ. Такъ какъ угроза была слишкомъ страшна для моего любопытства, то я уже никогда не возобновляла моихъ разспросовъ, но по догадкамъ думаю, что моя милая старушка, вѣроятно, просто-на-просто подсматривала и подслушивала за своею матушкой княгиней.

Иначе это и не могло быть, особенно потому, что Ольга Ѳедотовна наизусть знала слѣдующій разговоръ графа съ княгинею, который, по ея же собственнымъ словамъ, былъ веденъ бабушкою въ совершенной тайности, «въ особой комнатѣ и при закрытыхъ дверяхъ».

Знаменитый разговоръ этотъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ графъ сдѣлалъ бабушкѣ свое предложеніе.

— Графъ вѣрно смутился и пересталъ ѣздить, — говорила Ольга Ѳедотовна: — то онъ у насъ до этого случая всякій день бывалъ, а то вдругъ и пересталъ. Княгиня объ этомъ безпокоилась и все нѣсколько разъ спрашивала: не былъ ли графъ? Скажешь: «не былъ-съ». Она тихо плечами поведетъ, а, наконецъ, разъ даже вслухъ проговорила: «Что это за глупость такая!» и послала къ нему Патрикѣя узнать о его здоровьѣ, и если онъ здоровъ, то велѣли просить его, чтобы заѣхалъ. Онъ и пожаловалъ... Княгиня его привѣтливо встрѣтила, но все въ своемъ большомъ чепцѣ, и повела его въ маленькую гостиную, куда почти никто никогда не ходилъ, — здѣсь затворились, сѣли и начали говорить:

— Я, говоритъ,—графъ, очень желала васъ видѣть...

Тотъ кланяется, а она продолжаетъ:

— Вы на меня, пожалуйста, не сердитесь... съ вашей стороны мнѣ ничего обиднаго не было сдѣлано, и я васъ тоже обидѣть не желала, а сказала по разсужденію.

А графъ говоритъ:

— Повѣрьте, княгиня, если бы не мои чувства...

Но она его сейчасъ перебила:

— Нѣтъ, вы меня извините, говоритъ,— это совсѣмъ не

въ томъ дѣло, я васъ съ тѣмъ пригласила, что хочу предъ вами съ открытою душою быть... Я хочу, чтобы вы обо мнѣ грубо не думали. Сознаюсь вамъ, что я вѣдь любила моего мужа и люблю его до сихъ поръ... Не смѣйтесь, графъ, надъ старухой... я очень страстна въ моихъ привязанностяхъ: я люблю, графъ, *люблю* его, моего друга, и до могилы любить его буду, а тамъ встрѣтимся, или не встрѣтимся—ужъ что̀ Богъ дастъ, но пока жива, я ему вѣрная и благодарная... Вамъ вѣдь, можетъ-быть, неизвѣстно, а я ему всѣмъ обязана, я вышла изъ бѣдной семьи, въ ихъ честномъ домѣ воспитана, и онъ меня замужъ взялъ и любилъ меня, и вѣрилъ мнѣ, и умеръ далеко отъ меня съ твердою въ меня вѣрою... Скажите же, какъ можно это все позабыть? Нѣтъ, вы умный человѣкъ, графъ, вы меня видите и вы должны меня понять: онъ умеръ для всѣхъ, кто про него позабылъ, но я минуты безъ него не жила, и мнѣ... онъ живъ и я ему отдала всю жизнь мою и ему же отдамъ и мой смертный вздохъ. Судите какъ знаете, я вся тутъ!

И княгиня, которую никто никогда не видалъ плачущею, сдвинула болѣзненно бровями и, закрывъ платкомъ глаза, заплакала.

Глубиною этого живучаго чувства былъ тронутъ даже самъ графъ; онъ бросился цѣловать руки бабушки и просилъ ее о прощеніи.

И она его, разумѣется, простила, и какъ простила? — ото всего сердца, съ радостью и съ искреннѣйшимъ совѣтомъ, чтобы онъ поискалъ себѣ невѣсту помоложе годами и какъ можно менѣе на нее похожую характеромъ.

— Характеръ—это самое главное,—говорила она:—а женщина, которая привыкла всѣмъ сама править, отъ этихъ мужскихъ занятій становится къ любви неловкая: отъ домашнихъ счетовъ да споровъ въ насъ чувства грубѣютъ и много мужчинскаго въ характерѣ дѣлается. Никому я никогда не посовѣтовала бы на такихъ жениться... Насъ можно въ засѣдатели выбирать, въ старостихи ставить, но жениться на насъ... не совѣтую. Извините, грубо скажу: старая баба самъ тотъ же мужикъ,—у нея всѣ ключи любовныхъ чувствъ уже изсякли. То ли дѣло существо молодое, въ чувствахъ свѣжее, въ разумѣ гибкое. Какъ вы его захотите повести, такъ и поведете.

— Вы забываете, что я старъ для такихъ юныхъ существъ,—шепталъ шутя графъ. Увы! меня шестнадцатилѣтняя дѣвушка готова будетъ звать дѣдушкой.

— Ну, вотъ... зачѣмъ шестнадцати?... Есть дѣвушки лѣтъ въ двадцать пять... ну, тридцать... Прекрасныя есть дѣвушки... съ источниками живыхъ чувствъ. И даже скажу, дѣвушка васъ скорѣе и полюбитъ, и ее любить пріятнѣе.

— Почему же?

— Неопытнѣе онѣ, довѣрчивѣе... это должно быть очень пріятно, какъ она станетъ сама къ вамъ примѣняться. Нѣтъ; непремѣнно на дѣвушкѣ женитесь!

— Вы настойчиво требуете, чтобъ я женился на дѣвушкѣ? Я васъ послушаю.

Графъ былъ веселъ и шутилъ, княгиня въ тонъ ему тоже отвѣчала шутливо:

— Непремѣнно, графъ, на дѣвушкѣ, на вдовѣ какъ женитесь, старый мужъ придетъ.

И гость, и хозяйка разстались настоящими друзьями, а чтобы графъ еще скорѣе забылъ свое неудачное сватовство, бабушка дала ему на дорогу просьбу помочь ей отыскать дѣтямъ француза.

Просьба эта не могла обижать графа, а, напротивъ, могла ему льстить, потому что княгиня не вѣрила ничьимъ рекомендаціямъ, когда дѣло шло о людяхъ, нужныхъ къ дѣтямъ.

Какой же ей нуженъ былъ французъ? Совсѣмъ необыкновенный, или, по крайней мѣрѣ, отнюдь не такой, какіе были тогда въ модѣ. Княгиня отнюдь не хотѣла, чтобы французъ ея сыновей воспитывалъ, это, по ея мнѣнію, для русскихъ дѣтей никуда не годится. Серьезнаго воспитателя она хотѣла искать въ другомъ мѣстѣ; а французъ требовался просто, чтобы какъ можно больше говорилъ, но только не вреднаго.

Требованіе было и небольшое, но въ то же время и не совсѣмъ легкое: но графъ услужилъ княгинѣ, онъ досталъ ей такого француза, который превзошелъ всѣ ея ожиданія. Этотъ утѣшительный человѣкъ былъ французскій гражданинъ monsieur Gigot, которому здѣсь надо дать маленькое мѣсто. Ne le renvoyez pas, je vous prie! Онъ тутъ нуженъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Французъ Gigot былъ человѣкъ совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Самъ онъ себя производилъ изъ дворянъ, обѣднявшихъ во время переворотовъ, но дворянскаго въ немъ ровно ничего не было. Начиная съ его фамиліи, которую m-r Gigot напрасно скрашивалъ приставкою дворянской частицы, и кончая его наружностью и манерами, дававшими ему видъ неудачнаго приходскаго клерка, онъ всего болѣе напоминалъ католическаго дьячка: тонкій, худой, немного запуганный, съ глазами, таящими внутренній жаръ, и съ длинными руками, постоянно стремящимися къ упражненію въ почтительныхъ жестахъ. О происхожденіи его всякій имѣлъ свое мнѣніе: такъ, Рогожинъ думалъ, что «эта баранья ляжка» (такъ онъ величалъ Жиго) былъ непремѣнно дьячокъ, а Патрикѣй соображалъ, что Жиго изъ почтальоновъ, потому что онъ необыкновенно скоро бѣгалъ и любилъ быть на посылкахъ; Ольга же Осдотовна утверждала, что Жиго, по всѣмъ видимостямъ, изъ портныхъ, потому что онъ всегда любилъ садиться, ловко сворачивая подъ себя ножки калачикомъ и необыкновенно искусно штопалъ свое платье.

Но каково бы тамъ ни было въ самомъ дѣлѣ его происхожденіе, онъ оказался какъ нельзя болѣе отвѣчающимъ тому назначенію, какое желала ему дать бабушка. Gigot былъ человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удивительный: онъ болталъ съ дѣтьми съ утра и до вечера и, скоро овладѣвъ ихъ расположеніемъ, быстро пріучилъ ихъ бѣгло говорить съ собою по-французски. Кромѣ того, онъ былъ совершенно *безвреденъ*: въ этомъ отношеніи онъ даже превзошелъ всѣ ожиданія княгини, которая, несмотря на рекомендацію графа, принимая въ домъ monsieur Gigot, положила себѣ правиломъ слѣдить за всякимъ его словомъ, «чтобы не наговорилъ дѣтямъ глупостей». Очень скоро она убѣдилась, что это совершенно напрасно: всѣ ея опасенія въ этомъ родѣ не имѣли никакого мѣста. Gigot говорилъ цѣлые дни, и когда онъ говорилъ, княгиня слышала какія-то слова, пожалуй, даже интересныя, иногда онъ даже что-то объяснялъ, и довольно толково, но, чуть только онъ кончалъ свою рѣчь и княгинѣ хотѣлось обдумать, что̀ такое онъ сказалъ, какъ она уже не находила во всемъ имъ

сказанномъ никакого содержанія. Княгиня въ этомъ затрудненіи не разъ пыталась переспросить Gigot: какъ онъ понимаетъ то, что сейчасъ самъ объяснялъ? Но онъ, обыкновенно, не могъ повторить сказаннаго, и бабушка съ удивленіемъ говорила:

Преудивительнаго француза я себѣ, способнаго къ дѣтямъ, достала: такъ говорливъ, что самъ не помнитъ о чемъ, какъ скворецъ, болтаетъ и выходитъ отъ него практика языка большая, а мыслей никакихъ, и притомъ вѣжливъ, и со двора безъ спроса не ходитъ.

Открывъ эти неоцѣнимыя достоинства Gigot, бабушка стала, разумѣется, благоволить къ нему и, отпуская его, по воскресеньямъ, «погулять къ компатріотамъ», дарила ему по синенькой бумажкѣ на бомбошки; но непремѣнно всякій разъ наказывала, чтобы онъ возвращался домой къ дѣтскому ужину, и притомъ трезвый.

Gigot былъ человѣкъ очень добрый, покладливый и до того мягкій, что, хотя онъ и не былъ кутилою, но, желая доставить княгинѣ совершенное спокойствіе насчетъ своей трезвости, онъ всякій разъ, по возвращеніи отъ компатріотовъ, просилъ бабушку «позволить ему на нее дохнуть».

Бабушка, можетъ-быть, и не считала этого нужнымъ, но когда человѣкъ самъ набивается, то она не нашла въ этомъ ничего лишняго, дескать:

— Положимъ, что онъ и не запиваетъ, а все-таки, для большей аккуратности, удостовѣриться не мѣшаетъ: Богъ знаетъ, другіе какъ-нибудь подпоить могутъ, а этакъ, какъ онъ самъ выдумалъ, это самое вѣрное: если онъ пилъ вино, я сейчасъ услышу.

Позволивъ Gigot дохнуть передъ своимъ лицомъ, княгиня говорила ему: «умникъ», и, давъ ему поцѣловать свою руку, отпускала его укладывать князей, съ которыми и самъ онъ долженъ былъ ложиться спать въ одно время.

Эта обязанность сначала всего болѣе стѣснила бѣднаго Gigot, и онъ тоскливо жаловался:

— Je ne suis pas disposé à dormir: je n'ai pas sommeil; но потомъ онъ скоро свыкся и съ этимъ горемъ и, тихо вздыхая, внушалъ дѣтямъ:

— On n'a pas toutes ses aises dans ce monde, mes enfants!

Впослѣдствіи, обсидѣвшись въ деревнѣ, этотъ Gigot сдѣ-

лался большимъ сонею и чуть часовая стрѣлка вечеромъ переходила за половину десятаго, онъ уже начиналъ позѣвывать и, шевеля тяготѣющими вѣками, самъ подговаривался:

— Ma foi, j'ai sommeil; il est temps d'aller coucher!—и съ этимъ онъ вскакивалъ, подводилъ дѣтей къ княгинѣ за полученіемъ вечерняго благословенія, а черезъ полчаса уже спалъ въ смежной съ дѣтьми комнатѣ, и спалъ, по собственному его выраженію, comme une marmotte.

Одно, къ чему monsieur Gigot *никогда* не могъ пріучить себя, это былъ фруктовый квасъ. Иностранное вино за столомъ княгини подавалось только при гостяхъ, и то monsieur Gigot неудобно было имъ лакомиться, такъ какъ никогда не пившая никакого вина княгиня находила, что и гувернеру неприлично пить вино при дѣтяхъ, а послѣ стола Патрикѣй Семенычъ имѣлъ обыкновеніе припечатывать всѣ нераспитыя бутылки, «чтобы люди не баловались».

Такимъ образомъ Gigot оставалось лакомиться квасомъ да водицами, къ которымъ онъ и вошелъ во вкусъ, но никакъ не могъ пріучить къ нимъ своего желудка. Чуть онъ выпивалъ лишній глотокъ какой-нибудь шипучки, какъ съ нимъ начинались корчи, и онъ нерѣдко заболѣвалъ довольно серьезно.

Это, однако, имѣло для Gigot свою хорошую сторону, потому что чрезвычайно сблизило его съ Ольгой Ѳедотовной, которая сама была подвержена подобнымъ припадкамъ и, по сочувствію, нѣжно соболѣзновала о другихъ, кто ихъ имѣетъ. А бѣдный Gigot, по разсказамъ Ольги Ѳедотовны, въ началѣ своего житья въ домѣ княгини, бывало, какъ пообѣдаетъ, такъ и начнетъ морщиться.

— Уйдетъ въ свою комнату и такъ тамъ по дивану и катается, а самъ, какъ дитя, ножка объ ножку отъ боли, такъ и сучитъ, такъ и сучитъ... И я ему всегда, бывало, сейчасъ рюмочку березовки да горчичникъ подъ ложечку. Какъ его защипитъ, онъ и вскочитъ, и очень благодарный кричитъ:

— Пуслё, шеръ Ольга Ѳедотъ, все пуслё.

А на другой день опять не остережется. Пресмѣшной былъ человѣкъ! И такъ онъ ко мнѣ привыкъ и привлекся, что, бывало, чуть ему худо, онъ сейчасъ ко мнѣ такъ прямо и летитъ, а самъ шепчетъ:

— Экскюзе, шеръ Ольга Ѳедотъ.

Я поначалу пугалась: бывало, засуечусь, спрашиваю:

— Что такое? что такое случилось?

А онъ отвѣчаетъ:

— Ниншего... петитъ революція... тре петитъ, тре петитъ... и вижу, что его уже и точно *трепетитъ*.

Одинъ разъ только мнѣ это надо было растолковать, а ужъ потомъ сама понимать стала: онъ только шепнетъ:

— Экскюзе!

А я уже и догадываюсь:

— Что, говорю,—батюшка мой, опять революція?

— Ахъ, отвѣчаетъ, — революція, и самъ какъ былинка гнется.

Такой былъ на этотъ счетъ дрянной, что надо ему было какъ можно скорѣй помогать, и чуть онъ, бывало, мнѣ только заговоритъ это «экскюзе», какъ я уже его дальше и не слушаю, а скорѣе ему изъ кармана пузыречекъ и говорю:

— На тебѣ лѣкарства и не топочи на одномъ мѣстѣ и бѣжи куда надо. Онъ на-лету мнѣ ручкой сдѣлаетъ, а самъ со всѣхъ ногъ такъ и бросится. Добрый былъ мужчинка и очень меня уважалъ съ удовольствіемъ, а на другихъ комнатныхъ людей, которые его не понимали, бывало, разсердится, ножонками затопочетъ и закричитъ:

— Тьфу, тьфу... Наплётъ, валекъ и деревянная баба! и самъ убѣжитъ отъ нихъ.

Этими словами monsieur Gigot стремился выразить, что непонимающіе его комнатные люди достойны только того, чтобы ихъ поставить на *плотъ*, дать имъ въ руки *валекъ* и заставить ихъ мыть бѣлье съ *деревенскими бабами*. Слова «наплётъ, валекъ и деревянная баба» Ольгѣ Ѳедотовнѣ до того казались смѣшными и до того ей нравились, что она усвоила ихъ себѣ въ поговорку и примѣняла ко всякой комнатной новобранкѣ, неискусно принимавшейся за свою новую должность. Болѣе же всего Ольга Ѳедотовна полюбила Gigot по какому-то безотчетному сочувствію къ его сиротской долѣ.

— Сирота, говорила она: и безъ языка, его надо жалѣть.

Отношенія Gigot къ другимъ лицамъ бабушкинаго штата были уже далеко не тѣ, что съ Ольгою Ѳедотовною: чинный Патрикѣй оказывалъ французу такое почтеніе, что

Gigot даже принималъ его за обиду и вообще не имѣлъ никакой надежды сколько-нибудь съ Патрикѣемъ сблизиться и притомъ же онъ совершенно не понималъ Патрикѣя, и все, что этотъ княжедворецъ воздавалъ Gigot, «для того, чтобы ему чести прибавить», сей послѣдній истолковывалъ въ обратную сторону.

— Oui,— лепеталъ онъ: — oui! я знай... Patrikej Semenitsch... il tranche du grand seigneur avec moi...

И Gigot самодовольно распространялся, что онъ самъ знаетъ свѣтъ и самъ умѣетъ дѣлать grande mine.

— Patrikej comme ça... такъ, et moi aussi... такъ... Avec tous les gens такъ, а avec Patrikej Semenitsch такъ...

И разсказывая это, онъ для большей вразумительности показывалъ, какъ онъ мимо всѣхъ ходитъ просто, а проходя мимо Патрикѣя, поднимаетъ вверхъ голову и дѣлаетъ grande mine.

Патрикѣй зналъ это и, замѣчая эволюціи Gigot, нимало не измѣнялъ своихъ ровныхъ, холодно почтительныхъ къ нему отношеній, какими считалъ себя обязаннымъ къ нему, какъ къ гувернеру.

Съ дьяконицей, Марьей Николаевной, Gigot тоже никакъ не могъ разговориться: онъ много разъ къ ней подсосѣживался и много разъ начиналъ ей что-то объяснять и разсказывать, но та только туно улыбалась да пожимала плечами и наконецъ, однажды, увидѣвъ, что Gigot, разсказывая ей что-то, приходитъ въ большое оживленіе, кричитъ, машетъ руками и, несмотря на ея улыбки и пожиманье плечами, все-таки не отстаетъ отъ нея, а, напротивъ, еще схватилъ ее за уголъ ея шейнаго платка и началъ его вертѣть, Марья Николаевна такъ этого испугалась, что сбросила съ себя платокъ и, оставивъ его въ рукахъ Gigot, убѣжала отъ него искать спасенія.

Gigot разсердился: онъ принесъ Марьѣ Николаевнѣ ея платокъ и, гнѣвно глядя въ ея испуганные глаза, прокричалъ:

— Наплётъ, валекъ и деревянная баба!—и затѣмъ быстро повернулся и убѣжалъ.

Марья Николаевна въ эту критическую минуту сидѣла какъ окаменѣвшая, но зато, когда напугавшій ее Gigot скрылся, она не выдержала и жестоко разрыдалась.

Ничего не могло быть забавнѣе того, что ни французъ не

зналъ, чѣмъ онъ оскорбилъ дьяконицу, ни она не понимала, чего она испугалась, за что обидѣлась и о чемъ плачетъ.

Въ этомъ положеніи застала ее Ольга Ѳедотовна и не могла отъ нея добиться ничего, кромѣ словъ:

— Нѣтъ, мнѣ пора... мнѣ пора на свое пепелище.

Надо было призвать самоё бабушку, которая, разобравъ въ чемъ дѣло, призвала Gigot и сказала:

— Посмотри, какъ ты разстроилъ женщину! Вотъ вѣдь тебѣ за это, по меньшей мѣрѣ, стоитъ уши выдрать.

— Ага!... уши, les oreilles, — avec plaisir. И онъ, наклонясь головой къ дьяконицѣ, весело вскричалъ: — Ну, Marja Nicolaf... ниншего déchirez vous bien!

Но Марья Николаевна вдругъ разсмѣялась и, обмахнувъ платкомъ глаза, отвѣчала:

— Нѣтъ, мусьё Жиго... ужъ если такъ, то лучше поцалуемся.

— По-ця-лю-ем-ся?... Ага, понимай! Avec plaisir, avec plaisir, Marja Nicolaf!

— Но только уже вы, мусьё Жиго, послѣ этого, пожалуйста, никогда меня больше не трогайте.

— Никогда, jamais! никогда.

— И не говорите со мною по-французски.

— Jamais de ma vie!

Они поцѣловались, и вполнѣ успокоенная Марья Николаевна, какъ умѣла, объяснила Gigot, почему именно она его проситъ съ нею не говорить? Причина этого, по ея словамъ, заключалась въ томъ, что она «въ свой вѣкъ много отъ французскаго языка страдала».

Понятно, что послѣ этого monsieur Gigot долженъ былъ оставить ее въ покоѣ.

Самыя частыя соотношенія Gigot имѣлъ съ Рогожинымъ, но эти отношенія нельзя было назвать пріятельскими. Сначала они немножко дулись другъ на друга: Gigot, увидавъ передъ собою длиннаго, костюмированнаго человѣка съ однимъ изумруднымъ глазомъ, счелъ его сперва за сумасшедшаго, но потомъ, видя его всегда серьезнымъ, началъ опасаться: не философъ ли это, по образцу древнихъ, и не можетъ ли онъ его, господина Gigot, на чемъ-нибудь поймать и срѣзать? Донкихотъ относился къ Gigot тоже нѣсколько подозрительно, во-первыхъ, потому, что этотъ человѣкъ былъ поставленъ въ домъ графомъ Функендорфомъ, которому Ро-

гожинъ инстинктивно не довѣрялъ, а потомъ и онъ съ своей стороны тоже боялся, что Gigot, читающій или когда-нибудь читавшій французскія книги, большинство которыхъ Рогожину было недоступно, могъ знать то, чего нашъ дворянинъ не знаетъ, и потому, чего добраго, при случаѣ легко могъ его оконфузить.

Они могли бы, вѣроятно, очень долго оставаться другъ противъ друга на стражѣ, но одно счастливое обстоятельство примирило ихъ съ мыслію, что каждый изъ нихъ вполнѣ равенъ другому и оба они другъ другу не страшны. Поводомъ къ такому благопріятному выводу была заносчивость Gigot насчетъ какихъ-то превосходствъ французскаго дворянства.

Такъ какъ разговоръ этотъ шелъ въ гостиной при самой княгинѣ и при постороннихъ людяхъ, изъ которыхъ, однако, никто не желалъ вступиться за честь русскаго дворянства, то Рогожинъ не вытерпѣлъ и выступилъ, но выступилъ неудачно: плохо маракуя по-французски, онъ не могъ отразить самыхъ несостоятельныхъ нападеній Gigot, который кричалъ:

— Attendez; connaissez vous gentilhomme Obry de Mondidie?

— Non... нѣтъ, не знаю.

— Connaissez vous gentilhomme Mordrèle?

— Non... нѣтъ, не знаю.

— Connaissez vous gentilhomme Oblong?

Рогожинъ долженъ былъ сознаться, что и этого жентильома онъ тоже не знаетъ.

— Eh bien votre critique n'est pas fondèe,—рѣшилъ торжествующій Gigot, и, широко шаркнувъ Донкихоту ногой, онъ язвительно поклонился ему, какъ человѣку, съ которымъ нечего много разговаривать тому, кто читалъ про Обри и Мондидье, Облонговъ и Мордрелей. Рогожинъ былъ смятъ, но онъ быстро и преоригинально нашелся.

— А постой-ка, постой!—воскликнулъ онъ по вдохновенію и, изловивъ Gigot за рукавъ, остановилъ его.

— А ты боярина Захарьина знаешь?—спросилъ онъ француза.

— Non, je ne le connais pas.

— А Матвѣева знаешь?

— Non, je ne le connais pas.

— Ага! Молодецъ! да ты уже, смотри-ка, и Романовыхъ-то знаешь ли?

— Non, je ne le connais aussi.

— Да; такъ ты еще вотъ каковъ!—протянулъ Донкихотъ и, шаркнувъ обѣими ногами еще шире Жиго, съ достоинствомъ отъ него отвернулся.

Рогожинъ, къ счастію своему, никогда не зналъ, что въ этомъ спорѣ всѣ преимущества были на его сторонѣ, ему и въ умъ не приходило, что Gigot называлъ ему не историческія лица, а спрашивалъ о вымышленныхъ герояхъ третьестепенныхъ французскихъ романовъ, иначе, конечно, онъ еще тверже обошелся бы съ бѣднымъ французомъ.

Донкихотъ, гостя въ Петербургѣ, имѣлъ празднымъ все свое время, и когда уставалъ читать, тогда обыкновенно раскладывалъ изъ картъ пасьянсъ. Но и это ему тоже, разумѣется, могло уже надокучить, тѣмъ болѣе, что скорый Gigot умѣлъ гораздо лучше его дѣлать пасьянсы и, по живости своего характера, всегда наскакивалъ на него съ своими совѣтами. Такое вмѣшательство до того бѣсило дворянина, что онъ въ досадѣ смѣшивалъ карты и, стиснувъ ихъ въ рукѣ, или сидѣлъ молча, пока Gigot, потерявъ терпѣніе, отходилъ отъ него прочь, или же начиналъ вдругъ креститься и читать «Да воскреснетъ Богъ», отплевываясь отъ Gigot какъ отъ чорта.

Gigot не выдерживалъ заклинаній и отбѣгалъ, но не надолго; не проходило получаса, какъ онъ уже снова наскакивалъ на Рогожина съ шашечной доской и кричалъ:

— Gentilhomme, jouons nous aux dames!

Донкихотъ сдавался на этотъ призывъ, и они проводили за шашками почти все время, когда молодые князьки занимались съ приходящими учителями и Gigot былъ свободенъ.

И какъ они играли! Боже мой! Ольга Ѳедотовна, вспоминая это, говорила о нихъ не иначе, какъ о самыхъ легкомысленныхъ дѣтяхъ.

— Сядутъ, бывало, какъ и надо, будто взрослые, а потомъ вдругъ зашумятъ, закричатъ и смотри уже шашки на полъ летятъ, и бѣдный Жигоша плачетъ и жалуется, что тотъ кривунъ его обидѣлъ. А по правдѣ сказать, оба были самые несносные спорщики, и княгиня часто должна была сама приходить ихъ разнимать и мирить — стыдитъ

ихъ, бывало, стыдитъ да, наконецъ, тѣмъ кончитъ, что велитъ Патрикѣю отъ нихъ шашки взять и къ себѣ въ комнату отнести. Кажется бы вѣдь ужъ довольно, такъ нѣтъ же: Доримедонтъ Васильичъ станетъ за особымъ столикомъ пасьянсъ класть, а Жигонка и тутъ не утерпитъ. Такой былъ зажига, подскочитъ и начнетъ указывать, что будто не такъ ту или другую карту переложилъ, ну и пойдетъ опять дымъ коромысломъ. Княгиня уже изъ терпѣнія, наконецъ, выйдутъ и скажутъ:

— Подбери, Патрикѣй, съ полу карты и отнеси ихъ въ мою комнату.

Впрочемъ, Gigot и Донкихотъ ссорились и безъ игръ и всегда изъ-за совершенныхъ пустяковъ, въ родѣ того, напримѣръ, что живой и веселый Gigot, одушевляясь разговоромъ, любилъ хлопать собесѣдника по плечу или по колѣнамъ, а гордый Донкихотъ находилъ это неумѣстнымъ и рѣшительно не могъ переносить такой фамильярности: онъ вскакивалъ и, какъ ужаленный, сверкая на Gigot гнѣвными взглядами своего единственнаго глаза, кричалъ:

— Не смѣй хлопать, буржуа!.. Ты мнѣ за это когда-нибудь дорого заплатишь!

Больше я не считаю нужнымъ въ особенности говорить о monsieur Gigot, съ которымъ намъ еще не разъ придется встрѣтиться въ моей хроникѣ, но и сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобы судить, что это былъ за человѣкъ? Онъ очень шелъ къ бабушкиной коллекціи оригиналовъ и «людей съ совѣстью и съ сердцемъ», но, какъ французскій гувернеръ, онъ былъ терпимъ только благодаря особенности взгляда княгини на качества лица, потребнаго для этой должности.

Дѣти, то-есть оба молодые князья (мой отецъ и дядя Яковъ), очень любили Gigot и не только никогда съ нимъ не скучали, но, напротивъ, *скучали о немъ*, когда его не видѣли. Во время моего отрочества я слыхала похвалы Gigot даже отъ такихъ людей, которымъ, повидимому, никакого и дѣла не могло быть до злополучнаго чужестранца, — Gigot хвалили дворовые и деревенскіе люди Протозанова, говоря въ одно слово, что онъ былъ «добрый и веселый», а дядя, князь Яковъ Львовичъ, вспоминая свое дѣтство, никогда не забывалъ вставлять слѣдующее:

— Братъ Дмитрій, который имѣлъ блестящія способности,

къ сожалѣнію, до того былъ рѣзокъ, что даже верхомъ на нашемъ французѣ ѣздилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Душевныя свойства обоихъ князей въ это время обозначались уже въ весьма опредѣленныхъ задаткахъ: отецъ мой, который былъ однимъ годомъ моложе дяди Якова, первенствовалъ надъ старшимъ братомъ по превосходству своихъ дарованій, и князь Яковъ не продалъ ему права своего первородства ни за какую чечевицу, а уступилъ ее безмездно какъ «достойнѣйшему». Дядя Яковъ, безподобнѣйшее лицо изъ всѣхъ нынче живущихъ Протозановыхъ, говорятъ, еще съ дѣтства, съ самыхъ первыхъ уроковъ, за которые онъ сѣлъ ранѣе моего отца, но въ которыхъ папа быстро его перегналъ, признавъ превосходство брата и, приходя отъ него въ восторгъ, любилъ выдвигать его всѣмъ на видъ. Себя онъ всегда стушевывалъ, и такъ пріучилъ къ этому весь домъ, что всѣ, и свои, и чужіе люди, обращали все свое вниманіе на князя Дмитрія, а старшій его братъ, Яковъ, шелъ за нимъ и смотрѣлъ на него не съ ревностью, не съ завистью, а съ восторгомъ, въ которомъ сказывалась благородная и поэтическая натура этого прекраснаго человѣка, пылавшаго любовью ко всему прекрасному. Отецъ мой, сколько я могу о немъ судить, не по разсказамъ Ольги и Патрикѣя и другихъ людей, обожавшихъ въ немъ своего кумира, а по словамъ самой бабушки, которая была очень скромна въ сужденіи о своихъ сыновьяхъ, былъ одаренъ необыкновенными способностями и чарующею красотой. Бабушка, грустно улыбаясь, называла его «своимъ Авессаломомъ». (Увы! его и участь имѣла много сходнаго съ судьбою этого злополучнаго библейскаго царевича!). Онъ былъ высокъ ростомъ, гораздо выше дяди Якова, котораго за его маленькій ростъ звали «карапузикомъ». Лицомъ отецъ напоминалъ бабушку, но только не такъ, какъ тетушка Анастасія, то-есть не только чертами, но и выраженіемъ, но, разумѣется, все это сходство отливалось въ мужской формѣ. Замѣчу мимоходомъ, что, кромѣ моего отца, въ родѣ нашемъ уже никто не имѣлъ большого сходства съ княгинею Варварою Никаноровной: всѣ, и въ этомъ числѣ сама она, находили большое сходство съ собою во мнѣ, но я никогда не могла освободиться отъ подозрѣній,

что тутъ очень много пристрастія и натяжки: я напоминала ее только моимъ ростомъ да общимъ выраженіемъ, по которому меня съ дѣтства удостоили привилегіи быть «бабушкиною внучкой», но моимъ чертамъ недоставало всего того, что̀ я такъ любила въ ея лицѣ, и, по справедливости говоря, я не была такъ красива. Дядя же мой, князь Яковъ Львовичъ, имѣлъ сходство съ матерью только въ глазахъ, а во всемъ остальномъ онъ шелъ не въ бабушкинъ родъ, а въ дѣдовъ, въ родъ Протозановыхъ, которые не отличались виднымъ ростомъ и имѣли расположеніе къ тучности. Дядя обнаруживалъ эти родовыя черты съ самаго ранняго дѣтства: онъ всегда былъ по своимъ лѣтамъ малъ ростомъ, очень свѣжъ, румянъ, съ прекрасными глазами матери, но съ очень маленькимъ ротикомъ, какіе называютъ «сердечкомъ». Такіе крошечные рты, съ немножко оттопыренными губками, нарисованы у всѣхъ Протозановыхъ, которыхъ портреты я съ дѣтства видѣла въ бабушкиномъ домѣ; но князь Левъ Яковлевичъ немножко даже утрировалъ эту черту: его маленькій ротикъ придавалъ его лицу сходство съ какою-то бойкою птичкой, отчего въ семьѣ его звали также и «чижикомъ». Впрочемъ, благодаря своей важно-комической фигуркѣ, дядя, князь Яковъ, никогда не былъ безъ кличекъ; при всемъ почтеніи, которое онъ умѣлъ себѣ заслужить въ зрѣлые годы, онъ и въ этомъ своемъ возрастѣ назывался «князь-Кис-ме-квикъ», кличкою, составленною изъ трехъ англійскихъ словъ: kiss me quik, которыя имѣли въ приложеніи къ дядюшкѣ свое особенное, нѣсколько роковое для него значеніе. Но объ этомъ будетъ побробнѣе разсказано въ свое время, а теперь возвращаюсь къ дѣтству моего отца и дяди.

При значительномъ превосходствѣ умственныхъ силъ, какое имѣлъ мой отецъ надъ своимъ братомъ, у отца былъ характеръ нетерпѣливый и увлекающійся. Этимъ для меня объясняются многія несообразности и противорѣчія въ его жизни, начиная съ того, напримѣръ, что, не оказывая никакого сожалѣнія Gigot, онъ опасно заболѣлъ отъ огорченія, когда бѣдный французъ умеръ. Дядя былъ совсѣмъ иной: если папа болѣе брата напоминалъ бабушку прекрасною внѣшностію и умомъ, то дядя Яковъ былъ ея сыномъ по духу и характеру. Отецъ, которому уроки не стоили никакого труда, имѣлъ много свободнаго времени и нерѣдко

злоупотреблялъ своими досугами, наполняя ихъ опрометчивыми шалостями, нерѣдко въ обиду ближнихъ; но въ домѣ, любя князя Дмитрія, все это покрывали и не доводили до княгини. Князю Якову ученіе давалось съ большимъ трудомъ: онъ былъ почти постоянно занятъ, и въ немногіе часы свободы или сидѣлъ безмолвно въ креслахъ съ важностью, которая въ маленькомъ мальчикѣ была довольно комична, или вмѣсто того, чтобы шалить и бѣгать, онъ читалъ какую-нибудь дѣтскую книгу. Шалостей дядя не любилъ: онъ много переносилъ на себѣ отъ рѣзвостей брата, но никогда не отомщалъ ему своихъ обидъ. Выдающимися чертами нрава Якова были чрезвычайная скромность и искренность: онъ отъ природы былъ гораздо менѣе *баринъ*, чѣмъ *джентельменъ*. Уваженіе къ человѣческому достоинству всѣхъ и каждаго въ немъ было развито до того, что онъ никогда не позволялъ слугѣ снять съ себя сапога; такая услуга его конфузила, и все, что онъ могъ сдѣлать безъ помощи другого, онъ такъ и дѣлалъ. Позвать человѣка и заставить его сдѣлать себѣ услугу, безъ которой можно обойтись, дядѣ Якову казалось «стыдно». Объ искренности же его разсказываютъ, что онъ однажды явился къ бабушкѣ съ просьбою наказать его за проступокъ, о которомъ никто не зналъ и который весь состоялъ въ томъ, что дядя, сидя за урокомъ, имѣлъ въ карманѣ маленькую юлу, которая ему очень нравилась и которую ему подарили за нѣсколько минутъ до прихода учителя. Мать свою оба князя очень любили, но отецъ мой не сдерживалъ своей нѣжности, межъ тѣмъ какъ дядя Яковъ, не только страстно любившій, но даже, такъ сказать, обожавшій мать, какъ бы не смѣлъ дать воли своимъ ласкамъ. Оттого въ отношеніяхъ младшаго сына къ матери было болѣе короткости, а въ отношеніяхъ старшаго болѣе почтительности. Князь Дмитрій, шутившій со всѣми, съ Gigot, съ Донкихотомъ, съ Ольгою Ѳедотовной, шутилъ и съ княжною Анастасіей, которая была на семь лѣтъ его старше и шутокъ не любила. Она была обидчива какъ провинціальная барышня и отъ всякой досады легко плакала.

За колкія шутки съ сестрою бабушка наказывала моего отца, а княжнѣ говорила:

А у тебя, мой другъ, глаза слишкомъ на мокромъ мѣстѣ: отъ всякаго вздора ты плачешь; это значитъ дурной характеръ.

Дядя же князь Яковъ, не любившій никого раздражать, былъ чрезвычайно вѣжливъ съ сестрою, старался ей дѣлать услуги, и если она его за чѣмъ-нибудь посылала, то онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, чтобъ исполнить это скорѣе, и, подавая княжнѣ требуемую вещь, непремѣнно цѣловалъ ея руку.

Княжна Анастасія тоже болѣе оказывала сочувствія своему брату Якову, чѣмъ моему отцу, котораго она, кажется, вовсе не любила; онъ не нравился ей своею рѣзвостію и слишкомъ смѣлыми манерами.

Манеры тогда были большимъ вопросомъ: ими у насъ, къ сожалѣнію, очень много занимались, пока, къ еще бо́льшему сожалѣнію, вдругъ вовсе перестали обращать на нихъ вниманіе. Отъ этого въ нашемъ обществѣ на смѣну непріятной манерности явилось потомъ поразительное неумѣніе держать себя въ кругу порядочныхъ людей, въ чемъ отличаются даже и тѣ, которымъ надо бы служить примѣромъ благовоспитанности для прочихъ. Бабушка и въ этомъ случаѣ имѣла мѣру: она знала, что дурной тонъ, дурная манера есть все то, что̀ неумѣстно и неизящно; но она не питала уваженія и къ изысканности, и даже смѣялась надъ нетиметрствомъ.

— Это что такое,—говорила она:—не живой человѣкъ, а какой-то цирлихъ-манирлихъ, скрученъ, связанъ, но изо́ѣ скачетъ; совсѣмъ нехорошо.

Тетушкѣ же это «цирлихъ-манирлихъ» нравилось: она сама была манерна и не любила слишкомъ живыхъ проявленій какихъ бы то ни было чувствъ, а потому братъ Дмитрій ей совсѣмъ былъ непріятенъ. Впрочемъ, между княжною и братьями было очень мало общаго: они только встрѣчались, видѣлись и больше ничего.

Сама княгиня говорила, что она любила обоихъ сыновей совершенно одинаково, но дядя князь Яковъ не разъ мнѣ говорилъ:

— Матушка твоего отца гораздо больше меня любила, что̀ и неудивительно, такъ какъ братъ Дмитрій вполнѣ того сто̀илъ: онъ былъ красота, и изъ красотъ красота, и всѣхъ лучшихъ дарованій полонъ. Его нельзя было больше всѣхъ не любить.

И я этому вѣрю: въ душѣ княгини Варвары Никаноровны было слишкомъ много артистическаго, что, вѣроятно,

влекло ее къ даровитому сыну. Притомъ же, можетъ-быть она, по дальновидности своего ума, и предусматривала, съ материнскою чуткостью, искушенія и опасности, которыя были удѣломъ моего отца. Съ выборами воспитателя для князей у бабушки была большая возня, составившая цѣлый эпизодъ въ ея жизни.

О приходящихъ учителяхъ, которые были приглашены княгинею къ дѣтямъ въ Петербургѣ, я не буду говорить: ихъ выборомъ бабушка много не стѣснялась, такъ какъ отъ нихъ требовалось только, чтобъ они умѣли преподавать. Окончивъ свои уроки, они уходили и особеннаго вліянія на образованіе воли и характеровъ дѣтей не могли имѣть. Другое дѣло воспитатели, которыхъ надо было принять въ домъ: тутъ обнаруживалась чрезвычайная осмотрительность, съ которою, повидимому, очень трудно было согласить выборъ Gigot. Однако, это только такъ казалось, въ существѣ Gigot былъ весьма удобенъ, потому что, доставляя практику французскаго языка, онъ былъ просто дядькою, на положеніи, нѣсколько повышенномъ для того, чтобъ его можно было сажать съ собою за столъ.

Всякій настоящій гувернеръ-французъ стремился бы внушать дѣтямъ свои мнѣнія и заводить какія-нибудь свои правила и порядки, а въ этомъ они съ княгинею не поладили бы. Но все-таки Gigot, каковъ онъ ни былъ, не разрѣшалъ собою вопроса о воспитателѣ. Княгиня все-таки искала человѣка, который могъ бы одинъ и воспитать, и обучить ея сыновей всему, что нужно знать образованнымъ людямъ: но гдѣ было найти такого человѣка? — вотъ задача!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ Россіи почти нѣтъ воспитанія, но воспитателей находятъ очень легко, а въ тѣ года, о которыхъ идетъ моя рѣчь, получали ихъ, пожалуй, еще легче: небогатые родители брали къ своимъ дѣтямъ или плоховатыхъ нѣмцевъ, или своихъ русскихъ изъ семинаристовъ, а люди болѣе достаточные держали французовъ или швейцарцевъ. Послѣдніе болѣе одобрялись и, дѣйствительно, были нѣсколько лучше.

Княгиня Варвара Никаноровна иностранцевъ не хотѣла брать, а семинаристовъ немножко боялась; они казались ей грубы и неотесаны, и притомъ, по ея наблюденіямъ, они

вообще очень дурно понимали долгъ и обязанности человѣка къ обществу.

По мнѣнію Ольги Ѳедотовны, бабушка не любила семинаристовъ за то, что, ходя съ отцами въ праздники по приходу, они ловятъ кýръ и вообще очень обижаютъ крестьянъ, собирая съ нихъ безъ милосердія все, что̀ взять можно. Но бабушка знала, разумѣется, что и изъ семинаристовъ бываютъ исключенія, и при этомъ ей опять представлялся Сперанскій... Онъ очень занималъ ее.

Княгиня съ величайшимъ любопытствомъ обращалась съ разспросами о Сперанскомъ ко всѣмъ, отъ кого ей казалось возможнымъ узнать что-нибудь близко къ нему относящееся, и благодаря этому своему любопытству, познакомилась съ Х. І. Лазаревымъ и княземъ Мосальскимъ, которые не прерывали своихъ сношеній со Сперанскимъ и состояли съ нимъ въ перепискѣ. Встрѣтивъ въ княгинѣ большое сочувствіе, они давали ей читать получаемыя ими отъ Сперанскаго «дружескія письма», которыя бабушка собственноручно списывала себѣ въ особую тетрадь, и одинъ изъ нихъ вздумалъ черкнуть что-то Сперанскому о благоговѣющей предъ нимъ княгинѣ и о ея заботахъ о воспитаніи своихъ сыновей. Словцо это не осталось безъ отвѣта: Сперанскій въ своемъ отвѣтѣ благодарилъ всѣхъ, кто его добромъ помнитъ, и, распространясь слегка о воспитаніи, жалѣлъ, что у насъ въ Россіи хорошо воспитать юношу большая трудность. Тутъ шло сначала общее сравненіе воспитательнаго дѣла съ посѣвомъ, удача котораго зависитъ не отъ одной доброты сѣмянъ, почвы и обработки, но и отъ *атмосферы*, которая не въ нашей волѣ, а потомъ въ болѣе частномъ смыслѣ говорилось о педагогахъ, подготовка которыхъ признавалась несовершенною: «они-де малосвѣдущи, робки, низкопоклонны и мелочно придирчивы: они не любители свободы, но легко содѣйствуютъ своеволію».

Но что для княгини было всего дороже,— это небольшая приписочка въ post-scriptum, который слѣдовалъ тотчасъ за приведеннымъ разсужденіемъ. Приписка эта гласила слѣдующее:

«А что̀ сталося нынѣ съ моимъ семинарскимъ товарищемъ, Меѳодіемъ Мѣроныичемъ Червевымъ? Мнѣ очень бы хотѣлось о немъ знать; онъ, кажется, пребываетъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ владѣетъ ваша княгиня».

Бабушка подозрѣвала, что этотъ Червевъ упомянутъ тутъ недаромъ: она видѣла въ этомъ тонкій намекъ и указаніе, куда ей надлежитъ устремить свои взоры, и она этому послѣдовала.

Къ немалой ея радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ немалому ея и удивленію, оказалось, что Червевъ, дѣйствительно, жилъ въ уѣздномъ городѣ, который почти со всѣхъ сторонъ облегали земли княгини, и изъ людей, которые были съ нею въ Петербургѣ, два человѣка знали Червева лично: эти люди были Патрикѣй и Рогожинъ.

Свѣдѣнія, полученныя бабушкою о Червевѣ отъ Патрикѣя, заключались въ томъ, что Меѳодій Миронычъ былъ профессоромъ въ семинаріи, но «чѣмъ-то проштрафился» и, выйдя въ отставку, насилу добылъ себѣ мѣсто въ частномъ училищѣ въ ихъ городѣ. Червеву тогда было еще съ небольшимъ лѣтъ сорокъ и онъ былъ такъ здоровъ, что пришелъ изъ губерніи пѣшкомъ. Кромѣ того, онъ не мало удивилъ всѣхъ тѣмъ, что совсѣмъ не нанялъ себѣ квартиры, а присталъ въ училищѣ да такъ тамъ и остался: обѣдъ ему варилъ сторожъ, а спалъ онъ въ классѣ на столахъ. По субботамъ Червевъ аккуратно ходилъ въ губернскій городъ, гдѣ оставалась его жена и сынъ, обучавшійся въ гимназіи. Имъ онъ относилъ всѣ свои деньги, а на себя ничего почти не издерживалъ, только свеклу варилъ и ею одною питался. Въ гости Червевъ никогда ни къ кому не хаживалъ: гулялъ онъ обыкновенно около часа за городомъ по выгону, а потомъ возвращался назадъ въ училище и «списывалъ себѣ что-то изъ одной книги въ другую». Ученики и горожане любили Червева, но особеннаго въ немъ ничего не замѣчали, кромѣ того, что многіе думали, будто у него есть деньги да онъ ихъ бережетъ, потому что ни на что не тратилъ. На все онъ имѣлъ большое терпѣніе, кромѣ того, что недѣли не могъ провесть, не повидавшись съ сыномъ и съ женою, но и на это онъ опять ничего не расходовалъ. Какъ только въ субботу оканчивались въ училищѣ уроки, Червевъ выходилъ съ палочкою за заставу, снималъ сапоги и, перекинувъ ихъ на веревочкѣ за спину, шелъ за тридцать верстъ въ губернскій городъ. О заутрени онъ приходилъ туда, спрашивалъ у сына уроки, изъяснялъ ему, чего тотъ не понималъ, потомъ въ этотъ разъ обѣдалъ посытнѣе кушаньемъ, которое приготовляла жена, и о вечерни опять

съ тѣмъ же посошкомъ уходилъ въ уѣздный городишко къ мѣсту своего служенія: въ понедѣльникъ на зарѣ, когда сторожъ открывалъ дверь, чтобы выметать классы, Червевъ уже ждалъ его сидя на порожкѣ. Ни грязная осень, ни морозная зима и никакая случайная непогодь и распутица не прекращали этихъ еженедѣльныхъ прогулокъ. Вся разница, которую Червевъ допускалъ въ своихъ путешествіяхъ, во вниманіе ко временамъ года, заключалась въ томъ, что весною и лѣтомъ онъ ходилъ босикомъ, а осенью и зимой совершалъ весь свой путь въ лапоточкахъ. Нрава онъ былъ, по словамъ Патрикѣя, *самаго благополучнаго*, то-есть Червевъ всегда былъ счастливъ, а что дѣлало его счастливымъ, про то зналъ одинъ Богъ. Веселость не оставляла этого человѣка при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Въ Отечественную войну, единственный его сынъ, окончивъ курсъ ученія, не совладѣлъ съ своимъ патріотическимъ чувствомъ и сталъ проситься въ военную службу. Червевъ, выслушавъ сына, сказалъ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу: война—это убійство, но ты поступай, какъ знаешь.

Онъ посовѣтовалъ сыну только одно: матери объ этомъ ничего не сказывать и съ нею не прощаться. Ночью онъ самъ потихоньку выпроводилъ сына за городъ съ проѣзжими офицерами, которые обѣщали записать молодого человѣка въ полкъ, и потомъ, возвратясь къ женѣ, открылъ ей истину, горькую для ея материнскаго сердца. Нанеся этотъ ударъ своей подругѣ, Червевъ утѣшалъ ее, и очень успѣшно, тѣмъ, что могъ найти въ ея патріотическомъ чувствѣ, которое въ ней было если не выше материнскаго, то, по крайней мѣрѣ, въ уровень съ нимъ: она нашла облегченіе въ томъ, что молилась въ одной молитвѣ о сынѣ и о Россіи. Россія была спасена, а сынъ бѣдной женщины убитъ: мать этого не снесла, и Червевъ кругомъ осиротѣлъ. Онъ и это свое горе снесъ мужественно, безъ слезъ и безъ жалобъ, но только послѣ этого уже не захотѣлъ оставаться на своемъ мѣстѣ въ училищѣ, а забралъ свои толстыя книги, изъ которыхъ, по словамъ Патрикѣя, «все изъ одной въ другую списывалъ», и ушелъ изъ города.

— Куда?

На это Патрикѣй отвѣчалъ, что никому до этого нужды не было, и потому объ этомъ никто ничего не знаетъ.

— А намъ съ тобой объ этомъ надо будетъ узнать,— произнесла княгиня и дала рукой знакъ, чтобы Патрикѣй удалился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Странное и притомъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе произвелъ этотъ разсказъ на бабушку. Ей не нравилось, что во всемъ этомъ отдаетъ какимъ-то чудачествомъ, и она усомнилась въ основательности своей догадки, что имя Червева упомянуто въ письмѣ Сперанскаго съ цѣлію сдѣлать ей указаніе на Меѳодія Мироныча.

Но, подумавъ немножко, бабушка, однако, пожелала еще разспросить о немъ Донкихота.

Дворянинъ въ это время былъ близко: онъ сидѣлъ предъ княгинею и клалъ свой пасьянсъ. Бабушка тотчасъ же вступила съ нимъ въ разговоръ.

— Полно тебѣ шлепать своими картами!—сказала она.— Давай поговоримъ.

— А? Поговоримъ... Хорошо, извольте... О чемъ поговоримъ?

— Ты вѣдь, разумѣется, тоже зналъ учителя Червева?

— Что за пустяки! Разумѣется, зналъ.

— Мнѣ кажется... что Патрикѣй мнѣ про него что-то вздора наговорилъ.

— Ну, разумѣется, какъ же можетъ Патрикѣй... Развѣ Патрикѣй можетъ его понимать? А что̀ вы про него хотите знать?

— Все.

— Да я всего и самъ не знаю.

— Ну, говори просто: что онъ и какого сорта человѣкъ?

— Гм!.. по-моему, онъ человѣкъ перваго сорта.

— Съ какого края перваго?

— Да, да; вы правы, я не такъ сказалъ: онъ выше перваго, онъ го-человѣкъ.

— Что ты такое несешь?

— Я говорю, онъ го-человѣкъ; это, я думаю, всякому понятно что̀ значитъ.

— Ну, а вообрази, что мнѣ это непонятно и говори толкомъ: чѣмъ онъ отъ другихъ рознится?

— А чѣмъ рознится го-сотернъ отъ простого сотерна: то же вино да лучше. Онъ поумнѣе того, кто сто книгъ наизусть выучилъ.

— Кто это сто книгъ выучилъ?

— Я читалъ... былъ такой ученый... я это въ книгахъ читалъ.

— Батюшка, да вѣдь твоихъ книгъ, кромѣ тебя, никто не читывалъ! Ты объясни проще.

— Отчего же моихъ книгъ не читать? Что онѣ старыя, такъ это ничего не значитъ; а впрочемъ, я вамъ разскажу: это было въ Палестинѣ, когда о Святой Троицѣ спорили.

— Ну, вонъ оно куда пошло!

— Да вѣдь позвольте, пожалуйста: вѣдь это такъ-съ... тогда вѣдь, знаете, въ старину, какіе люди бывали: учились много, а не боялись ничего.

— Ну, хорошо—бывали и тогда разные люди, а ты не путай, а разсказывай! «Въ Палестинѣ жилъ ученый, который выучилъ наизусть сто книгъ...» Продолжай дальше!

— Да; а тамъ же, гдѣ-то въ пещерѣ, жилъ мудрецъ. Ученый и захотѣлъ показать мудрецу, что онъ много знаетъ; приходитъ къ нему въ пещеру и говоритъ: «Я сто книгъ выучилъ», а мудрецъ на него посмотрѣлъ и отвѣчалъ: «ты дуракъ».

— За что же онъ его такъ обидѣлъ?

— Да позвольте, вотъ видите, какъ вы поспѣшны: онъ его совсѣмъ не обидѣлъ, а хотѣлъ его ученость узнать, а ученый какъ только услыхалъ, что мудрецъ его дуракомъ назвалъ: взялъ палку и началъ мудреца бить.

— И Троица, и науки, и палкой дерутся... Ничего не разберу.

— Да вы подождите, вѣдь это вдругъ невозможно... Вотъ когда ученый мудреца отколотилъ, мудрецъ и заплакалъ.

— Больно, такъ и мудрецъ заплачетъ.

— Совсѣмъ не о томъ, что больно, а изъ сожалѣнія.

— Ничего не понимаю.

— Слушайте: мудрецъ заплакалъ и говоритъ ученому: «Ахъ, какой ты бѣдный, какъ ты дурно учился», а тотъ еще хуже разсердился и говоритъ:

— Чѣмъ я дурно учился: я сто книгъ выучилъ.

А мудрецъ отвѣчаетъ:

— Какъ же ты сто книгъ выучилъ, *а одно слово* непріятное услыхалъ и всѣ ихъ вдругъ позабылъ, и драться сталъ.

— Это онъ остро ему сказалъ.

— А какъ же? «иди, говоритъ, теперь снова учись». А Червевъ, что выучилъ, все постоянно помнитъ.

— А его тоже развѣ на такой манеръ экзаменовали?

— Еще бы!

— И дуракомъ называли?

— Ну, разумѣется: только вѣдь его кто какъ хочетъ обижай, онъ не обидится и своего достоинства не забудетъ.

— Да въ чемъ же его достоинство?

— Постигъ путь, истину и жизнь.

— Путь, истина и жизнь—это Христосъ.

— Онъ Его и постигъ.

Княгиня перестала разспрашивать; ея докладчики ее интересовали, но не удовлетворили ея любопытства.

Но каково же было ея удивленіе, когда тѣ, кому она передала результатъ своихъ неудачныхъ развѣдокъ о мѣстопребываніи Червева, отвѣтили ей, что мѣстопребываніе старика уже отыскано чрезъ Дмитрія Петровича Журавскаго, который не прерывалъ съ Червевымъ сношеній и зналъ, что этотъ антикъ теперь живетъ въ Курскѣ, гдѣ учитъ грамотѣ дѣтей и наслаждается дружбою «самоучнаго мѣщанина Семенова».

Княгиня слыхала и про Журавскаго, и про «самоучнаго мѣщанина Семенова», которые оба впослѣдствіи получили у насъ оригинальную извѣстность: первый какъ сотрудникъ Сперанскаго по изданію законовъ и потомъ искреннѣйшій аболиціонистъ, а второй какъ самоучка-астрономъ.

Имена этихъ двухъ людей, въ особенности имя Дмитрія Журавскаго, подняли въ глазахъ бабушки значеніе Червева. Какой-нибудь незначащій человѣкъ не могъ быть другомъ страстнаго любителя науки Семенова, и съ нимъ навѣрное не пересылался бы письмами Журавскій, освободительныя идеи котораго, впослѣдствіи неуспѣшно приложенныя имъ въ имѣніяхъ графа Перовскаго, хотя и держались въ секретѣ, но были немножко извѣстны княгинѣ. Къ слову о Журавскомъ, не лишнимъ считаю сказать, что бабушка никогда не боялась «освобожденія», и сама охотно толковала о томъ, что бытъ крѣпостныхъ невыносимо тяжелъ и что «несправедливость эту надо уничтожать». Правда, княгиня Варвара Никаноровна не думала о такомъ освобожденіи крѣпостныхъ, какое послѣдовало при Александрѣ Второмъ; это лучшимъ ея сверстникамъ не казалось возможнымъ.

Журавскій, посвятившій крестьянскому вопросу всю свою жизнь и *всѣ свои средства*, никогда въ лучшихъ своихъ мечтахъ не дерзалъ проектировать такъ, какъ это сдѣлалось... Великодушный человѣкъ этотъ соглашался еще оставить крестьянина помѣщичьимъ работникомъ, но только не рабомъ.

По крайней мѣрѣ такъ писано въ заготовленной Журавскимъ правительству запискѣ, которая нынѣ, вмѣстѣ съ другими бумагами покойнаго, хранится у того, кто пишетъ эти строки. Журавскій не мечталъ объ освобожденіи крестьянъ иначе какъ съ долговременною, *подготовительною* полосою, доколѣ крестьянинъ и его помѣщикъ выправятся умственно и нравственно. Теперь, когда Колумбово яйцо поставлено, всѣ эти примѣриванья, разумѣется, могутъ казаться очень неудовлетворительными, но тогда и такъ едва смѣли думать. Княгиня Варвара Никаноровна, находясь въ числѣ строго избранныхъ лицъ небольшого кружка, въ которомъ Журавскій первый разъ прочелъ свою записку «о крѣпостныхъ людяхъ и о средствахъ устроить ихъ положеніе на лучшихъ началахъ», слушала это сочиненіе съ глубочайшимъ вниманіемъ и, по окончаніи чтенія, выразила автору полное свое сочувствіе и готовность служить его заботамъ всѣмъ, чѣмъ она можетъ. Журавскій, однако, всѣхъ отклонялъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ; онъ надѣялся провести все чрезъ В. Перовскаго, отъ имени котораго и должна была идти «записка». Но, тѣмъ не менѣе, все это настолько познакомило княгиню съ Журавскимъ, что она не затруднилась обратиться къ нему за разспросами о Червевѣ. Хворый Журавскій, съ своими длинными золотушными волосами и перевязаннымъ черною косынкою ухомъ, явился къ княгинѣ по ея зову, и на ея вопросъ о Червевѣ отвѣчалъ:

— Онъ человѣкъ очень ученый.

— Какого духа онъ?—спросила бабушка.

Собесѣдникъ княгини поежился, поправилъ черную перевязь на своемъ больномъ лицѣ и отвѣчалъ:

— Слишкомъ возвышеннаго.

— Извините,—молвила бабушка: — я не понимаю, какъ человѣкъ можетъ быть *слишкомъ* возвышенъ?

— Когда онъ, имѣя высокій идеалъ, ничего не уступаетъ условіямъ времени и необходимости.

— Червевъ таковъ?

— Да, онъ таковъ.

— Чего жъ онъ хочетъ?

— Всеобщаго блага народнаго.

— Онъ знаетъ ваши заботы?

— Да.

— Вы съ нимъ совѣтовались?.. Извините меня. Бога ради, что я васъ такъ разспрашиваю.

— Ничего-съ; да, я съ нимъ совѣтовался, мы съ нимъ были объ этомъ въ перепискѣ, но теперь я это оставилъ.

— Почему?

Журавскій опять взялся за перевязь.

— Бога ради... я васъ прошу, извините мнѣ мои вопросы, мнѣ это очень нужно!

— Онъ нехорошо на меня дѣйствуетъ, онъ очень благоразуменъ, но все, что составляетъ цѣль моей жизни, онъ считаетъ утопіею... Онъ охлаждаетъ меня.

— Онъ нерасположенъ къ этому дѣлу?

— Нѣтъ; но у него очень сильна критика...

— Въ чемъ же онъ критикуетъ вашу записку?

— Онъ вмѣсто отвѣта надписалъ просто, что въ возможность освобожденія по волѣ владѣльцевъ не вѣритъ.

— Во что же онъ вѣритъ?

— Въ то, что это сдѣлаемъ не мы.

— А кто же?

— Или сами крестьяне, или самодержавная воля съ трона.

И бабушка, и ея собесѣдникъ умолкли.

— Что же?—тихо молвила послѣ паузы княгиня:—знаете, можетъ-быть, онъ и правъ.

— Быть-можетъ.

— Наше благородное сословіе... ненадежно.

— Да, въ немъ мало благородства, — поспѣшно оторвалъ Журавскій.

— И разсудительности,—подтвердила княгиня;—но скажите мнѣ, пожалуйста, почему этотъ Червевъ, человѣкъ, какъ говорите, съ такимъ умомъ...

— Большимъ,—перебилъ Журавскій.

— И съ образованіемъ...

— Совершеннымъ.

— Почему онъ живетъ въ такомъ уничиженіи?

Журавскій бросилъ на бабушку недовольный взглядъ.

— Извините,—сказала бабушка.

— Ничего-съ; мнѣ только странно, о чемъ вы спросили: «Червевъ въ уничиженіи»... Что же васъ въ этомъ удивляетъ? Онъ потому и въ уничиженіи, что онъ всего менѣе его заслуживаетъ.

— Это превредно, что у насъ быть честнымъ такъ опасно и невыгодно.

— Вездѣ такъ,—буркнулъ, подвинувъ свою повязку, Журавскій.

— Нѣтъ; у насъ особенно не любятъ людей, которыхъ уважать надо: они намъ какъ бы укоромъ служатъ, и мы, русскіе, на этотъ счетъ всѣхъ хуже; но все-таки... неужто же этотъ Червевъ такъ во всю жизнь нигдѣ не могъ мѣста занять?

— Онъ былъ профессоромъ.

— Я это слышала, но что же... съ чѣмъ онъ тамъ не управился?

— Читалъ исторію, и не годился.

— Почему?

— Хотѣлъ ее читать какъ должно...

— Что̀ выдумалъ!.. Его отставили?

— Смѣнили; онъ взялъ другой предметъ, сталъ преподавать философію, его совсѣмъ отставили. Онъ ушелъ.

— Зачѣмъ же?

— Нашелъ, что лучше учить азбукѣ какъ должно, лучше чѣмъ учить исторіи и философіи какъ не надобно.

— И съ тѣхъ поръ бѣдствуетъ?

— Бѣдствуетъ?.. Не знаю, онъ ни на что не жалуется.

— Это удивительный человѣкъ.

— Да, онъ—*человѣкъ*.

— Что вы думаете, если я попрошу его взяться за воспитаніе моихъ дѣтей?

— Я думаю, что вы не можете сдѣлать лучшаго выбора, если только...

— Что?.. Вы мнѣ скажите откровенно.

— Если вы не хотите сдѣлать изъ вашихъ сыновей ни офицеровъ...

— Нѣтъ.

— Ни царедворцевъ...

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—и бабушка окрестила передъ собою на три стороны воздухъ.

— А если вы желаете видѣть въ нихъ *людей*...

— Да, да; простыхъ, добрыхъ и честныхъ людей, людей съ познаніями, съ религіей и съ прямою душою.

— Тогда Червевъ вамъ кладъ, но...

— Что еще?

— Червевъ христіанинъ.

Говорившіе переглянулись и помолчали.

— Это остро,—произнесла тихо княгиня.

— Да,—еще тише согласился Журавскій.

— Настоящій христіанинъ?

— Да.

— Желаю довѣрить ему моихъ дѣтей.

— Я напишу ему.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Занятая призваніемъ Червева, княгиня не замѣчала многаго, на что во всякое другое время она навѣрно обратила бы свое вниманіе. Упущенія этого рода особенно выражались по отношенію къ княжнѣ Анастасіи, которая, не входя въ интересы матери и не понимая ея хлопотъ и нетерпѣнія, находила въ это время свой домъ особенно скучнымъ. На *свѣтъ*, конечно, нельзя было жаловаться, *свѣтъ* не отрекался отъ княгини и посѣщалъ ее, но княжнѣ этого было мало: ей хотѣлось предаться ему всѣмъ своимъ существомъ.

Семнадцатилѣтняя княжна рѣшила какъ можно скорѣе оставить материнъ домъ. Выходъ представлялся одинъ—замужество. Княжна Анастасія никого не любила, ей даже никто не нравился, ей было все равно, за кого бы ее судьба ни вынесла, лишь бы поскорѣе, лишь бы заставить завидовать себѣ своихъ подругъ, уѣхать за границу, а возвратясь оттуда, жить открытымъ домомъ и дѣлать то же, что дѣлаютъ другіе, то-есть «выѣзжать въ свѣтъ», къ чему бабушка была рѣшительно неспособна и откровенно въ этомъ сознавалась, говоря, что:

— Я въ каретѣ не могу жить.

Словомъ, требованія княжны въ отношеніи брака были самыя несложныя, и если бы выборъ жениха зависѣлъ отъ нея самой, то трудно рѣшить, кого бы она выбрала, но за нее выбирала благочестивая и благопомощная графиня Хотѣтова.

Въ домѣ графини давно вздыхали о княжнѣ Анастасіи, «терзавшейся въ рукахъ *безвѣрной матери*», вздыхала «объ этой мученицѣ» сама хозяйка, вздыхали ея гости, и, наконецъ, кому-то изъ нихъ пришла геніальная мысль вырвать княжну у матери и выдать ее замужъ, нимало не медля.

Сначала это представлялось какъ будто затруднительнымъ, но недаромъ, видно, сказано, что «въ Россіи невозможности нѣтъ»: когда графинѣ была представлена опасность, которая заключалась въ томъ, что мать можетъ выдать неопытную княжну за человѣка безъ вѣры, графиня въ виду этого страха рѣшилась на смѣлую мѣру и восторжествовала. Жалуясь на княгиню цѣлому свѣту и стараясь, чтобы жалобы эти ни въ какомъ углѣ не застряли, а взмывали все выше и выше, графиня Антонида получила право разсчитывать на тонкое, но могущественное содѣйствіе такого лица, которому, какъ она неложно вѣрила, въ Россіи никто отказать не въ силахъ. По свѣдѣніямъ, которыя она особеннымъ образомъ получала отъ княжны Анастасіи, она знала, что «бѣдное дитя» такъ измучено, что готово выйти замужъ за кого угодно, но притомъ она такъ благоразумна и покорна, что считаетъ лучшимъ для себя женихомъ того, кого ей изберетъ благочестивая графиня Антонида.

Теперь этой «святой женщинѣ» предстояло только избрать жениха княжнѣ, но это ей было не трудно: женихъ уже былъ готовъ: онъ самъ избралъ себя въ это званіе и ему же принадлежалъ и весь объясненный мною планъ, который графиня считала своимъ только по самообольщенію. Женихъ этотъ былъ не кто иной, какъ давно намъ знакомый графъ Василій Александровичъ Функендорфъ, ни за что не желавшій разстаться съ Протозановскими маетностями. Потерявъ надежду жениться на матери, графъ устремилъ свои взоры на дочь: эта затѣя представляла не мало трудностей, но зато она казалась вполнѣ достижимою: путь, на который графъ навелъ богомольную графиню, былъ вѣренъ, а выборъ ея не могъ пасть ни на кого другого. Графиня была имъ заинтересована и притомъ съ самой важной для нея стороны: она знала графа за человѣка наилучшихъ правилъ; за нимъ не было слышно никакихъ интригъ и онъ былъ очень религіозенъ. Несмотря на то, что онъ исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, графиня сама видѣла его въ

православной церкви. Графъ даже признался ей, что онъ тяготится сухостью лютеранизма и высоко ставитъ превосходную теплоту восточнаго богослуженія; чувствуетъ молитвенное настроеніе только въ русской церкви и не вѣритъ возможности умолить Бога безъ посредства святыхъ, изъ которыхъ особенно чтитъ святого Николая.

Графиня Антонида заказала извѣстному тогда иконописцу Озерову образъ Мирликійскаго святителя, убрала его ризу бирюзой и брильянтами и послала графу. Вмѣстѣ съ иконою была препровождена и дорогая серебряная лампада. Графъ въ слезахъ прилетѣлъ благодарить графиню. Они оба плакали отъ умиленія. Потомъ вскорѣ графъ заболѣлъ и не хотѣлъ лѣчиться: слухи объ этомъ достигли графини, и она сама поѣхала навѣстить «друга». Другъ встрѣтилъ ее снова въ слезахъ и повелъ показывать «свою убогую келью». Тутъ графиня увидала свою икону въ высокомъ кіотѣ, предъ которымъ стоялъ аналой и горѣла подаренная графинею лампада. Графиня Антонида была взволнована, а графъ еще болѣе ее растрогалъ, сказавъ, что онъ никому не дозволяетъ касаться этой лампады и зажигаетъ ее самъ... Мало этого, говорятъ, будто старый грѣховодникъ, прося снисхожденія своему чудачеству, открылъ графинѣ, что святитель Николай есть единственный его врачъ, а горящая предъ иконою святого лампада единственная аптека.

— Другъ мой! — воскликнула со слезами графиня: — развѣ это чудачество? Вотъ это только и есть вѣра и награда!

Графиня Антонида всегда соединяла «*вѣру съ наградой*», и это въ такой степени прямо относилось къ главнымъ заботамъ ея жизни, что она даже хлопотала объ учрежденіи въ Россіи особаго знака отличія *за вѣру*, и удивлялась холодности, съ какою въ высшихъ инстанціяхъ отклоняли ея представленія объ орденѣ вѣрныхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ графъ явилъ ей вѣру свою во всемъ блескѣ, графиня только и думала о томъ, чтобы наградить его и въ то же время спасти его драгоцѣнную душу присоединеніемъ ее отъ ереси Лютера ко греко-восточному православію. Съ этою цѣлію графиня возила его въ пустынь Св. Сергія за Петербургомъ и къ чудотворцамъ Великаго Новгорода и даже на Валаамъ... Графъ всюду ѣздилъ и вездѣ усердно молился и блюлъ, въ присутствіи графини,

посты, отъ которыхъ былъ свободенъ по уставамъ своей церкви, и даже, соревнуя другимъ фаворитамъ графини, начиналъ обличать замѣчательное для тогдашняго времени знакомство съ византизмомъ. Будучи немножко музыкантъ, онъ скоро научился отличать настоящіе восточные напѣвы отъ безстильныхъ нововведеній Сарти, которыми незадолго передъ тѣмъ такъ основательно была перепорчена наша церковная музыка и выправленіемъ которыхъ въ это время занимался Бортнянскій. Графъ даже самъ написалъ трехголосную Херувимскую, модуляціи которой развивались изъ анакреонтическихъ напѣвовъ, сохранившихся по преданію въ пѣсняхъ пасхальнаго канона. Злые языки увѣряли, будто графъ заказалъ эту Херувимскую какому-то музыкальному еврею въ Вѣнѣ, но никто точныхъ справокъ объ этомъ не наводилъ, да онѣ и не требовались, а весьма недурно поддѣланная вѣнскимъ евреемъ Херувимская прекрасно исполнялась петербургскими пѣвчими на клиросѣ домовой церкви графини Антониды... Словомъ, хотя при графинѣ Антонидѣ всякій старался если не быть, то казаться богомольнымъ и вѣрующимъ, чтобы «хватить ея благодати» (какъ это говорили тогдашніе циники), но никому не удавалось «хватить» такъ, какъ графу Василью Александровичу: онъ былъ всѣхъ вѣрующѣе и потому былъ всѣхъ ближе и всѣхъ дороже графинѣ. Отсюда легко понять, какъ больно ей было, что душа этого человѣка все-таки будетъ мучиться въ адѣ, такъ какъ графиня *по своей вѣрѣ* знала, что лютеранъ непремѣнно сгонятъ въ адъ и въ другое мѣсто мѣшаться не пустятъ.

Графъ ничего не приводилъ въ опроверженіе этого мнѣнія: онъ, повидимому, и самъ раздѣлялъ опасеніе попасть въ адъ, но только онъ не могъ перемѣнить вѣры, потому что имѣлъ такой взглядъ, что честный человѣкъ обязанъ жить и умереть въ той религіи, въ какой онъ родился. Этимъ честный человѣкъ будто бы оказываетъ достаточное уваженіе религіи своихъ отцовъ, которой затѣмъ онъ можетъ въ сущности не держаться и даже издѣваться надъ тѣми, кто ее держитъ... Выходила извѣстная безтолковщина, которую, впрочемъ, люди равнодушные къ вопросамъ совѣсти называютъ «правилами».

Отступленіе отъ этихъ правилъ графъ считалъ позволительнымъ только въ томъ единственномъ случаѣ, когда для

человѣка возникаютъ новыя обязательства къ существамъ, съ которыми онъ долженъ искать полнаго единенія, для которыхъ человѣкъ обязанъ «оставить отца и мать». Такое существо, разумѣется, жена. Высоко ставя принципъ семейный, графъ говорилъ, что онъ считаетъ въ высшей степени вреднымъ, чтобы члены одной и той же семьи держались разныхъ религіозныхъ взглядовъ и принадлежали къ разнымъ церквамъ.

Было ясно, что для пріобрѣтенія этого человѣка существовало одно средство—женить его на православной дѣвушкѣ; но, къ сожалѣнію, графъ находилъ эту мысль уже слишкомъ для себя запоздалою, такъ какъ онъ былъ вдовъ и ему было уже около пятидесяти лѣтъ.

Сколько разъ ни наводила графиня Антонида разговоръ съ графомъ на эту тему, онъ былъ непреклоненъ и съ серьезною скромностію указывалъ на то, что его сынъ отъ перваго брака готовился надѣть эполеты.

Свое ухаживанье за княгиней Варварой Никаноровной, а тѣмъ болѣе свое неудачное сватовство къ ней графъ, разумѣется, хранилъ въ глубочайшемъ секретѣ—объ этомъ никто не зналъ, кромѣ бабушки, а та была скромна не менѣе самого графа. Да притомъ, можетъ-быть, если бы княгиня объ этомъ и проговорилась, то ей едва ли бы повѣрили. Въ тотъ разъ, при покушеніи на руку твердой и самостоятельной княгини, графъ не могъ имѣть никакихъ пособниковъ: тамъ онъ долженъ былъ дѣйствовать самъ, но теперь онъ держался иной, болѣе безопасной тактики. Графъ предоставлялъ до всего додуматься графинѣ Антонидѣ и ей же дарилъ весь починъ дѣла: она должна была вызнать мысли княжны, внушить ей симпатію къ этому плану; забрать ее на свою сторону и, увѣрясь, что княжна въ случаѣ рѣшительнаго вопроса дастъ рѣшительный же отвѣтъ въ желанномъ духѣ, графъ предоставлялъ Хотѣтовой упросить и уговорить его на этотъ бракъ; а ему тогда останется только согласиться или не согласиться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Планъ оказался вѣренъ во всѣхъ деталяхъ, а исполнители его своею смѣлостью и тактомъ превзошли всѣ ожиданія прозорливаго графа. О княгинѣ во всѣ звоны звонили какъ о женщинѣ тяжелой, злой и даже вольнодумкѣ: поло-

женіе ея дочери представлялось страдальческимъ и взывающимъ къ защитѣ... Самъ графъ во весь этотъ промежутокъ, повидимому, былъ такъ далекъ отъ всей затѣи, какъ только можно было себѣ представить: онъ даже рѣже чѣмъ прежде бывалъ теперь у Хотѣтовой, но зато чаще посѣщалъ княгиню Варвару Никаноровну, которая съ пылкимъ восторгомъ повѣряла ему свои радости, заключавшіяся въ открытіи ею Червева.

Графъ, къ чести его сказать, умѣлъ слушать и умѣлъ понимать, что интересуетъ человѣка. Княгиня находила удовольствіе говорить съ нимъ о своихъ надеждахъ на Червева, а онъ не разрушалъ этихъ надеждъ и даже частію укрѣплялъ ихъ. Я увѣрена, что онъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно искрененъ. Какъ нѣмецъ, онъ могъ интриговать во всемъ, что касается обихода, но въ дѣлѣ воспитанія онъ не сказалъ бы лживаго слова.

Словомъ, княгиня во все это время находилась съ графомъ въ лучшихъ отношеніяхъ, а межъ тѣмъ вокругъ ея широко облегала ловкая интрига, которой бабушка рѣшительно не замѣчала. Но зато, каково же было ея изумленіе и негодованіе, когда все это перестало таиться, и вдругъ выступило на нее въ атаку.

Бабушка была взята врасплохъ: это случилось на большомъ званомъ вечерѣ, гдѣ были и княгиня, и ея дочь. Сватъ, о которомъ въ домѣ Хотѣтовой было сказано, что «ему никто не отказываетъ», подошелъ къ княгинѣ съ улыбкой и сказалъ:

— Я къ вамъ сватомъ, княгиня, — чтобы смягчить значеніе этихъ словъ, онъ добавилъ извѣстную простонародную фразу:—у васъ товаръ, у меня купецъ.

Княгиня была поражена этою неожиданностію. Дочери возлѣ нея въ эту минуту не было: она танцовала въ залахъ.

Княгиня, стоя передъ тѣмъ, кто говорилъ съ нею, глядѣла въ его лицо и читала по его глазамъ, что ему на нее что-то наговорено: въ ласковыхъ и немного скучающихъ глазахъ чуть замѣтно блестѣли извѣстные холодные блики.

Бабушка отвѣчала тою же простонародною рѣчью:

— По засылу судя гость товара достойнѣе; но живой товаръ долженъ самъ говорить.

— Дочь ваша согласна: попросите сюда княжну.

Взволнованная рѣзвымъ танцемъ княжна предстала; ее

спросили: она была согласна. Кто же былъ женихъ? Княгиня видѣла Функендорфа и не вѣрила своимъ глазамъ. Ей казалось, что ее обманываютъ разомъ всѣ ея чувства, что все это не дѣйствительность, а какой-то нелѣпый сонъ, въ которомъ и она бредила и теперь бредятъ всѣ, спѣша приносить свои поздравленія ей, княжнѣ и Функендорфу.

Но это не былъ сонъ: это была самая существенная дѣйствительность, всю силу и все значеніе которой княгиня вполнѣ ощутила только тогда, когда, измученная своею ролью въ продолженіе вечера, она сѣла въ карету и, обхвативъ руками голову дочери, прижала ее къ своей груди и зарыдала.

Княжна была гораздо покойнѣе, — это и было понятно: бабушка искала во всемъ, что̀ случилось, своей вины, а княжна не видала въ случившемся ничего, кромѣ торжества своей правоты и окончанія своего житья въ домѣ, котораго *всѣ* порядки не нравились ей, утомили ее и впереди не обѣщали ей ничего, кромѣ того же недовольства. Княгиня видѣла въ неожиданномъ сегодняшнемъ происшествіи страшное коварство, которое не пощадило ничего, а княжна видѣла во всемъ этомъ благородное заступничество за ея тяжелую долю; княгинѣ былъ эстетически противенъ поступокъ человѣка, который метался съ своею рукой отъ нея къ дочери; княжна этого обстоятельства даже не подозрѣвала и притомъ не могла и оцѣнить всей важности шага, на который дала свое безповоротное согласіе.

— Настя! другъ мой! — проговорила княгиня, сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ:—насъ разлучаютъ...

Княжна тихо заплакала.

— Тебя обманули, Настя... меня обманули... насъ всѣхъ обманули!

— Кто, maman?—прошептала княжна.

— Не знаю, не знаю кто; но обманули.

И княгиня, выпустивъ голову дочери, закрыла руками лицо и снова зарыдала въ платокъ.

— Не знаю кто, —продолжала она, немножко успокоясь, черезъ минуту:—тебѣ это, можетъ-быть, больше извѣстно.

Съ этимъ словомъ княгиня вдругъ круто оборотилась въ сторону дочери: та сидѣла, прижавшись въ углу кареты, и послѣ нѣкоторой паузы тихо выговорила:

— Я ничего не знаю.

Въ тонѣ этого отвѣта не было никакой искренности, — онъ звучалъ фальшью.

— Ты жаловалась на меня кому-нибудь?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть теткѣ... графинѣ Антонидѣ Павловнѣ?

— Нѣтъ, maman,—я ничего не говорила графинѣ.

Бабушка снова привлекла къ себѣ княжну и, вздохнувъ, поцѣловала ее въ лобъ, въ глаза и въ губы и перекрестила: она какъ нельзя яснѣе слышала, что дочь лжетъ, но ни о чемъ ее болѣе не разспрашивала.

Карета остановилась у подъѣзда, и онѣ вошли въ пространное entrée и рядомъ поднялась на лѣстницу.

Перейдя залъ и гостиныя комнаты, княгиня остановилась у дверей своей спальни и спросила:

— Ты устала, Настя?

— Да, maman.

— Такъ прощай; иди въ свою комнату.

— Перекрестите же меня.

— Ахъ, да: прости меня.

Она подошла къ своему образнику, вынула отгуда небольшой серебряный складень и, благословивъ имъ невѣсту, сказала:

— Возьми это къ себѣ: передъ этимъ складнемъ отецъ твой молился за часъ до смерти: молись и ты, — молитва очищаетъ сердце.

Съ этимъ бабушка благословила дочь образомъ, поцѣловала ее въ голову и, отколовъ бѣлую розу съ ея груди, помѣстила цвѣтокъ въ образникѣ на мѣсто, откуда былъ снятъ складень.

У княжны снова блеснули слезы: она обняла мать и, поцѣловавъ ее, вышла, держа въ одной рукѣ зажженую свѣчу, а въ другой складень.

Княгиня все молча стояла и все глядѣла на дверь, въ которую вышла дочь.

Душевное состояніе бабушки было, вѣроятно, очень тяжело,—она о немъ никому ничего не говорила, но о немъ можно было судить по цѣлому ряду не совсѣмъ правильныхъ и вовсе необдуманныхъ *нервныхъ дѣйствій*, выразившихся въ слѣдующемъ.

Княгиня, во-первыхъ, по словамъ Ольги Ѳедотовны, долго стояла на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ перекрестила

дочь и отдала ей складень. Во все это время она была какъ въ столбнякѣ: она не сводила глазъ съ двери и не слыхала, какъ Ольга Ѳедотовна два раза предлагала ей раздѣваться.

Потомъ она безъ всякой видимой причины вдругъ сильно вздрогнула, такъ что даже покачнулась на мѣстѣ и, замѣтивъ при этомъ Ольгу, окинула ее строгимъ взглядомъ и сказала:

— Что ты здѣсь... подсматриваешь, что ли, за мною?

— Я жду раздѣть васъ.

— Хорошо; я раздѣнусь.

И когда Ольга Ѳедотовна приступила дѣлать бабушкинъ ночной туалетъ, та, стоя къ ней спиной, всплеснула руками и, сжавъ ихъ у себя на темени, громко воскликнула:

— Тяжело, Господи, пощади! — и съ этимъ опустилась въ кресло.

Черезъ минуту она, совсѣмъ раздѣтая, перешла комнату и, упавъ въ постель, велѣла унести свѣчу. Но чуть Ольга вышла, бабушка постучала ей въ стѣну. Ольга возвратилась и стала въ ногахъ кровати. Княгиня, не оборачиваясь отъ стѣны, проговорила:

— Ты знаешь новость?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Наша княжна выходитъ замужъ.

Ольга Ѳедотовна не спросила, кто женихъ, но бабушка сама ей это пояснила:

— Княжна выходитъ за графа Функендорфа. Слышишь?

— Слышу-съ.

— Нравится тебѣ это?

Ольга молчала.

— Старому коту молоденькая мышка... Знать, и старые коты ловки.

Ольга мнѣ разсказывала:

— Я послѣ этого такъ потихоньку и вышла, но и я всю ночь не спала и слышала, что и она ни на минуту не заснула, и утромъ раньше меня встала и пресердитая. Я знала, что съ ней въ это время нельзя бы разговаривать и побѣжала къ княжнѣ, чтобы узнать, что̀ сталося? А княжна тоже, какъ были вчера одѣты, такъ только платье сбросили, такъ и спятъ на кроваткѣ. Я, здѣсь ничего не узнавши, да бѣгу къ Патрикѣю Семенычу, чтобы съ его умомъ по-

совѣтоваться, да какъ разъ въ угольной наскочила, что княгиня,—чего никогда не бывало,—въ утреннемъ капотѣ стоятъ, а передъ ними бѣдный Жигошка и на колѣняхъ вертится, и ручонки ломаетъ, и къ небу таращится и самъ плачетъ.

— Экскюзе, муа! кричитъ,—экскюзе!

Я, разумѣется, догадалась, что тутъ уже не насчетъ здоровья, а что-нибудь поважнѣе,—взяла да за дверь спряталась, а какъ она Жигошу отпустила, а я его въ коридорчикѣ и изловила за рукавъ и говорю:

— Что̀ ты, шальной, сдѣлалъ?

— Ахъ, говоритъ, — шеръ Ольга Ѳедотъ, я самъ теперь наплётъ, валекъ и деревянная баба: я письмо носилъ.

— Какое ты письмо, куда носилъ?

— Много, много письма носилъ.

— Да куда, отъ кого, безтолковая голова?

— Отъ пренсессъ...

Я разсердилась.

— Ахъ, говорю, — ты шелапутъ! Недаромъ, говорю, — видно Патрикѣй Семенычъ говорилъ, что ты почтальонъ,— вотъ такъ и вышло! Да какъ же, говорю,—ты это посмѣлъ сдѣлать? Вѣдь тебя за это сейчасъ со двора долой, да еще псомъ пріуськнуть. Развѣ это можно, чтобъ отъ дѣвицы къ мужчинѣ письма переносить?

Но онъ забожился:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говоритъ,—шеръ Ольга Ѳедотъ,— не къ мужчинѣ, а къ графинь.

Я догадалась, что это къ Хотѣтовшѣ, и стала спокойнѣе,—только спросила его:

— Простила ли тебя княгиня?

Онъ говоритъ:

— Простила, но только, говоритъ,—я теперь послѣ такой революцій,—экскюзе.

— Ну, молъ, бѣжи скорѣе да поменьше нынче съ дѣтьми-то у ней на глазахъ вертись, — нынче здѣсь еще много грому будетъ.

Онъ залопоталъ: «все понимай, все понимай, экскюзе!» и убѣжалъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ольга Ѳедотовна была хорошій барометръ для опредѣленія домашней атмосферы: она какъ нельзя болѣе основа-

тельно предсказывала грозу и напрасно старалась отвести ее своими отводами, въ родѣ совѣтовъ, данныхъ ею Gigot и увѣщаній «не сердить княгиню», нашептанныхъ по всему дому. Бабушка, сознавшаяся вчера съ вечера самому Богу, что ей очень тяжело, была слишкомъ наэлектризована вчерашнимъ происшествіемъ и не могла не разразиться. Утреннее признаніе, которое она вырвала у Gigot, еще болѣе увеличило зарядъ: Gigot сознался, что онъ каждое воскресенье, уходя къ компатріотамъ, носилъ какія-то письма отъ княжны къ Хотѣтовой. Что онъ дѣлалъ это не изъ интриганства, не изъ корысти и вообще не изъ какихъ-нибудь другихъ дурныхъ побужденій, а par lapitié. Этому княгиня вполнѣ вѣрила и это, дѣйствительно, такъ и было, но тѣмъ не менѣе она открыла, что за нею въ ея собственномъ домѣ было устроено систематическое шпіонство, и кому же оно понадобилось? ея собственной дочери... Какъ это ни принимай, а не могло же это не оскорблять ее... Она вѣрно сообразила, чьи пружины могли тутъ дѣйствовать, и потому-то прямо взяла утромъ на допросъ поставленнаго къ ней въ домъ графомъ m-r Gigot, а не кого бы то ни было другого. Во всѣхъ другихъ она была увѣрена и подобное дѣло par la pitié могъ сдѣлать по своему безразсудству только одинъ Gigot.

Княгиня и въ эти минуты высшаго раздраженія нашла въ себѣ столько справедливости, что, взвѣсивъ поступокъ бѣднаго француза, простила его и даже запретила ему представлять доказательство, кѣмъ онъ былъ склоненъ къ этому. Но зато тотъ, кто всему этому былъ причиною, могъ ожидать себѣ хорошей встрѣчи, и онъ ее таки и дождался.

Княжна Анастасія въ этотъ день долго не выходила изъ своей комнаты. Она поздно проснулась и не совсѣмъ хорошо себя чувствовала. Бабушка навѣстила дочь въ ея комнатахъ и, найдя, что у княжны что-то въ родѣ лихорадки, посовѣтовала ей не выходить до обѣда, а если захочетъ, то и весь день провести у себя.

Княжна очень этого хотѣла и потому съ радостью воспользовалась материнскимъ дозволеніемъ остаться сама съ собою. Ей было о чемъ подумать, но, впрочемъ, о чемъ она думала, это теперь все равно.

Княгиня вышла въ пріемныя комнаты одна и сѣла, но

обыкновенію, съ своею работою. Безъ работы она никогда не оставалась и потому въ тонѣ, или не въ тонѣ было работать при гостяхъ, это ее не озабочивало. Итакъ, княгиня сидѣла тихо, задумчиво, работала молча и, повидимому, была даже покойна. Она приняла нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ ее поздравить, и ко всѣмъ она была ласкова и привѣтлива, такъ что пріемъ ея дышалъ даже особенною тихостію и теплотою; она, повидимому, ни въ чьихъ словахъ не слыхала никакой ироніи и насмѣшки, и всѣхъ только сдерживала на сокращеніи благожеланій:

— Будетъ, будетъ, — вѣрю... благодарю, — отвѣчала она, усаживая гостя.

Но все это была только тишина передъ бурею. Чуть только въ длинной анфиладѣ открытыхъ комнатъ показалась импозантная фигура графа Функендорфа, по лицу бабушки заходили розовыя пятна, — однако она и на этотъ разъ себя сдержала и отвѣчала графу поцѣлуемъ въ щеку на его поцѣлуй ея руки, шутливо молвивъ:

— Я, любезный зять, васъ раньше ждала, — и она прикусила слегка нижнюю губу и внимательно слушала, пока Функендорфъ извинялся, что его утромъ звали въ кабинетъ по важному дѣлу.

— Я пошутила: вы человѣкъ дѣловой, — отвѣчала, оборачиваясь къ другимъ, княгиня.

Она не вѣрила слышанной отговоркѣ и мысленно искала настоящей причины, для чего графъ, сыгравъ съ ней вчерашнюю штуку, не пріѣхалъ къ ней ранѣе всѣхъ утромъ, чтобы объясниться безъ свидѣтелей, а, напротивъ, оттянулъ свиданіе? Но причина эта не замедлила объясниться: вслѣдъ за графомъ вдали той же анфилады показалась графиня Антонида Павловна. Бабушка догадалась, что графъ и графиня условились съѣхаться... Конечно, графъ хотѣлъ держаться за графинею, какъ за ширмою, и только немножко неосторожно опередилъ ее, или та, противъ уговора, замѣшкалась.

Варвара Никаноровна, замѣтивъ гостью, встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу.

Графиня Антонида была чинна и отъ нея холодкомъ такъ и повѣвало; впрочемъ, въ общемъ всегда мало измѣнившійся видъ ея имѣлъ въ себѣ на этотъ разъ нѣчто торжественное: ея коски на вискахъ были словно круче,

одутловатыя щечки подъ смуглою кожею горѣли румянымъ подсвѣтомъ, изумительной чистоты руки сверкали отъ гладкости, а каленое платье погромыхивало. Графиня шла не одна: за нею сзади двигались двѣ покровительствуемыя дамы изъ ея придворнаго штата: онѣ несли большую и, повидимому, довольно тяжелую роскошную корзину, покрытую широкимъ кускомъ бѣлаго батиста.

Бабушка поняла, что эти дамы, при участіи которыхъ подносится подарокъ, тоже здѣсь для ширмъ, для того, чтобы всѣмъ этимъ многолюдствомъ защититься отъ бабушкиной рѣзкости. Княгинѣ это даже стало смѣшно и бродившія у нея по лицу розовыя пятна перестали двигаться и стали на мѣстѣ. Теперь она сходилась лицомъ къ лицу съ этой женщиной, которая нанесла ей такой нестерпимый ударъ.

Та первая подала бабушкѣ руку, но взглянула ей не въ лицо, а черезъ плечо, далѣе. Она, очевидно, искала глазами княжну, но, не видя ея, должна была начать разговоръ съ княгинею:

— Извини... я думала: для такихъ минутъ... ты не осердишься...

Княгинѣ, кромѣ мужа и родителей, да крестьянъ, никто, никто не говорилъ *ты*, — это была первая попытка ввести такую форму въ обращеніи съ бабушкою, и бабушка это снесла и отвѣчала графинѣ Антонидѣ съ *вы*.

— Сердиться? мнѣ?.. за что? Я рада...

— Что дочь? — продолжала Хотѣтова, небрежно роняя слова и осматривая присутствующихъ: — я, извини меня... хотѣла васъ поздравить...

— Я васъ благодарю, и снова...

— Да; не безпокойся... я утромъ съѣздила къ обѣднѣ... помолилась... смотрѣла васъ по церкви, да не видала... Неужто не были? Потомъ заѣхала, взяла... тутъ кой-какія бездѣлушки... для невѣсты... Позволишь?

— Сколько вамъ угодно.

— Но гдѣ же она? княжна-то?..

— Она, тамъ... у себя.

— Что, нездорова?

— Да.

— Такъ я туда... Надѣюсь можно?

— О, конечно.

Графиня тронулась въ сопровожденіи своихъ ассистентокъ и бабушки; гости, видя недосугъ хозяйки, окружили графа съ поздравленіями, которыя тотъ съ этой поры позволилъ приносить себѣ.

Эти гости были здѣсь такъ оживлены и веселы, что имъ показалось, будто княгиня Варвара Никаноровна просидѣла со своею гостьею у дочери всего одну минуту, но зато при возвращеніи ихъ никто бы не узналъ: ни эту хозяйку, ни эту гостью, — даже ассистентки графини сморщились какъ сморчки и летѣли за графинею, которая пронеслась стремглавъ и, выкативъ за порогъ гостиной, обернулась, обшаркнула о коверъ подошву и сказала:

— Я отряхаю прахъ.

Затѣмъ она снова повернулась и вышла.

Княгиня ее не провожала: она молча сидѣла въ углу дивана и тяжело дышала, теребя въ рукахъ вѣеръ.

Гости переглянулись и одинъ по одному тихо вышли. Княгиня ихъ не удерживала. Она осталась вдвоемъ съ графомъ, который тоже не совсѣмъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не зналъ, что дѣлать съ разгнѣванной княгиней. Онъ, я думаю, былъ только очень радъ, что онъ женится не на ней, а на ея дочери.

— Что случилось? — прошепталъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ шопотомъ.

Княгиня не отвѣчала и продолжала обмахиваться вѣеромъ.

Графъ, переждавъ минуту, повторилъ вопросъ.

— Случилась вещь простая,—отвѣчала бабушка:—я не люблю, чтобы меня унижали, когда я этого не желаю...

— Васъ унижать... кто это можетъ?

— Вотъ... графиня...

— Графиня!

— Да; она благочестива... я не спорю: я грѣшница и не сужу людей... Она мнѣ здѣсь ни слова не сказала, что свадьбу надо скоро... Вашъ сватъ васъ хочетъ самъ благословить?

Графъ самодовольно покраснѣлъ и поклонился.

— Что же? къ его отъѣзду у меня все будетъ готово; но графинѣ и этого казалось мало... за меня рѣшать и всѣмъ распоряжаться... она при дочери мнѣ стала говорить, что я должна бъ сегодня ѣхать въ церковь... Она была, а я...

— Зачѣмъ это ей?

— Не знаю, право... но я мать: зачѣмъ меня ронять при дѣтяхъ? Я ей отвѣтила, что тоже утромъ занималась: она молилася за Настеньку, и вкладъ монастырю дала, а я писала управителю, чтобы онъ голоднымъ хотѣтовскимъ мужикамъ безплатно по четверти хлѣба на сѣмена роздалъ за Настино здоровье... всякій, значитъ, свое сдѣлалъ...

— И вы ей это сказали?

— Да; а что же: развѣ это обидно?

— Гм... нѣтъ... разумѣется: но ей это всегда непріятно про голодныхъ...

— Очень вѣрю, графъ... голодные мужики очень непріятны, но и мнѣ, графъ, тоже многое очень непріятно...

Тотъ склонилъ голову и пожалъ плечами.

— Очень, очень, графъ, непріятно, но я стараюсь все перенести; и я отдаю вамъ, графъ, мою дочь; и я дамъ, графъ, моей дочери не только все, что ей слѣдуетъ, но и то, чего не слѣдуетъ; я, графъ, дамъ все, что только могу отдать.

Графъ склонился еще ниже и прильнулъ губами къ рукамъ княгини.

— Все, все дамъ, графъ; много дамъ: все вамъ къ одной межѣ... Имѣнья хорошія... земля какъ бархатъ, угодья водяныя, лѣса и мужики исправные, въ зажитьѣ...

Говоря это свободнымъ и громкимъ голосомъ, княгиня все крѣпче и крѣпче сжимала руки графа и при послѣднихъ словахъ еще усилила это пожатіе и, понизивъ тонъ, добавила:

— Но если, графъ, ваша, слишкомъ молоденькая для васъ, жена когда-нибудь вами наскучитъ и въ другую сторону взглянетъ, то ужъ тогда я вамъ помочь буду не въ силахъ, а вы къ графинѣ Хотѣтовой обратитесь, — пусть она о васъ помолится.

Съ послѣднимъ словомъ бабушка презрительно выбросила руки графа и, оставивъ его посреди гостиной, ушла во внутреннiе покои.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Этимъ взрывомъ княгиня облегчила свою обиду и весь остальной день просидѣла въ гораздо болѣе спокойномъ состояніи, а вечеромъ въ домѣ произошла исторія, которая

ее даже заставила разсмѣяться: дѣло въ томъ, что Gigot имѣлъ неосторожность разсказать о своемъ проступкѣ Рогожину, а тотъ началъ дѣлать ему внушенія, окончившіяся тѣмъ, что они подрались. Бабушка вбѣжала на страшный крикъ въ столовую и застала, что французъ и Донкихотъ, вооруженные мѣдными прутьями изъ оконныхъ шторъ, съ страшнымъ крикомъ гонялись другъ за другомъ вокругъ обѣденнаго стола. Взглянувъ на эту катавасію, сейчасъ же можно было понять, что Рогожинъ нападаетъ, а Gigot отъ него спасается: Рогожинъ, дѣлая аршинные шаги и сверкая глазами, хрипѣлъ: «шпіонъ! шпіонъ!» а Gigot весь красный катился впередъ, какъ шаръ, и оралъ отчаяннымъ голосомъ: «исво-о-ощи-къ!»

Увидѣвъ вошедшую въ столовую княгиню, Gigot тотчасъ же бросился подъ ея защиту.

Бабушка разсмѣялась и, скрывъ Gigot у себя за спиною, огородила его своими руками и сказала Рогожину:

— Не стыдно ли тебѣ: за что ты его душишь?

Донкихотъ, ничего не отвѣчая, только тяжело дышалъ, сверкая своимъ изумруднымъ глазомъ, а Gigot весь трясся и держался дрожащими руками за бабушкино платье.

— Помиритесь сейчасъ! — сказала княгиня. — Слышите? сейчасъ помиритесь: я этого требую.

При словѣ «требую» Gigot выступилъ впередъ и, восклицая: «A la bonne heure», кинулся съ объятіями къ Рогожину, но тотъ отодвинулся назадъ и, высоко поднявъ голову, прошипѣлъ:

— Я съ шпіонами не мирюсь.

Княгиня насилу убѣдила Рогожина, что Gigot въ извѣстномъ происшествіи отнюдь не былъ подкупной шпіонъ, а только игралъ глупую роль, и заставила враговъ поцѣловаться. Gigot исполнилъ это охотно, но Рогожинъ только едва подставилъ ему сухо свою щеку. Послѣ всего этого бабушка велѣла ихъ *проводить* каждаго въ свою комнату, и Патрикѣй свелъ Донкихота, а Ольга отвела Gigot.

Однако, тѣмъ дѣло не кончилось. Доримедонтъ Васильичъ, убѣдясь, что «съ бараньей ляжки» взыскивать нечего, считалъ себя призваннымъ отмстить графинѣ Антонидѣ и графу, и онъ привелъ это въ исполненіе. Первой онъ написалъ «памфлетъ» и принудилъ того же Gigot доставить этотъ памфлетъ въ запечатанномъ конвертѣ самой графинѣ.

Онъ это поставилъ французу необходимымъ условіемъ для его цѣлости, безъ чего грозился, въ удобное время, отдуть его, когда княгини не будетъ дома.

— Ты знай, — говорилъ онъ: — что если ты и половину шпіонъ, или три четверти шпіонъ, а можетъ-быть и цѣлый, но все-таки честный человѣкъ тебя можетъ бить.

Gigot былъ вынужденъ исполнить требованіе Рогожина и доставилъ графинѣ конвертъ, который та и распечатала, ожидая найти въ немъ письмо отъ княжны.

Въ конвертѣ было слѣдующее шестистишіе, посвященное не то графинѣ Хотѣтовой, не то ея большому голодавшему селу Хотѣтову:

Хоть этого
Хотѣтова
Давно я не видалъ,
Но энтого
Хотѣтова
Несчастнѣй я не зналъ.

Подписано: *«Сочинилъ дворянинъ Доримедонтъ Рогожинъ»*.

Графиня Антонида страшно оскорбилась произведеніемъ Донкихотовой музы: напоминаніе о бѣдственномъ положеніи ея мужиковъ, о которомъ она никогда не желала слушать и которымъ ей въ послѣднее время такъ часто досаждала княгиня Варвара Никаноровна, привело ее въ ярость, подъ вліяніемъ которой она немедленно же отослала письмо Рогожина къ начальнику столицы съ просьбою защитить ее отъ «нестерпимаго нахала», а вмѣстѣ съ тѣмъ позвала графа и принесла ему горячую жалобу на его тещу.

Графъ, желая примирить враждующія стороны, явился къ бабушкѣ и засталъ ее въ кабинетѣ сильно занятою: сидя за кучею бумагъ, она составляла проектъ выдѣла княжны Анастасіи. Выдѣлъ былъ, дѣйствительно, самый щедрый: бабушка, дѣйствуя какъ опекунша въ предѣлахъ предоставленной ей закономъ власти, выбирала дочери законную часть въ такихъ мѣстахъ, что часть эта, отвѣчая законнымъ размѣрамъ по объему земли и численности душъ, далеко превосходила эти размѣры дѣйствительною стоимостью. Княгиня выбирала въ приданое дочери самое лучшее и какъ можно ближе подходившее къ новымъ владѣніямъ графа: лучшія земли съ бечевникомъ по берегамъ

судоходной рѣки, старые плодовитые сады, мельницы, толчеи и крупорушки, озера и заводи, конскій заводъ въ Разновильѣ и барскій домъ въ Шаховѣ. Мужики въ обоихъ селахъ все состоятельные, у которыхъ, кромѣ нарѣзныхъ помѣщичьихъ земель, бывшихъ въ ихъ обработкѣ, были еще значительныя собственныя земли, купленныя ими на имя княгини, амбары въ базарныхъ селахъ и даже дома въ городахъ. Сыновей княгиня этимъ выдѣломъ не боялась обидѣть, потому что, по ея мнѣнію, имъ и такъ доставалось противъ сестры очень много, а къ тому же княгиня разсчитывала добрымъ хозяйствомъ увеличить ихъ состояніе къ тому времени, когда они придутъ въ совершенный возрастъ. Кромѣ того, княгиня посягнула для «нелюбимой дочери» на свою собственную часть: чтобы соединить выдѣляемыя ей поля, бабушка рѣшила просить собственнаго выдѣла съ тѣмъ, чтобъ при новой нарѣзкѣ соединить интервалы дочернихъ полей насчетъ своей вдовьей части.

Графъ, препожаловавъ съ жалобою графини Антониды на Донкихота, засталъ бабушку уже при концѣ ея работы, которую оставалось только оформить актуальнымъ порядкомъ, для чего тутъ передъ княгинею и стояли землемѣръ и чиновникъ. А потому, когда княгинѣ доложили о графѣ, она велѣла просить его въ кабинетъ и встрѣтила его словами:

— Вы кстати, графъ: взгляните, что̀ я отдѣляю Настенькѣ изъ отцова и моего состоянія.

И она положила передъ графомъ реестры и планы съ проведенными на послѣднихъ линіями проектированнаго надѣла.

Графъ, разумѣется, не имѣлъ времени разсмотрѣть все въ подробности, но линіи, проведенныя на планахъ, убѣдили его, что онъ получаетъ за женою много, такъ много, какъ онъ не ожидалъ и сколько ни въ какомъ случаѣ не могъ бы взять, если бы женился не на княжнѣ, а на самой княгинѣ.

Онъ опять повторилъ свои благодарности и поцѣловалъ руку тещи, а княгиня дала знакъ чиновнику и землемѣру взять бумаги и сдѣлать, какъ сказано. Когда тѣ вышли, она спросила:

— Довольны ли вы мною, графъ?

— О, княгиня!..

— Право, не знаю, но мнѣ кажется, что я своей дочери не обидѣла?

— Нѣтъ, Боже мой! кто говоритъ, чтобы вы кого-нибудь могли обидѣть...

— Отчего же?.. человѣкъ, какъ всѣ... могу и я грѣшить и ошибаться, но только я не люблю быть долго виноватою и если кого обижу, люблю поскорѣй поправиться: прошу прощенія.

— Княгиня, вы меня радуете.

— Радую!

— Да, княгиня... я не зналъ, какъ съ вами заговорить, а вы мнѣ это облегчили.

— Что такое? о чемъ вы со мною не знали какъ заговорить?

Графъ оглянулся и прошепталъ:

— Мы одни, княгиня?

— Никто чужой насъ не слышитъ,—говорите.

— Графиня Антонида Павловна... Вотъ чуть я ее назвалъ, вы уже, кажется, и сердитесь?

— Нимало нѣтъ.

— Графиня Антонида Павловна ужасно обижена... и... право, я не знаю, какъ вамъ про это разсказать...

— Да говорите просто: она обижена; ну кто ее обидѣлъ: я?

— Не вы, но... Вы вѣрно слышали, на нее написанъ скверный пашквиль...

— Фуй! Нѣтъ, я ничего ни про какіе пашквили не хочу знать.

— Но досадно то, что пашквиль вышелъ отсюда...

— Откудова, графъ?

— Изъ вашего дома, княгиня.

Бабушка помахала, по своему обыкновенію, отрицательно пальцемъ и, въ глубокой увѣренности въ своей правотѣ, отвѣчала:

— Нѣтъ, графъ, это неправда, этого быть не можетъ.

Но графъ вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана и подалъ бабушкѣ копію съ извѣстнаго намъ стихотворенія Рогожина.

Княгиня пробѣжала бумажку и, насупивъ брови, еще разъ перечитала ее вслухъ:

— «Хоть этого Хотѣтова, но энтого Хотѣтова»,—Держа-

винъ острѣй писалъ. А, впрочемъ, позвольте мнѣ, графъ, узнать, что̀ мнѣ за дѣло до «этого Хотѣтова и этого Хотѣтова»; съ какой стати вы сочли своимъ долгомъ мнѣ это доставить?

— Вѣдь это Рогожинъ написалъ.

— Такъ что же такое: развѣ я отвѣчаю за то, что сумасшедшій человѣкъ можетъ кому-нибудь написать?

— Вы увѣрены, что онъ сумасшедшій?

— Гм... ну, я такъ думаю, что онъ немножечко разстроенъ, а если вы иначе о немъ полагаете, вызовите его на дуэль.

— Что вы, княгиня!

— Отчего же? онъ не откажется.

— Помилуйте: да этого и графиня не захочетъ... Дуэль, которая можетъ кончиться убійствомъ... Что вы, что вы! это совсѣмъ не въ ея правилахъ.

— А если это не въ ея правилахъ, такъ не о чемъ и говорить: ругнулъ ее человѣкъ, ну и что такое: надъ Христомъ ругались. А я вамъ вотъ что̀ скажу: я вашей графинѣ только удивляюсь, какъ она съ своею святостію никому ничего простить не можетъ.

Графъ былъ уступчивъ.

— Все дѣло въ томъ, княгиня, разумѣется... если онъ сумасшедшій,—заговорилъ графъ, но бабушка его перебила.

— Да,—сказала она:—все дѣло въ томъ, графъ, что это вздоръ, что умнымъ людямъ, графъ, стыдно обращать на такія вещи вниманіе...

— Конечно.

— Да; скажите ей, что «стыдно»: пускай беретъ примѣръ съ царицы Екатерины. Ей, чай, извѣстно, что Екатерина сочиненную на нее мерзость, не читая, разорвала и въ печку бросила. Такъ ей и скажите, а я про «этого Хотѣтова» ничего не знаю, окромя какъ то, что тамъ всѣ мужики съ сумой по-міру ходятъ... Такъ и про это скажите, графъ: стыдно на мертвыя тѣла серебряныя раки дѣлать, когда живыя голодомъ гибнутъ. Они гибнутъ только потому, что не знаютъ, въ комъ сила... Я къ этому ничего не прибавлю, да мнѣ и некогда: у меня черезъ двѣ недѣли дочь замужъ выходитъ: будетъ съ меня этихъ хлопотъ безъ графини Антониды Павловны; а она пусть смирится,—люди большія обиды сносятъ и не жалуются. А теперь про-

щайте: тамъ обойные мастера ждутъ. Вы ко мнѣ кушать пріѣзжайте.

И княгиня, извинясь, не пошла провожать графа, а направилась къ другимъ дверямъ; она хотѣла какъ можно скорѣе призвать Рогожина и дать ему добрый напрягай, а можетъ-быть даже склонить его какъ можно скорѣе къ тому, чтобы онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

— Совсѣмъ не то время теперь и не то мѣсто, чтобы еще здѣсь распутывать его глупости, размышляла княгиня, которой вдругъ пришло въ голову, что «аракчеевцы», ища повсюду особыхъ случаевъ, того и гляди рады будутъ этому вздору и навлекутъ на бѣднаго дворянина небывалое обвиненіе, что онъ-де не только пашквилянтъ на благородное сословіе, но еще и пашквили его имѣютъ дурное вліяніе: могутъ служить къ подрыву помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми.

— Нѣтъ, лучше всего его за добра ума выпроводить отсюда, хоть не туда... не совсѣмъ домой, потому что онъ тамъ подъ судомъ, а...

Но въ это время до слуха ея долетѣлъ страшный ударъ, отъ котораго задрожали стѣны дома: можно было думать, что упало какое-то грузное, тяжелое, массивное тѣло...

— Вѣрно большая люстра оборвалась, или статуя съ хоръ упала!—подумала княгиня и, быстро выбѣжавъ въ дверь, увидала, что въ залѣ Патрикѣй поднималъ графа, который никакъ не могъ встать на ноги.

Бабушка кинулась къ пострадавшему съ вопросомъ:

— Что съ вами, графъ?..

— Я, кажется, ногу сломалъ,—отвѣчалъ графъ, дѣлая неудачную попытку стать на ногу.

— Скорѣе доктора и костоправа! но какъ вы здѣсь могли упасть?

И княгиня, оглянувъ комнату, тутъ только замѣтила, что длинная ковровая дорожка, лежавшая черезъ весь залъ, была до половины сдернута и въ дверяхъ, куда ее стянули, стоялъ Рогожинъ.

— Уйди ты, ненавистный! -крикнула ему княгиня, направляясь вслѣдъ за людьми, которые внесли графа въ одну изъ гостиныхъ и положили его на диванѣ.

Графъ молчалъ, княгиня была страшно взволнована и,

наказавъ какъ можно тщательнѣе скрыть все отъ дочери, встрѣтила костоправа со словами:

— Тысячу рублей вамъ заплачу, если больной будетъ ходить черезъ двѣ недѣли.

Костоправъ вышелъ, осмотрѣвъ ногу графа и выйдя въ залъ, чтобы велѣть подать себѣ тазъ съ взбитою мыльною пѣной, объявилъ княгинѣ, что у больного просто небольшой вывихъ и что онъ можетъ ходить черезъ недѣлю.

— Вы получите двѣ тысячи вмѣсто одной,—отвѣчала княгиня и сама присутствовала при операціи, какъ графу по старинѣ намылили ногу, какъ его начали тащить люди въ одну сторону, а костоправъ намыленными по локоть руками въ другую: дернулъ разъ, два и въ третій что-то глухо щелкнуло, и графъ вскрикнулъ:

— Вы оторвали мнѣ ногу!

— Нога теперь на мѣстѣ,—отвѣчалъ костоправъ.

И дѣйствительно, графъ къ вечеру могъ уже переѣхать въ каретѣ къ себѣ, а черезъ два дня былъ на ногахъ попрежнему молодцомъ и уже не засталъ Рогожина въ домѣ тещи. Донкихотъ былъ высланъ изъ Петербурга въ тотъ же день, какъ онъ уронилъ графа, потянувъ изъ-подъ его ногъ коверъ. Княгиня наскоро призвала его и сказала:

— Доримедонтъ Васильичъ: у меня до тебя просьба!

— А что такое?

— Уѣзжай изъ Петербурга сейчасъ... Домой не ѣзди, тебя тамъ схватятъ...

— То-то и есть.

— Да; я тебя въ Курскъ посылаю; ступай туда къ Мефодію Миронычу Червеву и скажи ему, что я скоро сама къ нему пріѣду и буду его просить моихъ дѣтей учить...

— Князей?

— Да; князей.

— Это хорошо: онъ знаетъ больше того, кто сто книгъ выучилъ.

— Вотъ и прекрасно: можетъ-быть онъ знаетъ какъ и съ тобой управляться, а то ты мнѣ уже здѣсь очень дорого стоишь, да и хлопотъ съ тобой не оберешься, а мнѣ теперь некогда... Бери Марью Николаевну и поѣзжайте,— ее изъ Курска отправь, а самъ меня жди у Червева.

Рогожинъ потянулъ носомъ и по обыкновенію скоро заоралъ свое:

— Эй, Зинобей!

Одры и Зинка не забыли службы и черезъ часъ уже катили за заставою, держась навстрѣчу журавлей, которые, чуя приближеніе весны, летѣли на сѣверъ.

Княгиня, отправивъ этихъ гостей, успокоилась. Къ Патрикѣю, правда, являлся полицейскій узнавать, что̀ за человѣкъ живетъ у нихъ подъ именемъ дворянина Рогожина, но Патрикѣй зналъ, какъ обходиться съ чиновными людьми: онъ далъ ему двадцать пять рублей и сказалъ, что это былъ изъ ихъ мѣстъ крѣпостной, въ умѣ тронутый, но его въ Бѣлые берега къ подспуднымъ мощамъ отправили.

Болѣе о Рогожинѣ розысковъ тутъ не было и въ домѣ все шло какъ нельзя лучше: приданое было готово какъ по щучьему велѣнію, а графъ ходилъ молодцомъ лучше прежняго.

— Какъ должно, передъ свадьбой и у костоправа въ рукахъ побывалъ,—говорила Ольга Ѳедотовна, обрывавшая на этомъ второй періодъ Протозановской хроники.

Графъ женился на тетушкѣ Анастасіи. На свадьбѣ ихъ ничего не произошло замѣчательнаго: было все пышно, хорошо, было много гостей, роздано всѣмъ много подарковъ и много денегъ. Княгиня на третій день послѣ свадьбы дала большой балъ, на которомъ допустила слѣдующее отступленіе отъ новаго этикета въ пользу старины: когда пили за здоровье молодыхъ, къ княгинѣ подошелъ Патрикѣй съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ была насыпана куча червонцевъ.

Бабушка взяла подносъ и, поднеся его графу, сказала:

— Любезный зять, не осудите: вы были нездоровы немножечко: позвольте мнѣ просить васъ съѣздить съ Настей за границу—ей будетъ ново и полезно видѣть, какъ живутъ въ чужихъ краяхъ; а это отъ меня вамъ на дорогу.

Графъ долженъ былъ принять и приношеніе, и просьбу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ баломъ вскорѣ же начались сборы новобрачныхъ за границу. Графъ устроилъ такъ, что поѣздка его имѣла дипломатическую цѣль, это давало ему прекрасное положеніе при иностранныхъ дворахъ, а также и дѣлало экономію. Княгиня, узнавъ объ этомъ, сказала только:

— Значитъ, я ему немножко лишняго дала на дорогу, ну да Богъ съ нимъ: пусть съ легкой руки разживается.

Княгиня была все это время очень весела и довольна и никто не зналъ, чему надо было приписать такое довольное ея состояніе? Впрочемъ, полагали, что она рада, устроивъ дочь за виднаго человѣка; но причина пріятнаго настроенія княгини была совсѣмъ иная: Варвара Никаноровна не одобряла въ душѣ брака дочери и предвидѣла отъ него впереди «много непріятнаго», но это уже было дѣло непоправимое, зато теперь, пока что случится, дѣло это давало ей передышку и увольняло ее отсюда, съ этого «ингерманландскаго болота», какъ звали тогда Петербургъ люди, побывавшіе за границею. Княгиня могла уѣхать домой въ свое теплое гнѣздышко, въ ютное, неприкосновенное Протозаново, которое казалось ей еще милѣе послѣ всѣхъ петербургскихъ передрягъ и особенно послѣ того, какъ Патрикѣй, всего за день до свадьбы тетушки Анастасіи Львовны, подалъ княгинѣ распечатанный конвертъ изъ Курска.

Конвертъ былъ надписанъ незнакомою рукою на имя Дмитрія Петровича Журавскаго, и Патрикѣй, доложивъ княгинѣ, что Журавскій «самъ изволилъ заносить пакетъ, но доложить не приказалъ,—сказалъ: не надо... тутъ увидятъ все, что нужно».

Бабушка догадалась, что Дмитрій Петровичъ слышалъ, что у нея свадьба, и не хотѣлъ отрывать ее... Ей было это немножечко досадно, что онъ даже «спасибо» сказать себѣ не позволилъ, но все равно: она знала, отъ кого этотъ конвертъ: въ немъ долженъ былъ заключаться столь долго жданный и столь важный для нея отвѣтъ отъ Червева.

Княгиня была такъ взволнована, что, дернувъ нетерпѣливою рукою листокъ изъ конверта, она опять вложила его туда назадъ и сказала:

— Нѣтъ, это малодушіе: буду терпѣть до вечера.

Съ этимъ она положила письмо на образникъ и прочитала его только помолясь на ночь Богу: письмо было вполнѣ утѣшительное. Списываю его точно съ пожелтѣвшаго листка сѣроватой, рыхлой бумаги съ прозрачнымъ водянымъ штемпелемъ, изображающимъ козерога въ двойномъ кругѣ.

«Любезный благопріятель! Получилъ я письмо ваше съ предложеніемъ принять на себя воспитаніе дѣтей извѣст-

ной вамъ княгини и много о семъ предложеніи думалъ и соображалъ оное со многихъ сторонъ, а потому долгонько вамъ и не отвѣчалъ. Не знаю, однако, что и теперь вамъ отвѣчу.

«Есть страны, гдѣ образованіе въ полнѣйшемъ объемѣ даютъ тѣмъ, кто въ немъ менѣе будетъ имѣть надобности, и лишаютъ онаго другихъ, которые должны имѣть обширную ученость, дабы служить народу съ высокаго положенія. Сіи, по несчастію, предполагаются какъ бы отъ самаго рожденія своего получившими всѣ познанія, и имъ вручаютъ ключи разумѣнія, взявъ которые они ни сами въ храмъ знанія не входятъ и желающимъ войти въ него возбраняютъ. Смотрите, не такъ ли это и у насъ: не учатъ ли и у насъ всѣхъ менѣе тѣхъ, кого надо бы учить всѣхъ болѣе, и не изобрѣтаютъ ли и у насъ для таковыхъ особыхъ пріемовъ ученія, кои ничего общаго съ наукою не имѣютъ? Не въ таковыхъ ли мысляхъ ищетъ учителя своимъ дѣтямъ и объясненная вами княгиня? Въ такомъ разѣ, ей нѣтъ во мнѣ никакой надобности и вы ей можете посовѣтовать ученыхъ людей въ столицахъ: тамъ есть много искусныхъ для такого преподаванія. Но если, какъ вы полагаете, она нѣсколько инакова, то надо бы объяснить ей задачи и планъ зрѣлой науки. Кто что ни говори, а корень ученія горекъ, да и плоды онаго въ Россіи не сладки. То же и о вѣрѣ. Скажите ей, что Моисей, изводя народъ изъ неволи, велѣлъ своимъ унести драгоцѣнные сосуды египтянъ, и мы можемъ хорошо воспитать *новаго человѣка* только тогда, когда онъ похититъ мудрость древнихъ и поносится съ нею въ зноѣ пустыни, пренебрегая и голодъ, и жажду, и горечь мерры. Вѣра моя—отъ удостовѣренія моего ума, а не отъ того, что писано уставомъ или полууставомъ. А посему размыслите, благопріятель, гожусь ли я воспитывать княжатъ, назначаемыхъ достигать славы своея, а не славы пославшаго насъ Отца. Имъ внушаютъ—почитать себя за важное и необходимое въ руководствѣ другими, а по-моему, первое начало, чтобы сей глупости не довѣряли и руководить людьми не стремились, а себя умнѣе руководили. Молодымъ родовитымъ и знатнымъ юношамъ всего потребнѣе внушать - что они весьма не очень потребны. Что же касается до моего согласія, то гдѣ я возьму силы, чтобы не согласиться хоть двухъ ребятъ во всю мою жизнь обучить

такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось? Именитыхъ дѣтей, учимыхъ не ради скораго пріобрѣтенія ими хлѣба куска, можно учить лишь себѣ въ радость и въ утѣшеніе, о коемъ, признаюсь, въ лучшей порѣ моей жизни мечталъ я. Вспомните, что я излагалъ нѣкогда о есотерическомъ и ексотерическомъ въ наукѣ: я видѣлъ мою esotoris тогда яко зерцаломъ въ гаданіи: я лишь въ отраднѣйшей мечтѣ воображалъ счастливцевъ, которымъ суждено отраднѣйшее бремя овладѣть на много лѣтъ умомъ цвѣтущихъ юношей съ призваніемъ къ степени высокому и весть ихъ къ истинному разумѣнію жизни... и вотъ объ этомъ рѣчь... И сей счастливецъ я! О, благопріятель! неужто я увижу ихъ лицомъ къ лицу? неужто я почувствую въ моихъ рукахъ ихъ юношескія руки, неужто я увижу, какъ ихъ юношескій умъ начнетъ передо мною раскрываться будто пышный цвѣтъ предъ зарею, и я умру съ отрадаю, что этотъ цвѣтъ въ свое время дастъ плодъ сторичный... О, благопріятель! смотрите: осторожно ли вы писали, не шутка ли это, не кладете ли вы камень въ протянутую руку нищаго? Эта шутка была бы слишкомъ жестока... Подумайте: великій Кеплеръ говорилъ, что если бы онъ могъ окинуть взглядомъ вселенную, но не видалъ бы жаждущаго познанія человѣка, то онъ нашелъ бы свое удивленіе безплоднымъ, а я червякъ, безъ всѣхъ рѣшительно сравненій, его ничтожнѣйшій, до сей поры все жилъ, не видя никого, кому бы могъ сказать о томъ, что я своимъ окинулъ взоромъ... Но, нѣтъ; вы вѣдь не шутите... не правда ли? давайте ихъ сюда, давайте этихъ юношей Червеву.—онъ ихъ съ любовію научитъ понимать достойное познанья и можетъ быть откроетъ имъ — какъ можно быть счастливымъ въ бѣдствіяхъ.

«Объ условіяхъ со мной не говорите: дѣлающій достоинъ мзды, а волъ молотящій корму. Болѣе мнѣ ничего не нужно. Меѳодій Червевъ».

Княгиня была въ восторгѣ отъ этого письма. Не знаю, что именно ее въ немъ плѣняло; но, конечно, тутъ имѣло значеніе и слово о «счастіи въ самыхъ бѣдствіяхъ». Она и сама почитала такое познаніе драгоцѣннѣе всякихъ иныхъ знаній, но не рѣшалась это высказать, потому что считала себя «профаномъ въ наукахъ». Притомъ, бабушка хотя и не вѣрила, что «древле было все лучше и дешевле», но ей нравились большіе характеры, съ которыми она была

знакома по жизнеописаніямъ Плутарха во французскомъ переводѣ.

— Тамъ есть кому подражать и есть на чемъ дитя воспитывать, — вотъ, кажется, все, что она понимала, усвоивая себѣ самое важное и существенное. Пусть-де не будутъ верхолетами, — пусть готовенькихъ вершковъ не схватываютъ, а по началамъ все продумаютъ, тогда они не будутъ самомнящи и смирнѣй будутъ въ счастіи и крѣпче въ несчастіи... Она тоже не по уставу, а «по удостовѣренію своего ума» была увѣрена, что добрые и умные родители непремѣнно должны приготовлять своихъ дѣтей къ умѣнью съ достоинствомъ жить въ счастьѣ и въ несчастьѣ.

Таковы были непосредственные взгляды княгини на воспитаніе и письмо Меѳодія Мироныча, конечно, этимъ взглядамъ отвѣчало. Но что всего болѣе влекло теперь княгиню къ Червеву, это было его особенное отношеніе къ своему призванію.

Ни слова добрый человѣкъ не говоритъ о томъ, что ему заплатить... даже гнушается этимъ. — значитъ дѣло любитъ, а не деньги... Такіе люди рѣдки: Богъ мнѣ въ немъ неслыханное счастье посылаетъ.

И княгиня, благословивъ Бога, спала эту ночь крѣпко, а на другой день встала довольною и веселою. Съ тѣхъ поръ прекрасное настроеніе духа не измѣняло ей во всѣ остальные дни приготовленія къ дочерниной свадьбѣ и къ наступившимъ за свадьбою проводамъ новобрачныхъ за границу.

День отъѣзда молодыхъ былъ давно назначенъ: княгиня собиралась сама уѣхать къ себѣ въ Протозаново тотчасъ по отъѣздѣ Функендорфовъ. Знакомымъ, которые уговаривали княгиню еще погостить въ «хорошемъ городѣ Петербургѣ», она отвѣчала:

Нѣтъ, благодарю за привѣтъ, не спорю, Петербургъ городъ хорошій: и вымощенъ, и выметенъ, но у себя дома, въ деревнѣ, мнѣ все-таки больше нравится.

Варвара Никаноровна и впередъ сюда не обѣщалась скоро. На просьбы дочери пріѣхать въ Петербургъ на будущую зиму, она ласково отвѣчала ей:

— Нѣтъ, мой другъ, я и обманывать тебя не хочу, — не поѣду: зачѣмъ? мнѣ тутъ дѣлать нечего. Здѣсь мѣсто тому, кому нужны кресты да перстни, а наше благо на

нелѣ растетъ и надо въ немъ копаться, сидя на своемъ кореню. Было время, и я здѣсь жила, но хорошаго тоже мало изъ того времени помню... а теперь я уже совсѣмъ отъ этого отстала и слава за то Создателю: надо кому-нибудь и соху съ лопатой знать, а наѣздомъ хлѣба не напашешь.

Нѣжность княгини къ «нелюбимой дочери» во все это время не только не уменьшалась, но, напротивъ, еще болѣе усиливалась: Варвара Никаноровна сама не знала, чѣмъ ей свою Настеньку утѣшить и обрадовать. Она каждый день пріѣзжала къ ней съ дорогими подарками: купила ей самый дорогой, покойный и щегольской дорожный дормезъ и навезла такую кучу разныхъ путевыхъ вещей, что съ ними не знали, куда дѣваться. Графъ, разсматривая эти вещи, вѣроятно, не разъ думалъ, къ чему эта трата? Не лучше ли бы деньгами? Молодая графиня была, кажется, однѣхъ съ мужемъ мыслей. По крайней мѣрѣ она всякій разъ ставила матери на видъ, что за границею все лучше и дешевле, но княгиня отвѣчала:

— То лучше, да изъ чужихъ рукъ, а это отъ матери, — и опять продолжала возить подарокъ за подаркомъ. Наконецъ бабушкѣ пришла самая оригинальная мысль, и она сдѣлала тетушкѣ такой странный подарокъ, какого отъ нея никакъ невозможно было и ожидать, а именно: она, явясь въ одинъ день къ дочери, объявила, что даритъ ей Ольгу Ѳедотовну... Конечно, не навѣкъ, не въ крѣпость, а такъ, въ услуженіе.

Тетушка Анастасія отнюдь не выражала никогда ни малѣйшаго желанія получить этотъ подарокъ, и даже едва ли была ему рада, по крайней мѣрѣ она энергически отъ него отказывалась, говоря:

— Къ чему она мнѣ, maman? вы Ольгу любите, вы къ ней привыкли, а я имѣю свою прислугу... Наконецъ, она и сама къ вамъ такъ привязана, что ей будетъ тяжело съ вами разстаться.

Но бабушка была непреклонна: она хотѣла отдать «нелюбимой дочери» все, что имѣла самаго дорогого, и рѣшительно настаивала, чтобы графиня брала Ольгу.

— Она ко мнѣ привязана, — это правда, и я ее люблю, но потому-то непремѣнно ты ее и бери: она тебя сбережетъ, а иначе я за тебя покойна не буду.

Переспорить въ этомъ бабушку было рѣшительно невоз-

можно, и графиня должна была согласиться принять Ольгу, но за то уже рѣшительно воспротивилась, когда мать задумала сдѣлать ей еще одинъ подарокъ, въ лицѣ m-r Gigot. Бабушка находила, что онъ былъ бы очень пригоденъ за границею, и говорила:

Ты не церемонься со мною: я безъ него обойдусь, а онъ французикъ услужливый и ничѣмъ не обижается, да и притомъ онъ еще, кажется, изъ портныхъ, такъ и починку какую нужно дорогою сдѣлаетъ... Право, бери его: я имъ обоимъ и денегъ отъ себя на дорогу дамъ, а ты приемъ съ Ольгою все такъ и будешь, какъ будто бы между своихъ.

Это, однакоже, осталось втуне: молодая графиня отнюдь не желала быть между своихъ и проектъ о Gigot былъ оставленъ: но Ольга Ѳедотовна собиралась въ путь. Сборы моей доброй старушки, главнымъ образомъ, заключались не въ вещевомъ багажѣ, а въ нравственномъ приготовленіи къ разлукѣ на цѣлый годъ съ родиною и съ милыми сердцу. Ольгѣ Ѳедотовнѣ было всѣхъ жалко, и княгиню, и князьковъ, и Патрикѣя Семеныча, и «Жигошу»:—о послѣднемъ она заботилась даже, кажется, больше, чѣмъ о всѣхъ другихъ, и всѣхъ, кого могла, просила жалѣть его, сироту.

Все время своихъ сборовъ она была очень растрогана и чѣмъ ближе подходилъ день отъѣзда, тѣмъ нервное ея состояніе становилось чувствительнѣе: но недаромъ говорятъ, истома хуже смерти: день отъѣзда пришелъ и Ольга Ѳедотовна встрепенулась. Она въ этотъ день встала утромъ очень рано: хотя по ея глазамъ и покраснѣвшему носику видно было, что она не спала цѣлую ночь и все плакала, но она умылась холодной водицей и тотчасъ же спозаранковъ начала бодро ходить по дому и со всѣми прощаться и всѣмъ наказывать отъ себя поклонъ Рогожину, Марьѣ Николаевнѣ и многимъ другимъ лицамъ домашняго круга. Къ Gigot она забѣгала нѣсколько разъ и все ему что-нибудь дарила, или оставляла во временное пользованіе, — какъ-то: теплые чулки, излишнія подушки и прочее, но при этомъ все что-то забывала.

— Совсѣмъ какъ дура сдѣлалась, — говорила она о себѣ: знаю, что что-то самое пренужное-нужное хотѣла тебѣ отдать и опять позабыла... Ну, да я еще вспомню.

И она опять убѣгала, и опять приносила Жиго пустяки

въ родѣ чайной чашечки или частаго гребня. а «самое пренужное-нужное» опять забывала.

— Ну, да ничего: я вспомню!

Отъѣздъ предполагался изъ дома бабушки: на ея дворѣ стоялъ уложенный дормезъ и графъ съ молодою графинею должны были позавтракать у княгини и съ ея двора и отправиться.

Это такъ было и сдѣлано: откушали, помолились, экипажъ поданъ и стали садиться,—Ольга Ѳедотовна еще ранѣе была усажена въ высокое переднее сидѣнье и плотно застегнута кожанымъ фартукомъ. Она такъ самаго нужнаго и не вспомнила, а теперь было уже некогда: графъ и графиня сѣли,—на крыльцѣ оставались только княгиня съ двумя сыновьями, да Gigot съ Патрикѣемъ.

Все было готово: форейторъ натянулъ постромки, коренники налегли въ хомутъ и экипажъ застучалъ и тронулся. Изъ-за чернаго кожанаго фартука въ переднемъ сидѣньи замелькала ручка Ольги Ѳедотовны: это она крестилась, но вдругъ она вся высунулась и закричала:

— Жигоша! Жигоша, скорѣй! я вспомнила!

Gigot подлетѣлъ и, вспрыгнувъ на подножку, подскочилъ къ Ольгѣ Ѳедотовнѣ.

— Вотъ, бери это;—проговорила она и, торопливо вынувъ изъ кармана маленькую бутылочку съ березовкой, сунула ее въ руки француза.

— Oh, chère Ольга Ѳедотъ... c'est impossible: c'est pour vous même, pour vous,—заговорилъ Gigot и, замахавъ руками, соскочилъ съ колеса въ ту самую минуту, когда Ольга Ѳедотовна хотѣла сунуть ему пузырекъ за жилетъ.

Пузырекъ упалъ на мощеный дворъ и разбился о камень.

Экипажъ скрылся изъ глазъ за угломъ улицы.

Провожавшіе стояли на крыльцѣ, а Gigot на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ нимъ лежалъ разбитый пузырекъ и пролившееся лѣкарство.

Французъ былъ растроганъ и, вынувъ платокъ, обтеръ имъ глаза.

— Ты плачешь, Gigot?—спросила его княгиня.

— Mais certainement, madame!.. Sapristi, cette pauvre Ольга Ѳедотъ... elle ne parle jamais français et allemand et elle casse sa médecine!

— Ну; ничего: она по-русски разговорится.

— Ничего... c'est bien: по-рюсски: c'est *ничего!*

И Жиго разсмѣялся: онъ поднялъ разбитый пузыречекъ и, держа его въ рукахъ, проговорилъ:

— Ничего: разбилъ — это щастье!

— Не по его только предсказанію все это вышло,—говорила, бывало, объ этомъ Ольга Ѳедотовна, никогда не забывавшая ни одной мелочи своего отъѣзда за границу и особенно своего скораго и страннаго оттуда возвращенія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Бабушка не могла уѣхать изъ Петербурга въ Протозаново такъ скоро, какъ она хотѣла, — ее удержала болѣзнь дѣтей. Отецъ мой, стоя на крыльцѣ при проводахъ Функендорфовъ, простудился и заболѣлъ корью, которая отъ него перешла къ дядѣ Якову. Это продержало княгиню въ Петербургѣ около мѣсяца. Въ теченіе этого времени она не получала здѣсь отъ дочери ни одного извѣстія, потому что письма по уговору должны были посылаться въ Протозаново. Какъ только дѣти выздоровѣли, княгиня, къ величайшему своему удовольствію, тотчасъ же уѣхала.

На сѣверѣ «въ ингерманландскихъ болотахъ» было еще сыро и холодно, но чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ становилось теплѣе и пріятнѣе: за Москвою, къ Окѣ, совсѣмъ уже была весна, хотя еще и ранняя, безъ яркой зелени и безъ обилія цвѣтовъ, но уже съ животворною мягкостью въ воздухѣ, которая такъ цѣлебно живитъ силы и успокоиваетъ душевныя волненія.

Всѣ чувства княгини отдыхали среди этой атмосферы отъ утомленія, которое она чувствовала послѣ столь несвойственной ей жизни и мелкихъ интригъ, кипящихъ въ салонахъ. Эти скромныя картины русской ранней весны превосходны: весело зеленѣющія озими играютъ на солнцѣ; поднятый къ яровому посѣву тучный черноземъ лежитъ какъ бархатъ и грѣется, тихіе ручейки и рѣчки то мелькаютъ въ перелогахъ, какъ волшебныя зеркала въ изумрудныхъ рамахъ, то вьются какъ ленты, отражая въ себѣ облака,—грунтовыя дороги обсохли, но еще не завалены пылью—ѣзда по нимъ удобна и пріятна: копыта бѣгущихъ коней не пылятъ и стучатъ мягко, колеса катятъ совсѣмъ безъ шуму и слѣдъ позади только маслится... Все способ-

ствуетъ тому, чтобы у путника на душѣ становилось мирно и покойно.

Ѣдучи верстъ по сту съ небольшимъ въ сутки и пробывъ двое сутокъ въ Москвѣ, княгиня провела уже въ дорогѣ около двухъ недѣль: въ это время она имѣла время отдохнуть отъ всѣхъ перенесенныхъ ею потрясеній, она или спокойно дремала, или была занята своими экономическими соображеніями, которыя вызывались только что заключенными большими тратами. Денежныя средства ея, всегда содержавшіяся въ большомъ порядкѣ, хотя и теперь не были особенно разстроены, но, однако, требовали рачительнаго восполненія. Свадьба, со всѣми выдѣлами, наградами и цѣнными подарками, стоила очень дорого, но справедливость требуетъ сказать, что княгиня объ этомъ не жалѣла: она, напротивъ, была рада, что «нелюбимая дочь» награждена какъ слѣдуетъ. Притомъ же ей нечего было и бояться сдѣланныхъ большихъ экстренныхъ расходовъ, потому что она знала, какъ наверстать ихъ. Живучи въ деревнѣ, хотя и очень открыто, княгиня тратила относительно очень мало: кромѣ лимоновъ, сахару и прочей «бакалеи», которая разъ въ годъ закупалась на *коренной* ярмаркѣ, все было «изъ своей провизіи», и княгиня была увѣрена, что черезъ пять-шесть лѣтъ она опять будетъ совсѣмъ такъ же исправна, какъ была передъ выдачею замужъ «нелюбимой дочери». За дорогу бабушка имѣла время все это сообразить и сосчитать и, совсѣмъ на этотъ счетъ успокоясь, была весела какъ прежде: она шутила съ дѣтьми и съ Gigot, который сидѣлъ тутъ же въ каретѣ на передней лавочкѣ; дѣлала Патрикѣю замѣчанія о ѣздѣ, о всходахъ озими и тому подобномъ: сходила пѣшкомъ на крутыхъ спускахъ и какъ «для моціона», такъ и «чтобы лошадей пожалѣть», пѣшкомъ же поднималась на горы, причемъ обыкновенно задавала французу и дѣтямъ задачу: кто лучше сумѣетъ взойти и не умориться.

Чѣмъ ближе подъѣзжала княгиня къ своимъ мѣстамъ, тѣмъ она чувствовала себя счастливѣе, и передъ самымъ Курскомъ, откуда бабушка надѣялась захватить Червева, она находилась въ превосходномъ настроеніи; но тутъ встрѣтилось обстоятельство, которое вдругъ смутило ее самымъ непредвидѣннымъ и непріятнымъ образомъ. Въѣзжая на дворъ, гдѣ была послѣдняя сдаточная перепряжка, бабушка

была неожиданно привѣтствована здѣсь Рогожинымъ, который вдругъ наскакалъ сюда на своихъ одрахъ изъ-за ближайшаго перелѣска.

— Здравствуй! что ты это?.. откуда? — заговорила, увидавъ его, княгиня.

Донкихотъ только водилъ усами и, тяжело дыша, оглядывался.

— Отчего ты не ждалъ меня въ Курскѣ?

— Нельзя было, — отвѣчалъ дворянинъ.

— Отчего?

— Я скрываюсь.

— Неужели опять сражался? Пора перестать.

— Да: Жиго: сядь, братъ, скорѣй въ мой тарантасъ... Тебѣ вѣдь все равно, а ты все-таки три четверти шпіонъ, а можетъ быть и цѣлый, а мнѣ говорить надо. Переходи скорѣй: я на твоемъ мѣстѣ спрячусь, потому что мнѣ опасно.

Жиго согласился, а бабушка велѣла французу взять съ собою и дѣтей, чтобы ей свободнѣе было говорить безъ нихъ съ Донкихотомъ.

Дѣти рады были случаю проѣхаться въ лубочной коробкѣ Рогожина, и когда пассажиры размѣстились такимъ образомъ, оба экипажа снова тронулись въ путь.

Потные одры Рогожина не отставали отъ свѣжихъ лошадей, впряженныхъ въ экипажахъ княгини, и Зинка звонко посвистывалъ сзади кареты.

Бабушка сначала спросила Рогожина, съ кѣмъ онъ и за что дрался, но, получивъ въ отвѣтъ, что «это пустяки», она подумала, что это и впрямь не болѣе какъ обыкновенные пустяки, и перешла къ разговору о Червевѣ.

— Червевъ, что же ему, — отвѣчалъ Рогожинъ: — онъ съ губернаторомъ говорилъ, и ничего, — а вотъ Ольгѣ Ѳедотовнѣ очень скверно.

— Развѣ она тебѣ уже писала изъ чужихъ краевъ?

— Нѣтъ, не писала, а она сама все разсказала...

— Что ты за вздоръ говоришь: гдѣ ты могъ видѣть Ольгу?

— Здѣсь... Посольскій дьячокъ сюда пріѣзжалъ изъ Парижа съ родными повидаться и ее привезъ.

— Что ты за вздоръ говоришь!

— Нимало не вздоръ: я ее третьяго дня самъ въ Протозаново свезъ.

— Ушамъ не вѣрю, что слышу... Этого быть не можетъ. Ты трезвый человѣкъ, а пьяную гиль несешь!

— Да; я трезвый человѣкъ и хотите на васъ дыхну? Дохни, сдѣлай милость.

Рогожинъ дохнулъ: отъ него пахло только суровцомъ-квасомъ, котораго онъ выпилъ два огромныхъ ковша на постояломъ дворѣ.

— Однимъ квасомъ пахнетъ,—сказала, пожавъ плечами, бабушка:— теперь продолжай: какъ могла явиться здѣсь Ольга.

— Прислали ее назадъ.

— Кто?

— Ну понятно кто: съ кѣмъ она поѣхала, тѣ ее и вернули.

— За что это,—съ какой стати?

— Не годилась.

— Что̀ такое она сдѣлала? Что̀ она говоритъ?

— Она ничего не говоритъ, а только плачетъ.

— Плачетъ?

— Ужасно плачетъ.

— Господи, что это такое! съ дѣтства почти знаю эту женщину,—скромная, хорошая...

— Она тамъ въ чужихъ краяхъ немножко съ ума сошла.

— Ольга!

— Да; дьячокъ говоритъ, что у нея это съ Рейна началось.

— Отчего же это съ нею сдѣлалось?

— Отъ развалинъ.

— Господи, какая мука съ тобою говорить!

— Да чѣмъ я худо говорю? она нигдѣ за границею развалинъ видѣть не могла.

— Напугали ее, что ли, тамъ?

— Нѣтъ; а просто какъ увидитъ развалины, сейчасъ вся взрадуется и пристаетъ ко всѣмъ: «смотрите, батюшка, смотрите: это все нашъ князь развалилъ» и сама отъ умиленія плачетъ.

Моя бѣдная Ольга: я узнаю ее,—проговорила, покачавъ головою, бабушка. Но въ этомъ ли и все ея сумасшествіе?

— Гм... да, отвѣчалъ Донкихотъ:—она этимъ графинѣ очень надоѣла, а потомъ въ Парижѣ дѣло дошло до того, что Ольга Ѳедотовна одна со всѣми французами перессорилась.

И Рогожинъ разсказалъ, что моя бѣдная старушка, продолжая свою теорію разрушенія всѣхъ европейскихъ зданій

моимъ дѣломъ, завела въ Парижѣ войну съ французскою прислугою графа, доказывая всѣмъ имъ, что церковь Notre Dame, которая была видна изъ оконъ квартиры Функендорфовъ, отнюдь не недостроена, но что ее князь «развалилъ». Французы, поняв въ чемъ дѣло, разобидѣлись: графиня приняла ихъ сторону, а это показалось Ольгѣ Ѳедоровнѣ несправедливымъ и она объяснила самой графинѣ, что та «своего рода не уважаетъ».

Результатомъ всего этого вышло, что тетушка, вообще съ трудомъ переносившая людей материнаго штата, совсѣмъ отстранила отъ себя Ольгу и распорядилась отправить ее домой.

Бабушка, выслушавъ это, горько улыбнулась и проговорила про себя:

— Ахъ, дочь моя, дочь!

— А вы увѣрены, что она *ваша* дочь?—спросилъ Рогожинъ.

Бабушка взглянула ему въ лицо и разсмѣялась.

— Что вы?—спросилъ онъ:—я читалъ нѣсколько случаевъ, какъ дѣтей подмѣняли.

— А? да... подмѣняли... Ты правъ: я тоже думаю, что мнѣ ее *подмѣнили*.

— Гдѣ?

— Въ петербургскомъ институтѣ. Но доскажи же мнѣ про Ольгу: какъ ее привезли сюда?

— Графъ съ дьячкомъ прислалъ.

— И спасибо ему, что онъ такъ сдѣлалъ,—сказала, дослушавъ, княгиня.

— Нѣтъ: вы повремените его благодарить, — отвѣчалъ Донкихотъ: — вы вотъ прежде взгляните сюда,—и Рогожинъ, засучивъ рукавъ, показалъ нѣсколько кругомъ расположенныхъ маленькихъ ранъ, которыя окружала одна сплошная опухоль съ кровянистымъ подтекомъ.

— Что это у тебя?

— Нѣмецъ укусилъ.

— Какой нѣмецъ?

— Котораго графъ прислалъ сюда графининымъ имѣніемъ управлять.

— Что же: вы съ нимъ подрались, что ли?

— Да.

— Господи, какъ это все скоро: и нѣмецъ уже есть, и уже и кусается! А за что же у васъ дѣло стало?

— Онъ всѣхъ мужиковъ, у которыхъ своя земля и дома съ амбарами на базарахъ, выселять хочетъ.

— Ты это шутишь?

— Нѣтъ; я дыхну, если хотите.

— Я вѣдь тебя всерьезъ спрашиваю.

— А я вамъ всерьезъ и отвѣчаю: онъ ихъ въ степи гонитъ.

— Да это что же: они ихъ ограбить, что ли, хотятъ?

— И я имъ то говорилъ...

— Боже мой, Боже мой, что я надѣлала! Эти люди гибнутъ за то, что они мнѣ вѣрили.

— Да,— отвѣчалъ Рогожинъ и черезъ минуту глухого молчанія заговорилъ снова:

— Я этого нѣмца просилъ, умолялъ, усовѣщивалъ... и наконецъ...

— Прибилъ, что ли?

Рогожинъ только сдѣлалъ молча рукою выразительный жестъ, какъ будто дралъ кого-то за волосы.

Бабушка молчала: она была поражена тѣмъ, что слышала, и тѣмъ, что̀ теперь ей представлялось возможнымъ далѣе въ этомъ же возмутительномъ родѣ.

«Я не дамъ разорить мужиковъ, — думала она: — нѣтъ; я сейчасъ же поѣду назадъ въ Петербургъ... я встрѣчу государя, брошусь ему въ ноги и скажу все... онъ добръ, — онъ разсудитъ...»

Но черезъ минуту она думала:

«Противъ кого же я пойду? противъ родной дочери, противъ зятя? Нѣтъ: это не то: за свою вину я отдамъ крестьянамъ все свое, чего ихъ добро стоило... У меня послѣ этого *ничего своего* не останется, но это полъ-горя, — безъ денегъ легче жить, чѣмъ безъ чести... Авось сыновья въ углѣ и въ кускѣ хлѣба мнѣ не откажутъ... А если и они, если и ихъ мнѣ *подмѣнятъ?*

Бабушка закрыла обѣими руками запылавшее отъ этой мысли лицо и не замѣтила, что ея экипажъ не ѣдетъ, а у открытой дверцы съ фуражкою въ рукахъ стоитъ Патрикѣй.

— Что такое?—спросила она.

— Червевъ-съ.

— Гдѣ онъ?

— Извольте смотрѣть вонъ туда влѣво за рѣку.

Бабушка оглянула мѣстность: впереди, за горою, виднѣлись кресты курскихъ церквей, а влѣвѣ плыла сонная Тускарь и правый берегъ ея, заросшій мелкою ивой, тонулъ въ рѣдкомъ молочномъ туманѣ.

— Никого не вижу, — проговорила, приставляя къ глазу лорнетку, княгиня.

— Извольте смотрѣть... двѣ ракиты... за ракитами кустъ, за кустомъ тихая заводь и стоитъ цапля.

— Цаплю вижу.

— Противъ нея, на землѣ, сидитъ человѣкъ.

— Это *онъ*!

— Это Меѳодій Миронычъ!

— О, какъ онъ мнѣ дорогъ въ эту минуту! — воскликнула бабушка.

— Да: это самъ онъ и есть, — подтвердилъ Донкихотъ: — онъ сюда ходитъ читать. А я вамъ про него забылъ сказать: я открылъ, что онъ хорошаго рода, я читалъ рукопись: житіе святой боярыни Уліяны Ольшанской, — Червевы ихъ рода...

— Ахъ, оставь ты мнѣ теперь про всѣ роды... Патрикѣй: нѣтъ ли здѣсь лодки, чтобъ къ нему переѣхать?

— Вонъ дощаникъ подъ берегомъ: худой, чай, только.

— Все равно какой онъ: Тускарь не море, — отвѣтила бабушка и, толкнувъ ногой дверцу, легко спрыгнула изъ кареты.

Черезъ минуту ветхій дощаникъ, на которомъ стояли княгиня, ея оба сына, Донкихотъ и Gigot, тяжело зашуршалъ плоскимъ дномъ по травѣ и, сдвинувшись дальше, тихо поплылъ по тихой и мутной водѣ сонной Тускари.

Съ половины рѣки сѣрая фигура обозначилась яснѣе: теперь и близорукому было видно, что это сидѣлъ человѣкъ, а на колѣняхъ его лежала книга, которую онъ читалъ съ такимъ вниманіемъ, что не слыхалъ, какъ поднявшаяся, при приближеніи дощаника, цапля пролетѣла почти надъ самою его головою.

Лодка пристала у берега, — бабушка стала выходить.

— Смотрите ему прежде всего въ глаза, — шепталъ ей Рогожинъ: — удивительные глаза... чисты, точно сейчасъ снѣгомъ вытерты.

— Хорошо, — отвѣчала княгиня, и, велѣвъ всѣмъ остаться у лодки, вошла одна къ Червеву.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Червевъ былъ пожилой человѣкъ простонароднаго русскаго типа: большой, сильный и крѣпкаго сложенія, но съ очень благопристойными, какъ тогда говорили о Сперанскомъ, — «врожденными манерами». Онъ, дѣйствительно, имѣлъ чистые «точно снѣгомъ вытертые глаза» и мягкій голосъ, въ которомъ звучали чистота и прямодушіе.

Когда близъ него раздались шаги подходившихъ, онъ поднялъ лицо отъ книги и, всмотрясь въ приближающуюся къ нему княгиню, привсталъ и сказалъ:

— Княгиня Протозанова?

— Я,—отвѣчала бабушка.—Вы меня узнали?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Ну, будемъ знакомы и...

Княгиня, оживляясь, добавила:

— И постараемся быть друзьями.

Она сжала руки Червева и тотъ отвѣчалъ ей пожатіемъ, но не сказалъ ей ни слова.

Она это замѣтила и осудила себя за то, что была слишкомъ скора и поспѣшна.

— Я васъ буду просить: сядьте въ мой экипажъ и доѣдемъ до Курска.

— Я предпочитаю ходить пѣшкомъ, —отвѣтилъ съ улыбкой Червевъ. — Я пойду полемъ, и пока вы доѣдете — я уже буду тамъ.

Княгиня не настаивала и опять переправилась черезъ Тускарь; сѣла въ дормезъ и поѣхала къ Курску.

Червевъ ей какъ будто не давалъ себя въ руки.

«Что это и почему?» — думала она и спросила Рогожина: о какомъ онъ упоминалъ разговорѣ Червева съ губернаторомъ?

Донкихотъ объяснилъ, что губернаторъ говорилъ съ Червевымъ одинъ на одинъ и спрашивалъ его по чести. Такъ и сказалъ:

Я о васъ никого не хочу спрашивать, я вашей чести вѣрю.

Червевъ ему по чести все и сказалъ.

— Что же такое *все?*

— А по логикѣ, по логикѣ.

— Батюшка! ты бы хоть безъ логики разсказалъ.

— Нельзя безъ логики, когда это было по логикѣ.

— Ну, такъ говори какъ можешь.

Губернаторъ спросилъ: скажите, пожалуйста, по совѣсти, вы утверждали когда-нибудь, что власти не потребны въ государствѣ?

— Ну!

— Червевъ отвѣчалъ: что онъ этого никогда не утверждалъ.

Бабушкѣ вспомянулось письмо Червева къ Журавскому, которое она читала Функендорфу, и она подумала: не тутъ ли штука?.. А потомъ... значитъ и онъ то же какъ и прочіе тоже увертывается и отъ своихъ словъ отпирается.

— Что же, повѣрилъ или нѣтъ ему губернаторъ?

— Повѣрилъ.—да вѣдь и нельзя не повѣрить.

— Отчего?

— Червевъ привелъ логику.

— Какую?

— Когда губернаторъ сказалъ, чѣмъ онъ можетъ за справедливость своихъ словъ ручаться, то онъ доказалъ логикой, онъ сказалъ: «я не могъ говорить, что власти не потребны въ государствѣ, ибо я не думаю, чтобы и сами государства были потребны».

— Неужто онъ это сказалъ?

— Да: онъ такъ сказалъ... И губернаторъ его похвалилъ...

— Ну, еще бы!

— За честность его, за искренность.

— И больше разспрашивалъ?

— Да. Говорилъ: «но, вѣдь, вы властямъ не сопротивляетесь?» Червевъ говоритъ: «нѣтъ, — не сопротивляюсь».

— Вамъ нечѣмъ.

— Да, говоритъ—и нечѣмъ, да я и не хочу.

— Отчего?

— Это не надо.

Губернаторъ его опять похвалилъ.

— Прекрасно вы говорите, никогда сопротивляться не надо. А все-таки вы одну какую-нибудь власть уважаете? А? Или по крайней мѣрѣ вы можете уважать какую-нибудь власть?

Червевъ говоритъ:

Кажется, я могъ бы уважать ту власть, которая вела бы дѣло къ тому, чтобы себя упразднить и поставить вмѣсто себя власть Божію.

Губернаторъ ему сказалъ:

— Вы все очень своеобразно понимаете, но вы честный. Я такъ и донесу.

— Кому донесетъ?

— А не знаю,— можетъ быть онъ такъ и донесъ...

— Да, разумѣется, такъ и донесъ!

— Я думаю, я думаю! спокойно поддержалъ Рогожинъ.

Бабушка задумалась.

— Однако что же это такое?..

Это совсѣмъ выходило за рамки всѣхъ ея картинъ... Неужто онъ, въ самомъ дѣлѣ, таковъ, что сомнѣвается даже въ потребности самихъ государствъ... отдѣльныхъ «языковъ...» отдѣльныхъ народовъ... вѣръ... Это не можетъ быть. Ей никогда въ голову не приходило, чтобы такія вещи говорилъ просвѣщенный человѣкъ... и притомъ тотъ именно человѣкъ, котораго она приглашаетъ быть воспитателемъ ея сыновей... И когда это ей открывается? Именно теперь, когда она готова и даже должна его взять... Да; но почему же непремѣнно *должна?* А потому, что она сама все это затѣяла, вмѣшала въ это много людей и теперь ей дѣлать шагъ назадъ было бы неловко и поздно!.. Впрочемъ, что за вздоръ! Когда что-нибудь можно остановить до начала—такъ это не называется *поздно*, а что до *неловкости*, то развѣ такія соображенія могутъ руководить поступками большой важности. Не лучше ли отказаться отъ невѣсты наканунѣ самаго брака, чѣмъ дать совершиться акту, угрожающему обоюднымъ несчастіемъ?.. Нѣтъ; Варвара Никаноровна не изъ такихъ безхарактерныхъ и сентиментальныхъ людей. Пускай она въ Червевѣ больше чѣмъ самъ губернаторъ увѣрена, что онъ изъ честныхъ честный, но она не сунетъ ему сразу дѣтей, — она съ нимъ теперь поговоритъ, —она, по отчему обычаю, прямо спроситъ «жако вѣруешн?» И онъ, безъ сомнѣнія, ей скажетъ правду.

Она такъ и сдѣлала и получила какъ разъ такой результатъ, какого ожидала.

Просидѣвъ около часа съ глаза на глазъ съ Червевымъ,

она стала сама резюмировать въ своемъ умѣ его положенія, и начертала такую схему: характеръ въ высшей мѣрѣ благородный и сильный: воля непреклонная: доброта безъ границъ: славолюбія — никакого, безсребренникъ полный, терпѣливъ, скроменъ и проникнутъ богопочтеніемъ, но Богъ его «не въ рукотворномъ храмѣ», а всѣ земные престолы, начальства и власти, — это для него совсѣмъ не существуетъ. Это все по его выводамъ не соединяетъ людей, а раздѣляетъ, а онъ хочетъ, чтобы каждый жилъ для всѣхъ и всѣ для одного... И это въ немъ такъ искренно, что онъ не хочетъ допускать никакихъ постороннихъ соображеній. По его мнѣнію, весь опытъ жизни обманчивъ,—и самая разсудительность ненадежна: не стоитъ думать о томъ, что будутъ дѣлать другіе, когда вы будете дѣлать имъ добро, а надо, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, быть ко всѣмъ добрымъ.

Онъ убѣжденъ, что всѣ современемъ захотятъ платить добромъ за добро,—и потому онъ исключаетъ всякій судъ и всякія наказанія, всякія похвалы и всякія почести... Заслуги ума, трудолюбія, даже заслуги самоотверженія и любви — все это, по его мнѣнію, не нуждается ни въ какихъ наградахъ и даже страдаетъ отъ нихъ. Добро —само въ себѣ награда. Журавскій съ его идеями освободить крестьянъ ничего не достигнетъ, а во всей дѣятельности Сперанскаго онъ считаетъ за достойное вниманія только то, что онъ умѣетъ сносить съ достоинствомъ свое удаленіе.

Княгиню удивляло: какъ же этотъ человѣкъ былъ близокъ Сперанскому и Журавскому, которые имѣли совсѣмъ другіе взгляды и стремились къ улучшеніямъ путемъ государственныхъ мѣръ! Ихъ намѣренія княгинѣ казались прекрасными и во всякомъ случаѣ они были ей памятны, межъ тѣмъ какъ все то, что сказалъ ей съ полною откровенностію Черневъ,—это все измѣняетъ и отмѣняетъ, все упраздняетъ и все ставитъ ни во что. А то, что онъ говоритъ, о томъ приходится выводить изъ его идей, что это утопіи, что это неприложимо и не можетъ держаться при всѣхъ другихъ условіяхъ общества и гражданственности.

Проведя все это въ думѣ, она вслухъ договорила свою мысль:

— Это не ладъ, а разладъ.

— Да, принесенъ «не миръ, а мечъ», — спокойно отвѣчалъ ей Червевъ.

Княгиня прочитала въ его глазахъ, что онъ понялъ все, что она молча продумала, и нимало этому не удивился и не разсердился. Это ему, очевидно, было за привычку: онъ словно ожидалъ того, что̀ она ему сказала.

— Какъ же вводить молодыхъ людей въ эту жизнь съ такими идеями?—спросила она.

— Не легко,—отвѣчалъ Червевъ.

— И какъ имъ будетъ жить?

— Трудно.

— Нельзя!

— Если соединять несоединимое, то нельзя, но если вести одну линію, то можно.

— Надо, значитъ, начать съ того, что на многое почитаемое за важное взять и положить крестъ.

— Да, съ этого должно начаться.

— А далѣе пойдетъ разладъ со всѣмъ!

— Разладъ только съ тѣмъ, что не идетъ въ ладъ съ порядкомъ, при которомъ левъ не захочетъ вредить ягненку.

— Слова ваши рѣжущи.

— Я съ вами долженъ говорить откровенно: я вѣдь зналъ, что я вамъ не гожусь.

— Нѣтъ, я прошу васъ дать мнѣ подумать.

— И не думайте, я не гожусь. Вы вѣрите въ возможность мира при сохраненіи того, что не есть миръ, а я не вижу, на чемъ можетъ стать этакій миръ. Мечъ прошелъ даже матери въ душу.

— Вы строже, чѣмъ Савонаролла!

— Я не говорю ничего своего.

— Да, но это ужаснѣе! Вы отнимаете у меня не только вѣру во все то, во что я всю жизнь мою вѣрила, но даже лишаете меня самой надежды найти гармонію въ устройствѣ отношеній моихъ дѣтей съ религіей отцовъ и съ условіями общественнаго быта.

— Этой гармоніи я не касаюсь.

— Но вы не вѣрите въ ея возможность?

— Воспитывать умъ и сердце—значитъ просвѣщать ихъ и давать имъ прямой ходъ, а не подводить ихъ въ гармонію съ тѣмъ, что, быть-можетъ, само не содержитъ въ себѣ ничего гармоническаго.

— Становясь на вашу точку зрѣнія, я чувствую, что мнѣ

ничего не остается: я упразднена: я должна осудить себя въ прошломъ и не вижу, чего могу держаться дальше.

Червевъ улыбнулся доброй улыбкой и тихо сказалъ:

— Когда поколебались вѣра и надежда, остается *любовь*.

— Какъ еще любить и кого?

— Всѣхъ, но если вы истинно любите вашихъ дѣтей...

— Безъ сомнѣнія.

— И если вѣрите тому, что̀ открылъ показавшій путь, истину и жизнь...

— Вѣрю.

— Тогда вы должны знать, что̀ вамъ надо дѣлать.

Княгиня задумалась и тихо проговорила:

— Въ душѣ моей я съ вами согласна...

— Душа, вѣдь, по природѣ своей христіанка.

— Но этотъ ножъ, этотъ мечъ, — это измѣненіе всего...

— Измѣненіе всего, но сначала всего въ самомъ человѣкѣ.

— Да; только въ самомъ себѣ... но... все равно... Вы обобрали меня какъ птицу изъ перьевъ. Я никогда не думала, что я совсѣмъ *не* христіанка. Но вы принесли мнѣ пользу, вы смирили меня, вы мнѣ показали, что я живу и думаю какъ всѣ и ничуть не лучше тѣхъ, о комъ говорятъ, будто они меня хуже... Привычки жизни держатъ въ оковахъ мою «христіанку», страшно... Разорвать ихъ я безсильна... Конецъ!.. Я должна себя сломать или не уважать себя какъ лгунью!

— Послѣ, быть-можетъ, будетъ иное.

— Нѣтъ, это будетъ вѣчный мой стыдъ, что вмѣсто того, чтобы теперь привлечь къ себѣ въ домъ человѣка, какъ вы,—я говорю ему какъ тѣ, которые говорили: «выйди отъ меня—я человѣкъ грѣшный».

— Вы искренни, и я вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ Червевъ и всталъ съ мѣста.

— Но какъ же вы теперь будете устроены?—спросила, удерживая въ своихъ рукахъ руку его, княгиня,—и она съ замѣшательствомъ стала говорить о томъ, что почла бы за счастье его успокоить у себя въ деревнѣ, но Червевъ это отклонилъ, отвѣтивъ, что онъ «всегда устроенъ».

И на этотъ разъ онъ, дѣйствительно, уже былъ устроенъ и притомъ совсѣмъ необыкновенно: посѣтившій княгиню на другой день предводитель сообщилъ ей двѣ новости:

во-первыхъ, присланное ему приглашеніе наблюдать, чтобы княгиня «воспитывала своихъ сыновей сообразно ихъ благородному происхожденію», а во-вторыхъ, извѣстіе о томъ, что Червевъ за свои «завиральныя идеи» посланъ жить подъ надзоромъ въ Бѣлые берега.

Княгиня, по словамъ Ольги Ѳедотовны, послѣ этого въ три дня постарѣла и сгорбилась больше, чѣмъ во многіе годы. Она измѣнилась и въ нравѣ: навсегда перестала шутить, никого не осуждала и часто, какъ въ мечтѣ, сама говорила съ собою:

— Лучшаго не стòимъ.

Донкихотъ, Жиго и сама Марья Николаевна утратили свои живыя роли и только имѣли по временамъ пребываніе въ Протозановскомъ домѣ. «Княгиня стала ко всѣмъ равна, и къ нимъ, какъ къ обыкновеннымъ». Ласково, но коротко. На послѣдовавшее затѣмъ вскорѣ распоряженіе доставить князей для воспитанія въ избранное учебное заведеніе въ Петербургѣ, она не возражала ни слова, но только не повезла ихъ сама, а доставила туда съ Патрикѣемъ. Въ душѣ ея что-то хрустнуло и развалилось и паденіе это было большое. Пало то, чѣмъ серьезные и умные люди больше всего дорожатъ и, обманувшись въ чемъ, объ этомъ много не разсказываютъ.

Я бы, кажется, имѣла основаніе уподобить состояніе бабушки съ состояніемъ извѣстной сверстницы Августа Саксонскаго, графини Кòзель, когда ее заключили въ замкѣ. Обѣ онѣ были женщины умныя и съ большими характерами и обѣ обречены на одиночество, и обѣ стали анализировать свою религію, но Кòзель оторвала отъ своей Библіи и выбросила въ ровъ Новый Завѣтъ, а бабушка это одно именно для себя только и выбрала и лишь это одно сохранила, и все еще добивалась, гдѣ тутъ материкъ?

Толкущему въ двери разума—дверь отворяется. Бабушка достала себѣ то, что нужнѣе всего человѣку: жизнь не раздражала ее болѣе ничѣмъ: она, какъ овца, тихо шла, не сводя глазъ съ пастушьяго посоха, на крючкѣ котораго ей свѣтилъ бѣлый цвѣтокъ съ кровавою жилкой.

Бывшіе многочисленные знакомые оставили княгиню и скоро стали ее забывать. Поводомъ къ тому послужило неизвѣстно откуда распространившееся извѣстіе, будто она «одержима черной меланхоліей», что всѣмъ представлялось

заразительнымъ и опаснымъ, въ родѣ водобоязни. Опасность отъ меланхоліи совсѣмъ иначе представлялъ себѣ Донкихотъ Рогожинъ: онъ вспомнилъ изъ читанныхъ имъ монастырскихъ исторій, какое происшествіе случилось съ медикомъ Яковомъ Несмѣяновымъ, признаннымъ за «меленхолика» и посланнымъ, въ 1744 г., въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь съ тѣмъ, чтобы съ нимъ тамъ «разговаривать и его усматривать: не имѣетъ ли въ законѣ Божіемъ сомнѣнія». Рогожинъ испугался, что и у княгини напишутъ не меланхолію, а «меленхолію» и пошлютъ княгиню куда-нибудь, чтобы ее «усматривать», — и Донкихотъ сталъ вести себя смирно и дожилъ вѣкъ въ Протозановѣ на стражѣ, съ рѣшимостію умереть, охраняя княгиню, когда это понадобится. Надобности такой онъ, однако, не дождался и умеръ своею смертію, но, кажется, онъ умѣлъ заронить сѣмя особливаго страха и боязни въ душу княгини. До этихъ поръ всегда независимая и смѣлая во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ, она блѣднѣла при одномъ напоминаніи имени Хотѣтовой и архимандрита Фотія и жаловалась Ольгѣ, что въ ней «развилась подозрительность и меланхолія». Такимъ образомъ, значитъ, общественные толки о ней оправдались, и эта смѣлая, твердая и чистая душа впала въ слабость, утратила силу быть полезною другимъ и доживала жизнь, оберегая одну свою неприкосновенность. Она стала бояться тѣхъ, которые ея боялись, и Фотій началъ являться ей во снѣ и стучать костылемъ. Ольга говорила, что бабушка, бывало, проснется и не спитъ, боясь, что онъ опять ей приснится, и цѣлые дни потомъ молчитъ и ходитъ одна съ собачкою въ темныхъ аллеяхъ сада съ такимъ печальнымъ лицомъ, на которое жалко было смотрѣть: а ночью ей опять снился Фотій и опять грозилъ костылемъ.

Конечно, она не могла говорить съ Ольгой всего, что думала, но, однако, говорила ей: «я прожила жизнь дурно и нечестиво и зато бѣгаю какъ нечестивая, можетъ быть ни единому меня гонящу. Меня барство испортило, — я ему предалась и лучшее за нимъ проглядѣла». «Лучшее», по ея теперешнимъ понятіямъ, была «истина», которая дѣлаетъ человѣка свободнымъ, и при этомъ она вспоминала о Червевѣ. А когда Ольга говорила ей: «вѣдь и вы то же самое знать изволите», она отвѣчала: «знать я изволю, а слѣдо-

вать неспособна, и оттого я хуже тѣхъ, которые не знаютъ». Ольга этого не понимала и, не зная что̀ сказать, одинъ разъ сказала: «Богъ дастъ доспѣете». Бабушка ей отвѣчала: «очень была бы рада». И радость эта была ей дарована.

У крестьянъ, отданныхъ въ приданое княжнѣ Анастасіи, были свои земли, купленныя на господское имя, какъ это тогда водилось. Функендорфъ не призналъ ихъ правъ и все посчиталъ на себя. Бабушка увидала свою ужасную ошибку и тотчасъ же освободила людей своей части на легкій выкупъ земель и все что̀ выручила отдала обиженнымъ Функендорфомъ людямъ, вознаградивъ ихъ съ излишкомъ, а сама рѣшилась жить нахлѣбницею у Марьи Николаевны. Моему отцу и дядѣ и ихъ крестьянамъ стоило немалаго труда упросить ее остаться въ ихъ домѣ и продолжать управлять ихъ имѣніемъ. Она сдалась болѣе на просьбы крестьянъ и, «чтобы имъ не было худо», осталась въ Протозановѣ «въ гостяхъ у сыновей», и жила просто, кушая вмѣстѣ съ Ольгою самое простое кушанье Ольгинаго приготовленія, ни о какихъ вопросахъ общаго государственнаго управленія не хотѣла знать и умерла спокойно, съ твердостію и даже шутила, что теперь опять ничего не боится и что Фотій на нее навѣрное больше грозиться не будетъ.

Червевъ кончалъ свое теченіе всѣхъ благополучнѣе: онъ, мимо воли своей, наконецъ сдѣлался извѣстенъ въ свѣтѣ. Несмотря на то, что къ нему никого изъ шаткихъ въ вѣрѣ людей не допускали, Патрикѣй не разъ ѣздилъ узнавать по секрету: какъ онъ томится, и всякій разъ привозилъ извѣстіе, что нѣтъ ему никакого томленія. Червевъ почиталъ себя вполнѣ благополучнымъ и счастливымъ, что не былъ лишенъ свѣта, воздуха и работы. О винѣ, за которую онъ присланъ, ничего никому не было извѣстно. Звали его «добрый бродяга». Строгость къ Червеву примѣнялась только въ томъ, что его не ставили работать вмѣстѣ съ простыми людьми изъ мірянъ. Для иноковъ же, которые были хорошо утверждены во всемъ, что имъ надобно знать, Червевъ не почитался нимало опаснымъ. Лѣтомъ онъ разбивалъ навозъ и копалъ гряды, а зимою качалъ воду изъ колодца и чистилъ коровники.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой совершенно благополучной жизни Червевъ умеръ въ коровникѣ и сдѣлалъ это такъ

скрытно, что его не досмотрѣли и упустили его напутствовать. Червевъ, однако, и тутъ не былъ безполезнымъ жильцомъ: незадолго передъ смертью онъ оказалъ обители цѣнную услугу и въ этотъ разъ явилъ себя міру со стороны до сихъ поръ неизвѣстной. Въ проѣздъ графини Хотѣтовой черезъ Бѣлые берега, она остановила свое вниманіе на чистыхъ, будто снѣгомъ натертыхъ глазахъ Червева и прочла въ нихъ сокровенный даръ пророчества. Она просила позволенія съ нимъ говорить, но въ этомъ даже и ей было отказано. Тогда она обратилась къ другому способу сношеній,—просила передать Червеву написанный ею важный вопросъ съ тѣмъ, чтобы онъ написалъ отвѣтъ, за который она обѣщала вкладъ по сту червонцевъ за слово.

Братія передала это Червеву, и онъ, ничего не писавшій со дня своего заключенія въ монастырь, сейчасъ же взялъ въ руки карандашъ и, не читая вопроса, написалъ на него отвѣтъ: «поступай какъ знаешь, все равно — будешь раскаиваться».

Могила Червева цѣла и теперь. На ней есть крестъ съ надписью: «Меѳодій Червевъ». Хотѣли-было ему надписать «рабъ Божій», но вспомнили, что онъ «бродяга» и что вообще о немъ есть что-то неизвѣстное, и не надписали.

Оглавленіе

XVII ТОМА.

стр.

Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ. Въ двухъ частяхъ.

Часть первая. - Старая княгиня и ея дворъ 5

Часть вторая.—Старое старится—молодое растетъ . . . 117

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл пр., № 29.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые въ этой книгѣ святочные разсказы написаны мною разновременно для праздничныхъ — преимущественно для рождественскихъ и новогодняхъ нумеровъ разныхъ періодическихъ изданій. Изъ этихъ разсказовъ только немногіе имѣютъ элементъ *чуднаго* — въ смыслѣ сверхчувственнаго и таинственнаго. Въ прочихъ причудливое или загадочное имѣетъ свои основанія не въ сверхъестественномъ или сверхчувственномъ, а истекаетъ изъ свойствъ русскаго духа и тѣхъ общественныхъ вѣяній, въ которыхъ для многихъ, и въ томъ числѣ для самого автора, написавшаго эти разсказы, заключается значительная доля страннаго и удивительнаго.

ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ одномъ образованномъ семействѣ сидѣли за чаемъ друзья и говорили о литературѣ — о вымыслѣ, о фабулѣ. Сожалѣли, отчего все это у насъ бѣднѣетъ и блѣднѣетъ. Я припомнилъ и разсказалъ одно характерное замѣчаніе покойнаго Писемскаго, который говорилъ, будто усматриваемое литературное оскудѣніе прежде всего связано съ размноженіемъ желѣзныхъ дорогъ, которыя очень полезны торговлѣ, но для художественной литературы вредны.

«— Теперь человѣкъ проѣзжаетъ много, но скоро и безобидно,— говорилъ Писемскій, — и оттого у него никакихъ сильныхъ впечатлѣній не набирается, и наблюдать ему нечего и некогда,—все скользитъ. Оттого и бѣдно. А бывало, какъ ѣдешь изъ Москвы въ Кострому «на долгихъ», въ общемъ тарантасѣ, или «на сдаточныхъ»,—да и ямщикъ-то тебѣ попадетъ подлецъ, да и сосѣди нахалы, да и постоялый дворникъ шельма, а «куфарка» у него неопрятнице,— такъ вѣдь сколько разнообразія насмотришься. А еще какъ сердце не вытерпитъ,—изловишь какую-нибудь гадость во щахъ, да эту «куфарку» обругаешь, а она тебя на отвѣтъ— вдесятеро изсрамитъ, такъ отъ впечатлѣній-то просто и не отдѣлаешься. И стоятъ они въ тебѣ густо, точно суточная каша прѣетъ, — ну, разумѣется, густо и въ сочиненіи выходило; а нынче все это по желѣзнодорожному — бери тарелку, не спрашивай; ѣшь — пожевать некогда; динь-динь-динь и готово: опять ѣдешь, и только всѣхъ у тебя впе-

чатлѣній, что лакей сдачей тебя обсчиталъ, а обругаться съ нимъ въ свое удовольствіе уже и некогда».

Одинъ гость на это замѣтилъ, что Писемскій оригиналенъ, но неправъ, и привелъ въ примѣръ Диккенса, который писалъ въ странѣ, гдѣ очень быстро ѣздятъ, однакоже видѣлъ и наблюдалъ много, и фабулы его разсказовъ не страдаютъ скудостію содержанія.

— Исключеніе составляютъ развѣ только одни его святочные разсказы. И они, конечно, прекрасны, но въ нихъ есть однообразіе; однако, въ этомъ винить автора нельзя, потому что это такой родъ литературы, въ которомъ писатель чувствуетъ себя невольникомъ слишкомъ тѣсной и правильно ограниченной формы. Отъ святочнаго разсказа непремѣнно требуется, чтобы онъ былъ пріуроченъ къ событіямъ святочнаго вечера — отъ Рождества до Крещенья, чтобы онъ былъ сколько-нибудь фантастиченъ, имѣлъ какую-нибудь мораль, хотя въ родѣ опроверженія вреднаго предразсудка, и наконецъ — чтобы онъ оканчивался непремѣнно весело. Въ жизни такихъ событій бываетъ немного, и потому авторъ неволитъ себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую къ программѣ. А черезъ это въ святочныхъ разсказахъ и замѣчается большая дѣланность и однообразіе.

— Ну, я не совсѣмъ съ вами согласенъ,—отвѣчалъ третій гость, почтенный человѣкъ, который часто умѣлъ сказать слово кстати. Потому намъ всѣмъ и захотѣлось его слушать.

— Я думаю, — продолжалъ онъ: — что и святочный разсказъ, находясь въ своихъ его рамкахъ, все-таки можетъ видоизмѣняться и представлять любопытное разнообразіе, отражая въ себѣ и свое время, и нравы.

— Но чѣмъ же вы можете доказать ваше мнѣніе? Чтобы оно было убѣдительно, надо, чтобы вы намъ показали такое событіе изъ современной жизни русскаго общества, гдѣ отразился бы и вѣкъ, и современный человѣкъ, и между тѣмъ все бы это отвѣчало формѣ и программѣ святочнаго разсказа, то-есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предразсудокъ, и имѣло бы не грустное, а веселое окончаніе.

— А что же, я могу вамъ представить такой разсказъ, если хотите.

— Сдѣлайте одолженіе! Но только помните, что онъ долженъ быть *истинное происшествіе!*

— О, будьте увѣрены, я разскажу вамъ происшествіе самое истиннѣйшее и притомъ о лицахъ мнѣ очень дорогихъ и близкихъ. Дѣло касается моего родного брата, который, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, хорошо служитъ и пользуется вполнѣ имъ заслуженною доброю репутаціею.

Всѣ подтвердили, что это правда, и многіе добавили, что братъ разсказчика, дѣйствительно, достойный и прекрасный человѣкъ.

— Да,—отвѣчалъ тотъ:—вотъ я и поведу рѣчь объ этомъ, какъ вы говорите, прекрасномъ человѣкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Назадъ тому три года братъ пріѣхалъ ко мнѣ на святки изъ провинціи, гдѣ онъ тогда служилъ, и точно его какая муха укусила—приступилъ ко мнѣ и къ моей женѣ съ неотступною просьбою: «жените меня».

Мы сначала думали, что онъ шутитъ, но онъ серьезно и не съ короткимъ пристаетъ: «жените, сдѣлайте милость! Спасите меня отъ невыносимой скуки одиночества! Опостылѣла холостая жизнь, надоѣли сплетни и вздоры провинціи,—хочу имѣть свой очагъ, хочу сидѣть вечеромъ съ дорогою женою у своей лампы. Жените!»

— Ну, да постой же, говоримъ, — все это прекрасно и пусть будетъ по-твоему, — Господь тебя благослови, — женись, но вѣдь надобно же время, надо имѣть въ виду хорошую дѣвушку, которая бы пришлась тебѣ по сердцу и чтобы ты тоже нашелъ у нея къ себѣ расположеніе. На все это надо время.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что же, времени довольно: двѣ недѣли святокъ вѣнчаться нельзя, — вы меня въ это время сосватайте, а на Крещенье, вечеркомъ, мы обвѣнчаемся и уѣдемъ.

— Э, говорю, — да ты, любезный мой, должно-быть, немножко съ ума сошелъ отъ скуки. (Слова «психопатъ» тогда еще не было у насъ въ употребленіи). Мнѣ, говорю, съ тобой дурачиться некогда, я сейчасъ въ судъ на службу иду, а ты вотъ тутъ оставайся съ моей женою и фантазируй.

Думалъ, что все это, разумѣется, пустяки или, по край-

ней мѣрѣ, что это затѣя очень далекая отъ исполненія, а между тѣмъ возвращаюсь къ обѣду домой и вижу, что у нихъ уже дѣло созрѣло.

Жена говоритъ мнѣ:

— У насъ была Машенька Васильева, просила меня съѣздить съ нею выбрать ей платье, и пока я одѣвалась, они (т. е. братъ мой и эта дѣвица) посидѣли за чаемъ, и братъ говоритъ: «Вотъ прекрасная дѣвушка! Что̀ тамъ еще много выбирать,—жените меня на ней!»

Я отвѣчаю женѣ:

— Теперь я вижу, что братъ въ самомъ дѣлѣ одурѣлъ.

— Нѣтъ, позволь,—отвѣчаетъ жена:—отчего же это непремѣнно «одурѣлъ»? Зачѣмъ же отрицать то, что̀ ты самъ всегда уважалъ?

— Что̀ это такое я уважалъ?

— Безотчетныя симпатіи, влеченія сердца.

— Ну, говорю, — матушка, меня на это не поддѣнешь. Все это хорошо во̀-время и кстати, хорошо, когда эти влеченія вытекаютъ изъ чего-нибудь ясно сознаннаго, изъ признанія видимыхъ превосходствъ души и сердца, а это—что такое... въ одну минуту увидѣлъ и готовъ обрѣшетиться на всю жизнь.

— Да, а ты что же имѣешь противъ Машеньки? — она именно такая и есть, какъ ты говоришь,—дѣвушка яснаго ума, благороднаго характера и прекраснаго и вѣрнаго сердца. Притомъ и онъ ей очень понравился.

— Какъ! воскликнулъ я, — такъ это ты ужъ и съ ея стороны успѣла заручиться признаніемъ?

— Признаніе, отвѣчаетъ, не признаніе, а развѣ это не видно? Любовь вѣдь это по нашему женскому вѣдомству,— мы ее замѣчаемъ и видимъ въ самомъ зародышѣ.

— Вы, говорю, — всѣ очень противныя свахи: вамъ бы только кого-нибудь женить, а тамъ что̀ изъ этого выйдетъ,— это до васъ не касается. Побойся послѣдствій твоего легкомыслія.

— А я ничего, говоритъ,—не боюсь, потому что я ихъ обоихъ знаю, и знаю, что братъ твой — прекрасный человѣкъ, и Маша—премилая дѣвушка, и они какъ дали слово заботиться о счастьѣ другъ друга, такъ это и исполнятъ.

— Какъ! закричалъ я, себя не помня,—они уже и слово другъ другу дали?

— Да,—отвѣчаетъ жена:—это было пока иносказательно, но понятно. Ихъ вкусы и стремленія сходятся, и я вечеромъ поѣду съ твоимъ братомъ къ нимъ,—онъ навѣрно понравится старикамъ, и потомъ...

— Что же, что потомъ?

— Потомъ, — пускай какъ знаютъ; ты только не мѣшайся.

— Хорошо, говорю, — хорошо, очень радъ въ подобную глупость не мѣшаться.

— Глупости никакой не будетъ.

— Прекрасно.

— А будетъ все очень хорошо: они будутъ счастливы!

— Очень радъ! Только не мѣшаетъ, говорю, — моему братцу и тебѣ знать и помнить, что отецъ Машеньки всѣмъ извѣстный богатый сквалыжникъ.

— Что же изъ этого? Я этого, къ сожалѣнію, и не могу оспаривать, но это нимало не мѣшаетъ Машенькѣ быть прекрасною дѣвушкой, изъ которой выйдетъ прекрасная жена. Ты вѣрно забылъ то, надъ чѣмъ мы съ тобою не разъ останавливались: вспомни, что у Тургенева — всѣ его лучшія женщины, какъ на подборъ, имѣли очень не почтенныхъ родителей.

— Я совсѣмъ не о томъ говорю. Машенька, дѣйствительно, превосходная дѣвушка, а отецъ ея, выдавая замужъ двухъ старшихъ ея сестеръ, обоихъ зятьевъ обманулъ и ничего не далъ,—и Машѣ ничего не дастъ.

— Почемъ это знать? Онъ ее больше всѣхъ любитъ.

— Ну, матушка, держи карманъ шире: знаемъ мы, что такое ихъ «особенная» любовь къ дѣвушкѣ, которая на выходѣ. Всѣхъ обманетъ! Да ему и не обмануть нельзя,— онъ на томъ стоитъ, и состоянію-то своему, говорятъ, тѣмъ начало положилъ, что деньги въ большой ростъ подъ залоги давалъ. У такого-то человѣка вы захотѣли любви и великодушія доискаться. А я вамъ то скажу, что первые его два зятя оба сами пройды, и если онъ ихъ надулъ и они теперь всѣ во враждѣ съ нимъ, то ужъ моего братца, который съ дѣтства страдалъ самою утрированною деликатностію, онъ и подавно оставитъ на бобахъ.

— То-есть какъ это, говоритъ,—на бобахъ?

— Ну, матушка, это ты дурачишься.

— Нѣтъ, не дурачусь.

— Да развѣ ты не знаешь, что̀ такое значитъ «оставить на бобахъ»? Ничего не дастъ Машенькѣ,—вотъ и вся недолга̀.

— Ахъ, вотъ это-то!

— Ну, конечно.

— Конечно, конечно! Это быть можетъ, но только я, говоритъ,—никогда не думала, что по-твоему—получить путную жену, хотя бы и безъ приданаго,— это называется «остаться на бобахъ».

Знаете милую женскую привычку и логику: сейчасъ—въ чужой огородъ, а вамъ, по сосѣдству, шпильку въ бокъ...

— Я говорю вовсе не о себѣ...

— Нѣтъ, отчего же?..

— Ну, это странно, ma chère!

— Да отчего же странно?

— Оттого странно, что я этого на свой счетъ не говорилъ.

— Ну, думалъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ и не думалъ.

— Ну, воображалъ.

— Да, нѣтъ же, чортъ возьми, ничего я не воображалъ!

— Да чего же ты кричишь?!

— Я не кричу!

— И «черти»... «чортъ»... Что̀ это такое?

— Да потому, что ты меня изъ терпѣнія выводишь.

— Ну, вотъ то-то и есть! А если бы я была богата и принесла съ собою тебѣ приданое...

— Э-ге-ге!..

Этого уже я не выдержалъ и, по выраженію покойнаго поэта Толстого, «начавъ — какъ богъ, окончилъ — какъ свинья». Я принялъ обиженный видъ, — потому, что и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя несправедливо обиженнымъ,— и, покачавъ головою, повернулся и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Но, затворяя за собою дверь, почувствовалъ неодолимую жажду отмщенія,—снова отворилъ дверь и сказалъ:

— Это свинство!

А она отвѣчаетъ:

— Merci, мой милый мужъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Чортъ знаетъ, что̀ за сцена! И не забудьте — это послѣ четырехъ лѣтъ самой счастливой и ничѣмъ ни на

минуту не возмущенной супружеской жизни!.. Досадно, обидно—и непереносно! Что̀ за вздоръ такой. И изъ-за чего!.. Все это набаламутилъ братъ. И что мнѣ такое, что я такъ кипячусь и волнуюсь! Вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ взрослый и не въ правѣ ли онъ самъ обсудить, какая особа ему нравится и на комъ ему жениться?.. Господи, въ этомъ сыну родному нынче не укажешь, а то чтобы еще братъ брата долженъ былъ слушаться... Да и по какому, наконецъ, праву?.. И могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, быть такимъ провидцемъ, чтобы утвердительно предсказывать, какое сватовство чѣмъ кончится?.. Машенька, дѣйствительно, превосходная дѣвушка, а моя жена развѣ не прелестная женщина?.. Да и меня, слава Богу, никто негодяемъ не называлъ, а между тѣмъ вотъ мы съ нею, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой, ни на минуту ничѣмъ не смущенной жизни, теперь разбранились какъ портной съ портнихой... И все изъ-за пустяковъ, изъ-за чужой шутовской прихоти..

Мнѣ стало ужасно совѣстно передъ собою и ужасно ее жалко, потому что я ея слова уже считалъ ни во что, а за все винилъ себя, и въ такомъ грустномъ и недовольномъ настроеніи уснулъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ, закутавшись въ мягкій ватный халатъ, выстеганный мнѣ собственными руками моей милой жены...

Подкупающая это вещь—носильное удобное платье, сработанное мужу жениными руками! Такъ оно хорошо, такъ мило и такъ во̀-время и не во̀-время напоминаетъ и наши вины, и тѣ драгоцѣнныя ручки, которыя вдругъ захочется расцѣловать и просить въ чемъ-то прощенія.

— Прости меня, мой ангелъ, что ты меня, наконецъ, вывела изъ терпѣнія. Я впередъ не буду.

И мнѣ, признаться, до того захотѣлось поскорѣе идти съ этой просьбой, что я проснулся, всталъ и вышелъ изъ кабинета.

Смотрю—въ домѣ вездѣ темно и тихо.

Спрашиваю горничную:

— Гдѣ же барыня?

— А онѣ, отвѣчаетъ, — уѣхали съ вашимъ братцемъ къ Марьи Николаевны отцу. Я вамъ сейчасъ чай приготовлю.

«Какова! думаю, — значитъ, она своего упорства не оставляетъ,—она таки хочетъ женить брата на Машенькѣ... Ну, пусть ихъ дѣлаютъ, какъ знаютъ, и пусть ихъ Ма-

шенькинъ отецъ надуетъ, какъ онъ надулъ своихъ старшихъ зятьевъ. Да даже еще и болѣе, потому что тѣ сами жохи, а мой братъ,—воплощенная честность и деликатность. Тѣмъ лучше, — пусть онъ ихъ надуетъ, — и брата, и мою жену. Пусть она обожжется на первомъ урокѣ, какъ людей сватать».

Я получилъ изъ рукъ горничной стаканъ чаю и усѣлся читать дѣло, которое завтра начиналось у насъ въ судѣ и представляло для меня не мало трудностей.

Занятіе это увлекло меня далеко за полночь, а жена моя съ братомъ возвратились въ два часа и оба превеселые.

Жена говоритъ мнѣ:

— Не хочешь ли холоднаго ростбифа и стаканъ воды съ виномъ? А мы у Васильевыхъ ужинали.

— Нѣтъ, говорю,—покорно благодарю.

— Николай Ивановичъ расщедрился и отлично насъ покормилъ.

— Вотъ какъ.

— Да, — мы превесело провели время, и шампанское пили.

— Счастливцы! говорю, — а самъ думаю: значитъ, эта бестія, Николай Ивановичъ, сразу раскусилъ, что за теленокъ мой братъ, и далъ ему пойла недаромъ. Теперь онъ его будетъ ласкать, пока тамъ жениховскій рученецъ кончится, а потомъ—быть бычку на обрывочку.

А чувства мои противъ жены снова озлобились, и я не сталъ просить у нея прощенья въ своей невинности. И даже, если бы я былъ свободенъ и имѣлъ досугъ вникать во всѣ перипетіи затѣянной ими любовной игры, то не удивительно было бъ, что я снова не вытерпѣлъ бы, во что-нибудь вмѣшался, и мы дошли бы до какой-нибудь психозы; но, по счастію, мнѣ было некогда. Дѣло, о которомъ я вамъ говорилъ, заняло насъ на судѣ такъ, что мы съ нимъ не чаяли освободиться и къ празднику, а потому я домой являлся только поѣсть да выспаться, а всѣ дни и часть ночей проводилъ предъ алтаремъ Ѳемиды.

А дома у меня дѣла не ждали, и когда я подъ самый сочельникъ явился подъ свой кровъ, довольный тѣмъ, что освободился отъ судебныхъ занятій, меня встрѣтили тѣмъ, что пригласили осмотрѣть роскошную корзину съ дорогими подарками, подносимыми Машенькѣ моимъ братомъ.

— Это что же такое?

— А это дары жениха невѣстѣ,—объяснила мнѣ моя жена.

— Ага! такъ вотъ уже какъ! Поздравляю.

— Какъ же! Твой братъ не хотѣлъ дѣлать формальнаго предложенія, не переговоривъ еще разъ съ тобою, но онъ спѣшитъ своей свадьбой, а ты какъ на зло сидѣлъ все въ своемъ противномъ судѣ. Ждать было невозможно, и они помолвлены.

— Да и прекрасно, говорю,—незачѣмъ было меня и ждать.

— Ты, кажется, остришь?

— Нисколько я не острю.

— Или иронизируешь?

— И не иронизирую.

— Да это было бы и напрасно, потому что, несмотря на все твое карканье, они будутъ пресчастливы.

— Конечно, говорю,—ужъ если ты ручаешься, то будутъ... Есть такая пословица: «кто думаетъ три дни, тотъ выберетъ злыдни». Не выбирать—вѣрнѣе.

— А что же,—отвѣчаетъ моя жена, закрывая корзинку съ дарами:—вѣдь это вы думаете, будто вы насъ выбираете, а въ существѣ, вѣдь, все это вздоръ.

— Почему же это вздоръ? Надѣюсь, не дѣвушки выбираютъ жениховъ, а женихи къ дѣвушкамъ сватаются.

— Да, сватаются—это правда, но выбора, какъ осмотрительнаго или разсудительнаго дѣла, никогда не бываетъ.

Я покачалъ головою и говорю:

— Ты бы подумала о томъ, что ты такое говоришь. Я вотъ тебя, напримѣръ, выбралъ—именно изъ уваженія къ тебѣ и сознавая твои достоинства.

— И врешь.

— Какъ вру?!

— Врешь,—потому что ты выбралъ меня совсѣмъ не за достоинства.

— А за что же?

— За то, что я тебѣ понравилась.

— Какъ, ты даже отрицаешь въ себѣ достоинства!

— Нимало,—достоинства во мнѣ есть, а ты все-таки на мнѣ не женился бы, если бы я тебѣ не понравилась.

Я чувствовалъ, что она говоритъ правду.

— Однакоже, говорю,—я цѣлый годъ ждалъ и ходилъ къ вамъ въ домъ. Для чего же я это дѣлалъ?

— Чтобы смотрѣть на меня.

— Неправда, — я изучалъ твой характеръ.

Жена расхохоталась.

— Что за пустой смѣхъ!

— Нисколько не пустой. Ты ничего, мой другъ, во мнѣ не изучалъ и изучать не могъ.

— Это почему?

— Сказать?

— Сдѣлай милость, скажи!

— Потому, что ты былъ въ меня влюбленъ.

— Пусть такъ, но это мнѣ не мѣшало видѣть твои душевныя свойства.

— Мѣшало.

— Нѣтъ, не мѣшало.

— Мѣшало, и всегда всякому будетъ мѣшать, а потому это долгое изученіе и безполезно. Вы думаете, что, влюбившись въ женщину, вы на *нее смотрите съ разсужденіемъ*, а на самомъ дѣлѣ вы только *глазѣете съ воображеніемъ*.

— Ну... однако, говорю, — ты ужъ это какъ-то... очень реально.

А самъ думаю: вѣдь это правда!

А жена говоритъ:

— Полно думать, — худа не вышло, а теперь переодѣвайся скорѣе и поѣдемъ къ Машенькѣ: мы сегодня у нихъ встрѣчаемъ Рождество, и ты долженъ принести ей и брату свое поздравленіе.

— Очень радъ, говорю. И поѣхали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тамъ было подношеніе даровъ и принесеніе поздравленій, и всѣ мы порядочно упились веселымъ нектаромъ Шампани.

Думать и разговаривать или отговаривать было уже некогда. Оставалось только поддерживать во всѣхъ вѣру въ счастье, ожидающее обрученныхъ, и пить шампанское. Въ этомъ и проходили дни и ночи то у насъ, то у родителей невѣсты.

Въ этакомъ настроеніи долго ли время тянется?

Не успѣли мы оглянуться, какъ уже налетѣлъ и канунъ новаго года. Ожиданія радостей усиливаются. Свѣтъ цѣлый

желаетъ радостей,—и мы отъ людей не отстали. Встрѣтили мы новый годъ опять у Машенькиныхъ родныхъ съ такимъ, какъ дѣды наши говорили, «мочимордіемъ», что оправдали дѣдовское реченіе: «Руси есть веселіе пити». Одно было не въ порядкѣ. Машенькинъ отецъ о приданомъ молчалъ, но зато сдѣлалъ дочери престранный и, какъ потомъ я понялъ, совершенно непозволительный и зловѣщій подарокъ. Онъ самъ надѣлъ на нее при всѣхъ за ужиномъ богатое жемчужное ожерелье... Мы, мужчины, взглянувъ на эту вещь, даже подумали «очень хорошо».

— Ого-го, молъ,—сколько это должно стоить? Вѣроятно, такая штучка припасена съ оныхъ давнихъ, благихъ дней, когда богатые люди изъ знати еще въ ломбарды вещей не посылали, а при большой нуждѣ въ деньгахъ охотнѣе ввѣряли свои цѣнности тайнымъ ростовщикамъ въ родѣ Машенькинаго отца.

Жемчугъ крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притомъ ожерелье сдѣлано въ старомъ вкусѣ, что называлось рефидью, ряснами, — назади начато небольшимъ, но самымъ скатнымъ кафимскимъ зерномъ, а потомъ все крупнѣй и крупнѣе бурмицкое и наконецъ, что̀ далѣе книзу, то пошли какъ бобы, и въ самой серединѣ три черные перла поражающей величины и самаго лучшаго блеска. Прекрасный цѣнный даръ совсѣмъ затмевалъ сконфуженные передъ нимъ дары моего брата. Словомъ сказать, — мы, грубые мужчины, всѣ находили отцовскій подарокъ Машенькѣ прекраснымъ, и намъ понравилось также и слово, произнесенное старикомъ при подачѣ ожерелья. Отецъ Машеньки, подавъ ей эту драгоцѣнность, сказалъ: — «Вотъ тебѣ, доченька, штучка съ наговоромъ: ее никогда ни тля не истлитъ, ни воръ не украдетъ, а если и украдетъ, то не обрадуется. Это вѣчное».

Но у женщинъ вѣдь на все свои точки зрѣнія, и Машенька, получивъ ожерелье, заплакала, а жена моя не выдержала и, улучивъ удобную минуту, даже сдѣлала Николаю Ивановичу у окна выговоръ, который онъ по праву родства выслушалъ. Выговоръ ему за подарокъ жемчуга слѣдовалъ потому, что жемчугъ знаменуетъ и предвѣщаетъ *слезы*. А потому жемчугъ никогда для новогоднихъ подарковъ не употребляется.

Николай Ивановичъ, впрочемъ, ловко отшутился.

— Это, говоритъ, — во-первыхъ, пустые предразсудки и если кто-нибудь можетъ подарить мнѣ жемчужину, которую княгиня Юсупова купила у Горгубуса, то я ее сейчасъ возьму. Я, сударыня, тоже въ свое время эти тонкости проходилъ и знаю, чего нельзя дарить. Дѣвушкѣ нельзя дарить бирюзы, потому что бирюза, по понятіямъ персовъ, есть кости людей, умершихъ отъ любви, а замужнимъ дамамъ нельзя дарить аметиста avec flèches d'Amour, но тѣмъ не менѣе я пробовалъ дарить такіе аметисты, и дамы брали...

Моя жена улыбнулась. А онъ говоритъ:

— Я и вамъ попробую подарить. А что касается жемчуга, то надо знать, что жемчугъ жемчугу рознь. Не всякій жемчугъ добывается со слезами. Есть жемчугъ персидскій, есть изъ Краснаго моря, а есть перлы изъ тихихъ водъ—d'eau douce, тотъ безъ слезы берутъ. Сентиментальная Марія Стюартъ только такой и носила perle d'eau douce изъ шотландскихъ рѣкъ, но онъ ей не принесъ счастья. Я знаю, что надо дарить,—то я и дарю моей дочери, а вы ее пугаете. За это я вамъ не подарю ничего avec flèches d'Amour, а подарю вамъ хладнокровный «лунный камень». Но ты, мое дитя, не плачь, и выбрось изъ головы, что мой жемчугъ приноситъ слезы. Это не такой. Я тебѣ на другой день твоей свадьбы открою тайну этого жемчуга, и ты увидишь, что тебѣ никакихъ предразсудковъ бояться нечего...

Такъ это и успокоилось, и брата съ Маненькой послѣ Крещенья перевѣнчали, а на слѣдующій день мы съ женою поѣхали навѣстить молодыхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы застали ихъ вставшими и въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Братъ самъ открылъ намъ двери помѣщенія, взятаго имъ для себя, ко дню свадьбы, въ гостинницѣ, встрѣтилъ насъ весь сіяя и покатываясь со смѣху.

Мнѣ это напомнило одинъ старый романъ, гдѣ новобрачный сошелъ съ ума отъ счастья, и я это брату замѣтилъ, а онъ отвѣчаетъ:

— А что ты думаешь, вѣдь со мною въ самомъ дѣлѣ произошелъ такой случай, что возможно своему уму не вѣрить. Семейная жизнь моя, начавшаяся сегодняшнимъ

днемъ, принесла мнѣ не только ожиданныя радости отъ моей милой жены, но также неожиданное благополучіе отъ тестя.

— Что же такое еще съ тобою случилось?

— А вотъ входите, я вамъ разскажу.

Жена мнѣ шепчетъ:

— Вѣрно старый негодяй ихъ надулъ.

Я отвѣчаю:

— Это не мое дѣло.

Входимъ, а братъ подаетъ намъ открытое письмо, полученное на ихъ имя рано по городской почтѣ, и въ письмѣ читаемъ слѣдующее:

«Предразсудокъ насчетъ жемчуга ничѣмъ вамъ угрожать не можетъ: этотъ жемчугъ *фальшивый*».

Жена моя такъ и сѣла.

— Вотъ, говоритъ,—негодяй!

Но братъ ей показалъ головою въ ту сторону, гдѣ Машенька дѣлала въ спальнѣ свой туалетъ, и говоритъ:

— Ты неправа: старикъ поступилъ очень честно. Я получилъ это письмо, прочелъ его и разсмѣялся... Что же мнѣ тутъ печальнаго? Я вѣдь приданаго не искалъ и не просилъ, я искалъ одну жену, стало-быть мнѣ никакого огорченія въ томъ нѣтъ, что жемчугъ въ ожерельѣ не настоящій, а фальшивый. Пусть это ожерелье стоитъ не тридцать тысячъ, а просто триста рублей,—не все ли равно для меня, лишь бы жена моя была счастлива... Одно только меня озабочивало, какъ это сообщить Машѣ? Надъ этимъ я задумался и сѣлъ, оборотясь лицомъ къ окну, а того не замѣтилъ, что дверь забылъ запереть. Черезъ нѣсколько минутъ оборачиваюсь и вдругъ вижу, что у меня за спиною стоитъ тесть и держитъ что-то въ рукѣ въ платочкѣ.

— Здравствуй, говоритъ, —зятюшка!

Я вскочилъ, обнялъ его и говорю:

— Вотъ это мило! мы должны были къ вамъ черезъ часъ ѣхать, а вы сами... Это противъ всѣхъ обычаевъ... мило и дорого.

— Ну, что, отвѣчаетъ,—за счеты! Мы свои. Я былъ у обѣдни,—помолился за васъ и вотъ просвиру вамъ привезъ.

Я его опять обнялъ и поцѣловалъ.

— А ты письмо мое получилъ?—спрашиваетъ.

— Какъ же, говорю,—получилъ.

И я самъ разсмѣялся.

Онъ смотритъ.

— Чего же, говоритъ,— ты смѣешься?

— А что же мнѣ дѣлать? Это очень забавно.

— Забавно?

— Да какъ же.

— А ты подай-ка мнѣ жемчугъ.

Ожерелье лежало тутъ же на столѣ въ футлярѣ, — я его и подалъ.

— Есть у тебя увеличительное стекло?

Я говорю:—нѣтъ.

— Если такъ, то у меня есть. Я по старой привычкѣ всегда его при себѣ имѣю. Изволь смотрѣть на замокъ подъ собачку.

— Для чего мнѣ смотрѣть?

— Нѣтъ, ты посмотри. Ты, можетъ-быть, думаешь, что я тебя обманулъ.

— Вовсе не думаю.

— Нѣтъ,—смотри, смотри!

Я взялъ стекло и вижу: на замкѣ, на самомъ скрытномъ мѣстѣ, микроскопическая надпись французскими буквами: «Бургильонъ».

— Убѣдился, говоритъ, — что это дѣйствительно жемчугъ *фальшивый?*

— Вижу.

— И что же ты мнѣ теперь скажешь?

— То же самое, что и прежде. То-есть: это до меня не касается, и васъ только буду объ одномъ просить...

— Проси, проси!

— Позвольте не говорить объ этомъ Машѣ.

— Это для чего?

— Такъ...

— Нѣтъ, въ какихъ именно цѣляхъ? Ты не хочешь ее огорчить?

— Да,—это между прочимъ.

— А еще что?

— А еще то, что я не хочу, чтобы въ ея сердцѣ хоть что-нибудь шевельнулось противъ отца.

— Противъ отца?

— Да.

— Ну, для отца она теперь уже отрѣзанный ломоть, который къ короваю не пристанетъ, а ей главное—мужъ...

— Никогда, говорю,—сердце не заѣзжій дворъ: въ немъ тѣсно не бываетъ. Къ отцу одна любовь, а къ мужу—другая, и кромѣ того... мужъ, который желаетъ быть счастливъ, обязанъ заботиться, чтобы онъ могъ уважать свою жену, а для этого онъ долженъ беречь ея любовь и почтеніе къ родителямъ.

— Ага! Вотъ ты какой практикъ!

И сталъ молча пальцами по табуреткѣ барабанить, а потомъ всталъ и говоритъ:

— Я, любезный зять, наживалъ состояніе своими трудами, но очень разными средствами. Съ высокой точки зрѣнія они, можетъ-быть, не всѣ очень похвальны, но такое мое время было, да я и не умѣлъ наживать иначе. Въ людей я не очень вѣрю, и про любовь только въ романахъ слыхалъ, какъ читаютъ, а на дѣлѣ я все видѣлъ, что всѣ денегъ хотятъ. Двумъ зятьямъ я денегъ не далъ, и вышло вѣрно: они на меня злы и женъ своихъ ко мнѣ не пускаютъ. Не знаю, кто изъ насъ благороднѣе, — они или я? Я денегъ имъ не даю, а они живыя сердца портятъ. А я имъ денегъ не дамъ, а вотъ тебѣ возьму да и дамъ! Да! И вотъ, даже сейчасъ дамъ!—И вотъ извольте смотрѣть!

Братъ показалъ намъ три билета по пятидесяти тысячъ рублей.

— Неужели, говорю,—все это твоей женѣ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, — онъ Машѣ далъ пятьдесятъ тысячъ, а я ему говорю:

— Знаете, Николай Ивановичъ, это будетъ щекотливо... Машѣ будетъ неловко, что она получитъ отъ васъ приданое, а сестры ея — нѣтъ... Это непремѣнно вызоветъ у сестеръ къ ней зависть и непріязнь... Нѣтъ, Богъ съ ними, — оставьте у себя эти деньги и... когда-нибудь, когда благопріятный случай примиритъ васъ съ другими дочерьми, тогда вы дадите *всѣмъ* поровну. И вотъ тогда это принесетъ всѣмъ намъ радость... А однимъ намъ... *не надо!*

Онъ опять всталъ, опять прошелся по комнатѣ и, остановясь противъ двери спальни, крикнулъ:

— Марья!

Маша уже была въ пеньюарѣ и вышла.

— Поздравляю, говоритъ,—тебя.

Она поцѣловала его руку.

— А счастлива быть хочешь?

— Конечно, хочу, папа, и... надѣюсь.

— Хорошо... Ты себѣ, братъ, хорошаго мужа выбрала!

— Я, папа, не выбирала. Мнѣ его Богъ далъ.

— Хорошо, хорошо. Богъ далъ, а я *придамъ*: я тебѣ хочу прибавить счастья. Вотъ три билета, всѣ равные. Одинъ тебѣ, а два твоимъ сестрамъ. Раздай имъ сама — скажи, что *ты нашла*...

— Папа!

Маша бросилась ему сначала на шею, а потомъ вдругъ опустилась на землю и обняла, радостно плача, его колѣна. Смотрю — и онъ заплакалъ.

— Встань, встань! говоритъ. — Ты нынче по народному слову «княгиня», — тебѣ неприлично въ землю мнѣ кланяться.

— Но я такъ счастлива... за сестеръ!..

— То-то и есть... И я счастливъ!.. Теперь можешь видѣть, что нечего тебѣ было бояться жемчужнаго ожерелья. Я пришелъ тебѣ тайну открыть: подаренный мною тебѣ *жемчугъ фальшивый*, меня имъ давно сердечный пріятель надулъ, — да вѣдь какой, — не простой, а слитый изъ Рюриковичей и Гедиминовичей. А вотъ у тебя мужъ простой души, да *истинной*: такого надуть невозможно, — душа не стерпитъ!

— Вотъ вамъ весь мой разсказъ, — заключилъ собесѣдникъ: — и я, право, думаю, что, несмотря на его современное происхожденіе и на его невымышленность, онъ отвѣчаетъ и программѣ, и формѣ традиціоннаго святочнаго разсказа.

НЕРАЗМѢННЫЙ РУБЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Есть повѣрье, будто волшебными средствами можно получить неразмѣнный рубль, т. е. такой рубль, который, сколько разъ его ни выдавай, онъ все-таки опять является цѣлымъ въ карманѣ. Но для того, чтобы добыть такой рубль, нужно претерпѣть большіе страхи. Всѣхъ ихъ я не помню, но знаю, что, между прочимъ, надо взять черную безъ одной отмѣтины кошку и нести ее продавать рождественскою ночью на перекрестокъ четырехъ дорогъ, изъ которыхъ притомъ одна непремѣнно должна вести къ кладбищу.

Здѣсь надо стать, пожать кошку посильнѣе, такъ, чтобы она *замяукала*, и зажмурить глаза. Все это надо сдѣлать за нѣсколько минутъ передъ полночью, а въ самую полночь придетъ кто-то и станетъ торговать кошку. Покупщикъ будетъ давать за бѣднаго звѣрька очень много денегъ, но продавецъ долженъ требовать непремѣнно только *рубль*, — ни больше, ни меньше какъ одинъ серебряный рубль. Покупщикъ будетъ навязывать болѣе, но надо настойчиво требовать рубль, и когда, наконецъ, этотъ рубль будетъ данъ, тогда его надо положить въ карманъ и держать рукою, а самому уходить какъ можно скорѣе и не оглядываться. Этотъ рубль и есть неразмѣнный или безрасходный,—то-есть сколько ни отдавайте его въ уплату за что-нибудь, — онъ все-таки опять является въ карманѣ. Чтобы заплатить, напримѣръ, сто рублей, надо только сто разъ опустить руку въ карманъ и оттуда всякій разъ вынуть рубль.

Конечно, это повѣрье пустое и нестаточное; но есть простые люди, которые склонны вѣрить, что неразмѣнные рубли дѣйствительно можно добывать. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, и я тоже этому вѣрилъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разъ, во время моего дѣтства, няня, укладывая меня спать въ рождественскую ночь, сказала, что у насъ теперь на деревнѣ очень многіе не спятъ, а гадаютъ, рядятся, ворожатъ и, между прочимъ, добываютъ себѣ «неразмѣнный рубль». Она распространилась на тотъ счетъ, что людямъ, которые пошли добывать неразмѣнный рубль, теперь всѣхъ страшнѣе, потому что они должны лицомъ къ лицу встрѣтиться съ дьяволомъ на далекомъ распутьѣ и торговаться съ нимъ за черную кошку; но зато ихъ ждутъ и самыя большія радости... Сколько можно накупить прекрасныхъ вещей за безпереводный рубль! Что бы я надѣлалъ, если бы мнѣ попался такой рубль! Мнѣ тогда было всего лѣтъ восемь, но я уже побывалъ въ своей жизни въ Орлѣ и въ Кромахъ и зналъ нѣкоторыя превосходныя произведенія русскаго искусства, привозимыя купцами къ нашей приходской церкви на рождественскую ярмарку.

Я зналъ, что на свѣтѣ бываютъ пряники желтые, съ патокою, и бѣлые пряники — съ мятой, бываютъ столбики и сосульки, бываетъ такое лакомство, которое называется «рѣзь», или лапша, или еще проще — «шмотья», бываютъ орѣхи простые и каленые; а для богатаго кармана привозятъ и изюмъ, и финики. Кромѣ того, я видалъ картины съ генералами и множество другихъ вещей, которыхъ я не могъ всѣхъ перекупить, потому что мнѣ давали на мои расходы простой серебряный рубль, а не безпереводный. Но няня нагнулась надо мною и прошептала, что нынче это будетъ иначе, потому что безпереводный рубль есть у моей бабушки, и она рѣшила подарить его мнѣ, но только я долженъ быть очень остороженъ, чтобы не лишиться этой чудесной монеты, потому что она имѣетъ одно волшебное, очень капризное свойство.

— Какое?—спросилъ я.

— А это тебѣ скажетъ бабушка. Ты спи, а завтра, какъ проснешься, бабушка принесетъ тебѣ неразмѣнный рубль и скажетъ, какъ надо съ нимъ обращаться.

Обольщенный этимъ обѣщаніемъ, я постарался заснуть въ ту же минуту, чтобы ожиданіе неразмѣннаго рубля не было томительно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Няня меня не обманула: ночь пролетѣла какъ краткое мгновеніе, котораго я и не замѣтилъ, и бабушка уже стояла надъ моею кроваткою въ своемъ большомъ чепцѣ съ рюшевыми мармотками и держала въ своихъ бѣлыхъ рукахъ новенькую, чистую серебряную монету, отбитую въ самомъ полномъ и превосходномъ калибрѣ.

— Ну, вотъ тебѣ безпереводный рубль,—сказала она. — Бери его и поѣзжай въ церковь. Послѣ обѣдни мы, старики, зайдемъ къ батюшкѣ, отцу Василію, пить чай, а ты одинъ, — совершенно одинъ, — можешь идти на ярмарку и покупать все, что̀ ты самъ захочешь. Ты сторгуешь вещь, опустишь руку въ карманъ и выдашь свой рубль, а онъ опять очутится въ твоемъ же карманѣ.

— Да, говорю,—я уже все это знаю.

А самъ зажалъ рубль въ ладонь и держу его какъ можно крѣпче. А бабушка продолжаетъ:

— Рубль возвращается, это правда. Это его хорошее свойство,—его также нельзя и потерять; но зато у него есть другое свойство, очень невыгодное: неразмѣнный рубль не переведется въ твоемъ карманѣ до тѣхъ поръ, пока ты будешь покупать на него вещи, тебѣ или другимъ людямъ нужныя или полезныя, но разъ что ты изведешь хоть одинъ грошъ на полную безполезность—твой рубль въ то же мгновеніе исчезнетъ.

— О, говорю, — бабушка, я вамъ очень благодаренъ, что вы мнѣ это сказали; но повѣрьте, я ужъ не такъ малъ, чтобы не понять, что̀ на свѣтѣ полезно и что̀ безполезно.

Бабушка покачала головою и, улыбаясь, сказала, что она сомнѣвается; но я ее увѣрилъ, что знаю, какъ надо жить при богатомъ положеніи.

— Прекрасно, — сказала бабушка: но, однако, ты все-таки хорошенько помни, что̀ я тебѣ сказала.

— Будьте покойны. Вы увидите, что я приду къ отцу Василію и принесу на заглядѣнье прекрасныя покупки, а рубль мой будетъ цѣлъ у меня въ карманѣ.

— Очень рада, — посмотримъ. Но ты все-таки не будь самонадѣянъ: помни, что отличить нужное отъ пустого и излишняго вовсе не такъ легко, какъ ты думаешь.

— Въ такомъ случаѣ не можете ли вы походить со мною по ярмаркѣ?

Бабушка на это согласилась, но предупредила меня, что она не будетъ имѣть возможности дать мнѣ какой бы то ни было совѣтъ или остановить меня отъ увлеченія и ошибки, потому что тотъ, кто владѣетъ безпереводнымъ рублемъ, не можетъ ни отъ кого ожидать совѣтовъ, а долженъ руководиться своимъ умомъ.

— О, моя милая бабушка,—отвѣчалъ я:—вамъ и не будетъ надобности давать мнѣ совѣты,—я только взгляну на ваше лицо и прочитаю въ вашихъ глазахъ все, что мнѣ нужно.

— Въ такомъ разѣ идемъ,—и бабушка послала дѣвушку сказать отцу Василію, что она придетъ къ нему попозже, а пока мы отправились съ нею на ярмарку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Погода была хорошая,—умѣренный морозецъ съ маленькой влажностью: въ воздухѣ пахло крестьянской бѣлой онучею, лыкомъ, пшеномъ и овчиной. Народу много и всѣ разодѣты въ томъ, что у кого есть лучшаго. Мальчики изъ богатыхъ семей всѣ получили отъ отцовъ на свои карманные расходы по грошу и уже истратили эти капиталы на пріобрѣтеніе глиняныхъ свистулекъ, на которыхъ задавали самый бѣдовый концертъ. Бѣдные ребятишки, которымъ грошей не давали, стояли подъ плетнемъ и только завистливо облизывались. Я видѣлъ, что имъ тоже хотѣлось бы овладѣть подобными же музыкальными инструментами, чтобы слиться всей душою въ общей гармоніи, и... я посмотрѣлъ на бабушку...

Глиняныя свистульки не составляли необходимости и даже не были полезны, но лицо моей бабушки не выражало ни малѣйшаго порицанія моему намѣренію купить всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ по свистулькѣ. Напротивъ, доброе лицо старушки выражало даже удовольствіе, которое я принялъ за одобреніе: я сейчасъ же опустилъ мою руку въ карманъ, досталъ оттуда мой неразмѣнный рубль и купилъ цѣлую коробку свистулекъ, да еще мнѣ подали съ него нѣсколько сдачи. Опуская сдачу въ карманъ, я ощупалъ рукою, что мой неразмѣнный рубль цѣлехонекъ и уже опять лежитъ тамъ, какъ было до покупки. А между тѣмъ всѣ ребятишки получили по свистулькѣ, и самые бѣдные изъ нихъ вдругъ сдѣлались такъ же счастливы, какъ и богатые, и засвистали во всю свою силу, а мы съ бабушкой пошли дальше, и она мнѣ сказала:

— Ты поступилъ хорошо, потому что бѣднымъ дѣтямъ надо играть и рѣзвиться, и кто можетъ сдѣлать имъ какую-нибудь радость, тотъ напрасно не спѣшитъ воспользоваться своею возможностію. И въ доказательство, что я права, опусти еще разъ свою руку въ карманъ и попробуй, гдѣ твой неразмѣнный рубль?

Я опустилъ руку и... мой неразмѣнный рубль былъ въ моемъ карманѣ.

— Ага, — подумалъ я: — теперь я уже понялъ, въ чемъ дѣло, и могу дѣйствовать смѣлѣе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я подошелъ къ лавочкѣ, гдѣ были ситцы и платки, и накупилъ всѣмъ нашимъ дѣвушкамъ по платью, кому розовое, кому голубое, а старушкамъ по малиновому головному платку; и каждый разъ, что я опускалъ руку въ карманъ, чтобы заплатить деньги,—мой неразмѣнный рубль все былъ на своемъ мѣстѣ. Потомъ я купилъ для ключницыной дочери, которая должна была выйти замужъ, двѣ сердоликовыя запонки и, признаться, сробѣлъ; но бабушка попрежнему смотрѣла хорошо. и мой рубль послѣ этой покупки тоже преблагополучно оказался въ моемъ карманѣ.

— Невѣстѣ идетъ принарядиться, — сказала бабушка: — это памятный день въ жизни каждой дѣвушки, и это очень похвально, чтобы ее обрадовать,—отъ радости всякій человѣкъ бодрѣе выступаетъ на новый путь жизни, а отъ перваго шага много зависитъ. Ты сдѣлалъ очень хорошо, что обрадовалъ бѣдную невѣсту.

Потомъ я купилъ и себѣ очень много сластей и орѣховъ, а въ другой лавкѣ взялъ большую книгу «Псалтирь», такую точно, какая лежала на столѣ у нашей скотницы. Бѣдная старушка очень любила эту книгу, но книга тоже имѣла несчастіе придтись по вкусу племенному теленку, который жилъ въ одной избѣ со скотницею. Теленокъ по своему возрасту имѣлъ слишкомъ много свободнаго времени и занялся тѣмъ, что въ счастливый часъ досуга отжевалъ углы у всѣхъ листовъ «Псалтиря». Бѣдная старушка была лишена удовольствія читать и пѣть тѣ псалмы, въ которыхъ она находила для себя утѣшеніе, и очень объ этомъ скорбѣла.

Я былъ увѣренъ, что купить для нея новую книгу вмѣсто старой было не пустое и не излишнее дѣло, и это именно

такъ и было: когда я опустилъ руку въ карманъ - мой рубль былъ снова на своемъ мѣстѣ.

Я сталъ покупать шире и больше,—я бралъ все, что, по моимъ соображеніямъ, было нужно, и накупилъ даже вещи слишкомъ рискованныя,—такъ, напримѣръ, нашему молодому кучеру Константину я купилъ наборный поясной ремень, а веселому башмачнику Егоркѣ — гармонію. Рубль, однако, все былъ дома, а на лицо бабушки я ужъ не смотрѣлъ и не допрашивалъ ея выразительныхъ взоровъ. Я самъ былъ центръ всего, — на меня всѣ смотрѣли, за мною всѣ шли, обо мнѣ говорили.

— Смотрите, каковъ нашъ барчукъ Миколаша! Онъ одинъ можетъ скупить цѣлую ярмарку, у него, знать, есть неразмѣнный рубль.

И я почувствовалъ въ себѣ что-то новое и до тѣхъ поръ незнакомое. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ обо мнѣ знали, всѣ за мною ходили и всѣ обо мнѣ говорили — какъ я уменъ, богатъ и добръ.

Мнѣ стало безпокойно и скучно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А въ это самое время, — откуда ни возьмись, — ко мнѣ подошелъ самый пузатый изъ всѣхъ ярмарочныхъ торговцевъ и, снявъ картузъ, сталъ говорить:

— Я здѣсь всѣхъ толще и всѣхъ опытнѣе, и вы меня не обманете. Я знаю, что вы можете купить все, что есть на этой ярмаркѣ, потому что у васъ есть неразмѣнный рубль. Съ нимъ не штука удивлять весь приходъ, но, однако, есть кое-что такое, чего вы и за этотъ рубль не можете купить.

— Да, если это будетъ вещь ненужная,— такъ я ее, разумѣется, не куплю.

— Какъ это «ненужная»? Я вамъ не сталъ бы и говорить про то, что не нужно. А вы обратите вниманіе на то, кто окружаетъ насъ съ вами, несмотря на то, что у васъ есть неразмѣнный рубль. Вотъ вы себѣ купили только сластей да орѣховъ, а то вы все покупали полезныя вещи для другихъ, но вонъ какъ эти другіе помнятъ ваши благодѣянія: васъ ужъ теперь всѣ позабыли.

Я посмотрѣлъ вокругъ себя и, къ крайнему моему удивленію, увидѣлъ, что мы съ пузатымъ купцомъ стоимъ, дѣйствительно, только вдвоемъ, а вокругъ насъ ровно ни-

кого нѣтъ. Бабушки тоже не было, да я о ней я забылъ, а вся ярмарка отвалила въ сторону и окружила какого-то длиннаго, сухого человѣка, у котораго поверхъ полушубка былъ надѣтъ длинный полосатый жилетъ, а на немъ нашиты стекловидныя пуговицы, отъ которыхъ, когда онъ поворачивался изъ стороны въ сторону, исходило слабое, тусклое блистаніе.

Это было все, что длинный, сухой человѣкъ имѣлъ въ себѣ привлекательнаго, и, однако, за нимъ всѣ шли и всѣ на него смотрѣли, какъ будто на самое замѣчательное произведеніе природы.

— Я ничего не вижу въ этомъ хорошаго, — сказалъ я моему новому спутнику.

— Пусть такъ, но вы должны видѣть, какъ это всѣмъ нравится. Поглядите,—за нимъ ходятъ даже и вашъ кучеръ Константинъ съ его щегольскимъ ремнемъ, и башмачникъ Егорка съ его гармоніей, и невѣста съ запонками, и даже старая скотница съ ея новою книжкою. А о ребятишкахъ съ свистульками уже и говорить нечего.

Я осмотрѣлся, и въ самомъ дѣлѣ всѣ эти люди дѣйствительно окружали человѣка съ стекловидными пуговицами, и всѣ мальчишки на своихъ свистулькахъ пищали про его славу.

Во мнѣ зашевелилось чувство досады. Мнѣ показалось все это ужасно обидно, и я почувствовалъ долгъ и призваніе стать выше человѣка со стекляшками.

— И вы думаете, что я не могу сдѣлаться больше его?

— Да, я это думаю,—отвѣчалъ пузанъ.

— Ну, такъ я же сейчасъ вамъ докажу, что вы ошибаетесь!—воскликнулъ я и, быстро подбѣжавъ къ человѣку въ жилетѣ поверхъ полушубка, сказалъ:

— Послушайте, не хотите ли вы продать мнѣ вашъ жилетъ?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Человѣкъ со стекляшками повернулся передъ солнцемъ, такъ что пуговицы на его жилетѣ издали тусклое блистаніе, и отвѣчалъ:

— Извольте, я вамъ его продамъ съ большимъ удовольствіемъ, но только это очень дорого стоитъ.

— Прошу васъ не безпокоиться и скорѣе сказать мнѣ вашу цѣну за жилетъ.

Онъ очень лукаво улыбнулся и молвилъ:

— Однако, вы, я вижу, очень неопытны, какъ и слѣдуетъ быть въ вашемъ возрастѣ, — вы не понимаете, въ чемъ дѣло. Мой жилетъ ровно ничего не стоитъ, потому что онъ не свѣтитъ и не грѣетъ, и потому я его отдаю вамъ даромъ, но вы мнѣ заплатите по рублю за каждую нашитую на немъ стеклянную пуговицу, потому что эти пуговицы хотя тоже не свѣтятъ и не грѣютъ, но онѣ могутъ немножко блестѣть на минутку, и это всѣмъ очень нравится.

— Прекрасно, — отвѣчалъ я: — я даю вамъ по рублю за каждую вашу пуговицу. Снимайте скорѣй вашъ жилетъ.

— Нѣтъ, прежде извольте отсчитать деньги.

— Хорошо.

Я опустилъ руку въ карманъ и досталъ оттуда одинъ рубль, потомъ снова опустилъ руку во второй разъ, но... карманъ мой былъ пустъ... Мой неразмѣнный рубль уже не возвратился... онъ пропалъ... онъ исчезъ... его не было, и на меня всѣ смотрѣли и смѣялись.

Я горько заплакалъ и... проснулся...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Было утро: у моей кроватки стояла бабушка, въ ея большомъ бѣломъ чепцѣ съ рюшевыми мармотками, и держала въ рукѣ новенькій серебряный рубль, составлявшій обыкновенный рождественскій подарокъ, который она мнѣ дарила.

Я понялъ, что все видѣнное мною происходило не на-яву, а во снѣ, и поспѣшилъ разсказать, о чемъ я плакалъ.

— Что же, — сказала бабушка: — сонъ твой хорошъ, — особенно если ты захочешь понять его, какъ слѣдуетъ. Въ басняхъ и сказкахъ часто бываетъ сокрытъ особый затаенный смыслъ. *Неразмѣнный рубль* — по-моему, это талантъ, который Провидѣніе даетъ человѣку при его рожденіи. Талантъ развивается и крѣпнетъ, когда человѣкъ сумѣетъ сохранить въ себѣ бодрость и силу на распутіи четырехъ дорогъ, изъ которыхъ съ одной всегда должно быть видно кладбище. *Неразмѣнный рубль* — это есть сила, которая можетъ служить истинѣ и добродѣтели, на пользу людямъ, въ чемъ для человѣка съ добрымъ сердцемъ и яснымъ умомъ заключается самое высшее удовольствіе. Все, что онъ сдѣлаетъ для истиннаго счастія своихъ ближнихъ, никогда не убавитъ его духовнаго богатства, а напротивъ —

чѣмъ онъ болѣе черпаетъ изъ своей души, тѣмъ она становится богаче. Человѣкъ въ жилеткѣ сверхъ теплаго полушубка—есть *суета*, потому что жилетъ сверхъ полушубка *не нуженъ*, какъ не нужно и то, чтобы за нами ходили и насъ прославляли. Суета затемняетъ умъ. Сдѣлавши кое-что—очень немного въ сравненіи съ тѣмъ, что бы ты могъ еще сдѣлать, владѣя безрасходнымъ рублемъ, ты уже сталъ гордиться собою и отвернулся отъ меня, которая для тебя въ твоемъ снѣ изображала опытъ жизни. Ты началъ уже хлопотать не о добрѣ для другихъ, а о томъ, чтобы всѣ на тебя глядѣли и тебя хвалили. Ты захотѣлъ имѣть ни на что ненужныя стеклышки, и—рубль твой растаялъ. Этому такъ и слѣдовало быть, и я за тебя очень рада, что ты получилъ такой урокъ во снѣ. Я очень бы желала, чтобы этотъ рождественскій сонъ у тебя остался въ памяти. А теперь поѣдемъ въ церковь и послѣ обѣдни купимъ все то, что ты покупалъ для бѣдныхъ людей въ твоемъ сновидѣніи.

— Кромѣ одного, моя дорогая.

Бабушка улыбнулась и сказала:

— Ну, конечно, я знаю, что ты уже не купишь жилета съ стекловидными пуговицами.

— Нѣтъ, я не куплю также и лакомствъ, которыя я покупалъ во снѣ для самого себя.

Бабушка подумала и сказала:

— Я не вижу нужды, чтобы ты лишилъ себя этого маленькаго удовольствія, но... если ты желаешь за это получить гораздо большее счастіе, то... я тебя понимаю...

И вдругъ мы съ нею оба обнялись и, ничего болѣе не говоря другъ другу, оба заплакали. Бабушка отгадала, что я хотѣлъ *всѣ* мои маленькія деньги извести въ этотъ день *не для себя*. И когда это мною было сдѣлано, то сердце мое исполнилось такою радостію, какой я не испытывалъ до того еще ни одного раза. Въ этомъ лишеніи себя маленькихъ удовольствій для пользы другихъ я впервые испыталъ то, что люди называютъ увлекательнымъ словомъ—*полное счастіе*, при которомъ ничего больше не хочешь.

Каждый можетъ испробовать сдѣлать въ своемъ нынѣшнемъ положеніи мой опытъ, и я увѣренъ, что онъ найдетъ въ словахъ моихъ не ложь, а истинную правду

ЗВѢРЬ.

«И звѣри внимаху святое слово».
Житіе старца Серафима.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отецъ мой былъ извѣстный въ свое время слѣдователь. Ему поручали много важныхъ дѣлъ и потому онъ часто отлучался отъ семейства, а дома оставались мать, я и прислуга.

Матушка моя тогда была еще очень молода, а я—маленькій мальчикъ.

При томъ случаѣ, о которомъ я теперь хочу разсказать,—мнѣ было всего только пять лѣтъ.

Была зима, и очень жестокая. Стояли такіе холода, что въ хлѣвахъ замерзали ночами овцы, а воробьи и галки падали на мерзлую землю окоченѣлыя. Отецъ мой находился объ эту пору по служебнымъ обязанностямъ въ Ельцѣ и не обѣщалъ пріѣхать домой даже къ Рождеству Христову, а потому матушка собралась сама къ нему съѣздить, чтобы не оставить его одинокимъ въ этотъ прекрасный и радостный праздникъ. Меня, по случаю ужасныхъ холодовъ, мать не взяла съ собою въ дальнюю дорогу, а оставила у своей сестры, а моей тетки, которая была замужемъ за однимъ орловскимъ помѣщикомъ, про котораго ходила невеселая слава. Онъ былъ очень богатъ, старъ и жестокъ. Въ характерѣ у него преобладали злобность и неумолимость, и онъ объ этомъ нимало не сожалѣлъ, а, напротивъ, даже щеголялъ этими качествами, которыя, по его мнѣнію, служили будто бы выраженіемъ мужественной силы и непреклонной твердости духа.

Такое же мужество и твердость онъ стремился развить въ своихъ дѣтяхъ, изъ которыхъ одинъ сынъ былъ мнѣ ровесникъ.

Дядю боялись всѣ, а я всѣхъ болѣе, потому что онъ и во мнѣ хотѣлъ «развить мужество», и одинъ разъ, когда мнѣ было три года и случилась ужасная гроза, которой я боялся, онъ выставилъ меня одного на балконъ и заперъ дверь, чтобы такимъ урокомъ отучить меня отъ страха во время грозы.

Понятно, что я въ домѣ такого хозяина гостилъ неохотно и съ немалымъ страхомъ, но мнѣ, повторяю, тогда было пять лѣтъ и мои желанія не принимались въ расчетъ при соображеніи обстоятельствъ, которымъ приходилось подчиняться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ имѣніи дяди былъ огромный каменный домъ, похожій на замокъ. Это было претенціозное, но некрасивое и даже уродливое двухъэтажное зданіе съ круглымъ куполомъ и съ башнею, о которой разсказывали страшные ужасы. Тамъ когда-то жилъ сумасшедшій отецъ нынѣшняго помѣщика, потомъ въ его комнатахъ учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшнымъ; но всего ужаснѣе было то, что наверху этой башни, въ пустомъ, изогнутомъ окнѣ были натянуты струны, то-есть была устроена такъ-называемая «Эолова арфа». Когда вѣтеръ пробѣгалъ по струнамъ этого своевольнаго инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившіе отъ тихаго густого рокота въ безпокойные нестройные стоны и неистовый гулъ, какъ будто сквозь нихъ пролеталъ цѣлый сонмъ, пораженный страхомъ, гонимыхъ духовъ. Въ домѣ всѣ не любили эту арфу и думали, что она говоритъ что-то такое здѣшнему грозному господину, и онъ не смѣетъ ей возражать, но оттого становится еще немилосерднѣе и жесточе... Было несомнѣнно примѣчено, что если ночью срывается буря и арфа на башнѣ гудитъ такъ, что звуки долетаютъ черезъ пруды и парки въ деревню, то баринъ въ ту ночь не спитъ и на утро встаетъ мрачный и суровый и отдаетъ какое-нибудь жестокое приказаніе, приводившее въ трепетъ сердца всѣхъ его многочисленныхъ рабовъ.

Въ обычаяхъ дома было, что тамъ никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не измѣнялось, не только для человѣка, но даже и

для звѣря или какого-нибудь мелкаго животнаго. Дядя не хотѣлъ знать милосердія и не любилъ его, ибо почиталъ его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякаго снисхожденія. Оттого въ домѣ и во всѣхъ обширныхъ деревняхъ, принадлежащихъ этому богатому помѣщику, всегда парила безоградная унылость, которую съ людьми раздѣляли и звѣри.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Покойный дядя былъ страстный любитель псовой охоты. Онъ ѣздилъ съ борзыми и травилъ волковъ, зайцевъ и лисицъ. Кромѣ того, въ его охотѣ были особенныя собаки, которыя брали медвѣдей. Этихъ собакъ называли «пьявками». Онѣ впивались въ звѣря такъ, что ихъ нельзя было отъ него оторвать. Случалось, что медвѣдь, въ котораго впивалась зубами пьявка, убивалъ ее ударомъ своей ужасной лапы или разрывалъ ее пополамъ, но никогда не бывало, чтобы пьявка отпала отъ звѣря живая.

Теперь, когда на медвѣдей охотятся только облавами или съ рогатиной, порода собакъ-пьявокъ, кажется, совсѣмъ уже перевелась въ Россіи; но въ то время, о которомъ я разсказываю, онѣ были почти при всякой хорошо собранной большой охотѣ. Медвѣдей въ нашей мѣстности тогда тоже было очень много и охота за ними составляла большое удовольствіе.

Когда случалось овладѣвать цѣлымъ медвѣжьимъ гнѣздомъ, то изъ берлоги брали и привозили маленькихъ медвѣжатъ. Ихъ обыкновенно держали въ большомъ каменномъ сараѣ съ маленькими окнами, продѣланными подъ самой крышей. Окна эти были безъ стеколъ, съ однѣми толстыми желѣзными рѣшетками. Медвѣжата, бывало, до нихъ вскарабкивались другъ по дружкѣ и висѣли, держась за желѣзо своими цѣпкими, когтистыми лапами. Только такимъ образомъ они и могли выглядывать изъ своего заключенія на вольный свѣтъ Божій.

Когда насъ выводили гулять передъ обѣдомъ, мы больше всего любили ходить къ этому сараю и смотрѣть на выставлявшіяся изъ-за рѣшетокъ смѣшныя мордочки медвѣжатъ. Нѣмецкій гувернеръ Кольбергъ умѣлъ подавать имъ на концѣ палки кусочки хлѣба, которые мы припасали для этой цѣли за своимъ завтракомъ.

За медвѣдями смотрѣлъ и кормилъ ихъ молодой доѣзжачій, по имени Ферапонтъ; но, какъ это имя было трудно для простонароднаго выговора, то его произносили «Храпонъ» или, еще чаще, «Храпошка». Я его очень хорошо помню: Храпошка былъ средняго роста, очень ловкій, сильный и смѣлый парень лѣтъ двадцати пяти. Храпонъ считался красавцемъ, — онъ былъ бѣлъ, румянъ, съ черными кудрями и съ черными же большими глазами навыкатѣ. Къ тому же онъ былъ необычайно смѣлъ. У него была сестра Аннушка, которая состояла въ подняняхъ, и она разсказывала намъ презанимательныя вещи про смѣлость своего удалого брата и про его необыкновенную дружбу съ медвѣдями, съ которыми онъ зимою и лѣтомъ спалъ вмѣстѣ въ ихъ сараѣ, такъ что они окружали его со всѣхъ сторонъ и клали на него свои головы, какъ на подушку.

Передъ домомъ дяди, за широкимъ круглымъ цвѣтникомъ, окруженнымъ расписною рѣшеткою, были широкія ворота, а противъ воротъ посреди куртины было вкопано высокое, прямое, гладко выглаженное дерево, которое называли «мачта». На вершинѣ этой мачты былъ прилаженъ маленькій помостикъ или, какъ его называли, «бесѣдочка».

Изъ числа плѣнныхъ медвѣжатъ всегда отбирали одного «умнаго», который представлялся наиболѣе смышленымъ и благонадежнымъ по характеру. Такого отдѣляли отъ прочихъ собратій и онъ жилъ на волѣ, то-есть ему дозволялось ходить по двору и по парку, но главнымъ образомъ онъ долженъ былъ содержать караульный постъ у столба передъ воротами. Тутъ онъ и проводилъ большую часть своего времени или лежа на соломѣ у самой мачты, или же взбирался по ней вверхъ до «бесѣдки» и здѣсь сидѣлъ или тоже спалъ, чтобы къ нему не приставали ни докучные люди, ни собаки.

Жить такою привольною жизнью могли не всѣ медвѣди, а только нѣкоторые, особенно умные и кроткіе, и то не во всю ихъ жизнь, а пока они не начинали обнаруживать своихъ звѣрскихъ, неудобныхъ въ общежитіи наклонностей, то-есть пока они вели себя смирно и не трогали ни куръ, ни гусей, ни телятъ, ни человѣка.

Медвѣдь, который нарушалъ спокойствіе жителей, немедленно же былъ осуждаемъ на смерть и отъ этого приговора его ничто не могло избавить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отбирать «смышленаго медвѣдя» долженъ былъ Храпонъ. Такъ какъ онъ больше всѣхъ обращался съ медвѣжатами и почитался большимъ знатокомъ ихъ натуры, то понятно, что онъ одинъ и могъ это дѣлать. Храпонъ же и отвѣчалъ за то, если сдѣлаетъ неудачный выборъ,—но онъ съ перваго же раза выбралъ для этой роли удивительно способнаго и умнаго медвѣдя, которому было дано необыкновенное имя: медвѣдей въ Россіи вообще зовутъ «мишками», а этотъ носилъ испанскую кличку «Сганарель». Онъ уже пять лѣтъ прожилъ на свободѣ и не сдѣлалъ еще ни одной «шалости». Когда о медвѣдѣ говорили, что «онъ шалитъ», это значило, что онъ уже обнаружилъ свою звѣрскую натуру какимъ-нибудь нападеніемъ.

Тогда «шалуна» сажали на нѣкоторое время въ «яму», которая была устроена на широкой полянѣ между гумномъ и лѣсомъ, а черезъ нѣкоторое время его выпускали (онъ самъ вылѣзалъ *по бревну*) на поляну и тутъ его травили «молодыми пьявками» (т. е. подрослыми щенками медвѣжьихъ собакъ). Если же щенки не умѣли его взять и была опасность, что звѣрь уйдетъ въ лѣсъ, то тогда стоявшіе въ запасномъ «секретѣ» два лучшихъ охотника бросались на него съ отборными опытными сворами и тутъ дѣлу наставалъ конецъ.

Если же эти собаки были такъ неловки, что медвѣдь могъ прорваться «къ острову» (т. е. къ лѣсу), который соединялся съ обширнымъ брянскимъ полѣсьемъ, то выдвигался особый стрѣлокъ, съ длиннымъ и тяжелымъ кухенрейторовскимъ штуцеромъ и, прицѣлясь «съ сошки», посылалъ медвѣдю смертельную пулю.

Чтобы медвѣдь когда-либо ушелъ отъ всѣхъ этихъ опасностей, такого случая еще никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всѣхъ въ томъ виноватыхъ ждали бы смертоносныя наказанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Умъ и солидность Сганареля сдѣлали то, что описанной потѣхи или медвѣжьей казни не было уже цѣлыя пять лѣтъ. Въ это время Сганарель успѣлъ вырасти и сдѣлался большимъ, *матерымъ* медвѣдемъ, необыкновенной силы,

красоты и ловкости. Онъ отличался круглою, короткою мордою и довольно стройнымъ сложеніемъ, благодаря которому напоминалъ болѣе колоссальнаго грифона или пуделя, чѣмъ медвѣдя. Задъ у него былъ суховатъ и покрытъ невысокою, лоснящеюся шерстью, но плечи и загорбокъ были сильно развиты и покрыты длинною и мохнатою растительностью. Уменъ Сганарель былъ тоже какъ пудель и зналъ нѣкоторые замѣчательные, для звѣря его породы, пріемы: онъ, напримѣръ, отлично и легко ходилъ на двухъ заднихъ лапахъ, подвигаясь впередъ передомъ и задомъ, умѣлъ бить въ барабанъ, маршировалъ съ большою палкою, раскрашенною въ видѣ ружья, а также охотно и даже съ большимъ удовольствіемъ таскалъ съ мужиками самые тяжелые кули на мельницу и съ своеобразнымъ шикомъ пресмѣшно надѣвалъ себѣ на голову высокую мужичью островерхую шляпу съ павлинымъ перомъ или съ соломеннымъ пучкомъ въ родѣ султана.

Но пришла роковая пора — звѣриная натура взяла свое и надъ Сганарелемъ. Незадолго передъ моимъ прибытіемъ въ домъ дяди, тихій Сганарель вдругъ провинился сразу нѣсколькими винами, изъ которыхъ притомъ одна была другой тяжче.

Программа преступныхъ дѣйствій у Сганареля была та же самая, какъ и у всѣхъ прочихъ: для первоученки онъ взялъ и оторвалъ крыло гусю; потомъ положилъ лапу на спину бѣжавшему за маткою жеребенку и переломилъ ему спину, а наконецъ: ему не понравились слѣпой старикъ и его поводырь, и Сганарель принялся катать ихъ по снѣгу, при чемъ поотторгалъ имъ руки и ноги.

Слѣпца съ его поводыремъ взяли въ больницу, а Сганареля велѣли Храпону отвести и посадить въ яму, откуда былъ только одинъ выходъ—*на казнь*...

Анна, раздѣвая вечеромъ меня и такого же маленькаго въ то время моего двоюроднаго брата, разсказала намъ, что при отводѣ Сганареля въ яму, въ которой онъ долженъ былъ ожидать смертной казни, произошли очень большія трогательности. Храпонъ не продергивалъ въ губу Сганареля «больнички» или кольца и не употреблялъ противъ него ни малѣйшаго насилія, а только сказалъ:

— Пойдемъ, звѣрь, со мною.

Медвѣдь всталъ и пошелъ, да еще что было смѣшно—

взялъ свою шляпу съ соломеннымъ султаномъ и всю дорогу до ямы шелъ съ Храпономъ обнявшись, точно два друга.

Они-таки и были друзья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Храпону было очень жаль Сганареля, но онъ ему ничѣмъ пособить не могъ. Напоминаю, что тамъ, гдѣ это происходило, никому никогда никакая провинность не прощалась, и скомпрометировавшій себя Сганарель непремѣнно долженъ былъ заплатить за свои увлеченія лютой смертью.

Травля его назначалась, какъ послѣобѣденное развлеченіе для гостей, которые обыкновенно съѣзжались къ дядѣ на Рождество. Приказъ объ этомъ былъ уже отданъ на охотѣ въ то же самое время, когда Храпону было велѣно отвести виновнаго Сганареля и посадить его въ яму.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ яму медвѣдей сажали довольно просто. Люкъ или творило ямы обыкновенно закрывали легкимъ хворостомъ, накиданнымъ на хрупкія жерди, и посыпали эту покрышку снѣгомъ. Это было маскировано такъ, что медвѣдь не могъ замѣтить устроенной ему предательской ловушки. Покорнаго звѣря подводили къ этому мѣсту и заставляли идти впередъ. Онъ дѣлалъ шагъ или два и неожиданно проваливался въ глубокую яму, изъ которой не было никакой возможности выйти. Медвѣдь сидѣлъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока наступало время его травить. Тогда въ яму опускали въ наклонномъ положеніи длинное, аршинъ семи, бревно и медвѣдь вылѣзалъ по этому бревну наружу. Затѣмъ начиналась травля. Если же случалось, что смѣтливый звѣрь, предчувствуя бѣду, не хотѣлъ выходить, то его понуждали выходить, безпокоя длинными шестами, на концѣ которыхъ были острые желѣзные наконечники, бросали зажженую солому или стрѣляли въ него холостыми зарядами изъ ружей и пистолетовъ.

Храпонъ отвелъ Сганареля и заключилъ его подъ арестъ по этому же самому способу, но самъ вернулся домой очень разстроенный и опечаленный. На свое несчастіе, онъ разсказалъ своей сестрѣ, какъ звѣрь шелъ съ нимъ «ласково» и какъ онъ, провалившись сквозь хворостъ въ яму, сѣлъ тамъ на диницѣ и, сложивъ переднія лапы, какъ руки, застоналъ, точно заплакалъ.

Храпонъ открылъ Аннѣ, что онъ бѣжалъ отъ этой ямы бѣгомъ, чтобы не слыхать жалостныхъ стоновъ Сганареля, потому что стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца.

— Слава Богу,—добавилъ онъ:—что не мнѣ, а другимъ людямъ велѣно въ него стрѣлять, если онъ уходить станетъ. А если бы мнѣ то было приказано, то я лучше бы самъ всякія муки принялъ, но въ него ни за что бы не выстрѣлилъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Анна разсказала это намъ, а мы разсказали гувернеру Кольбергу, а Кольбергъ, желая чѣмъ-нибудь позанять дядю, передалъ ему. Тотъ это выслушалъ и сказалъ: «Молодецъ Храпошка», а потомъ хлопнулъ три раза въ ладоши.

Это значило, что дядя требуетъ къ себѣ своего камердинера Устина Петровича, старичка изъ плѣнныхъ французовъ двѣнадцатаго года.

Устинъ Петровичъ, иначе Жюстинъ, явился въ своемъ чистенькомъ лиловомъ фрачкѣ съ серебряными пуговицами, и дядя отдалъ ему приказаніе, чтобы къ завтрашней «садкѣ» или охотѣ на Сганареля стрѣлками въ секретахъ были посажены Флегонтъ — извѣстнѣйшій стрѣлокъ, который всегда билъ безъ промаха, а другой Храпошка. Дядя, очевидно, хотѣлъ позабавиться надъ затруднительною борьбою чувствъ бѣднаго парня. Если же онъ не выстрѣлитъ въ Сганареля или нарочно промахнется, то ему, конечно, тяжело достанется, а Сганареля убьетъ вторымъ выстрѣломъ Флегонтъ, который никогда не даетъ промаха.

Устинъ поклонился и ушелъ передавать приказаніе, а мы, дѣти, сообразили, что мы надѣлали бѣды и что во всемъ этомъ есть что-то ужасно тяжелое, такъ что, Богъ знаетъ, какъ это и кончится. Послѣ этого насъ не занимали по достоинству ни вкусный рождественскій ужинъ, который справлялся «при звѣздѣ», за одинъ разъ съ обѣдомъ, ни пріѣхавшіе на ночь гости, изъ коихъ съ нѣкоторыми были и дѣти.

Намъ было жаль Сганареля, жаль и Ферапонта, и мы даже не могли себѣ рѣшить, кого изъ нихъ двухъ мы больше жалѣемъ.

Оба мы, то-есть я и мой ровесникъ—двоюродный братъ,

долго ворочались въ своихъ кроваткахъ. Оба мы заснули поздно, спали дурно и вскрикивали, потому что намъ обоимъ представлялся медвѣдь. А когда няня насъ успокоивала, что медвѣдя бояться уже нечего, потому что онъ теперь сидитъ въ ямѣ, а завтра его убьютъ, то мною овладѣвала еще бо̀льшая тревога.

Я даже просилъ у няни вразумленія: нельзя ли мнѣ помолиться за Сганареля? Но такой вопросъ былъ выше религіозныхъ соображеній старушки, и она, позѣвывая и крестя ротъ рукою, отвѣчала, что навѣрно она объ этомъ ничего не знаетъ, такъ какъ ни разу о томъ у священника не спрашивала, но что, однако, медвѣдь — тоже Божіе созданіе и онъ плавалъ съ Ноемъ въ ковчегѣ.

Мнѣ показалось, что напоминаніе о плаваньи въ ковчегѣ вело какъ будто къ тому, что безпредѣльное милосердіе Божіе можетъ быть распространено не на однихъ людей, а также и на прочія Божьи созданія, и я, съ дѣтскою вѣрою, сталъ въ моей кроваткѣ на колѣни и, припавъ лицомъ къ подушкѣ, просилъ величіе Божіе не оскорбиться моею жаркою просьбою и пощадить Сганареля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наступилъ день Рождества. Всѣ мы были одѣты въ праздничномъ и вышли съ гувернерами и боннами къ чаю. Въ залѣ, кромѣ множества родныхъ и гостей, стояло духовенство: священникъ, дьяконъ и два дьячка.

Когда вошелъ дядя, причтъ запѣлъ «Христосъ рождается». Потомъ былъ чай, потомъ, вскорѣ же, маленькій завтракъ и въ два часа ранній праздничный обѣдъ. Тотчасъ же послѣ обѣда назначено было отправляться травить Сганареля. Медлить было нельзя, потому что въ эту пору рано темнѣетъ, а въ темнотѣ травля невозможна и медвѣдь легко можетъ скрыться изъ вида.

Исполнилось все такъ, какъ было назначено. Насъ прямо изъ-за стола повели одѣвать, чтобы везти на травлю Сганареля. Надѣли наши заячьи шубки и лохматые, съ круглыми подошвами, сапоги, вязаные изъ козьей шерсти, и повели усаживать въ сани. А у подъѣздовъ съ той и съ другой стороны дома уже стояло множество длинныхъ большихъ троечныхъ саней, покрытыхъ узорчатыми коврами, и тутъ же два стремянныхъ держали подъ-уздцы

дядину верховую англійскую рыжую лошадь, по имени Щеголиху.

Дядя вышелъ въ лисьемъ архалукѣ и въ лисьей остроконечной шапкѣ, и какъ только онъ сѣлъ на сѣдло, покрытое черною медвѣжьею шкурою съ пахвами и наперсями, убранными бирюзой и «змѣиными головками», весь нашъ огромный поѣздъ тронулся, а черезъ десять или пятнадцать минутъ мы уже пріѣхали на мѣсто травли и выстроились полукругомъ. Всѣ сани были расположены полуоборотомъ къ обширному, ровному, покрытому снѣгомъ полю, которое было окружено цѣпью верховыхъ охотниковъ и вдали замыкалось лѣсомъ.

У самаго лѣса были сдѣланы секреты или тайники за кустами, и тамъ должны были находиться Флегонтъ и Храпонка.

Тайниковъ этихъ не было видно и нѣкоторые указывали только на едва замѣтныя «сошки», съ которыхъ одинъ изъ стрѣлковъ долженъ былъ прицѣлиться и выстрѣлить въ Сганареля.

Яма, гдѣ сидѣлъ медвѣдь, тоже была незамѣтна и мы поневолѣ разсматривали красивыхъ вершниковъ, у которыхъ за плечомъ было разнообразное, но красивое вооруженіе: были шведскіе Штрабусы, нѣмецкіе Моргенраты, англійскіе Мортимеры и варшавскіе Колеты.

Дядя стоялъ верхомъ впереди цѣпи. Ему подали въ руки свору отъ двухъ сомкнутыхъ злѣйшихъ «пьявокъ», а передъ нимъ положили у орчака на вальтрапъ бѣлый платокъ.

Молодыя собаки, для практики которыхъ осужденъ былъ умереть провинившійся Сганарель, были въ огромномъ числѣ и всѣ вели себя крайне самонадѣянно, обнаруживая пылкое нетерпѣніе и недостатокъ выдержки. Онѣ визжали, лаяли, прыгали и путались на сворахъ вокругъ коней, на которыхъ сидѣли одѣтые въ форменное платье доѣзжачіе, а тѣ безпрестанно хлопали арапниками, чтобы привести молодыхъ, непомнившихъ себя отъ нетерпѣнія псовъ къ повиновенію. Все это кипѣло желаніемъ броситься на звѣря, близкое присутствіе котораго собаки, конечно, открыли своимъ острымъ, природнымъ чутьемъ.

Настало время вынуть Сганареля изъ ямы и пустить его на растерзаніе!

Дядя махнулъ положеннымъ на его вальтрапъ бѣлымъ платкомъ и сказалъ: «Дѣлай!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Изъ кучки охотниковъ, составлявшихъ главный штабъ дяди, выдѣлилось человѣкъ десять и пошли впередъ черезъ поле.

Отойдя шаговъ двѣсти, они остановились и начали подпимать изъ снѣга длинное, не очень толстое бревно, которое до сей поры намъ издалека нельзя было видѣть.

Это происходило какъ разъ у самой ямы, гдѣ сидѣлъ Сганарель, но она тоже съ нашей далекой позиціи была незамѣтна.

Дерево подняли и сейчасъ же спустили однимъ концомъ въ яму. Оно было спущено съ такимъ пологимъ уклономъ, что звѣрь безъ затрудненія могъ выйти по немъ, какъ по лѣстницѣ.

Другой конецъ бревна опирался на край ямы и торчалъ изъ нея на аршинъ.

Всѣ глаза были устремлены на эту предварительную операцію, которая приближала къ самому любопытному моменту. Ожидали, что Сганарель сейчасъ же долженъ былъ показаться наружу; но онъ, очевидно, понималъ въ чемъ дѣло и ни за что не шелъ.

Началось гонянье его въ ямѣ снѣжными комьями и шестами съ острыми наконечниками, послышался ревъ, но звѣрь не шелъ изъ ямы. Раздалось нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, направленныхъ прямо въ яму, но Сганарель только сердитѣе зарычалъ, а все-таки попрежнему не показывался.

Тогда откуда-то изъ-за цѣпи вскачь подлетѣли запряженныя въ одну лошадь простыя навозныя дровни, на которыхъ лежала куча сухой ржаной соломы.

Лошадь была высокая, худая, изъ тѣхъ, которыхъ употребляли на воркѣ для подвоза корма съ гуменника, но, несмотря на свою старость и худобу, она летѣла, поднявши хвостъ и натопорщивъ гриву. Трудно, однако, было опредѣлить: была ли ея теперешняя бодрость остаткомъ прежней молодой удали, или это скорѣе было порожденіе страха и отчаянія, внушаемыхъ старому коню близкимъ присутствіемъ медвѣдя? Повидимому, послѣднее имѣло болѣе вѣроятія, потому что лошадь была взнуздана, кромѣ желѣзныхъ удилъ, еще острою бечевкою, которою и были уже въ кровь истерзаны ея посѣрѣвшія губы. Она и неслась и металась въ стороны такъ отчаянно, что управляв-

шій ею конюхъ въ одно и то же время дралъ ей кверху голову бечевой, а другою рукою немилосердно стегалъ ее толстою нагайкою.

Но, какъ бы тамъ ни было, солома была раздѣлена на три кучи, разомъ зажжена и разомъ же съ трехъ сторонъ скинута, зажженая, въ яму. Внѣ пламени остался только одинъ тотъ край, къ которому было приставлено бревно.

Раздался оглушительный, бѣшеный ревъ, какъ бы смѣшанный вмѣстѣ со стономъ, но... медвѣдь опять-таки не показывался...

До нашей цѣпи долетѣлъ слухъ, что Сганарель весь «опалился», и что онъ закрылъ глаза лапами и легъ вплотную въ уголъ къ землѣ, такъ что «его не стронуть».

Ворковая лошадь, съ разрѣзанными губами, понеслась опять вскачь назадъ... Всѣ думали, что это была посылка за новымъ привозомъ соломы. Между зрителями послышался укоризненный говоръ: зачѣмъ распорядители охоты не подумали ранѣе припасти столько соломы, чтобы она была здѣсь съ излишкомъ. Дядя сердился и кричалъ что-то такое, чего я не могъ разобрать за всею поднявшеюся въ это время у людей суетою и еще болѣе усилившимся визгомъ собакъ и хлопаньемъ арапниковъ.

Но во всемъ этомъ виднѣлось настроеніе и былъ, однако, свой ладъ, и ворковая лошадь уже опять, метаясь и храпя, неслась назадъ къ ямѣ, гдѣ залегъ Сганарель, но не съ соломою: на дровняхъ теперь сидѣлъ Ферапонтъ.

Гнѣвное распоряженіе дяди заключалось въ томъ, чтобы Храпошку спустили въ яму и чтобы онъ *самъ вынелъ* оттуда своего друга на травлю...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

И вотъ, Ферапонтъ былъ на мѣстѣ. Онъ казался очень взволнованнымъ, но дѣйствовалъ твердо и рѣшительно. Нимало не сопротивляясь барскому приказу, онъ взялъ съ дровней веревку, которою была прихвачена привезенная минуту тому назадъ солома, и привязалъ эту веревку однимъ концомъ около зарубки верхней части бревна. Остальную веревку Ферапонтъ взялъ въ руки и, держась за нее, сталъ спускаться по бревну, на ногахъ, въ яму...

Страшный ревъ Сганареля утихъ и замѣнился глухимъ ворчаніемъ.

Звѣрь какъ бы жаловался своему другу на жестокое обхожденіе съ нимъ со стороны людей; но вотъ и это ворчаніе смѣнилось совершенной тишиной.

— Обнимаетъ и лижетъ Храпошку! — крикнулъ одинъ изъ людей, стоявшихъ надъ ямой.

Изъ публики, размѣщавшейся въ саняхъ, нѣсколько человѣкъ вздохнули, другіе поморщились.

Многимъ становилось жалко медвѣдя и травля его, очевидно, не обѣщала имъ большого удовольствія. Но описанныя мимолетныя впечатлѣнія внезапно были прерваны новымъ событіемъ, которое было еще неожиданнѣе и заключало въ себѣ новую трогательность.

Изъ творила ямы, какъ бы изъ преисподней, показалась курчавая голова Храпошки въ охотничьей круглой шапкѣ. Онъ взбирался наверхъ опять тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и спускался, то-есть Ферапонтъ шелъ на ногахъ по бревну, притягивая себя кверху крѣпко завязанной концомъ наружи веревки. Но Ферапонтъ выходилъ *не одинъ:* рядомъ съ нимъ, крѣпко съ нимъ обнявшись и положивъ ему на плечо большую косматую лапу, выходилъ и Сганарель... Медвѣдь былъ не въ духѣ и не въ авантажномъ видѣ. Пострадавшій и изнуренный, повидимому, не столько отъ тѣлеснаго страданія, сколько отъ тяжкаго моральнаго потрясенія, онъ сильно напоминалъ короля Лира. Онъ сверкалъ исподлобья налитыми кровью и полными гнѣва и негодованія глазами. Такъ же, какъ Лиръ, онъ былъ и взъерошенъ, и мѣстами опаленъ, а мѣстами къ нему пристали будылья соломы. Вдобавокъ же, какъ тотъ несчастный вѣнценосецъ, Сганарель, по удивительному случаю, сберегъ себѣ и нѣчто въ родѣ вѣнца. Можетъ-быть, любя Ферапонта, а можетъ-быть случайно, онъ зажалъ у себя подъ мышкой шляпу, которою Храпошка его снабдилъ и съ которою онъ же поневолѣ столкнулъ Сганареля въ яму. Медвѣдь сберегъ этотъ дружескій даръ, и... теперь, когда сердце его нашло мгновенное успокоеніе въ объятіяхъ друга, онъ, какъ только сталъ на землю, сейчасъ же вынулъ изъ-подъ мышки жестоко измятую шляпу и положилъ ее себѣ на макушку...

Эта выходка многихъ насмѣшила, а другимъ зато мучительно было ее видѣть. Иные даже поспѣшили отвернуться отъ звѣря, которому сейчасъ же должна была послѣдовать злая кончина.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тѣмъ временемъ какъ все это происходило, псы взвыли и взметались до потери всякаго повиновенія. Даже арапникъ не оказывалъ на нихъ болѣе своего внушающаго дѣйствія. Щенки и старыя пьявки, увидя Сганареля, поднялись на заднія лапы и, сипло воя и храпя, задыхались въ своихъ сыромятныхъ ошейникахъ; а въ это же самое время Храпошка уже опять мчался на ворковомъ одрѣ къ своему секрету подъ лѣсомъ. Сганарель опять остался одинъ и нетерпѣливо дергалъ лапу, за которую случайно захлеснулась брошенная Храпошкой веревка, прикрѣпленная къ бревну. Звѣрь, очевидно, хотѣлъ скорѣе ее распутать или оборвать и догнать своего друга, но у медвѣдя, хоть и очень смышленаго, ловкость все-таки была медвѣжья, и Сганарель не распускалъ, а только сильнѣе затягивалъ петлю на лапѣ.

Видя, что дѣло не идетъ такъ, какъ ему хотѣлось, Сганарель дернулъ веревку, чтобы ее оборвать, но веревка была крѣпка и не оборвалась, а лишь бревно вспрыгнуло и стало стоймя въ ямѣ. Онъ на это оглянулся; а въ то самое мгновеніе двѣ пущенныхъ изъ стаи со своры пьявки достигли его и одна изъ нихъ со всего налета впилась ему острыми зубами въ загорбокъ.

Сганарель такъ былъ занятъ съ веревкой, что не ожидалъ этого и въ первое мгновеніе какъ будто не столько разсердился, сколько удивился такой наглости; но потомъ, черезъ полсекунды, когда пьявка хотѣла перехватить зубами, чтобы впиться еще глубже, онъ рванулъ ее лапою и бросилъ отъ себя очень далеко и съ разорваннымъ брюхомъ. На окровавленный снѣгъ тутъ же выпали ея внутренности, а другая собака была въ то же мгновеніе раздавлена подъ его задней лапой... Но что было всего страшнѣе и всего неожиданнѣе, это то, что случилось съ бревномъ. Когда Сганарель сдѣлалъ усиленное движеніе лапою, чтобы отбросить отъ себя впившуюся въ него пьявку, онъ тѣмъ же самымъ движеніемъ вырвалъ изъ ямы крѣпко привязанное къ веревкѣ бревно, и оно полетѣло пластомъ въ воздухѣ. Натянувъ веревку, оно закружило вокругъ Сганареля, какъ около своей оси и чертя однимъ концомъ по снѣгу, на первомъ же оборотѣ размозжило и положило на мѣстѣ не двухъ и не трехъ, а цѣлую стаю поспѣвавшихъ

собакъ. Одиѣ изъ нихъ взвизгнули и копошились изъ снѣга лапками, а другія, какъ кувырнулись, такъ и вытянулись.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Звѣрь или былъ слишкомъ понятливъ, чтобы не сообразить, какое хорошее оказалось въ его обладаніи оружіе, или веревка, охватившая его лапу, больно ее рѣзала, но онъ только взревѣлъ и сразу, перехвативъ веревку въ самую лапу, еще такъ наподдалъ бревно, что оно поднялось и вытянулось въ одну горизонтальную линію съ направленіемъ лапы, державшей веревку, и загудѣло, какъ могъ гудѣть сильно пущенный колоссальный волчокъ. Все, что могло попасть подъ него, непремѣнно должно было сокрушиться вдребезги. Если же веревка гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь пунктѣ своего протяженія оказалась бы недостаточно прочною и лопнула, то разлетѣвшееся въ центробѣжномъ направленіи бревно, оторвавшись, полетѣло бы вдаль. Богъ вѣсть до какихъ далекихъ предѣловъ, и на этомъ полетѣ непремѣнно сокрушитъ все живое, что оно можетъ встрѣтить.

Всѣ мы — люди, всѣ лошади и собаки, на всей линіи и цѣпи, были въ страшной опасности и всякій, конечно, желалъ, чтобы для сохраненія его жизни, веревка, на которой вертѣлъ свою колоссальную пращу Станарель, была крѣпка. Но какой, однако, все это могло имѣть конецъ? Этого, впрочемъ, не пожелалъ дожидаться никто, кромѣ нѣсколькихъ охотниковъ и двухъ стрѣлковъ, посаженныхъ въ секретныхъ ямахъ у самаго лѣса. Вся остальная публика, то-есть всѣ гости и семейные дяди, пріѣхавшіе на эту потѣху въ качествѣ зрителей, не находили болѣе въ случившемся ни малѣйшей потѣхи. Всѣ въ перепугѣ велѣли кучерамъ какъ можно скорѣе скакать далѣе отъ опаснаго мѣста, и въ страшномъ безпорядкѣ, тѣсня и перегоняя другъ друга, помчались къ дому.

Въ сильномъ и безпорядочномъ бѣгствѣ по дорогѣ было нѣсколько столкновеній, нѣсколько паденій, немного смѣха и не мало перепуговъ. Выпавшимъ изъ саней казалось, что бревно оторвалось отъ веревки и свиститъ, пролетая надъ ихъ головами, а за ними гонится разсвирѣпѣвшій звѣрь.

Но гости, достигши дома, могли придти въ покой и оправиться, а тѣ немногіе, которые остались на мѣстѣ травли, видѣли нѣчто, гораздо болѣе страшное.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Никакихъ собакъ нельзя было пускать на Сганареля. Ясно было, что при его страшномъ вооруженіи бревномъ, онъ могъ побѣдить все великое множество псовъ безъ малѣйшаго для себя вреда. А медвѣдь, вертя свое бревно и самъ за нимъ поворачиваясь, прямо подавался къ лѣсу и смерть его ожидала только здѣсь, у секрета, въ которомъ сидѣли Ферапонтъ и безъ промаха стрѣлявшій Флегонтъ.

Мѣткая пуля все могла кончить смѣло и вѣрно.

Но рокъ удивительно покровительствовалъ Сганарелю и, разъ вмѣшавшись въ дѣло звѣря, какъ будто хотѣлъ спасти его во что бы то ни стало.

Въ ту самую минуту, когда Сганарель сравнялся съ привалами, изъ-за которыхъ торчали на сошкахъ наведенныя на него дула кухенрейтеровскихъ штуцеровъ Храпошки и Флегонта, веревка, на которой летало бревно, неожиданно лопнула и... какъ пущенная изъ лука стрѣла, стрекнуло въ одну сторону, а медвѣдь, потерявъ равновѣсіе, упалъ и покатился кубаремъ въ другую.

Передъ оставшимися на полѣ вдругъ сформировалась новая живая и страшная картина: бревно сшибло сошки и весь заметъ, за которымъ скрывался въ секретѣ Флегонтъ, а потомъ, перескочивъ черезъ него, оно ткнулось и закопалось другимъ концомъ въ дальнемъ сугробѣ; Сганарель тоже не терялъ времени. Перекувыркнувшись три или четыре раза, онъ прямо попалъ за снѣжный валикъ Храпошки...

Сганарель его моментально узналъ, дохнулъ на него своей горячей пастью, хотѣлъ лизнуть языкомъ, но вдругъ съ другой стороны, отъ Флегонта крякнулъ выстрѣлъ и... медвѣдь убѣжалъ въ лѣсъ, а Храпошка... упалъ безъ чувствъ.

Его подняли и осмотрѣли: онъ былъ раненъ пулею въ руку навылетъ, но въ ранѣ его было также нѣсколько медвѣжьей шерсти.

Флегонтъ не потерялъ званія перваго стрѣлка, но онъ стрѣлялъ впопыхахъ изъ тяжелаго штуцера и безъ сошекъ, съ которыхъ могъ бы прицѣлиться. Притомъ же на дворѣ уже было сѣро и медвѣдь съ Храпошкою были слишкомъ тѣсно скучены...

При такихъ условіяхъ и этотъ выстрѣлъ съ промахомъ на одну линію должно было считать въ своемъ родѣ замѣчательнымъ.

Тѣмъ не менѣе—*Сганарель ушелъ*. Погоня за нимъ по лѣсу въ этотъ же самый вечеръ была невозможна; а до слѣдующаго утра въ умѣ того, чья воля была здѣсь для всѣхъ закономъ, просіяло совсѣмъ иное настроеніе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Дядя вернулся послѣ окончанія описанной неудачной охоты. Онъ былъ гнѣвенъ и суровъ болѣе, чѣмъ обыкновенно. Передъ тѣмъ, какъ сойти у крыльца съ лошади, онъ отдалъ приказъ—завтра чѣмъ-свѣтъ искать слѣдовъ звѣря и обложить его такъ, чтобы онъ не могъ скрыться.

Правильно поведенная охота, конечно, должна была дать совсѣмъ другіе результаты.

Затѣмъ ждали распоряженія о раненомъ Храпошкѣ. По мнѣнію всѣхъ, его должно было постигнуть нѣчто страшное. Онъ, по меньшей мѣрѣ, былъ виноватъ въ той оплошности, что не всадилъ охотничьяго ножа въ грудь Сганареля, когда тотъ очутился съ нимъ вмѣстѣ и оставилъ его нимало не поврежденнымъ въ его объятіяхъ. Но, кромѣ того, были сильныя и, кажется, вполнѣ основательныя подозрѣнія, что Храпошка схитрилъ, что онъ въ роковую минуту умышленно не хотѣлъ поднять своей руки на своего косматаго друга и пустилъ его на волю.

Всѣмъ извѣстная взаимная дружба Храпошки съ Сганарелемъ давала этому предположенію много вѣроятности.

Такъ думали не только всѣ участвовавшіе въ охотѣ, но такъ же точно толковали теперь и всѣ гости.

Прислушиваясь къ разговорамъ взрослыхъ, которые собрались къ вечеру въ большой залѣ, гдѣ въ это время для насъ зажигали богато-убранную елку, мы раздѣляли и общія подозрѣнія и общій страхъ предъ тѣмъ, что̀ можетъ ждать Ферапонта.

На первый разъ, однако, изъ передней, черезъ которую дядя прошелъ съ крыльца къ себѣ «на половину», до залы достигъ слухъ, что о Храпошкѣ не было никакого приказанія.

— Къ лучшему это, однако, или нѣтъ?—прошепталъ кто-то, и шопотъ это среди общей тяжелой унылости толкнулся въ каждое сердце.

Его услыхалъ и отецъ Алексѣй, старый сельскій священникъ съ бронзовымъ крестомъ двѣнадцатаго года. Старикъ тоже вздохнулъ и такимъ же шопотомъ сказалъ:

— Молитесь рожденному Христу.

Съ этимъ онъ самъ и всѣ сколько здѣсь было взрослыхъ и дѣтей, баръ и холопей, всѣ мы сразу перекрестились. И тому было время. Не успѣли мы опустить наши руки, какъ широко растворились двери и вошелъ, съ палочкой въ рукѣ, дядя. Его сопровождали двѣ его любимыя борзыя собаки и камердинеръ Жюстинъ. Послѣдній несъ за нимъ на серебряной тарелкѣ его бѣлый фуляръ и круглую табакерку съ портретомъ Павла Перваго.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Вольтеровское кресло для дяди было поставлено на небольшомъ персидскомъ коврѣ передъ елкою, посреди комнаты. Онъ молча сѣлъ въ это кресло и молча же взялъ у Жюстина свой фуляръ и свою табакерку. У ногъ его тотчасъ легли и вытянули свои длинныя морды обѣ собаки.

Дядя былъ въ синемъ шелковомъ архалукѣ съ вышитыми гладью застежками, богато украшенными бѣлыми филиграневыми пряжками съ крупной бирюзой. Въ рукахъ у него была его тонкая, но крѣпкая палка изъ натуральной кавказской черешни.

Палочка теперь ему была очень нужна, потому что во время суматохи, происшедшей на садкѣ, отмѣнно выѣзженная Щеголиха тоже не сохранила безстрашія—она метнулась въ сторону и больно прижала къ дереву ногу своего всадника.

Дядя чувствовалъ сильную боль въ этой ногѣ и даже немножко похрамывалъ.

Это новое обстоятельство, разумѣется, тоже не могло прибавить ничего добраго въ его раздраженное и гнѣвливое сердце. Притомъ, было дурно и то, что при появленіи дяди мы всѣ замолчали. Какъ большинство подозрительныхъ людей, онъ терпѣть не могъ этого, и хорошо его знавшій отецъ Алексѣй поторопился, какъ умѣлъ, поправить дѣло, чтобы только нарушить эту зловѣщую тишину.

Имѣя нашъ дѣтскій кругъ близъ себя, священникъ задалъ намъ вопросъ: понимаемъ ли мы смыслъ пѣсни «Христосъ рождается»? Оказалось, что не только мы, но и старшіе плохо ее разумѣли. Священникъ сталъ намъ разъяснять слова: «славите», «рящите» и «возноситеся», и дойдя до значенія этого послѣдняго слова, самъ тихо «вознесся»

и умомъ, и сердцемъ. Онъ заговорилъ *о дарѣ*, который и нынче, какъ и «во время оно», всякій бѣднякъ можетъ поднесть къ яслямъ «рожденнаго Отроча», смѣлѣе и достойнѣе, чѣмъ поднесли злато, смирну и ливанъ волхвы древности. Даръ нашъ,—наше сердце исправленное по Его ученію. Старикъ говорилъ о любви, о прощеньи, о долгѣ каждаго утѣшить друга и недруга «во имя Христово»... И думается мнѣ, что слово его въ тотъ часъ было убѣдительно... Всѣ мы понимали, къ чему оно клонитъ, всѣ его слушали съ особеннымъ чувствомъ, какъ бы моляся, чтобы это слово достигло до цѣли, и у многихъ изъ насъ на рѣсницахъ дрожали хорошія слезы...

Вдругъ что-то упало... Это была дядина палка... Ее ему подали, но онъ до нея не коснулся: онъ сидѣлъ, склонясь на бокъ, съ опущенною съ кресла рукою, въ которой, какъ позабытая, лежала большая бирюза отъ застежки... Но вотъ онъ уронилъ и ее, и... ее никто не спѣшилъ поднимать.

Всѣ глаза были устремлены на его лицо. Происходило удивительное: *онъ плакалъ!*

Священникъ тихо раздвинулъ дѣтей и, подойдя къ дядѣ, молча благословилъ его рукою.

Тотъ поднялъ лицо, взялъ старика за руку и неожиданно поцѣловалъ ее передъ всѣми и тихо молвилъ:

— Спасибо.

Въ ту же минуту онъ взглянулъ на Жюстина и велѣлъ позвать сюда Ферапонта.

Тотъ предсталъ блѣдный, съ подвязанной рукою.

— Стань здѣсь!—велѣлъ ему дядя и показалъ рукою на коверъ.

Храпошка подошелъ и упалъ на колѣни.

— Встань... поднимись!—сказалъ дядя.—Я тебя прощаю.

Храпошка опять бросился ему въ ноги. Дядя заговорилъ нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Ты любилъ звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человѣка. Ты меня этимъ тронулъ и превзошелъ меня въ великодушіи. Объявляю тебѣ отъ меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди, куда хочешь.

— Благодарю, и никуда не пойду,—воскликнулъ Храпошка.

— Что?

— Никуда не пойду,—повторилъ Ферапонтъ.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вамъ вольной волей служить честнѣй, чѣмъ за страхъ поневолѣ.

Дядя моргнулъ глазами, приложилъ къ нимъ одною рукою свой бѣлый фуляръ, а другою, нагнувшись, обнялъ Ферапонта и... всѣ мы поняли, что намъ надо встать съ мѣстъ, и тоже закрыли глаза... Довольно было чувствовать, что здѣсь совершилась слава вышнему Богу и заблагоухалъ миръ во имя Христово, на мѣстѣ суроваго страха.

Это отразилось и на деревнѣ, куда были посланы котлы браги. Зажглись веселые костры и было веселье во всѣхъ, и, шутя, говорили другъ другу:

— У насъ нонѣ такъ сталось, что и звѣрь пошелъ во святой тишинѣ Христа славить.

Станареля не отыскивали. Ферапонтъ, какъ ему сказано было, сдѣлался вольнымъ, скоро замѣнилъ при дядѣ Жюстина и былъ не только вѣрнымъ его слугою, но и вѣрнымъ его другомъ до самой его смерти. Онъ закрылъ своими руками глаза дяди и онъ же схоронилъ его въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ и по сю-пору цѣлъ его памятникъ. Тамъ же, въ ногахъ у него, лежитъ и Ферапонтъ.

Цвѣтовъ имъ теперь приноситъ уже некому, но въ московскихъ норахъ и трущобахъ есть люди, которые помнятъ бѣлоголоваго длиннаго старика, который словно чудомъ умѣлъ узнавать, гдѣ есть истинное горе, и умѣлъ поспѣвать туда во-время самъ, или посылалъ не съ пустыми руками своего добраго пучеглазаго слугу.

Эти два добряка, о которыхъ много бы можно сказать, были: мой дядя и его Ферапонтъ, котораго старикъ въ шутку называлъ: *«укротитель звѣря»*

ПРИВИДѢНІЕ ВЪ ИНЖЕНЕРНОМЪ ЗАМКѢ.

(Изъ кадетскихъ воспоминаній.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У домовъ, какъ у людей, есть своя репутація. Есть дома, гдѣ, по общему мнѣнію, *нечисто*, т. е., гдѣ замѣчаютъ тѣ или другія проявленія какой-то нечистой или, по крайней мѣрѣ, непонятной силы. Спириты старались много сдѣлать для разъясненія этого рода явленій, но такъ какъ теоріи ихъ не пользуются большимъ довѣріемъ, то дѣло съ страшными домами остается въ прежнемъ положеніи.

Въ Петербургѣ во мнѣніи многихъ подобною худою славою долго пользовалось характерное зданіе бывшаго Павловскаго дворца, извѣстное нынче подъ названіемъ Инженернаго замка. Таинственныя явленія, приписываемыя духамъ и привидѣніямъ, замѣчали здѣсь почти съ самаго основанія замка. Еще при жизни императора Павла тутъ, говорятъ, слышали голосъ Петра Великаго и, наконецъ, даже самъ императоръ Павелъ видѣлъ тѣнь своего прадѣда. Послѣднее, безъ всякихъ опроверженій, записано въ заграничныхъ сборникахъ, гдѣ нашли себѣ мѣсто описанія внезапной кончины Павла Петровича, и въ новѣйшей русской книгѣ г. Кобеко. Прадѣдъ, будто бы, покидалъ могилу, чтобы предупредить своего правнука, что дни его малы и конецъ ихъ близокъ. Предсказаніе сбылось.

Впрочемъ, тѣнь Петрова была видима въ стѣнахъ зáмка не однимъ императоромъ Павломъ, но и людьми, къ нему приближенными. Словомъ, домъ былъ страшенъ потому, что

тамъ жили или, по крайней мѣрѣ, являлись тѣни и привидѣнія и говорили что-то такое страшное и, вдобавокъ, еще сбывающееся. Неожиданная внезапность кончины императора Павла, по случаю которой въ обществѣ тотчасъ вспомнили и заговорили о предвѣщательныхъ тѣняхъ, встрѣчавшихъ покойнаго императора въ зàмкѣ, еще болѣе увеличила мрачную и таинственную репутацію этого угрюмаго дома. Съ тѣхъ поръ домъ утратилъ свое прежнее значеніе жилого дворца, а по народному выраженію — «пошелъ подъ кадетовъ».

Нынче въ этомъ упраздненномъ дворцѣ помѣщаются юнкера инженернаго вѣдомства, но начали его «обживать» прежніе инженерные кадеты. Это былъ народъ еще болѣе молодой и совсѣмъ еще не освободившійся отъ дѣтскаго суевѣрія, и притомъ рѣзвый и шаловливый, любопытный и отважный. Всѣмъ имъ, разумѣется, болѣе или менѣе были извѣстны страхи, которые разсказывали про ихъ страшный зàмокъ. Дѣти очень интересовались подробностями страшныхъ разсказовъ и напитывались этими страхами, а тѣ, которые успѣли съ ними достаточно освоиться, очень любили пугать другихъ. Это было въ большомъ ходу между инженерными кадетами, и начальство никакъ не могло вывести этого дурного обычая, пока не произошелъ случай, который сразу отбилъ у всѣхъ охоту къ пуганьямъ и шалостямъ.

Объ этомъ случаѣ и будетъ наступающій разсказъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенно было въ модѣ пугать новичковъ или, такъ называемыхъ, «малышей», которые, попадая въ зàмокъ, вдругъ узнавали такую массу страховъ о зàмкѣ, что становились суевѣрными и робкими до крайности. Болѣе всего ихъ пугало, что въ одномъ концѣ коридоровъ зàмка есть комната, служившая спальней покойному императору Павлу, въ которой онъ легъ почивать здоровымъ, а утромъ его оттуда вынесли мертвымъ. «Старики» увѣряли, что духъ императора живетъ въ этой комнатѣ и каждую ночь выходитъ оттуда и осматриваетъ свой любимый зàмокъ, — а «малыши» этому вѣрили. Комната эта была всегда крѣпко заперта и притомъ не однимъ, а нѣсколькими замками, но для духа, какъ извѣстно, никакіе замки и затворы не имѣютъ значенія. Да и кромѣ того, говорили, будто въ эту комнату

можно было какъ-то проникать. Кажется, это такъ и было на самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, жило и до сихъ поръ живетъ преданіе, будто это удавалось нѣсколькимъ «старымъ кадетамъ» и продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не задумалъ отчаянную шалость, за которую ему пришлось жестоко поплатиться. Онъ открылъ какой-то неизвѣстный лазъ въ страшную спальню покойнаго императора, успѣлъ пронести туда простыню и тамъ ее спряталъ, а по вечерамъ забирался сюда, покрывался съ ногъ до головы этой простынею и становился въ темномъ окнѣ, которое выходило на Садовую улицу и было хорошо видно всякому, кто, проходя или проѣзжая, поглядитъ въ эту сторону.

Исполняя такимъ образомъ роль привидѣнія, кадетъ, дѣйствительно, успѣлъ навести страхъ на многихъ суевѣрныхъ людей, жившихъ въ замкѣ, и на прохожихъ, которымъ случалось видѣть его бѣлую фигуру, всѣми принимавшуюся за тѣнь покойнаго императора.

Шалость эта продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и распространила упорный слухъ, что Павелъ Петровичъ по ночамъ ходитъ вокругъ своей спальни и смотритъ изъ окна на Петербургъ. Многимъ до несомнѣнности живо и ясно представлялось, что стоявшая въ окнѣ бѣлая тѣнь имъ не разъ кивала головой и кланялась; кадетъ, дѣйствительно, продѣлывалъ такія штуки. Все это вызывало въ замкѣ обширные разговоры съ предвозвѣщательными истолкованіями и закончилось тѣмъ, что надѣлавшій описанную тревогу кадетъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, получивъ «примѣрное наказаніе на тѣлѣ», исчезъ навсегда изъ заведенія. Ходилъ слухъ, будто злополучный кадетъ имѣлъ несчастіе испугать своимъ появленіемъ въ окнѣ одно случайно проѣзжавшее мимо замка высокое лицо, за что и былъ наказанъ не по-дѣтски. Проще сказать, кадеты говорили, будто несчастный шалунъ «умеръ подъ розгами», и такъ какъ въ тогдашнее время подобныя вещи не представлялись невѣроятными, то и этому слуху повѣрили, а съ этихъ поръ самъ этотъ кадетъ сталъ новымъ привидѣніемъ. Товарищи начали его видѣть «всего изсѣченнаго» и съ гробовымъ вѣнчикомъ на лбу, а на вѣнчикѣ, будто, можно было читать надпись: «вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю».

Если вспомнить библейскій разсказъ, въ которомъ эти слова находятъ себѣ мѣсто, то оно выходитъ очень трогательно.

Вскорѣ за погибелью кадета спальная комната, изъ которой исходили главнѣйшіе страхи инженернаго зàмка, была открыта и получила такое приспособленіе, которое измѣнило ея жуткій характеръ, но преданія о привидѣніи долго еще жили, несмотря на послѣдовавшее разоблаченіе тайны. Кадеты продолжали вѣрить, что въ ихъ зàмкѣ живетъ, а иногда ночами является призракъ. Это было общее убѣжденіе, которое равномѣрно держалось у кадетовъ младшихъ и старшихъ съ тою, впрочемъ, разницею, что младшіе просто слѣпо вѣрили въ привидѣніе, а старшіе иногда сами устраивали его появленіе. Одно другому, однако, не мѣшало, и сами поддѣлыватели привидѣнія его тоже побаивались. Такъ, иные «ложные сказатели чудесъ» сами ихъ воспроизводятъ и сами имъ поклоняются и даже вѣрятъ въ ихъ дѣйствительность.

Кадеты младшаго возраста не знали «всей исторіи», разговоръ о которой, послѣ происшествія съ получившимъ жестокое наказаніе на тѣлѣ, строго преслѣдовался, но они вѣрили, что старшимъ кадетамъ, между которыми находились еще товарищи высѣченнаго или засѣченнаго, была извѣстна вся тайна призрака. Это давало старшимъ большой престижъ и тѣ имъ пользовались до 1859 или 1860 года, когда четверо изъ нихъ сами подверглись очень страшному перепугу, о которомъ я разскажу со словъ одного изъ участниковъ неумѣстной шутки у гроба.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ томъ 1859 или 1860 году умеръ въ инженерномъ зàмкѣ начальникъ этого заведенія, генералъ Ламновскій. Онъ едва ли былъ любимымъ начальникомъ у кадетъ и, какъ говорятъ, будто бы не пользовался лучшею репутаціею у начальства. Причинъ къ этому у нихъ насчитывали много: находили, что генералъ держалъ себя съ дѣтьми, будто бы, очень сурово и безучастливо; мало вникалъ въ ихъ нужды; не заботился объ ихъ содержаніи, — а, главное, былъ докучливъ, придирчивъ и мелочно суровъ. Въ корпусѣ же говорили, что самъ по себѣ генералъ былъ бы еще болѣе золъ, но что неодолимую его лютость укрощала

тихая, какъ ангелъ, генеральша, которой ни одинъ изъ кадетъ никогда не видалъ, потому что она была постоянно больна, но считали ее добрымъ геніемъ, охраняющимъ всѣхъ отъ конечной лютости генерала.

Кромѣ такой славы по сердцу, генералъ Ламновскій имѣлъ очень непріятныя манеры. Въ числѣ послѣднихъ были и смѣшныя, къ которымъ дѣти придирались, и когда хотѣли «представить» нелюбимаго начальника, то обыкновенно выдвигали одну изъ его смѣшныхъ привычекъ на видъ до карикатурнаго преувеличенія.

Самою смѣшною привычкою Ламновскаго было то, что, произнося какую-нибудь рѣчь или дѣлая внушеніе, онъ всегда гладилъ всѣми пятью пальцами правой руки свой носъ. Это, по кадетскимъ опредѣленіямъ, выходило такъ, какъ будто онъ «доилъ слова изъ носа». Покойникъ не отличался краснорѣчіемъ, и у него, что называется, часто недоставало словъ на выраженіе начальственныхъ внушеній дѣтямъ, а потому при всякой такой запинкѣ «доеніе» носа усиливалось, а кадеты тотчасъ же теряли серьезность и начинали пересмѣиваться. Замѣчая это нарушеніе субординаціи, генералъ начиналъ еще болѣе сердиться и наказывалъ ихъ. Такимъ образомъ, отношенія между генераломъ и воспитанниками становились все хуже и хуже, а во всемъ этомъ, по мнѣнію кадетъ, всего болѣе былъ виноватъ «носъ».

Не любя Ламновскаго, кадеты не упускали случая дѣлать ему досажденія и мстить, портя такъ или иначе его репутацію въ глазахъ своихъ новыхъ товарищей. Съ этою цѣлью они распускали въ корпусѣ молву, что Ламновскій знается съ нечистою силою и заставляетъ демоновъ таскать для него мраморъ, который Ламновскій поставлялъ для какого-то зданія, кажется, для Исаакіевскаго собора. Но такъ какъ демонамъ эта работа надоѣла, то разсказывали, будто они нетерпѣливо ждутъ кончины генерала, какъ событія, которое возвратитъ имъ свободу. А чтобы это казалось еще достовѣрнѣе, разъ вечеромъ, въ день именинъ генерала, кадеты сдѣлали ему большую непріятность, устроивъ «похороны». Устроено же это было такъ, что, когда у Ламновскаго, въ его квартирѣ, пировали гости, то въ коридорахъ кадетскаго помѣщенія появилась печальная процессія: покрытые простынями кадеты, со свѣчами въ ру-

кахъ, несли на одрѣ чучело съ длинноносой маской и тихо пѣли погребальныя пѣсни. Устроители этой церемоніи были открыты и наказаны, но въ слѣдующія именины Ламновскаго непростительная шутка съ похоронами опять повторилась. Такъ шло до 1859 года или 1860 года, когда генералъ Ламновскій въ самомъ дѣлѣ умеръ и когда пришлось справлять настоящія его похороны. По обычаямъ, которые тогда существовали, кадетамъ надо было посмѣнно дежурить у гроба, и вотъ тутъ-то и произошла страшная исторія, испугавшая тѣхъ самыхъ героевъ, которые долго пугали другихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Генералъ Ламновскій умеръ позднею осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Петербургъ имѣлъ самый человѣконенавистный видъ: холодъ, пронизывающая сырость и грязь; особенно мутное туманное освѣщеніе тяжело дѣйствуетъ на нервы, а черезъ нихъ на мозгъ и фантазію. Все это производитъ болѣзненное душевное безпокойство и волненіе. Молешоттъ для своихъ научныхъ выводовъ о вліяніи свѣта на жизнь могъ бы получить у насъ въ это время самыя любопытныя данныя.

Дни, когда умеръ Ламновскій, были особенно гадки. Покойника не вносили въ церковь зàмка, потому что онъ былъ лютеранинъ: тѣло стояло въ большой траурной залѣ генеральской квартиры и здѣсь было учреждено кадетское дежурство, а въ церкви служились, по православному установленію, панихиды. Одну панихиду служили днемъ, а другую вечеромъ. Всѣ чины зàмка, равно какъ кадеты и служители, должны были появляться на каждой панихидѣ, и это соблюдалось въ точности. Слѣдовательно, когда въ православной церкви шли панихиды, все населеніе зàмка собиралось въ эту церковь, а остальныя обширныя помѣщенія и длиннѣйшіе переходы совершенно пустѣли. Въ самой квартирѣ усопшаго не оставалось никого кромѣ дежурной смѣны, состоявшей изъ четырехъ кадетъ, которые съ ружьями и съ касками на локтѣ стояли вокругъ гроба.

Тутъ и пошла заматываться какая-то безпокойная жуть: всѣ начали чувствовать что-то безпокойное и стали чего-то побаиваться; а потомъ вдругъ гдѣ-то проговорили, что опять кто-то «встаетъ» и опять кто-то «ходитъ». Стало такъ не-

пріятно, что всѣ начали останавливать другихъ, говоря: «Полно, довольно, оставьте это: ну васъ къ чорту съ такими разсказами! Вы только себѣ и людямъ нервы портите!» А потомъ и сами говорили то же самое, отъ чего унимали другихъ, и къ ночи уже становилось всѣмъ страшно. Особенно это обострилось, когда кадетъ попунялъ «батя», т. е. какой тогда былъ здѣсь священникъ.

Онъ постыдилъ ихъ за радость по случаю кончины генерала и какъ-то коротко, но хорошо умѣлъ ихъ тронуть и насторожить ихъ чувства.

— «*Ходитъ*».—сказалъ онъ имъ, повторяя ихъ же слова.— И разумѣется что ходитъ нѣкто такой, кого вы не видите и видѣть не можете, а въ немъ и есть сила, съ которою не сладишь. Это *сѣрый человѣкъ*, — онъ не въ полночь встаетъ, а въ сумерки, когда сѣро дѣлается, и каждому хочетъ сказать о томъ, что въ мысляхъ есть нехорошаго. Этотъ сѣрый человѣкъ — *совѣсть:* совѣтую вамъ не тревожить его дрянной радостью о чужой смерти. Всякаго человѣка кто-нибудь любитъ, кто-нибудь жалѣетъ,—смотрите, чтобы сѣрый человѣкъ имъ не скинулся, да не далъ бы вамъ тяжелаго урока!

Кадеты это какъ-то взяли глубоко къ сердцу и, чуть только начало въ тотъ день смеркаться, они такъ и оглядываются: нѣтъ ли сѣраго человѣка и въ какомъ онъ видѣ? Извѣстно, что въ сумеркахъ въ душахъ обнаруживается какая-то особенная чувствительность, — возникаетъ новый міръ, затмевающій тотъ, который былъ при свѣтѣ: хорошо знакомые предметы обычныхъ формъ становятся чѣмъ-то прихотливымъ, непонятнымъ и, наконецъ, даже страшнымъ. Этой порою всякое чувство, почему-то, какъ будто, ищетъ для себя какого-то неопредѣленнаго, но усиленнаго выраженія: настроеніе чувствъ и мыслей постоянно колеблется, и въ этой стремительной и густой дисгармоніи всего внутренняго міра человѣка начинаетъ свою работу фантазія: міръ обращается въ сонъ, а сонъ — въ міръ... Это заманчиво и страшно, и чѣмъ болѣе страшно, тѣмъ болѣе заманчиво и завлекательно...

Въ такомъ состояніи было большинство кадетъ, особенно передъ ночными дежурствами у гроба. Въ послѣдній вечеръ передъ днемъ погребенія къ панихидѣ въ церковь ожидалось посѣщеніе самыхъ важныхъ лицъ, а потому,

кромѣ людей, жившихъ въ замкѣ, былъ большой съѣздъ изъ города. Даже изъ самой квартиры Ламновскаго всѣ ушли въ русскую церковь, чтобы видѣть собраніе высокихъ особъ; покойникъ оставался окруженный однимъ дѣтскимъ карауломъ. Въ караулѣ на этотъ разъ стояли четыре кадета: Г—танъ, Б—новъ, З—скій и К—динъ, всѣ до сихъ поръ благополучно здравствующіе и занимающіе теперь солидныя положенія по службѣ и въ обществѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изъ четырехъ молодцовъ, составлявшихъ караулъ,—одинъ, именно К—динъ, былъ самый отчаянный шалунъ, который докучалъ покойному Ламновскому болѣе всѣхъ и потому, въ свою очередь, чаще прочихъ подвергался со стороны умершаго усиленнымъ взысканіямъ. Покойникъ особенно не любилъ К—дина за то, что этотъ шалунъ умѣлъ его прекрасно передразнивать «по части доенія носа» и принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ погребальныхъ процессій, которыя дѣлались въ генеральскія именины.

Когда такая процессія была совершена въ послѣднее тезоименитство Ламновскаго, К—динъ самъ изображалъ покойника и даже произносилъ рѣчь изъ гроба, съ такими ужимками и такимъ голосомъ, что пересмѣшилъ всѣхъ, не исключая офицера, посланнаго разогнать кощунствующую процессію.

Было извѣстно, что это происшествіе привело покойнаго Ламновскаго въ крайнюю гнѣвность, и между кадетами прошелъ слухъ, будто разсерженный генералъ «поклялся наказать К—дина на всю жизнь». Кадеты этому вѣрили и, принимая въ соображеніе извѣстныя имъ черты характера своего начальника, нимало не сомнѣвались, что онъ свою клятву надъ К—динымъ исполнитъ. К—динъ въ теченіе всего послѣдняго года считался «висящимъ на волоскѣ», а такъ какъ, по живости характера, этому кадету было очень трудно воздерживаться отъ рѣзвыхъ и рискованныхъ шалостей, то положеніе его представлялось очень опаснымъ и въ заведеніи того только и ожидали, что вотъ-вотъ К—динъ въ чемъ-нибудь попадется, и тогда Ламновскій съ нимъ не поцеремонится и всѣ его дроби приведетъ къ одному знаменателю, «дастъ себя помнить на всю жизнь».

Страхъ начальственной угрозы такъ сильно чувствовался К—динымъ, что онъ дѣлалъ надъ собою отчаянныя усилія

и, какъ запойный пьяница отъ вина, онъ бѣжалъ отъ всякихъ проказъ, покуда ему пришелъ случай провѣрить на себѣ поговорку, что «мужикъ годъ не пьетъ, а какъ чортъ прорветъ, такъ онъ все пропьетъ».

Чортъ прорвалъ К—дина, именно у гроба генерала, который опочилъ, не приведя въ исполненіе своей угрозы. Теперь генералъ былъ кадету не страшенъ, и долго сдержанная рѣзвость мальчика нашла случай отпрянуть, какъ долго скрученная пружина. Онъ просто обезумѣлъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдняя панихида, собравшая всѣхъ жителей зáмка въ православную церковь, была назначена въ восемь часовъ, но такъ какъ къ ней ожидались высшія лица, послѣ которыхъ неделикатно было входить въ церковь, то всѣ отправились туда гораздо ранѣе. Въ залѣ у покойника осталась одна кадетская смѣна: Г—тонъ, Б—новъ, З—скій и К—динъ. Ни въ одной изъ прилегавшихъ огромныхъ комнатъ не было ни души...

Въ половинѣ восьмого дверь на мгновеніе пріотворилась и въ ней на минуту показался плацъ-адъютантъ, съ которымъ въ эту же минуту случилось пустое происшествіе, усилившее жуткое настроеніе: офицеръ, подходя къ двери, или испугался своихъ собственныхъ шаговъ, или ему казалось, что его кто-то обгоняетъ: онъ сначала пріостановился, чтобы дать дорогу, а потомъ вдругъ воскликнулъ:

«— Кто это! кто!» и, торопливо просунувъ голову въ дверь, другою половинкою этой же двери придавилъ самого себя и снова вскрикнулъ, какъ будто его кто-то схватилъ сзади.

Разумѣется, вслѣдъ же за этимъ онъ оправился и, торопливо окинувъ безпокойнымъ взглядомъ траурный залъ, догадался по здѣшнему безлюдію, что всѣ ушли уже въ церковь: тогда онъ опять притворилъ двери и, сильно звеня саблею, бросился ускореннымъ шагомъ по коридорамъ, ведущимъ къ зáмковому храму.

Стоявшіе у гроба кадеты ясно замѣчали, что и большіе чего-то пугались, а страхъ на всѣхъ дѣйствуетъ заразительно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дежурные кадеты проводили слухомъ шаги удалявшагося офицера и замѣчали, какъ за каждымъ шагомъ ихъ

положеніе здѣсь становилось сиротливѣе.—точно ихъ привели сюда и замуровали съ мертвецомъ за какое-то оскорбленіе, котораго мертвый не позабылъ и не простилъ, а, напротивъ, встанетъ и непремѣнно отмститъ за него. И отмститъ страшно, по-мертвецки... Къ этому нуженъ только свой часъ,—удобный часъ полночи.

...«Когда поетъ пѣтухъ,
И нежить мечется въ потемкахъ...»

Но они же не достоятъ здѣсь до полуночи.—ихъ смѣнятъ, да и притомъ имъ вѣдь страшна не «нежить», а сѣрый человѣкъ, котораго пора—въ сумеркахъ.

Теперь и были самыя густыя сумерки: мертвецъ въ гробу и вокругъ самое жуткое безмолвіе... На дворѣ съ свирѣпымъ неистовствомъ выдъ вѣтеръ, обдавая огромныя окна цѣлыми потоками мутнаго осенняго ливня, и гремѣлъ листами кровельныхъ загибовъ: печныя трубы гудѣли съ перерывами, — точно онѣ вздыхали или, какъ будто, въ нихъ что-то врывалось, задерживалось и снова еще сильнѣе напирало. Все это не располагало ни къ трезвости чувствъ, ни къ спокойствію разсудка. Тяжесть всего этого впечатлѣнія еще болѣе усиливалась для ребятъ, которые должны были стоять, храня мертвое молчаніе: все какъ-то путается; кровь, приливая къ головѣ, ударялась имъ въ виски и слышалось что-то въ родѣ однообразной мельничной стукотни. Кто переживалъ подобныя ощущенія, тотъ знаетъ эту странную и совершенно особенную стукотню крови, — точно мельница мелетъ, но мелетъ не зерно, а перемалываетъ самоё себя. Это скоро приводитъ человѣка въ тягостное и раздражающее состояніе, похожее на то, которое непривычные люди ощущаютъ, опускаясь въ темную шахту къ рудокопамъ, гдѣ обычный для насъ дневной свѣтъ вдругъ замѣняется дымящейся плошкой... Выдерживать молчаніе становится невозможно, хочется слышать хоть свой собственный голосъ, хочется куда-то сунуться,—что-то сдѣлать самое безразсудное.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Одинъ изъ четырехъ, стоявшихъ у гроба генерала, кадетовъ, именно К-динъ, переживая всѣ эти ощущенія, забылъ дисциплину и, стоя подъ ружьемъ, прошепталъ:

— Духи лѣзутъ къ намъ за папкинымъ носомъ.

Ламновскаго въ шутку называли иногда «папкою», но шутка на этотъ разъ не смѣшила товарищей, а, напротивъ, увеличила жуть, и двое изъ дежурныхъ, замѣтивъ это, отвѣчали К—дину:

— Молчи... и безъ того страшно,—и всѣ тревожно воззрились въ укутанное кисеею лицо покойника.

— Я оттого и говорю, что вамъ страшно,—отвѣчалъ К—динъ:—а мнѣ, напротивъ, не страшно, потому что мнѣ онъ теперь уже ничего не сдѣлаетъ. Да: надо быть выше предразсудковъ и пустяковъ не бояться, а всякій мертвецъ—это уже настоящій пустякъ, и я это вамъ сейчасъ докажу.

— Пожалуйста, ничего не доказывай.

— Нѣтъ, докажу. Я вамъ докажу, что папка теперь ничего не можетъ мнѣ сдѣлать даже въ томъ случаѣ, если я его сейчасъ, сію минуту, возьму за носъ.

И съ этимъ, неожиданно для всѣхъ остальныхъ, К—динъ въ ту же минуту, перехвативъ ружье на локоть, быстро взбѣжалъ по ступенямъ катафалка и, взявъ мертвеца за носъ, громко и весело вскрикнулъ:

— Ага, папка, ты умеръ, а я живъ и трясу тебя за носъ, и ты мнѣ ничего не сдѣлаешь!

Товарищи оторопѣли отъ этой шалости и не успѣли проронить слова, какъ вдругъ всѣмъ имъ въ разъ ясно и внятно послышался глубокій болѣзненный вздохъ,—вздохъ очень похожій на то, какъ бы кто сѣлъ на надутую воздухомъ резиновую подушку съ неплотно завернутымъ клапаномъ... И этотъ вздохъ, — всѣмъ показалось, — повидимому, шелъ прямо изъ гроба...

К—динъ быстро отхватилъ руку и, спѣткнувшись, съ громомъ полетѣлъ съ своимъ ружьемъ со всѣхъ ступеней катафалка, трое же остальныхъ, не отдавая себѣ отчета, что они дѣлаютъ, въ страхѣ взяли свои ружья на-перевѣсъ, чтобы защищаться отъ поднимавшагося мертвеца.

Но этого было мало: покойникъ не только вздохнулъ, а, дѣйствительно, гнался за оскорбившимъ его шалуномъ или придерживалъ его за руку: за К—динымъ ползла цѣлая волна гробовой кисеи, отъ которой онъ не могъ отбиться,—и, страшно вскрикнувъ, онъ упалъ на полъ.. Эта ползущая волна кисеи, въ самомъ дѣлѣ, представлялась явленіемъ совершенно необъяснимымъ и, разумѣется, страшнымъ, тѣмъ болѣе, что закрытый ею мертвецъ те-

перь совсѣмъ открывался съ его сложенными руками на впалой груди.

Шалунъ лежалъ, уронивъ свое ружье, и, закрывъ отъ ужаса лицо руками, издавалъ ужасные стоны. Очевидно, онъ былъ въ памяти и ждалъ, что покойникъ сейчасъ за него примется по-свойски.

Между тѣмъ вздохъ повторился и, вдобавокъ къ нему, послышался тихій шелестъ. Это былъ такой звукъ, который могъ произойти, какъ бы, отъ движенія одного суконнаго рукава по другому. Очевидно, покойникъ раздвигалъ руки,—и вдругъ тихій шумъ; затѣмъ потокъ иной температуры пробѣжалъ струею по свѣчамъ и въ то же самое мгновеніе въ шевелившихся портьерахъ, которыми были закрыты двери внутреннихъ покоевъ, показалось *привидѣніе*. Сѣрый человѣкъ! Да, испуганнымъ глазамъ дѣтей предстало вполнѣ ясно сформированное привидѣніе въ видѣ человѣка... Явилась ли это сама душа покойника въ новой оболочкѣ, полученной ею въ другомъ мірѣ, изъ котораго она вернулась на мгновеніе, чтобы наказать оскорбительную дерзость, или, быть-можетъ, это былъ еще болѣе страшный гость,—самъ *духъ за́мка*, вышедшій сквозь полъ сосѣдней комнаты изъ подземелья!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Привидѣніе не было мечтою воображенія,—оно не исчезало и напоминало своимъ видомъ описаніе, сдѣланное поэтомъ Гейне для видѣнной имъ «таинственной женщины»: какъ то, такъ и это представляло «трупъ, въ которомъ заключена душа». Передъ испуганными дѣтьми была въ крайней степени изможденная фигура, вся въ бѣломъ, но въ тѣни она казалась сѣрою. У нея было страшно худое, до синевы блѣдное и совсѣмъ угасшее лицо; на головѣ всклоченные въ безпорядкѣ густые и длинные волосы. Отъ сильной просѣди они тоже казались сѣрыми и, разбѣгавшись въ безпорядкѣ, закрывали грудь и плечи привидѣнія!.. Глаза видѣлись яркіе, воспаленные и блестѣвшіе болѣзненнымъ огнемъ... Сверканье ихъ изъ темныхъ глубоко впалыхъ орбитъ было подобно сверканью горящихъ углей. У видѣнія были тонкія худыя руки, похожія на руки скелета, и обѣими этими руками оно держалось за полы тяжелой дверной драпировки.

Судорожно сжимая матерію въ слабыхъ пальцахъ, эти руки и производили тотъ сухой суконный шелестъ, который слышали кадеты.

Уста привидѣнія были совершенно черны и открыты, и изъ нихъ-то послѣ короткихъ промежутковъ со свистомъ и хрипѣніемъ вырывался тотъ напряженный полустонъ, полувздохъ, который впервые послышался, когда К—динъ взялъ покойника за носъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Увидавъ это грозное привидѣніе, три оставшіеся на ногахъ стража окаменѣли и замерли въ своихъ оборонительныхъ позиціяхъ крѣпче К—дина, который лежалъ пластомъ съ прицѣпленнымъ къ нему гробовымъ покровомъ.

Привидѣніе не обращало никакого вниманія на всю эту группу: его глаза были устремлены на одинъ гробъ, въ которомъ теперь лежалъ совсѣмъ раскрытый покойникъ. Оно тихо покачивалось и, повидимому, хотѣло двигаться. Наконецъ, это ему удалось. Держась руками за стѣну, привидѣніе медленно тронулось и прерывистыми шагами стало переступать ближе ко гробу. Движеніе это было ужасно. Судорожно вздрагивая при каждомъ шагѣ и съ мученіемъ ловя раскрытыми устами воздухъ, оно исторгало изъ своей пустой груди тѣ ужасные вздохи, которые кадеты приняли за вздохи изъ гроба. И вотъ еще шагъ, и еще шагъ и, наконецъ, оно близко, оно подошло къ гробу, но прежде, чѣмъ подняться на ступени катафалка, оно остановилось, взяло К—дина за ту руку, у которой, отвѣчая лихорадочной дрожи его тѣла, трепеталъ край волновавшейся гробовой кисеи, и своими тонкими, сухими пальцами отцѣпило эту кисею отъ обшлажной пуговицы шалуна; потомъ посмотрѣло на него съ неизъяснимой грустью, тихо ему погрозило и... перекрестило его...

Затѣмъ, оно, едва держась на трясущихся ногахъ, поднялось по ступенямъ катафалка, ухватилось за край гроба и, обвивъ своими скелетными руками плечи покойника, зарыдало...

Казалось, въ гробу цѣловались двѣ смерти, но скоро и это кончилось. Съ другого конца замка донесся слухъ жизни: панихида кончилась и изъ церкви въ квартиру мертвеца спѣшили передовые, которымъ надо было быть здѣсь, на случай посѣщенія высокихъ особъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

До слуха кадетъ долетѣли приближавшіеся по коридорамъ гулкіе шаги и вырвавшіеся вслѣдъ за ними изъ отворенной церковной двери послѣдніе отзвуки заупокойной пѣсни.

Оживительная перемѣна впечатлѣній заставила кадетъ ободриться, а долгъ привычной дисциплины поставилъ ихъ въ надлежащей позиціи на надлежащее мѣсто.

Тотъ адъютантъ, который былъ послѣднимъ лицомъ, заглянувшимъ сюда передъ панихидою, и теперь торопливо вбѣжалъ первый въ траурную залу и воскликнулъ:

— Боже мой, какъ она сюда пришла!

Трупъ въ бѣломъ, съ распущенными сѣдыми волосами, лежалъ, обнимая покойника, и, кажется, самъ не дышалъ уже. Дѣло пришло къ разъясненію.

Напугавшее кадетъ привидѣніе была вдова покойнаго генерала, которая сама была при смерти и, однако, имѣла несчастіе пережить своего мужа. По крайней слабости, она уже давно не могла оставлять постель, но, когда всѣ ушли къ парадной панихидѣ въ церковь, она сползла съ своего смертнаго ложа и, опираясь руками объ стѣны, явилась къ гробу покойника. Сухой шелесть, который кадеты приняли за шелестъ рукавовъ покойника, были ея прикосновенія къ стѣнамъ. Теперь она была въ глубокомъ обморокѣ, въ которомъ кадеты, по распоряженію адъютанта, и вынесли ее въ креслѣ за драпировку.

Это былъ послѣдній страхъ въ инженерномъ зàмкѣ, который, по словамъ разсказчика, оставилъ въ нихъ навсегда глубокое впечатлѣніе.

— Съ этого случая,—говорилъ онъ:—всѣмъ намъ стало возмутительно слышать, если кто-нибудь радовался чьей бы то ни было смерти. Мы всегда помнили нашу непростительную шалость и благословляющую руку послѣдняго привидѣнія инженернаго зàмка, которое одно имѣло власть простить насъ по святому праву любви. Съ этихъ же поръ прекратились въ корпусѣ и страхи отъ привидѣній. То, которое мы видѣли, было послѣднее.

ОТБОРНОЕ ЗЕРНО.

КРАТКАЯ ТРИЛОГІЯ ВЪ ПРОСОНКѢ.

«Спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ и всѣя плевелы посреди пшеницы».

Мѳ. XII. 25.

Желаніе видѣть дорогихъ друзей заставляло меня спѣшить къ нимъ, а недосугъ дозволялъ сдѣлать нужный для этого переѣздъ на самыхъ праздникахъ. Благодаря такимъ условіямъ, я встрѣчалъ новый годъ въ вагонѣ. Настроеніе внутри себя я чувствовалъ невеселое и тяжелое. Учители благочестія внушаютъ повѣрять свою совѣсть каждый вечеръ. Этого я не дѣлаю, но при окончаніи прожитаго года благочестивый совѣтъ наставниковъ приходитъ на память, и я начинаю себя провѣрять. Дѣлаю я это сразу за цѣлый годъ, но зато аккуратно всякій разъ остаюсь собою всесторонне недоволенъ. Въ нынѣшній разъ мое обычное неудовольствіе осложнилось еще и досадами на другихъ,— особенно на князя Бисмарка за его неуважительные отзывы о моихъ соотечественникахъ и за его недобрыя на нашъ счетъ предсказанія. Его желѣзная грубость позволила ему прямо и безъ застѣнчивости сказать, что Россіи, по его мнѣнію, только и остается «погибнуть». Какъ, «за что погибнуть!?» И пошло думаться и выходить—будто какъ и есть за что, — будто какъ и не за что? А кругомъ меня все спитъ. Пять, шесть пассажировъ, которыхъ случай послалъ мнѣ въ попутчики, всѣ другъ отъ друга сторонились и всѣ хранятъ въ какомъ-то озлобленіи.

И стало мнѣ стыдно отъ моей унылости и моего пустомыслія, и зачѣмъ я не сплю, когда всѣмъ спится? И какое мнѣ дѣло до того, что̀ сказалъ о насъ Бисмаркъ, и для чего я обязанъ вѣрить его предсказаніямъ? Лучше ничего этого «внятіемъ не тѣшить», а приспособиться, да заснуть яко же и прочіе человѣцы и пойдетъ дѣло веселѣе и занимательнѣе.

Такъ я и сдѣлалъ: отвернулся отъ всѣхъ, ранѣе оборотившихся ко мнѣ спинами, и началъ усиленно звать сонъ; но мнѣ плохо спалось съ безпрестанными перерывами, пока судьба не послала мнѣ неожиданнаго развлеченія, которое разогнало на время мою дремоту и въ то же время ободрило меня противъ невыгодныхъ заключеній о нашей дисгармоніи.

Съ платформы у одного маленькаго городка вошли два человѣка—одинъ легкій на ногу, должно быть, молодой, а другой—грузнѣе и постарше. Я, впрочемъ, не могъ ихъ разсмотрѣть, потому что фонари въ вагонѣ были затянуты темно-синей тафтою и не пропускали столько свѣта, чтобы можно было хорошо разсмотрѣть незнакомыя лица. Однако я сразу же расположенъ былъ думать, что новые пассажиры принадлежатъ не только къ достаточному, но и къ образованному классу. Они, входя, не шумѣли, не говорили очень громко и вообще старались, сколько можно, никого не обезпокоить своимъ приходомъ, а расположились тихо и снисходительно тамъ, гдѣ нашлось для нихъ свободное сидѣнье. По случаю это пришлось очень близко отъ того мѣста, гдѣ я дремалъ, забившись въ темный уголъ дивана. Волей-неволей я долженъ былъ слышать всякое ихъ слово, если бы оно было сказано даже полушопотомъ. Это такъ и вышло, и я на то нимало не жалуюсь, потому что разговоръ, который повели тихо вполголоса мои новые сосѣди, показался мнѣ настолько интереснымъ, что я его тогда же, по пріѣздѣ домой, записалъ, а теперь рѣшаюсь даже представить вниманію читателей.

По первымъ же словамъ, съ которыхъ здѣсь начали новые пассажиры, видно было, что они уже прежде, сидя въ ожиданіи поѣзда на станціи, бесѣдовали на одну какую-то любопытную тему, а здѣсь они только продолжали иллюстраціи къ положеніямъ, до которыхъ раньше договорились.

Говорилъ изъ двухъ пассажировъ одинъ, у котораго былъ

старый, подержаный баритонъ, — голосъ приличный, такъ сказать, большому акціонеру или не меньше, какъ тайному совѣтнику, явно разрабатывающему какія-нибудь естественныя богатства страны. Другой только слушалъ и лишь изрѣдка вставлялъ какое-нибудь слово, или спрашивалъ какихъ-нибудь поясненій. Этотъ говорилъ немного звонкимъ фальцетомъ, какой наичаще случается у прогрессирующихъ чиновниковъ особыхъ порученій, чувствующихъ тяготѣніе къ литературѣ.

Начиналъ баритонъ, и рѣчь его была слѣдующая:

— Я вамъ сейчасъ же представлю всю эту нашу соціабельность въ лицахъ и притомъ, какъ она выразилась, заразъ въ одномъ самомъ недавнемъ и на мой взглядъ прелюбопытномъ дѣлѣ. Случай этотъ можетъ вамъ показать, что нашъ самобытный русскій геній, который вы отрицаете,—вовсе не вздоръ. Пускай тамъ говорятъ, что мы и *Разсѣя*, и что у насъ вездѣ разладъ, да разладъ, но на самомъ-то дѣлѣ, кто умѣетъ наблюдать явленія безпристрастно, тотъ и въ этомъ разладѣ долженъ усмотрѣть нѣчто чрезвычайно круговое, или, такъ сказать, по-вашему «соціабельное». Бисмаркъ гдѣ-то сказалъ разъ, что Россіи будто «остается только погибнуть», а газетные звонари это подхватили и звонятъ, и звонятъ... А вы не слушайте этого звона, а вникайте въ дѣла, какъ они на самомъ дѣлѣ дѣлаются, такъ вы и увидите, что мы умѣемъ спасаться отъ бѣдъ, какъ никто другой не умѣетъ, и что намъ, дѣйствительно, не страшны многія такія положенія, которыя и самому господину Бисмарку въ голову, можетъ-быть, не приходили, а другихъ людей, не имѣющихъ нашего крѣпкаго закала, просто раздавили бы.

— Прелюбопытно ставите вопросъ, и я охотно васъ слушаю,—замѣтилъ фальцетъ.

Баритонъ продолжалъ:

— Если бы я готовилъ къ печати тѣ три маленькія исторійки, которыя хочу разсказать вамъ о нашей соціабельности, то я, вѣроятно, назвалъ бы это какъ-нибудь трилогіею о томъ, какъ воръ у вора дубинку укралъ и какое оттого вышло для всѣхъ благополучіе жизни. Впрочемъ, какъ нынче уже, можно сказать, всякій даже шишъ литератора изъ себя корчитъ, то и я попробую излагать вамъ мою повѣсть литературно... Именно, раздѣлю вамъ мой раз-

сказъ по рубрикамъ, въ родѣ трилогіи, и въ первую стать пущу интеллигента, то есть барина, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, будто бы болѣе другихъ «оторванъ отъ почвы». А вотъ вы сейчасъ же увидите, какіе это пустяки, и какъ у насъ по родной пословицѣ «всякая сосна своему бору шумитъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Баринъ.

Поѣхалъ я лѣтомъ странствовать и пріѣхалъ на выставку. Обошелъ и осмотрѣлъ всѣ отдѣлы, попробовалъ-было чѣмъ-нибудь отечественнымъ полюбоваться, но, какъ и слѣдовало ожидать, — вижу, что это не выходитъ: полюбоваться нечѣмъ. Одно, что мнѣ, было, приглянулось и даже, признаться сказать, показалось удивительно — это чья-то пшеница въ одной витринѣ.

Въ жизнь мою я никогда еще такого крупнаго, чистаго и полнаго зерна не видывалъ. Точно это и не пшеница, а отборный миндаль, какъ, бывало, въ дѣтствѣ видалъ у себя дома, когда матушка къ Пасхѣ такимъ миндалемъ куличи украшала.

Посмотрѣлъ я на подпись и еще больше удивился: подписано, что это удивительное, роскошное зерно собрано съ полей моей родной мѣстности, изъ имѣнія, принадлежащаго сосѣду моихъ родственниковъ, именитому барину, котораго называть вамъ не стану. Скажу только, что онъ извѣстный славянскій дѣятель, и въ Красномъ Крестѣ ходилъ, и прочее, и прочее.

Я зналъ этого господина еще въ гимназіи, но, признаться, не питалъ къ нему пріязни. Впрочемъ, это еще по дѣтскимъ воспоминаніямъ, — потому что онъ сначала въ классѣ все ножички кралъ и продавалъ, а потомъ началъ себѣ брови сурмить и еще чѣмъ-то худшимъ заниматься.

Думаю себѣ: пожалуй, и здѣсь тоже обманъ! Небось, гдѣ нибудь купилъ у нѣмецкихъ колонистовъ куль хорошей пшеницы и выставилъ будто съ своихъ полей.

Разсуждалъ я такимъ образомъ потому, что наши поля ржаныя, и если родятъ пшеничку, то очень не авантажную. Но чтобы не осуждать долго своего ближняго, пойду-ка, думаю, лучше въ буфетъ, выпью глотокъ нашего добраго русскаго вина и кусокъ кулебяки съѣмъ. За сытостью критика исчезаетъ.

Но только я занялъ въ ресторанѣ мѣсто, какъ замѣчаю, что совсѣмъ возлѣ меня сидитъ господинъ, съ виду мнѣ какъ будто когда-то извѣстный. Я на него взглянулъ и отвелъ глаза въ сторону, но чувствую, что и онъ въ меня всматривается, и вдругъ наклонился ко мнѣ и говоритъ:

— Извините меня, если я не ошибаюсь—вы такой-то?

Я отвѣчаю:

— Вы не ошиблись, — я дѣйствительно тотъ, кѣмъ вы меня назвали.

— А я, говоритъ,—такой-то,—и отрекомендовался

Надѣюсь, вы можете догадаться, что это былъ какъ разъ тотъ самый мой давній товарищъ, который въ гимназіи ножички кралъ и брови сурмилъ, а теперь уже разводитъ и выставляетъ самую удивительную пшеницу.

Что же, и прекрасно: гора съ горою не сходится, а человѣку съ человѣкомъ—очень возможно сойтись. Мы перекинулись нѣсколькими вопросами: кто, откуда и зачѣмъ? Я говорю, что такъ, просто, какъ Чичиковъ, ѣзжу для собственнаго удовольствія. А онъ шутливо подсказываетъ: «вѣрно, обозрѣваете».

— Не обозрѣваю, говорю, — а просто для своего удовольствія посмотрѣть хочу.

А онъ рекомендуетъ себя экспонентомъ и объявляетъ, что пшеницу выставилъ.

Я отвѣтилъ, что замѣтилъ уже его пшеничку и полюбопытствовалъ, изъ какихъ это сѣмянъ и на какой именно мѣстности росло? Все объясняетъ рѣчисто,—такъ рѣжетъ со всѣми подробностями. Я снова подивился, когда узналъ, что и сѣмена изъ нашего края и поля, зародившія такое удивительное зерно,—смежны съ полями моего брата.

Дивился, повторяю вамъ, потому, что край нашъ никогда прежде не родилъ очень хорошей пшеницы. А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, да то было прежде, а теперь и у насъ совсѣмъ не то. Особенно у меня въ хозяйствѣ. Съ старымъ этого равнять нельзя. Большая разница, большая, батюшка, во всемъ произошла перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ вы отбыли изъ нашей губерніи достигать чиновъ и знатности да легкихъ капиталовъ смѣлыми оборотами. А мы, батюшка, какъ муромцы,—сидимъ на землѣ, сидѣли и кое-что высидѣли и дождались. Теперь опять наше дворянское время начи-

нается, а ваше, чиновничье, проходитъ. Люди вспомнили дѣдовскую поговорку, что «земляной рубль тонокъ да долгъ, а торговый широкъ да коротокъ». Мы, дворяне, обернулись къ сохѣ и по сторонамъ не зѣваемъ, — мы знаемъ, что не столица, а соха насъ спасетъ.

— Да, говорю,—все это прекрасно, но, однакоже, тамъ, въ вашей мѣстности живетъ мой братъ, и я его навѣщалъ, но никогда не слыхалъ, чтобы тамъ родилось такое удивительное зерно.

— Что же изъ этого? Навѣщаю, — это еще не значитъ хозяйничаю. У меня въ селѣ теперь молодой попъ, такъ я въ его отсутствіе, напримѣръ, жену его навѣщаю, а все-таки я не могу сказать, что я у него хозяйничаю, хозяинъ-то все-таки попъ. А братъ вашъ, извините,—рутинеръ.

— Да, говорю,—мой братъ не рискливъ.

— Куда ему! Нѣтъ! Такихъ, какъ я, покуда еще только нѣсколько человѣкъ, но мы уже двинули свои хозяйства, и вотъ вамъ результаты: это моя пшеница. Вы не читали: я уже получилъ здѣсь за мое зерно золотую медаль. Мнѣ это дорого, такъ же какъ упорядоченіе нашихъ славянскихъ княжествъ, которое повредилъ берлинскій трактатъ, — но въ чемъ мы не виноваты, въ томъ и не виноваты, а въ нашемъ хозяйскомъ дѣлѣ намъ никто не указъ. Пройдемтесь еще разъ къ моей витринкѣ.

Я былъ очень радъ, чтобы только кончить про «княжества», потому что я въ этомъ вопросѣ профанъ. Подошли къ витринѣ. Онъ взялъ въ руку серебряный совочекъ и началъ съ него у меня передъ глазами зерно перепускать.

— Изумляюсь, говорю, - вижу, но и глазамъ вѣрить не могу, какъ этакое дивное, крупное зерно могло вырасти на нашей земелькѣ!

— А вотъ читайте, — указываетъ на надпись на витринѣ.—Видите: мое имя. И притомъ, батюшка, здѣсь подлогъ невозможенъ: такъ у нихъ въ выставочномъ правленіи всѣ документы—всѣ эти свидѣтельства и разныя удостовѣренія. Всѣ доказательства есть, что это дѣйствительно зерно изъ моихъ урожаевъ. Да вотъ будете у своего двоюроднаго братца, такъ жалуйте, сдѣлайте милость, и ко мнѣ — вамъ и всѣ наши крестьяне подтвердятъ, что это зерно съ моихъ полей. Способъ, батюшка, способъ отдѣлки,—вотъ въ чемъ дѣло.

Думаю себѣ: не смѣю вѣрить, а впрочемъ, — Боже, благослови.

— Какая же, спрашиваю, — такому рѣдкостному зерну цѣна?

— Да цѣна хорошая: червивые французишки и англичане не отходятъ, все осаждаютъ и даютъ цѣну какъ разъ въ два раза больше самой высокой, но я имъ, подлецамъ, разумѣется, не продамъ.

— Отчего?

— Какъ это — иностранцамъ-то?.. О, нѣтъ, батюшка, нѣтъ, — не продамъ! Нѣтъ, батюшка, и такъ у насъ уже много этого несчастнаго разлада слова съ дѣломъ. Что въ самомъ дѣлѣ баловаться? Зачѣмъ намъ иностранцы? Если мы люди истинно-русскіе, то мы и должны поддержать своихъ, истинно-русскихъ торговцевъ, а не чужихъ. Пусть у меня купитъ нашъ истинно-русскій купецъ, — я ему продамъ и охотно продамъ. Даже своему, православному человѣку уступлю противъ того, что предлагаютъ иностранцы. — но пусть истинно-русскій наживаетъ.

А въ это самое время какъ мы разговариваемъ, смотрю, къ нему дѣйствительно вдругъ подлетаютъ два иностранца.

...Мнѣ показалось, что они какъ будто евреи, но, впрочемъ, оба прекрасно говорили по-французски и начали жарко убѣждать его продать имъ пшеницу.

— Видите, какъ юлятъ, — сказалъ онъ мнѣ по-русски: — а тамъ вонъ, смотрите, рыжій чортъ смоленскій ленъ разсматриваетъ. Это только одинъ отводъ глазъ. Ему ленъ ни на что не нуженъ, это англичанинъ, который тоже проходу мнѣ не даетъ.

— Что же, думаю, — можетъ-быть, это все и правда. Тогда и иностранные агенты у насъ приболтывались, а между своихъ именитыхъ людей не мало встрѣчалось такихъ, что гнилой Западъ подъ пятой задавить собирались. Вотъ, вѣрно, и это одинъ изъ таковыхъ.

Прошло съ этой встрѣчи два или три дня, я было уже про этого господина и позабылъ, но мнѣ довелось опять его встрѣтить и ближе съ нимъ ознакомиться. Дѣло было въ одной изъ лучшихъ гостиницъ за обѣдомъ: сѣлъ я обѣдать и вижу, неподалеку сидитъ образцовый хозяинъ съ какимъ-то солиднымъ человѣкомъ, несомнѣнно русскаго и даже несомнѣнно торговаго тѣлосложенія. Оба ѣдятъ хорошо, а еще лучше того запиваютъ.

Замѣтилъ и онъ меня и сейчасъ же присылаетъ съ служившимъ имъ половымъ карточку и стаканъ шампанскаго на серебряномъ подносѣ.

Не принять было неловко, — я взялъ бокалъ и издали послалъ ему воздушный поклонъ.

На карточкѣ было начертано карандашомъ: «Поздравьте! продалъ зерно сему благополучному россіянину и тремтете пьемъ. Окончивъ обѣдъ, приближайтесь къ намъ».

Ну, думаю, вотъ этого я уже не сдѣлаю, а онъ точно проникъ мои мысли и самъ подходитъ.

— Кончилъ, говоритъ, — батюшка, разстался, продалъ, по своему, русскому. Вотъ этотъ купчина весь урожай закупилъ и сразу пять тысячъ задатку далъ за мою пшеничку. Дѣло не совсѣмъ пустое, — всего вышло тысячъ на сорокъ. Собственно говоря—и то продешевилъ, но по крайней мѣрѣ пусть пойдетъ своему брату, русскому. Французы и англичанинъ изъ себя выходятъ, злятся, а я очень радъ. Чортъ съ ними, пусть не распускаютъ вздоровъ, что у насъ своего патріотизма нѣтъ. Пойдемте, я васъ познакомлю съ моимъ покупателемъ. Оригинальный въ своемъ родѣ субъектъ: изъ настоящихъ простыхъ, истинно-русскихъ людей въ купцы вышелъ и теперь страшно богатъ и все на храмы жертвуетъ, но при случаѣ не прочь и покутить. Теперь онъ именно въ такомъ ударѣ: не хотите ли отсюда вмѣстѣ ударимся, «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ»?

— Нѣтъ, говорю,—куда же мнѣ кутить?

— Отчего такъ? Здѣсь вѣдь чиномъ и званіемъ не стѣсняются,—мы люди простые и дурачимся всѣ кто какъ можетъ.

— То-то и горе, говорю,—что я уже совсѣмъ не могу пить.

— Ну, нечего съ вами дѣлать,—будь по-вашему—оставайтесь. А пока вотъ пробѣжите наше условіе, — полюбуйтесь, какъ все обстоятельно. Я, батюшка, вѣдь иначе не иду, какъ нотаріальнымъ порядкомъ. Да-а-съ, съ нашими русачками надо все крѣпко дѣлать, и иначе нельзя, какъ хорошенько его «обовязать», а потомъ ужъ и тремтете съ нимъ пить. Вотъ видите, у меня все обозначено: пять тысячъ задатка, зерно принять у меня въ имѣніи, — «весь урожай обмолоченный и хранимый въ амбарахъ села Черитаева, и деньги по расчету уплатить немедленно, до погрузки кулей на барки». Какъ находите, нѣтъ ли недосмотра? По-моему, кажется, довольно аккуратно?

— И я, говорю,—того же самаго мнѣнія.

— Да, отвѣчаетъ,—я его немножко знаю: онъ на славянъ жертвовалъ, а ему пальца въ ротъ не клади.

Баринъ былъ неподдѣльно веселъ и купецъ тоже.

Вечеромъ я ихъ видѣлъ въ театрѣ въ ложѣ съ слишкомъ красивою и щегольски одѣтою женщиною, которая навѣрно не могла быть ни одному изъ нихъ ни женою, ни родственницею и, повидимому, даже еще не совсѣмъ давно образовала съ ними знакомства.

Въ антрактахъ купецъ появлялся въ буфетѣ и требовалъ «тремтете».

Человѣкъ тотчасъ же уносилъ за ними персики и другіе фрукты и бутылку crême de thé.

При выходѣ изъ театра, старый товарищъ уловилъ меня и настоятельно звалъ ѣхать съ ними вмѣстѣ ужинать и притомъ сообщилъ, что ихъ дама «субъектъ самой высшей школы».

— Настоящей haut école!

— Ну, тѣмъ вамъ лучше, говорю,—а мнѣ въ мои лѣта, и проч., и проч.,—словомъ, отклонилъ отъ себя это соблазнительное предложеніе, которое для меня тѣмъ болѣе неудобно, что я намѣревался на другой день рано утромъ выѣхать изъ этого веселаго города и продолжать мое путешествіе. Землякъ меня освободилъ, но зато взялъ съ меня слово, что когда я буду въ деревнѣ у моихъ родныхъ, то непремѣнно пріѣду къ нему посмотрѣть его образцовое хозяйство и въ особенности его удивительную пшеницу.

Я далъ требуемое слово, хотя съ неудовольствіемъ. Не умѣю ужъ вамъ сказать: мѣшали ли мнѣ школьныя воспоминанія о ножичкѣ и о чемъ-то худшемъ изъ области haut école, или отталкивала меня отъ него настоящая ноздревщина, но только мнѣ все такъ и казалось, что онъ мнѣ дома у себя всучитъ либо борзую собаку, либо шарманку.

Мѣсяца черезъ два, послонявшись здѣсь и тамъ и немножко полѣчившись, я какъ разъ попалъ въ родныя палестины и послѣ малаго отдыха спрашиваю у моего двоюроднаго брата:

— Скажи, пожалуйста, гдѣ у васъ такой-то? и что это за человѣкъ? мнѣ надо у него побывать.

А кузенъ на меня посмотрѣлъ и говоритъ:

— Какъ, ты его знаешь?

Я говорю, что мы съ нимъ вмѣстѣ въ школѣ были, а потомъ на выставкѣ опять возобновили знакомство.

— Не поздравляю съ этимъ знакомствомъ.

— А что такое?

— Да вѣдь это отсвѣтнѣйшій лгунище и патентованный негодяй.

— Я, говорю,—признаться, такъ и думалъ.

Тутъ я и разсказалъ, какъ мы встрѣтились на выставкѣ, какъ вспомнили однокашничество и какія вещи онъ мнѣ разсказывалъ про свое хозяйство и про свою дѣятельность въ пользу славянскихъ братій.

Кузенъ мой расхохотался.

— Что же тутъ смѣшного?

— Все смѣшно, кромѣ кой-чего гадкаго. Впрочемъ, ты, надѣюсь, въ политическія откровенности съ нимъ не пускался.

— А что?

— Да у него есть одна престранная манера: онъ все наклоняетъ разговоръ по извѣстному склону, а потомъ вдругъ вспоминаетъ, что онъ «дворянинъ», и начинаетъ протестовать и угрожать. Его уже за это случалось, били, а еще чаще шампанскимъ отпаивали, пока пропьетъ память.

— Нѣтъ, говорю, — я въ политику не пускался, да хоть бы и пустился, ничего бы изъ того не вышло, потому что вся моя политика заключается въ отвращеніи отъ политики.

— А это, говоритъ,—ничего не значитъ.

— Однако же?

— Онъ совретъ, наклевещетъ, что ты какъ-нибудь молчаливо пренебрегаешь...

— Ну, тогда, значитъ, отъ него все равно спасенья нѣтъ.

— Да и нѣтъ, если только не имѣть отваги выгнать его отъ себя вонъ.

Мнѣ это показалось уже слишкомъ.

— Удивляюсь, говорю, — какъ же это всѣ другіе на его счетъ такъ ошибаются.

— А кто, напримѣръ?

— Да вѣдь вотъ, говорю, — онъ отъ васъ же пріѣзжалъ во время славянской войны, и у насъ про него въ газетахъ писали, и солидные люди его принимали.

Братъ разсмѣялся и говоритъ, что этого господина никто не посылалъ и въ пользу славянъ дѣйствовать не уполномочивалъ, а что онъ самъ усматривалъ въ этомъ хорошее средство къ поправленію своихъ плохихъ денежныхъ обстоятельствъ и еще болѣе дрянной репутаціи.

— А что его у васъ въ столицѣ возили и принимали, такъ этому виновато ваше модничанье: у васъ вѣдь все такъ: какъ затѣете возню въ какомъ-нибудь особливомъ родѣ, то и возитесь съ кѣмъ попало, безъ всякаго разбора.

— Ну, вотъ видишь ли, говорю, — мы же и виноваты. На васъ взаправду не угодишь: то вамъ Петербургъ казался холоденъ и чопоренъ, а теперь вы готовы увѣрять, что онъ какой-то простофиля, котораго каждый вашъ нахалъ за усы проводить можетъ.

— И вообрази себѣ, что вѣдь, дѣйствительно, можетъ.

— Пожалуйста!

— Истинно тебя увѣряю. Только всей и мудрости, что надо прислушаться, что̀ у васъ въ данную минуту въ головѣ бурчитъ и какая глупость на дежурство назначается. Открываете ли вы славянскихъ братій, или плѣняете умомъ заатлантическихъ друзей, или собираетесь зазвонить вмѣсто колокола въ мужичьи лапти... Уловить это всегда не трудно, чѣмъ вы бредите, а потомъ сейчасъ только пусти къ вашей примѣ свою втору и дѣло сдѣлано. У васъ такъ и заорутъ: «вотъ она наша провинція! — вотъ она наша свѣжая, непочатая сила! Она откликнулась не такъ, какъ мы, такіе, сякіе, ледащіе, гадкіе, скверные, безнатурные, заморенные на ингерманландскихъ болотахъ». Вы себя черните да бьете при содѣйствіи какого-нибудь литературнаго лгунищи, а наши провинціалы читаютъ да думаютъ: «ова мы, братцы, въ гору пошли!» И вотъ, которые пошельмоватѣе, поначитавшись, какъ вы тамъ сами собою тяготитесь и ждете отъ насъ, провинціаловъ, обновленія—снаряжаются и ѣдутъ въ Петербургъ, чтобы удѣлить вамъ нѣчто отъ нашей дѣловитости, отъ нашихъ «здравыхъ и крѣпкихъ національныхъ идей». Хорошіе и смирные люди, разумѣется, глядятъ на это да удивляются, а ловкачи межъ тѣмъ дѣло дѣлаютъ. Везутъ вамъ эти лгунищи какъ разъ то, что̀ вамъ хочется получить изъ провинціи: они и славянамъ братья, и заатлантичникамъ — друзья, и впереди они вызывались бѣжать, и назадъ рады спятиться до Обровъ и

Дулѣбовъ. Словомъ, чего хотите, — тѣмъ они вамъ и скинутся. А вы думаете: «это *земля!* это провинція». Но мы, домосѣды, знаемъ, что это и не земля, и не провинція, а просто наши лгунишки. И тотъ, къ которому ты теперь собираешься, именно и есть изъ этого сорта. У васъ его величали, а по-нашему онъ имени человѣческаго не стòитъ и у насъ съ нимъ, Богъ вѣсть, съ коей поры никто никакого дѣла имѣть не хотѣлъ.

— Но, однако, по крайней мѣрѣ,—онъ хорошій хозяинъ.

— Нимало.

— Но онъ при деньгахъ,—это теперь рѣдкость.

— Да, съ того времени, какъ ѣздилъ въ Петербургъ учить васъ національнымъ идеямъ, у него въ мошнѣ кое-что стало позвякивать, но намъ извѣстно, чтò онъ тамъ купилъ и кого продалъ.

— Ну, въ этомъ случаѣ, говорю, — я свѣдущѣе васъ всѣхъ: я самъ видѣлъ, какъ онъ продалъ свою превосходную пшеницу.

— Нѣтъ у него такой пшеницы.

— Какъ это—«нѣтъ»?

— Нѣтъ, да и только. Такъ нѣтъ, какъ и не было.

— Ну, ужъ это извини,—я ее самъ видѣлъ.

— Въ витринѣ?

— Да, въ витринѣ.

— Ну, это неудивительно — это ему наши бабы руками отбирали.

— Полно, говорю,—пожалуйста: развѣ это можно руками отбирать?

— Какъ! руками-то? А разумѣется можно. Такъ, — сидятъ, знаешь, бабы и дѣвки весеннимъ денькомъ въ тѣни подъ амбарчикомъ, поютъ какъ «Антонъ козу ведетъ», а сами на ладоняхъ зернышко къ зернышку отбираютъ. Это очень можно.

— Какіе, говорю,—пустяки!

— Совсѣмъ не пустяки. За пустяки такой скаредъ, какъ мой сосѣдъ, денегъ платить не станетъ, а онъ сорокá бабамъ цѣлый мѣсяцъ по пятиалтынному въ день платилъ. Время только хорошо выбралъ: у насъ вѣдь весной бабы ни по чемъ.

— А какъ же, спрашиваю, — у него на выставкѣ было свидѣтельство, что это зерно съ его полей!

— Что же, это и правда. Выбранныя зернышки тоже вѣдь на его полѣ выросли.

— Да: но, однако, это, значитъ, — голое и очень наглое мошенничество.

— И не забудь—не первое и не послѣднее.

— Да, но какъ же... этотъ купецъ, котораго онъ «обовязалъ» такими безвыходными условіями... Онъ началъ, разумѣется, противъ этого барина судебное дѣло, или онъ разорился?

— Да, пожалуй, — онъ началъ дѣло, но только совсѣмъ въ особой инстанціи.

— Гдѣ же это?

— У мужика. Выше этого вѣдь теперь, по вашему вразумленію, ничего быть не можетъ.

— Да полно, говорю, — тебѣ эти крючки загинать, да шутовствовать.—Разскажи лучше просто, какъ слѣдуетъ,— что такое происходитъ въ вашей самодѣятельности?

— Изволь,—отвѣчаетъ пріятель:—я тебѣ разскажу.—Да, батюшка, и разсказалъ такое, что въ самомъ дѣлѣ можетъ и даже должно превышать всякія узкія, чужеземныя понятія объ оживленіи дѣлъ въ краѣ... Не знаю, какъ вамъ это покажется, но по-моему — оригинально и духъ истиннаго, самобытнаго человѣка не можетъ не радовать.

Тутъ фальцетъ перебилъ разсказчика и началъ его упрашивать довести начатую трилогію до конца, то-есть разсказать, какъ купецъ сдѣлался съ пройдохою-барономъ, и какъ всѣхъ ихъ помирилъ и выручилъ мужикъ, къ которому теперь якобы идетъ какая-то апелляція во всѣхъ случаяхъ жизни.

Баритонъ согласился продолжать и замѣтилъ:

— Это довольно любопытно. Представьте вы себѣ, что какъ ни смѣлъ и находчивъ былъ сейчасъ мною вамъ описанный дворянинъ, съ которымъ никому не дай Богъ въ дѣлахъ встрѣтиться, но купецъ, котораго онъ такъ безпощадно надулъ и запуталъ, оказался еще его находчивѣе и смѣлѣе. Какой-нибудь вертопрахъ-чужеземецъ увидалъ бы тутъ всего два выхода: или обратиться къ суду, или сдѣлать изъ этого,—чортъ возьми,—вопросъ крови. Но нашъ простой, ясный русскій умъ нашелъ еще одно измѣреніе и такой выходъ, при которомъ и до суда не доходили, и не ссорились, и даже ничего не потеряли, а напротивъ,—

всѣ свою невинность соблюли, и всѣ себѣ капиталы пріобрѣли.

— Прелюбопытно!

— Да какъ же-съ! Изъ такой возмутительной, предательской и вообще гадкой исторіи, которая какого хотите, любого западника въ конецъ бы разорила, — нашъ православный пузатый купчина вышелъ молодцомъ и даже нажилъ этимъ большія деньги и, что всего важнѣе, — онъ, сударь, общественное дѣло сдѣлалъ: онъ многихъ истинно несчастныхъ людей поддержалъ, поправилъ и, такъ сказать, устроилъ для многихъ благоденствіе.

— Прелюбопытно,—снова вставилъ фальцетъ.

— Ну, ужъ, однимъ словомъ, — слушайте: купецъ, который сейчасъ передъ вами является, увѣряю васъ, барина лучше.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Купецъ.

Купецъ, которому было продано отборное зерно, разумѣется, былъ обманутъ безпощадно. Всѣ эти французы жидовскаго типа и англичане, — равно какъ и дама haut école у помѣщика были подставныя лица, такъ сказать его агенты, которые дѣйствовали, какъ извѣстный Утѣшительный въ гоголевскихъ «игрокахъ». Иностранцамъ такое отборное зерно нельзя было продавать, потому что, во-первыхъ, они не нашли бы способа, какъ съ покупкою справиться, и завели бы судебный скандалъ, а во-вторыхъ, у нихъ у всѣхъ водятся консулы и посольства, которые не соблюдаютъ правилъ невмѣшательства нашихъ дипломатовъ и готовы вступать за своего во всякія мелочи. Съ иностранцами могла бы выйти прескверная исторія, и баринъ, стоя на почвѣ, понималъ, что русское изобрѣтеніе только одинъ русскій же національный геній и можетъ преодолѣть. Потому отборное зерно и было продано своему единовѣрцу.

Прислалъ этотъ купецъ къ барину приказчика принимать пшеницу. Приказчикъ вошелъ въ амбары, взглянулъ въ закромы, ворохнулъ лопатою и видитъ, разумѣется, что надъ его хозяиномъ совершено страшное надувательство. А между тѣмъ купецъ уже запродалъ зерно по образцамъ за границу. Первая мысль у растерявшагося приказчика

явилась такая, что лучше бы всего отказаться и получить назадъ задатокъ, но условіе такъ написано, что спасенья нѣтъ: и урожай, и годы, и амбары, — все обозначено и задатокъ ни въ какомъ случаѣ не возвращается. У насъ извѣстно: «что взято, то свято». Сунулся приказчикъ туда-сюда, къ законовѣдамъ, — тѣ говорятъ, — ничего не подѣлаешь: надо принимать зерно, какое есть, и остальныя деньги выплачивать. Споръ, разумѣется, завести можно, да неизвѣстно, чѣмъ онъ кончится, а десять тысячъ задатку гулять будутъ, да и съ заграничными покупателями шутить нельзя. Подавай имъ, что̀ запродано.

Приказчикъ посылаетъ хозяину телеграмму, чтобы тотъ скорѣе самъ пріѣхалъ. Купецъ пріѣхалъ, выслушалъ приказчика, посмотрѣлъ хлѣбъ и говоритъ своему молодцу:

— Ты, братенъ, дуракъ и очень глупо дѣло повелъ. Зерно хорошее и никакой тутъ ссоры и огласки не надо; коммерція любитъ тайность: товаръ надо принять, а деньги заплатить.

А съ барономъ онъ повелъ объясненіе въ другомъ родѣ. Приходитъ,—помолился на образъ и говоритъ:

— Здравствуй, баринъ!

А тотъ отвѣчаетъ:—и ты здравствуй!

— А ты, баринъ, плутъ,— говоритъ купецъ:—ты, вѣдь, меня надулъ какъ нельзя лучше.

— Что дѣлать, пріятель! а вы сами вѣдь тоже никому спуску не даете и нашего брата тоже объегориваете?— Дѣло обоюдное.

— Такъ-то оно такъ,—отвѣчаетъ купецъ:—дѣло это, дѣйствительно, обоюдно; но надо ему свою развязку сдѣлать.

Баринъ очень согласенъ, только говоритъ:

— Желаю знать: въ какихъ смыслахъ развязаться?

— А въ такихъ, молъ, смыслахъ, что если ты меня въ свое время надулъ, то ты же долженъ мнѣ теперь по-христіански помогать, а я тебѣ всѣ деньги отдамъ и еще, пожалуй, немножко накину.

Дворянинъ говоритъ, что онъ на этихъ условіяхъ всякое добро очень радъ сдѣлать, только говори, молъ, мнѣ прямо: что вашей чести, какая новая механика требуется?

Купецъ вкратцѣ отвѣчаетъ:

— Мнѣ немного отъ тебя нужно, только поступи ты со мною, какъ поступилъ благоразумный домоправитель, о которомъ въ Евангеліи повѣствуется.

Баринъ говоритъ:

— Я всегда послѣ Евангелія въ церковь хожу: не знаю, что̀ тамъ читается.

Купецъ ему довелъ на память: «Призвавъ коегожда отъ должниковъ господина своего глаголаше: колицѣмъ долженъ еси? Пріими писаніе твое и напиши другое. И похвали Господь домоправителя неправеднаго».

Дворянинъ выслушалъ и говоритъ:

— Понимаю. Это ты, вѣрно, хочешь еще у меня купить такой же рѣдкой пшеницы.

— Да,—отвѣчалъ купецъ:—теперь ужъ надо продолжать, потому что никакимъ другимъ манеромъ намъ себя соблюсти невозможно. А къ тому, нельзя все только о себѣ думать,—надо тоже дать и бѣдному народишку что-нибудь заработать.

Баринъ это о народушкѣ пустилъ мимо ушей, и спрашиваетъ:

— А какое количество зерна ты у меня еще купить желаешь?

— Да я теперь много куплю... Мнѣ такъ надо, чтобы цѣлую барку однимъ этимъ добрымъ зерномъ нагрузить.

— Гмъ! Такъ, такъ! Ты вѣрно хочешь ее особенно бережно везти?

— Вотъ это и есть.

— Ага! понимаю. Я очень радъ, очень радъ, и могу служить.

— Документальное удостовѣреніе нужно, что на цѣлую барку зерна нагружаю.

— Само собою разумѣется. — Развѣ можно въ нашемъ краю безъ документа?

— А какая цѣна? сколько возьмешь за эту добавочную покупку?

— Возьму не дороже, какъ за мертвыя души.

Купецъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и перекрестился.

— Какія такія мертвыя души? Что тебѣ про нихъ вздумалось! Имъ гнить, а намъ жить. Мы про живое говоримъ: сказывай сколько возьмешь, чтобы несуществующее продать?

— Въ одно слово?

— Въ одно слово.

— По два рубля за куль.

— Вотъ те и разъ!

Это недорого.

— Нѣтъ, ты по-Божьему, — получи по полтинѣ за куль.

Дворянинъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Какъ это,—по полтинѣ за куль пшеницы-то?

А тотъ его обрезониваетъ:

— Ну, какая, говоритъ,—это пшеница!

— Да ужъ объ этомъ не будемъ спорить — такая она, или сякая, однако ты за нее съ кого-нибудь настоящія деньги слупишь.

— Это еще какъ Богъ дастъ.

— Да ужъ тебѣ-то Богъ непремѣнно дастъ. Къ вамъ, къ купцамъ, я вѣдь и не знаю,—за что Богъ ужасно милостивъ. Даже, ей-Богу, завидно.

— А ты не завидуй,—зависть грѣхъ.

— Нѣтъ, да зачѣмъ это всѣ деньги должны къ вамъ плыть? Вамъ съ деньгами-то хорошо.

— Да, мы припадаемъ и молимся, — и ты молись: кто молится, тому Богъ даетъ хорошо.

— Конечно, такъ, но вамъ тоже и есть чѣмъ — вы много жертвуете на храмы.

— И это.

— Ну, вотъ то-то и есть. А ты мнѣ дай цѣну подороже, такъ тогда и я отъ себя пожертвую.

Купецъ разсмѣялся.

— Ты, говоритъ,—плутъ.

А тотъ отвѣчаетъ:

— Да и ты тутъ.

— Нѣтъ, взаправду, вотъ что: — такъ какъ я вижу, что ты знаешь писаніе и хочешь самъ къ вѣрѣ придержаться, то я тебѣ дамъ по гривеннику на куль больше, чѣмъ располагалъ. Получай по шесть гривенъ, и о томъ, что мы сдѣлали, никто знать не будетъ.

А баринъ отвѣчаетъ:

— Хорошо, но еще лучше ты мнѣ дай по рублю за куль и потомъ, если хочешь, всѣмъ объ этомъ разсказывай.

Купецъ посмотрѣлъ на него и оба вразъ разсмѣялись.

— Ну,—говоритъ купецъ:—скажу я тебѣ, баринъ, что плутѣе тебя даже въ самомъ нижнемъ званіи рѣдко подыскать.

А тотъ, не смутясь, отвѣчаетъ:

— Нельзя, братецъ, въ нашемъ вѣкѣ иначе: теперь у

насъ благородство есть, а нѣтъ крестьянъ, которые наше благородство оберегали, а, во-вторыхъ, нынче и мода такая, чтобы русской простонародности подражать.

Купецъ не сталъ больше торговаться.

— Нечего, видно, съ тобою говорить — ты чищеный, — крестись передъ образомъ и по рукамъ.

Баринъ согласенъ молиться, но только деньги впередъ требуетъ и мѣстечко на столѣ ударяетъ, гдѣ ихъ передъ нимъ положить желательно.

Купецъ о то самое мѣсто деньги и выклалъ.

— Ладно, молъ, — вели, только скорѣе, чѣмъ попало новое кулье набивать,—я хочу, чтобы при мнѣ вся погрузка была готова и караванъ отплылъ.

Нагрузили барку кулями, въ которыхъ, чортъ знаетъ, какой дряни набили подъ видомъ драгоцѣнной пшеницы; застраховалъ все это купецъ въ самой дорогой цѣнѣ, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ, покормили православный народушко пирогами съ легкимъ и съ сердцемъ, и отправили судно въ ходъ. Барки поплыли своимъ путемъ, а купецъ, время не тратя, съ бариномъ подвелъ окончательные счеты по-Божьему, взялъ бумаги и полетѣлъ своимъ путемъ въ Питеръ и прямо на Аглицкую набережную къ толстому англичанину, которому раньше запродажу совершилъ по тому дивному образцу, который на выставкѣ былъ.

— Зерно, говоритъ, — отправлено въ ходъ и вотъ документы и страховка: — прошу теперь мнѣ отдать, что слѣдуетъ, на такое-то количество, вторую часть полученія.

Англичанинъ посмотрѣлъ документы и сдалъ ихъ въ контору, а изъ несгораемаго шкафа вынулъ деньги и заплатилъ.

Купецъ завязалъ ихъ въ платокъ и ушелъ.

Тутъ фальцетъ перебилъ разсказчика словами:

— Вы какія-то страсти говорите.

— Я говорю вамъ то, что въ дѣйствительности было.

— Ну,—такъ значитъ, этотъ купецъ, взявши у англичанина деньги, бѣжалъ, что ли, съ ними за границу?

— Вовсе не бѣжалъ. Чего истинный русскій человѣкъ побѣжитъ за границу? Это не въ его правилахъ: да онъ и никакого другого языка, кромѣ русскаго, не знаетъ. Никуда онъ не бѣжалъ.

— Такъ какъ же онъ ни аглицкаго консула, ни посла

не боялся? Почему дворянинъ ихъ боялся, а купецъ не сталъ бояться?

— Вѣроятно потому, что купецъ опытнѣе былъ и лучше зналъ народныя средства.

— Ну, полноте, пожалуйста, какія могутъ быть народныя средства противъ англичанъ!.. Эти всесвѣтные торгаши сами кого угодно облупятъ.

— Да кто вамъ сказалъ, что онъ хотѣлъ англичанъ обманывать? Онъ зналъ, что съ ними шутить не годится, и всему дальнѣйшему благополучно теченію дѣла усмотрѣлъ иной проспектъ, а на томъ проспектѣ предвидѣлъ уже для себя полезнаго дѣятеля, въ рукахъ котораго были всѣ средства все это дѣло огранить и въ рамку вставить. Тотъ и далъ всему такой оборотъ, что ни Ротшильдъ, ни Томсонъ Бонеръ и никакой другой коммерческій геній не выдумаетъ.

— И кто же былъ этотъ великій дѣлецъ: — адвокатъ или маклеръ?

— Нѣтъ, мужикъ.

— Какъ мужикъ?

— Да все дѣло обдѣлалъ, онъ — нашъ простой, нашъ находчивый и умный мужикъ! Да я и не понимаю: — отчего васъ это удивляетъ? Вѣдь читали же вы, небось, у Щедрина, какъ мужикъ трехъ генераловъ прокормилъ?

— Конечно, читалъ.

— Ну, такъ отчего же вамъ кажется страннымъ, что мужикъ умѣлъ плутню распутать.

— Будь по-вашему: — спрячу пока мои недоразумѣнія.

— А я вамъ кончу про мужика, и притомъ про такого, который не трехъ генераловъ, а цѣлую деревню одинъ прокормилъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мужикъ.

Мужикъ, къ помощи котораго обратился купецъ, былъ, какъ всякій русскій мужикъ: «съ вида сѣръ, но умъ у него не чортъ съѣлъ». Родился онъ при матушкѣ широкой рѣкѣ-кормилицѣ, а звали его, скажемъ такъ, — *Иваномъ Петровымъ*. Былъ этотъ рабъ Божій Иванъ въ свое время молодъ, а теперь достигалъ почтенной старости, но хлѣба даромъ, лежа на печи, не кушалъ, а служилъ лоцманомъ

при Толмачевскихъ порогахъ, на Куриной переправѣ. Лоцманская должность, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы провожать суда, идущія черезъ опасныя для прохода мѣста. За это провожатому лоцману платятъ извѣстную плату и та плата идетъ въ артель, а потомъ раздѣляется между всѣми лоцманами данной мѣстности.

Всякій хозяинъ можетъ повести свое судно и на собственную отвѣтственность, безъ лоцмана, но тогда уже, если съ «посудкой» случится какое-нибудь несчастіе, — лоцманская артель не отвѣчаетъ. А потому, если судно идетъ съ застрахованнымъ грузомъ, то условіями страховки требуется, чтобы лоцманъ былъ непремѣнно. Взято это, конечно, съ иностранныхъ примѣровъ, безъ надлежащаго вниманія къ нашей безпримѣрной оригинальности и непосредственности. Заводили у насъ страховыя операціи господа иностранцы и думали, что ихъ Рейнъ или Дунай это все равно, что наши Свирь или Волга, и что ихъ лоцманъ и нашъ—это опять одно и то же. Ну, нѣтъ, братъ,— извини!

Наши рѣчные лоцманы люди простые, — не ученые. водятъ они суда, сами водимые единымъ Богомъ. Есть какой-то навыкъ и сноровка. Говорятъ, что будто они послѣ половодья дно рѣки изслѣдуютъ и провѣряютъ, но, полагать надо, все это относится болѣе къ области успокоительныхъ всероссійскихъ иллюзій; но въ своемъ родѣ лоцманы — очень большіе дѣльцы и наживаютъ порою кругленькіе капитальцы. И все это въ простотѣ и въ смиреніи,—Бога почитаючи и не огорчая міръ, то-есть своихъ людей не позабывая.

Мужикъ Иванъ Петровъ былъ изъ зажиточныхъ; ѣлъ не только щи съ мясомъ, а еще, пожалуй, въ жирную масляную кашу ложку сметаны клалъ, не столько уже «для скусу», сколько для степенства — чтобы по бородѣ текло, а ко всему этому выпивалъ для сваренія желудка стаканъ-два нашего простого, добраго русскаго вина, отъ котораго никогда подагры не бываетъ. По субботамъ онъ ходилъ въ баню, а по воскресеніямъ *молился* усердно и вѣжливо, т. е. прямо отъ своего лица ни о чемъ просить не дерзалъ, а искалъ посредства просіявшихъ угодниковъ; но и тѣмъ не докучалъ съ пустыми руками, а приносилъ во

храмъ дары и жертвы: пелены, ризы, свѣчи и куренія. Словомъ, былъ христіанинъ самаго заправскаго московскаго письма.

Купцу, котораго дворянинъ отборнымъ зерномъ обидѣлъ, благочестивый мужикъ Иванъ Петровъ былъ знаемъ по вѣрнымъ слухамъ какъ разъ съ той стороны, съ какой онъ ему нынче самому понадобился. Онъ-то и былъ тотъ, который могъ все дѣло поправить, чтобы никому рѣшительно убытка не было, а *всѣмъ польза*.

— Онъ выручалъ другихъ — долженъ выручить и меня, разсудилъ купецъ и позвалъ къ себѣ въ кабинетъ того приказчика, который одинъ зналъ, съ чѣмъ у нихъ застрахованные кули на барки нагружены, и говоритъ:

— Ты веди караванъ, а я васъ гдѣ надо встрѣчу.

А самъ поѣхалъ налегкѣ простымъ, богомольнымъ человѣкомъ прямо къ Тихвинской, а замѣсто того попалъ къ Толмачевымъ порогамъ на Куриный переходъ. «Гдѣ сокровище, тамъ и сердце». Присталъ нашъ купецъ здѣсь на постояломъ дворѣ и пошелъ узнавать: гдѣ большой человѣкъ Иванъ Петровъ и какъ съ нимъ свидѣться.

Ходитъ купецъ по бережку и не знаетъ: какъ за дѣло взяться? А просто взяться—невозможно: дѣло затѣяно воровское.

Къ счастію своему, видитъ купецъ на бережкѣ, на оберпутой кверху дномъ лодкѣ сидитъ весь бѣлый матерой старикъ, въ плисовомъ ватномъ картузѣ, борода празелень и корсунскій мѣдный крестъ изъ-за пазухи касандрійской рубахи наружу виситъ.

Понравился старецъ купцу своимъ правильнымъ видомъ.

Прошелъ мимо этого старика купецъ разъ и два, а тотъ его спрашиваетъ:

— Чего ты здѣсь, хозяинъ, ищешь и что обрѣсти желаешь: то ли, чего не имѣлъ, или то, что потерялъ?

Купецъ отвѣчаетъ, что онъ такъ себѣ «прохаживается», но старикъ умный,—улыбнулся и отвѣчаетъ:

— Что это еще за прохаживаніе! Въ проходку ходить—это господское, а не христіанское дѣло, а степенный человѣкъ за дѣломъ ходитъ и дѣла смотритъ, — дѣла пытаетъ, а не отъ дѣла лытаетъ. Неужели же ты въ такихъ твоихъ годахъ даромъ время провождаешь?

Купецъ видитъ, что обрѣлъ человѣка большого ума и

проницательности, — сейчасъ передъ нимъ и открылся, что онъ, дѣйствительно, дѣла пытаетъ, а не отъ дѣла лытаетъ.

— А къ какому мѣсту касающему?

— Касающее этого самаго мѣста.

— И въ чемъ оно содержащее?

— Содержащее въ томъ, что я обиженъ весьма несправедливымъ человѣкомъ.

— Такъ; нынче, другъ, мало уже кто по правдѣ живетъ, а все по обидѣ. А кого ты на нашемъ берегу ищешь?

— Ищу себѣ человѣка помогательнаго.

— Такъ; а въ какой силѣ?

— Въ самой большой силѣ—грѣхъ и обиду отнимающей.

— И-и, братъ! Гдѣ весь грѣхъ омыть! Въ Писаніи у Апостоловъ сказано: «весь міръ во грѣхѣ положенъ»,—всего не омоешь, а развѣ хоть по малости.

— Ну, хоть по малости.

— То-то и есть: Господь грѣхъ потопомъ омылъ, а онъ вновь насталъ.

— Научи меня, дѣдушка,—гдѣ для меня здѣсь полезный человѣкъ?

— А какъ ему имя отъ Бога дано?

— Имя ему Іоаннъ.

— «Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ»,— проговорилъ старикъ.—А какъ по изотчеству?

— Петровичъ.

— Ну, самъ передъ тобою я — Иванъ Петровичъ. Сказывай, какая твоя нужда?

Тотъ ему разсказалъ, впрочемъ только одну первую половину, то-есть о томъ, какой плутъ былъ баринъ, который ему отборное зерно продалъ, а о томъ, какое онъ самъ плутовство сдѣлалъ,—про то умолчалъ, да и надобности разсказывать не было, потому что старецъ все въ молчаніи постигъ и мягко оформилъ отвѣтное слово:

— Товаръ значитъ страховой?

— Да.

— И подконтраченъ?

— Да, подконтраченъ.

— Иностранцамъ?

— Англичанамъ.

— Ухъ! Это жохи!

Старикъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, потомъ всталъ и добавилъ:

— Приходи-ко ты ко мнѣ, кручинная голова, на дворъ: о такомъ дѣлѣ надо говорить—подумавши.

Черезъ нѣкоторое время, какъ тамъ было у нихъ условлено, приходитъ купецъ, «кручинная голова», къ Ивану Петрову, а тотъ его на огородъ,—сѣлъ съ нимъ на банное крылечко и говоритъ:

— Я твое дѣло все обдумалъ. Пособить тебѣ отъ твоихъ обязательствъ—дѣйствительно надо, потому что своего русскаго человѣка грѣшно чужанамъ выдать, и какъ тебя избавить—это есть въ нашихъ рукахъ, но только есть у насъ одна своя мірская причина, которая здѣсь къ тому не позволяетъ.

Купецъ сталъ упрашивать.

— Сдѣлай милость, говоритъ: — я тысячъ не пожалѣю и деньги сейчасъ впередъ хоть Николѣ, хоть Спасу за образникъ положу.

— Знаю, да взять нельзя.

— Отчего?

— Очень опасно.

— Съ коихъ же поръ ты такъ опасливъ сталъ?

Старикъ на него поглядѣлъ и съ солиднымъ достоинствомъ замѣтилъ, что онъ всегда былъ опасливъ.

— Однако,—другимъ помогалъ.

— Разумѣется,—помогалъ, когда въ своемъ правилѣ и весь міръ за тебя стоять будетъ.

— А нынѣ развѣ міръ противъ тебя стоитъ?

— Я такъ думаю.

— А почему?

— Потому что у насъ, на Куриной переправѣ, въ прошломъ году страховое судно затонуло и наши сельскіе на томъ разгрузѣ вволю и заработали, а если нынче опять у насъ этому статься, то на Поросячьемъ бродѣ люди осерчаютъ и въ доносъ пойдутъ. Тамъ нонѣ пожаръ былъ, почитай все село сгорѣло и имъ строиться надо и храмъ поправить. Нельзя все однимъ нашимъ предоставить благостыню, а надо и тѣмъ. А поѣзжай-ко ты нынче ночью туда на Поросячій бродъ, да вызови изъ третьяго двора въ селѣ человѣка, Петра Иванова, — вотъ той рабъ *тебѣ все яже* ко спасенію твоему учредитъ. Да денегъ не пожалѣй—имъ строиться нужно.

— Не пожалѣю.

Купецъ въ ту же ночь поѣхалъ, куда благословилъ дѣдушка Іоаннъ, нашелъ тамъ безъ труда въ третьемъ дворѣ указаннаго ему помогательнаго Петра и очень скоро съ нимъ сдѣлался. Далъ, можетъ-быть, и дорого, но вышло такъ честно и аккуратно, что одно только утѣшеніе.

— То-есть какое же это утѣшеніе?—спросилъ фальцетъ.

— А такое утѣшеніе, что какъ подоспѣлъ сюда купцовъ караванъ, гдѣ плыла и та барка съ соромъ, вмѣсто дорогой пшеницы, то всѣ пристали противъ часовенки на бережку, помолебствовали, а потомъ лоцманъ Петръ Ивановъ сталъ на буксиръ и повелъ, и все велъ благополучно, да вдругъ самую малость рулевому оборотъ далъ и такъ похибилъ, что всѣ суда прошли, а эта барка зацѣпилась, повернулась, какъ лягушка, пузомъ вверхъ и потонула

Народу стояло на обоихъ берегахъ множество и всѣ видѣли, и всѣ восклицали: «ишь-ты! поди-жъ ты!» Словомъ, «случилось несчастіе» ни вѣсть отчего. Ребята во всю мочь веслами били, дядя Петръ на рулѣ весь въ поту, умаялся, а купецъ на берегу весь блѣдный, какъ смерть, стоялъ да молился, а все не помогло. Барка потонула, а хозяинъ только покорностью взялъ: перекрестился, вздохнулъ да молвилъ:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ, — буди Его Святая Воля.

Всѣхъ искреннѣе и оживленнѣе былъ народъ: изъ народа къ купцу уже сейчасъ же начали приставать люди съ просьбами: «теперь насъ не обезсудь, — это на сиротскую долю Богъ далъ». И послѣ этого пошли веселыя дѣла: съ одной стороны исполнялись формы и обряды законныхъ удостовѣреній и выдача купцу страховой преміи за погибшій соръ, какъ за драгоцѣнную пшеницу; а съ другой— закипѣло народное оживленіе и пошла поправка всей мѣстности.

— Какъ это?

— Очень просто: нѣмцы ведутъ все по правиламъ заграничнаго сочиненія: пріѣхалъ страховой агентъ и сталъ нанимать людей, чтобы затонувшій грузъ изъ воды доставать. Заботились, чтобы не все пропало. Трудъ не малый и долгій. Погорѣлые мужички сумѣли воспользоваться обстоятельствами: на мужчину брали въ день полтора рубля, а на бабенку рубль. А работали потихонечку, — все лѣто

такъ съ Божіей помощью и проработали. Зато на берегу точно гулянье стало.—погорѣлыя слезы высохли, всѣ поютъ пѣсни да приплясываютъ, а на горѣ у наемныхъ плотниковъ весело топоры стучатъ и домики, какъ грибки, растутъ на погорѣломъ мѣстѣ. И такъ, суларь мой, все село отстроилось, и вся бѣднота и голытьба поприкрылась, и поналѣлась, и Божій храмъ поправили. Всѣмъ хорошо стало и всѣ зажили, хваляще и благодаряще Господа, и никто, ни одинъ человѣкъ не остался въ убыткѣ—и никто не въ огорченіи. Никто не пострадалъ!

— Какъ никто?

— А кто же пострадалъ? Баринъ, купецъ, народъ, т. е. мужички.—всѣ только нажились.

— А страховое общество?!

— Страховое общество?

— Да.

— Батюшка мой, о чемъ вы заговорили!

— А что же, —развѣ оно не заплатило?

— Ну, какъ же можно не заплатить. — разумѣется, заплатило.

— Такъ это по-вашему—не гадость, а соціабельность?!

— Да, разумѣется же соціабельность! Столько русскихъ людей поправилось, и цѣлое село годъ прокормилось, и великолѣпныя постройки отстроились, и это, извольте видѣть, по-вашему называется «гадость».

— А страховое-то общество — это что уже, стало-быть, не соціабельное учрежденіе?

— Разумѣется, нѣтъ.

— А что же это такое?

— Нѣмецкая затѣя.

— Тамъ есть акціонеры и русскіе.

— Да, которые съ нѣмцами знаются, да всему заграничному удивляются и Бисмарка хвалятъ.

— А вы его не хвалите?

— Боже меня сохрани! Онъ уже сталъ проповѣдывать, что мы, русскіе, будто «черезъ мѣру своею глупостію злоупотреблять начали»,—такъ пусть его и знаетъ, какъ мы глупы-то; а я его и знать не хочу.

— Это чортъ знаетъ что такое!

— А что именно?

— Вотъ то, что вы мнѣ разсказывали.

Фальцетъ расхохотался и добавилъ:

— Нѣтъ, я васъ рѣшительно не понимаю.

— Представьте, а я васъ тоже не понимаю.

— Да, если бы насъ слушалъ кто-нибудь сторонній человѣкъ, который бы насъ не зналъ, то онъ бы непремѣнно въ правѣ былъ о насъ подумать, что мы или плуты, или дураки.

— Очень можетъ быть, но только онъ этимъ доказалъ бы свое собственное легкомысліе, потому что мы и не плуты, и не дураки.

— Да, если это такъ, то, пожалуй, мы и сами не знаемъ, кто мы такіе.

— Ну, отчего же не знать. Что до меня касается, то я отлично знаю, что мы просто благополучные россіяне, возвращающіеся съ ингерманландскихъ болотъ къ себѣ *домой*,—на теплыя полати, ко щамъ, да къ бабамъ... А кстати, вотъ и наша станція.

Поѣздъ началъ убавлять ходъ, послышался визгъ тормозовъ, звонокъ—и собесѣдники вышли.

Я приподнялся-было, чтобы ихъ разсмотрѣть, но въ густомъ полумракѣ мнѣ это не удалось. Видѣлъ только, что оба люди окладистые и рослые.

ОБМАНЪ.

«Смоковница отметаетъ пупы своя отъ вѣтра велика».

Анк. VI, 13.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ самое Рождество мы ѣхали на югъ и, сидя въ вагонѣ, разсуждали о тѣхъ современныхъ вопросахъ, которые даютъ много матеріала для разговора и въ то же время требуютъ скораго рѣшенія. Говорили о слабости русскихъ характеровъ, о недостаткѣ твердости въ нѣкоторыхъ органахъ власти, о классицизмѣ и о евреяхъ. Болѣе всего прилагали заботъ къ тому, чтобы усилить власть и вывести въ расходъ евреевъ, если невозможно ихъ исправить и довести, по крайней мѣрѣ, хотя до извѣстной высоты нашего собственнаго нравственнаго уровня. Дѣло, однако, выходило не радостно: никто изъ насъ не видалъ никакихъ средствъ распорядиться властію, или достигнуть того, чтобы всѣ, рожденные въ еврействѣ, опять вошли въ утробы и снова родились совсѣмъ съ иными натурами.

— А въ самой вещи,—какъ это сдѣлать?

— Да никакъ не сдѣлаешь.

И мы безотрадно поникли головами.

Компанія у насъ была хорошая,—люди скромные и несомнѣнно основательные.

Самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ числѣ пассажировъ, по всей справедливости, надо было считать одного отставного военнаго. Это былъ старикъ атлетическаго сложенія. Чинъ его былъ неизвѣстенъ, потому что изъ всей боевой

амуниціи у него уцѣлѣла одна фуражка, а все прочее было замѣнено вещами статскаго изданія. Старикъ былъ бѣловолосъ, какъ Несторъ, и крѣпокъ мышцами, какъ Сампсонъ, котораго еще не остригла Далила. Въ крупныхъ чертахъ его смуглаго лица преобладало твердое и опредѣлительное выраженіе и рѣшимость. Безъ всякаго сомнѣнія это былъ характеръ положительный и притомъ — убѣжденный практикъ. Такіе люди не вздоръ въ наше время, да и ни въ какое иное время они не бываютъ вздоромъ.

Старецъ все дѣлалъ умно, отчетливо и съ соображеніемъ; онъ вошелъ въ вагонъ раньше всѣхъ другихъ и потому выбралъ себѣ наилучшее мѣсто, къ которому искусно присоединилъ еще два сосѣднія мѣста и твердо удержалъ ихъ за собою посредствомъ мастерской, очевидно заранѣе обдуманной, раскладки своихъ дорожныхъ вещей. Онъ имѣлъ при себѣ цѣлыя три подушки очень большихъ размѣровъ. Эти подушки сами по себѣ уже составляли добрый багажъ на одно лицо, но онѣ были такъ хорошо гарнированы, какъ будто каждая изъ нихъ принадлежала отдѣльному пассажиру: одна изъ подушекъ была въ синемъ кубовомъ ситцѣ съ желтыми незабудками, — такія чаще всего бываютъ у путниковъ изъ сельскаго духовенства; другая—въ красномъ кумачѣ, что въ большомъ употребленіи по купечеству, а третья – въ толстомъ полосатомъ тикѣ—это уже настоящая штабсъ-капитанская. Пассажиръ, очевидно, не искалъ ансамбля, а искалъ чего-то болѣе существеннаго,—именно приспособительности къ другимъ гораздо болѣе серьезнымъ и существеннымъ цѣлямъ.

Три разношерстныя подушки могли кого угодно ввести въ обманъ, что занятыя ими мѣста принадлежатъ тремъ разнымъ лицамъ, а предусмотрительному путешественнику этого только и требовалось.

Кромѣ того, мастерски задѣланныя подушки имѣли не совсѣмъ одно то простое названіе, какое можно было придать имъ по первому на нихъ взгляду. Подушка въ полосатомъ тикѣ была собственно чемоданъ и погребецъ и на этомъ основаніи она пользовалась преимущественнымъ передъ другими вниманіемъ своего владѣльца. Онъ помѣстилъ ее vis-à-vis передъ собою, и какъ только поѣздъ отвалилъ отъ амбаркадера,—тотчасъ же облегчилъ и поослабилъ ее, разстегнувъ для того у ея наволочки бѣлыя костяныя пуго-

вицы. Изъ пространнаго отверстія, которое теперь образовалось, онъ началъ вынимать разнокалиберные, чисто и ловко завернутые сверточки, въ которыхъ оказались сыръ, икра, колбаса, сайки, антоновскія яблоки и ржевская пастила. Всего веселѣе выглянула на свѣтъ хрустальная фляжка, въ которой находилась удивительно пріятнаго фіолетоваго цвѣта жидкость съ извѣстною старинною надписью: «Ея же и монаси пріемлятъ». Густой аметистовый цвѣтъ жидкости былъ превосходный и вкусъ, вѣроятно, соотвѣтствовалъ чистотѣ и пріятности цвѣта. Знатоки дѣла увѣряютъ, будто это никогда одно съ другимъ не расходится.

Во все время, пока прочіе пассажиры спорили о жидахъ, объ отечествѣ, объ измельчаніи характеровъ и о томъ, какъ мы «во всемъ сами себѣ напортили», и,—вообще занимались «оздоровленіемъ корней» — бѣловласый богатырь сохранялъ величавое спокойствіе. Онъ держалъ себя, какъ человѣкъ, который знаетъ, когда ему придетъ время сказать свое слово, а пока—онъ просто кушалъ разложенную имъ на полосатой подушкѣ провизію и выпилъ три или четыре рюмки той аппетитной влаги «ея же и монаси пріемлятъ». Во все это время онъ не проронилъ ни одного звука. Но зато, когда у него все это важнѣйшее дѣло было окончено какъ слѣдуетъ, и когда весь буфетъ былъ имъ снова тщательно убранъ,—онъ щелкнулъ складнымъ ножомъ и закурилъ съ собственной спички невѣроятно толстую, самодѣльную папиросу, потомъ вдругъ заговорилъ и сразу завладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ.

Говорилъ онъ громко, внушительно и смѣло, такъ что никто не думалъ ему возражать или противорѣчить, а, главное, онъ ввелъ въ бесѣду живой и общезанимательный любовный элементъ, къ которому политика и цензура нравовъ примѣшивалась только слегка, лѣвою стороною, не докучая и не портя живыхъ приключеній мимо протекшей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Онъ началъ рѣчь свою очень деликатно, — какимъ-то чрезвычайно пріятнымъ и въ своемъ родѣ даже красивымъ обращеніемъ къ пребывающему здѣсь «обществу», а потомъ и перешелъ прямо къ предмету давнихъ и нынѣ столь обыденныхъ сужденій.

— Видите ли,—сказалъ онъ: — мнѣ все это, о чемъ вы говорили, не только не чуждо, но даже, вѣрнѣе сказать, очень знакомо. Мнѣ, какъ видите, уже не мало лѣтъ, — я много жилъ и могу сказать — много видѣлъ. Все, что̀ вы говорите про жидовъ и поляковъ, — это все правда, но все это идетъ отъ нашей собственной русской, глупой деликатности: все хотимъ всѣхъ деликатнѣй быть. Чужимъ мирволимъ, а своихъ давимъ. Мнѣ это, къ сожалѣнію, очень извѣстно и даже больше того, чѣмъ извѣстно: я это испыталъ на самомъ себѣ-съ; но вы напрасно думаете, что это только теперь настало: это давно завелось и напоминаетъ мнѣ одну роковую исторію. Я, положимъ, не принадлежу къ прекрасному полу, къ которому принадлежала Шехеразада, однако я тоже очень бы могъ позанять иного султана не пустыми разсказами. Жидовъ я очень знаю, потому что живу въ этихъ краяхъ и здѣсь постоянно ихъ вижу, да и въ прежнее время, когда еще въ военной службѣ служилъ, и когда по роковому случаю городничимъ былъ, такъ не мало съ ними повозился. Случалось у нихъ и деньги занимать, случалось и за пейсы ихъ трепать и въ шею выталкивать, всего приводилъ Богъ, — особенно когда жидъ придетъ за процентами, а заплатить нечѣмъ. Но бывало, что я и хлѣбъ-соль съ ними водилъ, и на свадьбахъ у нихъ бывалъ, и мацу, и гугель, и аманово ухо у нихъ ѣлъ, а къ чаю ихъ булки съ чернушкой и теперь предпочитаю непропеченой сайкѣ, но того, что̀ съ ними теперь хотятъ дѣлать,—этого я не понимаю. Нынче о нихъ вездѣ говорятъ и даже въ газетахъ пишутъ... Изъ-за чего это? У насъ, бывало, просто хватишь его чубукомъ по спинѣ, а если онъ очень дерзкій, то клюквой въ него выстрѣлишь,—онъ и бѣжитъ. И жидъ бо̀льшаго не сто̀итъ, а выводить его совсѣмъ въ расходъ не надо, потому что при случаѣ жидъ бываетъ человѣкъ полезный.

Что же касается въ разсужденіи всѣхъ подлостей, которыя евреямъ приписываютъ, такъ я вамъ скажу, это ничего не значитъ передъ молдаванами и еще валахами, и что я съ своей стороны предложилъ бы, такъ это не вводить жидовъ въ утробы, ибо это и невозможно, а помнить, что есть люди хуже жидовъ.

— Кто же, напримѣръ?

— А, напримѣръ, румыны-съ!

— Да, про нихъ тоже нехорошо говорятъ,—отозвался солидный пассажиръ съ табакеркой въ рукахъ.

— О-о, батюшка мой! — воскликнулъ, весь оживившись, нашъ старецъ:—повѣрьте мнѣ, что это самые худшіе люди на свѣтѣ. Вы о нихъ только слыхали, но по чужимъ словамъ, какъ по лѣстницѣ, можно чортъ знаетъ куда залѣзть, а я все самъ на себѣ испыталъ и, какъ православный христіанинъ, я свидѣтельствую, что хотя они и одной съ нами православной вѣры, такъ что, можетъ-быть, намъ за нихъ когда-нибудь еще и воевать придется, но это такіе подлецы, какихъ другихъ еще и свѣтъ не видалъ.

И онъ намъ разсказалъ нѣсколько плутовскихъ пріемовъ, практикующихся или нѣкогда практиковавшихся въ тѣхъ мѣстахъ Молдавіи, которыя онъ посѣщалъ въ свое боевое время, но все это выходило не ново и мало эффектно, такъ что бывшій средь прочихъ слушателей пожилой лысый купецъ даже зѣвнулъ и сказалъ:

— Это и у насъ музыка извѣстная!

Такой отзывъ оскорбилъ богатыря, и онъ, слегка сдвинувъ брови, молвилъ:

— Да, разумѣется, русскаго торговаго человѣка плутомъ не удивишь!

Но вотъ разсказчикъ оборотился къ тѣмъ, которые ему казались просвѣщеннѣе, и сказалъ:

— Я вамъ, господа, если на то пошло, разскажу анекдотикъ изъ ихняго привилегированнаго-то класса; разскажу про ихъ помѣщичьи нравы. Тутъ вамъ кстати будетъ и про эту нашу дымку очесъ, черезъ которую мы на все смотримъ, и про деликатность, которою только своимъ и себѣ вредимъ.

Его, разумѣется, попросили, и онъ началъ, пояснивъ, что это составляетъ и одинъ изъ очень достопримѣчательныхъ случаевъ его боевой жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разсказчикъ началъ такъ:

Человѣкъ, знаете, всего лучше познается въ деньгахъ, въ картахъ и въ любви. Говорятъ, будто еще въ опасности на морѣ, но я этому не вѣрю, — въ опасности иной трусъ развоюется, а смѣльчакъ спасуетъ. Карты и лю-

бовь... Любовь даже можетъ быть важнѣй картъ, потому что всегда и вездѣ въ модѣ: поэтъ это очень правильно говоритъ: «любовь царитъ во всѣхъ сердцахъ», безъ любви не живутъ даже у дикихъ народовъ,—а мы, военные люди, ею «вси движимся и есьми». Положимъ, что это сказано въ разсужденіи другой любви, однако, что попы ни сочиняй,— всякая любовь есть «влеченіе къ предмету». Это у Курганова сказано. А вотъ предметъ предмету рознь, — это правда. Впрочемъ, въ молодости, а для другихъ даже еще и подъ старость, самый общеупотребительный предметъ для любви все-таки составляетъ женщина. Никакіе проповѣдники этого не могутъ отмѣнить, потому что Богъ ихъ всѣхъ старше и какъ Онъ сказалъ: «не благо быть человѣку единому», такъ и остается.

Въ наше время у женщинъ не было нынѣшнихъ мечтаній о независимости, — чего я, впрочемъ, не осуждаю, потому что есть мужья совершенно невозможные, такъ что вѣрность имъ даже можно въ грѣхъ поставить. Не было тогда и этихъ гражданскихъ браковъ, какъ нынче завелось. Тогда на этотъ счетъ холостежь была осторожнѣе и дорожила свободой. Браки были тогда только обыкновенные, настоящіе, въ церкви пѣтые, при которыхъ обычаемъ не возбранялась свободная любовь къ военнымъ. Этого грѣха, какъ и въ романахъ Лермонтова, видно было дѣйствительно очень много, но только происходило все это по-раскольницки, то-есть «безъ доказательствъ». Особенно съ военными: народъ перехожій, нигдѣ корней не пускали: нынче здѣсь, а завтра затрубимъ и на другомъ мѣстѣ очутимся — слѣдовательно, что шито, что вито, — все позабыто. Стѣсненья никакого. Зато насъ и любили, и ждали. Куда, бывало, въ какой городишко полкъ ни вступитъ, — какъ на званый пиръ, сейчасъ и закипѣли шуры-муры. Какъ только офицеры почистятся, поправятся и выйдутъ гулять, такъ уже въ прелестныхъ маленькихъ домикахъ окна у барышень открыты и оттуда летитъ звукъ фортепіано и пѣніе. Любимый романсъ былъ:

«Какъ хорошъ,- не правда-ль, мама,
Постоялецъ нашъ удалый,
Мундиръ золотомъ весь шитый
И какъ жаръ горятъ лаиты,

Боже мой,
Боже мой,
Ахъ, когда бы онъ былъ мой».

Ну ужъ, разумѣется, изъ какого окна услыхалъ это пѣніе — туда глазомъ и мечешь — и никогда не даромъ. Въ тотъ же день къ вечеру, бывало, уже полетятъ черезъ денщиковъ и записочки, а потомъ пойдутъ порхать къ господамъ офицерамъ горничныя... Тоже не нынѣшнія субретки, но крѣпостныя, и это были самыя безкорыстныя созданія. Да мы, разумѣется, имъ часто и платить ничѣмъ инымъ не могли, кромѣ какъ поцѣлуями. Такъ и начинаются, бывало, любовные успѣхи съ посланницъ, а кончаются съ пославшими. Это даже въ водевилѣ у актера Григорьева на театрахъ въ куплетѣ пѣли:

«Чтобъ съ барышней слюбиться,
За дѣвкой волочись».

При крѣпостномъ званіи горничною не называли, а просто — дѣвка.

Ну, понятно, что при такомъ лестномъ вниманіи всѣ мы, военные люди, были чертовски женщинами избалованы! Тронулись изъ Великой Россіи въ Малороссію — и тамъ то же самое: пришли въ Польшу — а тутъ этого добра еще больше. Только польки ловкія — скоро женить нашихъ начали. — Намъ командиръ сказалъ: «смотрите, господа, осторожно», и дѣйствительно у насъ Богъ спасалъ — женитьбы не было. Одинъ былъ влюбленъ такимъ образомъ, что побѣжалъ предложеніе дѣлать, но засталъ свою будущую тещу наединѣ и, къ счастію, ею самою такъ увлекся, что уже не сдѣлалъ дочери предложенія. И удивляться нечему, что были успѣхи — потому что народъ молодой и вездѣ встрѣчали пылъ страсти. Нынѣшняго житья, вѣдь, тогда въ образованныхъ классахъ не было... Внизу тамъ, конечно, пищали, но въ образованныхъ людяхъ просто зудъ любовный одолѣвалъ, и притомъ внѣшность много значила. Дѣвицы и замужнія признавались, что чувствуютъ этакое, можно сказать, какое-то безотчетное замираніе при одной военной формѣ... Ну, а мы знали, что на то селезню дано въ крылья зеркальце, чтобы утицѣ въ него поглядѣться хотѣлось. Не мѣшали имъ собой любоваться...

Изъ военныхъ не много было женатыхъ, потому что бѣдность содержанія, и скучно. Женившись: тащись самъ на

лошадкѣ, жена на коровкѣ, дѣти на телятках, а слуги на собачкахъ. Да и къ чему, когда и одинокіе тоски жизни одинокой, по милости Божіей, никогда нимало не испытывали. А ужъ о тѣхъ, которые собой поавантажнѣе, или могли пѣть, или рисовать, или по-французски говорить, то эти часто даже не знали, куда имъ дѣваться отъ рога изобилія. Случалось даже, въ придачу къ ласкамъ и очень цѣнныя бездѣлушки получали, и то такъ, понимаете, что отбиться отъ нихъ нельзя... Просто даже бывали случаи, что отъ одного случая вся бѣдняжка, вскроется, какъ кладъ отъ аминя, и тогда непремѣнно забирай у нея что отдаетъ, а то сначала на колѣняхъ проситъ, а потомъ обидится и заплачетъ. Вотъ у меня и посейчасъ одна такая завѣтная балаболка на рукѣ застряла.

Разсказчикъ показалъ намъ руку, на которой на одномъ толстомъ, одеревянѣломъ пальцѣ заплылъ старинной работы золотой эмальированный перстень съ довольно крупнымъ алмазомъ. Затѣмъ онъ продолжалъ разсказъ:

Но такой нынѣшней гнусности, чтобы съ мужчинъ чѣмъ-нибудь пользоваться, этого тогда даже и въ намекахъ не было. Да и куда, и на что? Тогда, вѣдь, были достатки отъ имѣній, и притомъ еще и простота. Особенно въ уѣздныхъ городкахъ, вѣдь, чрезвычайно просто жили. Ни этихъ нынѣшнихъ клубовъ, ни букетовъ, за которые надо деньги заплатить и потомъ бросить, не было. Одѣвались со вкусомъ,— мило, но простенько; или этакій шелковый марселинецъ, или цвѣтная кисейка, а очень часто не пренебрегали даже и ситчикомъ или даже какою-нибудь дешевенькою цвѣтною холстинкою. Многія барышни еще для экономіи и фартучки и бертельки носили съ разными этакими бахромочками и городками, и часто это очень красиво и нарядно было, и многимъ шло. А прогулки и всѣ эти рандевушки совершались совсѣмъ не по-нынѣшнему. Никогда не приглашали дамъ куда-нибудь въ загородные кабаки, гдѣ только за все дерутъ вдесятеро, да въ щелки подсматриваютъ. Боже сохрани! Тогда дѣвушка или дама со стыда бы сгорѣла отъ такой мысли, и ни за что бы не поѣхала въ подобныя мѣста, гдѣ мимо одной лакузы-то пройти—все равно, какъ сквозь строй! И вы сами ведете свою даму подъ руку, видите какъ тѣ подлецы за вашими плечами зубы скалятъ, потому что въ ихъ холопскихъ гла-

захъ, что честная дѣвица, или женщина, увлекаемая любовною страстію, что какая-нибудь дама изъ Амстердама— это все равно. Даже если честная женщина скромнѣе себя держитъ, такъ они о ней еще ниже судятъ.

— «Тутъ, дескать, много поживы не будетъ: по барышнѣ и говядинка».

Нынче этимъ манкируютъ, но тогдашняя дама обидѣлась бы, если бы ей предложить хотя бы самое пріятное уединеніе въ такомъ мѣстѣ.

Тогда былъ вкусъ и всѣ искали, какъ все это облагородить, и облагородить не какимъ-нибудь фанфаронствомъ, а именно изящной простотою, — чтобы даже ничто не подавало воспоминаній о презрѣнномъ металлѣ. Влюбленные всего чаще шли, напримѣръ, гулять за городъ, рвать въ цвѣтущихъ поляхъ васильки или гдѣ-нибудь надъ рѣчечкой подъ лозою рыбу удить, или вообще что-нибудь другое этакое невинное и простосердечное. Она выйдетъ съ своею крѣпостною, а ты и сидишь на рубежечкѣ, поджидаешь. Дѣвушку, разумѣется, оставишь гдѣ-нибудь на межѣ, а съ барышней углубишься въ чистую зрѣющую рожь... Это колосья, небо, букашки разныя по стебелькамъ и по землѣ ползаютъ... А съ вами молодое существо, часто еще со всей институтской невинностью, которое не знаетъ, что говорить съ военнымъ, и точно у естественнаго учителя спрашиваетъ у васъ: «какъ выдумаете: это буканъ или букашка?..» Ну, что тутъ думать: букашка это или буканъ, когда съ вами наединѣ и на вашу руку опирается этакій живой, чистѣйшій ангелъ! Закружатся головы и, кажется, никто не виноватъ и никто ни за что отвѣчать не можетъ, потому что не ноги тебя несутъ, а самое поле въ лѣсъ уплываетъ, гдѣ этакіе дубы и клены, и въ ихъ тѣни задумчивы дріады!.. Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнимое состояніе блаженства! Святое и безмятежное счастіе!..

Разсказчикъ такъ увлекся воспоминаніями высокихъ минутъ, что на минуту умолкъ. А въ это время кто-то тихо замѣтилъ, что для дріадъ это начиналось хорошо, но кончалось не безъ хлопотъ.

— Ну да, — отозвался повѣствователь: — послѣ, разумѣется, ищи что на орлѣ, на лѣвомъ крылѣ. Но я о себѣ-то, о кавалерахъ только говорю: мы привыкли принимать себѣ такое женское вниманіе и сакрифисы въ простотѣ,

безъ разсужденій, какъ даръ Венеры Марсу слѣдующій, и ничего продолжительнаго ни для себя не требовали, ни сами не обѣщали, а пришли да взяли — и поминай какъ звали. Но вдругъ крутой переломъ! Вдругъ прямо изъ Польши намъ пришло совершенно неожиданное назначеніе въ Молдавію. Поляки мужчины страсть какъ намъ этотъ румынскій край расхваливали: «тамъ, говорятъ, куконы, то-есть эти молдаванскія дамы,—такая краса природы совершенство, какъ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ. И любовь у нихъ, будто, получить ничего не стоитъ, потому что онѣ ужасно пламенныя».

Что же,—мы очень рады такому кладу.

Наши ребята и расхорохорились. Изъ послѣдняго тянутся, передъ выходомъ всякихъ перчатокъ, помадъ и духовъ себѣ въ Варшавѣ понакупили и идутъ съ этимъ запасомъ, чтобы куконы сразу поняли, что мы на руку лапоть не обуваемъ.

Затрубили, въ бубны застучали и вышли съ веселою пѣснею:

«Мы любовницъ оставляемъ,
Оставляемъ и друзей.
Въ шумномъ видѣ представляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей».

Ждали себѣ ни вѣсть какихъ благодатей, а вышло дѣло съ такою развязкою, какой никакимъ образомъ невозможно было представить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вступали мы къ нимъ со всѣмъ русскимъ радушіемъ, потому что молдаване всѣ православные, но страна ихъ намъ съ перваго же впечатлѣнія не понравилась: низменность, кукуруза, арбузы и земляныя груши прекрасныя, но климатъ нездоровый. Очень многіе у насъ еще на походѣ переболѣли, а къ тому же ни привѣтливости, ни благодарности нигдѣ не встрѣчаемъ.

Что ни понадобится — за все давай деньги, а если что-нибудь, хоть пустяки, безъ денегъ у молдава возьмутъ, такъ онъ, чумазый, заголоситъ, будто у него дитя родное отняли. Воротишь ему—бери свои костыли,—только не голоси, такъ онъ спрячетъ и самъ уйдетъ, такъ что его, чорта лохматаго, нигдѣ и не отыщешь. Иной разъ даже проводить

или дорогу показать станетъ и некому — всѣ разбѣгутся. Трусишки единственные въ мірѣ, и въ низшемъ классѣ у нихъ мы ни одной красивой женщины не замѣтили. Однѣ дѣвчонки чумазыя, да пребезобразнѣйшія старухи.

Ну, думаемъ себѣ, можетъ быть у нихъ это такъ только въ хуторахъ придорожныхъ: тутъ всегда народъ бываетъ похуже: а вотъ придемъ въ городъ, тамъ измѣнится. Не могли же поляки совсѣмъ безъ основанія насъ увѣрять, что здѣсь хороши и куконы! Гдѣ онѣ, эти куконы? посмотримъ.

Пришли въ городъ, анъ и здѣсь то же самое: за все рѣшительно извольте платить.

Въ разсужденіи женской красоты поляки сказали правду. Куконы и куконицы намъ очень понравились—очень томны и такъ гибки, что даже полекъ превосходятъ, а вѣдь ужъ польки, знаете, славятся, хотя онѣ на мой вкусъ немножко большеноги, и притомъ въ характерѣ капризовъ у нихъ много. Пока дойдетъ до того, что ей по Мицкевичу скажешь: «Коханка моя! на що намъ размова»— вволю ей накланяешься. Но въ Молдавіи совсѣмъ другое—тутъ во всемъ жидъ дѣйствуетъ. Да-съ, простой жидъ и безъ него никакой поэзіи нѣтъ. Жидъ является къ вамъ въ гостиницу и спрашиваетъ: не тяготитесь ли вы одиночествомъ и не причуяли ли какую-нибудь кукону?

Вы ему говорите, что его услуги вамъ не годятся, потому что сердце ваше уязвлено, напримѣръ, такою-то или такою-то дамою, которую вы видѣли, напримѣръ скажете, въ такомъ-то или такомъ-то домѣ подъ шелковымъ шатромъ на балконѣ. А жидъ вамъ отвѣчаетъ: «мозно».

Поневолѣ окрикъ дашь:

— Что такое «мозно»!?

Отвѣчаетъ, что съ этою дамою можно имѣть компанію, и сейчасъ же предлагаетъ, куда надо выѣхать за городъ, въ какую кофейню, куда и она пріѣдетъ туда съ вами кофе пить. Сначала думали—это вранье, но нѣтъ-съ, не вранье. Ну, съ нашей мужской стороны, разумѣется, препятствій нѣтъ, всѣ мы уже что-нибудь присмотрѣли и причуяли и всѣ готовы вмѣстѣ съ какою-нибудь куконою за городъ кофе пить.

Я тоже сказалъ про одну кукону, которую видѣлъ на балконѣ. Очень красивая. Жидъ сказалъ, что она богатая и всего одинъ годъ замужемъ.

— Что-то ужъ, знасте, очень хорошо показалось, такъ что даже и плохо вѣрится. Переспросилъ еще разъ, и опять то же самое слышу: богатая, годъ замужемъ и кофе съ нею пить можно.

— Не врешь ли ты?—говорю жиду.

— Зачѣмъ врать? отвѣчаетъ,—я все честно сдѣлаю: вы сидите сегодня вечеромъ дома, а какъ только смеркнется къ вамъ придетъ ея няня.

— А мнѣ на какой чортъ нужна ея няня?

— Иначе нельзя. Это здѣсь такой порядокъ.

— Ну, если такой порядокъ, то дѣлать нечего, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Хорошо; скажи ея нянѣ, что я буду сидѣть дома и буду ея дожидаться.

— И огня, говоритъ,—у себя не зажигайте.

— Это зачѣмъ?

— А чтобы думали, что васъ дома нѣтъ.

Пожалъ плечами и на это согласился.

— Хорошо, говорю,—не зажгу.

Въ заключеніе жидъ съ меня за свои услуги червонецъ потребовалъ.

— Какъ, говорю,—червонецъ! Ничего еще не видя, да ужъ и червонецъ! Это жирно будетъ.

Но онъ, шельма этакій, должно быть травленый.

Улыбается и говоритъ:

— Нѣтъ; ужъ послѣ того какъ увидите — поздно будетъ получать. Военные, говорятъ, тогда не того...

— Ну, говорю,—про военныхъ ты не смѣй разсуждать,— это не твое дѣло, а то я разобью тебѣ морду и рыло и скажу, что оно такъ и было.

А впрочемъ, далъ ему злата и проклялъ его и вѣрнаго позвалъ раба своего.

Далъ денщику двугривенный и говорю:

— Ступай куда знаешь и нарѣжься какъ сапожникъ, только чтобы вечеромъ тебя дома не было.

Все, замѣчайте, прибавляется расходъ къ расходу. Совсѣмъ не то, что васильки рвать. Да можетъ быть еще и няньку надо позолотить.

Наступилъ вечеръ; товарищи всѣ разошлись по кофейнямъ. Тамъ тоже дѣвицы служатъ и есть довольно любопытныя,—а я притворился, солгалъ товарищамъ, будто зубы болятъ и будто мнѣ надо пойти въ лазаретъ къ фельдшеру

какихъ-нибудь зубныхъ капель взять, или совсѣмъ пускай зубъ выдернетъ.—Обѣжалъ поскорѣй кварталъ да къ себѣ въ квартиру, — нырнулъ незамѣтно; двери отперъ и сѣлъ безъ огня при окошечкѣ. Сижу какъ дуракъ, дожидаюсь: пульсъ колотится и въ ушахъ стучитъ. А у самого уже и сомнѣніе закралось, думаю: не обманулъ ли меня жидъ, не наговорилъ ли онъ мнѣ про эту няньку, чтобы только червонецъ себѣ схватить... И теперь гдѣ-нибудь другимъ жидамъ хвалится, какъ онъ офицера надулъ, и всѣ помираютъ, хохочутъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати тутъ няня и что̀ ей у меня дѣлать?.. Преглупое положеніе, такъ что я уже рѣшилъ: еще подожду, пока сто сосчитаю, и уйду къ товарищамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вдругъ, я и полсотни не сосчиталъ, раздался тихонечко стукъ въ двери и что-то такое вползаетъ, — шуршитъ этакимъ чѣмъ-то твердымъ. Тогда у нихъ шалоновыя мантоны носили длинныя, а шалонъ шуршитъ.

Безъ свѣчи-то темно у меня такъ, что ничего ясно не разсмотришь, что̀ это за кукуруза.

Только отъ уличнаго фонаря чуть-чуть видно, что гостья моя, должно быть, уже очень большая старушенція. И однако, и эта съ предосторожностями, такъ что на лицѣ у нея вуаль.

Вошла и шепчетъ:

— Гдѣ ты?

Я отвѣчаю:

— Не бойся, говори громко: никого нѣтъ, а я дожидаюсь, какъ сказано. Говори, когда же твоя кукона поѣдетъ кофе пить?

— Это, говоритъ,—отъ тебя зависитъ.

И все шопотомъ.

— Да я, говорю,—всегда готовъ.

— Хорошо. Что же ты мнѣ велишь ей передать?

— Передай, молъ, что я ею пораженъ, влюбленъ, страдаю, и когда ей угодно, я тогда и явлюсь, хотя, напримѣръ, завтра вечеромъ.

— Хорошо, завтра она можетъ пріѣхать.

Кажется вѣдь надо бы ей послѣ этого уходить,—не такъ ли? Но она стоитъ-съ!

— Чего-съ!

Надо, видно, проститься еще съ однимъ червонцемъ. Себѣ бы онъ очень пригодился, но ужъ нечего дѣлать — хочу ей червонецъ подать, какъ она вдругъ спрашиваетъ:

— Согласенъ ли я сейчасъ съ нею послать куконѣ *триста червонцевъ?*

— Что-о-о тако-о-ое?

Она преспокойно повторяетъ: «триста червонцевъ», и начинаетъ мнѣ шептать, что мужъ ея куконы хотя и очень богатъ, но что онъ ей не вѣренъ и проживаетъ деньги съ итальянскою графинею, а кукона совсѣмъ имъ оставлена и даже должна на свой счетъ весь гардеробъ изъ Парижа выписывать, потому что не хочетъ хуже другихъ быть...

То-есть вы понимаете меня, — это чортъ знаетъ что такое! Триста золотыхъ червонцевъ — ни больше, ни меньше!.. А вѣдь это-съ тысяча рублей! Полковницкое жалованье за цѣлый годъ службы... Милліонъ картечей! Какъ это выговорить и предъявить такое требованіе къ офицеру? Но, однако, я нашелся: червонцевъ у меня, думаю, столько нѣтъ, но честь свою я поддержать долженъ.

— Деньги, говорю, — для насъ, русскихъ, пустяки. — Мы о деньгахъ не говоримъ, но кто же мнѣ поручится, что ты ей передашь, а не себѣ возьмешь мои триста червонцевъ?

— Разумѣется, отвѣчаетъ, — я ей передамъ.

— Нѣтъ, говорю, — деньги дѣло не важное, но я не желаю быть тобою одураченъ. — Пусть мы съ нею увидимся, и я ей самой, можетъ-быть, еще больше дамъ.

А кукуруза вломилась въ амбицію и начала наставленіе мнѣ читать.

— Что ты это, говоритъ, — развѣ можно, чтобы кукона сама брала.

— А я не вѣрю.

— Ну, такъ иначе, говоритъ, — ничего не будетъ.

— И не надобно.

Такими она меня впечатлѣніями исполнила, что я даже физическую усталость почувствовалъ, и очень радъ былъ, когда ее чортъ отъ меня унесъ.

Пошелъ въ кофейню къ товарищамъ, напился вина до чрезвычайности и проводилъ время, какъ и прочіе, по-ка-

валерски; а на другой день пошелъ гулять мимо дома, гдѣ жила моя приглядѣная кукона, и вижу, она какъ святая сидитъ у окна въ зеленомъ бархатномъ спенсерѣ, на груди яркій махровый розанъ, воротъ низко вырѣзанъ, голая рука въ широкомъ распашномъ рукавѣ, шитомъ золотомъ, и тѣло... этакое удивительное розовое... изъ зеленаго бархата, совершенно какъ арбузъ изъ кожи, выглядываетъ:

Я не стерпѣлъ, подскочилъ къ окну и заговорилъ:

— Вы меня такъ измучили, какъ женщина съ сердцемъ не должна; я томился и ожидалъ минуты счастія, чтобы гдѣ-нибудь видѣться, но вмѣсто васъ пришла какая-то жадная и для меня подозрительная старуха, насчетъ которой я, какъ честный человѣкъ, долгомъ считаю васъ предупредить: она ваше имя мараетъ.

Кукона не сердится: я ей брякнулъ, что старуха деньги просила,—она и на это только улыбается. Ахъ ты чортъ возьми! зубки открыла — просто перлы средь коралловъ, — все очаровательно, но какъ будто дурочкой отъ нея немножко пахнуло.

— Хорошо, говоритъ,—я няню опять пришлю.

— Кого? эту же самую старуху?

— Да; она нынче вечеромъ опять придетъ.

— Помилуйте, говорю,—да вы, вѣрно, не знаете, что эта алчная старуха какою не стоющею уваженія особою васъ представляетъ!

А кукона вдругъ уронила за окно платокъ, и когда я нагнулся его поднять, она тоже слегка перевѣсилась такъ, что вырѣзъ-то этотъ проклятый въ ея лифѣ весь передо мною, какъ дѣтскій бумажный кораблик, вывернулся, а сама шепчетъ:

— Я ей скажу... она будетъ добрѣе.—И съ этимъ окно тюкъ на крюкъ.

«Я ее вечеромъ опять пришлю». «Я велю быть добрѣе». Вѣдь тутъ уже не все глупость, а есть и смѣлая дѣловитость... И это въ такой молоденькой и въ такой хорошенькой женщинѣ!

Любопытно, и кого это не заинтересуетъ? Ребенокъ, а несомнѣнно, что она все знаетъ и все сама ведетъ и сама эту чертовку ко мнѣ присылала и опять ее пришлетъ.

Я взялъ терпѣніе, думаю: дѣлать нечего, буду опять дожидаться, чѣмъ это кончится.

Дождался сумерекъ и опять притаился, и жду въ потемкахъ. Входитъ опять тотъ же самый шалоновый свертокъ подъ вуалемъ.

— Что, спрашиваю,—скажешь?

Она мнѣ шопотомъ отвѣчаетъ:

— Кукона въ тебя влюблена и съ своей груди розу тебѣ прислала.

— Очень, говорю, — ее благодарю и цѣню,—взялъ розу и поцѣловалъ.

— Ей отъ тебя не надо трехсотъ червонцевъ, а только полтораста.

Хорошо сожалѣніе.... Сбавка большая, а все-таки полтораста червонцевъ пожалуйте. Шутка сказать! Да у насъ рѣшительно ни у кого тогда такихъ денегъ не было, потому что мы, выходя изъ Польши, совсѣмъ не такъ были обнадежены и накупили себѣ что̀ нужно и чего не нужно,— всякаго платья себѣ нашили, чтобы здѣсь лучше себя показать, а о томъ, какіе здѣсь порядки, даже и не думали.

— Поблагодари, говорю,—твою кукону, а ѣхать съ нею на свиданіе не хочу.

— Отчего?

— Ну вотъ еще: отчего? не хочу да и баста.

— Развѣ ты бѣдный? Вѣдь у васъ всѣ богатые. Или кукона не красавица?

— И я, говорю, — не бѣдный, у насъ нѣтъ бѣдныхъ,— и твоя кукона большая красавица, а мы къ такому обращенію съ нами не привыкли!

— А вы какъ же привыкли?

— Я говорю: — Это не твое дѣло.

— Нѣтъ,—говоритъ, — ты мнѣ скажи: какъ вы привыкли, можетъ-быть и это можно.

А я тогда всталъ, пріосанился и говорю:

— Мы вотъ какъ привыкли, что на то у селезня въ крыльяхъ зеркальце, чтобы уточка сама за нимъ бѣжала глядѣться.

Она вдругъ расхохоталась.

— Тутъ, говорю,—ничего нѣтъ смѣшного.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говоритъ:—это смѣшное!

И убѣжала такъ скоро, словно улетѣла.

Я опять разстроился, пошелъ въ кофейню и опять напился.

Молдавское вино у нихъ дешево. Кислитъ немножко, но пить очень можно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На другое утро, государи мои, еще лежу я въ постели, какъ приходитъ ко мнѣ жидъ, который самъ собственно и ввелъ меня во всю эту дурацкую исторію, и вдругъ пришелъ просить себѣ за что-то еще червонецъ.

— Я говорю:—за что же это ты, мой любезный, стоишь еще червонца?

— Вы, говоритъ,—мнѣ сами обѣщали.

Я припоминаю, что, дѣйствительно, я ему обѣщалъ другой червонецъ, но не иначе, какъ послѣ того, какъ я буду уже имѣть свиданіе съ куконой.

Такъ ему и говорю. А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— А вы же съ нею уже два раза видѣлись.

— Да, молъ,—у окошка. Но это недостаточно.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ:—она два раза у васъ была.

— У меня какой-то чортъ старый былъ, а не кукона.

— Нѣтъ, говоритъ,—у васъ была кукона.

— Не ври, жидъ, —за это вашего брата бьютъ!

— Нѣтъ, я, говоритъ, - не вру: это она сама у васъ была, а не старуха. Она вамъ и свою розу подарила, а старухи... у нея совсѣмъ нѣтъ никакой старухи.

Я свое достоинство сохранилъ, но это меня просто ошпарило. Такъ мнѣ стало досадно и такъ горько, что я вцѣпился въ жида и исколотилъ его ужасно, а самъ пошелъ и нарѣзался молдавскимъ виномъ до безпамятства. Но и въ этомъ-то положеніи никакъ не забуду, что кукона у меня была и я ея не узналъ и какъ ворона ее изъ рукъ выпустилъ. Недаромъ мнѣ этотъ шалоновый свертокъ какъ-то былъ подозрителенъ... Словомъ, и больно, и досадно, но стыдно такъ, что хоть сквозь землю провалиться... Былъ въ рукахъ кладъ, да не умѣлъ брать,—теперь сиди дуракомъ.

Но, къ утѣшенію моему, въ то же самое время, въ подобныхъ же родахъ произошла исторія и съ другими моими боевыми товарищами, и всѣ мы съ досады только пили, да арбузы ѣли съ кофейницами, а настоящихъ куконъ ужъ порѣшили наказать презрѣніемъ.

Васильковое наше время невинныхъ успѣховъ кончилось. Скучно было безъ женщинъ порядочнаго образованнаго круга

въ сообществѣ однѣхъ кофейницъ, но старые отцы капитаны насъ куражили.

— Неужели, говорили,—если въ одномъ саду яблоки не зародились, такъ и Спасова дня не будетъ? Куражъ, братцы! Сбой поправкой красенъ.

Куражились мы тѣмъ, что насъ скоро выведутъ изъ города и расквартируютъ по хуторамъ. Тамъ помѣщичьи барышни и вообще все общество, должно-быть, не такое, какъ городское, и подобной скаредности, какъ здѣсь, быть не можетъ. Такъ мы думали и не воображали того, что тамъ насъ ожидало еще худшее и гораздо больше досадное. Впрочемъ, и предвидѣть невозможно было, чѣмъ насъ одолжатъ въ ихъ деревенской простотѣ. Пришелъ вожделѣнный день, мы затрубили, забубнили, «Черную галку» запѣли и вышли на вольный воздухъ.

— Авось, молъ, тутъ опять заголубѣютъ для насъ васильки!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Распредѣленіе, гдѣ кому стоять, намъ вышло самое разнобивуачное, потому что въ Молдавіи на заграничный манеръ,—такихъ большихъ деревень, какъ у насъ, нѣтъ, а все хутора или мызы. Офицеры бились все ближе къ мызѣ Холуянъ, потому что тамъ жилъ самъ бояръ или банъ, тоже по прозванью Холуянъ. Онъ былъ женатый, и жена, говорили, будто красавица, а о немъ говорили, что онъ большой торгашъ,—у него можно имѣть все, только за деньги—и столъ, и вино. Прежде насъ тамъ по близости другія наши войска стояли, и мы встрѣтили на дорогѣ квартирмейстера, который у Холуяна квитанцію выправлялъ. Обратились къ нему съ разспросами: что и какъ? но онъ былъ изъ полковыхъ стихотворцевъ и все любилъ риѳмами отвѣчать.

— Ничего, говоритъ, — мыза хорошая, какъ придете, увидите:

Между горъ, между ямъ
Сидитъ птица Холуянъ.

Предурацкая это манера стихами о дѣлѣ говорить. У такихъ людей ничего путнаго никогда не добьешься.

— А куконы, спрашиваемъ,—есть?

— Какъ же, отвѣчаетъ:—есть и куконы, есть и препоны.

— Хороши? то-есть красивыя?

— Да, говоритъ,—красивыя и не очень спесивыя.

Спрашиваемъ: находили ли тамъ ихъ офицеры благорасположеніе?

— Какъ же, тамъ, отвѣчаетъ,—на концѣ, на древцѣ наши животы скончалися.

— Чортъ его знаетъ, что за языкъ такой!—все загадки загадываетъ.

Однако, всѣ мы поняли, что этотъ шельма изъ хитрыхъ и ничего намъ открыть не хотѣлъ.

А только вотъ, хотите вѣрьте, хотите вы не вѣрьте въ предчувствіе... Нынче вѣдь невѣріе въ модѣ, а я предчувствіямъ вѣрю, потому что въ бурной жизни моей имѣлъ много тому доказательствъ, но на душѣ у меня, когда мы къ этой мызѣ шли, стало такъ уныло, такъ скверно, что просто какъ будто я на свою казнь шелъ.

Ну, а пути и времени, разумѣется, все убываетъ, и вотъ пока я иду на своемъ мѣстѣ въ раздумчивости, сапогами по грязи шлепаю, кто-то изъ переднихъ увидалъ и крикнулъ:

— «Холуянъ!»

Прокатило это по рядамъ, а я отчего-то вдругъ вздрогнулъ, но перекрестился и сталъ всматриваться, гдѣ этотъ чертовскій Холуянъ.

Однако, и крестъ не отогналъ отъ меня тоски. Въ сердцѣ такое томленіе, какъ описывается, что было на походѣ съ молодымъ Іонаѳаномъ, когда онъ увидалъ сладкій медъ на полѣ. Лучше бы его не было,—не пришлось бы тогда бѣдному юношѣ сказать: «вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю».

А мыза Холуянъ, дѣйствительно, стояла совсѣмъ передъ нами и взаправду была она между горъ и между ямъ, то-есть между этакихъ какихъ-то ледащихъ холмушковъ и плюгавенькихъ озерцовъ.

Первое впечатлѣніе она на меня произвела самое отвратительное.

Были уже и какія-то настоящія пустыя ямы, какъ могилы. Чортъ ихъ знаетъ, когда и какими чертями и для кого онѣ выкопаны, но преглубокія. Глину ли изъ нихъ когда-нибудь доставали, или, какъ нѣкоторые говорили, будто бы тутъ есть цѣлебная грязь и будто ею еще римляне пачкались. Но вообще мѣстность прегрустная и престранная.

Виднѣются кой-гдѣ и перелѣсочки, но точно маленькія кладбища. Грунтъ, что называется, мочажинный и, надо полагать, пропитанъ нездоровою сыростью. Настоящее гнѣздо злой молдаванской лихорадки, отъ которой люди дохнутъ въ молдавскомъ поту.

Когда мы подходили вечеркомъ, небо зарилось, этакое ражее, красное, а надъ зеленью сине, какъ будто синяя тюль раскинута — такой туманъ. Цвѣтковъ и васильковъ нѣтъ, а торчатъ только какія-то точно пухомъ осыпанныя будылья, на которыхъ сидятъ тяжелые желтые кувшины въ родѣ лилій, но преядовитые: какъ чуть его понюхаешь,— сейчасъ носъ распухнетъ. И что еще удивило насъ, какъ тутъ много цапель, точно со всего свѣта собраны, которая летитъ, которая въ водѣ на одной ножкѣ стоитъ. Терпѣть не могу, гдѣ множится эта фараонская птаха: она имѣетъ что-то такое, что о всѣхъ египетскихъ казняхъ напоминаетъ. Мыза Холуянъ довольно большая, но, чортъ ее знаетъ, какъ ее слѣдовало назвать,—дрянная она или хорошая. Очень много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, но все какъ-то будто нарочно раскидано «между горъ и между ямъ». Ничего почти одного отъ другого не разглядишь: это въ ямкѣ и то въ ямкѣ, а посреди бугорокъ. Точно какъ будто имѣли въ виду дѣлать здѣсь что-нибудь тайное подъ большимъ секретомъ. Всего вѣроятнѣе, пожалуй, наши русскія деньги поддѣлывали. Домъ помѣщичій, низенькій и очень некрасивый... Облупленный, труба высокая, и снаружи небольшой, но просторный,—говорили,—будто есть комнатъ шестнадцать. Снаружи совсѣмъ похоже на тѣ наши станціонные дома, что покойный Клейнмихель по московскому шоссе настроилъ. И буфеты, и конторы, и проѣзжающіе, и смотритель съ семьею, и все это чортъ знаетъ куда влѣзало, и еще просторно. Строено прямо безъ всякаго фасона, какъ фабрика, крыльцо посерединѣ, въ передней буфетъ, прямо въ залѣ бильярдъ, а жилыя комнаты гдѣ-то такъ особенно спрятаны, какъ будто ихъ и нѣтъ. Словомъ, все какъ на станціи или въ дорожномъ трактирѣ. И въ довершеніе этого сходства напоминаю вамъ, что въ передней былъ учрежденъ буфетъ. Это, пожалуй, и хорошо было «для удобства господъ офицеровъ», но видъ-то все-таки странный, а устройство этого буфета сдѣлано тоже съ подлостью,—чтобы ничѣмъ нашего брата безплатно не попот-

чивать. а вотъ какъ: все, что у насъ есть, мы все предоставляемъ къ вашимъ услугамъ, только не угодно ли получить «за чистыя денежки». Кредитъ, положимъ, былъ открытъ свободный, но все, что получали, водку ли или ихъ мѣстное вино, все этакій особый хлапъ, въ синемъ жупанѣ съ краснымъ гарусомъ,—до самой мелочи писалъ въ книгу живета. Даже и за ѣду деньги брали; мы сначала къ этому долго никакъ не могли себя пріучить, чтобы въ помѣщичьемъ домѣ и деньги платить. И надо вамъ знать, какъ они это ловко подвели, чтобы деньги брать. Тоже прекурьезно. У насъ въ Россіи или въ Польшѣ у хлѣбосольнаго помѣщика стыда бы одного не взяли завести такую коммерцію. Съ перваго же дня является этотъ жупанъ, обходитъ офицеровъ и спрашиваетъ: не угодно ли будетъ всѣмъ съ помѣщикомъ кушать?

Наши ребята, разумѣется, простые, добрые и очень благодарятъ:

— Очень хорошо, говорятъ,—мы очень рады.

— А гдѣ—продолжаетъ жупанъ:—прикажете накрывать на столъ: въ залѣ, или на верандѣ? У насъ, говоритъ,—есть и зала большая, и веранда большая.

— Намъ, говоримъ, - голубчикъ, это все равно, гдѣ хотите.

Нѣтъ-таки, добивается, говоритъ, — бояръ велѣлъ васъ спросить и накрывать столъ непремѣнно по вашему желанію.

— Вотъ, думаемъ,—какая предупредительность!—Накрывай, братъ, гдѣ лучше.

— Лучше, отвѣчаетъ,—на верандѣ.

— Пожалуй, тамъ должно быть воздухъ свѣжѣе.

— Да, и тамъ полъ глиняный.

— Въ этомъ какое же удобство?

— А если красное вино прольется, или что-нибудь другое, то удобнѣе вытереть и пятна не останется.

— Правда, правда!

Замышляется, видимъ, что-то въ родѣ разливного моря.

Вино у нихъ, положимъ, дешевое, правда, съ привкусомъ, но ничего: есть сорта очень изрядные.

Настаетъ время обѣда. Являемся, садимся за столъ—все честь честью, и хозяева съ нами: самъ Холуянъ, мужчина, этакій худой, черный, съ лицомъ выжженой глины, весь,

можно сказать, жиляный да глиняный и говоритъ съ передушинкой, какъ будто больной.

— Вотъ, говоритъ,—господа, у меня вина такого-то года урожая хорошаго; не хотите ли попробовать?

— Очень рады.

Онъ сейчасъ же кричитъ слугѣ:

— Подай господину поручику такого-то вина.

Тотъ подаетъ и непремѣнно непочатую бутылку, а предъ послѣднимъ блюдомъ вдругъ является жупанъ съ пустымъ блюдомъ и всѣхъ обходитъ.

— Это что, молъ, такое?!..

— Деньги за обѣдъ и за вино.

Мы переконфузились, — особенно тѣ, съ которыми и денегъ не случилось. Тѣ подъ столомъ другъ у друга потихоньку перехватывали.

Вотъ вѣдь какая черномазая рвань!

Но дѣло, которымъ до злого горя насъ донялъ Холуянъ, разумѣется, было не въ этомъ, а въ куконицѣ, изъ-за которой на тонцѣ, на древцѣ всѣ наши животы измотались, а я, можно сказать, навсегда потерялъ то, что̀ мнѣ было всего дороже и милѣе,—можно сказать даже, священнѣе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Семья у нашихъ хозяевъ была такая: самъ банъ Холуянъ, котораго я ужъ вамъ слегка изобразилъ: худой, жиляный, а ножки глиняныя, еще не старый, а все палочкой подпирается и ни на минуту ее изъ рукъ не выпускаетъ. Сядетъ, а палочка у него въ колѣняхъ. Говорили, будто онъ когда-то былъ на дуэли раненъ, а я думаю, что гдѣ-нибудь почту хотѣлъ остановить, да почтальонъ его подстрѣлилъ. Послѣ это объяснилось еще совсѣмъ иначе, и понятно стало, да поздно. А по началу казалось, что онъ человѣкъ свѣтскій и образованный,—ногти длинные, бѣлые и всегда батистовый платокъ въ рукахъ. Для дамы, онъ, впрочемъ, кромѣ образованія, не могъ обѣщать ни малѣйшаго интереса, потому что видъ у него былъ ужасно холоднаго человѣка. А у него куконица просто какъ сказочная царица: было ей лѣтъ не болѣе, какъ двадцать два, двадцать три,—вся въ полномъ расцвѣтѣ, бровь тонкая, черная, кость легкая, а на плечикахъ уже первый молодой жирокъ ямочками пупится и одѣта всегда чудо какъ

къ лицу, чаще въ палевомъ, или въ бѣломъ, съ расшивными узорами, и ножки въ цвѣтныхъ башмакахъ съ золотомъ.

Разумѣется, началось смятеніе сердецъ. У насъ былъ офицеръ, котораго мы звали Фоблазъ, потому что онъ удивительно какъ скоро умѣлъ обворожать женщинъ, — пройдетъ, бывало, мимо дома, гдѣ какая-нибудь мѣщаночка хорошенькая сидитъ, скажетъ всего три слова: «милые глазки ангелочки»,—смотришь, уже и знакомство завязывается. Я самъ былъ тоже преданъ красотѣ до сумасшествія. Къ концу обѣда я вижу у него уже все рыльце огнивцемъ, а глаза буравцомъ.

Я его даже остановилъ:

— Ты, говорю, —неприличенъ.

— Не могу, отвѣчаетъ, —и не мѣшай, я ее раздѣваю въ моемъ воображеніи.

Послѣ обѣда Холуянъ предложилъ метнуть банкъ.

Я ему говорю, —какая глупость! А самъ вдругъ о томъ же замечталъ, и вдругъ замѣчаю, что и у другихъ у всѣхъ стало рыльце огнивцемъ, а глаза буравцомъ.

Вотъ она, молъ, съ какого симптома началась проклятая молдавская лихорадка! Всѣ согласились, кромѣ одного Фоблаза. Онъ остался при куконѣ и до самаго вечера съ ней говорилъ.

Вечеромъ спрашиваемъ:

— Что она, какъ—занимательна?

А онъ расхохотался.

— По-моему, отвѣчаетъ,—у нея, должно-быть, матушка или отецъ съ дуринкой были, а она по природѣ въ нихъ пошла. Рѣшимости мало: никуда отъ дома не отходитъ. Надо сообразить каковъ за нею здѣсь присмотръ и кого она боится? Женщины часто бываютъ нерѣшительны да ненаходчивы. Надо за нихъ думать.

А насчетъ досмотра въ насъ возбуждалъ подозрѣнія не столько самъ Холуянъ, какъ его братъ, который назывался Антоній.

Онъ совсѣмъ былъ непохожъ на брата: такой мужиковатый, полнаго сложенія, но на смѣшныхъ тонкихъ ножкахъ.

Мы его такъ и прозвали «Антошка на тонкой ножкѣ».— Лицо тоже было совершенно не такое, какъ у брата. Простой этакой, — ни скобленъ, ни тесанъ, а слѣпленъ да бро-

шенъ, но намъ сдавалось, что, несмотря на его баранью простоту, въ немъ клокъ сѣрой волчьей шерсти есть... Однако, вышло такое удивленіе, что всѣ наши подозрѣнія были напрасны: за куконою совсѣмъ никакого присмотра не оказалось.

Образъ жизни домашней у Холуяновъ былъ самый удивительный,—точно нарочно на нашу руку приспособлено.

Тонкаго Холуяна Леонарда до самаго обѣда ни за что и нигдѣ нельзя было увидѣть. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ скрывался! Говорили, будто безвыходно сидѣлъ въ отдаленныхъ, внутреннихъ комнатахъ, и что-то тамъ дѣлалъ—литературой будто какой-то занимался. А Антошка на тонкихъ ножкахъ, какъ вставалъ, такъ уходилъ куда-то въ поле съ маленькою безчеревной собачкою, и его также цѣлый день не видно. Все по хозяйству ходитъ. Лучшихъ, то-есть, условій даже и пожелать нельзя.

Оставалось только расположить къ себѣ кукону разговоромъ и другими пріемами. Думалось, что это недолго и что Фоблазъ это сдѣлаетъ, но неожиданно замѣчаемъ, что нашъ Фоблазъ не въ авантажѣ обрѣтается. Все онъ имѣетъ видъ человѣка, который держитъ волка за уши,—ни къ себѣ его ни оборотить, ни выпустить, а между тѣмъ уже видно, что руки набрякли и вотъ-вотъ сами отвалятся...

Видно, что малый ужасно сконфуженъ, потому что онъ къ неуспѣхамъ не привыкъ, и не только намъ, а самому себѣ этого объяснить не можетъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Пароль донеръ, говоритъ,—ничего не понимаю, кромѣ того, что она очень странная.

— Ну, богатая женщина, избалованная, капризничаетъ,—весьма естественно.

Порядокъ жизни у нашей куконы былъ такой, что она не могла не скучать. Съ утра до обѣда ее почти постоянно можно было видѣть, какъ она мотается, и всегда одна-одинёшенька или возится съ самой глупѣйшей въ мірѣ птицей—съ курицей: странное занятіе для молодой, изящной, богатой дамы, но что сдѣлать, если такова фантазія? Дѣлать ей, видно, было совершенно нечего: выйдетъ она вся въ бѣломъ, или въ палевомъ неглиже, сядетъ на широкихъ плитахъ у края веранды подъ зеленымъ хмелемъ,—въ черныхъ волосахъ тюльпанъ или махровый макъ, и гляди на нее хоть цѣлый

день. Все ея занятіе въ томъ состояло, что, бывало, какую-то любимую свою маленькую курочку съ сережками у себя на колѣняхъ лущеной кукурузой кормитъ.—Ясное дѣло, что образованія должно быть немного, а досуга некуда дѣть. Если съ курицей возится, то, стало-быть, ей очень скучно, а гдѣ женщинѣ скучно, тамъ кавалерское дѣло даму развлекать. Но ничего не выходитъ,—даже и разговоръ съ нею вести трудно, потому что все только слышишь: «шти, эшти, молдованешти, кернешти» — десятаго слова и того понять нельзя. А къ мимикѣ страстей она была ужасно безпонятна. Фоблазъ совсѣмъ руки опустилъ, только конфузился, когда ему смѣялись, что онъ съ курицею не можетъ соперничать. Пошли мы увиваться вокругъ куконы всѣ — кому больше счастье послужитъ, но ни одному изъ насъ ничего не фортунило. Открываешься ей въ любви, а она глядитъ на тебя своими черными волооками, или заговоритъ въ родѣ: «шти, эшти, молдованешти», и ничего болѣе.

Омерзѣло всѣмъ себя видѣть въ такомъ глупомъ положеніи, и даже ссоры пошли, другъ къ другу зависть и ревность,— придираемся, колкости говоримъ... Словомъ, всѣ въ безпокойнѣйшемъ состояніи, то о ней мечтаемъ, то другъ за другомъ въ секретѣ смотримъ за нею. А она сидитъ себѣ съ этой курочкой и кончено. Такъ весь день глядимъ, всю ночь зѣваемъ, а время мчится и строитъ намъ еще другую бѣду. Я вамъ сказалъ, что съ перваго же дня, какъ обѣдъ кончился, Холуянъ предложилъ, что онъ намъ банкъ заложитъ. Съ тѣхъ поръ пошла ежедневно игра: съ обѣда рѣжемся до полночи, и отъ того ли, что всѣ мы стали разсѣянные, или карты невѣрныя, но многіе изъ насъ уже успѣли себя хорошо охолостить даже до послѣдней копейки. А Холуянъ чиститъ, да чиститъ насъ ежедневно, какъ барановъ стрижетъ.

Разорились, оскудѣли и умомъ, и спокойствіемъ, и невѣдомо до чего бы мы дошли, если бы вдругъ не появилось среди насъ новое лицо, которое, можетъ-быть, еще худшія безпокойства надѣлало, но, однако, дало толчокъ къ развязкѣ.

Пріѣхалъ къ намъ съ деньгами чиновникъ комиссаріатскій. Изъ поляковъ, и пожилой, но шельма ужасная: гдѣ взластъ, гдѣ хвостомъ повиляетъ,—и ото всѣхъ все узналъ, какъ мы не живемъ, а зѣваемъ. Пошелъ онъ тоже съ нами

къ Холуяну обѣдать, а потомъ остался въ карты играть,— а на кукону, подлецъ, и не смотритъ. Но на другой день-съ вдругъ говоритъ: «я заболѣлъ». Молдавская лихорадка, видите ли, схватила. И что же выдумалъ: не лѣкаря позвалъ, а попа,—молебенъ о здравіи отслужить. Пришелъ попъ—настоящій тараканный лобъ: весь черный и запѣлъ ни на что похоже, хуже армянскаго. У армяновъ хоть поймешь два слова: «Григоріосъ Арменіосъ», а у этого ничего не разобрать, что онъ лопочетъ.

Полякъ же, шельма, по-ихнему зналъ немножко и такую съ попомъ конституцію развелъ, что пріятелями сдѣлались и оба другъ другомъ довольны: попъ радъ, что комиссіонеръ ему хорошо заплатилъ, а тотъ сразу же отъ его молебна выздоровѣлъ и такую штуку удралъ, что мы и рты разинули.

Вечеромъ, когда уже при свѣчахъ мы всѣ въ залѣ банкъ метали, — входитъ нашъ комиссіонеръ и играть не сталъ, но говоритъ: «я боленъ еще», и прямо прошелъ на веранду, гдѣ въ сумракѣ небесъ, на плитахъ, сидѣла кукона—и вдругъ оба съ нею за густымъ хмелемъ скрылись и исчезли въ темной тѣни. Фоблазъ не утерпѣлъ, выскочилъ, а они уже преавантажно вдвоемъ на плотикѣ черезъ заливчикъ плывутъ къ островку... На его же глазахъ переплыли и скрылись...

А Холуянъ хоть бы, подлецъ, глазомъ моргнулъ. Тасуетъ карты и записи смотритъ на тѣхъ, которые уже въ долгъ промотались...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Но надо вамъ сказать, что̀ это былъ за островокъ, куда они отплывали.

Когда я говорилъ про мызу, я забылъ вамъ сказать, что̀ тамъ при усадьбѣ было самаго лучшаго,—это вотъ и есть маленькій островокъ передъ верандой. Передъ верандой прямо былъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ сейчасъ заливчикъ, а за нимъ островокъ, небольшой, такъ сказать, величины съ хорошій дворъ помѣщичьяго дома. Весь онъ заросъ густою жимолостью и разными цвѣтущими кустами, въ которыхъ было много соловьевъ. Соловей у нихъ хорошій, не такой крѣпкій какъ курскій, но на манеръ бердичевскаго. Площадь острова была вся въ бугоркахъ или въ холмикахъ,

и на одномъ холмикѣ была устроена бесѣдочка, а подъ нею въ плитахъ гротъ, гдѣ было очень прохладно. Тутъ стоялъ старинный диванъ, на которомъ можно было отдохнуть, и большая золоченая арфа, на которой кукона играла и пѣла. По острову были расчищены дорожки и въ одномъ мѣстѣ по другую сторону дерновая скамья, откуда былъ широкій видъ на луга. Сообщеніе черезъ проливчикъ къ островку было устроено посредствомъ маленькаго прекраснаго плотика. Перильца и все это на немъ раскрашено въ восточномъ вкусѣ, а по серединѣ золоченое кресло. Садится кукона на это кресло, беретъ пестрое весло съ двумя лопастями и переплываетъ. Другой человѣкъ могъ стоять только сзади за ея кресломъ.

Островъ этотъ и гротъ мы звали: «гротъ Калипсы», но сами тамъ не бывали, потому что плотикъ у куконы былъ на цѣпочкѣ запертъ. Комиссіонеръ нашелъ ключи къ этой цѣпи...

Мы, по правдѣ сказать, просто хотѣли его избить, но онъ смѣлъ былъ, каналья, и всѣхъ успокоилъ.

— Господа! говоритъ: — изъ-за чего намъ ссориться. Я вамъ весь путь покажу. Это мнѣ попъ сказалъ. Я его спросилъ: какая кукона? А онъ говоритъ: «очень хорошая — о бѣдныхъ заботится». Я взялъ пятьдесятъ червонцевъ и ей подалъ молча, для ея бѣдныхъ, а она, также молча, мнѣ руку подала и повезла съ собою на островъ. Головой вамъ отвѣчаю,—берите прямо въ руки сверточекъ червонцевъ и, ни слова не разговаривая, тѣмъ же счастіемъ можете пользоваться. Видъ лунный прекрасенъ, арфа сладкозвучна, но я ничѣмъ этимъ болѣе наслаждаться не могу, потому что долгъ службы моей меня призываетъ, и я завтра ѣду отъ васъ, а вы остаетесь.

Вотъ такъ развязка!

Онъ уѣхалъ, а мы смотримъ другъ на друга: кто можетъ жертвовать въ пользу бѣдныхъ здѣшняго прихода по пятидесяти червонцевъ? Нѣкоторые храбрились, —«я вотъ-вотъ изъ дома жду», — и другой тоже изъ дома ждетъ, а дома-то, вѣрно, и въ своихъ приходахъ случились бѣдные. Что-то никому не присылаютъ.

И вдругъ среди этого — неожиданнѣйшее приключеніе: Фоблазъ оторвалъ цѣпь, которою былъ прикованъ плотикъ, переплылъ туда одинъ и въ гротѣ застрѣлился.

Чортъ знаетъ, что̀ за происшествіе! И товарища жаль, и глупо это какъ-то... совсѣмъ глупо, а однако, печальный фактъ совершился и одного изъ храбрыхъ не стало.

Застрѣлился Фоблазъ, конечно, отъ любви, а любовь разгорѣлась отъ раздраженія самолюбія, такъ какъ онъ у всѣхъ женщинъ на своей родинѣ былъ счастливъ. — Похоронили его честь честью,—съ музыкой, а за упокой его души всѣ, у одного собравшись, выпили и заговорили, что это такъ невозможно оставить,—что мы тутъ съ нашей всегдашней простотою совсѣмъ пропадаемъ. А батальонный маіоръ, который у насъ былъ женатый и человѣкъ обстоятельный, говоритъ:

— Да вы и не безпокойтесь, я уже донесъ по начальству, что не ручаюсь, будетъ ли въ чемъ васъ изъ этой мызы вывесть, и жду завтра же новаго распоряженія. Пусть тутъ чортъ стоитъ у этого Холуяна! Проклятая мыза и проклятый хозяинъ!

И всѣ мы то же самое чувствовали и радовались возможности уйти отсюда, но всѣмъ господамъ офицерамъ досадно было уйти отсюда такъ,—не наказавши подлецовъ.

Придумывали разныя штуки устроить надъ Холуянами; думали его высѣчь или какъ-нибудь смѣшно обрить, но маіоръ сказалъ:

— Боже спаси, господа: прошу васъ, чтобы ничего похожаго на малѣйшее насиліе не было, и кто ему долженъ— извольте, гдѣ хотите занять денегъ и съ нимъ разсчитаться. А если что-нибудь невинненькое, для отыгранія своей чести придумаете,—это можете.

Лиха бѣда, отыгранія чести-то не было на что этого произвести.

Маіоръ сказалъ, наконецъ, что онъ отъ насъ только скрываетъ, а что собственно у него уже есть въ карманѣ предписаніе выступить, и что завтра здѣсь послѣдній день нашей красы, а послѣзавтра на зарѣ и выступимъ въ другія мѣста.

Тутъ мнѣ и взбрыкнула на умъ какая-то кобылка:

— Если, говорю,—мы послѣзавтра выходимъ, такъ что завтра здѣсь нашъ послѣдній вечеръ, то, сдѣлайте милость, Холуянъ будетъ хорошо проученъ, и никому не похвалится, что ему довелось русскихъ офицеровъ надуть.

Нѣкоторые похвалили, говорили, «молодецъ», а другіе не вѣрили и смѣялись: «ну, гдѣ тебѣ! лучше не трогай».

А я говорю:

— Это, господа, мое дѣло: я все беру за свой най.

— Но что же такое ты сдѣлаешь?

— Это мой секретъ.

— Но Холуянъ будетъ наказанъ?

— Ужасно!

— И честь наша будетъ отомщена?

— Непремѣнно.

— Поклянись.

Я поклялся тѣнью несчастнаго друга нашего Фоблаза, которая сама себя осудила одиноко блуждать въ этомъ проклятомъ мѣстѣ, и разбилъ свой стаканъ объ полъ.

Всѣ товарищи меня подхватили, одобрили, расцѣловали и запили нашу клятву, но только маіоръ удержалъ, чтобы стакановъ не бить.

— Это, говоритъ,—одинъ театральный фарсъ и больше ничего...

Разошлись прекрасно. Я былъ въ себѣ крѣпко увѣренъ, потому что планъ мой былъ очень хорошъ. Холуянъ въ своихъ продѣлкахъ долженъ быть совершенно одураченъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Настало завтра и послѣдній день нашей красы. Получили мы свое жалованье, отдали все сполна, кто сколько былъ долженъ Холуяну, и осталось у каждаго столько денегъ, что и кошеля не надо. У меня было съ чѣмъ-нибудь сто рублей, то-есть на ихніе, по-тогдашнему, это составляло съ небольшимъ десять червонцевъ. А для меня, по плану затѣи моей, еще требовалось, по крайней мѣрѣ, сорокъ червонцевъ. Гдѣ же ихъ взять? У товарищей и не было, да я и не хотѣлъ, потому что у меня другой планъ имѣлся. Я его и привелъ въ исполненіе.

Приходимъ на послѣднюю вечерю къ Холуяну—онъ очень адушенъ и приглашаетъ меня играть.

Я говорю:

— Радъ бы играть, да игрушекъ нѣтъ.

Онъ проситъ не стѣсняться,—взять взаймы у него изъ банка.

— Хорошо, говорю, — позвольте мнѣ пятьдесятъ червонцевъ.

— Сдѣлайте милость, говоритъ,—и подвигаетъ кучку.

Я взялъ и опустилъ ихъ въ карманъ.

Вѣрилъ намъ, шельма, будто мы всѣ Шереметьевы.

Я говорю:

— Позвольте, я не буду пока ставить, а минуточку погуляю на воздухѣ,—и вышелъ на веранду.

За мною выбѣгаютъ два товарища и говорятъ:

— Что ты это дѣлаешь: чѣмъ отдать?

Я отвѣчаю:

— Не ваше дѣло, — не безпокойтесь.

— Вѣдь это нельзя, пристаютъ, — мы завтра выходимъ,— непремѣнно надо отдать.

— И отдамъ.

— А если проиграешь?

— Во всякомъ случаѣ отдамъ.

И совралъ имъ, будто у меня есть на рукахъ казенныя.

Они отстали, а я прямо подлетаю къ куконѣ, ногой шаркнулъ и подаю ей горсть червонцевъ.

— Прошу, говорю,—васъ принять отъ меня для бѣдныхъ вашего прихода.

Не знаю, какъ она это поняла, но сейчасъ же встала, подала мнѣ свою ручку; мы обошли клумбу, да на плотикѣ и поплыли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Объ игрѣ ея на арфѣ отмѣннаго сказать нечего: вошли въ гротъ: она сѣла и какой-то экосезъ заиграла. Тогда не было еще такихъ воспалительныхъ романсовъ, какъ «мой тигренокъ», или «затигри меня до смерти», а экосезки-съ, все простыя экосезки, подъ которыя можно только одни на танцовать, а тогда, бывало, ни вѣсть что подъ это готовъ сдѣлать. Такъ и въ настоящій разъ, — сначала экосезъ, а потомъ «гули, да люли пошли ходули,—эшти, да молдаванешти»,—кокъ да и дѣло въ мѣшокъ... И благополучнымъ образомъ назадъ оба переплыли.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Откровенно признаться—я не утаю, что былъ въ очень мечтательномъ настроеніи, которое совсѣмъ не отвѣчало задуманному мною плану. Но, знаете, къ тридцати годамъ уже подходило, а въ это время всегда начинаются первыя оглядки. Вспомнилось все — какъ это начиналась «жизнь

сердца»—всѣ эти скромные васильки во ржи на далекой родинѣ, потомъ эти хохлушечки и польки въ ихъ скромныхъ будиночкахъ, и вдругъ — чортъ возьми, — гротъ Калипсы... и сама эта богиня... Какъ хотите, есть о чемъ привести воспоминанія... И вдругъ сдѣлалось мнѣ такъ грустно, что я оставилъ кукону въ уединеніи приковывать цѣпочкою ея плотикъ, а самъ единолично вхожу въ залу, которую оставилъ, какъ банкъ метали, а теперь вмѣсто того застаю ссору, да еще какую! Холуянъ сидитъ, а наши офицеры всѣ встали и нѣкоторые даже нарочно фуражки надѣли, и всѣ шумятъ, спорятъ о справедливости его игры. Онъ ихъ опять всѣхъ обыгралъ.

Офицеры говорятъ:

— Мы вамъ заплатимъ, но, по справедливости говоря, мы вамъ ничего не должны.

Я какъ разъ на эти слова вхожу и говорю:

— И я тоже не долженъ—пятьдесятъ червонцевъ, которые я у васъ занялъ,—я вашей женѣ отдалъ.

Офицеры ужасно смутились, а онъ какъ полотно поблѣднѣлъ съ досады, что я его перехитрилъ. Схватилъ въ руку карты, затрясся и закричалъ:

— Вы врете! вы—плутъ!

И прямо, подлецъ, бросилъ въ меня картами. Но я не потерялся и говорю:

— Ну, нѣтъ, братъ, — я выше плута на два фута, — дай бацъ ему пощечину... А онъ тряхнулъ свою палку, а изъ нея выскочила толедская шпага, и онъ съ нею, каналья, на безоружнаго лѣзетъ!

Товарищи кинулись и не допустили. Одни его держали за руки, другіе—меня. А онъ кричитъ:

— Вы подлецъ! никто изъ васъ никогда моей жены не видалъ!

— Ну, молъ, батюшка, —ужъ это ты оставь намъ доказывать,—очень мы ее видали!

— Гдѣ? Какую?

Ему говорятъ:

— Оставьте, объ этомъ-то уже нечего спорить. Разумѣется, мы знаемъ вашу супругу.

А онъ, въ отвѣтъ на это, какъ чортъ расхохотался, плюнулъ и ушелъ за двери, и ключомъ заперся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

И что же вы думаете?—вѣдь онъ былъ правъ!

Вы себѣ даже и вообразить не можете, что̀ тутъ такое надъ нами было продѣлано. Какая хитрость надъ хитростью и подлость надъ подлостью! Представьте, оказалось, вѣдь, что мы его жены, дѣйствительно, никогда ни одного разу въ глаза не видали! Онъ насъ считалъ какъ бы недостойными, что ли, этой чести, чтобы познакомить насъ съ его настоящимъ семействомъ, и оно на все время нашей стоянки укрывалось въ тѣхъ дальнихъ комнатахъ, гдѣ мы не были. А эта кукона, по которой мы всѣ съ ума сходили и за счастіе считали ручки да ножки ея цѣловать, а одинъ даже умеръ за нее,—была чортъ знаетъ что такое... просто арфистка изъ кофейни, которую за одинъ червонецъ можно нанять танцовать въ костюмѣ Евы... Она была взята изъ профита къ нашему приходу изъ кофейни и онъ съ нея доходъ имѣлъ... И самъ этотъ Холуянъ-то, съ которымъ мы играли, совсѣмъ былъ не Холуянъ, а тоже наемный шуллеръ, а настоящій Холуянъ только и былъ Антошка на тонкихъ ножкахъ, который все съ безчеревной собакой на охоту ходилъ... Онъ и былъ всему этому дѣлу антрепренеръ! Вотъ это плуты, такъ ужъ плуты! теперь посудите же, каково было намъ, офицерамъ, чувствовать, въ какомъ мы были дурацкомъ положеніи, и по чьей милости? — По милости такой, можно сказать, наипрезрѣннѣйшей дряни!

А узналъ объ этомъ прежде всѣхъ я, но только тоже ужъ слишкомъ поздно,—когда вся моя военная карьера черезъ эту гадость была испорчена, благодаря глупости моихъ товарищей. Господа же офицеры наши еще и обидѣлись моимъ поступкомъ, нашли, что я будто поступилъ нечестно, выдалъ, изволите видѣть, тайну дамы ея мужу... Вотъ вѣдь какая глупость! Однако, потребовали, чтобы я изъ полка вышелъ. Нечего было дѣлать — я вышелъ. Но при проѣздѣ черезъ городъ жидъ мнѣ все и открылъ.

Я говорю:

— Да какъ же, ихъ попъ-то зачѣмъ же онъ про свою кукону говорилъ, что ей будто можно подъ предлогомъ на бѣдныхъ давать?

— А [illegible], говоритъ, — справедливо, только попъ это про

настоящую кукону говорилъ, которая въ комнатахъ сидѣла, а не про ту свинью, которую вы за бобра приняли.

Словомъ сказать—кругомъ одурачены. Я человѣкъ очень сильной комплекціи, но былъ этимъ такъ потрясенъ, что у меня даже молдавская лихорадка сдѣлалась. Насилу на родину дотащился къ своимъ простымъ сердцамъ, и радъ былъ, что городническое мѣстишко себѣ въ жидовскомъ городкѣ досталъ... Не хочу отрицать, — ссорился съ ними не мало, и, признаться сказать, изъ своихъ рукъ училъ, но... слава Богу—жизнь прожита и кусокъ хлѣба даже съ масломъ есть, а вотъ, когда вспомнишь про эту молдавскую лихорадку, такъ опять въ ознобъ броситъ.

И отъ такого непріятнаго ощущенія разсказчикъ опять распаковалъ свою вмѣстительную подушку, налилъ стаканъ аметистовой влаги съ надписью «ея же и монаси пріемлятъ», и молвилъ:

— Выпьемте, господа, за жидовъ и на погибель злымъ плутамъ—румынамъ.

— Что же, это будетъ преоригинально.

— Да, - отозвался другой собесѣдникъ:—но не будетъ ли еще лучше, если мы въ эту ночь, когда родился «Другъ грѣшниковъ», пожелаемъ «всѣмъ добра и никому зла».

— Прекрасно, прекрасно!

И воинъ согласился, сказалъ: «абгемахтъ», и выпилъ чарку.

ШТОПАЛЬЩИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преглупое это пожеланіе сулить каждому въ новомъ году новое счастіе, а вѣдь иногда что-то подобное приходитъ. Позвольте мнѣ разсказать вамъ на эту тему небольшое событьице, имѣющее совсѣмъ святочный характеръ.

Въ одну изъ очень давнихъ моихъ побывокъ въ Москвѣ я задержался тамъ долѣе, чѣмъ думалъ, и мнѣ надоѣло жить въ гостиницѣ. Псаломщикъ одной изъ придворныхъ церквей услышалъ, какъ я жаловался на претерпѣваемыя неудобства пріятелю моему, той церкви священнику, и говоритъ:

— Вотъ бы имъ, батюшка, къ куму моему, — у него нынче комната свободная на улицу.

— Къ какому куму? спрашиваетъ священникъ.

— Къ Василью Конычу.

— Ахъ, это «метръ тальеръ Депутанъ!»

— Такъ точно-съ.

— Что же—это, дѣйствительно, очень хорошо.

И священникъ мнѣ пояснилъ, что онъ и людей этихъ знаетъ, и комната отличная, а псаломщикъ добавилъ еще про одну выгоду:

— Если, говоритъ, — что прорвется или низки въ брюкахъ обобьются — все опять у васъ будетъ исправно, такъ что глазомъ не замѣтить.

Я всякія дальнѣйшія освѣдомленія почелъ излишними и даже комнаты не пошелъ смотрѣть, а далъ псаломщику ключъ отъ моего номера съ довѣрительною надписью на

карточкѣ и поручилъ ему разсчитаться въ гостиницѣ, взять оттуда мои вещи и перевезти все къ его куму. Потомъ я просилъ его зайти за мною сюда и проводить меня на мое новое жилище.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Псаломщикъ очень скоро обдѣлалъ мое порученіе и съ небольшимъ черезъ часъ зашелъ за мною къ священнику.

— Пойдемте, говоритъ, — все уже ваше тамъ разложили и разставили, и окошечки вамъ открыли, и дверку въ садъ на балкончикъ отворили, и даже сами съ кумомъ тамъ же, на балкончикѣ, чайку выпили. Хорошо тамъ, разсказываетъ, — цвѣтки вокругъ, въ крыжовникѣ пташки гнѣздятся и въ клѣткѣ подъ окномъ соловей свищетъ. Лучше какъ на дачѣ, потому — зелено, а межъ тѣмъ все домашнее въ порядкѣ, и если какая пуговица ослабѣла или низки обились — сейчасъ исправятъ.

Псаломщикъ былъ парень аккуратный и большой франтъ, а потому онъ очень напиралъ на эту сторону выгодности моей новой квартиры.

Да, и священникъ его поддерживалъ.

— Да, говоритъ, — tailleur Lepoutant такой артистъ по своей части, что другого ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не найдете.

— Спеціалистъ, — серьезно подсказалъ, подавая мнѣ пальто, псаломщикъ.

Кто это Lepoutant — я не разобралъ, да притомъ это до меня и не касалось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы пошли пѣшкомъ.

Псаломщикъ увѣрялъ, что извозчика брать не стоитъ, потому что это будто бы «два шага проминажи».

На самомъ дѣлѣ это, однако, оказалось около получасу ходьбы, но псаломщику хотѣлось сдѣлать «проминажу», можетъ-быть, не безъ умысла, чтобы показать бывшую у него въ рукахъ трость съ лиловой шелковой кистью.

Мѣстность, гдѣ находится домъ Лепутана, была за Москвой-рѣкою къ Яузѣ, гдѣ-то на бережку. Теперь я уже не припомню, въ какомъ это приходѣ и какъ переулокъ называется. Впрочемъ, это собственно не былъ и переулокъ, а

скорѣе какой-то непроѣзжій закоулочекъ, въ родѣ стариннаго погоста. Стояла церковка, а вокругъ нея угольничкомъ объѣздъ, и вотъ въ этомъ-то объѣздѣ шесть или семь домиковъ, все очень небольшіе, сѣренькіе, деревянные, одинъ на каменномъ полуэтажѣ. Этотъ былъ всѣхъ показнѣе и всѣхъ больше, и на немъ во весь фронтонъ была прибита большая желѣзная вывѣска, на которой по черному полю золотыми буквами крупно и четко выведено: «Maitr taileur Lepoutant».

Очевидно, здѣсь и было мое жилье, но мнѣ странно показалось: зачѣмъ же мой хозяинъ, по имени Василій Конычъ, называется «Maitr taileur Lepoutant»? Когда его называлъ такимъ образомъ священникъ, я думалъ, что это не болѣе, какъ шутка, и не придалъ этому никакого значенія, но теперь, видя вывѣску, я долженъ былъ перемѣнить свое заключеніе. Очевидно, что дѣло шло въ-серьезъ, и потому я спросилъ моего провожатаго:

— Василій Конычъ—русскій или французъ?

Псаломщикъ даже удивился и какъ будто не сразу понялъ вопросъ, а потомъ отвѣчалъ:

— Что вы это? какъ можно французъ,—чистый русскій! Онъ и платье дѣлаетъ на рынокъ только самое русское: поддевки и тому подобное, но больше онъ по всей Москвѣ знаменитъ починкою: страсть сколько стараго платья черезъ его руки на рынкѣ за новое идетъ.

— Но все-таки, любопытствую я, — онъ, вѣрно, отъ французовъ происходитъ?

Псаломщикъ опять удивился.

— Нѣтъ, говоритъ, — зачѣмъ же отъ французовъ? Онъ самой правильной здѣшней природы, русской, и дѣтей у меня воспринимаетъ, а вѣдь мы, духовнаго званія, всѣ числимся православные. Да и почему вы такъ воображаете, что онъ приближенъ къ французской націи?

— У него на вывѣскѣ написана французская фамилія.

— Ахъ, это, говоритъ, — совершенные пустяки — одна лаферма. Да и то на главной вывѣскѣ по-французски, а вотъ у самыхъ воротъ, видите, есть другая, русская вывѣска, эта вѣрнѣе.

Смотрю, и точно у воротъ есть другая вывѣска, на которой нарисованы армякъ и поддевка и два черные жилета

съ серебряными пуговицами, сіяющими какъ звѣзды во мракѣ, а внизу подпись:

«Дѣлаютъ кустумы русскаго и духовнаго платья, со спеціальностью ворса, выверта и починки».

Подъ этою второю вывѣскою фамилія производителя «кустумовъ, выверта и починки» не обозначена, а стояли только два инициала «В. Л.».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Помѣщеніе и хозяинъ оказались въ дѣйствительности выше всѣхъ сдѣланныхъ имъ похвалъ и описаній, такъ что я сразу же почувствовалъ себя здѣсь какъ дома, и скоро полюбилъ моего добраго хозяина, Василья Коныча. Скоро мы съ нимъ стали сходиться пить чай, начали благобесѣдовать о разнообразныхъ предметахъ. Такимъ образомъ, разъ сидя за чаемъ на балкончикѣ, мы завели рѣчи на царственныя темы Когелета о суетѣ всего, что есть подъ солнцемъ, и о нашей неустанной склонности работать всякой суетѣ. Тутъ и договорились до Лепутана.

Не помню, какъ именно это случилось, но только дошло до того, что Василій Конычъ пожелалъ разсказать мнѣ странную исторію: какъ и по какой причинѣ онъ явился «подъ французскимъ заглавіемъ».

Это имѣетъ маленькое отношеніе къ общественнымъ нравамъ и къ литературѣ, хотя писано на вывѣскѣ.

Конычъ началъ просто, но очень интересно.

— Моя фамилія, сударь, — сказалъ онъ: — вовсе не Лепутанъ, а иначе, — а подъ французское заглавіе меня помѣстила сама *судьба*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я природный, коренной москвичъ, изъ бѣднѣйшаго званія. Дѣдушка нашъ у Рогожской заставы стелечки для древлестепенныхъ старовѣровъ продавалъ. Отличный былъ старичокъ, какъ святой, — весь сѣденькій, будто подлинялый зайчикъ, а все до самой смерти своими трудами питался: купитъ, бывало, войлочекъ, нарѣжетъ его на кусочки по подошвѣ, смечетъ нарочками на нитку и ходитъ «по христіанамъ», а самъ поетъ ласково: «стелечки, стелечки, кому надо стелечки?» Такъ, бывало, по всей Москвѣ ходитъ и на одинъ грошъ у него всего товару, а кормится.

Отецъ мой былъ портной по древнему фасону. Для самыхъ законныхъ старовѣровъ рабскіе кафтанки шилъ съ тремя сборочками, и меня къ своему мастерству выучилъ. Но у меня съ дѣтства особенное дарованіе было — штопать. Крою не фасонисто, но штопать у меня первая охота. Такъ я къ этому приспособился, что, бывало, гдѣ угодно на самомъ видномъ мѣстѣ подштопаю и очень трудно замѣтить.

Старики отцу говорили

— Это мальцу отъ Бога таланъ данъ, а гдѣ таланъ, тамъ и счастье будетъ.

Такъ и вышло, но до всякаго счастья надо, знаете, покорное терпѣніе, и мнѣ тоже даны были два немалыя испытанія: во-первыхъ, родители мои померли, оставивъ меня въ очень молодыхъ годахъ, а во-вторыхъ, квартирка, гдѣ я жилъ, сгорѣла ночью на самое Рождество, когда я былъ въ Божьемъ храмѣ у заутрени, — и тамъ погорѣло все мое заведеніе: и утюгъ, и колодка, и чужія вещи, которыя были взяты для штопки. Очутился я тогда въ большомъ злостраданіи, но отсюда же и начался первый шагъ къ моему счастію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Одинъ давалецъ, у котораго при моемъ разореніи сгорѣла у меня крытая шуба, пришелъ и говоритъ:

Потеря моя большая и къ самому празднику непріятно остаться безъ шубы, но я вижу, что взять съ тебя нечего, а надо еще тебѣ помочь. Если ты путный парень, такъ я тебя на хорошій путь выведу, съ тѣмъ, однако, что ты мнѣ современемъ долгъ отдашь.

Я отвѣчаю:

— Если бы только Богъ позволилъ, то съ большимъ моимъ удовольствіемъ: отдать долгъ почитаю за первую обязанность.

Онъ велѣлъ мнѣ одѣться и привелъ въ гостиницу напротивъ главнокомандующаго дома къ подбуфетчику и сказываетъ ему при мнѣ:

— Вотъ, говоритъ, — тотъ самый подмастерье, который, я вамъ говорилъ, что для вашей коммерціи можетъ быть очень способный.

Коммерція ихъ была такая, чтобы разутюживать пріѣз-

жающимъ всякое платье, которое пріѣдетъ въ чемоданахъ, замявшись, и всякую починку дѣлать, гдѣ какая потребуется.

Подбуфетчикъ далъ мнѣ на пробу одну штуку сдѣлать, увидалъ, что исполняю хорошо, и приказалъ оставаться.

— Теперь, говоритъ, — Христовъ праздникъ и господъ много наѣхало, и всѣ пьютъ-гуляютъ, а впереди еще Новый годъ и Крещенье — безобразія будетъ еще больше,— оставайся.

Я отвѣчаю:

— Согласенъ.

А тотъ, что̀ меня привелъ, говоритъ:

— Ну, смотри, дѣйствуй, здѣсь нажить можно. А только его (т. е. подбуфетчика) слушай какъ пастыря. Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ.

Отвели мнѣ въ заднемъ коридорѣ маленькій уголочекъ при окошечкѣ, и пошелъ я дѣйствовать. Очень много, пожалуй и не счесть, сколько я господъ перечинилъ, и грѣхъ жаловаться, самъ хорошо починился, потому что работы было ужасно какъ много и плату давали хорошую. Люди простой масти тамъ не останавливались, а пріѣзжали одни козыри, которые любили, чтобы постоять съ главнокомандующимъ на одномъ мѣстоположеніи изъ оконъ въ окна.

Особенно хорошо платили за штуковки да за штопку при тѣхъ случаяхъ, если поврежденіе вдругъ неожиданно окажется въ такомъ платьѣ, которое сейчасъ надѣть надо. Иной разъ, бывало, даже совѣстно,—дырка вся въ гривенникъ, а зачинить ее незамѣтно—даютъ золотой.

Меньше червонца дырочку подштопать никогда не плачивали. Но, разумѣется, требовалось уже и искусство настоящее, чтобы, какъ воды капля съ другою слита и нельзя ихъ различить, такъ чтобы и штука была вштукована.

Изъ денегъ мнѣ, изъ каждой платы, давали третью часть, а первую бралъ подбуфетчикъ, другую — услужающіе, которые въ номерахъ господамъ чемоданы съ пріѣзда разбираютъ и платье чистятъ. Въ нихъ все главное дѣло, потому они вещи и помнутъ, и потрутъ, и дырочку клюнутъ, и потому имъ двѣ доли, а остальное мнѣ. Но только и этого было на мою долю такъ достаточно, что я изъ коридорнаго угла ушелъ, и себѣ на томъ же дворѣ поспокойнѣе комнатку занялъ, а черезъ годъ подбуфетчикова

сестра изъ деревни пріѣхала, я на ней и женился. Теперешняя моя супруга, какъ ее видите,—она и есть, дожила до старости съ почтеніемъ, и, можетъ-быть, на ея долю все Богъ и далъ. А женился просто такимъ способомъ, что подбуфетчикъ сказалъ: «она сирота и ты долженъ ее осчастливить, а потомъ черезъ нее тебѣ большое счастье будетъ». И она тоже говорила: «я, говоритъ, счастливая,— тебѣ за меня Богъ дастъ», и вдругъ, словно черезъ это, въ самомъ дѣлѣ случилась удивительная неожиданность.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пришло опять Рождество, и опять канунъ на Новый годъ. Сижу я вечеромъ у себя — что-то штопаю, и уже думаю работу кончить да спать ложиться, какъ прибѣгаетъ лакей изъ номеровъ и говоритъ:

— Бѣги скорѣй, въ первомъ номерѣ страшный Козырь остановимшись, — почитай, всѣхъ перебилъ, и кого ударитъ — червонцемъ даритъ, — сейчасъ онъ тебя къ себѣ требуетъ.

— Что̀ ему отъ меня нужно?—спрашиваю.

— На балъ, говоритъ,—онъ сталъ одѣваться, и въ самую послѣднюю минуту во фракѣ на видномъ мѣстѣ прожженую дырку осмотрѣлъ; человѣка, который чистилъ, избилъ и три червонца далъ. Бѣги, какъ можно скорѣе, такой сердитый, что на всѣхъ звѣрей сразу похожъ.

Я только головой покачалъ, потому что зналъ, какъ они проѣзжающихъ вещи нарочно портятъ, чтобы профитъ съ работы имѣть, но, однако, одѣлся и пошелъ смотрѣть Козыря, который одинъ сразу на всѣхъ звѣрей похожъ.

Плата непремѣнно предвидѣлась большая, потому что первый номеръ во всякой гостиницѣ считается «козырной» и не роскошный человѣкъ тамъ не останавливается; а въ нашей гостиницѣ цѣна за первый номеръ полагалась въ сутки, по-нынѣшнему, пятнадцать рублей, а по-тогдашнему счету на ассигнаціи — пятьдесятъ два съ полтиною, и кто тутъ стоялъ, звали его Козыремъ.

Этотъ, къ которому меня теперь привели, на видъ былъ ужасно какой страшный,—ростомъ огромнѣйшій и съ лица смуглъ и дикъ, и дѣйствительно на всѣхъ звѣрей похожъ.

— Ты, — спрашиваетъ онъ меня злобнымъ голосомъ:—

можешь такъ хорошо дырку заштопать, чтобы замѣтить нельзя?

Отвѣчаю:

— Зависитъ отъ того, въ какой вещи. Если вещь ворсистая, такъ можно очень хорошо сдѣлать, а если блестящій атласъ или шелковая мове—матерія, съ тѣми не берусь.

— Самъ, говоритъ, — ты мове, а мнѣ какой-то подлецъ вчера, вѣроятно, сзади меня сидѣвши, цыгаркою фракъ прожегъ. Вотъ осмотри его и скажи.

Я осмотрѣлъ и говорю:

— Это хорошо можно сдѣлать.

— А въ сколько времени?

— Да черезъ часъ, отвѣчаю,—будетъ готово.

— Дѣлай, говоритъ,—и если хорошо сдѣлаешь, получишь денегъ полушку, а если нехорошо, то головой объ кадушку. Поди разспроси, какъ я здѣшнихъ молодцовъ избилъ, и знай, что тебя я въ сто разъ больнѣе изобью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пошелъ я чинить, а самъ не очень и радъ, потому что не всегда можно быть увѣреннымъ, какъ сдѣлаешь: попроховѣе сукнецо лучше слипнетъ, а которое жостче, — трудно его подворсить такъ, чтобы не было замѣтно.

Сдѣлалъ я, однако, хорошо, но самъ не понесъ, потому что обращеніе его мнѣ очень не нравилось. Работа этакая капризная, что какъ хорошо ни сдѣлай, а все кто охочь придраться—легко можно непріятность получить.

Послалъ я фракъ съ женою къ ея брату и наказалъ, чтобы отдала, а сама скорѣе домой ворочалась, и какъ она прибѣжала назадъ, такъ поскорѣе заперлись изнутри на крюкъ и легли спать.

Утромъ я всталъ и повелъ день своимъ порядкомъ: сижу за работою и жду, какое мнѣ отъ козыриаго барина придутъ сказывать жалованіе — денегъ полушку или головой объ кадушку?

И вдругъ, такъ часу во второмъ, является лакей и говоритъ:

— Баринъ изъ перваго номера тебя къ себѣ требуетъ.

Я говорю:

— Ни за что не пойду.

— Черезъ что такое?

— А такъ — не пойду да и только; пусть лучше работа моя даромъ пропадаетъ, но я видѣть его не желаю.

А лакей сталъ говорить:

— Напрасно ты только страшишься: онъ тобою очень доволенъ остался и въ твоемъ фракѣ на балѣ Новый годъ встрѣчалъ и никто на немъ дырки не замѣтилъ. А теперь у него собрались къ завтраку гости его съ Новымъ годомъ поздравлять и хорошо выпили и, ставши о твоей работѣ разговаривать, объ закладъ пошли: кто дырку найдетъ, да никто не нашелъ. Теперь они на радости, къ этому случаю присыпавшись, за твое русское искусство пьютъ и самого тебя видѣть желаютъ. Иди скорѣй — черезъ это тебя въ Новый годъ новое счастье ждетъ.

И жена тоже на томъ настаиваетъ:

— Иди, да иди, мое сердце, говоритъ, — чувствуетъ, что съ этого наше новое счастье начинается.

Я ихъ послушался и пошелъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Господъ въ первомъ номерѣ я встрѣтилъ человѣкъ десять и всѣ много выпивши, и какъ я пришелъ, то и мнѣ сейчасъ подаютъ бокалъ съ виномъ и говорятъ:

Пей съ нами вмѣстѣ за твое русское искусство, въ которомъ ты нашу націю прославить можешь.

И разное такое подъ виномъ говорятъ, чего дѣло совсѣмъ и не стоитъ.

Я, разумѣется, благодарю и кланяюсь, и два бокала выпилъ за Россію и за ихъ здоровье, а болѣе,—говорю,— не могу сладкаго вина пить черезъ то, что я къ нему не привыченъ, да и такой компаніи не заслуживаю.

А страшный баринъ изъ перваго номера отвѣчаетъ:

— Ты, братецъ, оселъ и дуракъ, и скотина, ты самъ себѣ цѣны не знаешь, сколько ты по своимъ дарованіямъ заслуживаешь. Ты мнѣ помогъ подъ Новый годъ весь предлогъ жизни исправить, черезъ то, что я вчера на балу любимой невѣстѣ важнаго рода въ любви открылся и согласіе получилъ, въ этотъ мясоѣдъ и свадьба моя будетъ.

Желаю, говорю, — вамъ и будущей супругѣ вашей принять законъ въ полномъ счастіи.

— А ты за это выпей.

Я не могъ отказаться и выпилъ, но дальше прошу отпустить.

— Хорошо, говоритъ, — только скажи мнѣ, гдѣ ты живешь и какъ тебя звать по имени, отчеству и прозванію: я хочу твоимъ благодѣтелемъ быть.

Я отвѣчаю:

— Звать меня Василій, по отцу Кононовъ сынъ, а прозваніе Лапутинъ, и мастерство мое тутъ же рядомъ, тутъ и маленькая вывѣска есть, обозначено: «Лапутинъ».

Разсказываю это и не замѣчаю, что всѣ гости при моихъ словахъ чего-то порскнули и со смѣху покатились, а баринъ, которому я фракъ чинилъ, ни съ того, ни съ сего, хлясь меня въ ухо, а потомъ хлясь въ другое, такъ что я на ногахъ не устоялъ. А онъ подтолкнулъ меня выступкомъ къ двери, да за порогъ и выбросилъ.

Ничего я понять не могъ, и дай Богъ скорѣе ноги.

Прихожу, а жена спрашиваетъ:

— Говори скорѣе, Васенька, какъ мое счастье тебѣ послужило?

Я говорю:

— Ты меня, Машенька, во всѣхъ частяхъ подробно не разспрашивай, но только если по этому началу въ такомъ же родѣ дальше пойдетъ, то лучше бы для твоего счастья не жить. Избилъ меня, ангелъ мой, этотъ баринъ.

Жена встревожилась, — что̀, какъ и за какую провинность; а я, разумѣется, и сказать не могу, потому что самъ ничего не знаю.

Но пока мы этотъ разговоръ ведемъ, вдругъ у насъ въ сѣнечкахъ что-то застучало, зашумѣло, загремѣло, и входитъ мой изъ перваго номера благодѣтель.

Мы оба встали съ мѣстъ и на него смотримъ, а онъ, раскраснѣвшись отъ внутреннихъ чувствъ, или еще вина подбавивши, и держитъ въ одной рукѣ дворницкій топоръ на долгомъ топорищѣ, а въ другой поколотую въ щепы дощечку, на которой была моя плохая вывѣсочка съ обозначеніемъ моего бѣднаго рукомесла и фамиліи: «старье чинитъ и выворачиваетъ Лапутинъ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вошелъ баринъ съ этими поколотыми досточками и прямо кинулъ ихъ въ печку, а мнѣ говоритъ: «одѣвайся, сейчасъ

вмѣстѣ со мною въ коляскѣ поѣдемъ, — я счастье жизни твоей устрою. Иначе и тебя, и жену, и все, что у васъ есть, какъ эти доски поколю».

Я думаю:—чѣмъ съ такимъ дебоширомъ спорить, лучше его скорѣе изъ дома увести, чтобы женѣ какой обиды не сдѣлалъ.

Торопливо одѣлся,—говорю женѣ:

— Перекрести меня, Машенька!—и поѣхали. Прикатили въ Бронную, гдѣ жилъ извѣстный покупной сводчикъ Прохоръ Иванычъ, и баринъ сейчасъ спросилъ у него:

— Какіе есть въ продажу дома и въ какой мѣстности, на цѣну отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ, или немножко болѣе. Разумѣется, по-тогдашнему, на ассигнаціи.

— Только мнѣ такой домъ требуется, объясняетъ, — чтобы его сію минуту взять и перейти туда можно.

Сводчикъ вынулъ изъ комода тетрадь, вздѣлъ очки, посмотрѣлъ въ одинъ листъ, въ другой, и говоритъ:

— Есть домъ на всѣ виды вамъ подходящій, но только прибавить немножко придется.

— Могу прибавить.

— Такъ надо дать до тридцати пяти тысячъ.

— Я согласенъ.

— Тогда, говоритъ,—все дѣло въ часъ кончимъ и завтра въѣхать въ него можно, потому что въ этомъ домѣ дьяконъ на крестинахъ куриной костью подавился и померъ, и черезъ то тамъ теперь никто не живетъ.

Вотъ это и есть тотъ самый домикъ, гдѣ мы съ вами теперь сидимъ. Говорили, будто здѣсь покойный дьяконъ ночами ходитъ и давится, но только все это совершенные пустяки и никто его тутъ при насъ ни разу не видывалъ. Мы съ женою на другой же день сюда переѣхали, потому что баринъ намъ этотъ домъ по дарственной перевелъ; а на третій день онъ приходитъ съ рабочими, которыхъ больше какъ шесть или семь человѣкъ, и съ ними лѣстница и вотъ эта самая вывѣска, что я будто французскій портной.

Пришли и приколотили, и назадъ ушли, а баринъ мнѣ наказалъ:

— Одно, говоритъ, — тебѣ мое приказаніе: вывѣску эту никогда не смѣть перемѣнять и на это названіе отзываться. И вдругъ вскрикнулъ:

— Лепутанъ!

Я откликаюсь:

Чего изволите?

— Молодецъ, говоритъ. — Вотъ тебѣ еще тысячу рублей на ложки и плошки, но смотри, Лепутанъ, — заповѣди мои соблюди и тогда самъ соблюденъ будешь, а ежели что... да, спаси тебя Господи, станешь въ своемъ прежнемъ имени утверждаться и я узнаю... то во первое предисловіе я всего тебя изобью, а во-вторыхъ, по закону, «даръ дарителю возвращается». А если въ моемъ желаніи пребудешь, то объясни, что тебѣ еще надо, и все отъ меня получишь.

Я его благодарю и говорю, что никакихъ желаніевъ не имѣю и не придумаю, окромя одного,—если его милость будетъ, сказать мнѣ: что̀ все это значитъ и за что̀ я домъ получилъ?

Но этого онъ не сказалъ.

— Это, говоритъ,—тебѣ совсѣмъ не надо, но только помни, что съ этихъ поръ ты называешься—«Лепутанъ» и такъ въ моей дарственной именованъ. Храни это имя: тебѣ это будетъ выгодно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Остались мы въ своемъ домѣ хозяйствовать и пошло у насъ все очень благополучно, и считали мы такъ, что все это женинымъ счастіемъ, потому что настоящаго объясненія долгое время ни отъ кого получить не могли, но одинъ разъ пробѣжали тутъ мимо насъ два господина и вдругъ остановились и входятъ.

Жена спрашиваетъ:

— Что прикажете?

Они отвѣчаютъ:

— Намъ нужно самого мусье Лепутана.

Я выхожу, а они переглянулись, оба вразъ засмѣялись и заговорили со мной по-французски.

Я извиняюсь, что по-французски не понимаю.

— А давно ли, спрашиваютъ,—вы стали подъ этой вывѣской?

Я имъ сказалъ сколько лѣтъ.

— Ну, такъ и есть. Мы васъ, говорятъ,—помнимъ и видѣли: вы одному господину подъ Новый годъ удивительно

фракъ къ балу заштопали и потомъ отъ него при насъ непріятность въ гостиницѣ перенесли.

— Совершенно вѣрно, говорю,—былъ такой случай, но только я этому господину благодаренъ и черезъ него жить пошелъ, но не знаю ни его имени, ни прозванія, потому все это отъ меня скрыто.

Они мнѣ сказали его имя, а фамилія его, прибавили,— Лапутинъ.

— Какъ, Лапутинъ?

— Да, разумѣется, говорятъ, Лапутинъ. А вы развѣ не знали, черезъ что онъ вамъ все это благодѣтельство оказалъ. Черезъ то, чтобы его фамиліи на вывѣскѣ не было.

— Представьте, говорю,—а мы о-сю пору ничего этого понять не могли, благодѣяніемъ пользовались, а словно какъ въ потемкахъ.

— Но, однако,—продолжаютъ мои гости: ему отъ этого ничего не помоглося, вчера съ нимъ новая исторія вышла.

И разсказали мнѣ такую новость, что стало мнѣ моего прежняго однофамильца очень жалко.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Жена Лапутина, которой они сдѣлали предложеніе въ заштопанномъ фракѣ, была еще щекотистѣе мужа и обожала важность. Сами они оба были не Богъ вѣсть какой породы, а только отцы ихъ по откупамъ разбогатѣли, но искали знакомства съ одними знатными. А въ ту пору у насъ въ Москвѣ былъ главнокомандующимъ графъ Закревскій, который самъ тоже, говорятъ, былъ изъ поляцкихъ шляхтецовъ, и его настоящіе господа, какъ князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, не высоко числили: но прочіе обольщались быть въ его домѣ приняты. Моего прежняго однофамильца супруга тоже этой чести жаждали. Однако, Богъ ихъ знаетъ почему, имъ это долго не выходило, но, наконецъ, нашелъ господинъ Лапутинъ сдѣлать графу какую-то пріятность, и тотъ ему сказалъ:

— Заѣзжай, братецъ, ко мнѣ, я велю тебя принять, скажи мнѣ, чтобы я не забылъ: какъ твоя фамилія?

Тотъ отвѣчалъ, что его фамилія Лапутинъ.

Лапутинъ?—заговорилъ графъ:—Лапутинъ... Постой,

постой, сдѣлай милость, Лапутинъ... Я что-то помню, Лапутинъ... Это чья-то фамилія.

— Точно такъ, говоритъ, — ваше сіятельство, это моя фамилія.

— Да, да, братецъ, дѣйствительно это твоя фамилія, только я что-то помню... какъ будто былъ еще кто-то Лапутинъ. Можетъ-быть, это твой отецъ былъ Лапутинъ?

Баринъ отвѣчаетъ, что его отецъ былъ Лапутинъ.

— То-то я помню, помню... Лапутинъ. Очень можетъ быть, что это твой отецъ. У меня очень хорошая память; пріѣзжай, Лапутинъ, завтра же пріѣзжай: я тебя велю принять, Лапутинъ.

Тотъ отъ радости себя не помнитъ и на другой день ѣдетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Но графъ Закревскій память свою хотя и хвалилъ, однако, на этотъ разъ оплошалъ и ничего не сказалъ, чтобы принять господина Лапутина.

Тотъ разлетѣлся.

— Такой-то, говоритъ,—и желаю видѣть графа.

А швейцаръ его не пущаетъ.

— Никого, говоритъ,—не велѣно принимать.

Баринъ такъ-сякъ его убѣждать,—что «я,—говоритъ,—не самъ, а по графскому зову пріѣхалъ»,—швейцаръ ко всему пребываетъ нечувствителенъ.

— Мнѣ, говоритъ,—никого не велѣно принимать, а если вы по дѣлу, то идите въ канцелярію.

— Не по дѣлу я, обижается баринъ, а по личному знакомству; графъ навѣрно тебѣ сказалъ мою фамилію—Лапутинъ, а ты, вѣрно, напуталъ.

— Никакой фамиліи мнѣ вчера графъ не говорилъ.

— Этого не можетъ быть; ты просто позабылъ фамилію — Лапутинъ.

— Никогда я ничего не позабываю, а этой фамиліи я даже и не могу позабыть, потому что я самъ Лапутинъ.

Баринъ такъ и вскипѣлъ.

— Какъ, говоритъ,—ты самъ Лапутинъ! Кто тебя научилъ такъ назваться?

А швейцаръ ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не научалъ, а наша природа, и въ

Москвѣ Лапутиныхъ обширное множество, но только остальные незначительны, а въ настоящіе люди одинъ я вышелъ.

А въ это время, пока они спорили, графъ съ лѣстницы сходитъ и говоритъ:

— Дѣйствительно, это я его и помню, онъ и есть Лапутинъ, и онъ у меня тоже мерзавецъ. А ты въ другой разъ приди, мнѣ теперь некогда. До свиданія.

Ну, разумѣется, послѣ этого уже какое свиданіе!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Разсказалъ мнѣ это maître tailleur Lepoutant съ сожалительною скромностью и прибавилъ въ видѣ финала, что на другой же день ему довелось, идучи съ работою по бульвару, встрѣтить самого анекдотическаго Лапутина, котораго Василій Конычъ имѣлъ основаніе считать своимъ благодѣтелемъ.

— Сидитъ, говоритъ,—на лавочкѣ очень грустный. Я хотѣлъ проюркнуть мимо, но онъ лишь замѣтилъ и говоритъ:

— Здравствуй, monsieur Lepoutant! Какъ живешь-можешь?

— По Божьей и по вашей милости—очень хорошо. Вы какъ, батюшка, изволите себя чувствовать?

— Какъ нельзя хуже; со мною прескверная исторія случилась.

— Слышалъ, говорю,—сударь, и порадовался, что вы его, по крайней мѣрѣ, не тронули.

— Тронуть его, отвѣчаетъ, — невозможно, потому что онъ не свободнаго трудолюбія, а при графѣ въ мерзавцахъ служитъ; но я хочу знать: кто его подкупилъ, чтобы мнѣ эту подлость сдѣлать?

А Конычъ, по своей простотѣ, сталъ барина утѣшать.

— Не ищите, говоритъ, — сударь, подученія. Лапутиныхъ, точно, много есть, и есть между нихъ люди очень честные, какъ, напримѣръ, мой покойный дѣдушка,—онъ по всей Москвѣ стелечки продавалъ...

А онъ меня вдругъ съ этого слова вразъ черезъ всю спину палкою... Я и убѣжалъ, и съ тѣхъ поръ его не видалъ, а только слышалъ, что они съ супругой за границу во Францію уѣхали, и онъ тамъ разорился и умеръ, а она надъ нимъ памятникъ поставила, да, говорятъ, по случаю,

съ такою надписью, какъ у меня на вывѣскѣ: «Депутанъ». Такъ и вышли мы опять однофамильцы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Василій Конычъ закончилъ, а я его спросилъ: почему онъ теперь не хочетъ перемѣнить вывѣски и выставить опять свою законную, русскую фамилію?

— Да зачѣмъ, говоритъ,—сударь, ворошить то, съ чего новое счастье стало, черезъ это можно вредъ всей окрестности сдѣлать.

— Окрестности-то какой же вредъ?

— А какъ же-съ, моя французская вывѣска, хотя, положимъ, всѣ знаютъ, что одна лаферма, однако, черезъ нее наша мѣстность другой эффектъ получила, и дома у всѣхъ сосѣдей совсѣмъ другой противъ прежняго профитъ имѣютъ.

Такъ Конычъ и остался французомъ для пользы обывателей своего замоскворѣцкаго закоулка, а его знатный однофамилецъ безъ всякой пользы стилъ подъ псевдонимомъ у Перъ-Лашеза.

ЖИДОВСКАЯ КУВЫРКОЛЛЕГІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было на святкахъ послѣ большихъ еврейскихъ погромовъ. Событія эти служили повсемѣстно темою для живыхъ и иногда очень странныхъ разговоровъ на одну и ту же тему: какъ намъ быть съ евреями? Куда ихъ выпроводить, или кому подарить, или самимъ ихъ на свой ладъ передѣлать? Были охотники и дарить, и выпроваживать, но самые практическіе изъ собесѣдниковъ встрѣчали въ обоихъ этихъ случаяхъ неудобство и болѣе склонялись къ тому, что лучше евреевъ приспособить къ своимъ домашнимъ надобностямъ—по преимуществу изнурительнымъ, которыя вели бы родъ ихъ на убыль.

— Но это вы, господа, задумываете что-то въ родѣ «египетской работы»,—молвилъ нѣкто изъ собесѣдниковъ... Будетъ ли это современно?

— На современность намъ смотрѣть нечего,—отвѣчалъ другой:—мы живемъ внѣ современности, но евреи прескверные строители, а наши инженеры и безъ того гадко строятъ. А вотъ война... военное дѣло тоже убыточно, и чѣмъ намъ лить на поляхъ битвы русскую кровь, гораздо бы лучше поливать землю кровью жидовскою.

Съ этимъ согласились многіе, но только послышались возраженія, что евреи ничего не стоятъ какъ воины, что они—трусы и имъ совсѣмъ чужды отвага и храбрость.

А тутъ сидѣлъ одинъ изъ заслуженныхъ военныхъ, который замѣтилъ, что и храбрость, и отвагу въ сердца жидовъ можно влить.

Всѣ засмѣялись и кто-то замѣтилъ, что это до сихъ поръ еще никому не удавалось.

Военный возразилъ:

— Напротивъ, удавалось, и притомъ съ самымъ блестящимъ результатомъ.

— Когда же это и гдѣ?

— А это цѣлая исторія, о которой я слышалъ отъ очень вѣрнаго человѣка.

Мы попросили, разсказать, и тотъ началъ.

— Въ Кіевѣ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ нѣкто полковникъ Стадниковъ. Его многіе знали въ мѣстномъ высшемъ кругѣ, образовавшемся изъ чиновнаго населенія, и въ средѣ настоящаго кіевскаго аристократизма, каковымъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признавать «кіевскихъ старожилыхъ мѣщанъ». Эти хранили тогда еще воспоминанія о своихъ магдебургскихъ правахъ и своихъ предкахъ, выѣзжавшихъ, въ силу тѣхъ правъ, на днѣпровскую Іордань верхомъ на коняхъ и съ рушницами, которыя они, по командѣ, то вскидывали на плечо, то опускали «товстымъ кінцемъ до чобота!» Захудалые потомки этой настоящей кіевской знати именовали Стадникова «Штаниковымъ»; такъ, вѣроятно, на ихъ вкусъ выходило больше «по-московски» или, просто, такъ было легче для ихъ мягкаго и нѣжнаго произношенія.

Стадниковъ пользовался въ городѣ хорошею репутаціею и добрымъ расположеніемъ: онъ былъ отличный стрѣлокъ и, какъ настоящій охотникъ, самъ не ѣлъ дичи, а всегда ее раздаривалъ. Поэтому извѣстная доля общества была даже заинтересована въ его охотничьихъ успѣхахъ. Кромѣ того, полковникъ былъ, что называется, «пріятный собесѣдникъ». Онъ уже довольно прожилъ на своемъ вѣку: честно служилъ и храбро сражался; много видѣлъ умнаго и глупаго и при случаѣ умѣлъ разсказать занимательную исторійку.

Въ разсказахъ Стадниковъ всегда держался короткаго, такъ сказать, лапидарнаго стиля, въ которомъ прославился король баварскій, но наивысшаго совершенства, по моему мнѣнію, достигъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Стадниковъ, впрочемъ, и съ вида былъ похожъ на Хрулева, да имѣлъ и нѣкоторыя другія, сходныя съ нимъ, черты. Такъ, онъ, напримѣръ, подобно Хрулеву, могъ играть

въ карты безъ сна и безъ отдыха по цѣлой недѣлѣ. Соперниковъ по этой выносливости у него во всемъ Кіевѣ не было ни одного, но были только два, достойные его силъ, партнера. Одинъ изъ нихъ былъ просто іерей, а другой—протоіерей. Перваго изъ нихъ звали Евфиміемъ, а другого—Василіемъ. Оба они были люди предобрые и пользовались въ городѣ большою извѣстностью, а притомъ обладали какъ замѣчательными силами физическими, такъ и дарами духовными. Но при всемъ томъ полковникъ далеко превосходилъ ихъ въ выносливости и однажды до того ихъ спуталъ, что отецъ протоіерей, перейдя отъ карточнаго стола къ совершенію утренняго служенія, не во̀-время позабылся и, вмѣсто положеннаго возгласа: «яко твое царство»,—возгласилъ причетнику: «пассъ!»

Впрочемъ, въ доброй компаніи, которая состояла изъ этихъ трехъ милыхъ людей, не только дѣлали, что играли: случалось, что они иногда отрывались отъ картъ для другихъ занятій, напримѣръ, закусывали и кое-о-чемъ говорили. Разсказывалъ, впрочемъ, по преимуществу, болѣе одинъ Стадниковъ и, какъ нѣкоторые примѣчали, онъ, будто бы, какъ разсказчикъ, не очень строго держался сухой правды, а немного «расцвѣчалъ» свои повѣствованія, или, какъ по-охотницки говорится, немножко привиралъ, но вѣдь безъ этого и невозможно. Довольно того, что полковникъ дѣлалъ это такъ складно и ладно, что вводную неправду у него было очень трудно отличать отъ дѣйствительной основы. Притомъ же Стадниковъ былъ неуступчивъ и переспорить его было невозможно. Разсказывали, будто полковникъ побѣдоносно выходилъ изъ всевозможныхъ въ этомъ родѣ затрудненій до того, что его никто никогда не останавливалъ и ему не возражали; да это и было безполезно. Одинъ разъ полковникъ ошибкой или по увлеченію сказалъ, будто онъ имѣлъ гдѣ-то въ степяхъ ордынскихъ овецъ, у которыхъ было по пуду въ курдюкѣ, а нѣкто, случившійся здѣсь, перехватилъ еще болѣе, что у его овецъ по пуду слишкомъ... Полковникъ только посмотрѣлъ на смѣльчака и спросилъ съ состраданіемъ:

— Да, но что же такое было въ хвостахъ у вашихъ овецъ?

— Разумѣется, сало,—отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Ага, то-то и есть! А у моихъ былъ воскъ!

Тѣмъ и покончилъ. Разумѣется, съ такимъ человѣкомъ спорить было невозможно, но слушать его пріятно.

Говорить здѣсь любили о матеріяхъ важныхъ, и одинъ разъ тутъ при мнѣ шла замѣчательная рѣчь о министрахъ и царедворцахъ, причемъ всѣ тогдашніе вельможи были подвергаемы очень строгой критикѣ; но вдругъ усиліемъ одного изъ іереевъ былъ выдвинутъ и высоко превознесенъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, который «одинъ изъ всѣхъ» не взялъ денегъ съ жидовъ и настоялъ на призывѣ евреевъ къ военной службѣ, наравнѣ со всѣми прочими податными людьми въ русскомъ государствѣ.

Исторія эта, сколько помню, излагалась тогда такимъ образомъ.

Когда государь Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на то, что жиды не несутъ рекрутской повинности, и захотѣлъ обсудить это съ своими совѣтниками, то жиды подкупили, будто, всѣхъ важныхъ вельможъ и согласились совѣтовать государю, что евреевъ нельзя брать въ рекруты на томъ основаніи, что «они всю армію перепортятъ». Но не могли жиды задарить только одного графа Мордвинова, который былъ хоть и не богатъ, да честенъ, и держался насчетъ жидовъ такихъ мыслей, что если они живутъ на русской землѣ, то должны одинаково съ русскими нести всѣ тягости и служить въ военной службѣ. А что насчетъ порчи арміи, то онъ этому не вѣрилъ. Однако, евреи все-таки отъ своего не отказывались и не теряли надежды сдѣлаться какъ-нибудь съ Мордвиновымъ: подкупить его или погубить клеветою. Нашли они какого-то одного близкаго графу бѣднаго родственника и склонили его за немалый даръ, чтобы онъ упросилъ Мордвинова принять ихъ и выслушать всего только «два слова»; а своего слова онъ имъ могъ ни одного не сказать. Иначе, дали намекъ, что они все равно, если не такъ, то иначе графа остепенятъ.

Бѣдный родственникъ соблазнился, принялъ жидовскіе дары и говоритъ графу Мордвинову:

— Такъ и такъ, вы меня при моей бѣдности можете осчастливить.

Графъ спрашиваетъ:

— Что же для этого надо сдѣлать, какую неправду?

А бѣдный родственникъ отвѣчаетъ:

— Никакой неправды не надо, а надо только, чтобы вы

для меня два жидовскія слова выслушали и ни одного своего не сказали. Черезъ это, — говоритъ, — и вамъ собственный покой и интересъ будетъ.

Графъ подумалъ, улыбнулся и, какъ имѣлъ сердце очень доброе, то отвѣчалъ:

— Хорошо, такъ и быть, я для тебя это сдѣлаю: два жидовскія слова выслушаю и ни одного своего не скажу.

Родственникъ побѣжалъ къ жидамъ, чтобы ихъ обрадовать, а они ему сейчасъ же обѣщанный даръ выдали настоящими золотыми лобанчиками, по два рубля семи гривенъ за штуку, только не прямо изъ рукъ въ руки кучкой дали, а каждый лобанчикъ по столу, покрытому сукномъ, перешмыгнули, отчего съ каждаго золотого на четвертакъ золотой пыли соскочило и въ ихъ пользу осталось. Бѣдный же родственникъ ничего этого не понялъ и сейчасъ побѣжалъ себѣ домикъ купить, чтобы ему было гдѣ жить съ родственниками. А жиды на другое же утро къ графу и принесли съ собою три сельдяныхъ боченка.

Камердинеръ графскій удивился, — съ какой это стати графу селедки принесли, но дѣлать было нечего, допустилъ положить тѣ боченки въ залѣ и пошелъ доложить графу. А жиды, межъ тѣмъ, пока графъ къ нимъ вышелъ, эти свои сельдяные боченки раскрыли и въ нихъ срѣзъ съ краями полно золота. Всѣ монетки новенькія, какъ жаръ горятъ, и биты однимъ калибромъ: по пяти рублей пятнадцати копеекъ за штуку.

Мордвиновъ вошелъ и сталъ молча, а жиды показали руками на золото и проговорили только два слова:

«Возьмите, молчите», а сами съ этимъ повернулись и, не ожидая никакого отвѣта, вышли.

Мордвиновъ велѣлъ золото убрать, а самъ поѣхалъ въ государственный совѣтъ и, какъ пришелъ, то точно воды въ ротъ набралъ,—ничего не говоритъ... Такъ онъ молчалъ во все время, пока другіе говорили и доказывали государю всѣми доказательствами, что евреямъ нельзя служить въ военной службѣ. Государь замѣтилъ, что Мордвиновъ молчитъ, и спрашиваетъ его:

— Что вы, графъ Николай Семеновичъ, молчите? Для какой причины? Я ваше мнѣніе знать очень желаю.

А Мордвиновъ будто отвѣчалъ:

— Простите, ваше величество, я не могу ничего говорить, потому что я жидамъ продался.

Государь большіе глаза сдѣлалъ и говоритъ:

— Этого быть не можетъ.

— Нѣтъ, точно такъ, — отвѣчаетъ Мордвиновъ: — я три сельдяные бочонка съ золотомъ взялъ, чтобы ни одного слова правды не сказывать.

Государь улыбнулся и сказалъ:

— Если вамъ три боченка золота дали за то, чтобы вы только молчали, сколько же надо было дать тѣмъ, которые взялись говорить?.. Но мы это теперь безъ дальнихъ словъ покончимъ.

И съ этимъ взялъ со стола проектъ, гдѣ было написано, чтобы евреевъ брать въ рекруты наравнѣ съ прочими, и написалъ: «быть по сему». Да въ прибавку повелѣлъ еще за тѣхъ, кои, если уклоняться вздумаютъ, то брать за нихъ трехъ, вмѣсто одного, штрафу.

Кажется, это построено слишкомъ по австрійскому анекдоту, извѣстному подъ заглавіемъ: «одно слово министру...» Изъ этого давно сдѣлана пьеска, которая тоже давно уже разыгрывается на театрахъ и близко знакома русскимъ по превосходному исполненію Самойловымъ трудной мимической роли жида; но въ то время, къ которому относится мой разсказъ, этотъ слухъ ходилъ повсемѣстно, и всѣ ему вполнѣ вѣрили, и русскіе восхваляли честность Мордвинова, а евреи жестоко его проклинали.

Анекдотъ этотъ былъ цѣликомъ вспомянутъ въ той задушевной бесѣдѣ полковника Стадникова съ іереями Василіемъ и Евфиміемъ, съ которой начинается нашъ разсказъ, и отсюда рѣчь повели далѣе.

Не любившій дѣлать въ чемъ бы то ни было уступки, полковникъ не выдержалъ и сказалъ:

— Да, эта пѣсня всѣмъ знакома, и давно вы ее все дудите, а того никто не знаетъ, что все бы это ни къ чему еще не повело, если бы въ это дѣло не вмѣшался еще одинъ человѣкъ.—И неуступчивый полковникъ сейчасъ же пояснилъ, что Мордвиновъ настроилъ это дѣло только въ теоріи, а на самомъ исполненіи оно еще могло погибнуть. И въ этой своей, гораздо болѣе важной, части оно спасено другимъ лицомъ, съ которымъ Мордвиновъ, по справедливости, долженъ бы подѣлиться честью. Но какъ справедли-

вости нѣтъ на землѣ, то этотъ достойный человѣкъ не только ничѣмъ не награжденъ, но даже остается въ полнѣйшей неизвѣстности.

— А кто же это такой?—вопросили оба іерея.

— Это одинъ простодушный кромчанинъ незнатнаго происхожденія, по имени Симеонъ Машкинъ или Мамашкинъ, — судя по фамиліи, должно-быть, сынъ пылкой, но незаконной любви, которому я далъ за всю его патріотическую услугу три гривенника, да и тѣ ему впрокъ не пошли.

Отцы іереи вспомнили, какъ полковникъ спорилъ про бараньи курдюки, и сказали:

— Ну, это вы, вѣроятно, опять что-нибудь такое, изъ чего воскъ выйдетъ.

Но полковникъ отвѣчалъ, что это не воскъ, а исторія, и притомъ самая настоящая, самая правдивая исторія, которой ни за что бы не должно забыть неблагодарное потомство, ибо она свидѣтельствуетъ о ясномъ умѣ и глубокой сообразительности человѣка изъ народа.

— Ну, такъ подавайте вашу исторію и, если она интересна, мы ее охотно послушаемъ.

— Да, она очень интересна, — сказалъ Стадниковъ и, переставъ тасовать карты, началъ слѣдующее повѣствованіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣсть, что еврейская просьба объ освобожденіи ихъ отъ рекрутства не выиграла, стрѣлою пролетѣла по пантофлевой почтѣ во всѣ мѣста ихъ осѣдлости. Тутъ сразу же и по городамъ, и по мѣстечкамъ поднялся ужасный гвалтъ и вой. Жиды кричали громко, а жидовки еще громче. Всѣ всполошились и заметались какъ угорѣлые. Совсѣмъ потеряли головы и не знали, что дѣлать. Даже не знали, какому Богу молиться, которому жаловаться. До того дошло, что къ покойному императору Александру Павловичу руки вверхъ все поднимали и вопили на небо:

— Ай, Александеръ, Александеръ, посмотри, що зъ нами твій Миколайчикъ робитъ!

Думали, вѣрно, что Александръ Павловичъ, по огромной своей деликатности, оттуда для нихъ назадъ въ Ильиной колесницѣ спустится и братнино слово «быть по сему» вычеркнетъ.

Долго они съ этимъ, какъ угорѣлые, по школамъ и ба-

зарамъ бѣгали, но никого съ неба не выкликали. Тогда всѣ вдругъ это бросили и начали, куда кто могъ, дѣтей прятать. Отлично, шельмы, прятали, такъ что никто не могъ разыскать. А которымъ не удалось спрятать, тѣ ихъ калѣчили,—плакали, а калѣчили, чтобы сдѣлать негодными.

Въ нѣсколько дней все молодое жидовство, какъ талый снѣгъ, въ землю ушло или поверглось въ отвратительныя лихія болѣсти. Этакой гадости, какую они надъ собой производили, кажется, никогда и не видала наша сарматская сторона. Одни сплошь до шеи покрывались самыми злокачественными золотушными паршами, какихъ ни на одной русской собакѣ до тѣхъ поръ было не видано; другіе сдѣлали себѣ падучую болѣзнь; третьи охромѣли, окривѣли и осухоручили. Бретонскіе компрачикосы, надо полагать, даже не знали того, что̀ тутъ умѣли дѣлать. Въ Бердичевѣ были слухи, будто бы объявился такой докторъ, который бралъ сто рублей за «прецентъ», отъ котораго «кишки наружу выходили, а душа въ тѣлѣ сидѣла». Во многихъ польскихъ аптекахъ продавалось какое-то жестокое снадобье подъ невиннымъ и притомъ исковерканнымъ названіемъ: «капель съ датскаго корабля». Отъ этихъ капель человѣкъ надолго, чуть ли не на цѣлые полгода, терялъ владѣніе всѣми членами и выдерживалъ самое тщательное испытаніе въ госпиталяхъ *). Все это покупали и употребляли, предпочитая, кажется, самыя ужасныя увѣчья служебной неволѣ. Только умирать не хотѣли, чтобы не сокращать чрезъ то родъ израилевъ.

Наборъ, назначенный вскорѣ же послѣ рѣшенія вопроса, съ самаго начала пошелъ ужасно туго, и вскорѣ же понадобились самыя крутыя мѣры побужденія, чтобы законъ, съ грѣхомъ пополамъ, былъ исполненъ. Приказано было за каждаго недоимочнаго рекрута брать трехъ штрафныхъ. Тутъ уже стало не до шутокъ. Сдатчики набирали кое-какихъ, преимущественно, разумѣется, бѣдняковъ, за которыхъ стоять было некому. Между этими попадались и здоровенькіе, такъ какъ у нихъ, видно, не хватало средствъ, чтобы купить спасительныхъ капель «съ датскаго корабля». Иной, бывало, свеклой ноженьки вымажетъ или ободранный козій хвостикъ

*) О такомъ же способѣ разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ извѣстный знатокъ солдатской жизни А. Ѳ. Погосскій. Секретъ этотъ знали и русскія знахарки и обманывали имъ врачей съ блистательнымъ успѣхомъ.

себѣ приткнетъ, будто кишки изъ него валятся, но сейчасъ у него это вытащатъ и браво — лобъ забреютъ, и служи Богу и государю вѣрой и правдой.

Со всѣми возмутительными мѣрами побужденія кое-какіе полукалѣки, наконецъ, были забриты и началась новая мука съ ихъ устройствомъ къ дѣлу. Вдругъ сюрпризомъ начало обнаруживаться, что евреи воевать не могутъ. Здѣсь уже вашъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ никакой помощи намъ оказать не могъ, а военные люди струсили, какъ бы «не пошелъ портежъ въ арміи». Жидки же этого, разумѣется, весьма хотѣли и пробовали привесть въ дѣйство хитрость несказанную.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Набрано было евреевъ въ войска и взрослыхъ, и малолѣтокъ, которымъ минуло будто уже двѣнадцать лѣтъ. Взрослыхъ было немного сравнительно съ малолѣтками, зато съ ними возни было во сто разъ болѣе, чѣмъ съ малолѣтками. Маленькихъ помѣщали въ батальоны военныхъ кантонистовъ, гдѣ наши отцы духовные, по распоряженію отцовъ-командировъ, въ одно мановеніе ока приводили этихъ ребятишекъ къ познанію истинъ православной христіанской вѣры и крестили ихъ во славу имени Господа Іисуса, а со взрослыми это было гораздо труднѣе, и потому ихъ оставляли при всемъ ихъ вехтозавѣтномъ заблужденіи и размѣщали въ небольшомъ количествѣ въ команды.

Все это была, какъ я вамъ сказалъ, самая препоганая калѣчь, способная наводить одно уныніе на фронтъ. И жалостно, и смѣшно было на нихъ смотрѣть, и поневолѣ думалось:

«Изъ-за чего и споръ былъ? Стоило ли брать въ службу такихъ козероговъ, чтобы ими только фронтъ поганить?»

Само дѣло показывало, что надо ихъ убирать куда-нибудь съ глазъ подальше. Въ большинствѣ случаевъ они и сами этого желали и сразу же, обнявъ умомъ свое новое положеніе, старались попадать въ музыкантскія школы или въ швальни, гдѣ нѣтъ дѣла съ ружьемъ. А отъ ружья пятились хуже, чѣмъ чортъ отъ поповскаго кропила, и вдругъ обнаружили твердое намѣреніе отъ настоящаго военнаго ремесла совсѣмъ отбиться.

Въ этомъ родѣ и началась у насъ могущественная игра

природы, которой врядъ ли быть бы выигранною, если бы на помощь государству не пришелъ острый геній Семена Мамашкина. Задумано это было очень серьезно и, по несчастію, начало практиковаться какъ разъ въ той маленькой отдѣльной части, которою я тогда командовалъ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи трехъ жидовиновъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Я тогда былъ въ небольшомъ чинѣ и стоялъ съ ротою въ Бѣлой Церкви. (Свой чинъ полковника Стадниковъ почиталъ уже большимъ. Тогда на чины было поскупѣе нынѣшняго). Бѣлая Церковь, какъ вамъ извѣстно, это жидовское царство: все мѣстечко сплошь жидовское. Они тутъ имѣютъ свою вторую столицу. Первая у нихъ—Бердичевъ, а вторая, болѣе старая и болѣе загаженная,—Бѣлая Церковь. У нихъ это соотвѣтствуетъ своего рода Петербургу и Москвѣ. Такъ это и въ жидовскихъ прибауткахъ сказывается.

Жизнь въ Бѣлой Церкви, можно сказать, была и хорошая, и прескверная. Виденъ палацъ Браницкихъ и ихъ роскошный паркъ—Александрія. Рѣка тоже прекрасная и чистая, Рось, которая свѣжитъ однимъ своимъ пріятнымъ названіемъ, не говоря уже объ ея прозрачныхъ водахъ. Воды эти текутъ среди такихъ береговъ, которыми вволю налюбоваться нельзя, а въ мѣстечкѣ такая жидовская нечисть, что жить невозможно. Всякій день, бывало, дегтярнымъ мыломъ съ ногъ до головы моешься, чтобы не покрыться паршами или коростой. Это—одна противность квартированія въ жидовскихъ мѣстечкахъ; а другая заключается въ томъ, что какъ ни вертись, а безъ жидовъ тутъ совсѣмъ пропасть бы пришлось, потому что жидъ сапоги шьетъ, жидъ кастрюли лудитъ, жидъ булки печетъ,—все жидъ, а безъ него ни «пру», ни «ну». Противное положеніе!

Офицеровъ со мною было три человѣка, да все, какъ говорятъ, съ бычками. Одинъ изъ нихъ, всѣхъ постарше, былъ русскій, по фамиліи Рословъ, изъ солдатъ, все Богу молился и каждое первое число у себя водосвятіе правилъ. Жидовъ онъ за людей не считалъ. Другой былъ нѣмецъ, по фамиліи Фингершпилеръ, очень большой чистюля: снаружи все чистился, а изнутри, по собственному его выраженію, «сохранялъ себя въ спирту», т. е. былъ всегда пьянъ.

Въ рѣдкія минуты просвѣтленія, когда Фингершпилеръ случался безъ спиртнаго сохраненія, онъ былъ очень скоръ на руку, но, впрочемъ, службистъ. Третій же, въ чинѣ прапорщика, только что былъ произведенъ изъ фендриковъ, въ которые его сдали тетки, недовольныя какими-то его семейными качествами. И онъ, и его тетки были русскіе, но за какое-то наказаніе или, можетъ-быть, для важности—судьба дала имъ иностранныя фамиліи и притомъ пресмѣшныя. Изъ его собственной фамиліи солдаты сдѣлали «Полуфертъ», а тетки его назывались, кажется: одна—мадамъ Сижу, а другая—мадамъ Лежу. Ни въ одномъ изъ этихъ господъ я не имѣлъ настоящаго помощника на предстоящій мнѣ трудный подвигъ, но прапорщикъ былъ мнѣ всѣхъ вреднѣе. Полуфертъ имѣлъ отвратительныя свойства. Это былъ аристократически-глупый хлыщъ и нестерпимый резонеръ, а въ то же время любилъ деньги и не страдалъ разборчивостью въ средствахъ для ихъ пріобрѣтенія. Онъ даже занималъ деньги у фельдфебеля и не отдавалъ ихъ ему въ срокъ, но любилъ дѣлать дамамъ презенты и сопровождалъ ихъ стихами своего сочиненія. Но что̀ было для меня всего непереноснѣе въ этомъ человѣкѣ — это его ужасная привычка говорить по-французски, тогда какъ онъ, несмотря на свою полуфранцузскую фамилію, не зналъ ни одного слова на этомъ языкѣ. На день, на два—это смѣшно, но въ долготѣ дней, на лѣтнемъ постоѣ, такая штука нервнаго человѣка въ гробъ уложить можетъ. Службою Полуфертъ занимался мало, а больше всего рисовалъ родословное дерево съ длинными хворостинами, на которыхъ онъ разсаживалъ въ кружкахъ какихъ-то перепелокъ съ коронами на макушкахъ. Это все были его предки, черезъ которыхъ онъ имѣлъ твердое намѣреніе доказать свое прямое родство съ какою-то княжескою линіею отъ Бурбонскихъ блюдолизовъ. Тутъ же были и m-me Сижу и m-me Лежу.

Полуферту очень хотѣлось быть княземъ, и то съ корыстною цѣлью, чтобы жениться въ Москвѣ на какой-нибудь богатой купчихѣ. Пока онъ искалъ тридцати тысячъ взаймы, чтобы дать кому-то въ герольдіи за утвержденіе его въ княжествѣ; но только у насъ-то ни у кого такихъ денегъ не было, и онъ твердилъ себѣ на вѣтеръ:

— Муа же сюи юнъ принсъ!

Это «пренсъ» было для него самое главное въ жизни, а между тѣмъ, при ханжествѣ одного офицера и пьянствѣ другого, этотъ Полуфертъ былъ моимъ самымъ надежнымъ помощникомъ въ то роковое время, когда мнѣ въ роту были присланы три новобранца-жидовина, изъ которыхъ отъ каждаго можно было прійти въ самое безнадежное отчаяніе. Попробую ихъ вамъ представить.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Одинъ изъ трехъ первозванныхъ жидовъ, мною полученныхъ, былъ рыжій, другой — черный или вороной, а третій — пестрый или пѣгій. По послѣднему прошла какая-то прелюбопытная игра причудливой природы: у него на головѣ были три цвѣта волосъ и располагались они, не переходя изъ тона въ тонъ съ какою-нибудь постепенностью, а прямо располагались пестрыми клочками другъ возлѣ друга. Вся его шапка была какъ будто холодильный пузырь изъ шотландской клеенки — вся пестрая. Особенно чуденъ былъ хохолъ — весь сѣдой, отчего этотъ жидовинъ имѣлъ нѣкоторымъ образомъ видъ чорта, какихъ пишутъ наши благочестивые изографы на древнихъ иконахъ.

Словомъ, изъ всѣхъ трехъ, что ни портретъ — то рожа, но каждый антикъ въ своемъ родѣ; такъ, напримѣръ, у рыжаго физія была прехитрая и презлая, и, къ тому же, онъ заикался. Черный смотрѣлъ дуракомъ и на самомъ дѣлѣ былъ не уменъ или, по крайней мѣрѣ, всѣ мы такъ думали до извѣстнаго случая, когда мудрецъ Маманкинъ и въ немъ умъ отыскалъ. У этого брюнета были престрашной толщины губы и такой жирный языкъ, что онъ во рту не вмѣщался и все наружу лѣзъ. Одно то, чтобы выучить этого франта языкъ за губы убирать, ни вѣсть какихъ трудовъ стоило, а къ обученію его говорить по-русски мы даже и приступать не смѣли, потому что этому вся его природа противилась, и онъ, при самыхъ усиленныхъ стараніяхъ что-нибудь выговорить, могъ только плеваться. По третій, пѣгій или пестрый, имѣлъ безобразіе, которое меня даже къ нему какъ-то располагало. Это былъ человѣкъ удивительно плоскорожій, съ впалыми глазами и однимъ только жидовскимъ носомъ на выкатѣ; но выраженіе лица имѣлъ страдальческое и притомъ онъ лучше всѣхъ своихъ товарищей умѣлъ говорить по-русски.

Лѣтами этотъ нѣгій былъ старше товарищей: тѣмъ двумъ было этакъ лѣтъ по двадцати, а нѣгому, хотя значилось двадцать четыре года, но онъ увѣрялъ, будто ему уже есть лѣтъ за тридцать. Въ эти годы жидовъ уже нельзя было сдавать въ рекруты, но онъ, вѣроятно, былъ сданъ на основаніи присяжнаго удостовѣренія двѣнадцати добросовѣстныхъ евреевъ, поклявшихся всемогущимъ Еговою, что нѣгому только двадцать четыре года.

Клятвопреступничество тогда было въ большомъ ходу и даже являлось необходимостью, такъ какъ жиды или совсѣмъ не вели метрическихъ книгъ, либо предусмотрительно пожгли ихъ, какъ только заслышали, «що зъ ними Миколайчикъ зробытъ». Безъ книгъ лѣта ихъ стали опредѣлять по такъ-называемому присяжному разысканію. Соберутъ, бывало, двѣнадцать прохвостовъ, приведутъ ихъ къ присягѣ съ незамѣтнымъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ,—и тѣ врутъ, что имъ закажутъ. Кому надо назначить сколько лѣтъ, столько они и покажутъ, а власти обязаны были имъ вѣрить... Смѣхъ и грѣхъ!

Такъ, бывало, и расхаживаютъ такія шайки присяжныхъ разбойниковъ, всегда числомъ по двѣнадцати, сколько законъ требуетъ для несомнѣнной вѣрности, и при нихъ всегда, какъ при артели, свой рядчикъ, который ихъ водитъ по должностнымъ лицамъ и освѣдомляется:

— Чи нема чого присягать?

Отвратительнѣйшее растлѣніе, до какого едва ли кто иной доходилъ, и все это, повторяю, будучи прикрыто именемъ всемогущаго Еговы, принималось русскими властями за доказательство и даже протежировалось...

Такъ былъ сданъ и мой нѣгій воинъ, котораго имя было Лейзеръ, или по-нашему,—Лазарь.

И имя это чрезвычайно ему шло, потому что онъ весь, какъ я вамъ говорю, былъ прежалкій и внушалъ къ себѣ большое состраданіе.

Всегда этотъ Лазарь былъ смиренъ и безотвѣтенъ; всегда смотрѣлъ прямо въ глаза, точно сейчасъ высѣченный пудель, который старается прочитать въ вашемъ взглядѣ: кончена ли произведенная надъ нимъ экзекуція или только рука у васъ устала и, по маломъ ея отдыхѣ, начнется новое продолженіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нѣгій былъ дамскій портной и, слѣдуя влеченію природы, принесъ съ собою изъ міра въ команду свою портновскую иглу съ вощеной ниткой и ножницы, и немедленно же открылъ мастерскую и пошелъ всей этой инструментиной дѣйствовать.

Болѣе онъ производилъ какія-то «фантазіи» — изъ стараго дѣлалъ новое, потому что тогда въ провинціи въ моду вошли какія-то этакія особенныя мантиліи, которыя назывались «палантины». Забавная была штука: фасонъ совершенно какъ будто мужскія панталоны, такъ это и носили: назади за спиною у дамы словно огузье треплется, а напередъ, черезъ плечи, двѣ штанины спущены. Пресмѣшно, точно солдатъ, который штаны вымылъ и домой ихъ несетъ, чтобы на вѣтеркѣ сохли. И сходство это солдатами было замѣчено и вело къ нѣкоторымъ непріятностямъ, которымъ я долженъ былъ положить конецъ весьма энергическою мѣрою.

Вымоетъ, бывало, солдатъ на рѣкѣ свои бѣлые штаны, накинетъ ихъ на плечи палантиномъ и идетъ. А одинъ до того разрѣзвился, что, встрѣтясь съ становихой, присѣлъ ей по-дамски и сказалъ:

— Кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку.

Становой на это пожаловался, и я солдатика велѣлъ высѣчь.

Лазарь отлично строилъ эти палантины изъ старыхъ платьевъ и нарядилъ въ нихъ всѣхъ бѣлоцерковскихъ панъ и панянокъ. Но, впрочемъ, говорили, что онъ тоже и новыя платья будто хорошо шилъ. Я въ этомъ, разумѣется, не знатокъ, но меня удивляло его досужество—какъ онъ добывалъ для себя работу и гдѣ находилъ мѣсто ее производить? Тоже удивительна мнѣ была и цѣна, какую онъ бралъ за свое артистическое искусство: за цѣлое платье онъ бралъ отъ четырехъ до пяти злотыхъ, т. е. шестьдесятъ или семьдесятъ пять копеекъ. А палантины прямо ставилъ по два злота за штуку и притомъ половину изъ этого еще отдавалъ фельдфебелю или, по-ихнему «подфебелю», чтобы отъ него помѣхи въ работѣ не было, а другую половину посылалъ куда-то въ Нѣжинъ или въ Каменецъ семейству «на воспитаніе ребенковъ и прочаго семейства».

«Ребенковъ» у него было, по его словамъ, что-то очень много, едва ли не «семь штуковъ», которые «всѣ себѣ имѣютъ желудки, которые кушать просятъ».

Какъ не почтить человѣка съ такими семейными добродѣтелями, и мнѣ этого Лазаря, повторяю вамъ, было очень жалко, тѣмъ больше, что, обиженный отъ своего собственнаго рода, онъ ни на какую помощь своихъ жидовъ не надѣялся и даже выражалъ къ нимъ горькое презрѣніе, а это, конечно, не проходитъ даромъ, особенно въ родѣ жидовскомъ.

Я его разъ спросилъ:

— Какъ ты это, Лазарь, своего рода не любишь?

А онъ отвѣчалъ, что добра отъ нихъ никакого не видѣлъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, говорю я,—какъ они не пожалѣли, что у тебя семь «ребенковъ» и въ рекруты тебя отдали? Это безсовѣстно.

— Какая же,—отвѣчаетъ онъ: — у нашихъ жидовъ совѣсть?

— Я, молъ, думалъ, что, по крайности, хоть противъ своихъ они чего-нибудь посовѣстятся, вѣдь вы всѣ одной вѣры.

Но Лазарь только рукой махнулъ.

— Неужели, спрашиваю,—они ужъ и Бога не боятся?

— Они, говоритъ,—Его въ школѣ запираютъ.

— Ишь, какіе хитрые!

— Да, хитрѣе ихъ, отвѣчаетъ,—на свѣтѣ нѣтъ.

Такимъ образомъ, если замѣчаете, мы съ этимъ нѣгимъ рекрутомъ изъ жидовъ даже какъ будто единомыслили и пришли въ душевное согласіе, и я его очень полюбилъ и сталъ лелѣять тайное намѣреніе какъ-нибудь облегчить его, чтобы онъ могъ больше заработывать для своихъ «ребенковъ».

Даже въ примѣръ его своимъ ставилъ какъ трезваго и трудолюбиваго человѣка, который не только самъ постоянно работаетъ, но и обоихъ своихъ товарищей къ дѣлу приспособилъ: рыжій у него что-то подшивалъ, а черный губанъ утюги грѣлъ да носилъ.

Въ строю они учились хорошо; фигуры, разумѣется, имѣли не важныя, но выучились стоять прямо и носки на маршировкѣ вытягивать, какъ слѣдуетъ, по чину Мельхиседекову.

Вскорѣ и ружьемъ стали артикулъ выкидывать, — словомъ все, какъ подобало; но вдругъ, когда я къ нимъ совсѣмъ расположился и даже сдѣлался ихъ первымъ защитникомъ, они выкинули такую каверзу, что чуть съ ума меня не свели. Измыслили они такую штуку, что сю всю мудрую стойкость Мордвинова чуть подъ плотину не выбросили, если бы не спасъ дѣла Мамашкинъ.

Вдругъ всѣ мои три жида начали «падать»!

Все исполняютъ какъ надо: и маршировку, и ружейные пріемы, а какъ имъ скомандуютъ: «пали!» — они выпалятъ и повалятся, ружья бросятъ, а сами ногами дрыгаютъ...

И замѣтьте, что вѣдь это не одинъ который-нибудь, а всѣ трое: и вороной, и рыжій, и пѣгій... А тутъ точно на зло, какъ разъ въ это время, получается извѣстіе, что генералъ Ротъ, который жилъ въ своей деревнѣ подъ Звенигородкою, собирается объѣхать всѣ части войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія и будетъ смотрѣть, какъ обучены новые рекруты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ротъ—это теперь для всѣхъ одинъ звукъ, а на насъ тогда это имя страхъ и трепетъ наводило. Ротъ былъ начальникъ самый бѣдовый, какихъ не дай Господи встрѣчать: человѣкъ сухой, формалистъ, желчный и злой, притомъ такая страшная придира, что угодить ему не было никакой возможности. Онъ всѣхъ изъ терпѣнія выводилъ, и въ подвѣдомыхъ ему частяхъ тогда того только и ждали, что его кто-нибудь прикончитъ по образу графа Каменскаго или Аракчеевской Настьки. Былъ, напримѣръ, такой случай, что одинъ ремонтеръ, человѣкъ очень богатый, подержалъ пари, что онъ избѣжитъ отъ Рота всякихъ придирокъ, и въ этомъ своемъ усердіи ремонтеръ затратилъ на покупку лошадей много своихъ собственныхъ денегъ и зато привелъ такихъ превосходныхъ коней, что на любой императору сѣсть не стыдно. Особенно между ними одна всѣхъ восхищала, потому что во всѣхъ статьяхъ была совершенство. Но Ротъ, какъ сталъ смотрѣть, такъ у всѣхъ нашелъ недостатки и всѣхъ перебраковалъ. А какъ дошло дѣло до этой самой лучшей, тутъ и вышла исторія.

Вывели эту лошадушку, а она такая веселая, точно ба-

рышня, которая сама себя показать хочетъ: хвостъ и гриву разметала и заржала.

Ротъ къ этому и придрался:

— Лошадь, говоритъ,—хороша, а голосъ у нея скверный.

Тутъ ремонтеръ уже не выдержалъ.

— Это, говоритъ,— ваше высокопревосходительство, отъ того, что «ротъ» скверенъ.

Анекдотъ этотъ тогда разошелся по всей арміи.

Генералъ понялъ, разсердился, а ремонтера въ отставку выгналъ.

Съ этакимъ-то, прости Господи, чортомъ мнѣ надо было видѣться и представлять ему падучихъ жидовъ. А они, замѣтьте, успѣли уже произвести такой скандалъ, что солдаты ихъ зачислили особою командою и прозвали «Жидовская кувыркаллегія».

Можете себѣ представить, каково было мое положеніе! Но теперь извольте же прослушать, какъ я изъ него выпутался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разумѣется, мы всячески бились отучить нашихъ жидковъ отъ «падежа», и труды эти составляютъ весьма характерную исторію.

Самый первый одобрительный пріемъ въ строю тогдашняго времени былъ хорошій матеріальный окрикъ и два-три легкихъ угощенія шато-скуловоротомъ. Это подносилось не въ счетъ абонемента, а потомъ слѣдовало поднятіе казенныхъ хвостиковъ у мундира за фронтомъ и, наконецъ, настоящія розги въ обширной пропорціи. Все это и было испробовано какъ слѣдуетъ, но не помогло: опять чуть скомандуютъ «пали»—всѣ три жидовина съ ногъ валятся.

Велѣлъ я ихъ очень сильно взбрызнуть, и такъ сильно сбрызнули, что они перестали пить сидя, а начали пить лежа на животахъ, но все-таки при каждомъ выстрѣлѣ падаютъ.

Думаю: давай я ихъ попробую какими-нибудь трогательными резонами обрезонить.

Призвалъ всѣхъ троихъ и обращаю къ нимъ свое командирское слово:

— Что это, говорю,—вы такое выдумали—падать?

— Сохрани Богъ, ваше благородіе,—отвѣчаетъ пѣгій: —

мы ничего не выдумываемъ, а это наша природа, которая намъ не позволяетъ палить изъ ружья, которое само стрѣляетъ.

— Это еще что за вздоръ!

— Точно такъ, отвѣчаетъ: — потому Богъ создалъ жида не къ тому, чтобы палить изъ ружья, ежели которое стрѣляетъ, а мы должны торговать и всякія мастерства дѣлать. Мы ружьемъ, которое стрѣляетъ, все махать можемъ, а стрѣлять, если которое стрѣляетъ, — мы этого не можемъ.

— Какъ такъ «которое стрѣляетъ»? Ружье всякое стрѣляетъ, оно для того и сдѣлано.

— Точно такъ, отвѣчаетъ онъ: — ружье, которое стрѣляетъ, оно для того и сдѣлано.

— Ну, такъ и стрѣляйте.

Послалъ стрѣлять, а они опять попадали.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Чортъ знаетъ, что такое! Хоть рапортъ по начальству подавай, что жиды по своей природѣ не могутъ служить въ военной службѣ.

Вотъ тебѣ и Мордвиновъ и вся его побѣда надъ супостатомъ!

Срамъ и досада! И стало мнѣ казаться, что надо мною даже свои люди издѣваются и подаютъ мнѣ насмѣшливые совѣты.

Такъ, напримѣръ, поручикъ Рословъ все совѣтовалъ «перепороть ихъ хорошенько».

— Пороны уже, говорю, — они достаточно.

— Выпороть, говоритъ, — еще ихъ «на-бѣло» и окрестить. Тогда они иной духъ примутъ.

Но отецъ-батюшка, который тамъ былъ, сомнѣвался и говорилъ, что крещеніе, пожалуй, не поможетъ, а онъ иное совѣтовалъ.

— Надо бы, говоритъ, — выписать изъ Петербурга протоіерейскаго сына, который изъ духовнаго званія въ технологицы вышелъ.

— Что же, говорю, — тутъ технологецъ можетъ сдѣлать?

— А онъ, говоритъ, — когда въ прошломъ году къ отцу въ гости пріѣзжалъ, то для маленькой племянницы, которая ходить не умѣла, такія ходульныя креслица сдѣлалъ, что она не падала.

— Такъ это вы хотите, чтобы и солдаты въ ходульныхъ креслицахъ ходили?

И только ради сана его не обругалъ матеріально, а послалъ его ко всѣмъ чертямъ мысленно.

А тутъ Полуфертъ приходитъ и говоритъ, что будто точно такая же кувыркаллегія началась и въ другихъ частяхъ, которыя стояли въ Васильковѣ, въ Сквирѣ и въ Таращѣ.

— Я, даже, говоритъ, — «паръ сетъ оказіенъ» и стихи написалъ: вотъ «экутэ», пожалуйста.

И начинаетъ мнѣ читать какую-то свою риѳмованную окрошку изъ словъ жидовскихъ, польскихъ и русскихъ.

Цѣлымъ этимъ стихотвореніемъ, которое я немного помню, убѣдительно доказывалось, что евреямъ не слѣдуетъ и невозможно служить въ военной службѣ, потому что, какъ у моего поэта было написано:

«Жидъ, который привыкъ торговать
Люкемъ и гужалькемъ,
Ляпсардакъ класть на спину
И подпираецъся съ палькемъ;
Жидъ, ктурый, якъ се уродзилъ,
Нигдѣ по водѣ безъ мосту не ходзилъ.»

И такъ далѣе, все «который», да «ктурый», и въ результатѣ то, что жиду никакъ нельзя служить въ военной службѣ.

— Такъ что же по-вашему съ ними дѣлать?

— Перепасе люи данъ отръ режиманъ.

— Ага? «перепасе...» А вы, говорю, напрасно имъ заказываете палантины для вашихъ «танте» шить.

Полуфертъ сконфузился и забожился.

— Нонъ, Дьо манъ гардъ, говоритъ, — я это просто такъ, а ву комъ вуле ву, и же ву зангаже въ цукерьню — выпьемте по рюмочкѣ высочайше утвержденнаго.

Я, разумѣется, не пошелъ.

Досада только, что чортъ знаетъ какіе у меня помощники, даже не съ кѣмъ посовѣтоваться: одинъ глупъ, другой пьянъ безъ просыпа, а третій только поэзію разводитъ, да что-то каверзитъ.

Но у меня былъ денщикъ-хохолъ изъ породы этакихъ Шельменокъ; онъ видитъ мое затрудненіе и говоритъ:

— Ваше благородіе, осмѣливаюсь я вашему благородію

доложить, что какъ ваше благородіе съ жидами ничего не зробите, почему що якъ ваше благородіе изъ Россыи, которые русскіе люди къ жидамъ непривычные.

— А ты, привычный, что ты мнѣ посовѣтуешь?

— А я, отвѣчаетъ, — тое вамъ присовѣтую, що тутъ треба поляка приставить: есть у насъ капральный изъ поляковъ, отдайте ихъ тому поляку, — полякъ до жида майстровитѣе.

Я подумалъ.

— А и справды попробовать! поляки ихъ круто донимали.

Полякъ этотъ былъ парень ловкій и даже очень образованный; онъ былъ изъ шляхты, не доказавшей дворянства, но обладалъ свѣдѣніями по исторіи и однажды пояснялъ мнѣ, что есть правленіе, которое называется республика, и есть другое — республиканція. Республика — это выходило то, гдѣ «есть король и публика, а республиканція, гдѣ нѣтъ королю ваканціи.»

Велѣлъ я позвать къ себѣ этого образованнаго шляхтича и говорю ему:

— Вѣдь ты, братецъ, полякъ?

— Дѣйствительно такъ, отвѣчаетъ, — римско-католическаго исповѣданія, вѣрноподданный его императорскаго величества.

— Ты, говорятъ, — отлично знаешь евреевъ?

— Еще какъ маленькій былъ, то ихъ тогда горохомъ да клюквой стрѣлялъ для испуганія.

— Знаешь ты, какую у насъ жиды досаду дѣлаютъ, — надаютъ. Не можешь ли ты ихъ отучить?

— Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ.

— Ну, такъ я отдаю ихъ на твою отвѣтственность. Дѣлай съ ними что знаешь, только помни, что они уже до сихъ поръ и начерно и набѣло выпороны, такъ что даже сидѣть не могутъ, а лежа на брюхѣ работаютъ.

— Это, отвѣчаетъ, — ничего, не суть важно: жидъ поляка не обманетъ.

— Ну, иди и дѣлай.

— Счастливо оставаться, говоритъ, — и завтра же узнаете, что Господь Богъ и поляка недаромъ создалъ.

— Хорошо, говорю, — доказывай.

На другой день иду посмотрѣть, какъ мои жидки обрѣ-

таются, и вижу, что всѣ они уже не сидятъ и не лежатъ на брюхѣ, а стоя пьютъ.

— Отчего, спрашиваю,—вы стоя пьете? развѣ вамъ такъ ловко?

— Никакъ нѣтъ,—совсѣмъ даже неловко,—отвѣчаютъ.

— Такъ отчего же вы не садитесь?

— Невозможно, отвѣчаютъ,—потому—мы съ этой стороны пострадали.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть лежа на брюхѣ пейте.

— Теперь и такъ, говорятъ,—невозможно, потому что мы и съ этой стороны тоже пострадали.

Полякъ ихъ, извольте видѣть, по другой сторонѣ отстрочилъ. Въ этомъ и было все его тонкое доказательство, зачѣмъ Богъ поляка создалъ; а жидовское паденіе все-таки и послѣ этого продолжалось.

Узналъ я, что мой Шельменко нарочно поляка подвелъ, и посадилъ ихъ обоихъ на хлѣбъ-на воду, а самъ послалъ за поручикомъ Фингершпилеромъ и очень удивился, когда тотъ ко мнѣ почти въ ту же минуту явился и совсѣмъ въ трезвомъ видѣ.

«Вотъ, думаю, нѣмецъ ихъ достигнетъ.»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

— Очень радъ, говорю, что могу васъ видѣть и совсѣмъ свѣжаго.

— Какъ же, капитанъ, отвѣчаетъ,—я уже очень давно, даже еще со вчерашняго дня, совсѣмъ ничего не пью.

— Ну, вотъ видите ли, говорю,—это мнѣ очень большая радость, потому что я терплю смѣшную, но неодолимую досаду: вы знаете, у насъ во фронтѣ три жида, очень смирные люди, но должно быть отбиться отъ службы хотятъ все падаютъ. Вы—нѣмецъ, человѣкъ твердой воли, возьмитесь вы за нихъ и одолѣйте эту проклятую ихъ привычку.

— Хорошо, говоритъ,—я ихъ отучу.

Училъ онъ ихъ цѣлый день, а на слѣдующее утро опять та же исторія: выстрѣлили и попадали.

Повелъ ихъ нѣмецъ доучивать, а вечеромъ я спрашиваю вѣстового:

— Какъ наши жиды?

— Живы, говоритъ, — ваше благородіе, а только ни на что не похожи.

— Что это значитъ?

— Не могу знать для чего, ваше благородіе, а ничего распознать нельзя.

Обезпокоился я, не случилось ли чего черезчуръ глупаго, потому что съ одной стороны они всякаго изъ терпѣнія могли вывести, а съ другой — уже они меня въ какую-то меланхолію вогнали и мнѣ такъ и стало чудиться — не нажить бы съ ними бѣды.

Одѣлся я и иду въ ихъ закуту; но, еще не доходя, встрѣчаю солдата, который отъ нихъ идетъ, и спрашиваю:

— Живы жиды?

— Какъ есть живы, ваше благородіе.

— Работаютъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Что же они дѣлаютъ?

— Морды вверхъ держатъ.

— Что ты врешь,—зачѣмъ морды вверхъ держатъ?

— Очень морды у нихъ, ваше благородіе, поопухли, какъ будто пчелы изъѣли, и глазъ не видать; работать никакъ невозможно, только пить просятъ.

— Господи!—воскликнулъ я въ душѣ своей,—да что̀ же за му̀ка такая мнѣ ниспослана съ этими тремя жидовинами; не беретъ ихъ ни таска, ни ласка, а между тѣмъ того и гляди, что переломитъ ихъ не переломишь, а либо тотъ, либо другой изувѣчитъ ихъ.

И уже самъ я въ эти минуты былъ противъ Мордвинова:

— Гораздо лучше, думаю, — если бы ихъ въ рекруты не брали.

Вхожу въ такомъ волненіи гдѣ были жиды, и вижу— дѣйствительно, всѣ они трое сидятъ на колѣняхъ, а руками въ землю опираются и лица кверху задрали.

Но, Боже мой, что̀ это были за лица! Ни глазъ, ни рта— ничего не разсмотришь, даже носы жидовскіе и тѣ обезформились, а все вмѣстѣ скипѣлось и слилось въ одну какую-то безобразную, синебагровую нашлепку. Я просто ужаснулся, и, ничего не спрашивая, пошелъ домой, понуря голову.

Но тутъ-то, въ моментъ величайшаго моего сознанія своей немощи, и пришла ко мнѣ помощь нежданная и необыкновенно могущественная.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вхожу я въ свою квартиру, которая была заперта, послѣ посажденія подъ арестъ Шельменки, и вижу—на полу лежитъ довольно поганенькій конвертикъ и подписанъ онъ моему благородію съ обозначеніемъ слова «секретъ».

Все надписаніе сдѣлано неумѣлымъ почеркомъ, въ родѣ того, какимъ у насъ на Руси пишутъ лавочные мальчишки. Способъ доставки мнѣ тоже понравился — подметный, т. е. самый великорусскій.

Письмо, очевидно, было брошено мнѣ въ окно тѣмъ обычнымъ путемъ, которымъ въ старину подбрасывались извѣты о «словѣ и дѣлѣ», а понынѣ возвѣщается о красномъ пѣтухѣ и его дѣтяхъ.

Ломаю конвертъ и достаю грязноватый листокъ, на которомъ начинается сначала долгое титулованіе моего благородія, потомъ извиненія о безпокойствѣ и просьбы о прощеніи, а затѣмъ такое изложеніе: «осмѣливаюсь я вамъ доложить, что какъ послѣ тѣлеснаго меня наказанія за дамскую никсу (т. е. книксенъ), лежалъ я все время въ обложной болѣзни съ нутренностями въ кіевскомъ вошпиталѣ и тамъ даютъ нашему брату только одну булычку и несчастной супъ, то очень желамши чернаго христіанскаго хлѣба, задолжалъ я фершалу три гривенника и оставилъ тамъ ему въ закладъ сапоги, которые получилъ съ богомольцами изъ своей стороны, изъ Кромъ, замѣсто родительскаго благословенія. А потому прибѣгаю къ вашему благородію какъ къ командеру за помощью: нѣтъ ли въ царствѣ вашего благородія столько милосердныхъ денежекъ на выкупъ моего благословенія для обуви ногъ, за что вашему благородію все воздастъ Богъ въ день страшнаго своего пришествія, а я, въ ожиданіи всей вашей ко мнѣ благоволеніи, остаюсь по гробъ жизни вашей роты рядовой солдатъ, Семеонъ Мамашкинъ».

Тѣмъ и кончилась страница «секрета», но я былъ такъ благоразуменъ, что, не смотря на подпись, заключающую письмо, перевернулъ листокъ и на слѣдующихъ его страницахъ нашелъ настоящій «секретъ». Пишетъ мнѣ далѣе господинъ Мамашкинъ нижеслѣдующее:

«А что у насъ отъ жидовъ по службѣ, черезъ ихъ паденіе начался обегдотъ и вашему благородію есть опасеніе,

что черезъ то можетъ послѣдовать портежъ по всей арміи, то я могу всѣ эти кляверзы уничтожить».

Прочелъ я еще это письмо, и, самъ не знаю почему, оно мнѣ показалось серьезнымъ.

Только не мало меня удивило, что я всѣхъ своихъ солдатъ отлично знаю и въ лицо и по имени, а этого Семеона Мамашкина будто не слыхивалъ и про какую онъ дамскую никсу писалъ тоже не помню. Но какъ разъ въ это время заходитъ ко мнѣ Полуфертъ и напоминаетъ мнѣ, что это тотъ самый солдатикъ, который, выполоскавъ на рѣкѣ свои бѣлые штаны, надѣлъ ихъ на плечи и, встрѣтясь съ становихою, сдѣлалъ ей реверансъ и сказалъ: «кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку». За это мы его въ успокоеніе штатскихъ властей посѣкли, а потомъ онъ, отъ какого-то другого случая, былъ боленъ и лежалъ въ лазаретѣ.

Впрочемъ, Полуфертъ рекомендовалъ мнѣ этого Мамашкина какъ человѣка крайне легкомысленнаго.

— Муа же ле коню бьенъ,—говорилъ Полуфертъ;— сетъ бетъ Мамашкинъ: онъ у меня въ взводѣ и, — ву саве, — иль мель боку, и все проситъ себѣ «хлѣба супротивъ человѣческаго положенія».

— Пришлите его, пожалуйста, ко мнѣ: я хочу его видѣть.

— Не совѣтую,—говоритъ Полуфертъ.

— А почему?

— Паръ се ке же ву ди — иль мель боку.

— Ну, «мель» не «мель», а я его хочу выслушать. И съ этимъ кликнулъ вѣстового и говорю:

— Слетай на одной ногѣ, братецъ, въ роту, позови ко мнѣ изъ второго взвода рядового Мамашкина.

А вѣстовой отвѣчаетъ:

— Онъ здѣсь, ваше благородіе.

— Гдѣ здѣсь?

— Въ сѣняхъ, при кухнѣ, дожидается.

— Кто же его звалъ?

— Не могу знать, ваше благородіе, самъ пришелъ, — говоритъ, будто извѣстился въ томъ, что скоро требовать будутъ.

— Ишь, говорю,—какой торопливый, времени даромъ не тратитъ.

— Точно такъ,—говоритъ,—онъ уже щенка вашего благородія чистымъ дегтемъ вымазалъ и съ золой отмылъ.

— Отлично, думаю, — я все забывалъ приказать этого щенка отмыть, а мосье Мамашкинъ самъ догадался, значитъ—практикъ, а не то что «иль мель боку», и я приказалъ Мамашкина сейчасъ же ввести.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Входитъ этакій солдатикъ чистенькій, лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ, съ маленькими усиками, блѣдноватъ немножко, какъ бываетъ послѣ долгой болѣзни, но каріе маленькіе глазки смотрятъ бойко и смѣтливо, а въ манерѣ не только нѣтъ никакой робости, а, напротивъ, даже нѣкоторая простодушная развязность.

— Ты, говорю,—Мамашкинъ, ѣсть очень сильно желаешь?

— Точно такъ, отвѣчаетъ,—очень сильно желаю.

— А все-таки не хорошо, что ты родительское благословеніе проѣлъ.

— Виноватъ, ваше благородіе, удержаться не могъ, потому даютъ, ваше благородіе, все одну булочку да несносный супъ.

— А все же, говорю,— отецъ тебя не похвалитъ.

Но онъ меня успокоилъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери.

— Тятеньки, говоритъ, — у меня совсѣмъ и въ заводѣ не было, а маменька померла, а сапоги прислалъ цѣловальникъ изъ орловскаго кабака, возлѣ котораго Мамашкинъ до своего рекрутства калачи продавалъ. Но сапоги были важнѣйшіе: на двойныхъ передахъ и съ поднарядомъ.

— А какой, говорю, — ты мнѣ хотѣлъ секретъ сказать объ обегдотѣ?

— Точно такъ, отвѣчаетъ, — а самъ на Полуферта смотритъ.

Я понялъ, что, по его мнѣнію, тутъ «лишнія бревна есть», и безъ церемоніи послалъ Полуферта исполнять какое-то порученьишко, а солдата спрашиваю:

- Теперь можешь объяснить?

- Теперь могу-съ, отвѣчаетъ: — евреи въ дѣйствительности не по природѣ падаютъ, а дѣлаютъ одинъ обегдотъ, чтобы службы обѣжать.

— Ну, это я и безъ тебя знаю, а ты какое средство противъ ихъ обегдота придумалъ?

— Всю ихъ хитрость, ваше благородіе, въ два мига разрушу.

— Небось, какъ-нибудь еще на иной манеръ ихъ бить выдумалъ?

— Боже сохрани, ваше благородіе! рѣшительно безъ всякаго бойла; даже безъ самой пустой подпечины.

То-то и есть, а то они уже и безъ тебя и въ хвостъ и въ голову избиты... Это противно.

— Точно такъ, ваше благородіе, — человѣчество надо помнить: я, разсмотрѣвъ ихъ, видѣлъ, что весь спинной календарь до того расписанъ, что открышку поднять невозможно. Я оттого и хочу ихъ сразу отъ всего страданья избавить.

Ну, если ты такой добрый и надѣешься ихъ безъ битья исправить, такъ говори, въ чемъ твой секретъ?

— Въ разсужденіи здраваго разсудка.

— Можетъ-быть, голодомъ ихъ морить хочешь?

Опять отрицается.

— Боже, говоритъ, — сохрани! пускай себѣ что̀ хотятъ ѣдятъ: хоть свой рыбный супъ, хоть даже говяжій мыштексъ,—что̀ имъ угодно.

— Такъ мнѣ, говорю, любопытно: чѣмъ же ты ихъ хочешь донять?

Проситъ этого не понуждать его открывать, потому что такъ уже онъ поладилъ сдѣлать все дѣло въ секретѣ. И клянется, и божится, что никакого обмана нѣтъ и ошибки быть не можетъ, что средство его вѣрное и безопасное. А чтобы я не безпокоился, то онъ кладетъ такой зарокъ, что если онъ нашу жидовскую кувыркаллегію уничтожитъ, то ему за это ничего, окромя трехъ гривенниковъ на выкупъ благословенныхъ сапоговъ не нужно, «а если повторится опять тотъ самый многократъ, что они упадутъ», то тогда ему, господину Мамашкину, занести въ спинной календарь двѣсти палокъ.

Пари, какъ видите, для меня было совсѣмъ безпроигрышное, а онъ кое-чѣмъ рисковалъ.

Я задумался и, какъ русскій человѣкъ, заподозрилъ, что землячокъ какою ни на есть хитростью хочетъ съ меня что-то сорвать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Посмотрѣлъ я на Мамашкина въ упоръ и спрашиваю:

— Что же тебѣ, можетъ-быть, расходъ какой-нибудь нуженъ?

— Точно такъ, говоритъ,—расходъ надо безпремѣнно.

— И большой?

— Очень, ваше благородіе, значительный.

— Ну, лукавь, думаю, лукавь, — откройся скорѣе, — на сколько ты замахнулся отца-командира объегорить.

— Хорошо, говорю, — я тебѣ дамъ сколько надо, и для вящшаго ему соблазна руку къ кошельку протягиваю, но онъ замѣтилъ мое движеніе и перебиваетъ:

— Не извольте, ваше благородіе, безпокоиться, на такую неткаль не надо ничего изъ казны брать, — мы сею статьею такъ раздобудемся. Мнѣ позвольте только двухъ товарищей—Петрова да Иванова съ собой взять.

— Воровства дѣлать не будете?

— Боже сохрани! займемъ что̀ надо, и какъ все справимъ, такъ въ исправности назадъ отдадимъ.

Убѣждаюсь, что человѣкъ этотъ не стремится съ меня сорвать, а хочетъ произвести свой полезный для меня и евреевъ опытъ собственными средствами, и снова чувствую къ нему довѣріе и, разрѣшивъ ему взять Петрова и Иванова, отпускаю съ обѣщаніемъ, если опытъ удастся, выкупить его благословенные сапоги.

А какъ все это было вечеру сунцу, то самъ я, мало годя, легъ спать и заснулъ скоро и прекрѣпко.

Да!—позабылъ вамъ сказать, что весьма важно для дѣла: Мамашкинъ, послѣ того, какъ я его отпустилъ, пожелавъ мнѣ «счастливо оставаться», выговорилъ, чтобы обработанные Фингершпилеромъ евреи были выпущены изъ-подъ запора на «вольность вольдуха», дабы у нихъ морды поотпухли. Я на это соблаговолилъ и даже еще посмѣялся: — откуда онъ беретъ такое краснорѣчіе, какъ «вольность вольдуха», а онъ мнѣ объяснилъ, что всѣ разныя такія хорошія слова онъ усвоилъ, продавая проѣзжимъ господамъ калачи.

— Ты, братъ, способный человѣкъ, — похвалилъ я его и легъ спать, по правдѣ сказать, ничего отъ него не ожидая.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Во снѣ мнѣ снился Полуфертъ, который все выпытывалъ, что̀ говорилъ мнѣ Мамашкинъ, и увѣрялъ, что̀ «иль мель боку», а потомъ звалъ меня «жуе о картъ император-

скаго воспитательнаго дома», а я его прогонялъ. Въ этомъ прошла у меня украинская ночь; и чуть надъ Бѣлою Церковью начала алѣть слабая предразсвѣтная заря, я проснулся отъ тихаго зова, который несся ко мнѣ въ открытое окно спальни.

Это будилъ меня Мамашкинъ.

Слышу, что въ окно точно любовный шопотъ вѣетъ:

— Вставайте, ваше благородіе,—все готово.

— Что же надо сдѣлать?

— Пожалуйте на ученье, гдѣ всегда собираемся.

А собирались мы на рѣкѣ Роси, за мѣстечкомъ, въ превосходномъ расположеніи. Тутъ и лѣсокъ, и рѣка, и просторный выгонъ.

Было это немножко рано, но я всталъ и пошелъ посмотрѣть, что мой Мамашкинъ тамъ устроилъ.

Прихожу и вижу, что черезъ всю рѣку протянута веревка, а на ней держатся двѣ лодки, а на лодкахъ положена кладка въ одну доску. А третья лодка впереди въ лозѣ спрятана.

— Что же это за флотилія? спрашиваю.

— А это, говоритъ, — ваше благородіе, «спасть». Какъ ваше благородіе скомандуете ружья зарядить на берегу, такъ сейчасъ добавьте имъ команду: «палѣво кругомъ», и чтобы фаршированнымъ маршемъ на кладку, а мнѣ впереди: а какъ жиды за мною взойдутъ, такъ—«оборотъ лицомъ къ рѣкѣ», а сами сядьте въ лодку, посередь рѣки къ намъ визавидомъ станьте и дайте команду: «пли». Они выстрѣлятъ и ни за что не упадутъ.

Посмотрѣлъ я на него и говорю:

— Да ты, пожалуй, три гривенника стоишь.

И какъ люди пришли на ученье,—я все такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ Мамашкинъ, и... представьте себѣ — жидъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ ни одинъ не упалъ! Выстрѣлили и стоятъ на досточкѣ, какъ журавлики.

Я говорю:—что же вы не падаете?

А они отвѣчаютъ:—«мозе, ту глибоко».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Мы не вытерпѣли и спросили полковника:

— Неужто тѣмъ и кончилось?

— Никогда больше не падали,—отвѣчалъ Стадниковъ:—

и все какъ рукой сняло. Сейчасъ же, по всѣмъ трактамъ къ Василькову, Сквирѣ и Звенигородкѣ, всѣ, во единомъ образѣ, видѣли, какъ проѣзжалъ верхомъ какой-то «жидъ каштановатый, конь сивый, бородатый», — и кувыркаллегія повсемѣстно сразу кончилась. Да и нельзя иначе: вѣдь евреи же люди очень умные: какъ они увидѣли, что ни шибкомъ да рывкомъ, а настоящимъ умомъ за нихъ взялись,—они и полно баловаться. Даже благодарили, что, говорятъ, «теперь наши видятъ, что намъ нельзя было не служить». Вѣдь они больше своихъ боятся. А вскорѣ и «Рвотъ» пріѣхалъ, и оралъ, оралъ: «заппаррю... заккаттаю!» а ужъ къ чему это относилось, того, чай, онъ и самъ не зналъ, а за жидовъ мы отъ него даже получили отеческое «благгодарррю!», которое и старались употребить на улучшеніе солдатскаго приварка, — только не очень наварно выходило.

— Ну, а что же за все это было Мамашкину?

— Я ему выдалъ три гривенника на благословенные сапоги и четвертый гривенникъ прибавилъ за сборъ этой снасти его собственными средствами. Онъ вѣдь все это у жидовъ же и позаимствовалъ: и лодки, и доски, и веревки— надо было потомъ все это честно возвратить собственникамъ, чтобы никто не обижался. Но этотъ гривенникъ все и испортилъ:—не умѣли дурачки раздѣлить десять на три безъ остатка и все у жида въ шинкѣ пропили.

— А благословенные сапоги?

— Вѣроятно, такъ и пропали. Ну, да вѣдь когда дѣло государственныхъ вопросовъ касается, тогда частные интересы не важны

ДУХЪ ГОСПОЖИ ЖАНЛИСЪ.

СПИРИТИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ.

«Духа иногда гораздо легче вызвать, чѣмъ отъ него избавиться».

А. Б. Калметъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Странное приключеніе, которое я намѣренъ разсказать, имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и теперь оно можетъ быть свободно разсказано, тѣмъ болѣе, что я выговариваю себѣ право не называть при этомъ ни одного собственнаго имени.

Зимою, 186** года, въ Петербургъ прибыло на жительство одно очень зажиточное и именитое семейство, состоявшее изъ трехъ лицъ: матери, пожилой дамы, княгини, слывшей женщиною тонкаго образованія и имѣвшей наилучшія свѣтскія связи въ Россіи и за границею; сына ея, молодого человѣка, начавшаго въ этотъ годъ служебную карьеру по дипломатическому корпусу, и дочери, молодой княжны, которой едва пошелъ семнадцатый годъ.

Новоприбывшее семейство до сей поры обыкновенно проживало за границею, гдѣ покойный мужъ старой княгини занималъ мѣсто представителя Россіи при одномъ изъ второстепенныхъ европейскихъ дворовъ. Молодой князь и княжна родились и выросли въ чужихъ краяхъ, получивъ тамъ вполнѣ иностранное, но очень тщательное образованіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Княгиня была женщина весьма строгихъ правилъ и заслуженно пользовалась въ обществѣ самой безукоризненной репутаціей. Въ своихъ мнѣніяхъ и вкусахъ она придерживалась взглядовъ прославленныхъ умомъ и талантами французскихъ женщинъ временъ процвѣтанія женскаго ума и талантовъ во Франціи. Княгиню считали очень начитанною и и говорили, что она читаетъ съ величайшимъ разборомъ. Самое любимое ея чтеніе составляли письма г-жи Савиньи, Лафаетъ и Ментенонъ, а также Коклюсъ и Данго Куланжъ, но всѣхъ больше она уважала г-жу Жанлисъ, къ которой она чувствовала слабость, доходившую до обожанія. Маленькіе томики прекрасно сдѣланнаго въ Парижѣ изданія этой умной писательницы, скромно и изящно переплетенные въ голубой сафьянъ, всегда помѣщались на красивой стѣнной этажеркѣ, висѣвшей надъ большимъ кресломъ, которое было любимымъ мѣстомъ княгини. Надъ перламутровой инкрустаціей, завершавшей самую этажерку, свѣшиваясь съ темной бархатной подушки, покоилась превосходно сформированная изъ terra-cota миніатюрная ручка, которую цѣловалъ въ своемъ Фернеѣ Вольтеръ, не ожидавшій, что она уронитъ на него первую каплю тонкой, но ѣдкой критики. Какъ часто перечитывала княгиня томики, начертанные этой маленькой ручкой, я не знаю, но они всегда были у нея подъ рукой и княгиня говорила, что они имѣютъ для нея особенное, такъ сказать, таинственное значеніе, о которомъ она не всякому рѣшилась бы разсказывать, потому что этому не всякій можетъ повѣрить. По ея словамъ, выходило, что она не разстается съ этими волюмами «съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ», и что они лягутъ съ нею въ могилу.

— Мой сынъ,— говорила она: — имѣетъ отъ меня порученіе положить книжечки со мной въ гробъ, подъ мою гробовую подушку, и я увѣрена, что онѣ пригодятся мнѣ даже послѣ смерти.

Я осторожно пожелалъ получить хотя бы самыя отдаленныя объясненія по поводу послѣднихъ словъ, — и получилъ ихъ.

— Эти маленькія книги, — говорила княгиня: — наполнены *духомъ* Фелиситы (такъ она называла m-me Genlis, вѣроятно, въ знакъ короткаго съ нею общенія). Да, свято вѣря

въ безсмертіе духа человѣческаго, я также вѣрю и въ его способность свободно сноситься изъ-за гроба съ тѣми, кому такое сношеніе нужно и кто умѣетъ это цѣнить. Я увѣрена, что тонкій флюидъ Фелиситы избралъ себѣ пріятное мѣстечко подъ счастливымъ сафьяномъ, обнимающимъ листки, на которыхъ опочили ея мысли, и если вы не совсѣмъ невѣрующій, то я надѣюсь, что вамъ это должно быть понятно.

Я молча поклонился. Княгинѣ, повидимому, понравилось, что я ей не возражалъ, и она въ награду мнѣ прибавила, что все, ею мнѣ сейчасъ сказанное, есть не только вѣра, но настоящее и полное *убѣжденіе*, которое имѣетъ такое твердое основаніе, что его не могутъ поколебать никакія силы.

— И это именно потому,—заключила она: -что я имѣю множество доказательствъ, что духъ Фелиситы живетъ, и живетъ именно здѣсь!

При послѣднемъ словѣ княгиня подняла надъ головою руку и указала изящнымъ пальцемъ на этажерку, гдѣ стояли голубые волюмы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я отъ природы немножко суевѣренъ и всегда съ удовольствіемъ слушаю разсказы, въ которыхъ есть хотя какое-нибудь мѣсто таинственному. За это, кажется, прозорливая критика, зачислявшая меня по разнымъ дурнымъ категоріямъ, одно время говорила, будто я спиритъ.

Притомъ же, къ слову сказать, все, о чемъ мы теперь говоримъ, происходило какъ разъ въ такое время, когда изъ-за границы къ намъ приходили въ изобиліи вѣсти о спиритическихъ явленіяхъ. Они тогда возбуждали любопытство, и я не видалъ причины не интересоваться тѣмъ, во что начинаютъ вѣрить люди.

«Множество доказательствъ», о которыхъ упоминала княгиня, можно было слышать отъ нея множество разъ: доказательства эти заключались въ томъ, что княгиня издавна образовала привычку въ минуты самыхъ разнообразныхъ душевныхъ настроеній — обращаться съ сочиненіямъ г-жи Жанлисъ, какъ къ оракулу, а голубые волюмы, въ свою очередь, обнаруживали неизмѣнную способность разумно отвѣчать на ея мысленные вопросы.

Это, по словамъ княгини, вошло въ ея «абитюды», которымъ она никогда не измѣняла, и «духъ», обитающій въ книгахъ, ни разу не сказалъ ей ничего неподходящаго.

Я видѣлъ, что имѣю дѣло съ очень убѣжденной послѣдовательницей спиритизма, которая притомъ не обдѣлена умомъ, опытностью и образованіемъ, и потому чрезвычайно всѣмъ этимъ заинтересовался.

Мнѣ было уже извѣстно кое-что изъ природы духовъ, и въ томъ, чему мнѣ доводилось быть свидѣтелемъ, меня всегда поражала одна общая всѣмъ духамъ странность, что они, являясь изъ-за гроба, ведутъ себя гораздо легкомысленнѣе и, откровенно сказать, глупѣе, чѣмъ проявляли себя въ земной жизни.

Я уже зналъ теорію Кардека о «шаловливыхъ духахъ» и теперь крайне интересовался: какъ удостоитъ себя показать при мнѣ духъ остроумной маркизы Сюльери, графин Брюсляръ?

Случай къ тому не замедлилъ, но какъ и въ короткомъ разсказѣ, такъ же какъ въ маленькомъ хозяйствѣ, не нужно портить порядка, то я прошу еще минуту терпѣнія, прежде чѣмъ довести дѣло до сверхъестественнаго момента, способнаго превзойти всяческія ожиданія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Люди, составлявшіе небольшой, но очень избранный кругъ княгини, вѣроятно, знали ея причуды; но какъ все это были люди воспитанные и учтивые, то они умѣли уважать чужія вѣрованія даже въ томъ случаѣ, если эти вѣрованія рѣзко расходились съ ихъ собственными и не выдерживали критики. А потому никто и никогда съ княгиней объ этомъ не спорилъ. Впрочемъ, можетъ быть и то, что друзья княгини не были увѣрены въ томъ, что она считаетъ свои голубые волюмы обиталищемъ «духа» ихъ автора въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ, а принимали эти слова какъ риторическую фигуру. Наконецъ, можетъ быть и еще проще, т. е. что они принимали все это за шутку.

Одинъ, кто не могъ смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, къ сожалѣнію, былъ я; и я имѣлъ къ тому свои основанія, причины которыхъ, можетъ-быть, кроются въ легковѣріи и впечатлительности моей натуры.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вниманію этой великосвѣтской дамы, которая открыла мнѣ двери своего уважаемаго дома, я былъ обязанъ тремъ причинамъ: во-первыхъ, ей почему-то нравился мой разсказъ: «Запечатлѣнный Ангелъ», незадолго передъ тѣмъ напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; во-вторыхъ, ее заинтересовало ожесточенное гоненіе, которому я ряды лѣтъ, безъ числа и мѣры, подвергался отъ моихъ добрыхъ литературныхъ собратій, желавшихъ, конечно, поправить мои недоразумѣнія и ошибки, и, въ-третьихъ, княгинѣ меня хорошо рекомендовалъ въ Парижѣ русскій іезуитъ,—очень добрый князь Гагаринъ старикъ, съ которымъ мы находили удовольствіе много бесѣдовать и который составилъ себѣ обо мнѣ не наихудшее мнѣніе.

Послѣднее было особенно важно, потому, что княгинѣ было дѣло до моего образа мыслей и настроенія; она имѣла, или, по крайней мѣрѣ, ей казалось, будто она можетъ имѣть надобность въ небольшихъ съ моей стороны услугахъ. Какъ это ни странно для человѣка такого скромнаго значенія, какъ я, это было такъ. Надобность эту княгинѣ сочинила ея материнская заботливость о дочери, которая совсѣмъ почти не знала по-русски... Привозя прелестную дѣвушку на родину, мать хотѣла найти человѣка, который могъ бы сколько-нибудь ознакомить княжну съ русскою литературою,—разумѣется, исключительно *хорошею*, т. е. настоящею, а не зараженною «злобою дня».

О послѣдней княгиня имѣла представленія самыя смутныя и притомъ до крайности преувеличенныя. Довольно трудно было понять, чего именно она боялась со стороны современныхъ титановъ русской мысли,—ихъ ли силы и отваги, или ихъ слабости и жалкаго самомнѣнія; но улавливая кое-какъ, съ помощью наведенія и догадокъ «головки и хвостики» собственныхъ мыслей княгини, я пришелъ къ безошибочному, на мой взглядъ, убѣжденію, что она всего опредѣлительнѣе боялась, «нецѣломудренныхъ намековъ», которыми, по ея понятіямъ, была въ конецъ испорчена вся наша нескромная литература.

Разувѣрять въ этомъ княгиню было безполезно, такъ какъ она была въ томъ возрастѣ, когда мнѣнія уже сложились прочно, и очень рѣдко кто способенъ подвергать

ихъ новому пересмотру и повѣркѣ. Она, несомнѣнно, была не изъ этихъ, и, чтобы ее переувѣрить въ томъ, во что она увѣровала, недостаточно было слова обыкновеннаго человѣка, а это могло быть по силамъ развѣ духу, который счелъ бы нужнымъ придти съ этою цѣлью изъ ада или изъ рая. Но могутъ ли подобныя мелкія заботы занимать безплотныхъ духовъ безвѣстнаго міра; не мелки ли для нихъ всѣ, подобные настоящему, споры и заботы о литературѣ, которую и несравненно большая доля живыхъ людей считаетъ пустымъ занятіемъ пустыхъ головъ?

Обстоятельства, однако, скоро показали, что, разсуждая такимъ образомъ, я очень грубо заблуждался. Привычка къ литературнымъ прегрѣшеніямъ, какъ мы скоро увидимъ, не оставляетъ литературныхъ духовъ и за гробомъ, а читателю будетъ предстоять задача рѣшить: въ какой мѣрѣ эти духи дѣйствуютъ успѣшно и остаются вѣрны своему литературному прошлому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Благодаря тому, что княгиня имѣла на все строго сформированные взгляды, моя задача помочь ей въ выборѣ литературныхъ произведеній для молодой княжны, была очень опредѣлительна. Надо было, чтобы княжна могла изъ этого чтенія узнавать русскую жизнь и притомъ не встрѣтить ничего, что̀ могло бы смутить дѣвственный слухъ. Материнскою цензурой княгини цѣликомъ не допускался ни одинъ авторъ, ни даже Державинъ и Жуковскій. Всѣ они ей представлялись не вполнѣ надежными. О Гоголѣ, разумѣется, нечего было и говорить, — онъ цѣликомъ изгонялся. Изъ Пушкина допускались: «Капитанская дочка» и «Евгеній Онѣгинъ», но послѣдній съ значительными урѣзками, которыя собственноручно отмѣчала княгиня. Лермонтовъ не допускался, какъ и Гоголь. Изъ новѣйшихъ одобрялся несомнѣнно одинъ Тургеневъ, но и то кромѣ тѣхъ мѣстъ, «гдѣ говорятъ о любви», а Гончаровъ былъ изгнанъ, и хотя я за него довольно смѣло заступался, но это не помогло, княгиня отвѣчала:

— Я знаю, что онъ большой художникъ, но это тѣмъ хуже,—вы должны признать, что у него есть разжигающіе предметы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я во что бы то ни стало хотѣлъ знать: что̀ такое именно разумѣетъ княгиня подъ *разжигающими предметами*, которые она нашла въ сочиненіяхъ Гончарова. Чѣмъ онъ могъ, при его мягкости отношеній къ людямъ и обуревающимъ ихъ страстямъ, оскорбить чье бы то ни было чувство?

Это было до такой степени любопытно, что я напустилъ на себя смѣлость и прямо спросилъ, какіе у Гончарова есть разжигающіе предметы?

На этотъ откровенный вопросъ я получилъ откровенный же, острымъ шопотомъ произнесенный, односложный отвѣтъ: «локти».

Мнѣ показалось, что я не вслушался или не понялъ.

— Локти, локти,—повторила княгиня и, видя мое недоразумѣніе, какъ будто разсердилась. — Неужто вы не помните... какъ его этотъ... герой гдѣ-то... тамъ засматривается на голые локти своей... очень простой какой-то дамы?

Теперь я, конечно, вспомнилъ извѣстный эпизодъ изъ *«Обломова»* и не нашелъ отвѣтить ни слова. Мнѣ собственно тѣмъ удобнѣе было молчать, что я не имѣлъ ни нужды, ни охоты спорить съ недоступною для переубѣжденій княгинею, которую я, по правдѣ сказать, давно гораздо усерднѣе наблюдалъ, чѣмъ старался служить ей моими указаніями и совѣтами. И какія указанія я могъ ей сдѣлать послѣ того, какъ она считала возмутительнымъ неприличіемъ «локти», а вся новѣйшая литература шагнула въ этихъ откровеніяхъ несравненно далѣе?

Какую надо было имѣть смѣлость, чтобы, зная все это, назвать хотя одно новѣйшее произведеніе, въ которыхъ покровы красоты приподняты гораздо рѣшительнѣе!

Я чувствовалъ, что, при такомъ раскрытіи обстоятельствъ, моя роль совѣтчика должна быть кончена — и рѣшился не совѣтовать, а противорѣчить.

— Княгиня,—сказалъ я:— мнѣ кажется, что вы несправедливы: въ нашихъ требованіяхъ къ художественной литературѣ есть преувеличеніе.

Я изложилъ ей все, что, по моему мнѣнію, относилось къ дѣлу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Увлекаясь, я произнесъ не только цѣлую критику надъ ложнымъ пуризмомъ, но и привелъ извѣстный анекдотъ о французской дамѣ, которая не могла ни написать, ни выговорить слова «calotte», но зато, когда ей, однажды, неизбѣжно пришлось выговорить это слово при королевѣ, она запнулась и тѣмъ заставила всѣхъ расхохотаться. Но я никакъ не могъ вспомнить: у кого изъ французскихъ писателей мнѣ пришлось читать объ ужасномъ придворномъ скандалѣ, котораго совсѣмъ бы не произошло, если бы дама выговорила слово «calotte» такъ же просто, какъ выговаривала его своими августѣйшими губками сама королева.

Цѣль моя была показать, что излишняя щепетильность можетъ служить во вредъ скромности, и что поэтому черезчуръ строгій выборъ чтенія едва ли нуженъ.

Княгиня, къ немалому моему изумленію, выслушала меня, не обнаруживая ни малѣйшаго неудовольствія, и, не покидая своего мѣста, подняла надъ головою свою руку и взяла одинъ изъ голубыхъ волюмовъ.

— У васъ, — сказала она: — есть доводы, а у меня есть оракулъ.

— Я, говорю, — интересуюсь его слышать.

— Это не замедлитъ: я призываю духъ Genlis, и онъ будетъ отвѣчать вамъ. Откройте книгу и прочтите.

— Потрудитесь указать, гдѣ я долженъ читать? — спросилъ я, принимая волюмчикъ.

— Указать? Это не мое дѣло: духъ самъ вамъ укажетъ. Раскройте, гдѣ попало.

Мнѣ это становилось немножко смѣшно, и даже какъ будто стыдно за мою собесѣдницу; однако, я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, и только-что окинулъ глазомъ первый періодъ раскрывшейся страницы, какъ почувствовалъ досадительное удивленіе.

— Вы смущены? — спросила княгиня.

— Да.

— Да; это бывало со многими. Я прошу васъ читать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Чтеніе — занятіе слишкомъ серьезное и слишкомъ важное по своимъ послѣдствіямъ, чтобы при выборѣ его не ру-

ководить вкусами молодыхъ людей. Есть чтеніе, которое нравится юности, но оно дѣлаетъ ихъ безпечными и предрасполагаетъ къ вѣтренности, послѣ чего трудно исправить характеръ. Все это я испытала на опытѣ». Вотъ что прочелъ я, и остановился.

Княгиня съ тихой улыбкой развела руками и, деликатно торжествуя надо мною свою побѣду, проговорила:

— По-латыни это, кажется, называется dixi?

— Совершенно вѣрно.

Съ тѣхъ поръ мы не спорили, но княгиня не могла отказать себѣ въ удовольствіи поговорить иногда при мнѣ о невоспитанности русскихъ писателей, которыхъ, по ея мнѣнію, «никакъ нельзя читать вслухъ безъ предварительнаго пересмотра».

О «духѣ» Genlis я, разумѣется, серьезно не думалъ. Мало ли что говорится въ этомъ родѣ.

Но «духъ», дѣйствительно, жилъ и былъ въ дѣйствіи, и, вдобавокъ, представьте, что онъ былъ на нашей сторонѣ, т. е. на сторонѣ литературы. Литературная природа взяла въ немъ верхъ надъ сухимъ резонерствомъ, и, неуязвимый со стороны приличія «духъ» г-жи Жанлисъ, заговоривъ du fond de coeur, отололъ (да, именно отололъ) въ строгомъ салонѣ такую школярскую штуку, что послѣдствія этого были исполнены глубокой трагикомедіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У княгини разъ въ недѣлю собирались вечеромъ къ чаю «три друга». Это были достойные люди, съ отличнымъ положеніемъ. Два изъ нихъ были сенаторы, а третій—дипломатъ. Въ карты, разумѣется, не играли, а бесѣдовали.

Говорили, обыкновенно, старшіе, т. е. княгиня и «три друга», а я, молодой князь и княжна очень рѣдко вставляли свое слово. Мы болѣе поучались, и, къ чести нашихъ старшихъ, надо сказать, что у нихъ было чему поучиться,—особенно у дипломата, который удивлялъ насъ своими тонкими замѣчаніями.

Я пользовался его расположеніемъ, хотя не знаю за что. Въ сущности, я обязанъ думать, что онъ считалъ меня не лучше другихъ, а въ его глазахъ «литераторы» были всѣ «одного корня». Шутя онъ говорилъ: «и лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя».

Это-то самое мнѣніе и послужило поводомъ къ наступающему ужасному случаю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Будучи стоически вѣрна своимъ друзьямъ, княгиня не хотѣла, чтобы такое общее опредѣленіе распространялось и на г-жу Жанлисъ и на «женскую плеяду», которую эта писательница держала подъ своей защитою. И вотъ, когда мы собрались у этой почтенной особы встрѣчать тихо новый годъ, незадолго до часа полночи, у насъ зашелъ обычный разговоръ, въ которомъ опять упомянуто было имя г-жи Жанлисъ, а дипломатъ припомнилъ свое замѣчаніе, что «и лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя».

— Правила безъ исключенія не бываетъ,—сказала княгиня.

Дипломатъ догадался — *кто* долженъ быть исключеніемъ, и промолчалъ.

Княгиня не вытерпѣла и, взглянувъ по направленію къ портрету Жанлисъ, сказала:

— Какая же она змѣя:

Но искушенный жизнью дипломатъ стоялъ на своемъ: онъ тихо помовалъ пальцемъ и тихо же улыбался,—онъ не вѣрилъ ни плоти, ни духу.

Для рѣшенія несогласія, очевидно, нужны были доказательства, и тутъ-то способъ обращенія къ духу вышелъ кстати.

Маленькое общество было прекрасно настроено для подобныхъ опытовъ, а хозяйка сначала напомнила о томъ, что мы знаемъ насчетъ ея вѣрованій, а потомъ и предложила опытъ.

— Я отвѣчаю,—сказала она:—что самый придирчивый человѣкъ не найдетъ у Жанлисъ ничего такого, чего бы не могла прочесть вслухъ самая невинная дѣвушка, и мы это сейчасъ попробуемъ.

Она опять, какъ въ первый разъ, закинула руку къ помѣщавшейся также надъ ея этаблисманомъ этажеркѣ, взяла безъ выбора волюмъ,—и обратилась къ дочери:

Мое дитя! раскрой и прочти намъ страницу.

Княжна повиновалась.

Мы всѣ изображали собою серьезное ожиданіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Если писатель начинаетъ обрисовывать внѣшность выведенныхъ имъ лицъ въ концѣ своего разсказа, то онъ до-

стоинъ порицанія: но я писалъ эту бездѣлку такъ, чтобы въ ней никто не былъ узнанъ. Поэтому я не ставилъ никакихъ именъ и не давалъ никакихъ портретовъ. Портретъ же княжны и превышалъ бы мои силы, такъ какъ она была вполнѣ, что называется, «ангелъ во плоти». Что же касается всесовершенной ея чистоты и невинности, — она была такова, что ей можно было даже довѣрить рѣшить неодолимой трудности богословскій вопросъ, который вели у Гейне «Bernardiner und Rabiner». За эту, непричастную ни къ какому грѣху душу, конечно, должно было говорить нѣчто, стоящее превыше міра и страстей. И княжна, съ этою именно невинностью, прелестно грасируя, прочитала интересныя воспоминанія Genlis о старости madame Dudeffand, когда она «слаба глазами стала». Запись говорила о толстомъ Джиббонѣ, котораго французской писательницѣ рекомендовали какъ знаменитаго автора. Жанлисъ, какъ извѣстно, скоро его разгадала и ѣдко осмѣяла французовъ, увлеченныхъ дутой репутаціей этого иностранца.

Далѣе я привожу по извѣстному переводу съ французскаго подлинника, который читала княжна, способная рѣшить споръ между «Bernardiner und Rabiner»:

«Джиббонъ малъ ростомъ, чрезвычайно толстъ и у него преудивительное лицо. На этомъ лицѣ невозможно различить ни одной черты. Ни носа, ни глазъ, ни рта совсѣмъ не видно: двѣ жирныя, толстыя щеки, похожія чортъ знаетъ на что, поглощаютъ все... Онѣ такъ надулись, что совсѣмъ отошли отъ всякой соразмѣрности, которая была бы маломальски прилична для самыхъ большихъ щекъ: каждый, увидавъ ихъ, долженъ былъ бы удивляться: зачѣмъ это мѣсто помѣщено не на своемъ мѣстѣ. Я бы характеризовала лицо Джиббона однимъ словомъ, если бы только возможно было сказать такое слово. Лозенъ, который былъ очень коротокъ съ Джиббономъ, привелъ его однажды къ Dudeffand. M-me Dudeffand тогда уже была слѣпа и имѣла обыкновеніе ощупывать руками лица вновь представляемыхъ ей замѣчательныхъ людей. Такимъ образомъ она усвояла себѣ довольно вѣрное понятіе о чертахъ новаго знакомца. Къ Джиббону она приложила тотъ же осязательный способъ, и это было ужасно. Англичанинъ подошелъ къ креслу и особенно добродушно подставилъ ей свое удивительное лицо. M-me Dudeffand приблизила къ нему свои руки и повела

пальцами по этому шаровидному лицу. Она старательно искала на чемъ бы остановиться, но это было невозможно. Тогда лицо слѣпой дамы сначала выразило изумленіе, потомъ гнѣвъ, и, наконецъ, она, быстро отдернувъ съ гадливостью свои руки, вскричала: «какая гадкая шутка!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Здѣсь былъ конецъ и чтенію, и бесѣдѣ друзей, и ожидаемой встрѣчѣ наступающаго года, потому что, когда молодая княжна, закрывъ книгу, спросила: — что такое показалось m-me Dudeffand? то лицо княгини было столь страшно, что дѣвушка вскрикнула, закрыла руками глаза и опрометью бросилась въ другую комнату, откуда сейчасъ же послышался ея плачъ, похожій на истерику.

Братъ побѣжалъ къ сестрѣ, и въ ту же минуту широкимъ шагомъ поспѣшила туда княгиня.

Присутствіе постороннихъ людей было теперь некстати, и потому всѣ «три друга» и я сію же минуту потихоньку убрались, а приготовленная для встрѣчи новаго года бутылка вдовы Клико осталась завернутою въ салфетку, но не раскупоренною.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Чувства, съ которыми мы расходились, были томительны, но не дѣлали чести нашимъ сердцамъ, ибо, содержа на лицахъ усиленную серьезность, мы едва могли хранить разрывавшій насъ смѣхъ, и не въ мѣру старательно наклонялись, отыскивая свои калоши, что было необходимо, такъ какъ прислуга тоже разбѣжалась, по случаю тревоги, поднятой внезапной болѣзнью барышни.

Сенаторы сѣли въ свои экипажи, а дипломатъ прошелся со мною пѣшкомъ. Онъ хотѣлъ освѣжиться и, кажется, интересовался узнать мое незначущее мнѣніе о томъ, что̀ могло представиться мысленнымъ очамъ молодой княжны, послѣ прочтенія извѣстнаго намъ мѣста изъ сочиненій m-me Жанлисъ?

Но я рѣшительно не смѣлъ дѣлать объ этомъ никакихъ предположеній.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ несчастнаго дня, когда случилось это происшествіе, я не видалъ болѣе ни княгини, ни ея дочери. Я не могъ рѣ-

шиться идти поздравить ее съ новымъ годомъ, а только послалъ узнать о здоровьѣ молодой княжны, но и то съ большою нерѣшительностью, чтобъ не приняли этого въ другую сторону. Визиты же «кондолеансы» мнѣ казались совершенно неумѣстными. Положеніе было преглупое: вдругъ перестать посѣщать знакомый домъ выходило грубостью, а явиться туда—тоже казалось некстати.

Можетъ быть я былъ и неправъ въ своихъ заключеніяхъ, но мнѣ они казались вѣрными: и я не ошибся: ударъ, который перенесла княгиня подъ новый годъ отъ «духа» г-жи Жанлисъ, былъ очень тяжелъ и имѣлъ серьезныя послѣдствія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Около мѣсяца спустя, я встрѣтился на Невскомъ съ дипломатомъ: онъ былъ очень привѣтливъ, и мы разговорились.

— Давно не видалъ васъ,—сказалъ онъ.

Негдѣ встрѣчаться,—отвѣчалъ я.

— Да, мы потеряли милый домъ почтенной княгини: она, бѣдняжка, должна была уѣхать.

— Какъ, говорю,—уѣхать... Куда?

— Будто вы не знаете?

— Ничего не знаю.

— Они всѣ уѣхали за границу, и я очень счастливъ, что могъ устроить тамъ ея сына. Этого нельзя было не сдѣлать послѣ того, что тогда случилось... Какой ужасъ! Несчастная, вы знаете, она въ ту же ночь сожгла всѣ свои волюмы и разбила вдребезги терракотовую ручку, отъ которой, впрочемъ, кажется, уцѣлѣлъ на память одинъ пальчикъ, или, лучше сказать, пишъ. Вообще пренепріятное происшествіе, но зато оно служитъ прекраснымъ доказательствомъ одной великой истины.

— По-моему: даже двухъ и трехъ.

Дипломатъ улыбнулся и, смотря мнѣ въ упоръ, спросилъ:

— Какихъ-съ?

— Во-первыхъ, это доказываетъ, что книги, о которыхъ мы рѣшаемся говорить, нужно прежде прочесть.

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ,—что неблагоразумно держать дѣвушку

въ такомъ дѣтскомъ невѣдѣніи, въ какомъ была до этого случая молодая княжна: иначе она, конечно, гораздо раньше бы остановилась читать о Джиббонѣ.

— И въ-третьихъ?

Въ-третьихъ, что на духовъ такъ же нельзя полагаться, какъ и на живыхъ людей.

— И все не то: духъ подтверждаетъ одно мое мнѣніе, что «и лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя» и притомъ, чѣмъ змѣя лучше, тѣмъ она опаснѣе, потому что держитъ свой ядъ въ хвостѣ.

Если бы у насъ была сатира, то это для нея превосходный сюжетъ.

Къ сожалѣнію, не обладая никакими сатирическими способностями, я могу передать это только въ простой формѣ разсказа.

Оглавленіе

XVIII ТОМА.

стр.

Святочные разсказы:

Предисловіе 5
Жемчужное ожерелье 6
Неразмѣнный рубль 22
Звѣрь 31
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній) 51
Отборное зерно. (Краткая трилогія въ просонкѣ) 65
Обманъ 91
Штопальщикъ 124
Жидовская кувырколлегія 140
Духъ госпожи Жанлисъ. (Спиритическій случай) 169

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

Переплетная „НИВЫ", СПБ.